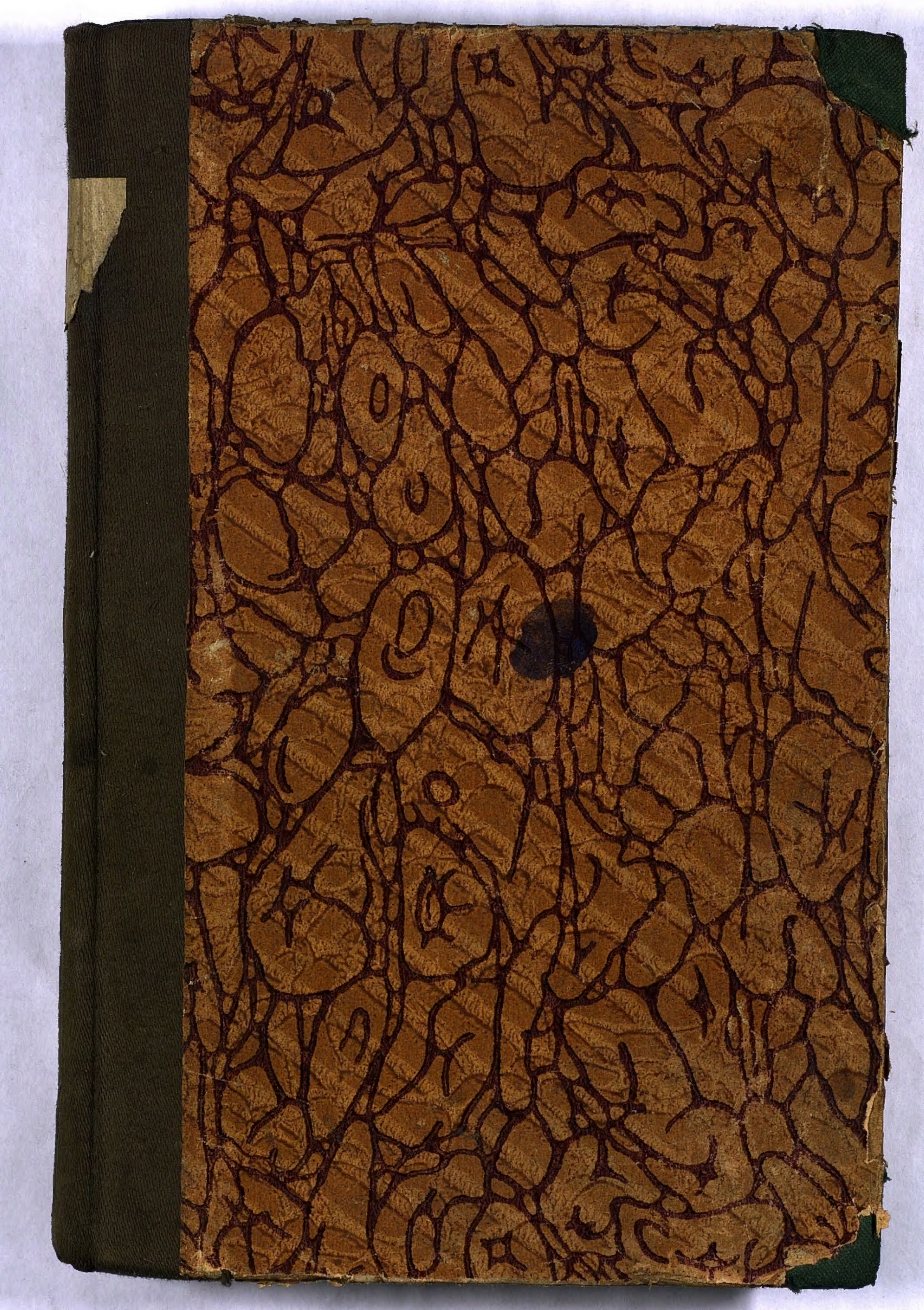
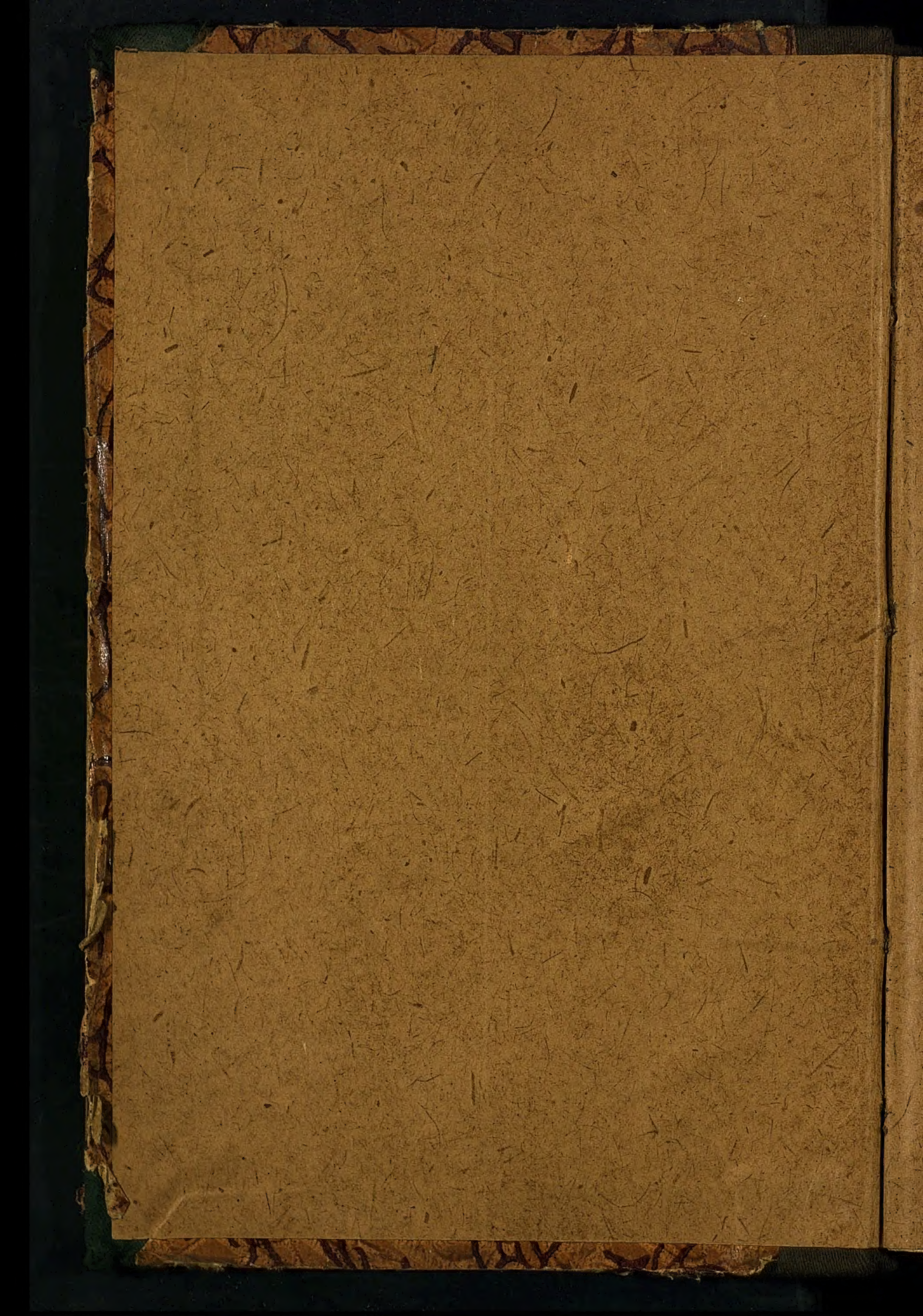

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

АВГУСТЪ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, № 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ВОСЬМАЯ. — АВГУСТЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ ч. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Съ К. К. Арсеньевымъ—сношенія письменно по адресу: Царское Село. Церковная улица, д. Сутугиной.

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

ТАЙНЫ.

Дверь кабинета, массивная, темная, подъ выступающимъ карнизомъ со спущенной тяжелой портьерой—царитъ надъ пріемной, какъ символъ тайны. Остальныя двѣ двери не имѣютъ въ себѣ ничего таинственнаго.

Въ пріемной одинъ Гурзовичъ; сидитъ у круглаго стола съ разложенными на немъ въ утреннемъ порядкѣ газетами, иллюстраціями, пестрыми обложками иностранной печати.

Помощникъ въ сюртукѣ и бѣло-мраморномъ воротничкѣ; рядомъ на стулѣ портфель и котелокъ. Яковъ Львовичъ три раза уже перемѣнилъ мѣсто, и часы въ пятый разъ вылетѣли изъ его жилета.

«Двѣнадцать минутъ! уже опаздываемъ на двѣнадцать минутъ!» сообщилъ нѣмому визави его дрогнувшій шепотъ.

Въ ушахъ растетъ гулъ отъ напряженнаго усилія уловить «тамъ» какой-нибудь звукъ. Не можетъ прекратить упреки себѣ за то, что не явился сюда, безъ всякаго основанія, на полчасв раньше срока...

Вѣдь ему это ровно ничего не стоило! Московская «старуха» не была бы допущена въ кабинетъ Муратова за полчаса до засѣданія палаты!

Въ эту минуту не существуетъ сомнѣнія въ авторитетѣ его мудраго благоразумія надъ опасной самонадѣянностью знаменитаго патрона. Слишкомъ знаетъ онъ, какъ волнуетъ Бурanчевское дѣло Илью Егоровича! и какъ это плохо, когда Илья Егоровичъ преждевременно переволнуется!

Въ холодноватой пріемной его кидаетъ въ жаръ. Волноваться... да! Это неизбѣжное условіе профессіи. И даже можно сказать, что для сотканной изъ однихъ нервовъ натуры молодого помощника волненіе есть стихія естественная.

Однако, послѣ трехъ лѣтъ такой работы, онъ хорошо позналъ

всю разницу между творческимъ одушевленіемъ отвѣтственнаго работника—и пассивнымъ кипѣніемъ прикосновеннаго сотрудника. Чья прозорливость, интуиція, вдохновеніе обречены ощущать надъ собою ежеминутную узду, но чей кошель еще и еще недостаточно полонъ скучныхъ надоѣвшихъ работъ и заботы! Безличныхъ, какъ сѣрыя кругляшки булыжника, выворачиваемыя изъ скверной мостовой, которую будутъ выкладывать тесанными плитами.

Три года! разумѣется, со своими способностями и добросовѣстностью, онъ давно постигъ всю премудрость кухни, не хуже любого патрона! Изнемогаешь отъ необходимости удерживать заскакивающія впередъ руки, ноги, языкъ, воображеніе... О! предвидѣть, предчувствовать—и какъ бы забывать—для того, чтобы реагировать достаточно свѣжо на событія...

Гурзовичъ вздохнулъ и поднялся на ноги, намѣренно при этомъ стукнувъ стуломъ для того, чтобы послать звукъ за эти безжизненно повисшія складки темнаго сукна.

Въ ту же минуту въ пріемной появилась вертлявая фигурка Павлуши, въ форменномъ казакинѣ, съ пакетомъ утренней почты.

— Вотъ-съ, Яковъ Львовичъ—для васъ! Опять, должно быть, свиданіе назначаютъ? Семенычу тоже письмецо... должишки, небось, съ него требуютъ! — балагурилъ мальчуганъ, дергая черненькими бровями и перебирая конверты:—Ильѣ Егоровичу три личныхъ и телеграмма. Четыре конверта сдалъ въ канцелярію. Все.

Помощникъ лѣвой рукой засунулъ въ карманъ конвертъ, а правую вытянулъ къ запертой двери.

— Ты это видишь? Понимаешь теперь, жеребенокъ, что ты натворилъ? Буранчевское дѣло въ палатѣ! Нашъ Павлушенька, можетъ быть, тоже слыхалъ когда-нибудь? невзначай какъ-нибудь про Буранчевское дѣло!

— Отвяжитесь отъ меня, что это и въ самомъ дѣлѣ!— огрызнулся мальчуганъ:—какъ же я смѣю не докладывать?

— Обязаны выпроваживать!! Разъ нѣтъ пріема—всѣхъ выпроваживать, все равно, кому случилось!

— И выпроваживали! швейцаръ даже слѣдомъ поднялся! Вотъ подежурьте-ка сами въ передней, тогда и узнаете! За юбки хватать что ли? Не передавай я карточки, такъ она прямо и вкатитъ сама въ кабинетъ—развѣ даму возможно задержать! Тогда кто будетъ виноватъ?

Гурзовичъ опять вздыхаетъ, смиряясь.

— Ты не видалъ — Осиповъ подалъ? Войди, пожалуйста, въ кабинетъ и доложи, что автомобиль готовъ. Ну, что тебѣ стоитъ, Павлуша? Не бѣда...

— Была бы охота дурака валять! (фыркаетъ). Шоферу сказано, такъ, стало быть, поданъ. Чего я съ докладомъ полѣзу...

— А я?! считаю я когда-нибудь для пользы дѣла?

— Сравняли! на то вы помощникъ—сами адвокатъ! Мнѣ позвонили три раза, тогда и иду. Свое дѣло тоже понимаемъ, извините-съ!

Сложилъ почту на столикъ около двери и отходитъ себѣ безпечно... Имѣя такой хорошій предлогъ, чтобы войти въ кабинетъ!

Не обрадовало сегодня Якова Львовича и появленіе заглянувшей въ дверь женской головки и черное платье съ ярко-синимъ галстучкомъ подъ мягкимъ бѣлымъ подбородкомъ съ ямочкой.

Молодая машинистка, еще розовая отъ мороза, киваетъ, улыбаясь.

— Павлушенька? а гдѣ же мое письмецо?

— Ждите завтра — пишутъ еще! Сами зачѣмъ долго не отвѣчаете?

— Ха, ха, ха! Онъ у насъ совсѣмъ клоунъ сталъ!

— Ну, стало быть, въ Зоологію на открытую махнуть. Просимъ господъ посѣтить!—ломается мальчуганъ.

— Тсс! ш-шш!—Яковъ Львовичъ шипитъ.

— Я думала, что ужъ не захвачу Илью Егоровича... и вдругъ автомобиль у подъѣзда? зашептала машинистка, заражаясь тревогой пріемной:—Какъ же это такъ, Яковъ Львовичъ?

— Я бы очень просилъ, чтобы мнѣ кто-нибудь объяснилъ, какъ это!..

Но тутъ дуновеніе изъ-за портьеры мгновенно всѣхъ вымело изъ пріемной, кромѣ Гурзовича, очутившагося около своего портфеля.

— Яковъ Львовичъ? на минуту, пожалуйста...—произнесъ невидимый обладатель мягкаго баритона съ легкой сипотой.

Въ кабинетѣ старуха изъ Москвы сидитъ не въ кліентскомъ креслѣ, а на большомъ диванѣ въ глубинѣ комнаты. На столѣ графинъ съ водой и стаканъ.

Отъ бѣглаго взгляда тревога въ груди дала скачекъ вверхъ, какъ черная черточка градусника.

— Мой помощникъ, Яковъ Львовичъ Гурзовичъ. Да, да, мы ѣдемъ! Не волнуйтесь. Заплатимъ парочку штрафовъ и наверстаемъ академическую четверть.

Четверть!—Гурзовичъ едва удержался, чтобы не обратить взоръ къ небу.

— До свиданья, Надежда Аркадьевна... Сдѣлайте такъ, какъ я васъ прошу: отдохните и дождитесь здѣсь Якова Львовича (цѣлуя руку съ почтительной нѣжностью и еще понижая голосъ). Вы мнѣ обѣщали? съ полнымъ довѣріемъ... какъ мнѣ самому?.. Что подѣлаешь! Сегодняшній день не существуетъ.

— Уѣзжайте скорѣе!—роняетъ опустошенный шепотъ.

— Вы ничего не забыли, Илья Егоровичъ?

Муратовъ усердно щупаетъ свои карманы. Но въ его затуманенномъ взорѣ Гурзовичъ все еще не видитъ Бурангчевскаго дѣла...

Не видитъ онъ его и въ передней, гдѣ Муратовъ подробно приказываетъ Павлушѣ, чтобы Мина сейчасъ же подала кофе въ кабинетъ...

Наконецъ—на лѣстницѣ!

На половинѣ второго марша Муратовъ круто повернулся и побѣжалъ на верхъ.

Кажется, Гурзовичъ застоналъ, не знаетъ навѣрное!

Сплошной трескъ звонка.

— Позови... сюда Мину... Юлія Павловна... не звонила?

— Н-не знаю-съ... я... я... я въ комнатахъ былъ!—заикается Павлуша предъ запыхавшимся голосомъ барина.

Кухня далеко.

— Мина, вы скажете Юліи Павловнѣ... Въ кабинетѣ осталась ждать пріѣзжая кліентка... Яковъ Львовичъ вернется... будутъ заниматься въ кабинетѣ... Мнѣ кажется, я видѣлъ шарфъ Юліи Павловны? Сейчасъ вы можете войти въ кабинетъ, чтобы взять шарфъ.

— Извините, Илья Егоровичъ... вы, должно быть, вчера видѣли? Станиславъ отдалъ мнѣ шарфъ, когда убиралъ кабинетъ.

— Да? Тогда это могло быть вчера. Вы передайте Юліи Павловнѣ.

Гурзовичъ не смотритъ ужъ на часы!

Шоферу приказано не заботиться о штрафахъ—съ условіемъ не давить людей. Сирена поетъ, не умолкая. Пружины скачутъ. Улицы проносятся въ смятеніи пожара.

Муратовъ полулежитъ въ углу кареты. Закрыты глаза. Лицо темное, съ рѣзкой чертой глубокой горечи у сжатыхъ губъ.

... «Подкосила!» твердилъ мысленно помощникъ, съеживщись отъ ноющаго замиранія въ животѣ. И у него-то въ головѣ

чортъ знаетъ какой хаосъ, вмѣсто обычной четкой и жуткой прибранности послѣднихъ минутъ...

Автомобиль круто завернулъ.

Муратовъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Посмотрѣлъ въ окно, выпрямился и одернулъ полы фрака подъ разстегнутой шубой.

— Яковъ Львовичъ... Завилова вамъ разскажетъ. Сдѣлайте, голубчикъ, какъ-нибудь... не очень, чтобы трудно! Сынъ единственный... скверная исторія... Грязная...

— Я понимаю, Илья Егоровичъ!

— Освобожусь не раньше, какъ въ шесть — позже! Изъ суда позвоню кое-кому... Письмо отвезите сами Корчановскому... Узнайте, нѣтъ ли свѣдѣній? Кстати... справьтесь, не вернулся ли Юновичъ? да нѣтъ, ему рано!

— А все сдѣлаю. Я поѣду. Теперь, ради Бога, не думайте о постороннемъ, Муратовъ!

И, можетъ быть, именно отъ этой безсознательной фамильярности взволнованной мольбы—дѣло наслѣдниковъ Буранчева въ шести годахъ запутанной юридической волокиты и житейской ожесточенной схватки: шесть лѣтъ интригъ, ухищреній и побѣдоносныхъ разоблаченій—шесть лѣтъ напряженія ума и воли, волненія неожиданныхъ удачъ и обманувшихъ разсчетовъ—это надоѣвшее до тошноты, разбухшее, отяжелѣвшее Буранчевское дѣло — оно ворвалось цѣликомъ въ душу, какъ раскаленная граната...

Муратовъ снялъ шапку, крѣпко нажимая пальцы, провелъ нѣсколько разъ по лбу къ рѣзко бѣлѣющимъ вискамъ.

Шоферъ тормозитъ.

— Дѣло тянется шесть лѣтъ... вамъ кажется, что сегодняшняя рѣчь его спасетъ или погубитъ?—произнесъ онъ вяло.

— Ха! Сейчасъ тысячи рублей не довѣрилъ бы, не то что милліонное!—вопитъ мысленно помощникъ.

... Хочется подтолкнуть эти горбящіяся плечи.

Стукнула тяжелая стеклянная дверь. Полумракъ вѣшалокъ въ глубинахъ вестибюля, съ безшумно вращающимися фигурами швейцаровъ. Суровая лѣстница. Безмолвно въ холодномъ свѣтѣ скользящіе по ней вверхъ и внизъ, черные силуэты. Голоса, тающіе безъ резонанса... Шелестъ.

... Не воздухъ ли, насыщенный энергіей всѣхъ этихъ напрягающихся человѣческихъ мозговъ?

... Не ѣдкія ли испаренія страстей и пороковъ?

Муратовъ выпрямился. Лицо поблѣднѣло. И Буранчевское

дѣло впервые блеснуло въ сузившихся зрачкахъ, когда онъ протянулъ руку къ портфелю и спросилъ, съ внезапной жестокостью звука:

— Здѣсь у васъ послѣдній списокъ свидѣтелей?

Портфель дрогнулъ отъ раскаянія въ рукахъ помощника.

Юлія Павловна, занятая своей прической между трехъ зеркалъ бѣлаго туалета, выслушала разсказъ Мины про насильственное вторженіе пріѣзжей дамы.

Много кліентовъ у Муратова, но никто не сидитъ цѣлый день въ кабинетѣ въ его отсутствіе... Долго не удавалось добраться— кто эта необычайная кліентка?

Вѣтрогонъ Павлуша, передавая карточку, не прочелъ фамиліи—или позабылъ. Швейцару пріѣзжая себя не назвала.

Павлушу потребовали въ уборную.

Юлія Павловна внушала: для того, чтобы современемъ сдѣлаться дѣловымъ лакеемъ адвоката, еще недостаточно шнырять проворно по дому и бѣгать на почту. Надо все замѣчать, запоминать и соображать. Визитная карточка, которую заставляютъ передать въ непріемный часъ—это не лоскутокъ бумаги.

Павлуша пыхтѣлъ, краснѣлъ, потѣлъ. Даже глазами поискалъ: не топится ли у нихъ печка?

Нашелъ, что уборная богатой дамы очень хорошая комната.

Юлія Павловна раздражалась все сильнѣе... Какъ вдругъ непостижимымъ образомъ оказывается, что визитная карточка преспокойно лежитъ на столѣ въ прихожей.

— Вотъ это всего лучше! Поблагодаритъ Илья Егоровичъ, что у насъ карточки валяются вмѣстѣ со шляпами и калошами!

Приходится побивать ироніей: Юлія Павловна не можетъ кричать такъ же, какъ на Павлушу,—на машинистку въ синенькомъ галстучкѣ, на своего затаеннаго врага, старика Станислава, или на лысаго письмоводителя, высовывающаго носъ изъ канцеляріи, чтобы бѣжать къ телефону.

...Неугодно ли понять теперь—чья это карточка? Какія доказательства, что она принадлежитъ дамѣ, сидящей въ кабинетѣ?

Станиславъ увѣренъ въ томъ, что карточки на столѣ не было, когда онъ утромъ убиралъ комнаты. Должно быть, самъ Илья Егоровичъ захватилъ второпяхъ... Но старикъ не унижается до того, чтобы убѣждать—когда ему не вѣрятъ.

Юлія Павловна дѣлаетъ видъ, что все это ничуть не убѣ-

дительно, и еще нѣсколько минутъ медлитъ среди этихъ сконфуженныхъ своей неудачей людей... Пускай убѣдятся, что имя Надежды Аркадьевны Завиловой ей ничего не говоритъ.

Въ домѣ есть люди, которымъ это имя говоритъ все. Все, чего она никогда не узнаетъ!..

У себя, Юлія Павловна смотрѣла на карточку съ чуждымъ названіемъ московскихъ улицъ, принуждая себя побороть вскипавшее волненіе.

Да. Да, это и есть та женщина. Вдова—долгая связь... Разрывъ и переѣздъ въ Петроградъ.

Москва—одно, что до этой минуты ей было извѣстно.

Вотъ она узнала имя: Надежда Аркадьевна Завилова. Никто вѣдь и сейчасъ Юліи Павловнѣ не сказалъ (мало ли кто изъ Москвы могъ пріѣхать)—но увѣренность полная, безповоротная: это она. Что-то крупное случилось въ Москвѣ, если та женщина рѣшилась переступить порогъ!

Она переступила... И Юлія Павловна чувствуетъ—не въ первый разъ, но раньше никогда съ такой остротой: это домъ присяжнаго повѣреннаго Муратова. Не домъ его жены.

Вотъ здѣсь—три небольшія эти комнаты—да! Роскошно отдѣланная каютка на огромномъ кораблѣ, держащемъ свой неизмѣнный курсъ.

Пассажирка...

И всегда въ такія минуты—одинъ затопляющій все вопросъ, какъ вода изъ повернутаго крана:

...Какъ, какъ, какъ она могла для любви бросить свою налаженную жизнь!? Съ такимъ трудомъ—крохотную, мизерную,—но свою вѣдь, совсѣмъ свою! Какой просторъ въ этомъ словѣ: *своя.*

Сейчасъ она хочетъ думать о женщинѣ, сидящей въ кабинетѣ (точно ожогъ въ сердцѣ)—но мысль барахтается въ нахлынувшихъ темныхъ волнахъ...

...Должно быть, похоже—когда человѣкъ тонетъ: вотъ она, смерть!—и жизнь уплывающая—лица, лица! кто уже покинутъ навѣки, когда смѣялся, сказалъ: «до завтра»! Да, навѣрно такъ бываетъ: все сразу! Параллельные ряды—взорвана вся душевная батарея...

Поймала разбѣгающіяся мысли, сердится Юлія Павловна: какое глупое сравненіе—«тонущіе»!

Само по себѣ уже странно, что въ ясномъ умѣ возможны взрывы такого смятенія. Такъ не было раньше, пока жизнь не раздвоилась... Смятеніе—не ощущеніе, нѣтъ: это она сама, такая мучительная разорванность души!..

— Пора привыкнуть!—говоритъ себѣ Юлія Павловна и начинаетъ ходить взадъ и впередъ по амфиладѣ небольшихъ комнатъ.

...Отчего, отчего, отчего Муратовъ не допустилъ, чтобы она узнала московскую исторію?..

Отстранилъ ее безтрепетно и безповоротно. Нетающая холодная льдинка въ пылу разгоравшейся страсти... И для нея льдинка не растаяла—о, нѣтъ! не думаешь, но не забываешь: наглухо запертая дверь...

— Когда васъ будетъ глодать любопытство—взгляните на мою сѣдую голову. Вы же понимаете: тутъ цѣлая жизнь. Милая! возьмите себѣ все, что̀ уцѣлѣло... я страстно хочу отдать вамъ! Провѣряйте—сто̀итъ ли того? Хорошенько смотрите. Вы не дѣвочка—вы умница...

И еще:

— Прошлое нельзя взять. Но его поставить между нами—уже значитъ у меня отнять... Съ сокровеннаго дна, гдѣ оно погребено, вытащить и безцѣльно разметать по квартирѣ въ пятнадцать комнатъ... Чтобы оно валялось по всѣмъ угламъ! Чтобы вы могли прогуляться по закоулкамъ чужой души вашими прелестными ножками... Зачѣмъ?! Зачѣмъ нужно вамъ это? Оставимъ, право. Если вы способны такъ упорно желать этого—не доказательство ли, какъ въ васъ слабо другое желаніе: меня поберечь...

Какъ испугалась она! Какъ стыдилась!

Ничего въ своей жизни, ни одного другого дня—часа—она не помнитъ съ такой неизгладимой ясностью, какъ этотъ разговоръ въ крошечной дѣвичьей пріемной, при свѣтѣ одной лампочки, нетерпѣливо закутанной клочкомъ тонкой бумаги вмѣсто абажура.

Она честно отреклась.

Но что̀ значитъ это слово?!... передъ своей душой, что̀, что̀ значитъ оно?..

Не желать узнать для меня самаго важнаго? О, вѣдь не трудно обѣщать: «обязуюсь не стремиться узнать»—но жажда, жажда! желаніе—развѣ не потребность!?—какъ же истребляются потребности, какъ этому научиться!?...

Какъ будто желаніе у насъ въ рукахъ, въ карманѣ, въ шифоньеркѣ подъ ключемъ—отъ нея зависитъ выкинуть его за форточку—швырнуть въ каминъ...

Юлія Павловна стоитъ, зажавъ вѣки, уронивъ руки.

Теперь она понимаетъ: она узнала.

Ей такъ нравились «сѣдыя головы»!

Связать свою жизнь съ сѣдой головой—значитъ никогда не узнать, никогда, до конца...

Кто онъ??...

Бракъ—бездна. Дѣвушки безумны.

Въ долгій путь—въ жизнь—можно идти только съ равнымъ: чтобы было все понятно, все видно. У кого не приросъ къ плечамъ тайный багажъ, запертый наглухо, то, что будетъ всегда, всегда на ходу толкать въ спину...

— О, Боги! Не могу же быть ревнивой, это слишкомъ недостойно меня!—это позоръ!—что мнѣ до той покинутой женщины? я молода, красива я! меня, меня онъ любитъ... Онъ любитъ меня!

«Старуха» — «старуха изъ Москвы» — «старая дама» — порхаетъ въ воздухѣ пріятное слово, произнесенное въ это утро всѣми голосами, всѣми интонаціями...

Юлія Павловна не задала ни одного вопроса. — Женская сѣдая голова кого волнуетъ? Покорно вывѣтривающееся прошлое, безъ живого остатка... тутъ нечего пустить въ оборотъ!

— Милая! возьмите то, что осталось... Какое дѣло вамъ до прошлаго? — шепчетъ *онъ* и начинаетъ безпечно жизнь въ новомъ изданіи.

— И всегда, всегда женщина соглашается, идетъ на это! Дурманятъ запретные запахи жизни, испаряющіеся отъ сѣдыхъ головъ...

Розовыя губы искажаются, какъ будто Юлія Павловна вслухъ произнесла грубыя слова.

— Да! Тонкое, какъ ароматъ... Не пугающее, ничего не насилующее... бережно! Настолько, чтобы разбудить страстно-любопытное въ насъ самихъ... Мудрая страсть сѣдыхъ головъ!

Не живая, жгучая, остро-пахучая грязь, куда бездумно толкнутъ юныя, неосторожныя руки... въ упоеніи ли разнузданности—можетъ быть, въ чистосердечномъ порывѣ обнажить собственную душу до послѣдняго дна... Безусые «мужья» подъ студенческой фуражкой! Скрываетъ наивно свои грѣшки, какъ прячутся воришки, стянувшіе сладкое—а завтра же свалитъ въ женины колѣни шелуху! Свалитъ, смѣясь, цѣлуясь, прося прощенья и обѣщая... Обѣщая—(если честный)—только одно: ничего не скрывать.

Вотъ что значитъ «безъ прошлаго». Выбирайте, женщины, что вамъ больше по вкусу?

... Миленькая Зиночка Кудряева! въ который разъ ты «про-

стила» своего Мишука? Примочила водицей наплаканные глазки—залѣпила пластыремъ ранки въ маленькомъ сердцѣ—и зато схватила двойную, тройную, десятерную порцію поцѣлуевъ. И гуляешь томная и счастливая, какъ именинница, миленькая Зиночка, идеалъ умненькой жены!

Юлія Павловна сѣла на крошечный диванчикъ, диковинно запрятанный въ какихъ-то стеклянныхъ стѣнкахъ, и тяжело заплакала...

Въ кабинетъ носили кофе, носили завтракъ; накрыли для обѣда круглый столъ передъ диваномъ.

Гурзовичъ уѣзжалъ и опять пріѣзжалъ, прорѣзая, какъ автомобиль, пространство отъ подъѣзда до кабинета.

Машинистка и письмоводитель провожали его насмѣшливыми взглядами и шептались.

Въ сумерки Станиславъ просидѣлъ съ полчаса въ канцеляріи. Старикъ отошелъ отъ утренней обиды Юліи Павловны и послѣ встряски чувствовалъ потребность назидать молодежь.

— Илья Егоровичъ не сдадутъ, нѣтъ... Сказано: молчать—ну, стало быть, такъ для дѣла требуется. Отъ шуму не польза, хоть бы кому. Можетъ, у него ихъ еще сколько перебывало за цѣльную жизнь... Что жъ, такъ она все и переполощетъ? Коли ты супруга, такъ свое мѣсто должна соблюдать. У тебя домъ и всякое богачество. Хоть бы и въ нашемъ быту, не то что такой господинъ... Тоже и это взять: съ утра до поздней ночи на людяхъ обращаются... Да.

Станиславъ человѣкъ настоящей стародавней дрессировки; но барышня и одурѣвшій отъ переписки Семенычъ жаждали любопытныхъ фактовъ, а не назиданій.

— А сколько же лѣтъ можетъ быть этой барынѣ? Бываетъ, что сѣдѣютъ очень рано,—говоритъ барышня; не спѣша говоритъ, тѣмъ выманивающимъ тономъ, какимъ точно совсѣмъ и не спрашиваютъ.

— Да сколько? сынъ и тогда уже гимназію кончалъ,—откликнулся сейчасъ же старикъ.

— Вы вѣдь давно живете у Муратова, Станиславъ Антоновичъ?

— Я, сударыня, на первую къ нимъ квартиру поступилъ. Когда Илья Егоровичъ изъ Москвы на жительство сюда переѣхали, такъ по началу тутъ мы въ гостиницѣ стояли. А на другой годъ квартиру сняли на Захарьевской улицѣ.

— Первая жена была уже померши?—вставилъ угрюмый письмоводитель.

— Первая супруга въ Москвѣ и скончалась. Изъ богатаго купеческаго дома взятая.

— Значитъ, если бы Илья Егоровичъ хотѣлъ, онъ и тогда уже могъ бы жениться? Мадамъ Завилова тоже была вдова?

Станиславъ обидчиво вытянулся на стулѣ.

— Это со взрослымъ, почитай, сыномъ—жениться? — говорить тоже надо подумавши.

— Н-да! Теперь бы на самого и пала всякая уголовщина!—не утерпѣлъ письмоводитель.

— Ай! всегда-то у васъ ужасы на умѣ, Петръ Семеновичъ!—засмѣялась барышня.

Но смѣяться не хочется. Не интересны безсвязные обрывки біографій въ тягучей рѣчи старика... Однако, до какихъ же поръ дожидаться, будетъ ей или нѣтъ работа сегодня?

Старой работы сколько угодно, но какое-то безформенное ожиданіе сковало все, что́ жило до него. Барышня только нехотя поглядывала на свой столъ.

Гурзовичъ щелкаетъ французскимъ замкомъ.

— Ну что? не звонилъ Илья Егоровичъ? — заглядываетъ онъ на бѣгу въ дверь канцеляріи. Глаза горятъ, лицо осунувшееся.

— Юлія Павловна дома?

Короткіе вопросы, быстрыя движенія, тишина во всемъ домѣ ткутъ тревогу... Вспыхнувшее электричество освѣтило для всѣхъ то, что́ каждый до того ощущалъ про себя...

Изъ столовой доносится осторожный звонъ посуды и ходьба двухъ горничныхъ, накрывающихъ на столъ.

Яковъ Львовичъ не открываетъ дверь кабинета — онъ протискивается плечомъ въ пріоткрытую щель, точно боится кого-то выпустить оттуда.

. . . .

Муратовъ тяжело прошагалъ мимо канцеляріи и пріемной. Донесъ до письменнаго стола вмѣстѣ съ портфелемъ свою котиковую шапку и одну перчатку. Сѣлъ. Увидалъ спустившійся съ шеи конецъ бѣлаго кашне и его потянулъ въ общую кучу.

По другую сторону стола помощникъ замеръ на своемъ мѣстѣ.

...Провалилъ!

Но ни жеста, ни звука. Яковъ Львовичъ давно уже знаетъ: развѣ съ утра онъ не знаетъ, что погибло Буранчевское дѣло.

Муратовъ взялся руками за двѣ львиныя пасти дубоваго кресла, пригнулъ голову къ груди и коротко, сильно весь потянулся. Сейчасъ же вскинулъ голову и упруго поднялся на ноги.

— Милая Надежда Аркадьевна... гдѣ вы тутъ?

Вотъ, наконецъ, изъ-за круглаго стола, установленнаго сервировкой обѣда, на него глядятъ живые, эти отчаянные, родные глаза...

Глаза, весь день всплывавшіе на бумажныхъ листахъ, на голыхъ стѣнахъ. Глаза качались надъ живыми головами, съ тускло-суровыми лицами суда.

— Васъ покормили? да, вижу... не хотите? Яковъ Львовичъ, голубчикъ, пожалуйста чтобы унесли это все отсюда.

— Вы! вы сначала обѣдать, пожалуйста, ступайте обѣдать... я васъ прошу!..

А мнѣ Яковъ Львовичъ пришлетъ стаканъ крѣпкаго кофе. Потомъ поужинаю. Въ чемъ дѣло? умру съ голоду?

— Отдохните сколько-нибудь!..

— Вотъ, слушая васъ, и отдохну отъ неизвѣстности. Яковъ Львовичъ, конечно, все сдѣлалъ, что̀ могъ—сегодняшняго дня нѣтъ. Есть еще вечеръ для телефона, но раньше я долженъ все знать; а другіе тѣмъ временемъ пообѣдаютъ, отойдутъ...

— Въ обѣденное время трезвонятъ дамочки, а не дѣловые люди.

...Не дико ли, что нужно объяснять?!—нужно сражаться съ идеей обѣда—съ посудой, съ вѣжливостью.

Въ дверяхъ кабинета появился Станиславъ: Юлія Павловна въ столовой.

— Скажите барынѣ, Станиславъ, что я буду обѣдать вечеромъ.

Съ минуту старикъ прождалъ этого отвѣта.

Только событія создаютъ свободный просторъ. Создаютъ его для перваго мига нашей встрѣчи съ ними—для одного этого мига. А дальше тѣ, въ чью профессію входитъ реализація этихъ встрѣчъ—для того событія превратились въ атмосферу нормальную—у нихъ развивается поневолѣ ловкость фокусника. Безъ того и двигаться нельзя среди обломковъ человѣческихъ крушеній...

— Теперь скажите мнѣ, какъ вы это узнали?—заговорилъ Муратовъ.

Лѣвая рука женщины приподнялась-было—и опять упала камнемъ. На правой легла тяжело голова. Взоръ уходитъ куда-то подъ столъ.

Муратову виденъ только ракурсъ профиля, но въ этой позѣ есть такъ живо напоминающее все, что́ долго было привычнымъ, своимъ...

И гдѣ-то въ архивной глубинѣ—не памяти, нѣтъ! дальше, глубже памяти,—въ глубинѣ нѣмыхъ тайныхъ фонографовъ отзвучавшей жизни Муратовъ ощутилъ что-то... Можетъ быть, первую дрожь готовящагося? Таинственный узелокъ, связующій прошлое и будущее?

Отраженіе внутренняго усилія охладило взоръ, покоившійся на женщинѣ. Состраданіе изъ него не ушло, лишь заслонилось думой... Онъ не замѣтилъ времени, пока Завилова не начала говорить.

— Самъ сказалъ. Постучался ко мнѣ. Дверь на ночь уже заперла. Трое сутокъ не видѣлись мы...

Опять лѣвая рука подтащилась по платью въ его сторону и опять замерла на полпути.

— Какими словами сказалъ?? (Муратовъ не спрашивалъ) «Мать! если все продать, что́ осталось, по-твоему сколько денегъ выручимъ? Твои квитанціи ломбардныя—по нимъ вѣдь тоже доплачиваютъ. Чортъ! Глупо ничему не знать цѣны!» Этими вотъ словами: «мать»—«глупо». Я сразу все поняла; Поняла, что гибель и позоръ... позоръ! не только гибель...

Откачнулась на спинку дивана. Выпрямилась. Руки судорожно сцѣпились на колѣняхъ, ледяныя руки.

— Позоръ поняла...—прошептала она еще разъ.

Теперь Муратовъ видитъ и глаза. Воспаленный взоръ, устремленный въ московскую жизнь, которой онъ не знаетъ. Взоръ до того переполненный своимъ, что встрѣтившись съ его глазами, не прячется, не мѣняется для него ни въ чемъ.

Въ безчисленный разъ Муратовъ пытается нарисовать себѣ образъ погибшаго юноши... Нѣтъ! его память слишкомъ ярко запечатлѣла полудѣтскій образъ гимназиста.

...О, жизнь! жизнь... Какъ будто еще близко тревога первой безотчетной антипатіи... и вся напрасная ломка, чтобы вырвать эту антипатію изъ своей души!

Никакой пользы, ничего, ничего не дала мучительная борьба, разъ навсегда заподозрѣнная заранѣе: «Ты пристрастенъ къ нему, Илья!» «Ты не можешь судить Поля хладнокровно!»

Такъ, такъ топили въ горечи неповторяющуюся нѣжность.. Самозабвеніе, одинъ только разъ загорающееся въ сердцѣ.

Теперь чего ради отрицать, прятаться?? Да, съ первой минуты онъ не могъ полюбить дерзкаго мальчугана, съ недѣтской

проницательностью, съ отталкивающимъ въ ребенкѣ злорадствомъ. Странное, тревожное дѣтское лицо со скользящими просвѣтами еще не установившейся зрѣлости—намеками темными! Да, скоро возненавидѣлъ за мучительство матери, какъ онъ за всю свою жизнь не ненавидѣлъ ни одного взрослаго человѣка.

Вотъ они, его предчувствія! Вотъ ради кого была изгнана изъ любви радость, влито подозрѣніе, обида, разочарованіе... Онъ ли смѣлъ пытаться поколебать вѣру въ любовь такого сына—ея любовникъ!

— Вы желаете быть маминымъ мужемъ? Я этого не хочу. Былъ собственный папаша, во второмъ не нуждаемся!

Вѣдь ему казалось, что волосы шевелятся у него на головѣ!

Годы, годы! — новыя волны жизни — Юлія Павловна — Счастіе...

А Надя осталась одна наединѣ съ растущей темной угрозой. Его она не пыталась удержать. Одиночество искушало обоихъ, какъ мягкая постель манитъ выбившагося изъ силъ странника. Онъ не могъ выносить московской жизни. Ей легче знать, что Муратова нѣтъ въ Москвѣ...

Илья Егоровичъ надавилъ рукой на грудь—унять это клокотанье.

А она давно ужъ смотрѣла на него.

— Муратовъ все тотъ же.. даже не удивился, что я отважилась сюда придти? помощи искать вашей! О, да! никто въ мірѣ не можетъ сдѣлать, чтобы этого не было. На судѣ каждый адвокатъ все, что можно, скажетъ: обвинитъ семью, школы проклянетъ. Но я... вѣдь я... я...

Отдѣлилась отъ спинки дивана—приподнимается—надвигается на него искаженное ужасомъ лицо.

И Муратовъ безотчетно приподнялся навстрѣчу.

— Надя! Надежда Аркадьевна!

— Я для себя... для меня!! Я схожу съ ума. Ты скажи... ты: не одна же я виновата въ этомъ?

Муратовъ обхватилъ руками, усаживаетъ на прежнее мѣсто, цѣлуетъ въ шею, руки.

— Опомнись!.. опомнись!.. Ты могла бы не придти ко мнѣ?!—Къ кому, кромѣ меня?

— Его никто не знаетъ!!—вырвался вопль. . . . .

— Давно, Надежда Аркадьевна, вамъ извѣстно, въ чемъ васъ я обвиняю!

Муратовъ медленно прошелся по комнатѣ и остановился надъ ней съ этими словами.

...Какъ! даже и теперь?? опять то знакомое презрительное качанье головы, такъ выводившее его изъ себя...: Да! для чего и въ самомъ дѣлѣ она пришла къ нему??

Упираясь руками въ сидѣнье дивана, женщина тянулась къ нему дрожащимъ лицомъ.

— Баловство матери?? балуемъ? Ничего дальше этого, ничего! Тутъ вся ваша психологія, мужчинъ! Спѣшитъ, захлебывается. Пересаживается, быстрыми жестами касаясь волосъ, ворота платья:—Тогда Поль уже большой былъ—вы не знаете, какъ трехлѣтнимъ ребенкомъ нельзя было заставить ничего!—ни упросить, ни уговорить, ни запугать... Кто же, кто знаетъ, отчего одного ребенка довольно поцѣловать, обѣщать игрушку, пожалобиться—а другого напрасно молить, стыдить, пугать?? Бить, бить его можно напрасно!! *Мать избаловала*—во всѣхъ газетахъ будетъ, на всѣхъ устахъ!.. Защитникъ на этомъ свою рѣчь построитъ—вы это скажете... Нѣтъ, только не ты! развѣ не на твоихъ глазахъ?.. Илья! Илья, неужели легче счастья лишиться!! Терять по каплѣ твою любовь... и знать! знать, что теряешь, знать!

Муратовъ тяжело провелъ рукой по лицу.

— Онъ не проситъ, онъ требуетъ. Насъ двое. Пенсія и все, что оставилъ отецъ,—это его больше, чѣмъ мое. Деньги есть, или воображаетъ, что я всегда могу достать... Вѣдь только я одна могла осуществлять его желанія.—Осуществлять ихъ, не зная, не понимая!

— Знаю... Предвидѣлъ все это! прошепталъ Муратовъ.

— А если выдержала характеръ, отказала:—«Значитъ, ты не дашь? окончательно? Хорошо, прощай».

Бѣжитъ къ двери... Хватаюсь за платье, тащусь за нимъ по полу, молю взять все, что хочетъ... Что, что мнѣ дѣлать... Развѣ не читаешь каждый день, какъ въ пятнадцать лѣтъ, въ тринадцать гдѣ-то зарѣзался! утопился!

— Тише, тише... помолчите! Дайте мнѣ сказать!—Муратовъ стиснулъ обѣ ея руки и чувствовалъ, какъ онѣ непроизвольно подергиваются,—такъ невозможно. Есть же время, когда ребенокъ физически не можетъ не подчиниться? Слѣпая любовь воспитываетъ своеволіе, а не характеръ!..

Принужденно, какъ-то для себя непріятно договариваетъ...

А женщина ушла мыслью въ свое. Взглядъ ея измѣнился, остывающій...

— Матери *не знаютъ*—вотъ этотъ ужасъ вы хотите подмѣнить баловствомъ! Мы не знаемъ нашихъ сыновей, какъ не

знали мужей, отцовъ и братьевъ. Кто вы?? Кто вы, когда ушли отъ насъ къ другимъ женщинамъ, пересозданнымъ вами, къ этимъ исчезнувшимъ съ лица земли для насъ—не существующимъ, это поймите! и гдѣ вы настоящіе—безъ маски!

— Какъ это не реально! какъ далеко отъ жизни!

— Такъ это для насъ, подъ нашимъ изолирующимъ колпакомъ. Чистыя комнаты, куда вы приходите на отдыхъ! Мой супругъ почти всегда дома молчалъ: усталъ—скучно—обдумываетъ свои дѣла. Добросовѣстныя женщины благоговѣютъ передъ молчаніемъ: за молчаніемъ весь вашъ трудъ для насъ... Ваша великая работа для жизни, въ которой мы почти ничего не значимъ. Но еще? что̀ еще прячется за этимъ вашимъ домашнимъ молчаніемъ—развѣ знаемъ мы, что̀ еще??

О! быть можетъ, ни въ одномъ женскомъ сердцѣ любовь не уцѣлѣла бы, если бъ невидимкою хоть одинъ разъ заглянуть въ другую, въ тайную жизнь... Нѣтъ, нѣтъ, вы не понимаете, отчего—я по этой усмѣшкѣ вашей вижу, что вы не понимаете.—Оттого, Илья, что только тогда мы узнали бы ваше истинное отношеніе къ женщинѣ—человѣка, котораго мы любимъ!

Муратовъ спрашивалъ безъ словъ, одними глазами, прикованными къ ея пылающему лицу.

— Для мужчины суммируются же какъ-нибудь эти два женскихъ облика? Какъ-то они сливаются въ вашихъ чувствахъ—но въ сознаніяхъ! сознаніе вѣдь невозможно разгородить на двѣ непроницаемыхъ камеры! Ваши впечатлѣнія, ощущенія, оцѣнки, все должно просачиваться, должно неизбѣжно унижать по одну сторону и пріукрашать по другую. Да! Спасаетъ, можетъ быть, только то, что молодость не думаетъ, а чувствуетъ.

Договорила медленно, упавшимъ голосомъ. И тяжело пала тишина послѣ долго звенѣвшихъ интонацій волнующихъ.

И Муратову не хотѣлось говорить.

Знакомыя рѣчи. Какъ любилъ онъ красивую стройность женскаго протеста: смѣлость приговоровъ и кипѣніе чувствъ, и искренность боли—въ плѣну все того же благоуханнаго культа любовной чистоты. Новыя женщины? — разбивающія вѣковой плѣнъ—да! Любопытны онѣ и соблазнительны... Но быстро исчезъ въ нихъ ароматъ иного міра, гдѣ мужчина былъ лишь гость, гдѣ цвѣли фантастическіе цвѣты и пѣли райскія птицы... гдѣ было столько взаимныхъ тайнъ, и въ блистающихъ плодахъ зрѣла тайная отрава.

Надежда Аркадьевна вздохнула и провела рукой по глаза̀мъ—

точно отвлекая умственный взоръ свой не глядѣть такъ долго въ ненужное.

— Но вѣдь это только одна сторона, — заговорила она снова.

Мужъ—любовь. А сынъ, сынъ?? У него одно желаніе: *скрыть все свое.* Домашнія женщины должны исполнять то, что для него необходимо, но чтобы не было слова интимнаго, ни взгляда, вздоха... вѣдь женщины не понимаютъ! И онъ правъ: предопредѣленнаго не знаемъ, съ чѣмъ родился на свѣтъ нашъ мальчикъ...

— Ну какъ же такъ не знаете?—протестуетъ неспокойный голосъ слушателя.

— Такъ же, какъ вы не понимаете нашего непониманія. Знаемъ темно, узко, «на каждомъ шагу юношу стерегутъ опасности»—это знаемъ... безформенно, вотъ какъ мерещится чертовщина въ заколдованномъ лѣсу—мы же ничего, ничего не знаемъ въ лицо! Всякій другой, чужой, вырветъ откровенное слово—только не мать!

Слушатель безсознательно вздыхаетъ. Опять ея глаза пылаютъ на жаркомъ лицѣ.

— Ну такъ какъ же, какъ можемъ мы помочь??—вмѣсто трезваго пониманія въ насъ эта специфическая смѣсь темнаго страха и физическаго отталкиванія. Не напрасно же вѣками выращивался женскій стыдъ—этотъ сторожъ надежнѣйшій вашихъ тайнъ!

Когда схватитъ за горло живой ужасъ—страхъ за Поля, ревность за мужа—тогда одно: бѣжать и спасать! куда? куда бѣжать, какъ найти это «тамъ», гдѣ его губятъ?! И мы цѣпляемся... несчастныя, безумныя!—Мы не выпускаемъ, пока есть за что ухватиться руками... Одно мы знаемъ: помѣшать! вмѣсто того, чтобы помочь миновать бѣду. Вѣдь для насъ только и бываетъ одна такая минута несознаваемая!!

— Да... много тутъ горькой правды...—уронилъ задумчиво адвокатъ.

— Жизнь подъ стекляннымъ колпакомъ—моя, женщинъ, которымъ подъ сорокъ, и семья,—ее-то вы всѣ знаете до дна. Вы ушли, и женщина васъ ждетъ. Томится... Это и все. Или она васъ обманываетъ? — въ такомъ случаѣ, трое вмѣсто двухъ. Сложнѣе, а по существу развѣ не одно и то же? А рядомъ выростаетъ загадка, и она все вытѣснитъ. Самыя желанія личной жизни заглушитъ все тѣми же роковыми, какъ судьба, женскими состояніями: страшиться и ждать! Но только тутъ не такъ ужъ,

какъ прежде: безъ силы молодости, безъ вѣры въ себя... Больше нѣтъ права и на борьбу!

— Надежда Аркадьевна! одна маленькая поправка: вѣдь это уже не ваша жизнь, а чужая. Такъ настигать васъ она во всякомъ случаѣ не должна,—говоритъ Муратовъ съ дрожью протеста въ голосѣ.

Надежда Аркадьевна взглянула на него и качнула головой.

— Не должна!.. вы этого, повидимому, не узнаете никогда—будьте довольны, Муратовъ. Должно быть, и въ самомъ дѣлѣ счастье — это сказка, созданная юношеской фантазіей человѣчества. Въ сказкѣ было и счастье родительской любви...

Вздрогнула. И заспѣшила:

— Скажите... очень вы увѣрены, что сыновья новыхъ женщинъ—этихъ врачей, женщинъ-адвокатовъ, депутатовъ—ихъ дѣти будутъ со своими матерями дружески откровенны? Виноваты мы сами? нѣтъ, вы должны мнѣ отвѣтить!..

— Да я не уклоняюсь, почему же... Я—нѣтъ!.. ей, Богу я не знаю! Никогда объ этомъ не думалъ.

— Вѣдь такой же мальчикъ?.. Пусть по-новому просвѣщенный ученой мамашей, знающій отъ нея запретныя слова—но мальчикъ же! Такой же растерянный, одурманенный соблазномъ жизни, когда уже не слова... О! я никогда, никогда не была бы въ состояніи начать съ Полемъ подобный разговоръ!—Ахъ, не вѣрю я въ эти ихъ «проблемы»! и развѣ, убѣжденная, что все это нужно, ученая мать, развѣ она на него глядитъ не такими же озабоченными чистыми глазами?.. Она такъ же старается вытянуть изъ него правду безжизненными, пустыми внутри женскими разсужденіями—такими мучительными для сына! оскорбительными для дѣтскаго чувства! А ему вѣдь по-просту нужно отъ нея сто рублей, для того, чтобы осуществилось блаженство, какого еще не бывало на землѣ... Сто рублей, а не глубокомысленная логика!

Муратовъ съ невольной усмѣшкой перевернулся въ креслѣ.

— Говорятъ: тутъ и есть вина наша. Для матери не должно существовать неловкости, стыда.

Завилова взмахнула руками и встала на ноги.

— Если бы Поль въ шестнадцать лѣтъ произнесъ эту фразу: «мнѣ нужно сто рублей»—вотъ, клянусь вамъ, и сейчасъ не могу, вообразить чѣмъ бы это было для меня! Вѣдь всѣ масштабы разные—въ стѣнахъ и за стѣнами, тамъ, гдѣ отъ мальчика требуется 100 рублей! Онъ уже прислушался, онъ узналъ, что это сущіе пустяки—а добрая, обожающая мама, она этихъ ста руб-

лей испугается хуже, чѣмъ ворвавшагося экспропріатора... Развѣ несчастный мальчикъ не знаетъ этого? Развѣ по силамъ, въ его горячкѣ, домашнія трагедіи? Онъ—мой!—онъ у женщины укралъ! А мать—это трагедія. Юность не выноситъ трагедій... только ихъ и не выноситъ.

— Да! Трагедія—это ударъ чувству жизни.

— Такъ намъ-то что же дѣлать, намъ?! Что дѣлать, если каждый намекъ для насъ цѣлая процессія ужасовъ подъ черными масками. Сто рублей во-время, безъ слезъ, безъ пытки напрасныхъ разспросовъ—просто какъ фактъ!—можетъ быть, это спасло бы Поля...

Руки судорожно зажали лицо, спасаясь отъ видѣній.

Муратовъ слышалъ, какъ звенитъ кровь въ его головѣ, какъ холодны ноги. Волны страстнаго волненія шатаютъ и его... Смываютъ съ твердой почвы...

— Надежда Аркадьевна! о чемъ мы говоримъ?! Позволительно ли заражать и меня безцѣльнымъ смятеніемъ? Не для того же вы пришли ко мнѣ, чтобы терзаться вѣчными вопросами. Если трудно держаться на дѣловой почвѣ—я понимаю!—ну, тогда нужно было обратиться къ чужому адвокату. Мы говоримъ цѣлый часъ...

Взглянулъ на нее:

— Ну, все равно! Отдохните немного. Я еще не говорилъ съ Гурзовичемъ.

Муратовъ вышелъ.

Стало легче дышать. Кровь заструилась спокойнѣе.

Завилова выпила воды. Вотъ опять она видитъ темныя стѣны богатаго кабинета. Портретъ свѣтловолосой дамы въ бѣломъ во весь ростъ. Весь день хотѣлось подойти ближе, чтобы разглядѣть портретъ.—Жена??

Здѣсь работаетъ извѣстный всей Россіи криминалистъ Муратовъ.

Илья только начиналъ. Она не знаетъ, какая была тогда у него рабочая комната, простенькая... молодая! Вѣдь она, его любовь, не была у него никогда. Не пришла, когда были страстныя мольбы, когда могла радость дать. Не пришла! Боялась: «узнаетъ какъ-нибудь Поль».

Все кончилось... Вотъ тогда это и было самое, самое горькое. Сколько онъ дѣлалъ для нея, а она одной его просьбы не исполнила!

Этими словами она потомъ маялась. Въ этомъ сожалѣніи

обступало ее женское одиночество... Безповоротное, безпросвѣтное. Навсегда.

И опять она страшилась. Боялась умныхъ глазъ подростка. Точно еще умнѣе отъ темнѣющихъ съ каждымъ днемъ усиковъ. Поль пойметъ, отчего у мамы наплаканные глаза. Пойметъ, отчего за столомъ ей кусокъ въ горло не идетъ... И мама улыбается, стиснувъ въ груди рыданіе...

Муратовъ назвалъ: «вѣчные вопросы». Не знаетъ, что только для этого она и пришла къ нему.

...Палъ такъ низко—сумѣлъ пройти быстро весь преступный путь, но вѣдь это все-таки Поль, ея Поль! Смотрѣла на него, любовалась, не зная смысла его жизни. Бываютъ глаза, въ которыхъ видны мысли (у нея глаза такіе),—глаза Поля всегда улыбаются иронически: что-то знаютъ красивые глаза... не скажутъ. Безъ Поля дома не можетъ быть. Изъ ихъ дома онъ уходилъ въ какой-то тайный ужасъ. Оглядывался ли мыслью на мать когда-нибудь?? Двѣ тайны: своя, мужская—и преступная... Сколько должно быть чужихъ людей, враговъ, искусителей, женщинъ... Ничего, ничего она не знаетъ! Какъ ему мѣшала мать! Если бы она умерла, Поль получилъ бы въ свои руки все: ему не нужно бы—не нужно было бы...

Судьи ничего не узнаютъ, не поймутъ про ихъ жизнь. Будутъ работать надъ «материнскимъ баловствомъ»—добросовѣстно, сострадательно. Весь міръ мать пожалѣетъ, и отъ этого никто Поля не можетъ жалѣть. Опять мать мѣшаетъ!..

Много всякихъ процессовъ—о, какъ возмутительно она читала эти газетные отчеты! пустое любопытство изъ уюта собственной безопасности... И вотъ, вотъ теперь вѣдь это они: она и Поль! Это напишутъ про нихъ: «обвиняемый—скамья подсудимыхъ—несчастная мать». «Краса нашихъ криминалистовъ»—это Илья. Ихъ любовь тоже раскроется, будутъ допрашивать про ея жизнь...

И вдругъ—такъ же, какъ всегда впервые охватываетъ насъ испугъ—такъ въ первый разъ въ ней загорѣлся вопросъ:

...Возможно ли, чтобы Поля оправдали??.

А вина!? то, что съ собою онъ сдѣлалъ, съ собой! Не деньги, бриллiанты—нѣтъ, нѣтъ!—Кокотка подлецомъ назвала—для себя, для себя!..

Закружило, качнуло всю, какъ тянетъ водоворотъ. Надежда Аркадьевна заставила себя встать. Постояла надъ письменнымъ столомъ, дотронулась до чего-то. Смотритъ, не видя, на бѣлый портретъ.

...Оправданіе! Оправданіе!—Убійцъ оправдываютъ.

Когда Муратовъ открылъ дверь—она уже стояла передъ дверью. Прямая, тонкая, точно она что-то лишнее сняла съ себя.

— На судѣ я могу говорить?? да? Мнѣ дадутъ сказать мой обвинительный актъ??

Онъ попятился:—Надежда Аркадьевна, что́ съ вами, дорогая?

— Вы ошибаетесь, Муратовъ—не объ оправданіи, нѣтъ, нѣтъ! Не безнаказанной вины—нѣтъ, не могу желать!.. Пусть только виновную мать осудятъ съ нимъ вмѣстѣ. Возможно, что каторга, да? нѣтъ же, вы меня не понимаете—не обманывайте меня, Муратовъ!

— Каторга! Кто могъ вамъ это сказать?

— Никто, никто, нѣтъ?.. О, какое счастье!

Закрыла руками лицо и сейчасъ же опять отняла ихъ.

— Ссылку, ссылку! Все равно куда. Новая жизнь,—я сдѣлаю новую жизнь, клянусь вамъ! Тамъ Поль будетъ только со мной.

Муратовъ прислонился къ стѣнѣ, у двери, гдѣ она его остановила. Всматривается озабоченный.

Знакомый трепетъ одушевленія въ измученномъ лицѣ... Румянецъ далекій—горячо блестятъ глаза.

— Вы не отвѣтили: должна я говорить на судѣ?

— Да. Нѣтъ—то, о чемъ вы сейчасъ... не знаю! Дайте подумать...

Медленно потирая лобъ, онъ отошелъ отъ стѣны.

— Этого не можетъ быть, чтобы судъ отказался выслушать мать! Я свидѣтельница—свидѣтели вѣдь раньше говорятъ, чѣмъ защитники? Ну да, ну да!—этого и довольно.

— Что жъ... возможно! Потрясетъ присяжныхъ, залъ, судъ: женщина броситъ свое—«кто онъ?»—проносится въ умѣ адвоката.—Но рискъ, рискъ! какъ понять, сколько уцѣлѣло здраваго разсудка? не разрѣшалось бы плачевной психопатіей, отъ которой поспѣшатъ избавиться...

— Вы боитесь за меня, Муратовъ?

Сѣла рядомъ. Гибко, вкрадчиво, какъ бывало, прильнула вся, едва касаясь. И руки его взяли горячія, сухія руки.

— Поймите—въ этомъ все его спасеніе! Нельзя, чтобы оправдали! Съ такимъ клеймомъ... Но куда же вернуться? Вѣдь у него жизнь впереди!

Бросила его руку, вскочила.

— Куда можетъ вернуться помилованный? Никогда больше я его не увижу. О! ко мнѣ навѣрное никогда! Боже... Боже... Неужели же они такъ погубятъ насъ?..

...Что она дѣлаетъ со мной! Вѣдь правда же, психологическая правда! Да... Да... вотъ Муратовъ, когда вы не знаете...

Надежда Аркадьевна стала очень молчалива, перестала спрашивать. Оставила его на диванѣ въ безпомощной позѣ— тихо бредетъ по комнатѣ, закинувъ голову. Губы шевелятся безъ звука.

... Готовитъ обвинительную рѣчь?..

Порывистымъ жестомъ Муратовъ поднялъ себя на ноги.

— Слушайте, что я долженъ сказать. Сейчасъ нѣтъ времени разобраться, какъ должно, во всемъ, что вы подняли—не берусь вамъ отвѣтить на все! Вотъ, я сознался. Позвоню одному товарищу, позову ко мнѣ пріѣхать. Или сами пойдемъ сейчасъ къ нему? Вамъ это безразлично? Необходимо струю свѣжаго воздуха впустить! Объективный чужой взглядъ...

Мать смотритъ ему въ лицо еще изъ вихря нахлынувшихъ страстныхъ мыслей... но уже оробѣвшая отъ твердаго дѣлового тона...

Было поздно и для Муратовскаго дома, поздно даже и для Юліи Павловны, почивающей до полудня,—когда Илья Егоровичъ вошелъ въ смежную свою небольшую спальню.

Струится молочный свѣтъ, не сильный, отъ потолка, и въ этомъ свѣтѣ такъ уютно выступаютъ мягкія складки свѣтлыхъ драпировокъ, сливаясь со стѣнами. Ни картинъ, ни зеркалъ, ничего лишняго; всего нѣсколько крупныхъ предметовъ необходимой меблировки, въ благородныхъ простыхъ линіяхъ. Одинъ общій ласкающій тонъ.

Очень удачная комната. Послѣ утомительнаго пестраго дня здѣсь обволакиваетъ свѣтлая тишина. Опуститься въ единственное большое кресло... Нѣсколько минутъ, пока уплываетъ отшумѣвшій день, и на смѣну ему тихо всплываетъ своя жизнь души...

Съ годами научаешься держать душу подъ замкомъ до свободной минуты... У каждаго заводится для того своя темничка. И дверь уже открываешь въ свѣтлый уголокъ съ такимъ чувствомъ: вотъ, сейчасъ отмахну все, все—поглядимъ, что тамъ сегодня у меня? У насъ...

И уже отъ порога взоръ тянется къ другой свѣтлой дверкѣ съ красивой хрустальной ручкой. Женщины не понимаютъ... Долго Юліи Павловнѣ казалось, что ее обсчитываютъ: похищаютъ минуты, а минутъ вѣдь и безъ того мало, мало для нея.

Были споры. Илья Егоровичъ отстаивалъ кожаное кресло

подъ молочнымъ плафономъ. (Не сразу окунуться въ шелково-кружевной рай опочивальни, въ продушенный воздухъ, насыщенный флюидами).

— Знаете, какъ русскіе купцы говорятъ: «Душа мѣру знаетъ»—умудренная душа!.. Не мѣшайте ей насъ беречь...

Увы, даже такая умница боится: сохрани Богъ, не пропустить бы какой обиды своему женскому величеству.

— «Ахъ, пожалуйста!—сдѣлайте одолженіе!»

Ключъ щелкаетъ. Жаль и досадно. Не понимаетъ, что эта свѣтлая тишина—какъ свѣжая ванна: придетъ онъ къ ней чище и свѣжѣе. Жадныя женскія сердца! Отжито это. Бурно и кратко—(у Юліи Павловны, повидимому, всегда кратко), но бывало тяжело...

Созрѣвшій, налившійся плодъ—тяжелъ. Слабѣе напоръ соковъ... онъ становится легче.

Теперь Илья Егоровичъ переступаетъ порогъ безъ волнующаго сомнѣнія. Ласковыми глазами отыскиваетъ свои старенькія туфли и нѣчто среднее между блузой художника и охотничьей курткой, замѣняющее халатъ для адвокатскихъ тѣлесъ, усталыхъ отъ фрака и твердокаменныхъ пластроновъ. И это «уродство» тоже отвоевано у негодующихъ попытокъ внести «красоту». Теперь Илья Егоровичъ во всемъ разбирается не спѣша, предвкушая съ философскимъ спокойствіемъ.

Но, вотъ—все иначе у него сегодня.

Не унесъ рабочій день съ собой всего, что расколыхалось внезапно со дна души... Словно сильнѣе еще дурманитъ сейчасъ, когда насущное отбыто. Завтрашній день расписанъ по часамъ. Гурзовичъ прощенъ за надѣланные сгоряча промахи и нагруженъ вновь; Иванъ Семенычъ оставленъ работать на ночь; Павлушѣ сданы на утро заказныя и депеши. (Однако... Гурзовичъ утѣшенъ—да!—но не безъ лицемѣрія. Бѣдный юноша убитъ: тамъ на родинѣ, кого-то ужъ замужъ выдаютъ на Буранчевскій гонораръ!)

Сорвавшееся такъ нежданно Буранчевское и бѣлокалильное московское... Несговорчивость Пахомова... Милѣйшій Женичка возмущенъ «экзальтаціей» матери, требующей для сына осужденія,—а ко всему эта примѣсь глухого ропота зазвучавшихъ тайныхъ фонографовъ...

...Денекъ!

Трехголосная фуга. Ну, а четвертый голосъ?

— ...«Спитъ»...—сказалъ онъ себѣ, скользя по свѣтлой дверкѣ задумывающимся взоромъ.

Быстрый двойной стукъ. Юлія Павловна вошла сейчасъ же.

Оттого, что на ней глухое дневное платье, а не обычныя для этого часа волны кружевъ и батиста—и оттого, что ея любимое лицо еще охватываетъ золотой рамкой прически благородный овалъ, и не покачиваются милыя наивныя косы до колѣнъ—отъ всего этого Муратовъ мгновенно почувствовалъ, что и четвертый голосъ вступаетъ въ фугу по законамъ гармоніи. Потемнѣвшіе глаза безъ блеска. Губы сжаты. И такая чудная блѣдность ея удивительной бѣлизны.

...Въ чемъ дѣло?—самъ едва вырвался сейчасъ—ясно же это!—мелькнуло въ умѣ.

Юлія Павловна жестомъ мужа удержала въ креслѣ и сама прислонилась къ двери.

...Не начнетъ... сказалъ себѣ мужъ.

— Безбожно поздно... Не легли неужели изъ-за меня? Не день, а землетрясеніе! Едва живъ...

— Я васъ видѣла и болѣе усталымъ, даже послѣ счастливыхъ событій, увѣряю васъ! Помните вашу знаменитую побѣду? милліонное завѣщаніе... забыла, какъ это называлось?—Вы въ тотъ день вернулись на разсвѣтѣ.

— Да, да! стóитъ ли запоминать, какъ назывался милліонный процессъ!—неожиданно для себя усмѣхнулся Муратовъ.—Я до сихъ поръ любуюсь этой великолѣпной независимостью отъ жизни: вы по ошибкѣ не родились на тронѣ, Юлія Павловна.

— Это ужасно жаль! Но вы заблуждаетесь: я бы погрузилась въ самую гущу жизни — я перестроила бы жизнь посвоему съ низу до верху!—Это сказано съ такой силой—металлическимъ звономъ словъ и какимъ-то ему незнакомымъ колебаніемъ тамъ, откуда вылетаетъ звукъ. Муратовъ вскочилъ на ноги и сталъ за кресломъ, привалившись вбокъ къ его высокой спинкѣ.

Можетъ быть, Юліи Павловнѣ не понравилась живость этого движенія?—или внезапный блескъ въ глазахъ?

— Вы сегодня выступали въ палатѣ?—бросила она сухо.

— Неудачно. Вы мнѣ напомнили — а я уже зарытъ по горло въ другомъ! Разскажу... сейчасъ, ей-Богу, языкъ не ворочается. Въ Москвѣ. Ужасъ—и я въ потемкахъ. Вы, конечно, знаете? эта дама...

Слабый жестъ руки въ сторону не можетъ вмѣстить больше презрительной горечи:

— Я!? Чтò же я знаю? Имя — сію минуту прочла на карточкѣ!

...Ну, вотъ-вотъ-вотъ... закачалось на волнахъ усталости. Отъ безнадежности внутри быстро пустѣетъ. Съ тонкимъ тянущимся звономъ отливаетъ кровь... И слабо вслѣдъ ей кружится голова.

— Вы устали? Но я тоже живой человѣкъ! Я вообще существую не только для услады глазъ—вы даже моими пороками любуетесь. Всегда израсходованъ, взятъ! — расписанъ по векселямъ!—даже въ будущемъ смѣшно мечтать...

— О-о-о! Юлія Павловна!.. ни тѣни состраданія къ столь печальной истинѣ?

Но усталая улыбка отскакиваетъ, какъ отъ стальной брони, въ угрожающихъ темныхъ зрачкахъ.

— И серьезность ваша тоже вся израсходована? Вы въ самомъ дѣлѣ не замѣчаете, что два года вы все только отшучиваетесь?

— Боже, что́ вы съ нами дѣлаете! зачѣмъ? Все это вы мнѣ скажете—но, ради Христа, сейчасъ я долженъ лечь! Вставать въ восемь. Даже приблизительно не знаю, что́ меня ждетъ завтра. Энергія, находчивость—увы! онѣ вѣдь тоже истощаются!.. И вообще—вообще, для всего, что васъ почему-то возмущаетъ—существуетъ вѣдь только эти нѣсколько часовъ сна...

Оставилъ кресло и послалъ ей издали ласковый жестъ руки:

— Спокойной ночи, моя королева. Монархи иногда милуютъ... Иначе я свалюсь и захраплю у вашихъ ногъ. Тогда вы меня возненавидите...

— Я ненавижу себя!—есть вещи, на которыя нельзя соглашаться безнаказанно!

Муратовъ остановился. Потомъ медленно побрелъ назадъ къ креслу.

Юлія Павловна, закинувъ руки за спину, крѣпко держится за холодную хрустальную ручку.

— Вы живой человѣкъ... Однако, справедливо ли и это спрашивать съ меня? За весь день некуда израсходовать здоровую энергію молодости послѣ десяти часовъ сна...

Она стремительно перебила его:

— Ну да, ну да! Вы же мысли не допускали, чтобы ваша жена продолжала служить!

— Вы все еще сожалѣете о скверно пахнущихъ бухгалтерскихъ книгахъ? Странно. Домъ строится на фундаментѣ, возводятся стѣны, фронтоны, крыша, etc., etc. — однако, если все лето расшатывать для того, чтобы убѣдиться, крѣпко и сложено...

Спросите-ка вашего Ганечку, онъ, кажется, какъ разъ кончаетъ свою архитектурную премудрость...

— Фундаментъ не долженъ быть заложенъ на тайнѣ!

— Тайна?? Да! ночью людямъ все еще мила старушка Романтика... Повѣрьте, я очень желалъ бы, чтобы теперь былъ день.

А рука все крѣпче сжимаетъ кусокъ хрусталя. Бѣлая дверка содрогается, какъ поплавокъ на водѣ. То смыкается—то отходитъ, и тогда появляется яркая полоса: точно упадаетъ огненная стрѣла на свѣтлую голову. Глухая, дробная стукотня—словно оттуда предостерегаетъ кто-то.

Морща лобъ, Муратовъ взглядываетъ на дверь. Нѣтъ силъ взвѣсить, какъ бы выгоднѣе всего ее успокоить... Но и помимо сознанія въ немъ старыя отгораживающія стѣнки сами собой плотнѣе сдвигаются.

— У меня нѣтъ основаній, къ сожалѣнію, отъ дня ждать чего-нибудь! — выговорила жена сумрачно: — Я сплю до двухъ часовъ. Но васъ раздражало бы еще больше встрѣчать меня между 8-ю и 11-ю утра. Могу въ этомъ увѣрить васъ!

...«Гм... какія же женщины, въ сущности, нужны намъ?—(опять эта дверь проклятая!)—Нѣтъ, нѣтъ—не тѣ, трепещущія передъ младенцами, отдавшія имъ попирать нашу любовь... Стало быть, эти? Лишь бы нашу-то подневольщину признавали сколько-нибудь... Умны вы, Юлія Павловна, не однѣ косы золотыя»...

Мысль по инерціи плетется, глубина погружена въ сонъ.

...Умна... умна... умна...

Слово застряло, какъ возвращается мотивъ. Вздрогнулъ.

— Простите — если бы вы отпустили несчастную дверь! все время колотитъ по нервамъ...

— Ахъ, правда! простите... Я не замѣтила!—Юлія Павловна покраснѣла и отошла поспѣшно.

Нечаянно, можетъ быть, дверь открылась.

Вотъ она, млѣющая въ тепломъ сіяніи, мягкая спутанность алькова. Въ серединѣ низкая кровать—ракурсы въ зеркалахъ... Блѣдно-розоватый шелкъ... пушистыя шкуры, бѣлыя и пятнистая, брошены на нѣжныхъ букетахъ ковра... И этотъ разжигающій свѣтъ желтыхъ абажуровъ на всѣхъ огняхъ. Да, да, длинныя косы искрятся въ немъ, точно мягкая золотая пряжа... Но какъ тяжело глазамъ!

Опасно глаза хоть на минуту оставить закрытыми. Муратовъ садится прямо, но на мигъ пересталъ понимать: онъ ли втянутъ, помимо воли, въ розово-золотистое сіяніе — или все

смѣшалось... Нѣтъ больше неяркаго, матово-свѣтлаго уголка съ громоздкимъ кресломъ...

— Вы и въ Москвѣ защищаете??

Въ другое время—да, безъ сомнѣнія, Муратовъ въ голосѣ почувствовалъ бы вопросъ, на который люди мучительно, лишь послѣ борьбы отваживаются.

Илья Егоровичъ медленно поднялся на ноги.

— Обыкновенно порядочные люди друзей защищаютъ. День, два... подробности въ газетахъ. Распорядитесь, чтобы вамъ подавали московскія.

Была слишкомъ глубокая ночь, для того чтобы нервы повиновались людямъ.

— Но... что же могла совершить эта женщина!??

— Прежде всего то, чего надо остерегаться въ наши дни: у нея есть сынъ.

Еще два шага:

— У насъ съ вами не будетъ сына. Мы можемъ спать эту ночь.

Юлія Павловна дѣлаетъ свой ночной туалетъ — но какъ будто она ворочаетъ тяжелые пласты.

Давящее, подкашивающее ощущеніе отбитой атаки—постылое! Чего было пугаться?! Зачѣмъ, зачѣмъ вамъ понадобилось, Юлія умная, еще одно пораженіе? Совершенно же дѣтскіе промахи: вѣдь не другой кто-нибудь, Муратовъ ли подаритъ вамъ «тайну»!

... Подѣломъ, подѣломъ! презирать всю жизнь шаблоны, архивность—и угодить въ «старушку Романтику»!

Пауза необходима. Юлія Павловна занялась скатываніемъ съ пальцевъ тяжелыхъ колецъ, но глаза не видятъ любимыхъ таинственныхъ вспышекъ цвѣтныхъ искръ.

Пріятно освобожденные пальцы разводить, купать ихъ въ воздухѣ... Она встала и пошла по ковру, безъ взгляда на свѣтлую дверь. Куда бы ни повернулась лицомъ, дверку она чувствуетъ, какъ ранку на тѣлѣ.

... «Такъ измученъ! Проигранное крупное дѣло и этотъ ударъ... Ахъ, что изъ того, что ты тутъ ничего не понимаешь?—весь домъ ударъ почувствовалъ. Но баба должна цѣпляться: міръ будетъ рушиться,—а мы все по-прежнему будемъ бормотать свои обиды!»

Юлія Павловна остановилась, судорожно взмахивая пальцами.

... Теперь, можетъ быть, и проболтается старый рабъ? все равно, вѣдь Завилова здѣсь...

— Юлія Павловна! королева! а письма красть вы еще не пробовали??

Ахъ, навѣрное, можно откопать какого-нибудь сумасшедшаго Маникина!.. Не зарѣзали ли кого? не повѣсился ли гдѣ-нибудь? Необходимо справиться—должно же существовать какое-нибудь лѣченіе, предупреждающее для умныхъ людей!

... Извивается змѣя, ущемленная тяжелой пятой.

И вдругъ—вдругъ.

— А-а-ахъ!!!

Короткій крикъ, — задушенный крикъ. Подгибаются ноги, скользятъ на пятнистой спинѣ звѣря.

Плывутъ стѣны, огни, зеркала, потолокъ. Она, нѣтъ! Нѣтъ, она схватилась за кушетку... она стынетъ въ леденѣющей пустотѣ.

Все, что кипѣло и клокотало — все вырвалось изъ сердца въ безсознательномъ крикѣ, одно слово растетъ въ пустотѣ:

— *Сынъ*! это же его сынъ!—сынъ его!...

Ну вотъ... вотъ все и кончилось. Тайны нѣтъ. Вѣдь только объ этомъ она мечтала: узнать!

У Муратова есть взрослый сынъ.

— Я вернусь, я вернусь изъ моего сумасшествія! Я спасена!»—шепчетъ и слушаетъ слова свои.

Какъ все просто: мать и сынъ, мать и сынъ. Молодая большая любовь, безъ страха, безъ торга... Любовь, не заключающая договоровъ.

... Ахъ, нѣтъ... это же не все! Есть еще что-то? Да! кто же совершилъ преступленіе — мать? сынъ? Здѣсь домъ, открытый для каждаго преступленія!

— Ахъ, какое дѣло до преступленія — завтра меня не будетъ здѣсь!

Ну вотъ, вотъ оно наконецъ: уйти — завтра уйти! Теперь во что бы то ни стало проспать нѣсколько часовъ, для того чтобы уцѣлѣла голова: Маникина должна дрожать надъ своей нервной системой.

Юлія Павловна потушила электричество и бросилась, одѣтая на постель.

— За границу? къ брату Лешѣ?

— Нѣтъ, онъ съ ума сведетъ, Леша! Одна... Одна...

Если бы Муратовъ не выѣхалъ изъ дому утромъ въ половинѣ десятаго, онъ подумалъ бы, при видѣ Юліи Павловны, что жена задалась развивать въ жизни теоріи ихъ ночного разговора. Но Илья Егоровичъ уѣхалъ съ Гурзовичемъ, не допивъ своего стакана кофе.

Юлія Павловна въ черномъ городскомъ платьѣ въ этотъ часъ, когда объ ея существованіи никто не помнитъ,—это было явленіе столь необычайное, что оно всѣхъ заставляло поворачивать голову и торопливо кланяться, на мигъ теряя нить своей работы.

Павлуша вился передъ нею волчкомъ и путанно старался объяснить, почему онъ еще не отправился на Островъ: Илья Егоровичъ «просто велѣли до обѣда» и пр., и пр.

Мебель въ кабинетѣ не получила дара слова. На столѣ Муратова открыть какой-нибудь безпорядокъ выразительный немыслимо,—мѣховая шапка лежала на немъ вчера въ первый и послѣдній разъ...

Мина разсказала, какъ «старуха» просидѣла день на турецкомъ диванѣ — но самое слово исчезло изъ сегодняшнихъ мыслей: точно взрослый сынъ помолодилъ московскую героиню.

Юлію Павловну относитъ все дальше непрерывающееся теченіе... Сумбуръ ночного кошмара разсѣялся, но въ трезвой унылости еще не обогрѣтаго петроградскаго утра пронизываетъ новая странная пугливость... Можетъ быть, это отъ открывшейся, незнакомой до сихъ поръ прозаичности профессіональнаго заведенія, живущаго своей жизнью? Какъ строго пригнанныя колеса фабрики, люди каждый на своемъ мѣстѣ.

А важный кабинетъ пустъ. Теперь это обыкновенная комната. Павлуша перебѣгаетъ, шаркая ногами, кричитъ издали съ торжествомъ:

— Есть! вотъ она — копія! Говорилъ, что «холера» позабылъ изъ пресса вынуть, никогда мнѣ не вѣрите!

Двѣ машины стучатъ—барышня и какой-то молодой человѣкъ. Звонки. Трещатъ телефоны. Трещатъ и звонятъ подолгу, прежде чѣмъ для нихъ отложатъ работу или перервутъ разговоръ.

Душа вылетѣла въ распахнутую дверь кабинета—всему дающая стройность, углубленность и значительность большого дѣла. Вертятся колеса.

Не дико ли, что эту фабрику называютъ ея домомъ!? Здѣсь же рядомъ примостилась нарядная каютка случайной пассажирки.

Въ кабинетѣ нельзя оторвать глазъ отъ турецкаго дивана...

Точно подстерегаетъ: изъ-за пестрыхъ подушекъ высунутся хитрыя издѣвающіяся рожи... Глядите, глядите—мы смирно, благовоспитанно лежимъ. Мы ничего не видали, мы ничего не слыхали.

— Нѣтъ, не можетъ быть права на такую тайну! Онъ живъ, вашъ сынъ, вы не смѣли, не смѣли его скрывать отъ меня!

— Что́?.. Она это сказала, она говоритъ одна въ пустой комнатѣ!?

Мгновенно сорвана первая попавшаяся книжка съ вращающейся этажерки для новыхъ изданій. На какомъ языкѣ книга? Въ концѣ концовъ это все-таки англійская книга...

И вдругъ, эта нестерпимость разрѣшилась такъ просто, такъ неожиданно легко—точно открылась дверь изъ душной тюрьмы. Въ кабинетъ вбѣжалъ Гурзовичъ своими мелкими шажками какъ-будто на колесахъ.

Кровь, гдѣ-то запертая, хлынула по всему тѣлу легкими веселыми мурашками. Юлія Павловна сѣла. Слабо смѣется, ласково кивая головой: ее всегда смѣшитъ походка Якова Львовича! плавными уклонами—вправо и влѣво—какъ гибкое раскачиваніе конькобѣжца, вѣдь Яковъ Львовичъ любитъ скетингъ-рингъ! То-есть, онъ мечтаетъ объ скетингъ-рингѣ когда-нибудь, когда будетъ свободное время.

Однакожъ, тоже и помощнику не совсѣмъ-то легко было маскировать выпирающее изъ души недоумѣніе: Юлія Павловна утромъ стоитъ себѣ одна въ кабинетѣ! Онъ никогда не видалъ супругу Муратова въ кабинетѣ—можетъ быть, на приглашенныхъ вечерахъ, когда здѣсь играютъ въ карты, и ему незачѣмъ сюда входить?

И такой у нея видъ... Оказывается, она совсѣмъ уже не такая особенная красавица!

И отчего-то Яковъ Львовичъ почувствовалъ себя свободно, какъ даже и помышлять невозможно съ Юліей Павловной. И, безъ сомнѣнія, это одно изъ самыхъ пріятныхъ ощущеній для человѣка застѣнчиваго. Но, конечно, въ голову не приходитъ назвать свое чувство жалостью—къ такой-то роскошной дамѣ! Просто, ни во что не углубляясь, помощникъ старается отвѣчать обстоятельно на хлынувшіе на него вопросы.

И въ самомъ дѣлѣ, мужъ не могъ же ничего ей разсказать, не успѣлъ—когда же?—все-таки и дамамъ подчасъ не легко! Хоть, разумѣется, тутъ какое же житье, за такимъ Муратовымъ—райское житье, и больше ничего!

Какъ человѣкъ любопытный, Гурзовичъ сразу сочувственно ощутилъ гложущую тоску неизвѣстности въ сбивчивыхъ словахъ женщины, прочелъ въ тревожно горящихъ глазахъ. Совершенно понятно! предстоитъ процессъ въ Москвѣ—разъѣзды, разлуки... Но главное, главное, главное все-таки несчастный провалъ Буранчевскаго! Неугодно ли наново сплетать всѣ оборванные концы этой канители!..

Буранчевское дѣло сейчасъ же вызвало изъ его груди нѣсколько искреннихъ вздоховъ—сколько-нибудь облегчить собственный грузъ. Съ Ильей Егоровичемъ не заикаешься, какъбудто вовсе и не было палаты!

— Такое вышло несчастное совпаденіе... Всего только бы явиться на одинъ день позже. Одинъ день, и совсѣмъ другая музыка!—заключилъ онъ уныло.

— Но почему же?—спросила Юлія Павловна, подумавъ нѣсколько секундъ.

Яковъ Львовичъ нервно смѣется:—Если желаете, я могу объяснить.

— Пожалуйста, пожалуйста!

— Извѣстно ли вамъ, когда именно г-жа Завилова сюда явилась?—началъ помощникъ съ внезапной торжественностью.

— Утромъ вчера,—отвѣтила поспѣшно Юлія Павловна.

— Совершенно безспорно (быстрый поклонъ). За сорокъ пять минутъ до того, какъ намъ ѣхать въ палату. Мы выбрались на полчаса позднѣе—недурненькое начало? Но надо еще знать, что̀ такое этотъ послѣдній часъ! Это... это—всѣ струны, натянутыя до наивысшей степени—ну! напримѣръ, въ какой-нибудь великолѣпной арфѣ! вѣдь это уже всякому понятно, не правда ли, что̀ такое натянутая струна? Она можетъ лопнуть даже отъ нѣжнаго прикосновенія смычка! Но я васъ спрашиваю: развѣ тутъ одна какая-нибудь струна? Сколько струнъ нужно натянуть до наивысшей степени для подобнаго дѣла??

Неизвѣстно, насколько дамы способны оцѣнить красоту удачной метафоры, но молодой горячій помощникъ долженъ каждый удачный образъ своевременно отмѣчать для будущаго. И Яковъ Львовичъ мысленно занесъ «струны арфы» въ коричневую книжечку съ ключикомъ.

— Это все равно...—уронила задумчиво Юлія Павловна и перестала на него смотрѣть.

Гурзовичъ обидѣлся.

— Простите, Юлія Павловна, такъ можетъ казаться, если не знать дѣла! Буранчевское тянется шесть лѣтъ—подумать не-

возможно, сколько тутъ теряетъ Илья Егоровичъ! И я долженъ сказать—извините!—если такъ принимать къ сердцу... ну, тогда нашему брату прямо нельзя работать! Несчастья каждый день случаются и съ самыми близкими людьми...

— Объ этомъ лучше не пытаться судить со стороны!—прервалъ его неожиданно суровый возгласъ.

Якова Львовича кинуло въ жаръ.

— Очень извиняюсь! Однако, мнѣ извѣстно, что тутъ личность совершенно не заслуживающая: Илья Егоровичъ ничего и не ждалъ порядочнаго даже, когда узналъ ребенкомъ. Жаль, разумѣется, несчастную мать.

Если бы Буранчевское дѣло не задѣвало такъ близко личные интересы помощника, наблюдательные каріе глаза подмѣтили бы дрожь волненія, пронесшуюся въ глазахъ, въ устахъ.

— Старые друзья...

— Позвольте! я ни слова не говорю про мать—ни одного звука! Всѣ знаютъ, что эта женщина даже замѣчательная! Можетъ получиться интереснѣйшій процессъ въ своемъ родѣ. Но я говорю о молодомъ человѣкѣ—объ этомъ типичномъ продуктѣ нашихъ дней. Илья Егоровичъ уже къ ребенку почувствовалъ глубокую антипатію—развѣ тутъ не любопытный психологическій штрихъ? Скверно то, что въ этомъ дѣлѣ у насъ связаны руки. Старая дружба, и все такое. Впрочемъ, возможно, что Илья Егоровичъ убѣдитъ г-жу Завилову удовольствоваться московскими адвокатами—вѣдь дѣло совершенно же ясное! Да! но спрашивается, ради чего тогда погублено Буранчевское!??

Юлія Павловна не шевелится. Совсѣмъ не реагируетъ на интереснѣйшія сообщенія... Странно! Но, благодаря этому, самъ Гурзовичъ быстро успокоился: какъ-ни-какъ уже получился хотя нѣкоторый облегчающій разрядъ раздраженія, скоплявшагося нѣсколько дней. Гурзовичъ взглянулъ на часы—извинился, взялъ со стола бумаги и исчезъ.

...«Не сынъ Муратова!—сына нѣтъ!!»

Рухнувшую башню убійственныхъ догадокъ можно вновь начать возводить съ самаго основанія—но не въ тотъ же моментъ. Сейчасъ это только могильная насыпь острыхъ осколковъ, больно ранящихъ при всякой попыткѣ движенія...

Вечеромъ Муратовъ усадилъ Надежду Аркадьевну въ купе московскаго курьера.

Днемъ происходила вторая консультація съ Пахомовымъ.

Вдвоемъ имъ удалось наконецъ убѣдить мать, что ея требованія неосуществимы. Искусство всѣхъ юристовъ Москвы и Петербурга не можетъ создать несуществующаго понятія: подвести «баловство» матери подъ категорію юридически наказуемаго попустительства.

Острые, какъ ножъ, какъ гранитъ, твердые юридическіе термины женщина усиливалась снести напоромъ страстной своей вѣры во всемогущество нравственнаго перерожденія. Оно совершится въ новой жизни! Тамъ, гдѣ исчезнутъ всѣ пагубныя условія прежняго существованія, гдѣ Поль будетъ только ея сыномъ. Она требовала, чтобы сына вернула ей сама разверзшаяся бездна.

Ну да, матери не помѣшаютъ послѣдовать добровольно за осужденнымъ, — но не то сложилось въ ея воображеніи. Ей нужна своя доля въ его искупленіи! Судьба одинаковая, для того чтобы только смерть оторвала ее отъ него. Инстиктивно она стремилась поставить силу неодолимую надъ его волей.

И въ теченіе двухъ дней этотъ подъемъ безтрепетнаго духа, растущій какъ приливъ морской, кружилъ и мужчинъ, ихъ тоже клонилъ въ непривычную сторону. Естественные разсчеты, реальныя возможности, очевидныя опасности подмѣнивались фантомами, но фантомы не укладывались въ дисциплинированныхъ умахъ такъ, какъ ихъ поглощала потрясенная женская психика. Имъ слышались недопустимыя рѣчи, какими эта мать огласитъ суровые своды суда, требуя обвинить и ее, во имя нравственнаго спасенія сына. Для нихъ былъ очевиденъ обратный эффектъ драматическаго впечатлѣнія: заразительность зрительнаго зала передъ эстрадой обнаженной материнской души.

— Поймите же, что каждымъ вашимъ словомъ вы будете себя оправдывать—а его обвинять!—убѣждали ее адвокаты.

— Я откажусь отъ показаній. Но вы? обязуетесь вы сказать все это отъ лица защиты?

— Обвинять васъ? убѣждать присяжныхъ не губить нашего подзащитнаго оправдательнымъ вердиктомъ? — вотъ когда наши имена прогремѣли бы на всю Россію! — смѣялся Пахомовъ.

— И это всего вѣрнѣе привело бы къ оправданію.

— На оправданіе я подамъ жалобу! Найдется хоть одинъ юридическій умъ, способный признать, что суть важнѣе формы?!. Спасать павшихъ тѣми путями, какіе открываетъ сама жизнь, а не толкать ихъ еще глубже!.. Неужели и вы еще не убѣдились, гдѣ гибель? Или вы жалѣете моего сына больше, чѣмъ я?

— Надежда Аркадьевна, прислушайтесь одну минуту,— вступаетъ невозмутимый голосъ Пахомова:—Подавать жалобы есть право осужденнаго или прокурора. Свидѣтели никакихъ жалобъ не подаютъ. Увѣрены ли вы, что вашъ сынъ пожелалъ бы подать фантастическую жалобу на оправданіе, если бъ даже онъ имѣлъ на это право?

Но это бредъ! Ни одинъ человѣкъ не согласится. Философія, мораль и судъ—это покрывается только въ романахъ Достоевскаго! Въ жизни двѣ формулы: «оправданъ по суду» и «обвиненъ по суду»—это демонъ и ангелъ для человѣка, очутившагося на черной скамьѣ.

Мать убѣдилась наконецъ, что ей говорить на судѣ опасно. Тогда она стала умолять Муратова: просить человѣка, который ей отказать не можетъ.

...Пусть Муратовъ не щадитъ Поля. Своей совѣсти ему не придется насиловать, она вѣдь знаетъ его сужденіе, когда былъ еще мальчикъ—сейчасъ тѣмъ болѣе! Если добьется ссылки, онъ будетъ ихъ спасителемъ.

Таковъ былъ кошмаръ Муратова. Былъ онъ ограниченъ лишь тѣмъ, что въ квартирѣ Пахомова г-жа Завилова не могла совсѣмъ забывать о времени.

— Намъ необходимо кое-что сообразить между собой,—сказалъ безапелляціонно адвокатъ распахнувъ передъ кліенткой дверь кабинета (спасая коллегу отъ проводовъ тягостныхъ).

Вернувшись изъ прихожей, Пахомовъ нашелъ Муратова въ позѣ глубокаго изнеможенія.

— Муратовъ, вы должны добиться передачи этого дѣла. Я въ крайнемъ случаѣ останусь, ради васъ. На вашемъ мѣстѣ пошелъ бы даже на открытый отводъ по близкому знакомству— надо же щадить себя!

— Вы рехнулись, коллега?

— А вы твердо надѣетесь удержать эту женщину на границѣ здраваго разума? Не знаю, не знаю... вамъ ближе знать!

— Какъ же это сдѣлать? Послѣ того, что я обѣщалъ...

— Завтра же пошлите вслѣдъ письмо. Въ письмѣ легче добить логикой, а прочесть всегда устрашительнѣе такихъ словесныхъ битвъ. Я хорошо знаю эту традицію съ женщинами!

Муратовъ не отвѣтилъ. Всячески, сейчасъ надо ѣхать домой.

И домъ пронесся въ памяти красочными пятнами ночного разговора съ женой. Однако... что же это творится съ нервами Юліи Павловны? Неужели уже настаетъ пора «развлекать» молодую жену, ради обезвреживанія атмосферы?

...Да, да. Смѣшно требовать отъ влюбленной барышни умѣнія прозрѣвать впередъ, коли такимъ умѣніемъ не обладають даже прожженные старые адвокаты.

Муратовъ коснулся руки Пахомова, суетившагося у письменнаго стола.

— Женичка... вы, кажется, пригласили меня обѣдать?

— Ну, само собой разумѣется! Вы же знаете, какъ Вѣрочка влюблена въ Муратова! Будетъ польщена... Бѣгу ее обрадовать.

...«Вѣрочка»... Пахомовы такъ зовутъ другъ друга. Сколько тутъ слышится успокоительнаго...

Илья Егоровичъ обѣдалъ у Пахомовыхъ и едва поспѣлъ заѣхать за Завиловой въ ея гостиницу. Неожиданно прощанье не было тягостно: она была очень молчалива, погруженная въ упорныя думы.

Дома Муратову сказали, что Юлія Павловна уѣхала въ театръ.

Юлія Павловна провела вечеръ въ театрѣ.

Безъ пяти въ шесть незнакомый голосъ предупредилъ по телефону, что Илья Егоровичъ не обѣдаетъ дома.

Изъ того, какъ забилось у нея сердце, и точно свѣжій вѣтерокъ разогналъ тяжелый туманъ въ головѣ—по этому внезапному ощущенію внутренняго освобожденія, она поняла, какой тяжестью лежала предстоящая встрѣча съ мужемъ...

...Такая виновность!—такое страстное раскаяніе! — отчего же, отчего радость успокоенія все-таки не полная? Отъ схлынувшей высокой волны остался какой-то безформенный осадокъ равнодушія... Какъ сырость надолго пропитываетъ землю, когда умчался внезапный ливень.

Стыдно себя за все, чего никто никогда не узнаетъ.

Стыдно Муратова за малую долю смятенія, прорвавшуюся въ ночной сценѣ. Съ отвращеніемъ въ памяти вспыхиваютъ отдѣльныя слова... вѣдь для Юліи Павловны «истеричка» самое ненавистное изъ всѣхъ словъ на всѣхъ языкахъ.

...Да, стыдъ... о, да! И все-таки она неправа! Все-таки не она одна виновата въ своей винѣ—нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!.. Онъ отравилъ жизнь. Пусть не онъ—что-то въ прошломъ, чего измѣнить нельзя—но кто же, какъ не онъ, сдѣлалъ такъ, что прошлое навсегда должно ихъ толкать все на ту же дорогу безплодныхъ протестовъ и безсмысленной боли?

Былъ сынъ—не было сына—какая разница? Вчера Юлія Павловна говорила себѣ: «это его жена пришла требовать того, на что̀ она имѣетъ право». Ну, а сегодня? сегодня, безъ сына, уже и не жена?

Да, да, теперь она понимаетъ, два года прожиты не даромъ. Бываетъ только одинъ моментъ настоящій, его нельзя, нельзя было пропустить: что̀ не свершится въ единственную таинственную минуту—то не можетъ уже вернуться въ обыденной жизни. Она это безсознательно чувствовала—а Муратовъ не понялъ!

И опять въ памяти свѣтитъ электрическая лампочка, обернутая клочкомъ тонкой бумаги... Слушаютъ, ждутъ тѣсно сдвинутыя стѣны дѣвичьей комнаты... Такъ жутко трепещетъ, сладко замираетъ легковѣрное сердце...

Отчего, отчего Муратовъ не понялъ—опытный, мудрый?..

И вдругъ Юліи Павловнѣ кажется, что теперь она знаетъ, отчего: знаетъ, потому что и сама смотритъ на тотъ моментъ изъ остывающей дали...

Точно ледяная капля, тяжелая, тяжелая, изъ мозга упала въ сердце... Изъ сердца дальше—пронизала ее всю до холодѣющихъ ногъ...

...Издали! Да, да, она вѣдь такъ и не вошла въ жизнь Муратова! Въ тотъ вечеръ они стояли у порога... Онъ долженъ былъ открыть дверь — и не открылъ. Испуганная упрекомъ, загипнотизированная красивой покоряющей рѣчью, она дала увлечь себя другимъ... Воображала, что это придетъ потомъ, что любовь откроетъ ей его жизнь... Что будетъ все расти любовь...

Юлія Павловна смѣется.

...Засадилъ пассажирку въ нарядную каюту и заглядываетъ къ ней въ свободную минуту, вернувшись съ берега... коли не слишкомъ хочется спать!

— Кончено. Вотъ, я тоже схожу на берегъ! — говоритъ полугромко Юлія Павловна, приглядываясь въ зеркалѣ къ странно преображенной своей красотѣ, точно водой живой обрызганной...

Въ театръ попасть удалось только въ Михайловскій. Тѣмъ лучше, чужая рѣчь безразличнѣе скользитъ по слуху, прикованному къ интересной работѣ мысли. Какіе-то внутренніе запоры открылись. Какіе-то запреты исчезаютъ... помимо ея воли.

Взоръ весело пробѣгаетъ пестрыя гирлянды нарядныхъ ложъ, наслаждаясь красотой, свѣтомъ, жаркой атмосферой праздничной толпы.

...Какъ весело на свѣтѣ! Какъ глупо болѣть сердцемъ, точно лихорадкой, въ пустой каютѣ!

Юлія Павловна не поѣхала къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, чтобы не испытывать ни малѣйшаго стѣсненія. Здѣсь она весело улыбалась на поклоны—пусть какъ можно больше знакомыхъ лицъ!—тѣмъ лучше, тѣмъ задорнѣе ощущеніе внутренней свободы.

Антрактъ.

Вонъ, въ боковомъ проходѣ, у самаго выхода, высокій Галицкій кого-то поджидаетъ.

Ждетъ ее?

— Къ старой любви возвращаюсь всегда,—просмаковалъ съ чувствомъ красивый адвокатъ, цѣлуя руку, весело ему протянутую:—Я искалъ, искалъ—но такъ и не нашелъ Муратова. Неужели это возможно: «Enfin seule»!

— Вы все такой же фатъ!—смѣется, блистая глазами, Юлія Павловна.

— Ничуть. Мудрецъ, пропитанный спасительными истинами изъ несгораемаго шкафа вѣковъ: Gutta cadens lapidem torquet.

— А-а! супругѣ адвоката обязательна хотя бы журнальная латынь? Впрочемъ, нѣтъ, вѣдь я же была на курсахъ! (чувствуетъ сама, какъ красиво смѣется)—но вотъ какъ разъ эта мораль не въ моемъ вкусѣ... Особенно хорошо звучитъ по-русски: «долбитъ»...

— Со мной, Юлія Павловна, поколебать эту мораль вамъ не удастся: каждый адвокатъ сжился съ кассаціонной идеей.

Самъ усмѣхается неистребимому острословію—а красивые глаза безцеремонно добиваются что-то прочесть въ ея лицѣ.

Юлія Павловна притворяется, что она не замѣчаетъ. Но и въ самомъ дѣлѣ не замѣтила, какъ идетъ уже подъ руку съ Галицкимъ,—какъ бывало, когда онъ настойчиво ухаживалъ.

Галицкій никогда ее не задѣвалъ. Но такъ внезапно сейчасъ пахнуло ароматомъ первой юности отъ этихъ откровенно ласкающихъ глазъ... Какъ будто проступаетъ слѣдъ смутныхъ дѣвическихъ переживаній отъ нѣмого языка яркихъ и выпуклыхъ, вздрагивающихъ на гладкомъ лицѣ губъ...

Сердцеѣдъ Галицкій, побѣдитель женскихъ душъ—то, что̀ поднимало на дыбы всю гордость «неприступной», но «неотразимой» Юліи Павловны. Однако... Почему-нибудь да бѣгали же за ней, не взирая на ея неприступность?

...Смѣшно... Помнятся даже интонаціи, какими ея кавалеры

произносили эти эпитеты: ненавистно-саркастическимъ звукомъ безсилія. Кавалеры самостоятельной петербургской барышни.

— Прикрытая наглость!.. А сейчасъ нѣтъ надобности въ прикрытіи,—думаетъ она презрительно:—Не была дурой, когда такъ полагается по лѣтосчисленію—вотъ, что ихъ подымаетъ! Пониманіе въ дѣвушкѣ, если не равносильно доступности, то все же не обозначаетъ обратнаго. И онъ... и онъ тоже? Пожалуй, Муратовъ больше, чѣмъ кто-нибудь?...

Настроеніе исчезло. Сразу похолодѣло возбужденное лицо. Рука безпокойно шевельнулась на нѣжно обнимающемъ ее локтѣ.

— Вы что-то непріятное сейчасъ вспомнили? Какъ мнѣ не везетъ! Впрочемъ, такъ называемымъ «счастливчикамъ» обыкновенно не везетъ въ самомъ интимномъ... Все-таки тамъ соблюдается же какая-то справедливость!

Красивый ироническій жестъ въ потолокъ—маленькій вздохъ—туманъ нѣжности во взорѣ.

Юлія Павловна равнодушно неторопливо сняла свою руку.

— Нѣтъ. Просто домой пора.

— Какъ! А четвертый актъ?

— Не стоитъ... Хотите вы, Галицкій, мнѣ его разсказать? Съ будущей среды открывается и мой five o'clock не избавляется отъ повинностей!—très soigneusement filtré. Нѣтъ, нѣтъ, не кланяйтесь! Просто, въ этой квартирѣ у меня мало мѣста.

Глаза сіяютъ и улыбаются съ дружеской усмѣшкой:

— Однако! Насколько даже современныя женщины дичаютъ на лонѣ супружескаго блаженства... Послѣ «примѣчанія» я кланяюсь сугубо.

Руку потянулъ къ своимъ губамъ, чуть-чуть склоняясь надъ ней и не отрывая глазъ.

Звенѣли звонки. Публика, спѣша, огибала съ недовольнымъ оглядываніемъ неподвижную пару.

— Вы неосторожны. Это меня нѣсколько миритъ съ вами... Если только и тутъ не все разсчитано?

— Вы неужели всегда были такъ подозрительны? Или это плохой аттестатъ великолѣпному Муратову?

— Отправляйтесь смотрѣть четвертый актъ, иначе вы не сможете разсказать его мнѣ.

Пробѣгая мысленно эту болтовню, Юлія Павловна подтвердила свое приглашеніе Галицкому. Для начала необходимо обезпечить въ гостиной извѣстную порцію оживленія, готовый турниръ остроумія, чтобы не начинать со скуки.

...Будущая среда?

До этихъ нѣсколькихъ минутъ случайнаго разговора Юлія Павловна ни разу не подумала серьезно о своемъ «затворничествѣ». Ну да, разумѣется, на нихъ уже давно точатъ язычки друзья ея и Муратова! Никто не ждалъ отъ «неотразимой» и «неприступной»—подобной марки супружескаго счастья: съ этимъ, отъ вѣка присущимъ колдовствомъ уединенія...

Но кто же не знаетъ, что Муратовъ—весь взятъ, разобранъ по часамъ, расписанъ на векселѣ? Можетъ, быть, его жену уже жалѣютъ, или высмѣиваютъ? Или же плетутъ про нихъ гадости?

— Довольно, madame Муратова, скука five o'clock не хуже всякой другой скуки.

Въ тряскѣ, броскѣ и трескѣ роскошнаго маленькаго купе, за напряженной спиной шофера съ его машиной, навсегда исчезла былая уютность кареты: съ беззаботно баюкавшимъ покачиваніемъ рессоръ, съ глухимъ топотомъ живого бѣга.

Юліи Павловнѣ Муратовой идетъ автомобиль,—но она его не любитъ.

— Привыкнете! Нельзя отставать отъ вѣка!—шутитъ Илья Егоровичъ.

Привыкать вовсе не обязательно... Но несносно жить на остромъ рубежѣ.

—Я вся не настоящая... А, вѣдь, должно быть, насъ,такихъ же, очень много!—думаетъ Юлія, морщась отъ рѣзкихъ выкриковъ гудковъ: мы недурно передѣланы на новый фасонъ изъ стараго матеріала... voilà! Понимаетъ ли это Илья? О! За что же полюбилъ иначе? Ну, а словами... словами, пожалуй, еще и не сказалъ себѣ.

Но, вѣдь, и сама она говоритъ себѣ всѣми словами впервые въ этотъ знаменательный ценъ.

Дверь распахнута на обѣ половинки. Илья Егоровичъ гуляетъ и взадъ и впередъ черезъ кабинетъ и пріемную.

Въ столовой нарядно сіяетъ накрытый къ чаю столъ; въ серединѣ стола высокая хрустальная ваза съ пучкомъ пунцовыхъ розъ на длинныхъ стебляхъ.

Розы,—и открытый кабинетъ въ полномъ освѣщеніи, и прогулка неритмичныхъ шаговъ, съ задержками, съ ускореніями и остановками—все это «не могло не дать думать», какъ сказалъ бы французъ...

Но Муратовъ одинъ. Сейчасъ здѣсь не фабрика, а свое-

образный домъ профессіонала: то исчезающій совершенно изъ его ощущеній, то выступающій на первый планъ. Онъ одинъ господинъ всѣхъ этихъ смѣнъ. Онъ останавливаетъ или пускаетъ въ ходъ фабрику; онъ облачается въ котурны и маски, или сбрасываетъ ихъ со вздохомъ облегченія.

Вѣчно могуча жизнь своими сюрпризами! Красныя розы— это движеніе сердца; но умъ еще не начерталъ твердой линіи поведенія, когда Илья Егоровичъ, съ букетомъ въ рукахъ, выслушалъ отъ швейцара: «Юлія Павловна уѣхала въ театръ».

Мгновенно сюрпризъ спуталъ и тѣ общія очертанія, надъ которыми онъ успѣлъ поработать по пути домой...

Въ такіе моменты не можетъ быть ничего драгоцѣннѣе нѣсколькихъ минутъ свободнаго одиночества. Человѣческая мысль не подчинена, подобно чувству, физическому закону сопротивленія и силы: напротивъ, мысль требуетъ простора, чтобы распранить мощныя крылья. Во всю свою силу мысль работаетъ лишь тогда, когда окружающее исчезло въ ея потокѣ.

И начался поединокъ Муратова съ нежданной загадкой подъ старой маской мельпомены:

...Не къ роднымъ, не къ знакомымъ отправилась Юлія Павловна — а въ театръ. Но, вѣдь, со дня свадьбы Юлія Павловна еще ни разу не ѣздила въ театръ безъ него?

...Что это—случайно? шаловливо? Или это мрачно-вѣщательно??

...Рѣшено ли это съ вечера—съ утра—или послѣ того, какъ мужъ не явился къ обѣду?

Да, да! тутъ все — нюансы, детали, наслоенія. Съ такой женщиной не существуетъ ничего безразличнаго и все должно назидать. Илья Егоровичъ обдумываетъ, уставивъ взоръ въ портретъ жены.

А тамъ, на глубинахъ... Тамъ, гдѣ два дня глухо пѣли таинственные фонографы? Тамъ какое-то новое, неосвоенное еще ощущеніе... Ползучее шевеленіе себялюбивой досады.

... Ни отъ чего онъ не могъ и не сможетъ избавить Москву. Надежду Аркадьевну онъ сегодня проводилъ не въ Москву— куда-то, откуда нѣтъ возврата...

Можетъ быть, оттого и домъ сегодня чувствуется какъ-то по-особенному?..

Юлія Павловна вернулась на три четверти часа раньше срока.

— Comment?! Супругу сказано: «театръ» — и это обязы-

ваетъ вернуться juste à point. Какой же спектакль въ Петроградѣ кончёнъ къ одиннадцати часамъ?

Не поздоровавшись, посмѣиваясь, мужъ сталъ снимать съ нея манто. (Люди и расслышать не успѣли нежданнаго звонка). Въ зеркалѣ встрѣчается съ блестящими глазами.

Въ черномъ струящемся блескѣ легкаго туалета, поблѣднѣвшая замѣтно даже за этими играющими красками оживленія — чуть-чуть похудѣвшая — какъ она плѣнительна для очей, которымъ наконецъ-то вернули право жить! жить всѣмъ, что такъ часто, такъ подолгу лишь значится своимъ.

— Глупая пьеса, не стоило высиживать послѣдній актъ. А вы? à giorno! у васъ только-что былъ кто-то? — И ужинъ!— Это славно...

При видѣ стола Юлія Павловна вспомнила, что она сегодня почти не обѣдала.

Взглядъ остановился на розахъ. Секунду она точно колебалась, потомъ отломила самую пышную розу, прикалываетъ на груди.

Ни улыбки, ни благодарнаго взгляда — онъ кругомъ обобранъ! Муратовъ загадочно улыбается и съ розой ей не помогаетъ: вѣдь роза—это только вѣжливость.

— Чаемъ мнѣ не напоить ли васъ сегодня, madame Муратова? Право, право... начнемъ съ нарушенія закона!

Онъ сѣлъ на ея мѣсто, обводитъ взглядомъ свое хозяйство.

— Но мы что же начинаемъ?—спросила себя Юлія Павловна, усаживаясь на его стулъ.

Такую внезапную усталость она чувствуетъ... И еще — то печальное равнодушіе къ своему «спасенію», о чемъ она такъ и не успѣла еще подумать, какъ слѣдуетъ...

... Но вѣдь спасеніе же, спасеніе! Что было бы съ ними въ эту минуту, если бы Гурѣвичъ не зашелъ въ кабинетъ, не повелъ удачно разговоръ??..

Часто людямъ не удается напугать себя миновавшей опасностью, и въ этомъ сказывается вѣчное наше сопротивленіе страданію. Только счастье можетъ для человѣка быть нормой, только одно счастью!

— Неужели сей звѣрь васъ не соблазняетъ?—Мужъ, какъ гостьѣ, подвигаетъ блюдо съ пышнымъ копченымъ сигомъ:—Ну хоть икры ложечку скушайте? тоже нѣтъ? Вы, я вижу, дѣйствительно устали.

... Устала, устала, устала!—Крикнуть бы это ему въ лицо! Но только чтобы онъ понялъ, отчего она устала...

Чтобы понялъ, какъ напрасно растраченъ жаръ сердца, и какъ измятъ душистый цвѣтникъ, отъ неистовой скачки ночныхъ привидѣній...

— Кого вы видѣли въ театрѣ? это новая пьеса? Юлія Павловна назвала нѣсколько именъ, но плохо справляется съ содержаніемъ пьесы.

— Кстати: я убѣдилась, что необходимо начать нашъ five o'clock, незачѣмъ еще дольше разжигать любопытство. Будущая среда? Вамъ безразлично, какой день? Кое-кого я позвала: Галицкій.

— Галицкій будетъ вамъ очень полезенъ. Вообще, отставной поклонникъ—необходимый элементъ интереснаго five o'clock'а.

— Откуда вы это знаете?—улыбается Юлія Павловна.— Было время, когда и вы блистали на дамскихъ «дняхъ»?

— Ну, само собой было! когда еще не столь знаменитъ, что не хватаетъ даже для собственной жены... Увы! я тоже убѣждаюсь, что вы этого такъ-таки и не прощаете...

На мигъ взгляды встрѣтились—неподобающе серьезные.

— Мнѣ очень совѣстно, что вчера я разнервничалась... Можетъ быть, отъ слишкомъ долгаго уединенія!

Мимолетная усмѣшка задѣла.

Григорій Галицкій? Такъ часто Муратовъ его видѣлъ ухаживающимъ за «неприступной Юліей», что воображеніе сразу отчетливо нарисовало элегантный силуэтъ молодого коллеги.

Старые поклонники всплываютъ не спроста...

Впрочемъ—театръ! встрѣча несомнѣнно случайная. Но... но еще такъ вѣдь недавно не было театра. И, конечно, не могло быть именно этого приглашенія...

Рѣка течетъ. Струи кружатся, сталкиваются и уплываютъ. Въ душѣ нечувствительно совершается тайная подмѣна: больше уже не тянетъ прыгнуть, очертя голову, въ самый водоворотъ... Хочется теченіе задержать. Хочется его наблюдать съ высоты душевнаго покоя.

Мужъ потянулся за ея рукой. Отнявъ отъ своихъ губъ, шевелитъ кольца на тоненькихъ пальцахъ.

— Вы нервничали... Но вѣдь могли бы и сильнѣе проявить свою скуку! Вообще—это хорошо, если женщины насильно заставляютъ насъ очнуться. Когда идешь на возжахъ, то кромѣ кнута ничего ужъ и не чувствуешь. О, конечно, я вѣдь не хочу, чтобы скучала моя прелестная Юлія! Этотъ черный блескъ... онъ удивительно идетъ къ тебѣ...

— Жену Пахомова зовутъ Вѣрочкой... То есть, я хочу

сказать — онъ ее зоветъ Вѣрочкой! Развѣ не лучше?? Теперь уже обѣ ея руки въ его рукахъ. Кольца слегка колютъ сжимающія ихъ горячія ладони.

Юлія Павловна смѣется. Зубы блестятъ.

— Не лучше?? Говори, говори!..

... На третьемъ году супружества перейти на «ты» — «Юлинька» — «Илюшечка»...

Брезгливая гримаска пробѣжала по губамъ, и колючія ручки ускользнули.

— Вашъ Женичка Пахомовъ меня никогда не жаловалъ. Но я вовсе не стремилась разъединять старыхъ друзей.

... Не сразу Муратовъ заговорилъ послѣ этой реплики.

... Друзья! счастливецъ Женичка моложе по крайней мѣрѣ лѣтъ на восемь. Но все же есть эта славная близость попутчиковъ, отбывшихъ съ ближайшихъ станцій. Только, это еще не дружба. Комментировать съ Пахомовымъ, хотя бы вотъ этотъ супружескій ужинъ... Нѣтъ, не могъ бы!

И вдругъ въ воображеніи всплылъ московскій курьеръ, съ задержаннымъ густымъ пыхтѣніемъ великана-локомотива тронувшійся плавно отъ дебаркадера.

Надежда Аркадьевна не смотрѣла въ окно.

— Ну, въ Москву-то я всячески съѣзжу! — горячо отозвался Муратовъ—вонъ куда! на заключительныя слова своего разговора съ Пахомовымъ.

Не въ нашей волѣ выборъ близкихъ. Съ Надей (если бы она еще существовала!) онъ могъ бы говорить и объ этомъ: объ отливахъ, приливахъ и рифахъ супружескаго счастія.

Да! Надя у каждаго одна въ жизни: если такъ счастливъ, что она была у него.

... Слезъ-то, слезъ сколько пролито въ томъ счастьѣ!

А Юлію Павловну одолѣвалъ сонъ...

И было въ этомъ что-то безпросвѣтно тоскливое...

Ольга Шапиръ.

* * *

Не къ солнцу, не къ небу... Извѣчно-могучи
Иные напѣвы—ихъ зову внемли,
Создай изъ глубокихъ, правдивыхъ созвучій
Простую поэму земли!

Зоветъ насъ, сверкаетъ, горитъ не сгорая,
Прекрасныя струны души шевеля,
Не сказка далекаго, горняго рая,
А ясная правда—земля!

Рожденные ею—великой и вѣчной—
Мы ей—первозданной и мудрой—нужны...
Ни къ солнцу, ни къ небу, ни къ радости млечной—
Къ землѣ мы вернуться должны!

Юрій Зубовскій.

СНѢГУРОЧКА.

Этюдъ.

I.

Крѣпко прижимая къ груди плачущую Снѣгурочку, старый актеръ Громобоевъ-Кавказскій ходилъ по холодному номеру изъ угла въ уголъ и горячо уговаривалъ:

— Кто, кто смѣетъ обижать моего ребенка, мою маленькую Снѣгурочку, королевну мою милую!.. Ну, полно, перестань... Ну, не плачь же, дѣтка. Ай-ай! развѣ королевны плачутъ? Ай, какъ нехорошо: королевна плачетъ!

Таня всхлипывала все рѣже, потомъ глубоко вздохнула, встряхнула золотистой головкой и улыбнулась. Отецъ посадилъ ее на кровать, сѣлъ рядомъ и продолжалъ, широко размахивая руками:

— Ну, вотъ... Вотъ и отлично. Эй, вы, пажи и трубачи! Герольды, трубадуры! Оповѣстите весь народъ, всю землю, всѣмъ скажите: Снѣгурочка смѣется! Снѣгурочка не хочетъ больше плакать и смѣется.

Отъ актера пахло водкой и лукомъ, голосъ его срывался и хрипѣлъ, какъ испорченный граммофонъ, въ узенькихъ щелкахъ глазъ стоялъ туманъ, и все существо было полно однимъ желаніемъ: опохмелиться. Но не было денегъ и нечего нести въ ломбардъ, а антрепренеръ Шпигельманъ,—несчастный тщедушный человѣчикъ, которому не повезло,—сбѣжалъ третьяго дня съ кассой, ни гроша никому не заплативъ.

Теперь актеры разговаривали о томъ, чтобы организовать товарищество и играть на маркахъ,—можетъ, удастся заработать хоть на дорогу. Но изъ разговоровъ не выходило никакого толку, всѣ злились, ругались, безобразно спорили и сердито хлопали дверями. Помощника режиссера откомандировали догонять Шпигельмана,—на вокзалѣ узнали, что онъ уѣхалъ въ Кіевъ,—декораторъ писалъ негодующія письма въ редакціи газетъ и журна-

ловъ, а режиссеръ мытарился по купцамъ и клянчилъ денегъ «на продолженіе дѣла» и «собственно говоря, чтобы не потухалъ въ Энскѣ свѣточъ искусства».

Но меценатовъ не нашлось, и свѣточъ искусства въ Энскѣ потухъ. Осталась одна гарь, вызывавшая у актеровъ злыя слезы. Питались колбасой, картошкой и чаемъ, жили въ нетопленныхъ номерахъ,—хозяинъ отказался топить; мужчины ухитрялись доставать водку и пили. Пилъ и Громобоевъ-Кавказскій, а его семилѣтняя Таня голодала и кашляла, ее жалѣли, вспоминали о ея матери, хорошенькой «инженюшечкѣ», умершей послѣ родовъ, и называли ее сиротой. Номерная горничная тайкомъ отъ хозяйки приносила ей то остатки котлеты, то компотъ или кисель, но Громобоевъ, возвращаясь пьяный домой, кричалъ, что они не нищіе, что у нихъ есть гордость и онъ не позволитъ принимать подачекъ, и отнималъ у дѣвочки тарелку. Она не давала и плакала, тогда онъ поднималъ ее на руки и носилъ до тѣхъ поръ, пока она не успокаивалась, и говорилъ, какъ на сценѣ:

— О, люди, люди! Предатели, измѣнники, лгуны! Не прикасайтесь грязными руками къ моей Снѣгурочкѣ! Она чиста, какъ ангелъ, слышите ли вы? Ну, полно, ну, не плачь... Развѣ королевны плачутъ? Ай-ай, какъ не хорошо: королевна плачетъ.

Къ Рождеству труппа кое-какъ выбралась въ сосѣдній городокъ Орѣшекъ и за время святокъ дала десять спектаклей въ коммерческомъ клубѣ. Заработали чистыми около тысячи рублей, это было уже большой удачей, и, поэтому, оставшуюся половину сезона рѣшили провести здѣсь же. Ставили, главнымъ образомъ, фарсы и историческія мелодрамы. Въ одномъ изъ спектаклей впервые играла Снѣгурочка. Пьеса была эффектная, но бездарная, а роль маленькая. Нужно было только броситься къ актеру Дубель-Бубину и громко крикнуть:—«Папа, папа! ты долженъ простить маму, и счастье снова восторжествуетъ въ нашемъ домѣ».—На репетиціи Снѣгурочка долго не могла выговорить сразу слова «восторжествуетъ», но на спектаклѣ одолѣла и его. Ей нарумянили щеки и губы, подвели глаза и брови и нарядили въ костюмъ ангела, только вмѣсто крыльевъ прикрѣпили къ спинѣ пышный розовый бантъ, а волосы распустили и широко расчесали по плечамъ. Въ нужную минуту помощникъ режиссера легонько вытолкнулъ ее на сцену, сама для себя неожиданно, она громко, на весь театръ крикнула Дубель-Бубину:

— Папа, папа! Ты долженъ простить маму, и счастье снова восторжествуетъ въ нашемъ домѣ.

Публикѣ это очень понравилось, и, когда въ антрактѣ Снѣгурочка вмѣстѣ съ другими актерами вышла на вызовы, ей аплодировали больше всѣхъ, а купчиха Талалаева принесла ей за кулисы коробку шоколадныхъ конфетъ, поцѣловала, погладила по распущеннымъ волосамъ и сказала восторженно:

— Какая прелесть! Ну, посмотрите на нее: какая прелесть! А мама у тебя есть?

— Мама умерла.

— А папа?

— Папа есть.

Громобоевъ стоялъ тутъ же и не безъ гордости улыбался.

— А какъ тебя зовутъ?

— Снѣгурочка.

— Какъ это мило! А еще какъ?

— А еще...

Она на мгновеніе задумалась, сунула-было пальчикъ въ носъ, но тотчасъ же отдернула, встряхнула головкой и отвѣтила бойко:

— А еще—королевна.

Этотъ вечеръ рѣшилъ судьбу Тани. На другой день м-мъ Талалаева прислала ей въ номера великолѣпную куклу, плюшеваго медвѣжонка и корзину съ фруктами. А еще черезъ день прислала Громобоеву какое-то письмо, которое очень его обезпокоило. Онъ засуетился, надѣлъ сюртукъ, почистилъ штиблеты, пожевалъ сухого чая, чтобы не пахло изо рта водкой и, ничего никому не сказавъ, сѣлъ на извощика. Вернулся лишь къ вечеру, замѣтно навеселѣ; не снимая шубы, бросился къ Танѣ, порывисто обнялъ ее и однимъ взмахомъ поднялъ надъ своей головой:

— Королевна! Королевна! — восклицалъ онъ торжественно.—Твой жизненный путь усыпанъ цвѣтами... Судьба посылаетъ тебѣ счастье, такое счастье, о которомъ и не мечтала твоя бѣдная мать...

Больше говорить онъ не могъ, онъ раскисъ, разрыдался пьяными слезами и черезъ полчаса, пошатываясь, но бодрясь, пошелъ въ театръ играть Генриха Наваррскаго.

Черезъ нѣсколько дней уже весь Орѣшекъ зналъ, что бездѣтная вдова Талалаева беретъ къ себѣ на воспитаніе дочь актера Громобоева, ту, что играла въ театрѣ дѣвочку въ розовомъ платьицѣ.

II.

На первой недѣлѣ Великаго поста труппа уѣхала, а Таня осталась у Талалаевой. Два дня она плакала, застѣнчиво льнула къ стѣнамъ и пряталась за портьеры, почти ничего не ѣла и все никакъ не могла свыкнуться съ своимъ новымъ положеніемъ. Потомъ это постепенно прошло, а на Пасхѣ, когда ей сшили бѣлое платьице съ кружевами, надѣли бѣлые башмачки съ золотыми застежками и надарили цѣлую гору игрушекъ, она совсѣмъ забыла прошлое и почувствовала себя свободно.

Въ домѣ было восемь комнатъ — шесть внизу и двѣ наверху въ мезонинѣ,—и обычно стояли пустыми, но на Пасхѣ домъ зашумѣлъ гостями, поминутно раздавались звонки, прислуга сбилась съ ногъ, и Таню то и дѣло вызывали изъ дѣтской и показывали. Впрочемъ, Таней ее теперь уже не называлъ никто, всѣ нашли, что ей очень идетъ имя Снѣгурочки, и оно осталось за нею навсегда.

Новая няня, только-что приглашенная, начала-было ей говорить:

— Вы бы, милая Таня...

Но дѣвочка сердито сдвинула брови и дернулась:

— Какая я тебѣ Таня! Я Снѣгурочка.

— Да ужъ что это вы, барышня! Такого имени и въ святцахъ нѣтъ... А васъ, чай, во святой купели крестили...

— А я тебѣ говорю—Снѣгурочка! И не смѣй меня звать по-другому.

Тонкая, стройная, синеглазая, съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица и пышнымъ золотомъ волосъ, она, дѣйствительно, была какъ Снѣгурочка. И дамы цѣловали ее наперерывъ, каждая звала къ себѣ въ гости и обѣщала массу удовольствій, а городской голова, толстый, задыхающійся старикъ, посадивъ ее къ себѣ на колѣни и прижимая къ животу, обсыпанному табачнымъ пепломъ, жулькалъ ее и спрашивалъ:

— А ты пойдешь за меня замужъ? А? Я тебя пряниками кормить буду.

— Нѣтъ, не пойду.

— Почему же не пойдешь?

— Потому что ты толстый. Ты какъ пузырь...

Гости разсмѣялись, а юркій молодой адвокатъ крикнулъ, выпивая шестую рюмку:

— А я, вотъ, тоненькій. За меня пойдешь?

— Нѣтъ, она за меня пойдетъ!—перебилъ его франтоватый поручикъ.—Я буду генераломъ, а она генеральшей.

— Ни за кого не пойду,—отвѣтила Снѣгурочка, скользнула на полъ и убѣжала. И уже изъ другой комнаты крикнула:

— За королевича пойду! А больше ни за кого.

...За домомъ густолиственно и широко разстилался садъ; въ немъ даже и въ солнечный полдень было прохладно, и въ глубинѣ аллей таился мягкій сумракъ. Около бѣлой березовой бесѣдки стоялъ фонтанъ, на зиму его закутывали въ рогожи, весной открывали, мыли и чистили. Въ этотъ годъ Пасха была поздняя, на Ѳоминой недѣлѣ садъ уже слабо зеленѣлъ, оживленно спорили птицы, фонтанъ высоко вскидывалъ вѣеръ серебристыхъ струй, съ легкимъ звенящимъ шелестомъ падавшихъ обратно въ бассейнъ. Пахло сыростью, влажной землей, прѣлыми прошлогодними листьями. Около цвѣточныхъ клумбъ, присѣдая на корточки, цѣлыми днями возился старый садовникъ, всегда добродушный и немножко пьяненькій, котораго почему-то звали Попка.

Въ серединѣ мая садъ потонулъ въ зелени, важно шумѣлъ, бесѣдуя съ вѣтромъ и не всегда съ нимъ соглашаясь. Запестрѣли на клумбахъ цвѣты, а подъ окнами распустились роскошные гроздья сирени.

Въ комнатѣ Снѣгурочка находилась теперь мало. Съ утра до вечера бѣгала по саду, пряталась въ густыхъ заросляхъ крыжовника, сидѣла въ березовой бесѣдкѣ, разсматривая сказки съ картинками и воображая себя то Красной Шапочкой, то Василисой Премудрою, то Царевной-Лебедью. Потомъ вмѣстѣ съ Попкой поливала цвѣты изъ собственной маленькой леечки и убѣгала къ сосѣдямъ—дѣтямъ городского головы—играть въ крокетъ и серсо.

Она быстро загорѣла и поздоровѣла, выросла за одинъ мѣсяцъ на цѣлый вершокъ и стала чувствовать себя маленькой хозяйкой. За обѣдомъ требовала двойную порцію мороженаго, покрикивала на горничную, а однажды дернула няню за сѣдыя космы и закричала:

— Какъ ты смѣешь меня не слушаться, старая дура!

Няня пожаловалась барынѣ, но м-мъ Талалаева строго замѣтила:

— А ты ее не раздражай. Она дѣвочка нервная и впечатлительная, ты должна съ этимъ считаться и не раздражать.

Лѣто кончилось. Въ августѣ Снѣгурочку отдали въ дѣтскій садъ, и няня каждый разъ провожала ее домой и изъ дома. По-

явилось много новыхъ подругъ; щебеча, какъ воробьи, онѣ ходили за ней цѣлыми стаями, шумно возились въ дѣтской, и она всѣми верховодила.

Годы мелькали одинъ за другимъ. Снѣгурочка стала гимназисткой, рисовала, училась музыкѣ, на вечерахъ декламировала стихи и втайнѣ мечтала о сценѣ. Ее находили талантливой, очаровательной, м-мъ Талалаева не чаяла въ ней души, каждый мѣсяцъ дѣлала какіе-нибудь подарки и нѣсколько разъ въ годъ возила въ лучшую фотографію города сниматься.

Услужливый фотографъ, тощенькій, лысенькій, въ пестреньких брючкахъ и малиновомъ жилетѣ, озабоченно метался изъ одной комнаты въ другую, почтительно шаркалъ ножками, многократно наставлялъ аппаратъ и, сдвигая брови, придумывалъ позу:

— Если позволите-съ, лучше вотъ этакъ-съ. Въ задумчивомъ видѣ. А на заднемъ планѣ озеро... Новый фонъ, только-что изъ Москвы. Для молодой барышни съ распущенными волосами очень даже идетъ-съ...

— Я хочу съ книгой,—заявляла Снѣгурочка.

— Можно и съ книжечкой.

Снимали «у озера», съ книгой и безъ книги, «у садовой калитки» и просто у стола съ цвѣтами. Иногда наряжали въ русскій сарафанъ или черкешенкой съ кинжаломъ у пояса, но лучше всѣхъ вышли тѣ карточки, гдѣ она была снята въ костюмѣ Офеліи, съ обнаженными руками. Снимокъ былъ увеличенъ и выставленъ въ витринѣ у коммерческаго клуба, и всѣ, кто проходилъ мимо, останавливались и смотрѣли.

Съ каждымъ днемъ Снѣгурочка дѣлалась все болѣе популярной. О ней говорили, на нее заглядывались, гимназисты и реалисты присылали ей наивныя и пламенныя письма, которыя она складывала въ кучку, перевязывала шелковой ленточкой и оставляла безъ отвѣта. М-мъ Талалаева каждое воскресенье катала ее нарядную въ открытомъ экипажѣ по главнымъ улицамъ города, и на поклоны знакомыхъ и подругъ она отвѣчала сдержанно-ласковымъ, полнымъ достоинства кивкомъ.

Изрѣдка получались короткія письма или телеграммы отъ Громобоева, чаще всего съ просьбой о деньгахъ, иногда безтолковыя и развязныя, написанныя, должно быть, спьяна. Просьбы всегда исполнялись, больше, впрочемъ, изъ боязни, что онъ пріѣдетъ и отберетъ дочь,—но онъ не пріѣзжалъ, а однажды великимъ постомъ пришло изъ театральнаго бюро извѣстіе о его смерти.

Снѣгурочка встрѣтила это извѣстіе спокойно. Отецъ, кулисы, холодные номера и постоянные переѣзды съ мѣста на мѣсто—все было позади, въ далекомъ прошломъ, вспоминалось какъ дурной сонъ. Теперь было не до того: съ порога жизни, на которомъ она стояла, передъ ней раскрывалась такая широкая, зовущая и сверкающая даль, что глазамъ было больно и захватывало дыханіе.

III.

Снѣгурочка была уже въ седьмомъ классѣ, когда на одномъ изъ гимназическихъ вечеровъ произошло событіе, сильно всколыхнувшее сонную жизнь Орѣшка. Въ уборной застрѣлился гимназистъ Петровъ, при чемъ въ карманѣ его мундира нашли письмо, адресованное Снѣгурочкѣ.

Что было въ этомъ письмѣ—никто не зналъ, но всѣ строили догадки, что тутъ виновата она, и припоминали, какъ она кокетничала на каткѣ, какъ непозволительно вела себя на именинахъ у городского головы и многое другое.

Родственники Петрова и нѣкоторые его товарищи перестали съ ней кланяться и протестовали противъ ея присутствія на похоронахъ, но она все же положила на гробъ цвѣты, шла съ процессіей и плакала, а когда пришли на кладбище и стали опускать гробъ, съ ней произошелъ обморокъ, и тѣ же гимназисты, которые ее бойкотировали, бережно отвели ее подъ руки къ экипажу.

Послѣ этого она нѣсколько дней не выходила изъ дому. М-мъ Талалаева очень обезпокоилась, приглашала къ ней доктора, подходила на цыпочкахъ къ запертой двери и слушала. Но ничего страшнаго больше не случилось. Снѣгурочка поплакала, потомъ вытащила изъ альбома карточку Петрова, вставила ее въ темнозеленую бархатную рамку, прикрѣпила къ ней пучечекъ сухихъ эдельвейсовъ и повѣсила надъ столомъ, а сама легла на кушетку, поудобнѣе положила подъ голову подушку и читала Оскара Уайльда — «Портретъ Доріана Грея», а потомъ Пшебышевскаго—«Homo sapiens».

Въ связи съ городскими сплетнями и толками, въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи былъ возбужденъ вопросъ объ исключеніи Снѣгурочки, но вопросъ почему-то не прошелъ, и ее оставили въ покоѣ. Выпускные экзамены она держала наравнѣ съ другими, получила довольно хорошее свидѣтельство и, возвра-

тясь домой, весело пошвыряла на полъ учебники и изорвала всѣ тетрадки, вертясь волчкомъ отъ сознанія, что, наконецъ-то, она свободный человѣкъ и можетъ поступить на сцену.

— Тетя Лина, милая тетя Лина!—прыгала она около м-мъ Талалаевой,—вѣдь вы отпустите меня на сцену?

— Рано, рано еще... Подрости.

— Ну, а въ драматическую школу?

— Ну, а въ школу еще туда-сюда... Въ школу, можетъ, и отпущу.

Снѣгурочка даже завизжала отъ восторга. О, это ея страстное желаніе! Недаромъ она всегда съ неизмѣннымъ успѣхомъ декламируетъ, и не даромъ ей такъ часто приходится слышать о ея талантѣ, да и сама она ощущаетъ въ себѣ этотъ безпокойный творческій жаръ. Только бы скорѣе, скорѣе!

Лѣто проводили на дачѣ, въ прекрасномъ сосновомъ бору, на берегу большой рѣки. Въ началѣ іюня здѣсь уже организовался любительскій кружокъ подъ режиссерствомъ артиста Крутогорцева. На террасѣ талалаевской дачи устроили сцену и по воскресеньямъ, дважды въ мѣсяцъ, ставили спектакли, и каждый разъ самый крупный успѣхъ выпадалъ на долю Снѣгурочки. Ей много хлопали, цѣловали руки, подносили букеты, за ужиномъ пили ея здоровье и провозглашали тосты за новую восходящую звѣзду.

Мужчины ухаживали за ней, словно конкуррируя въ этомъ другъ съ другомъ, и внѣ конкурса былъ лишь одинъ Крутогорцевъ. Она явно предпочитала его всѣмъ остальнымъ. Красивый, ловкій и находчивый, онъ всегда изящно одѣвался, носилъ небрежно повязанный мягкій галстухъ, который былъ ему очень къ лицу, и говорилъ, какъ поэтъ. Часто по вечерамъ они съ нимъ уходили въ глубь лѣса или уплывали въ лодкѣ на другой берегъ, и тамъ онъ цѣловалъ, страстно и много, а въ перерывахъ между поцѣлуями горячо и красиво шепталъ ей о томъ, какая она прекрасная, какая талантливая и какой радостной, свѣтозарной, творчески высокой будетъ ея жизнь. Полузакрывъ глаза, вся въ сладкой истомѣ, она слушала и вѣрила, и на рѣсницахъ ея блестѣли слезы.

Иногда она уходила въ лѣсъ или къ рѣкѣ одна, въ странномъ томленіи, въ безпричинномъ подъемѣ, и долго смотрѣла въ синеву неба, слѣдила, какъ плывутъ облака, неслась за ними мечтой. Ей думалось, что и передъ нею раскрываются теперь такія же широкія безчисленныя дороги, какъ передъ этими облаками, и надо только взмахнуть крыльями, которыя выростаютъ за спиной. Радость и умиленіе волновали ее, охватывали съ головы до ногъ и словно качали на теплыхъ волнахъ, и она обнимала сосны, прижи-

малась щекой къ ихъ шершавой корѣ и улыбалась пестрѣвшимъ въ травѣ цвѣтамъ, и весь міръ представлялся ей такимъ яснымъ, привѣтливымъ, готовымъ встрѣтить ее, какъ вѣнчанную Богомъ королевну... И опять на рѣсницахъ ея дрожали слезы.

IV.

Я познакомился съ нею въ Москвѣ, на одномъ благотворительномъ концертѣ. Въ открытомъ бѣломъ платьѣ, съ золотымъ ободкомъ на прическѣ, она декламировала бальмонтовскаго «Лебедя»:

«Заводь спитъ. Молчитъ вода зеркальная»...

Она неподвижно смотрѣла синими глазами куда-то поверхъ толпы; неокрѣпшій, нетвердый голосъ звучалъ патетическимъ надрывомъ, и безсильно висѣли вдоль тѣла тонкія, обнаженныя до плечъ руки.

— Какія красивыя руки,—шепотомъ сказалъ мой сосѣдъ своей дамѣ.

Я всмотрѣлся: да, руки у Снѣгурочки дѣйствительно красивы; необыкновенной гармоніей, миромъ и благодатью дышатъ онѣ, и кажется, если положить ихъ на голову больного, ему станетъ легче.

Въ антрактѣ насъ познакомили. Меня представили ей какъ виднаго юриста, «будущее свѣтило», а о ней директоръ драматической школы, артистъ Бѣльскій, сказалъ:

— Моя лучшая ученица. Моя гордость.

Она стояла тутъ же, рядомъ, румянецъ смущенія переливался по ея лицу. А Бѣльскій продолжалъ, покачиваясь на носкахъ и играя золотыми брелоками:

— Какъ-же-съ! Вкусъ, темпераментъ, врожденная пластика. Вы, батенька, не шутите, лѣтъ черезъ десять прогремимъ на весь міръ.

Онъ купилъ ей большой пучекъ нарциссовъ, она прикрѣпила ихъ на лѣвомъ вискѣ и приколола на грудь. Подъ руку съ своимъ элегантнымъ кавалеромъ, медленно и граціозно скользила она по заламъ, свѣтлая, почти воздушная, и можно было подумать, что въ ней воскресъ тотъ самый лебедь, о которомъ она декламировала.

Послѣ концертнаго отдѣленія начался балъ; она танцовала непрерывно, съ упоеніемъ, высоко поднявъ голову, и была еще

больше похожа на лебедя. На мазурку пригласилъ ее извѣстный теноръ большого театра, и во взглядѣ дамъ видна была зависть, которую онѣ напрасно старались скрыть. Дамы завидовали ей, а мужчины тенору. Къ Бѣльскому, стоявшему со мной у колонны и ревниво слѣдившему за танцовавшей парой, подошелъ адвокатъ Дыбовскій и интимнымъ тономъ спросилъ:

— Скажи, пожалуйста, кто эта особа, съ которой ты все время разгуливалъ?

Бѣльскій хитро прищурился и отвѣтилъ полушепотомъ:

— Проваливай, проваливай. Это, братъ, не для тебя.

— Но, милый, нельзя же такую прелесть монополизировать. Нѣтъ, ужъ ты тамъ какъ хочешь, а познакомь...

Онъ взялъ его подъ руку и повелъ въ сторону. Когда они снова проходили мимо меня, я слышалъ, какъ Бѣльскій сказалъ Дыбовскому:

— Ну, а если говорить серьезно, то ничего особеннаго. Такими, какъ она, хоть прудъ пруди. Но вѣдь красавица, батенька, самъ видишь...

Мазурка кончилась. Снѣгурочка вернулась къ намъ, и мы вчетверомъ сѣли пить шампанское: она, Бѣльскій, Дыбовскій и я. Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ присоединились еще корнетъ Блюмъ и театральный рецензентъ вліятельной газеты Крэмбичъ. Они пришли изъ ресторана и были уже подозрительно-веселы. Блюмъ, кокетливо посматривая на нашу даму, мурлыкалъ пѣсенку изъ модной оперетки и хохоталъ, откидываясь назадъ и смѣшно повизгивая. Солидный Крэмбичъ крутилъ свои холеные усы съ такимъ видомъ, съ какимъ засучиваютъ рукава для драки, и то и дѣло тянулся съ бокаломъ къ Снѣгурочкѣ:

— За ваши побѣды, очаровательная женщина, и за ваши успѣхи, которыхъ желаю вамъ отъ чистаго сердца.

— Ой ли? Отъ чистаго ли?—повизгивалъ Блюмъ.

— Долой Крэмбича!—звеня ложечкой о бокалъ, старался ихъ перекричать Дыбовскій.—Онъ провозглашаетъ ересь. Какъ можно желать Татьянѣ Николаевнѣ успѣховъ. Вѣдь это все равно, что желать, чтобы дважды два было четыре. Это же неоспоримая аксіома, господа. Вашу ручку, Татьяна Николаевна... Нѣтъ, позвольте, позвольте, дайте мнѣ кончить! Я хочу сказать, что само шампанское... Блюмъ, перестаньте визжать!.. Что сегодня само аи играетъ особенно, необычайно... Да, да, вы только вглядитесь, господа!.. Потому что оно споритъ, хотя и напрасно, съ атласнымъ золотомъ вотъ этихъ божественныхъ рукъ. Я предлагаю, господа, избрать Татьяну Николаевну царицей бала!

Пили до 4-хъ часовъ утра, а когда Снѣгурочка заявила о своей усталости, каждый выразилъ желаніе провожать ее, и пришлось полушутя-полусерьезно бросить жребій. Выпало мнѣ. Она встала, простилась со всѣми и подала мнѣ руку. Я почувствовалъ себя польщеннымъ, почти счастливымъ и, когда мы вышли на улицу, предложилъ прокатиться въ Петровскій паркъ. Она согласилась, и мы помчались.

Ночь лежала темная, изсиня-черная, съ безчисленными яркими звѣздами, залившими небо отъ края до края. Звонко стучали копыта по плотному снѣгу, деревья на поворотахъ словно разступались, и то тутъ, то тамъ выскакивали изъ тьмы среди нихъ огоньки фонарей, ежесекундно прячась за стволами и показываясь опять, словно играя.

Закутанная въ мѣха, въ бѣлой пушистой шапочкѣ, съ посеребренными инеемъ колечками волосъ и чуть подмерзшими рѣсницами, Снѣгурочка кокетливо молчала и загадочно улыбалась, а я цѣловалъ мѣхъ ея шапочки, завитки волосъ на вискѣ, и думалъ о томъ, что, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, жизнь ея будетъ тріумфальнымъ шествіемъ...

V.

Что̀ же дальше? Теперь Снѣгурочка—моя жена. Какъ мнѣ ни странно признаться въ этомъ даже самому себѣ, но это такъ. И больно мнѣ очень. Помню, однажды въ дѣтствѣ сильная ночная буря сломала и разметала всѣ цвѣты въ нашемъ саду. Утромъ, проснувшись и выйдя въ садъ, я застылъ отъ ужаса, огорченія и тоски, это разрушеніе казалось мнѣ безжалостнымъ, непоправимымъ. А теперь я надъ нимъ улыбаюсь, и дѣтскія слезы мои кажутся мнѣ смѣшными.

Сейчасъ ночь. За окнами морозная мгла, черное небо и острыя звѣзды. Въ домѣ сумракъ и тишина. Снѣгурочка спитъ, уставъ отъ слезъ,—она такъ часто плачетъ,—а я сижу и пишу эти строки, самъ не зная, зачѣмъ и для чего. Но мнѣ хочется записать жизнь ея, такъ, какъ она мнѣ разсказывала, представить себѣ эту жизнь яснѣе и понять, и, можетъ быть, многое, если не все простить.

Она пришла ко мнѣ годъ назадъ, неожиданно, въ такую же морозную черную ночь. Разрыдалась на порогѣ, и смѣшно, неудобно опустилась на полъ и не хотѣла вставать, обезсиленная и физически и душевно. Мнѣ стоило большого труда под-

нять ее, уговорить раздѣться и хоть немного успокоиться. Мы не видались больше десяти лѣтъ и какъ она за это время измѣнилась! Лицо ея увяло и пожелтѣло, подъ глазами легли глубокія тѣни, жалкая улыбка кривила ротъ, а красивыя, чудесныя руки—какъ онѣ увяли, еще больше, чѣмъ лицо!

Она захлебывалась отъ рыданій и говорила, что не можетъ дальше жить, что ее никто не понимаетъ и не цѣнитъ, что нѣтъ на землѣ правды и красоты, есть только грязь и ложь, засасывающія, какъ тина. Истерично и грубо она кричала о томъ, что всѣ мужчины подлецы, и въ какой-то болѣзненной откровенности цинично разсказывала, какъ они обманывали ее и преслѣдовали, начиная съ Бѣльскаго, какъ въ теченіе десятилѣтнихъ мытарствъ и странствованій по провинціальнымъ и столичнымъ сценамъ у нея мѣнялись мужья и любовники, какъ она переходила изъ рукъ въ руки, и въ ресторанномъ угарѣ, въ пьяномъ ослѣпленіи губила свой талантъ, огромный, блестящій, единственный въ мірѣ.

Я уже давно зналъ, что никакого таланта, ничего, кромѣ внѣшности и патетической декламаціи, у нея нѣтъ, но развѣ могъ я сказать ей объ этомъ. Я успокаивалъ ее и утѣшалъ, какъ умѣлъ, и она принимала мои слова жадно, всасывала ихъ, какъ губка воду, они были ей нужны. Черезъ два часа она заявила, что въ горькія минуты вспоминала только меня, и теперь безумно рада этой встрѣчѣ, въ которой ея единственное спасеніе. Я ей не вѣрилъ, но не противорѣчилъ. Черезъ недѣлю она уже переѣхала въ мою холостую квартиру, какъ хозяйка, со всѣми своими безчисленными корзинами, чемоданами и коробками, переставила по своему вкусу мебель въ гостиной, смѣнила недоумѣвавшую горничную и стала принимать гостей.

Я почти все время провожу на службѣ, дома бываю мало. Очень устаю и все собираюсь взять отпускъ, не столько, впрочемъ, для отдыха, сколько для того, чтобъ основательно заняться однимъ научнымъ вопросомъ, который давно меня интересуетъ. Выписалъ много книгъ и пока, по вечерамъ, съ большимъ удовольствіемъ изучаю литературу вопроса.

Жена (мнѣ уже странно называть ее Снѣгурочкой) удивляется этому усердію, называетъ меня затворникомъ, моя работа чужда ей и непонятна.

— Ты знаешь, Сергѣй,—говоритъ она, заходя иногда въ кабинетъ,—я прямо боюсь твоихъ толстыхъ книгъ, онѣ меня какъ-то давятъ...

Я сдержанно улыбаюсь, цѣлую ея руку и спрашиваю, не

идетъ ли на дворѣ снѣгъ или хорошо ли прошелъ ея сегодняшній урокъ.

Охладѣвъ къ драмѣ, она мечтаетъ теперь объ оперной карьерѣ и беретъ уроки пѣнія. Три раза въ недѣлю къ ней пріѣзжаетъ учитель-итальянецъ, говоритъ ей комплименты и увѣряетъ, что она дѣлаетъ все новые и новые успѣхи. Я этихъ успѣховъ совсѣмъ не вижу и думаю, что умный итальянецъ втайнѣ надъ ней посмѣивается. Тѣмъ не менѣе, она почти каждый мѣсяцъ выступаетъ на какомъ-нибудь концертѣ, а по вторникамъ, когда къ намъ приходятъ гости, поетъ и имъ, подъ аккомпаниментъ итальянца. Поетъ фальшиво, голосъ у нея надтреснутъ и на высокихъ нотахъ звучитъ визгливо, и гостямъ это очень скучно, но все же приходится слушать. Дамы, не снимая шляпъ и перчатокъ, помѣшиваютъ ложечками чай и украдкой, въ муфту, зѣваютъ, однако аплодируютъ и просятъ еще. И жена продолжаетъ. Мнѣ дѣлается за нее стыдно, я незамѣтно ухожу подъ шумокъ въ кабинетъ и тамъ выжидаю конца этой комедіи.

Когда гости уходятъ, я осторожно и спокойно говорю женѣ:

— Зачѣмъ ты пѣла эту трудную арію Далилы? Она не въ твоихъ средствахъ. И зачѣмъ вообще такъ много пѣть? Можетъ быть, гостямъ утомительно.

— Ахъ, оставь, пожалуйста, Сергѣй! Ты ничего въ этомъ не понимаешь.

— Извини, мой другъ, но мнѣ думается, что ты слишкомъ увлекаешься.

— Да, да, увлекаюсь!—перебиваетъ она уже крикливо и раздраженно, — увлекаюсь, потому что въ этомъ моя радость, моя гордость, мой талантъ, который еще себя покажетъ. Да, да, покажетъ, на зло всѣмъ вамъ, такимъ скептикамъ съ холодной кровью, какъ ты...

Шумя шелкомъ юбокъ, трепля и комкая надушенный платокъ, она быстро ходитъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ и горячо продолжаетъ:

— Боже мой, Боже мой! отчего вы всѣ такіе нечуткіе, такіе тупые? Отчего вы не способны цѣнить то лучшее, что вамъ даютъ? Какъ кроты, сидите вы въ своихъ норахъ и не видите солнца, которое алмазами сіяетъ въ каждомъ талантѣ. Жизнь должна быть праздникомъ, красотѣ надо молиться, искусство надо поставить выше всего на свѣтѣ. А вы, вы имъ не дорожите, вы его заглушаете, какъ сорная трава, но подождите, настанетъ время, пробьетъ великій часъ и...

Не знаю, потому ли, что она ходитъ и говоритъ какъ на сценѣ, мнѣ кажется, что она декламируетъ монологъ изъ какой-то старой, давно знакомой драмы, и я слушаю ее разсѣянно и уже больше не спорю.

Но иногда и это мое молчаніе ее раздражаетъ. Она волнуется, тоскливо мечется, ломаетъ руки и кончаетъ тѣмъ, что, рыдая, проситъ у Бога смерти. Тогда мнѣ становится жаль ее, я сажусь съ ней рядомъ, глажу ея волосы, цѣлую заплаканные глаза и не знаю, что̀ дѣлать и какъ себя вести, и думаю о томъ, что, можетъ быть, въ ней и въ самомъ дѣлѣ живетъ непризнанный талантъ, котораго никто не понимаетъ...

Блѣдную, затихшую, изнемогшую отъ слезъ, я беру ее на руки и несу въ ея комнату, шепча всѣ тѣ немногія нѣжныя слова, какія знаю.

Мало-по-малу она успокаивается и ослабѣвшимъ голосомъ говоритъ мнѣ, что, несмотря ни на что, я все-таки понимаю ее лучше другихъ, и настанетъ время, когда я буду гордиться ею больше, чѣмъ своей наукой.

И я опять сдержанно улыбаюсь, бережно снимая ея туфельки, раздѣваю и укладываю ее, какъ маленькаго ребенка, и сижу у постели до тѣхъ поръ, пока не услышу ровнаго соннаго дыханія.

Тогда я тихонько встаю, на цыпочкахъ выхожу изъ комнаты, выпиваю въ столовой стаканъ холоднаго чая и иду въ кабинетъ, продолжать прерванную работу.

Г. Вяткинъ.

ТОСКА.

Я горька, какъ улыбка прощальная
Догорѣвшей усталой любви,
Я нѣма, какъ могила печальная,
Я блѣдна, какъ рожденье зари.

Но я въ мірѣ являюсь царицей,
Всё и всѣ въ моихъ сильныхъ рукахъ,
Я, какъ демонъ, ношусь надъ столицей,
Я селюсь въ небольшихъ городкахъ.

Я средь блеска танцующей залы,
Въ царствѣ музыки, свѣта, цвѣтовъ,
Тамъ, гдѣ каждый больной и усталый
Ищетъ только дурмана и сновъ.

Я—тяжелое иго молчанья,
Никому моя власть не сладка,
Я не знаю восторговъ желанья,
Я—тоска, ледяная тоска...

Л. Галабутская.

ОШИБКА.

Въ первый разъ Орестъ Валентиновичъ испыталъ это непріятное чувство въ тотъ моментъ, когда увидѣлъ, какъ франтоватый студентъ Боба, приподнявшись на стременахъ, догналъ Вѣру и сталъ что-то говорить ей, нагибаясь къ самому ея лицу.

Орестъ Валентиновичъ пришпорилъ своего тяжелаго гнѣдого мерина и досадливо подумалъ:

— Какое нахальство! Онъ, кажется, забываетъ, что Вѣра— не дѣвчонка.

Поровнявшись съ ними, онъ даже не сумѣлъ скрыть своего раздраженія и рѣзко сказалъ:

— Не пора ли возвращаться? Такъ, пожалуй, мы доѣдемъ до самаго Гурзуфа.

Вѣра повернула къ нему свое раскраснѣвшееся отъ быстрой ѣзды лицо и возразила:

— А развѣ поздно? Вѣдь еще совсѣмъ свѣтло.

— Конечно, поздно, мой другъ. И потомъ насъ будутъ ждать съ ужиномъ. Боба, вы, быть можетъ, догоните Екатерину Алексѣевну и остальныхъ, и спросите, не думаютъ ли они, что пора возвращаться?

— Слушаю, ваше превосходительство!

Студентъ приложилъ руку къ бѣлой фуражкѣ, улыбнулся, сверкнувъ зубами, и поскакалъ по твердой, хорошо укатанной дорогѣ.

— Дуракъ! точно нарочно тычетъ мнѣ въ носъ моимъ чиномъ и своими зубами,—ужъ, конечно, не фальшивыми,—подумалъ Орестъ Валентиновичъ.

Вѣра поѣхала шагомъ и взглянула на мужа сѣрыми сощуренными глазами не то съ любопытствомъ, не то съ тревогой.

— Ты чѣмъ-то недоволенъ, Орестъ? Или ты просто усталъ?

— Да нѣтъ, я совсѣмъ не усталъ. Что за вздоръ! Слава Богу, всю жизнь провелъ въ сѣдлѣ. Дай руку.

Привычнымъ жестомъ онъ взялъ ея руку въ бѣлой перчаткѣ и, отогнувъ рукавъ, поцѣловалъ. Нѣжная, душистая кожа пріятно защекотала ему нервы, и досадное чувство прошло.

— Моя, моя собственная, — подумалъ онъ съ гордостью, любуясь стройной фигурой жены—на вороной лошади.

Досадное чувство прошло, но оно вернулось на слѣдующій день, потомъ еще черезъ день, а потомъ стало возвращаться постоянно. Это была ревность.

Никогда Оресту Валентиновичу не приходилось испытывать этого низкаго чувства. Онъ всю жизнь имѣлъ такой успѣхъ у женщинъ,—старый холостякъ, неожиданно для самого себя женившійся годъ тому назадъ на дѣвчонкѣ, только-что окончившей институтъ. Въ молодости его ревновали, его добивались и оспаривали другъ у друга, но до этого ему не было дѣла. Онъ всегда бросалъ женщину самъ, когда она ему надоѣдала или подвертывалась другая, болѣе интересная.

И вотъ теперь онъ ревнуетъ. Какая нелѣпость!

Въ спокойныя минуты, когда Вѣра была съ нимъ, онъ въ душѣ даже смѣялся надъ собой, но, какъ только она уходила съ молодежью, которой, какъ на зло, было тутъ очень много, Орестъ Валентиновичъ чувствовалъ, что это «нелѣпое» опять охватываетъ его.

— Уѣхать отсюда,—думалъ онъ иногда, шагая по комнатамъ, или по большой террасѣ, выходившей на море. — Но какой же предлогъ выдумать для отъѣзда? Его братъ Дмитрій такъ давно звалъ его къ себѣ въ новое имѣнье, и теперь, когда онъ наконецъ собрался и пріѣхалъ, чтобы остаться здѣсь всю осень, вдругъ взять да и уѣхать, проживши двѣ недѣли.

Вѣра—тоненькая и высокая, съ загорѣвшимъ лицомъ и растрепавшимися синевато-черными волосами—играла въ теннисъ на площадкѣ передъ домомъ, а Орестъ Валентиновичъ, хмурясь и кусая сѣдые усы, смотрѣлъ на нее изъ окна и тщетно старался побороть свое раздраженіе, почти злобу.

Неужели ей такъ интересны всѣ эти мальчишки,—желторотые дураки? Вотъ этотъ юнкеръ, напримѣръ,—какая самодовольная рожа и какой ровный проборъ. А самъ, конечно, и воинскаго устава какъ слѣдуетъ не знаетъ. Или тотъ усатый гимназистъ, который навѣрное провалился на экзаменѣ. Одинъ его вздернутый носъ чего стоитъ. Но хуже всѣхъ развязный студентъ съ глупымъ именемъ Боба. Для чего онъ носитъ эту широкую фуражку съ такимъ ярко-голубымъ околышемъ и лакированнымъ ремешкомъ подъ подбородкомъ? Вѣроятно, желаетъ походить на

англичанина. И онъ явно ухаживаетъ за Вѣрой. Вотъ, подаетъ ей мячъ, вотъ, трогаетъ ее за руку.

Орестъ Валентиновичъ вдругъ опомнился и отошелъ отъ окна. Ему стало какъ-то не по себѣ отъ этихъ пошлыхъ мыслей.

Неужели Вѣра можетъ серьезно увлечься студентомъ? Точно она не видѣла другихъ болѣе интересныхъ мужчинъ дома, въ Петербургѣ.

Онъ остановился передъ большимъ зеркаломъ и долго себя разсматривалъ. Фигура у него почти юношеская, широкія плечи подъ генеральскими погонами совсѣмъ не согнуты, лысины почти нѣтъ, а сѣдина еле замѣтна въ его свѣтлыхъ волосахъ. Глаза живые, блестящіе. Сорокъ пять лѣтъ—больше, конечно, никто ему не дастъ.

Ночью онъ вошелъ въ комнату жены. Думалъ, что она спитъ, но вдругъ увидѣлъ ея силуэтъ въ дверяхъ балкона и подошелъ къ ней.

— Что ты тутъ дѣлаешь?

Она была въ одной рубашкѣ, и ему показалось, что она вздрогнула, когда онъ взялъ ее за плечи.

— Ничего. Мнѣ не спится. Какая красивая ночь! Я сейчасъ была на балконѣ. Облака такъ и несутся. А море какъ шумитъ!

Онъ плохо слышалъ ея слова, но въ ея голосѣ ему чудилось новое, незнакомое ему волненіе.

— Да, шумитъ, — разсѣянно повторилъ онъ. — Подожди, куда же ты?

— Я хочу надѣть что-нибудь.

— Зачѣмъ? Развѣ тебѣ холодно?

— Нѣтъ... такъ.

Ну, конечно: она стѣсняется его. Часто и раньше она краснѣла отъ его слишкомъ смѣлыхъ ласкъ, но тогда это придавало остроту его чувствамъ, и потому нравилось, а теперь ему казалось, что она не только смущается, но что ей непріятна его близость.

Большая комната была слабо освѣщена мигающимъ огнемъ лампадки, а за дверью на балконѣ ничего не было видно.

— Пойдемъ послушаемъ море,—сказала Вѣра, засмѣялась и прибавила:—Я одна боялась: ужъ очень тамъ темно.

Они ощупью прошли до большого дивана. Орестъ Валентиновичъ посадилъ жену себѣ на колѣни и закрылъ полою халата ея голыя ноги.

Было тепло, даже душно, и изъ сада какъ-то порывами

приносились струи разогрѣтаго воздуха, насыщеннаго запахомъ морской воды, кипарисовъ и цвѣтовъ. А море такъ сильно бушевало, что Вѣрѣ, которая никогда раньше не бывала въ Крыму, все казалось, что это не волны шумятъ, а какой-то большой, невидимый лѣсъ.

Орестъ Валентиновичъ подумалъ, что сейчасъ всего удобнѣе поговорить съ женой о томъ, что̀ его безпокоитъ. Онъ хотѣлъ начать какъ-нибудь поумнѣе и потоньше, но ничего не придумалъ и сказалъ:

— Послушай, Вѣра... Этотъ студентъ, ну, какъ его? — съ ремешкомъ... Ты не находишь, что̀ онъ слишкомъ свободно себя ведетъ въ отношеніи тебя? Ты, пожалуйста, не подумай, что я ревную, или что-либо такое: это былъ бы абсурдъ. Я говорю, думая только о тебѣ самой. Теперешняя молодежь такая нахальная.

— Да нѣтъ, Орестъ, увѣряю тебя, ты ошибаешься. Боба такой славный и совсѣмъ не нахальный,—напротивъ.

Это «напротивъ» непріятно царапнуло Ореста Валентиновича, и онъ возразилъ:

— Мнѣ онъ совсѣмъ не представляется интереснымъ. О чемъ ты находишь съ нимъ говорить?

— Какъ о чемъ? Да, онъ очень умный. Право, ты его совсѣмъ не знаешь.

— Ну, насчетъ его ума позволь мнѣ усомниться. Да и потомъ онъ совсѣмъ мальчишка.

— Мальчишка? Но онъ на три года старше меня.

Отвѣтъ застрялъ въ горлѣ у Ореста Валентиновича, потому что ничего иного ему не оставалось, какъ согласиться. Самъ чортъ не нашелъ бы возраженія на эти простыя слова: «Онъ на три года старше меня».

Помолчавъ, она сказала:

— Тучи совсѣмъ разошлись. Смотри, какія звѣзды большія и яркія. Никогда я ихъ на сѣверѣ такими не видала. Я знаю много созвѣздій. Вотъ это—Лира съ Вегой, а тамъ Лебедь.

— Нарочно перевела разговоръ на другое, — подумалъ Орестъ Валентиновичъ и сказалъ:—Пойдемъ въ комнату. Я боюсь, что ты простудишься.

Закрывъ затѣмъ балконную дверь и опуская штору, онъ слышалъ, какъ она торопливо сбросила туфли и прыгнула на постель. Онъ со свѣчкой подошелъ къ ней, наклонился и погладилъ по головѣ.

— Ты на меня, Вѣруша, не сердись. Конечно, ты все видишь въ розовомъ свѣтѣ. Оно и понятно. А, вѣдь, у меня опытъ. Я жизнь хорошо знаю.

— Я и не сержусь, Орестъ. Съ чего ты взялъ!

Она потерлась щекой о его руку и зажмурилась. Ему казалось, что никогда онъ не любилъ ее такъ сильно, но какая-то непривычная неловкость впуталась въ его чувство и, когда онъ поцѣловалъ ее, онъ совсѣмъ не былъ увѣренъ, что этотъ поцѣлуй ей пріятенъ. Онъ такъ и ушелъ къ себѣ въ комнату, ни въ чемъ не разобравшись, растерянный и недовольный. И спалъ безпокойно; снился всякій вздоръ, а, когда просыпался, все почему-то вспоминалъ губы студента— такія румяныя, рѣзко очерченныя, всегда готовыя улыбаться.

Утромъ, когда онъ послѣ кофе вышелъ въ садъ, онъ увидѣлъ Бобу. Студентъ сидѣлъ на столѣ подъ большой мимозой, онъ вскочилъ и расшаркался.

— Здравія желаю, ваше превосходительство! А Вѣра Дмитріевна еще спитъ?

— Почему васъ это такъ интересуетъ? — не сдержался Орестъ Валентиновичъ.

— Потому что мы хотѣли вмѣстѣ идти на море. Я буду показывать Вѣрѣ Дмитріевнѣ и Екатеринѣ Алексѣевнѣ пріемы плаванія.

— Что?

— Да, это очень интересно. Я въ школѣ прошелъ весь курсъ. Но вы не думайте, вѣдь я буду въ костюмѣ.—Боба смутился и сразу позабылъ свой балаганный тонъ.

Орестъ Валентиновичъ невольно улыбнулся. Встрѣтивъ потомъ жену брата въ столовой, онъ сказалъ:

— Не понимаю, зачѣмъ, собственно, Вѣрѣ понадобилось идти смотрѣть, какъ плаваетъ этотъ студентъ.

Екатерина Алексѣевна отвѣтила равнодушно:

— Отчего же не посмотрѣть? А въ чемъ дѣло? Ты противъ этого?

— Нѣтъ. Какіе пустяки! Меня только удивляетъ, что́ собственно въ этомъ интереснаго.—И подумалъ:—Старая дура! Самой давно за сорокъ, а собралась глядѣть на голаго мальчишку.

Замѣтила ли Вѣра недовольство на лицѣ мужа, или слышала его слова, но только она отказалась идти къ морю, сославшись на головную боль. Онъ искоса посматривалъ на

нее, ловилъ ея взглядъ, но угадать ничего не могъ. Въ головную боль онъ, конечно, не повѣрилъ.

Прошло еще нѣсколько дней. Орестъ Валентиновичъ не ссорился съ женой, но отношенія у нихъ были натянутыя. Она во всемъ слушалась его и исполняла всѣ его капризы: упрекнуть ее онъ не могъ ни въ чемъ, но что-то было, что-то такое, чего онъ не понималъ.

Разъ вечеромъ, когда старики сѣли за карты на террасѣ, а молодежь отправилась гулять, Орестъ Валентиновичъ, сыгравъ два робера, дальше играть отказался и ушелъ, сказавъ, что докторъ совѣтовалъ ему больше гулять на ночь отъ безсонницы.

Неполный мѣсяцъ уже клонился къ горизонту, и тѣни отъ кипарисовъ ложились на бѣлое шоссе, такія темныя и длинныя. Вызывающе звенѣли цикады. Море плескалось о берегъ такъ тихо и шуршало гравіемъ.

Орестъ Валентиновичъ шелъ большими шагами, курилъ, изрѣдка останавливался, прислушивался и снова еще энергичнѣе принимался шагать.

— Съ ума сошелъ, совсѣмъ одурѣлъ! Стыдно сознаться, чѣмъ занимаюсь,—мелькала въ головѣ мысль и тотчасъ же ее вытѣсняла другая:—Однако, они, кажется, рѣшили вовсе не возвращаться сегодня. А вѣдь я просилъ Вѣру не заходить далеко.

Отшагавъ версты три и никого не встрѣтивъ, Орестъ Валентиновичъ усталъ и сѣлъ на большомъ камнѣ у края дороги. Проходили люди, проѣзжали большія, скрипучія арбы, пылили на него, а онъ сидѣлъ, курилъ, дергалъ усы и нетерпѣливо стучалъ шпорой о выступъ камня. Потомъ долго никто не проѣзжалъ и не проходилъ, и только тѣни все удлинялись на бѣлой дорогѣ. Шумъ моря не долеталъ сюда. Однѣ цикады тянули свою заунывную пѣсню и раздражали его, потому что мѣшали ему слушать.

— Точно заржавленныя качели скрипятъ,—думалъ онъ и злился.

Онъ посмотрѣлъ на часы. Всего часъ и десять минутъ, какъ онъ ушелъ съ террасы, а ему казалось, что Богъ знаетъ какъ давно это было. Невыносимо тянулось время.

Наконецъ, изъ-за поворота показались двѣ фигуры, и онъ сразу узналъ Вѣру и студента. Еле успѣлъ онъ вскочить, снять бѣлую фуражку и, согнувшись, спрятаться за низкимъ колючимъ кустарникомъ.

Вѣра шла подъ руку съ Бобой, и больше съ ними никого не было. Студентъ говорилъ:

— А я нахожу, что онъ никогда не предлагалъ ничего умнѣе. Вы только подумайте, Вѣра Дмитріевна: уѣхать на лодкѣ и оставить насъ однихъ. Я уже столько времени ждалъ этой минуты.

У Ореста Валентиновича сердце стукнуло такъ сильно, что отдалось въ ушахъ, а потомъ словно совсѣмъ перестало биться.

Вѣра отвѣтила:

— Точно вы мало видите меня. И безъ того цѣлые дни вмѣстѣ.

— Вѣра Дмитріевна, вы это нарочно говорите. Вѣдь вы же знаете, какъ мнѣ иногда необходимо остаться съ вами вдвоемъ.

— Боба, пустите! Что вы дѣлаете, Боба!

Орестъ Валентиновичъ высунулся и въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ увидѣлъ свою жену и Бобу. Студентъ обнялъ Вѣру и цѣловалъ ея руку возлѣ локтя, а она смѣялась и слабо старалась вырваться.

Орестъ Валентиновичъ совсѣмъ растерялся. Онъ сунулъ руку въ карманъ, вынулъ маленькій револьверъ, тупо посмотрѣлъ на него и поспѣшно запихалъ обратно. Потомъ онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы кинуться на Бобу, исцарапался о колючій кустъ и, опомнившись, остался на мѣстѣ.

Студентъ сказалъ:

— Ну, простите меня, дорогая, божественная!—А самъ все обнималъ Вѣру и цѣловалъ куда удавалось, то въ волосы, то въ плечи.

— Перестаньте, или я разсержусь!—крикнула она строго.

Тогда онъ скользнулъ внизъ, сталъ на колѣни и поцѣловалъ край ея платья.

— Я—вашъ рабъ. Приказывайте, моя царица!

Онъ произнесъ это глухо, почти шопотомъ, и нельзя было понять, балаганитъ онъ по привычкѣ, или хочетъ подъ этимъ тономъ скрыть свое, пожалуй, слишкомъ дерзкое чувство.

— Я вамъ приказываю сейчасъ же встать и идти, какъ слѣдуетъ. Вы не имѣете права это дѣлать.—Голосъ у Вѣры дрожалъ и срывался.

Студентъ вскочилъ на ноги такъ быстро, что фуражка съ ремешкомъ съѣхала на затылокъ.

— Я не имѣю права? Что я не имѣю права? Любить васъ? Но кто же мнѣ можетъ это запретить?

Вѣра ничего не отвѣтила. Она оттолкнула Бобу и быстро

пошла по дорогѣ. Онъ побѣжалъ за ней, и до Ореста Валентиновича донеслись его слова:

— Такая любовь не можетъ быть для васъ оскорбительной.

Орестъ Валентиновичъ подождалъ немного, потомъ выбрался на дорогу и пошелъ вслѣдъ за ними.

Дома онъ засталъ Вѣру на террасѣ и, еще поднимаясь по ступенькамъ, услышалъ ея голосъ:

— Мы съ Бобой очень торопились, боялись, что опоздаемъ, а оказывается пришли раньше ихъ.

— А ты на лодкѣ не любишь?—спросила Екатерина Алексѣевна.

— Я разъ попробовала, и больше не хочу.

Орестъ Валентиновичъ подошелъ къ женѣ.

— Я тоже прошелся немного. Думалъ, не встрѣчу ли васъ.

— А мы, знаешь, дошли до Мустафы, и онъ ихъ всѣхъ повезъ на своей большой лодкѣ,—сказала Вѣра.

Никакой перемѣны въ ней онъ не замѣчалъ.

— А гдѣ Боба?—спросила Екатерина Алексѣевна.

— Онъ пошелъ домой. Я его звала, да ему нельзя почему-то. Ну, я побѣгу пока до чая къ себѣ. Полные башмаки камешковъ.

И убѣжала. Орестъ Валентиновичъ остался на террасѣ, разсѣянно глядѣлъ въ чьи-то карты и крутилъ усы.

Говорить женѣ или нѣтъ о томъ, что онъ все видѣлъ? Онъ долго колебался и рѣшилъ, наконецъ, что сказать еще успѣетъ: надо это сдѣлать въ болѣе спокойномъ состояніи.

Весь слѣдующій день онъ промучился надъ вопросомъ: какъ ему быть, если опять молодежь пойдетъ вечеромъ гулять? Безъ себя онъ рѣшилъ Вѣру не отпускать, но какъ же это сдѣлать?

На его счастье къ вечеру начался дождь, и гулять не пошли. Всѣ собрались въ большой залѣ, кто-то сѣлъ за рояль, заигралъ вальсъ, и Боба первый подбѣжалъ къ Вѣрѣ, не спрашивая, хочетъ ли она,—обнялъ ее и закружилъ по залѣ. За ними пошли и другіе. Орестъ Валентиновичъ стоялъ мрачно у притолоки и видѣлъ, какъ Боба, остановившись въ дальнемъ углу, не сразу выпустилъ Вѣру изъ рукъ и что-то сказалъ ей на ухо.

— Да я-то для него существую, или онъ меня считаетъ пустымъ мѣстомъ?—подумалъ Орестъ Валентиновичъ и вдругъ вспомнилъ слова своего товарища, сказанныя за нѣсколько дней до его свадьбы: «Положеніе стараго мужа, если жена совсѣмъ дѣвчонка, всегда на границѣ смѣшного. Смотри, держись, не переходи этой границы. Ne sois pas ridicule, mon cher!»

Тогда Орестъ Валентиновичъ только презрительно пожалъ плечами, а теперь ему очень хотѣлось отвѣтить товарищу: «Старый дуракъ! Хотѣлъ бы я посмотрѣть на тебя въ моей шкурѣ».

Онъ продолжалъ стоять въ дверяхъ и видѣлъ, какъ Боба еще и еще разъ пригласилъ Вѣру и, когда танцовалъ съ ней, держалъ ее совсѣмъ не за талію, а гораздо выше.

Къ чаю онъ пришелъ, когда всѣ уже сидѣли за столомъ и вели громкій и оживленный споръ. Въ ту минуту, какъ онъ садился на свое обычное мѣсто возлѣ жены, сидѣвшій по другую сторону отъ нея Боба вскочилъ и, волнуясь и размахивая руками, сказалъ:

— Нѣтъ, позвольте, Дмитрій Валентиновичъ. Какъ же вы можете увѣрять, что сходки не нужны. Гдѣ же тогда сговориться? Какъ сговориться?

Орестъ Валентиновичъ не вытерпѣлъ.

— Да о чемъ сговариваться? Какіе такіе вопросы рѣшать мальчишкамъ? Отдали васъ въ университетъ, и учитесь, на лекціи ходите, профессоровъ слушайте. А то попадетъ молокососъ въ университетъ послѣ гимназіи, почувствуетъ свободу и отъ бездѣлья начинаетъ воображать, что онъ можетъ править государствомъ.

У Бобы заблестѣли глаза, и онъ покраснѣлъ, какъ кумачъ.

— Во-первыхъ, отдаютъ только приготовишекъ въ гимназію, въ университетъ мы сами поступаемъ, а, во-вторыхъ, какъ же это—не о чемъ говорить? Мало ли вопросовъ. Это, быть можетъ, юнкерамъ не о чемъ говорить.

Екатерина Алексѣевна остановила его своимъ спокойнымъ голосомъ:

— Боба, не надо, голубчикъ! Вы—такой горячка: наговорите лишняго, а потомъ самому будетъ непріятно. Конечно, и Орестъ и Дмитрій оба преувеличиваютъ, и я вполнѣ согласна съ вами. Только не надо сердиться.

Боба растерянно взглянулъ на нее и сѣлъ, говоря:

— Да я что же... Я извиняюсь. Я вѣдь не хотѣлъ ничего такого. А только...

Но всѣ разомъ заговорили, желая замять происшедшую неловкость, и инцидентъ прошелъ незамѣтно.

На слѣдующій день Вѣра и Екатерина Алексѣевна уѣхали въ Гурзуфъ къ знакомымъ, а Орестъ Валентиновичъ, боясь, чтобы не увязался съ ними Боба, занялъ оставшееся мѣсто въ экипажѣ и попросилъ довезти его до Ялты. Тамъ онъ пообѣдалъ въ «Россіи», долго шатался по набережной, накупилъ

разныхъ мелкихъ, никому не нужныхъ вещей, потомъ къ вечеру ужъ совсѣмъ собрался домой, но зашелъ въ городской садъ выпить пива и засидѣлся у столика.

— Виноватъ, я имѣю честь говорить съ Орестомъ Валентиновичемъ Ставронскимъ?

Возлѣ него, приподнявъ шляпу, стоялъ незнакомый господинъ. Орестъ Валентиновичъ удивился и коротко отвѣтилъ:

— Да, я—Ставронскій.

— Тогда позвольте мнѣ представиться: Бояриновъ. Васъ хочетъ видѣть моя мать.

Бояриновъ? Словно что-то кольнуло его. Онъ торопливо всталъ, глядя на незнакомое лицо, пожалъ протянутую ему руку и вслѣдъ за господиномъ подошелъ къ сосѣднему столику.

— Ну, да, конечно это—онъ. Развѣ я могла ошибиться!

Лицо было старое, совсѣмъ чужое, и сѣдые, пышные волосы тоже были чужіе, но голосъ былъ такой молодой и такой знакомый.

Она протянула ему обѣ руки, и онъ молча поцѣловалъ ихъ. И только послѣ этого онъ настолько овладѣлъ собой, что могъ заговорить.

— Лидія Аркадьевна, это—вы?

— Это—я, Орестъ... Видите, я даже забываю, какъ васъ дальше. Вы были тогда такъ молоды, что мнѣ и не приходилось звать васъ по отчеству.

— Да, это было давно... Это очень давно было.

— И все-таки я узнала васъ сразу. Вы перемѣнились меньше, чѣмъ можно было ожидать.

Орестъ Валентиновичъ рѣдко вспоминалъ дни своей ранней молодости. Ему слишкомъ везло въ жизни, у него было слишкомъ много дѣла, слишкомъ много знакомыхъ и свѣтскихъ обязанностей, и ему некогда было предаваться празднымъ воспоминаніямъ. Теперь ему показалось, что его куда-то сдернули, что онъ неожиданно попалъ въ какую-то странную обстановку, гдѣ ему съ одной стороны хорошо, а съ другой очень неловко.

Онъ смотрѣлъ на эту пожилую, хотя и хорошо сохранившуюся женщину и не могъ себѣ представить, что она—та самая, которую онъ зналъ почти сорокъ лѣтъ тому назадъ и которую любилъ тогда.

Она позвала его къ себѣ. Тутъ недалеко у нея своя дача. Онъ согласился и взялъ ее подъ руку. И, идя по набережной, онъ все время смотрѣлъ на нее, отвѣчалъ на вопросы, а въ

памяти такъ внезапно и съ такой ясностью вставало далекое прошлое.

Большой домъ въ имѣніи стараго купца Бояринова, паркъ, переходящій въ лѣсъ, постоянные пикники, прогулки верхомъ и пѣшкомъ, танцы на широкой террасѣ при лунномъ свѣтѣ, цѣлыя толпы молодыхъ мужчинъ и женщинъ, гостившихъ у гостепріимнаго богача. И въ центрѣ всего этого хозяйка—Лидія Аркадьевна, или просто Лида—такая красивая, почти дѣвочка, но съ такимъ недѣтскимъ налетомъ грусти па смугломъ лицѣ и съ такими загадочными, зеленоватыми глазами. У нея были тогда тонкія, покрытыя пушкомъ руки, и волосы темные и длинные, такъ, что, когда она ихъ распускала, они закрывали ее до колѣнъ. И, обнимая его, она говорила ему такія нѣжныя, смѣшныя слова.

Когда они пришли на дачу и остались одни въ большой, ярко освѣщенной столовой, Лидія Аркадьевна взяла Ставронскаго обѣими руками за плечи, посмотрѣла ему въ глаза и улыбнулась.

— А меня взволновала наша встрѣча. Смѣшно такъ! Вотъ и сейчасъ сердце бьется.

Онъ молча поцѣловалъ ея руку. Она коснулась губами его волосъ и сказала весело:

— Ну, давайте чай пить.

Орестъ Валентиновичъ думалъ, что разговоръ будетъ натянутымъ, принужденнымъ, но этого не случилось, и съ удивленіемъ онъ замѣчалъ, что ему легко съ ней, что точно и не было этихъ длинныхъ десятилѣній, въ теченіе которыхъ они не видались. Онъ собирался остаться у нея недолго, но чѣмъ больше сидѣлъ, тѣмъ меньше ему хотѣлось уходить. Правда, она мало была похожа на обыкновенныхъ женщинъ, о себѣ разсказывала лишь то, что дѣйствительно могло его заинтересовать, такъ тонко и умно судила о Франціи и Англіи, гдѣ жила послѣднія нѣсколько лѣтъ; но, конечно, не это его удерживало.

Она вдругъ спросила:

— Вы женаты?

И онъ коротко отвѣтилъ:

— Да.

До сихъ поръ она не касалась въ разговорѣ прошлаго, но тутъ, словно что-то вспомнивъ, спросила:

— Скажите, вы вспоминали иногда о томъ лѣтѣ—у насъ въ деревнѣ?

Онъ хотѣлъ солгать, но посмотрѣлъ въ зеленоватые глаза, окруженные сѣтью морщинокъ, и сказалъ:

— Вы удивитесь, если я скажу вамъ, что я почти забылъ о томъ лѣтѣ. Да, такъ сложилась моя жизнь, что мнѣ некогда было о немъ вспоминать. И, быть можетъ, именно изъ-за этого теперь, когда я васъ увидѣлъ, я точно попалъ въ плѣнъ къ тому, что было столько лѣтъ тому назадъ. Объяснить своего чувства я не сумѣю, но вотъ видите: я давно долженъ уйти—сейчасъ уже половина второго ночи, а я все сижу. Мнѣ хорошо съ вами.

Она улыбнулась.

— Теперь, когда мы—старики, мы можемъ говорить о нашемъ коротенькомъ романѣ откровенно. Мнѣ бы хотѣлось знать, какъ вы относились къ моему мужу тогда?

— Къ вашему мужу?—Орестъ Валентиновичъ вскинулъ и провелъ рукой по волосамъ.—Я какъ-то никогда не думалъ о немъ. Я помню его поддевку, его богатырскую фигуру, я знаю, что мой отецъ его очень любилъ и уважалъ, но я почти никогда съ нимъ не разговаривалъ.

— Скажите, а у васъ было сознаніе, что вы его обманываете, что вы поступаете нечестно... Ну, вотъ когда вы по ночамъ влѣзали на мой балконъ?

Орестъ Валентиновичъ поерзалъ на стулѣ.

— Почему вы спрашиваете это, Лидія Аркадьевна?

— Просто такъ. Хотя бы изъ любопытства. Развѣ вамъ не все равно?

— Дѣло въ томъ, что я затрудняюсь отвѣтить. Конечно, вѣдь мнѣ было не десять лѣтъ, и я зналъ, что за все это можно получить пулю въ лобъ, но если вы спросите, чувствовалъ ли я себя виноватымъ? Было ли у меня сознаніе, что я ворую васъ?—нѣтъ, этого не было. Развѣ я что-нибудь понималъ тогда? надъ чѣмъ-нибудь задумывался? Жилъ себѣ такимъ лоботрясомъ и бралъ отъ жизни все, что она мнѣ давала. Мнѣ и въ голову не приходило, что мое поведеніе безчестно. Вашъ мужъ былъ мнѣ такъ далекъ.

Онъ проговорилъ все это съ большимъ волненіемъ, вскочилъ со стула и заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Она осталась сидѣть и сказала тихо своимъ молодымъ голосомъ:

— Я очень уважала своего мужа, Орестъ Валентиновичъ, потому, что онъ былъ умный и тонкій человѣкъ. Онъ понималъ вотъ все то, что вы мнѣ сказали, а вѣдь это такъ рѣдко у

стариковъ, и особенно у мужчинъ. Онъ для меня приглашалъ къ намъ въ домъ молодежь, устраивалъ вечера, чтобы я не скучала, но прекрасно зналъ при этомъ, чѣмъ онъ рискуетъ. Одинъ разъ онъ мнѣ сказалъ: «На старости лѣтъ нельзя дѣлать ошибокъ, а ужъ если сдѣлаешь, то терпи, не жалуйся послѣ». Я только потомъ, когда онъ умеръ, поняла, что это значило.

Орестъ Валентиновичъ остановился передъ Бояриновой и хотѣлъ заговорить, но не могъ. Она приняла это за выраженіе недоумѣнія, улыбнулась и сказала:

— Я разболталась, какъ, впрочемъ, и полагается старухѣ. Вы сами въ этомъ виноваты: зачѣмъ такъ неожиданно окунули меня въ прошлое.

Онъ опять сѣлъ возлѣ нея.

— Лидія Аркадьевна, а вы оправдываете меня, или вы считаете, что я поступалъ тогда скверно?

— Не я, а мы,—возразила она.—Нѣтъ, конечно, я не обвиняю васъ. Вы очень хорошо выразили ваше тогдашнее отношеніе ко всему этому. Мое отношеніе такое же до сихъ поръ. Мы были правы потому, что мы были молоды, потому, что юнкеръ Орестъ былъ мнѣ ближе и понятнѣе сѣдого Гаврилы Ильича. Что? Вы не согласны со мной?

— Не согласенъ? Не знаю. Быть можетъ, вы и вполнѣ правы. Я никогда не задумывался надъ такими вопросами.

— А у васъ нѣтъ дѣтей?—спросила она.

— Дѣтей?.. Нѣтъ.

— Ну вотъ, потому вы и не задумывались надъ такими вопросами. А у меня на глазахъ выросли мои сыновья. Мы теперешніе и мы прежніе—вѣдь это что-то такое разное, такое несовмѣстимое. Насъ возмущаетъ, когда дѣти качаются на стульяхъ, шумятъ и дерутся, но вѣдь и мы сами качались на стульяхъ и дрались. Намъ кажутся такими глупыми разговоры между шестнадцатилѣтними гимназистами и гимназистками, но развѣ мы сами не вели точно такихъ же разговоровъ и развѣ тогда они не были для насъ интересны и увлекательны? А книги? Я помню, какъ я восторгалась романомъ Маркевича «Четверть вѣка назадъ». Онъ печатался въ «Русскомъ Вѣстникѣ». А когда я захотѣла перечесть его лѣтъ черезъ двадцать, я бросила—такимъ онъ мнѣ показался смѣшнымъ и пошлымъ. Вотъ если вы все это захотите понять, вы поймете и оправдаете себя, а главное меня—двадцатилѣтнюю жену шестидесятилѣтняго мужа. Comprendre c'est pardonner. Разъ вы поняли, вы никогда не осудите.

— Васъ я и не осуждалъ никогда. Нѣтъ, нѣтъ, я никогда

васъ не осуждалъ, и теперь не осуждаю, — повторилъ Орестъ Валентиновичъ, думая о своемъ и не замѣчая пристальнаго взгляда Бояриновой.

Онъ всталъ, чтобы проститься.

— Смотрите, Лидія Аркадьевна, уже свѣтаетъ. Я ухожу отъ васъ такъ же поздно, какъ уходилъ когда-то очень давно. Хорошо, что сейчасъ мнѣ не надо спускаться по столбику балкона.

Она улыбнулась.

— Да. То, что было для васъ такъ легко тогда, теперь оказалось бы пожалуй совсѣмъ невозможнымъ. Вотъ вы и подтверждаете все то, что я сейчасъ вамъ говорила.

Ставронскій взялъ ея руку.

— Скажите мнѣ, какъ по-вашему,—какое время лучше: теперешнее или то, прежнее?

— Какое время лучше?—повторила она.—По-моему лучше настоящее, потому что оно вмѣщаетъ въ себѣ и прошлое, очищенное въ пламени нашихъ воспоминаній. А тогда мы ничего не знали, кромѣ настоящаго. Прошлаго не было, о будущемъ мы не думали, значитъ, и его не было.

— Милый философъ! — сказалъ онъ, цѣлуя ей руку, и прибавилъ:—Я скоро опять пріѣду къ вамъ.

— Да, я васъ жду. А жена ваша? Я даже не спросила: она здѣсь—въ Крыму—съ вами?

— Со мной.—Онъ замялся немного.—Я привезу ее какъ-нибудь. Мы пріѣдемъ къ вамъ вмѣстѣ.

Лидія Аркадьевна удержала его за руку.

— Вы давно женаты?—спросила она.

Онъ поймалъ ея умный, пытливый взглядъ и быстро отвелъ свои глаза въ сторону.

— Недавно. Моей женѣ девятнадцать лѣтъ.

Затѣмъ, не глядя больше на нее, вышелъ на улицу, досталъ извозчика и поѣхалъ домой.

Неподвижно, словно декораціи, стояли у дороги деревья. На блѣдномъ небѣ появились розовыя облака, а изъ лощинъ сталъ подниматься туманъ. Особая, утренняя тишина была кругомъ.

Орестъ Валентиновичъ полулежалъ въ желтой плетеной коляскѣ и чувствовалъ, какъ эта особая тишина проникаетъ и въ его сердце. Онъ не испытывалъ больше ни злобы къ Вѣрѣ, ни ненависти къ студенту, потому что студентъ странно перепутался теперь для него съ юнкеромъ, залѣзавшимъ по столбику на балконъ второго этажа.

«Если сдѣлалъ на старости лѣтъ ошибку—терпи, не жалуйся»,—сказалъ когда-то давно сѣдой купецъ въ поддевкѣ, и этотъ купецъ сумѣлъ понять грусть, которая свѣтилась въ зеленоватыхъ глазахъ его юной жены, и ради нея сумѣлъ побороть свою старческую ревность. А вотъ онъ—Ставронскій—не сумѣлъ ничего понять въ своемъ эгоизмѣ, и, когда, бывало, зимой Вѣра спрашивала его: «А у насъ сегодня опять старые мальчики будутъ играть въ карты?»—онъ отвѣчалъ, улыбаясь: «Да, да, мой другъ. Ты, пожалуйста, распорядись насчетъ ужина». И такъ все ходили старые мальчики и играли въ карты, и вотъ теперь вдругъ оказалось, что только здѣсь—въ Крыму—Вѣра попала въ общество людей одного съ нею возраста.

— Comprendre c'est pardonner!—сказалъ Орестъ Валентиновичъ неожиданно громко, такъ что кучеръ обернулся къ нему и спросилъ:

— Что угодно?

— Утро хорошее. Тихо такъ,—отвѣтилъ Орестъ Валентиновичъ.

Недалеко отъ дачи онъ обогналъ Бобу, который медленно шелъ по шоссе въ своемъ коротенькомъ кителѣ и фуражкѣ съ ремешкомъ. Ставронскій тронулъ за спину извозчика и позвалъ:

— Боба, вы? Подвезти васъ?

— Спасибо, не стоитъ. Мнѣ сейчасъ все равно сворачивать къ дому.

— Гуляли?

— Да. Я люблю такъ, рано утромъ. Красиво.

Орестъ Валентиновичъ пожалъ ему руку и поѣхалъ дальше. Онъ зналъ, о комъ мечтаетъ Боба и что заставляетъ его бродить ночью по безлюдной дорогѣ, но теперь это его больше не возмущало. Отпустивъ извозчика, онъ пошелъ черезъ садъ, черезъ теннисную площадку, по которой каждый день бѣгала Вѣра. Онъ остановился у края сѣтки и вспомнилъ, что вчера утромъ на этомъ самомъ мѣстѣ она очень горячо говорила о чемъ-то со студентомъ. Онъ зажмурился и нервно передернулъ плечами.

— Однако, я разсентиментальничался. Все это хорошо, но осторожность никогда не мѣшаетъ. Необходимо увезти Вѣру отсюда какъ можно скорѣе. Придется очень огорчить бѣднаго Бобу, но надо пользоваться временемъ, пока его любовь не зашла слишкомъ далеко.

Давно Орестъ Валентиновичъ не спалъ такъ хорошо, какъ въ это утро. Онъ проспалъ до завтрака и всталъ спокойный и веселый.

И такимъ же спокойнымъ былъ онъ, когда уѣзжалъ черезъ три дня съ Вѣрой на пароходѣ. Онъ не зналъ тогда, да и никогда не узналъ послѣ, какъ плакалъ Боба, услыхавъ отъ Вѣры объ ихъ внезапномъ отъѣздѣ, и какъ Вѣра утѣшала его и гладила его золотые волосы; онъ не зналъ, что покоренная горемъ студента, она, неожиданно для самой себя, почувствовала, что и ей разставаться съ нимъ грустно, и не только грустно, но даже и совсѣмъ невозможно; онъ не зналъ, что наканунѣ ихъ отъѣзда ночью, когда Боба черезъ окно влѣзъ въ ея комнату, Вѣрѣ и въ голову не пришло прогнать его. И не зналъ онъ, что она до разсвѣта говорила ему нѣжныя, смѣшныя слова—такія же самыя, какія давно, давно говорила юнкеру Оресту зеленоглазая Лида.

Пароходъ отваливалъ отъ пристани.

Вѣра стояла на кормѣ рядомъ съ мужемъ и смотрѣла на пеструю толпу провожающихъ. Она чувствовала странную пустоту въ головѣ и все, такъ недавно происшедшее и происходящее сейчасъ, казалось ей сномъ.

Студентъ былъ впереди всѣхъ на краю мола, и она ловила его пристальный взглядъ и чувствовала, что краснѣетъ.

— Какъ могло все это случиться? Неужели я люблю его?—Она задавала себѣ этотъ вопросъ десятки разъ, но отвѣта не находила.

В. Карачарова.

ВЪ ДОРОГѢ.

Набѣжала туча, грозная, сѣдая;
Вѣтеръ гнетъ березки въ трепетныя дуги;
Зашептались травы, низко присѣдая,
Капли дождевыя, какъ резина, туги.

Ни единой птицы, ни одной стрекозки—
Только громъ, да буря, да огонь изъ тучи.
Ливень барабанитъ по верху повозки.
Все же, чѣмъ возницѣ, намъ съ тобою лучше.

Онъ дрожитъ на козлахъ подъ жгутами ливня.
Я къ тебѣ прижался... Мнѣ тепло и сухо...
Ты въ минуты нѣги дѣвочки наивнѣй,
Только розовѣетъ крошечное ухо.

Ѣдемъ иль не ѣдемъ?.. Ни конца, ни края...
Все слилось, смѣшалось... Вѣтеръ бьетъ повозку...
Жемчугомъ прокралась капля дождевая
И къ тебѣ упала въ пышную прическу...

Алексѣй Липецкій.

ЗЕМЛЯ.

Разсказъ.

I.

Два года назадъ имѣніе было продано съ торговъ. Этому предшествовала легкомысленная для шестидесятидвухлѣтняго старика попытка «одинъ разокъ игрануть на биржѣ». Такъ Павелъ Ивановичъ Карабановъ, нѣкогда богатый помѣщикъ и воротила, остался съ семьюстами рублями въ карманѣ и съ векселемъ на какого-то самоубійцу.

Пришлось бросить старое насиженное гнѣздо, съ могилами предковъ, и перебраться къ сыну-архитектору въ столицу.

Первое время въ сердцѣ старика еще теплилась лукавая надежда, что у сына проснется вдругъ фамильная привязанность къ землѣ, и онъ купитъ какое-нибудь имѣніе или просто клочекъ лѣса и пашни. Старикъ мечталъ хотя бы о должности управляющаго въ такомъ имѣніи, потому что городъ ему былъ ненавистенъ и хотѣлось остатокъ дней провести въ обычной для него обстановкѣ тихой деревни.

Но молодой Карабановъ и слышать не хотѣлъ ни о какой такой землѣ. Съ дѣтства, тотчасъ же послѣ смерти матери, его привезли въ Питеръ къ теткѣ, у которой онъ и воспитывался. Къ отцу въ деревню никогда не ѣздилъ, не питая ни малѣйшей склонности ни къ природѣ, ни къ медлительно-спокойнымъ мужикамъ, и любилъ городъ, шумный трепетъ котораго соотвѣтствовалъ его суетливой, неугомонной душѣ. Самое большое, что онъ могъ бы сдѣлать, это купить доходный домъ, и онъ дѣйствительно ждалъ подходящаго случая. Какъ архитектору, ему бы это легко могло удаться. И онъ говорилъ отцу:

— Вотъ погодите, папаша. Куплю домъ пятиэтажный, тогда и для васъ найдется подходящее занятіе.

— Да тутъ дѣло не въ одномъ занятіи,—уныло возражалъ отецъ;—мнѣ у земли жить хочется.

Сынъ дѣлалъ скучающую физіономію, точно рѣчь шла о самомъ несбыточномъ планѣ, и, не глядя отцу въ глаза, сухо ронялъ:

— Затвердили вы себѣ: земля, земля—и упрямитесь, какъ ребенокъ.

Старикъ вздыхалъ и въ неутѣшной, никѣмъ не раздѣляемой печали вспоминалъ неоглядныя поля, окружавшія его Окуловку, острый запахъ васильковъ, волнующееся отъ вѣтра поле и бодрящую свѣжесть деревенской осени.

Въ расплывчатомъ сумракѣ петербургскаго дня только и видны были тѣни, ложившіяся на его старое, сурово обросшее волосами лицо. Подавляя вздохи, онъ умолкалъ, а потомъ долго ходилъ у себя по комнатѣ съ робкой мыслью прямо и рѣзко указать сыну на его нечуткость и нежеланіе понять старика-отца, котораго влечетъ къ деревнѣ.

Такъ это продолжается уже два года.

Міроощущеніе старика Карабанова—широкіе деревенскіе просторы, медлительность и простота. На этомъ немногомъ строится вся его житейская философія, и здѣсь его не собьетъ ни одинъ логикъ.

— Настоящія мысли,—разсуждаетъ онъ, въ большинствѣ случаевъ про себя или обращаясь къ какому-нибудь незримому собесѣднику,—настоящія мысли появляются только въ тиши, гдѣ нѣтъ суеты, электрическихъ трамваевъ и автомобильныхъ гудковъ, чортъ бы ихъ двалъ совсѣмъ! Ну, можетъ, у нѣмцевъ тамъ или французовъ, это и не такъ, потому что они больше городскіе жители. А мы, русскіе, безъ деревни не можемъ: Россія страна деревенская.

Городъ рисуется ему только ярмаркой, куда слѣдуетъ пріѣзжать одинъ, два или три раза въ годъ, но жить въ городѣ онъ предоставляетъ лишь чиновникамъ и военнымъ. Да и тѣмъ, увѣряетъ онъ того же незримаго собесѣдника, надо имѣть связь съ землей.

— Если русскій человѣкъ не имѣетъ въ землѣ корней, то онъ не настоящій русскій. Пухъ, летающій по вѣтру, и больше ничего.

Его мечтамъ по природѣ и деревенскимъ видѣніямъ безжалостно мѣшаютъ уродливыя крыши и слѣпые брандмауэры пятиэтажныхъ домовъ, которые назойливо лѣзутъ въ окно его комнаты. Чтобы легче было создавать себѣ иллюзіи, старикъ съ самаго

утра идетъ куда-нибудь въ Таврическомъ саду и тамъ пламенно мечтаетъ. Конечно, осыпанныя снѣгомъ деревья находятся не въ Таврическомъ саду, а въ его имѣніи, и оно называется «Карабановка». Съ весеннимъ половодьемъ начнутъ сплавлять по рѣкѣ лѣсъ, шикарный шестивершковый лѣсъ. Предстоитъ не мало хлопотъ, а людей нѣтъ. То-есть у него много людей, только довѣриться некому,—экій продувной народъ пошелъ, все это городъ понадѣлалъ!

Для полноты иллюзіи Карабановъ беретъ съ собой на прогулку глупаго, какъ бревно, сеттера и держитъ его на цѣпочкѣ. Молодой сеттеръ, учуявъ ту самую весну, которая должна принести Карабанову немало хлопотъ изъ-за сплава лѣса,—рвется во всѣ стороны, какъ ошалѣлый, и фыркаетъ отъ возбуждающихъ его запаховъ.

— Фу, ты, дурашливый песъ!—ласково бранитъ Карабановъ собаку, а самъ чувствуетъ, что присутствіе сеттера ему пріятно и что онъ не одинокъ.

Сеттеръ удивленно поднимаетъ морду и на ласковыя слова старика радостно виляетъ мшистымъ хвостомъ.

Черезъ рѣшетку сада видны пухлые нетронутые сугробы, надъ которыми вѣтеръ, тихо посвистывая, носитъ цѣлыя полосы мелкаго снѣга. Весело дымится паръ отъ лошадей и пѣшеходовъ, поскрипываютъ сани, пахнетъ свѣжимъ навозомъ.

Карабановъ наслаждается. Въ этихъ деревенскихъ видѣніяхъ, заполняющихъ его душу молитвеннымъ покоемъ,—въ снѣжной пыли, обдающей его то спереди, то сзади, въ вихрастыхъ извозчичьихъ лошаденкахъ, отъ которыхъ исходитъ колючій запахъ навоза, и въ спокойныхъ мысляхъ старикъ ощущаетъ ту великую простоту, для которой не знаетъ названія, но которую любитъ всѣмъ своимъ существомъ.

Въ этотъ ранній часъ ему по дорогѣ обыкновенно встрѣчаются дѣловитые чуйки, молодые парни, развозящіе на санкахъ молоко, и озабоченные разнощики. Почему-то всѣ они ходятъ не по тротуарамъ, а посрединѣ улицы. Карабановъ никакъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи остановить какого-нибудь мужичка, съ котораго еще не сошла деревенская заскорузлина, и подробно начинаетъ допытываться, почему онъ оставилъ деревню, сколько у него земли и почемъ теперь овесъ.

Мужичекъ мнется, отвѣчаетъ недовѣрчиво и разсказываетъ не относящееся къ дѣлу. Когда они прощаются, Карабановъ сочувственно говоритъ:

— Нѣтъ, братъ, крестьянину не надо землю оставлять.

Что толку въ томъ, что здѣсь заработки лучше! Зато въ городѣ деньги не задерживаются.

Но одинъ изъ такихъ встрѣчныхъ, бойкій тверской мужичекъ, выслушавъ наставленіе Карабанова, лукаво посмотрѣлъ на его старенькую шубу и многозначительно сказалъ:

— А вотъ у насъ говорятъ такъ: даже и барину деньги господинъ.

Старикъ смущенно отошелъ отъ него и всю дорогу хмурился, вздыхалъ и старался придумать способъ какъ можно скорѣе добыть деньги, чтобы снова купить себѣ клочекъ земли.

II.

За невѣсткой Еленой Аркадьевной настойчиво ухаживаетъ товарищъ сына Вороновъ, тоже архитекторъ; но онъ мечтатель и, кажется, неудачникъ. Старикъ, наблюдательный и зоркій, какъ малый ребенокъ,—да и самъ въ свое время не промахъ по женской части,—хорошо видитъ, что дружба между ними заходитъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ, но онъ махнулъ на это рукой. Вороновъ ему пріятенъ. Неумѣлый и непрактичный, онъ больше художникъ, чѣмъ строитель, и терпкая городская жизнь, съ ея конторами, банками и переучетами векселей, ему тоже не по душѣ. Онъ мечтаетъ о продолжительномъ путешествіи по Италіи, о жизни на берегу моря гдѣ-нибудь въ Бретани или Нормандіи. Какъ и старикъ Карабановъ, онъ въ городѣ тоже «ничего не умѣетъ». На этой почвѣ они сходятся. Кромѣ того, мало занятый, онъ больше, чѣмъ другіе, посѣщающіе сына, удѣляетъ времени неторопливой бесѣдѣ со старикомъ и не хватается ежеминутно за часы.

Пока Елена Аркадьевна обсуждаетъ съ портнихой фасонъ платья, Вороновъ бесѣдуетъ со старикомъ въ кабинетѣ. Объ одномъ и томъ же говорятъ они всегда—о томъ, какъ невыносимо жить въ городѣ, гдѣ нѣтъ времени подумать о вѣчномъ.

Вороновъ неизмѣнно соглашается съ нимъ. Онъ чувствуетъ правду въ словахъ старика.

— Да,—говоритъ онъ,—это вѣрно. Все лучшее у насъ всегда было изъ деревни. Литература и искусство всегда шли изъ помѣщичьихъ усадебъ, изъ крестьянскихъ избъ или монастырей.

— Во-во-во!—радостно воскликнулъ старикъ.

— Лучшіе наши писатели были помѣщиками, а тѣ, которые ими не были, все-таки писали не о городѣ. Самый городъ ни-

кѣмъ у насъ хорошо не изображенъ; очевидно, городская жизнь пока еще чужда русской душѣ.

— Вотъ-вотъ!—восторженно роняетъ Карабановъ.—То же самое я и Валентину твержу. «Помилуйте,—говоритъ,—въ городѣ театры, газеты, трамваи!» Господи, да на кой они мнѣ прахъ! Что толку въ нихъ, когда у гражданина нѣтъ времени наслаждаться всѣмъ этимъ. Въ театръ онъ мчится, какъ оголтѣлый, едва закончивъ обѣдъ. Изъ театра—занавѣсъ еще не успѣетъ опуститься, — онъ снова мчится. Куда? Зачѣмъ? На Невскомъ, вотъ, никогда не увидишь человѣка, который бы просто гулялъ. Развѣ, что женщины легкаго поведенія. Всѣ мчатся. Или вотъ трамваи. Вѣдь трамваи для скорости заведены. А развѣ городской житель отъ этого больше свободнымъ временемъ располагаетъ? Ничуть не бывало. Всегда онъ торопится, всегда спѣшитъ. Спѣша обѣдаетъ, чтобы въ театръ идти, изъ театра спѣшитъ, чтобы скорѣе лечь, встаетъ—опять спѣшитъ, чтобы на службу. И всю жизнь такъ. А вѣдь спѣшатъ всегда для чего-нибудь. Непостижимо!

Когда нѣтъ Воронова, старикъ отводитъ душу въ разговорахъ со своимъ лакеемъ Ѳедоромъ. Въ немъ его связь съ прошлымъ, съ Окуловкой, съ мужиками и съ деревней. Ѳедоръ поочередно занималъ у него всѣ должности: былъ камердинеромъ и брадобреемъ, а потомъ, когда дѣла стали хуже, былъ приказчикомъ, экономомъ и даже управляющимъ. Лѣтъ ему столько же, сколько и Карабанову.

Какъ только старику становится невмоготу отъ печальныхъ и безысходныхъ мыслей и надоѣдаетъ шагать по комнатѣ, онъ зоветъ Ѳедора и обычно спрашиваетъ что-нибудь совершенно не нужное въ данную минуту, но дорогое ему по воспоминаніямъ:

— А сколько это мы заплатили за желтый тарантасъ, не помнишь?

— Семьдесятъ два рубля,—не задумавшись, отвѣчаетъ Ѳедоръ и припоминаетъ, какъ злился земскій начальникъ, тоже прицѣнивавшійся къ этому тарантасу.

Передъ Карабановымъ сразу встаютъ незримыя тѣни прошлаго, и онъ глубоко задумывается.

— Да, братъ, прогусарили мы съ тобой Окуловку!—неизмѣнно кончаетъ онъ.

Ѳедоръ вздыхаетъ и неподвижно утыкается глазами въ какую-нибудь точку на полу.

Но Ѳедоръ человѣкъ съ хитрецой—лукавый и ловкій слуга.

Онъ чувствуетъ себя недурно и въ городѣ и успѣлъ уже пріобрѣсти знакомства, раньше всего во всѣхъ этажахъ дома, гдѣ они живутъ, а затѣмъ и по сосѣдству. Для горничныхъ, кухарокъ и даже для швейцара онъ первый совѣтчикъ и лучшій адвокатъ. Работы у него мало, а если Валентинъ Павловичъ и пошлетъ его куда, то это почти всегда сопряжено съ доходомъ. По вечерамъ, или въ отсутствіе господъ, онъ пожинаетъ лавры у кухарки и горничной, читая имъ вслухъ занятнѣйшій романъ «Тайны желтой комнаты» Гастона Леру или его же «Духи женщины въ черномъ». У кухарки и горничной есть, конечно, и другія склонности романическаго характера, но чтеніе Ѳедора, сопровождаемое замысловатѣйшими комментаріями, занимаетъ среди нихъ не послѣднее мѣсто. Книги онъ достаетъ въ библіотекѣ, но это ему ничего не стоитъ: на плату онъ беретъ деньги съ прислуги. Вообще Ѳедоръ быстро наловчился извлекать изъ всего прибыль и удовольствіе, и городъ ему нравится. Онъ обожаетъ телефонъ, вечернія газеты, богатые выѣзды и электричество. Не мало прельщаетъ его и деликатное обращеніе съ нимъ со стороны господъ, къ которымъ онъ заходитъ съ разными порученіями.

Но онъ прекрасно знаетъ, что старикъ Карабановъ вѣритъ въ его тоску по землѣ, по широкимъ деревенскимъ просторамъ и держитъ его при себѣ только потому, что онъ будто бы раздѣляетъ съ нимъ эту тоску.

— Изъ единомыслія,—какъ про себя думаетъ Ѳедоръ.

И онъ ловко притворяется передъ старикомъ такимъ же ненавистникомъ города, поддакиваетъ во всемъ, припоминаетъ дорогія ему воспоминанія въ прошломъ, и, когда надо, вздыхаетъ. Терпѣливо и сочувственно слушаетъ онъ нескончаемыя проповѣди Карабанова о безбожной городской жизни, а самъ думаетъ, какъ разъ наоборотъ, но не выдаетъ себя ни единымъ движеніемъ своего послушнаго лица.

III.

Съ сыномъ старикъ разговариваетъ рѣдко, развѣ-что за обѣдомъ, да и то, по его мнѣнію, это не разговоръ, а ненужное соблюденіе условностей, требующихъ, чтобы за столомъ кто-нибудь о чемъ-нибудь говорилъ.

— Не мастеръ я финтиманты всякіе разводить,—думаетъ про себя Карабановъ, вяло поддерживая бесѣду.

Онъ знаетъ, что его ненависть къ городу и преклоненіе передъ деревенской жизнью всѣмъ надоѣли и ни въ комъ не вызываютъ сочувствія, но онъ не можетъ удержаться, чтобы при случаѣ не сказать чего-нибудь въ родѣ:

— Въ городѣ жить, надо пронозой быть.

— «Проноза!» —пренебрежительно повторитъ сынъ, искрививъ лицо, точно набралъ въ ротъ горчицы больше, чѣмъ надо.—Какія вы, папаша, дикія слова выкапываете.

— Проноза—дикое слово!—вскипитъ старикъ.—Вотъ новости какія! Проноза русское слово, не городское, конечно, но настоящее русское слово. Не чета вашимъ облѣзлымъ городскимъ словамъ, у которыхъ блѣдная немочь. Ни крови, ни перцу въ нихъ нѣтъ.

Попытки заговорить съ сыномъ о покупкѣ земли Карабановъ дѣлаетъ раза два въ недѣлю, но ничего изъ этого не выходитъ. Валентинъ всегда занятъ, всегда куда-то торопится или отсутствуетъ, а когда бываетъ дома, ежеминутно срывается съ мѣста и, какъ шалый, бѣжитъ къ телефону. Только и слышно: «Алло! Я сейчасъ ѣду. Алло! Я только пріѣхалъ». Ахъ, ты, Господи!

Однажды—это было къ концу зимы—старикъ не выдержалъ и, подавивъ въ себѣ робость, зашелъ въ кабинетъ къ сыну и сказалъ:

— Ты меня извини, Валентинъ, но я къ тебѣ все по тому же дѣлу. Какъ же будетъ?

Валентинъ поднялъ свое безстрастно-холодное бритое лицо и лѣниво спросилъ:

— Это насчетъ чего?

— Какъ же съ землей будетъ? Купишь ты или какъ? Время идетъ, вѣдь.

Валентинъ Павловичъ раздраженно повелъ плечами, выдавилъ у себя на лицѣ улыбку скучной досады и однотонно произнесъ:

— Ну, право, папаша, вы какъ маленькій. Пора бы вамъ, наконецъ, успокоиться. Заладили одно и то же, и нѣтъ этому конца.

— Нѣтъ этому конца, говоришь?

— Ну, да. Какая тамъ земля! Я вѣдь сказалъ вамъ: подождите, куплю домъ. Это и васъ устроитъ, будете имѣть занятіе. А пока живите себѣ спокойно и от...

Въ это время затрещалъ телефонъ. Молодой Карабановъ не далъ себѣ даже труда закончить слово и понесся въ пе-

реднюю, на ходу закуривая папиросу. Старикъ съ тоскою посмотрѣлъ ему вслѣдъ и покачалъ головой.

Безнадежна была его просьба. Теперь онъ это сразу почувствовалъ и обвелъ глазами комнату, точно хотѣлъ отыскать какую-нибудь опору для своей упрямой мечты, съ которой такъ не хотѣлось разставаться. Деньги, деньги! Тѣ самыя деньги, которыя «и барину господинъ», какъ говорилъ бойкій мужичекъ. Но гдѣ ихъ достать? Подъ вексель никто вѣдь не дастъ.

Не успѣвъ сѣсть во время разговора съ сыномъ, онъ такъ и продолжалъ стоять посрединѣ кабинета, прислушиваясь къ собственнымъ мыслямъ. Но онѣ были тусклы и звучали неясно. Все его старое тѣло и голова наливались тяжестью, отнимавшей у него всякую способность разсуждать. Карабанову показалось, что онъ находится въ положеніи человѣка, который обреченъ.

Онъ уже-было хотѣлъ уйти къ себѣ, какъ взглядъ его случайно упалъ на ключъ, торчавшій въ несгораемомъ шкафу. Старикъ вздрогнулъ и покосился на дверь.

Приторно-льстивыми словами сынъ убѣждалъ кого-то по телефону, быстро подыскивая доводы,—«не торопиться». Слащавыя интонаціи его дѣланнаго голоса, скороговорка и чрезмѣрная почтительность усиливали въ душѣ отца досаду и тоску. Въ эти минуты его единственный сынъ былъ ему глубоко противенъ и представился чужимъ.

Старикъ замеръ. Въ одно мгновеніе черезъ его сознаніе пронеслись обрывки всего того, что̀ онъ передумалъ за два года, и рядомъ съ растекавшейся мыслью о напрасно лелѣемыхъ мечтахъ, о нечуткости сына, о его черствой городской душѣ всплывала новая мысль, такая заманчивая и острая въ своей новизнѣ. Онъ замѣтилъ, что начинаетъ дрожать. И, вдругъ насторожившись передъ голосомъ своей воли, старикъ почуялъ близость рѣшенія, которое, какъ шаръ съ горы, стремительно скатывалось съ вершинъ его упрямаго желанія.

Молодой Карабановъ еще продолжалъ подыскивать убѣдительные доводы и заливался льстивыми трелями, когда старикъ уже вернулся на прежнее мѣсто, стараясь подавить въ себѣ тревожное волненіе. Въ карманѣ его пиджака лежали деньги. Сколько—онъ не зналъ. Видѣлъ только, что въ шкафу были сотенныя бумажки, но онъ гналъ отъ себя нетерпѣливое желаніе установить хоть приблизительную цифру, чтобы потомъ не разочароваться.

Сынъ вернулся въ кабинетъ. На отца онъ и не по-

смотрѣлъ, но, имѣя, повидимому, его въ виду, озабоченно сказалъ:

— Ну, надо ѣхать. Масса дѣлъ.

Не поворачивая головы, старикъ медленно направился къ выходу, испытывая смертельную усталость. У себя въ комнатѣ онъ легъ на кушетку и поднялся лишь тогда, когда услышалъ, какъ за сыномъ хлопнула дверь.

Торопливо и неловко онъ сосчиталъ затѣмъ деньги: ихъ было двѣ тысячи шестьсотъ. Это давало ему возможность кое-что сдѣлать для осуществленія своей мечты, но никакой радости онъ не ощущалъ. На ея мѣстѣ онъ чувствовалъ укоръ, больно терзавшій его за то, что на старости лѣтъ сдѣлался воромъ.

Быстро одѣвшись, старикъ незамѣтно вышелъ изъ дому и отнесъ деньги въ банкъ.

За обѣдомъ, дѣлая надъ собой усиліе, онъ оставался такимъ, какимъ былъ всегда, но только раньше ушелъ изъ-за стола. Потомъ снова вернулся и угрюмо сказалъ сыну:

— Валентинъ, дай мнѣ, пожалуйста, рублей пятьдесятъ.

— Зачѣмъ тебѣ?—удивился сынъ, но тотчасъ же спохватился.—Пожалуйста, пожалуйста.

Старикъ ушелъ и вернулся поздно. Открывалъ ему дверь самъ Валентинъ, умышленно не ложившійся спать, чтобы дождаться отца, отсутствіе котораго показалось ему очень страннымъ.

— Гдѣ это вы были?—съ безпокойствомъ спросилъ онъ.

— Въ клубѣ.

Молодой Карабановъ удивленно и вопросительно пожалъ плечами.

— Что-жъ! Единственная возможность,—виновато сказалъ старикъ.

— Ну, и проиграли, конечно?

— При своихъ.

А на другой день пропажа денегъ обнаружилась. Всѣ бѣгали, суетились и шушукались, какъ въ комнатѣ, гдѣ лежитъ тяжело-больной. Кухарка и горничная ежечасно клялись въ своей невиновности и ходили съ заплаканными глазами. Елена Аркадьевна о своемъ несчастьѣ разсказала по телефону четыремъ дамамъ и на отвратительномъ французскомъ языкѣ, въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, сообщала, что подозрѣваетъ Ѳедора.

— Же круа кэ са фе нотръ омъ Теодоръ. Иль я контръ люи боку де супсонъ.

Өедоръ же, обычно вороватый, впервые почувствовалъ себя незаслуженно обвиненнымъ въ кражѣ, разсвирѣпѣлъ и пытался отколотить кухарку. Старикъ рознялъ ихъ, но прикрикнуть на Өедора не рѣшился: у него самымъ настоящимъ образомъ болѣло сердце за стараго слугу. Взволнованный, ходилъ Карабановъ по комнатамъ и страдалъ. Этотъ одинъ день прошелъ для старика, какъ долгій рядъ невыносимыхъ лѣтъ. Мука усиливалась еще тѣмъ, что Валентинъ какъ-то особенно неделикатно старался не смотрѣть на него и, повидимому, догадывался.

Черезъ два дня старикъ снова ушелъ въ клубъ и, вернувшись во второмъ часу ночи, отчеканилъ сыну:

— Три тысячи выигралъ.

Валентинъ усмѣхнулся, но ничего не сказалъ.

IV.

Двѣ недѣли проходятъ въ безпрерывныхъ переговорахъ съ маклерами, посредниками и подозрительными личностями, у которыхъ бумажные воротнички и на пиджакахъ жирная перхоть. О пропавшихъ деньгахъ въ домѣ больше не говорятъ. Старику приходится отказаться отъ своего нерасположенія къ телефону, и онъ преисправно пользуется имъ.

Дни, заполненные маленькими событіями, возвращаютъ Карабанову его прежнюю бодрость. Говоритъ онъ теперь громко, увѣренно, и такія же увѣренныя у него движенія: онъ пьетъ жизнь.

На улицахъ съ крышъ падаютъ звонкія, сверкающія отъ солнца капли; отъ земли поднимаются густыя испаренія; становятся отчетливыми городскіе звуки. Это весна.

Послѣ бѣготни по переписчикамъ, нотаріусамъ, чертежникамъ и долгихъ споровъ съ посредниками, Карабановъ къ вечеру устаетъ, какъ поденщикъ; рано ложится спать и во снѣ видитъ черную землю, которая будто дышитъ.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней онъ уѣзжаетъ куда-то въ сопровожденіи маклера, отсутствуетъ два дня и возвращается помолодѣвшимъ: дѣло сдѣлано. За усадьбу уплачено двѣ тысячи четыреста. Остальные—подъ векселя. Старикъ доволенъ и больше не жалуется.

Өедоръ съ младшимъ дворникомъ приносятъ съ чердака огромный сундукъ, переполненный до верху всякимъ хламомъ,

который оказывается вдругъ очень цѣннымъ. Извлекаютъ поддевку Карабанова, охотничьи сапоги, складной полусаженокъ и старую-престарую фетровую шапку, которая старше Валентина на два года. Старикъ восторгается каждой мелочью.

— Ахъ ты, милый мой, пригодился-таки!—говоритъ онъ позеленѣвшему мѣдному фонарю.

Ѳедоръ тщательно чиститъ всѣ вещи и мужественно выколачиваетъ ихъ посерединѣ двора, но дѣлаетъ онъ это безъ всякаго энтузіазма: мысль, что придется покинуть столицу, прямо-таки ужасаетъ его. Какъ теперь безъ вечернихъ газетъ? Безъ иллюстрированныхъ журналовъ? Безъ общества? Да и вообще...

За эти двѣ недѣли онъ помирился съ кухаркой и успѣлъ даже завести съ ней самый серьезный романъ. Утѣхи любви безжалостно прерваны.

Понятно, онъ бы могъ отказаться отъ службы, но прекрасно знаетъ, что упрямый старикъ не проститъ ему измѣны и хорошей аттестаціи не выдастъ. Онъ ѣдетъ, скрѣпя сердце, про себя называетъ Карабанова «старымъ чортомъ», но есть у него тайная надежда къ концу лѣта удрать обратно въ городъ. А пока-что ему досадно.

Уѣзжаютъ изъ столицы раннимъ утромъ. Изъ экономіи оба—баринъ и слуга—ѣдутъ въ 3-мъ классѣ. Старикъ сіяетъ. Ѳедоръ угрюмъ и вздыхаетъ, какъ старая ханжа. Черезъ окно вагона видно, какъ мимо плывутъ грязная земля, дымныя испаренія и зеленѣющая озимь. Высоко въ небѣ рѣютъ стрижи, а значительно ниже, надъ самой озимью, тамъ, гдѣ освѣщенная солнцемъ пылаетъ весна, носятся сумасшедшіе жаворонки.

Старикъ выходитъ на площадку вагона, жадно вдыхаетъ въ себя острый воздухъ и ощущаетъ долгожданный молитвенный покой.

— Господи ты, Боже мой, — шепчетъ онъ съ тихимъ волненіемъ.—Искренно вѣрую, что Ты существуешь. Вѣрую въ щедрую благодать Твою, повсюду имѣющуюся—въ нѣжной травѣ, на лѣсныхъ тропинкахъ, у сырого болотца, но только не въ городѣ...

В. Ирецкій.

ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ.

Хмурятся больше, чѣмъ надо,
Думы мои и слова,
Если наклонитъ изъ сада
Темную зелень листва,

Если замолкшій обманно
Дождикъ подкрадется вновь,
Если тоскливо, нежданно
Старую вспомню любовь.

Медленно дышетъ и стонетъ
Пасмурный, дремлющій день.
Вечеръ его уже гонитъ
Изъ тишины деревень.

Вечеръ волнами тумана
Плещетъ уже у воротъ.
Бѣдное сердце такъ рано
Сонъ и забвенье зоветъ.

Павелъ Зоревъ.

ВЪ РЯДАХЪ.

Эскизъ.

— Мендель! Нѣтъ ли у тебя цигарки?

— Цигарка,—говоритъ Мендель, будто просыпаясь,—цигарка... съ моимъ удовольствіемъ.

И Мендель вытаскиваетъ изъ глубокаго кармана шинели двѣ послѣднія полуизорванныя папиросы.

— Дай ужъ я пособлю,—говоритъ Иванъ Клюевъ, мастерски одной рукой сжимаетъ кончикъ табачной гильзы во рту, всовываетъ въ мундштукъ,—и папиросы готовы.

У Клюева нашлась спичка, и оба на ходу закуриваютъ. Клюевъ куритъ съ глубокимъ наслажденіемъ: всасываетъ въ себя дымъ и потомъ медленно и осторожно, какъ драгоцѣнность, выпускаетъ его на волю тонкими и легкими струйками. И онъ не можетъ не выразить своего восхищенія.

— Основательная цигарка, Мендель. Ос-но-ва-тель-ная.

Идетъ Клюевъ крѣпко и твердо, и кажется ему, будто ноги сами марширують.

... Славная теперь ходьба. Послѣ сырого и холоднаго окопа, послѣ недолгаго, но крѣпкаго сна первыя версты кажутся пріятными и легкими. Клюевъ весь погруженъ въ своемъ шествіи, будто побѣдоносно входитъ онъ во вражескую столицу. Бодро почему-то у него сегодня внутри. Крѣпки руки и ноги. Съ широкихъ плечъ будто свалилась вчерашняя немощь и нытье. Онъ легко вдыхаетъ воздухъ, и ему хочется поговорить.

— Ты письмо, чай, получилъ?—опять будитъ онъ Менделя, во что-то погруженнаго,—отъ бабы своей, чай, получилъ ужо?

— Получилъ,—будто неохотно отвѣчаетъ Мендель. Ему тоже хочется поговорить, очень хочется. Такое творится у него на душѣ, что и боязно посмотрѣть туда; поговорить бы хоть о чемъ-нибудь, но кругомъ и около нѣтъ еврея...

— А баба твоя что пишетъ-то?—продолжаетъ любопытствовать Клюевъ и, не дождавшись отвѣта, прибавляетъ:—Чай, вѣрныя онѣ, жидовки ваши, ужъ знаю я... А плохо-то безъ мужа-то... И работникъ тоже.

Тонъ, манера говорить, тембръ голоса у Клюева удивительно мягкій, ласковый, и Менделя это подкупаетъ. Не можетъ онъ также забыть, что Клюевъ вчера раздѣлилъ съ нимъ свою послѣднюю краюху хлѣба. И что-то въ немъ открывается.

— Что бабѣ писать?—старается Мендель передать Клюеву свое. — Тяжело ей... Что я десять рублей въ пятницу домой принесу, что теперь—это двѣ большія разницы...

Остановился, перевелъ духъ и продолжаетъ:

— А дѣти—дѣти они... и каждому надо...

— Конечно,—подтверждаетъ Клюевъ,—дитя—оно живое и нужно ему...

Мендель чувствуетъ, что Клюевъ ему попалъ въ самый тонъ, и языкъ его невольно все больше развязывается. Онъ немного поднимаетъ свою свободную руку, какъ бы собираясь жестикулировать.

— Мнѣ не столько дѣтей, какъ ее мнѣ жалко... Дѣти—ихъ жизнь впереди. Захотятъ счастья—подрастутъ и поищутъ. Я самъ сиротой остался... А вотъ она, Перле моя, она-то какъ будетъ, если?...—

И Мендель боится произнести имя стерегущей его смерти.

И тише настолько, чтобы рѣчь его не заглушилъ мѣрный топотъ тысячъ ногъ, прибавляетъ:

— Слабая она у меня, кроткая и такая тихая... Никогда она не попроситъ... Таять будетъ, какъ свѣча истаетъ, а не попроситъ... Такая она...

Клюеву становится жалко Менделя, и, подъ вліяніемъ этой трогательной любви еврея къ женѣ своей, у него самого просыпается что-то близкое и на время уснувшее.

Любитъ его Настя, охъ, какъ любитъ. Ему и теперь мерещится ея вой и причитанія, но онъ, какъ вступилъ въ строй, совсѣмъ забылъ про нее.—И въ минуты дремоты почему-то ему мерещится не она, Настя, а Тоня—эта мягкая, полногрудая, шелковая Тоня, которая всегда была гладкая, всегда чистая, свѣтлая, и всегда она такъ ходила, такъ изгибалась... Чертовка! Чистая чертовка...

Первое время, когда Клюевъ пришелъ изъ солдатъ домой, сердце его все ныло, все время ныло... Какъ обниметъ его Настя и ластится, вся корявая, худая,—ему все Тоня, все она,

съ длинными, льняными волосами, съ этакими свѣтлыми глазищами, которые будто щупаютъ за сердце, за самое сердце.

Настя что-то стала чуять:

— Што-то съ моимъ Иваномъ? Неладно, видно, жить ему стало со мной...

И обидно ей, и больно. Она отворачивается и плачетъ. А Ивану тоже: и обидно, и больно... И за себя, и за нее. И вдругъ возьметъ онъ Настю за плечи, притянетъ близко, близко, какъ бывало Тоню, и закроетъ глаза... И Настя уже ластится, уже готова... И такъ рада, дура эта...

И такъ это тянулось два года. Хотѣлъ Иванъ уйти на фабрику, какъ до службы, но привязала его соха: братъ отдѣлился, вторая невѣстка ушла къ своимъ, и нельзя было хозяйство оставить: хуторское оно и много хлопотъ требовало. И полюбились ему опять, какъ въ юные годы, и широкое безконечное поле, и чистый куполъ неба, и соха, и борона, и грабля... Благодать кругомъ, и одинъ ты: ни Насти, ни Тони... Ты, небо и поле... Знай—живи и работай...

— Тяжело, значитъ, ей, пишетъ она, баба твоя,—смакуетъ Клюевъ свои мягкія слова, и хочется ему почувствовать, что, собственно, недоставало ему дома.

— То-есть писать она такъ совсѣмъ не пишетъ—поясняетъ Мендель,—совсѣмъ наоборотъ... Она пишетъ, что сыта она, здорова она, дѣти тоже, и молоко маленькій пьетъ... по три стакана въ день... и изъ квартиры не гонятъ.

— Но я развѣ читаю, что она пишетъ?—ужъ говоритъ Мендель будто самому себѣ,—я всегда между строками читаю... Я уже знаю, что если Перле пишетъ, что она сыта и здорова, такъ, храни Богъ, она, можетъ быть, лежитъ... А если пишетъ, что маленькій пьетъ три стакана молока въ день, такъ это ясно значитъ, что дома молока и капли нѣтъ... Наши женщины, онѣ ужъ всегда такъ пишутъ,—поясняетъ онъ Клюеву,—и это таки больно, когда, вотъ, не знаешь, какъ и что... Это очень таки больно...

Клюеву вся эта тирада кажется и заманчивой и остроумной, и онъ весело улыбается изъ-подъ большихъ свѣтлыхъ усовъ:

— Жидовки—онѣ народъ хитрый!..

Мендель тоже улыбается. Слово «жидовка» нисколько не оскорбляетъ жены его. Наоборотъ: это такое простое, обыденное и настоящее слово. Въ мягко произносимой Клюевымъ «жидовкѣ» ему мерещится его чистая, кроткая и молчаливая Перле.

... У Клюева легко на душѣ, удивительно легко. Онъ будто не связанъ въ строю, а ходитъ по широкому, родному полю, и улыбаются ему и спѣлые колосья ржи, и золотая гречиха, и далекій стройный овесъ...

Первые часы ходьбы будто выдѣляются изъ общаго строя невыносимо тяжелой войны и живутъ сами по себѣ. Клюеву хочется кого-то приласкать, обнять, кому-то крикнуть бодрое, крѣпко-воинственное и идти впередъ, все впередъ...

... Отрѣшеніе отъ прошлой жизни, отъ вчерашнихъ заботъ и дрязгъ, отъ семьи и близкихъ, которое свершается въ каждомъ солдатѣ, уходящемъ на войну, претворяется то въ тяжелый животный страхъ, то въ мягкое, благоуханное подвижничество.

И это подвижничество крѣпко засѣло въ это осеннее, золотое утро въ душу Клюева.

По обѣимъ сторонамъ лѣсъ, и золотые пунцово-желтые листья покрываютъ всю дорогу будто цвѣтами, печальными и скромными цвѣтами.

— Такъ что больно крѣпко любишь ты свою Перлю,— мягко упрекаетъ его Клюевъ,—солдату такъ нельзя... Солдату на войнѣ—сегодня жизнь, завтра смерть, такъ ему жена?

Это дѣйствительно кажется убѣдительнымъ Менделю и постепенно, будто прижимаясь къ Клюеву, съ него сходитъ эта ноющая тоска по домѣ, навѣянная письмомъ. Опять наступаетъ въ душѣ громадная тишина, какая жила въ ней недавно, до письма. За милліоны верстъ, за много вѣковъ, гдѣ-то въ другомъ мірѣ живетъ Перле, живутъ дѣти...

За минуту передъ этимъ, когда онъ о нихъ говорилъ, все это было ясно, сочно, а теперь, когда замолкъ, когда прислушивается къ своимъ вѣчнымъ шагамъ, все это стало опять за роковой гранью...

И какъ ему ни хочется снова вызвать въ душѣ образъ своей жены, чтобы свѣтомъ ея кроткаго лица прогнать свой темный страхъ,—образъ этотъ расплывается въ большое темное пятно, и за спиной его смотритъ безликій ужасъ...

Старается вспомнить лица дѣтей своихъ, напрягаетъ воображеніе, но не можетъ, будто ихъ никогда и не было... И тяжело ему, и пусто отъ тишины въ душѣ, пусто и жутко, какъ опасно-больному, прошедшему грань жизни и не перешедшему грань смерти.

И странна Менделю, и непонятна, и минутами завидна та

святая простота, съ которой переходитъ эту грань Клюевъ, этотъ крѣпкій, коренастый и полный соковъ Иванъ Клюевъ.

— Передъ боемъ всегда страшно,—вспоминаетъ онъ вчерашнія слова Клюева,—ломается нутро, крѣпко ломается, точно ледъ... А когда войдешь въ бой, оно и растаетъ... И рвутся кругомъ снаряды, а пули точно мухи жужжатъ, и кругомъ, и рядомъ... и ничего... совсѣмъ не страшно...

Мендель смотритъ на свои тяжелыя ноги, и, чтобы придушить страхъ свой, онъ поднимаетъ глаза вверхъ, въ темноголубое небо, мѣстами покрытое узкими и длинными тучами, смотритъ, смотритъ, насколько позволяетъ ему движеніе, и чуточку закрываетъ глаза, закрываетъ и молится:

— Слушай, Израиль, нашъ Богъ, Богъ Единый!.. Слушай, Израиль...

Повторяетъ много разъ, а потомъ опять смотритъ на свои ноги, и кажется ему, что эти ноги совсѣмъ не его ноги, а одѣли ему ихъ, и онѣ идутъ, чужія, деревянныя ноги...

— Что тучкамъ-то мѣшаешь? — пугаетъ его Клюевъ,— знай ходи себѣ, не отставай... команда...

И вдругъ улыбнется, и смѣется уже во-всю, съ бравымъ присвистомъ. А потомъ, будто извиняясь за смѣхъ, тихо и глубоко прибавляетъ:

— Попужался, чай... Ломается нутро, хрипнетъ оно... не бойсь, Мендель, пройдетъ это...

Мендель молчитъ, опускаетъ голову, выравниваетъ шагъ и старается попасть въ тактъ Клюеву.

Все больше сжимается сердце Менделя, все туже сжимается оно, будто на сердце ему надѣли петлю, и эту петлю стягиваютъ все крѣпче, все туже...

Кругомъ него громадная, безконечная пустыня, и ходитъ онъ по ней давно, ходитъ вѣчно, и нѣтъ отдыха душѣ его и нѣтъ ногамъ опоры: онѣ вязнутъ все глубже и глубже... Одинъ онъ здѣсь, какъ былъ одинъ въ казармѣ всѣ четыре года, одинъ со своей вѣчной тоской, никому непонятной и ненужной, одинъ, среди сотенъ тысячъ, одинъ позади своего разрушеннаго міра, одинъ, какъ вотъ этотъ камень среди дороги... Вѣтеръ его развѣялъ, пыль его съѣдаетъ, дождь долбитъ, и одинъ онъ, камень этотъ, среди дороги... Одинъ...

Рядомъ и кругомъ на много верстъ двигаются сотни тысячъ людей, крѣпкихъ и чѣмъ-то ярко воодушевленныхъ. Они близки ему, братски близки, и все же минутами такъ далеки, такъ чужды...

Мендель и здѣсь, на полѣ брани, идя въ стройныхъ рядахъ навстрѣчу мукамъ и смерти, — сирота... Глубокія, накопленныя въ жизни обиды, единственныя въ мірѣ и потому особенно тяжкія, собрались и назойливо преслѣдуютъ его, и давятъ, и мучаютъ, и удваиваютъ и страхъ и опасность... И стоятъ онѣ и въ сердцѣ Менделя, и желѣзнымъ кольцомъ сжимаютъ горло, и оттягиваютъ внизъ, къ землѣ, и плечи, и руки, и ноги, и голову...

Прошли и лѣсъ, и горы, и опять лѣсъ и поле, безконечно длинное поле.

Мендель вздрогнулъ: какъ яркая теплая тѣнь, проходитъ мимо него Перле, покрытая своимъ клѣтчатымъ платкомъ, съ длинной бахромой, проходитъ и тихо и печально киваетъ ему издали головой...

И какъ это ни страшно среди бѣла дня, все же что-то разливается по сердцу Менделя, и становится легче... Онъ опять поднимаетъ голову вверхъ, и странная мысль рождается въ его головѣ. Улыбаясь и путаясь въ мечтахъ своихъ, какъ ребенокъ, онъ обращается къ Клюеву:

— Вотъ, говорятъ, Богъ; вашъ Богъ, нашъ Богъ... вѣдь есть же онъ Богъ... а я думаю: сѣлъ бы Онъ вотъ на то облако, и оттуда бы однимъ тамъ вѣтромъ подулъ или порошкомъ какимъ на нѣмцевъ посыпалъ... вѣдь можетъ Онъ. И нѣтъ нѣмцевъ, они—земля, пыль, пепелъ... и кончилась война...

Эта сказка, такая простая, кажется Клюеву и заманчивой, и все же опасной:

— Это ты тово, Мендель, вольготно говоришь, только не солдатскія это слова, Мендель... Солдатъ грудью беретъ, а Богъ... Онъ въ подмогу!

И тише, укоризненно-мягко прибавляетъ:

— Плохой ты воинъ, Мендель!..

Вчера этотъ упрекъ былъ бы Менделю смѣшонъ:

— Очень ужъ ему нужно быть храбрымъ!..—и онъ притаилъ бы въ сердцѣ смѣшокъ. А теперь вдругъ почему-то загрызло, обидно стало...

Онъ идетъ на муки, на смерть, идетъ ровно и прямо, лицомъ къ лицу, и вдругъ такая тяжкая обида:

— Плохой ты воинъ, Мендель...

И Мендель какъ-то незамѣтно и постепенно начинаетъ выравниваться: поднимаетъ все выше голову, вытягиваетъ ноги и крѣпче жметъ винтовку. И, дѣйствительно, страхъ будто начинаетъ смиряться, таетъ, проходитъ.

— Такъ вотъ,—говоритъ Клюевъ, будто осматривая его и любуясь дѣйствіемъ своихъ словъ, — такъ вотъ, оно и легче, Мендель, и лучше оно... и ходить вольготнѣе... Дорога прямая, людей видимо-невидимо...

И вдругъ околдуетъ его огненнымъ взглядомъ:

— На міру, сказываютъ, и смерть красна.

И, опять углубляясь въ свои шаги, Клюевъ повторяетъ команду такъ звучно, будто поетъ:

— Разъ, два-три... разъ, два-три... разъ, два-три...

И, чтобы совсѣмъ ободрить обиженнаго имъ сосѣда, который ему сегодня почему-то особенно пришелся по душѣ, точно братъ родной, онъ говоритъ:

— Вонъ и изъ вашихъ, говорятъ, Георгіевъ получали!

Замолчали, идутъ ровно и твердо, нога въ ногу.

Клюевъ смотритъ на ноги Менделя, а Мендель на ноги Клюева, и оба они близкіе, будто кровно родные, связанные и жизнью и смертью. Оба переполнены великимъ чувствомъ шествія на муки, и временами кажется, будто ихъ не двигаютъ, не направляютъ, а сами они идутъ пострадать за міръ, за тяжкіе грѣхи его...

И внутри Менделя незамѣтно начинается глубокая и напряженная работа духа, яркая и быстрая, какъ полеты молніи.

...Все, что́ когда-то училъ Мендель въ дѣтствѣ, въ хедерѣ, въ синагогѣ, все, что́ слышалъ и видѣлъ и ярко перечувствовалъ,—все это теперь, точно вихрь, поднимается изъ глубины души. Героическія легенды библіи и талмуда воскресли и зацвѣли полнымъ цвѣтомъ. Мысли и образы прилетаютъ, словно свѣтлыя птицы изъ теплыхъ странъ, и поютъ, и о чемъ-то оповѣщаютъ.

— Что́ это такое?—поражается Мендель,—что̀ же это?..

Но онъ тронутъ и глубоко взволнованъ, и слезы стоятъ въ глазахъ его.

— Много страдалъ ты въ своей жизни и много любилъ— гордо и повелительно оповѣщаютъ эти образы—такъ тебѣ ли, несшему тяжелѣйшую долю жизни, тебѣ ли, жертвенно чистому, такъ уйти изъ міра, тебѣ ли, Мендель?

...И чудится Менделю, будто кто-то посмотрѣлъ ему въ лицо: одинъ, другой, третій—сколько ихъ... Вотъ и дѣдушка, и отецъ, и дядя, и братья, и сосѣди.

— Откуда это евреи, весь родной городокъ, откуда они здѣсь?

— Зачѣмъ это вы и куда?—хочетъ спросить онъ, но они

не смотрятъ на него: они идутъ за нимъ всѣ, отъ мала до велика и молча и твердо провожаютъ его...

Всѣ они согнутые, печальные, истомившіеся въ безконечномъ пути, голодные и жаждущіе, но никто не отстаетъ.

— Господи, зачѣмъ же это они? Вѣдь я же одинъ, я пойду одинъ...

И вдругъ изъ толпы отдѣлился какой-то старецъ, великій и строгій, точно раввинъ и шепчетъ ему:

— Мендель! Великая доля досталась тебѣ: привести насъ въ землю обѣтованную!.. Если успѣешь туда до захода солнца, то и ты и мы спасены, если же опоздаешь—все погибло!..

— Вѣдь я же не могу,—хочетъ сказать Мендель,—не по силамъ мнѣ... Усталъ я... Я сейчасъ, вотъ, упаду...

Но старикъ вонзилъ что-то свѣтлое въ сердце Менделя и исчезъ.

И Мендель Шеперъ впереди всѣхъ, на первомъ мѣстѣ, и горитъ въ немъ Стихія.

— Господи! — ужъ молится онъ, — только бы привести, скорѣе бы привести!.. Они всѣ такъ измучены, такъ истомлены, они столько натерпѣлись, перенесли, братья мои милые, дорогіе братья мои!..

И всѣхъ ему больно, отъ перваго до послѣдняго, отъ малаго до большого, ибо муки всѣхъ онъ носитъ теперь въ сердцѣ своемъ.

Растетъ Стихія въ душѣ Менделя, все ярче разгорается, и вотъ она ужъ плавится въ немъ, точно шаръ огненный, словно солнце какое-то... И при свѣтѣ этого солнца разстаяли и страхъ, и обиды, и сиротство... И эта Стихія Менделя клянется:

— Свидѣтель небо и земля, я приведу васъ братья мои, приведу!.. Хоть самъ я упаду, у порога упаду, хоть не увижу, какъ Моисей, земли обѣтованной, но я васъ приведу, до захода солнца приведу!.. Слушайте, небо и земля!

. . . .

Кругомъ и около уже разрываются снаряды, и пули жужжатъ, какъ надоѣдливыя мухи; летятъ и свистятъ, и гудятъ, и о чемъ-то крѣпко бесѣдуютъ съ людьми.

И въ послѣдній разъ, будто кто-то ихъ заставилъ, Мендель и Клюевъ переглянулись; крѣпко и печально переглянулись среди ада земного, и глаза обоихъ странно сіяли.

Предчувствіе, которое трепетало въ душѣ обоихъ съ самой зари, теперь окончательно запечатлѣлось.

И молитвенный трепетъ, религіозная истома, теплая и благоуханная, на минуту предъ атакой посѣтила ихъ душу.

Они стоятъ рядомъ у вѣчныхъ воротъ, и вотъ здѣсь, переживъ послѣдній ужасъ земли, они войдутъ въ неизвѣданную, страшно тихую долину, и каждый изъ нихъ на языкѣ своей души, безъ словъ, но всѣми фибрами, молится:

— Истомилась по жизни душа моя, томится и по смерти она, прими ее въ лоно Твое, прими и помилуй, Господи.

. . . .

Барабанный бой возвѣстилъ атаку. Шли всѣ, шли грудью, шли, какъ стихія, какъ ураганъ, какъ бушующее море... Кругомъ падали, падали безъ конца, но на нихъ не оглядывались, и шли дальше, шли въ какое-то безконечное огненное море, подъ безпрерывнымъ дождемъ шрапнелей и пуль.

Вдругъ упалъ знаменщикъ, знамя погнулось, опустилось. И откуда ни возьмись—Клюевъ. Онъ рвется впередъ, и за нимъ Мендель. Клюевъ поднимаетъ знамя, высоко и крѣпко развѣваетъ его и кричитъ всей грудью:

— Впередъ, братцы, впередъ!.. Уррра!..

Пробѣжалъ шаговъ сто, а за нимъ ряды солдатъ, и всѣ живутъ его волей, его святыней. Но вдругъ Клюевъ погнулся и сѣлъ, и опять опустилось знамя. И Мендель нагибается близко, близко къ лицу Клюева, будто собираясь поцѣловать его. Поднимаетъ знамя, подпрыгиваетъ, бросается дальше и, напрягая послѣднія силы, кричитъ:

— Братцы, впередъ, впередъ, впередъ!.. Уррра!..

Мендель бѣжитъ все дальше, все выше, и кажется ему, будто летитъ онъ по облакамъ, и все ближе онъ къ небу, къ самому небу...

Пробѣжалъ шаговъ триста, и вдругъ беззвучно и крѣпко, какъ снопъ, свалился. Кто-то подбѣжалъ, вырвалъ изъ его еще не окоченѣвшихъ рукъ знамя и бросился дальше.

А Мендель лежитъ одинъ на сырой, мокрой отъ собственной крови, землѣ, и какъ-то странно, будто собираясь подняться, растянулъ онъ руки и ноги. И смертельная усталость, на которую уже легла мягкая тѣнь покоя, усталость будто живетъ еще во всѣхъ его членахъ. И чудится небу: вотъ Мендель отдохнетъ и встанетъ.

А за триста шаговъ сидитъ, оперщись о камень, Клюевъ. Большой и скромный, онъ сидитъ у дороги и будто задумался, куда ему идти. Руки у него согнуты, словно онъ собирается кого-то обнять, приласкать. И глаза его, большіе, сѣрые, обращены въ таинственную даль...

А. Альперовичъ.

СВЯТАЯ ТЕРЕСА.

(1515—1915).

Къ началу XVI столѣтія католическая церковь въ Испаніи пришла въ состояніе полнаго разложенія. Духовенство мало заботилось о паствѣ, думая лишь о своемъ обогащеніи и веселомъ препровожденіи времени. Паденіе нравовъ было особенно замѣтно въ монастыряхъ. Нищенствующіе ордена уже не соблюдали обѣта бѣдности, они обзавелись собственностью и стали вести жизнь богатыхъ людей, безпечно отдающихся земнымъ удовольствіямъ. Монашество не отрекалось болѣе отъ міра, съ которымъ оно жило въ тѣсной дружеской связи. Черезъ всегда гостепріимно открытыя монастырскія ворота свободно проникали за ограду міряне. Молодые идальго и кабальеро любили спасаться отъ полдневной жары въ уютныхъ и прохладныхъ кельяхъ монахинь, которыхъ они любезно угощали принесенными сластями. За веселой бесѣдой быстро проходила «сіеста», а когда жара спадала, кавалеры покидали до слѣдующаго дня своихъ дамъ. Не желая оставаться въ долгу, монахини приглашали своихъ друзей на устраиваемыя въ монастырѣ театральныя представленія. А иногда до слуха случайнаго прохожаго доносились изъ-за монастырской стѣны знакомые звуки сарабанды и кастаньетъ.

Любовь не была изгнана даже изъ-подъ суровыхъ сводовъ собора. Вотъ надъ исповѣдальной будкой склонилась женская фигура въ черномъ, и слышится тихій, сдержанный шопотъ. Но здѣсь рѣчь идетъ не о спасеніи души. Смерть и адскія муки такъ далеки, а сіяющіе изъ-подъ мантильи глаза и уста, сулящія радость, такъ близки, что мысли патера о страшномъ будущемъ легко сдаются требованіямъ счастья въ настоящемъ. А когда, сидя въ высокомъ рѣзномъ креслѣ клироса, приходилось читать

монотонную молитву, бѣдному патеру было совсѣмъ не въ моготу; тягучее чтеніе то и дѣло сбивалось ритмомъ вновь сочиненнаго сонета, который хотѣлось скорѣй записать. Да, кромѣ того, вспоминалось, что невдалекѣ горитъ залитая солнцемъ яркая желтизна арены, и предъ чернымъ быкомъ мелькаетъ красный плащъ. Окончивъ скучное дѣло, патеръ быстро сбрасываетъ рясу и, преобразившись въ мірянина, проникаетъ въ пеструю толпу, занятую созерцаніемъ любимаго игрища.

Необходимость церковной реформы была понята въ Испаніи еще въ царствованіе Исабеллы и Фердинанда (1479—1517). Начало этому дѣлу положилъ кардиналъ Сиснéросъ, который сталъ объѣзжать монастыри подвѣдомственнаго ему францисканскаго ордена. Вслѣдствіе крайней распущенности монаховъ приходилось дѣйствовать съ большой энергіей и даже суровостью. Нѣсколько аббатовъ было взято подъ стражу. Привычка къ безпечной и развратной жизни настолько укоренилась, что многіе не имѣли силъ отъ нея отказаться: такъ, 400 францисканцевъ предпочли эмигрировать въ Африку и принять тамъ магометанство. Сиснéросъ этому желанію, конечно, не воспротивился, ибо монахи во францисканской рясѣ, но съ магометанской душой, не могли быть полезными членами церкви. Послѣ очищенія францисканскаго ордена было приступлено къ доминиканцамъ и кармелитамъ, среди которыхъ было также не мало злоупотребленій.

Предпринятая Сиснéромъ чистка была важнымъ шагомъ къ реформѣ, имѣвшимъ большое значеніе въ исторіи испанской церкви. Однако, должно имѣть въ виду, что самой реформы здѣсь еще не было. Сиснéросъ имѣлъ цѣлью упорядоченіе монастырской жизни, изгнаніе неисправимыхъ грѣшниковъ и приведеніе оставшихся къ нравственной жизни. Такимъ образомъ, это была не реформа, а ревизія, результатомъ которой было улучшеніе личнаго состава. Францисканцы, доминиканцы и кармелиты продолжали жить по смягченнымъ правиламъ, владѣя собственностью и сносясь свободно съ внѣшнимъ міромъ.

Между тѣмъ въ Италіи съ 1528 года началась настоящая реформа францисканскаго ордена, которая должна была возродить строгій уставъ святого Франциска. Реформированные францисканцы жили въ крайней бѣдности и занимались проповѣдью. Стремленіе къ обновленію охватило также и другіе монашескіе ордена. Такъ, напр., нѣкоторые кармелиты Неаполя и Генуи стали жить по первоначальному уставу. Еще до засѣданій Тридентскаго собора, въ Италіи возникли три конгрегаціи бѣлаго

духовенства, извѣстныя подъ названіемъ театинцевъ, сомасковъ и барнабитовъ. Первые, живя подаяніями, занимались проповѣдями; вторые воспитывали сиротъ, для чего они основали нѣсколько школъ въ Павіи и Римѣ; третьи занимались миссіонерствомъ и преподаваніемъ въ университетахъ.

Монастырская реформа, начатая въ Италіи, стала, вскорѣ, вводиться также въ Испаніи и прежде всего среди францисканцевъ. Душою этого дѣла былъ причисленный послѣ къ лику святыхъ Петръ изъ Алькантары, которымъ было основано или реформировано около 40 монастырей. Многія изъ этихъ обителей были выстроены руками самого святого. Высокій, худой и жилистый, обожженный солнцемъ, Петръ ходилъ всегда пѣшкомъ съ непокрытой головой и босымъ, опираясь на грубо сдѣланный посохъ. Святая Тереса замѣтила, со свойственной ей образностью, что подвижникъ казался сдѣланнымъ изъ древесныхъ корней. Реформаторъ францисканцевъ сыгралъ въ жизни Тересы большую роль, поддержавъ ея желаніе возродить среди кармелитокъ первоначальную бѣдность. Человѣкъ рѣдко сильнаго духа Петръ изъ Алькантары велъ суровую жизнь аскета. Его келья была такъ мала, что въ ней нельзя было даже вытянуться. Онъ спалъ сидя и всего лишь полтора часа. Ѣлъ онъ черезъ каждые три дня, а иногда цѣлыхъ восемь дней не принималъ пищи. Живя въ бѣдности и лишеніяхъ, Петръ достигъ полнаго умерщвленія плоти. А въ добротѣ и привѣтливости испанскаго отшельника возродился свѣтлый духъ Франциска Ассизскаго.

Стремленіе къ обновленію проявилось также въ кармелитскомъ орденѣ еще до реформы святой Тересы. Наличность этого стремленія объясняетъ значительность достигнутаго Тересой успѣха. Реформу кармелитокъ начали почти одновременно Тереса и одна монахиня Марія. Послѣдняя сходила босою въ Римъ, гдѣ она получила отъ папы разрѣшеніе на возстановленіе первоначальной бѣдности. Интересно, что Маріей была сообщена Тересѣ идея обѣта бѣдности, ранѣе ей совсѣмъ неизвѣстная. Однако, Марія не сумѣла справиться со всѣми представившимися трудностями, отчего позднѣе она передала свое дѣло Тересѣ.

Въ половинѣ XVI столѣтія въ Испаніи появились іезуиты, орденъ которыхъ былъ основанъ баскомъ Игнатіемъ Лойолой. Члены новаго ордена были встрѣчены очень недружелюбно. Видные доминиканскіе теологи начали противъ нихъ преслѣдованіе, а простой народъ, сторонясь ихъ, показывалъ на проходившихъ по улицѣ іезуитовъ пальцами. Въ Авилѣ, родномъ го-

родѣ Тересы, іезуиты водворились въ началѣ 1550 года. Они жили очень бѣдно и не пользовались популярностью. Святая Тереса часто исповѣдывалась у отцовъ Общества Іисуса, которые, однако, ее совсѣмъ не понимали и тѣмъ самымъ доставляли много огорченій. Чуждые мистикѣ, іезуиты не могли разобраться въ переживаніяхъ святой, въ которыхъ имъ все казалось игрой воображенія. Подозрительные, они всюду видѣли козни дьявола. Лучшими духовниками были доминиканцы, въ которыхъ Тереса всегда находила и пониманіе и сочувствіе. Однако, среди членовъ новаго ордена должно сдѣлать исключеніе для святаго Франциска изъ Борхи, вышедшаго изъ знаменитой семьи, извѣстной подъ итальянизированнымъ названіемъ Борджья. Этотъ святой былъ племянникомъ папы Александра VI. Францискъ сумѣлъ понять мистическія переживанія Тересы и защитить ее отъ преслѣдованія духовниковъ. Судьба Франциска очень характерна. Въ міру герцогъ Гандіа, которому открывалась блестящая будущность, онъ былъ жертвой несчастной любви къ женѣ императора Карла, Исабеллѣ Португальской. Когда молодая королева скончалась, герцогу было поручено сопровождать ея тѣло до мѣста погребенія въ Гранадѣ. Гробъ везли два мула, задрапированные въ черныя ткани. Съ наступленіемъ ночи печальное шествіе останавливалось, гробъ ставили въ первую, попавшуюся по дорогѣ, церковь, и самъ герцогъ, Гандіа стоялъ у него до утра на часахъ. Такъ въ пути прошло 6 дней. Когда, наконецъ, подошли къ Гранадѣ, гдѣ гробъ былъ открытъ, то герцогъ уже не могъ узнать лица той, которую онъ любилъ. Страшное зрѣлище уничтоженія произвело столь сильное впечатлѣніе, что онъ рѣшилъ отречься отъ міра. Черезъ 9 лѣтъ, переживъ еще смерть жены, герцогъ Гандіа, вице-король Каталоніи, сталъ братомъ Францискомъ, именовавшимъ себя Грѣшникомъ.

Предпринятыя католическою церковью реформы были не только средствомъ самообороны отъ грозившаго протестантизма, но также и результатомъ возрожденія религіозности. Веселый праздникъ Ренессанса утомилъ человѣка своей пышностью и блескомъ. Захотѣлось опять заглянуть по ту сторону земного бытія. Съ пестраго красками и шумнаго карнавала потянуло къ тихимъ, сѣрымъ сводамъ церкви. Прекрасныя формы античности и эстетическій индифферентизмъ перестали удовлетворять людей. Душа человѣка расширилась, отчего ей стало тѣсно въ рамкахъ безпечно-спокойнаго Возрожденія. Захотѣлось отдаться захватывающему и покоряющему аффекту. Внутренняя душевная гармонія нарушилась. Настроеніе умиротворенія смѣнилось безпо-

койствомъ и неудовлетворенностью. Легкомысліе смѣнилось серьезностью. Доселѣ опущенные взоры поднялись къ небу, къ великому и необъятному. Горизонтъ расширился и, открывъ глазамъ цѣлое, исполнилъ душу равнодушіемъ къ индивидуальному. Личность стала тяготиться своей обособленностью, отъ которой она искала освобожденія въ чувствѣ безконечнаго и всемогущаго.

Таково психологическое содержаніе эпохи, смѣнившей Возрожденіе. Ее историки искусства окрестили словомъ барокко. Если принять происхожденіе этого слова отъ логической фигуры, обозначающей противорѣчіе, то оно, какъ нельзя лучше, подойдетъ и для опредѣленія духовнаго облика эпохи католической реформаціи. Душевная раздвоенность является типичной особенностью людей этого времени. Прошедшій классическую школу, умъ въ диссонансѣ съ опьяняющимъ чувствомъ. Наслѣдованная отъ Возрожденія чувственность противорѣчитъ стремленію къ сверхъчувственному. Расцвѣтъ героизма воли и фанатизма дѣйствія не соотвѣтствуетъ возникшему идеалу стоическаго безволія и бездѣйствія.

Италія, классическая страна Возрожденія, создала въ лицѣ Микель-Анджело перваго человѣка эпохи барокко. Этотъ титанъ былъ воплощеннымъ безпокойствомъ. Поклонникъ радостной античности, онъ жаждалъ бѣлизны вѣчныхъ снѣговъ вершинъ платонизма. Человѣкъ неисчерпаемой энергіи, онъ мечтаетъ о самоосвобожденіи въ тишинѣ и спокойствіи сна:

«Non veder, non sentir m'e gran ventura;
Pero non mi destar, deh! parla basso».

Въ Испаніи, классической странѣ католицизма, типъ человѣка барокко проявился особенно ярко и, быть можетъ, всего ярче и сильнѣе онъ представленъ въ образѣ св. Тересы. Забѣгая нѣсколько впередъ, отмѣтимъ главныя черты Тересы, связывающія ее съ ея временемъ, чтобы здѣсь же выяснить культурно-историческій интересъ ея личности, представляющей собою образецъ психологическаго типа испанскаго барокко.

Святая Тереса почти всю свою жизнь провела въ безпокойствѣ и тревогѣ. Средневѣковые святые, имѣя съ дѣтства тяготѣніе къ Богу, или отдавались Ему на служеніе, не уклоняясь отъ разъ намѣченнаго пути, или же они переживали такъ называемое обращеніе, опредѣленно раздѣляющее ихъ жизнь на два періода міркого и религіознаго настроенія. Святую Тересу съ дѣтства тянуло одновременно и къ міру, и къ Богу; въ такомъ

раздвоеніи она провела почти всю свою жизнь. Она не пережила одного обращенія, но рядъ обращеній. Борясь между землей и небомъ, она также никогда не могла примирить въ себѣ ума и чувства. Съ одной стороны, она почти исключительно находилась въ состояніи аффекта и одурманивающихъ эмоцій, а съ другой съ ней словно жилъ нѣкій зоркій наблюдатель, все замѣчавшій, ничего не пропускавшій и стремившійся все понять и все объяснить. Человѣкъ удивительно сильной воли, она считала отрѣшеніе отъ воли въ мистическомъ экстазѣ совершеннѣйшимъ состояніемъ высшаго блаженства. Въ мистическомъ общеніи сливается и смѣшивается божеское съ человѣческимъ, сверхчувственное съ чувственнымъ. Таково въ общихъ чертахъ противорѣчіе души святой Тересы.

Основнымъ свойствомъ эпохи барокко должно признать стремленіе къ возвышенному и жажду слiянія съ этимъ возвышеннымъ, всемогущимъ и необъятнымъ. Единственное удовлетвореніе этихъ исканій было возможно въ мистическомъ соединеніи съ Богомъ. Поэтому мистика заняла видное мѣсто въ духовной жизни той поры.

Въ Испаніи первой половины XVI столѣтія францисканскіе монахи создали цѣлую школу мистики, изъ которой вышла сама святая Тереса. Создатели францисканской мистики, среди которыхъ особенно выдѣляются Франсиско де Осуна, Алонсо де Мадридъ и Бернардино де Ларедо, были типичными дѣятелями католической реформаціи, такъ какъ они обращались со своими произведеніями не къ избранной группѣ ученыхъ богослововъ, но ко всему народу, который они стремились подчинить себѣ не средствами одной логики, но также очарованіемъ искусства. Поэтому мистическіе трактаты писались на народномъ испанскомъ языкѣ, при чемъ писатели старались завоевать сердца читателей изяществомъ и красотою изложенія. И эти произведенія религіознаго содержанія—стали лучшими образцами художественной прозы того времени.

Францисканскіе мистики не знали карающаго Бога инквизиціи, но добраго и ласковаго Бога любви, освѣтившаго теперь величавыя пустыни и суровыя горы Испаніи также привѣтливо, какъ когда-то мягкіе холмы Умбріи. И въ душахъ наслѣдниковъ св. Франциска вмѣстѣ съ любовью къ Богу ожила любовь ко всему творенію, къ брату Солнцу и сестрѣ Лунѣ и маленькимъ свѣтлымъ звѣздочкамъ. Человѣкъ вновь полюбилъ Бога, какъ близкое и дорогое существо, съ которымъ ему хотѣлось быть и безъ котораго онъ скучалъ. Отъ грѣха не удерживала

болѣе боязнь наказанія, но мысль, что согрѣшеніемъ можно сдѣлать больно Тому, Кого любишь больше себя. Праведная жизнь и добрыя дѣла были уже не бременемъ и не обязательствомъ, но выраженіемъ чувства, которое необходимо было чѣмъ-нибудь доказать. Если любовь къ Богу, радость жизни и гуманность Франциска возродились среди испанскихъ мистиковъ, то простоты и наивности бѣдняка изъ Ассизи мы въ нихъ не найдемъ. Въ жизни нѣтъ повтореній, въ ней все измѣняется въ наростаніи и осложненіи.

Въ основѣ испанской мистики лежитъ убѣжденіе, что царство Божіе находится внутри человѣка,—почему Бога и должно искать въ своей душѣ. «Ты, братъ, пишетъ Франсиско де Осуна, ищи Бога въ твоемъ сердцѣ; не выходи изъ себя, ибо Онъ болѣе близокъ къ тебѣ и болѣе внутри тебя, чѣмъ ты самъ». Бо́льшая часть людей живутъ словно слѣпые, не зная и не чувствуя скрытаго на днѣ ихъ души Бога. Между тѣмъ, въ сліяніи съ Богомъ человѣкъ достигаетъ высшаго блаженства и святости. Соединиться съ Богомъ можно только путемъ любви. Въ любовномъ порывѣ душа стремится къ своему Творцу быстрѣе, чѣмъ падаетъ на землю брошенный съ высоты камень. Такъ какъ любящій всегда преобразуется въ любимое, то и въ любви къ Богу человѣческое начало преображается въ божественное. Въ соединеніи съ Богомъ человѣкъ достигаетъ мира и успокоенія. «О, какъ невыразима тишина, восклицаетъ Осуна, когда сохраняютъ молчаніе Богъ и душа. Молчитъ душа, не зная, чего просить, ибо она достигла осуществленія всѣхъ своихъ желаній, и молчитъ Господь, такъ какъ Онъ не находитъ, что̀ осудить въ той, которая обнаруживаетъ столько любви».

Если Испанія осталась вѣрна католицизму, то она обязана этому не инквизиціи и не Обществу Іисуса, но возрожденію въ средѣ францисканскихъ монаховъ Бога-любви, апостоломъ котораго была святая Тереса, сама признававшая въ Осунѣ своего учителя.

На фонѣ эпохи католическаго возрожденія святая Тереса привлекаетъ насъ, какъ яркая представительница психологическаго типа этого времени, какъ блестящая выразительница его религіознаго чувства и, наконецъ, какъ выдающаяся дѣятельница предпринятой церковью реформы. Но кромѣ этого чисто историческаго, временнаго и мѣстнаго, интереса личность святой Тересы представляетъ большой обще-человѣческій интересъ. Святая—исключительная по своимъ душевнымъ качествамъ личность и геніальная писательница.

II.

Мѣстомъ рожденія святой Тересы была Авила, небольшой городокъ Кастиліи, лежащій близъ западнаго склона Гуадаррамы. Кругомъ разстилалась сѣро-бурая равнина, только раннею весной на короткій срокъ покрывающаяся зеленью, коегдѣ украшенная группами деревьевъ и усыпанная грудами большихъ сѣрыхъ камней, а вдали на горизонтѣ синѣли высокія и неприступныя горы, вершины которыхъ покрыты снѣгомъ круглый годъ. У подножія холма, на которомъ расположилась Авила, свѣтлѣла рѣчка, то ровно, то бурно текущая по своему каменистому руслу, отражая прибрежные кустарники и скалы, снося покорно бремя мельницъ и плотинъ. Живописно раскинувшійся городокъ окружался выстроенной еще въ средніе вѣка зубчатой крѣпостною стѣной и круглыми башнями. На уступахъ подымающагося холма ютились маленькіе домики, покрытые черепичной крышей, церкви незатѣйливой и простой архитектуры, и громоздкіе дворцы съ изящными балконами и тяжелыми большими гербами надъ входомъ. Извилистыя и узкія улицы вели къ имѣвшему видъ неприступнагó замка собору, гордо возвышавшемуся надъ городомъ. Линіи собора и другихъ зданій отчетливо обрисовывались въ удивительно ясномъ и прозрачномъ воздухѣ.

Строгость общаго вида города и величавая прелесть окружающаго пейзажа наложили свой отпечатокъ на жителей, спокойныхъ, медлительныхъ и полныхъ особой старо-кастильской важности. Бѣднота занималась здѣсь земледѣліемъ и овцеводствомъ, люди болѣе зажиточные жили торговлей и выдѣлкой тканей, а идальго и кабальеро пользовались доходами со своихъ земель и управляли городскими дѣлами. Жизнь Авилы была тихой и монотонной. Когда спускались сумерки, ложились лиловыя тѣни, розовѣли снѣжныя вершины горъ и слышался мѣрный меланхолическій колокольный звонъ, призывавшій къ вечерней молитвѣ, тогда проходили по улицамъ стадà возвращавшихся барановъ, а въ воздухѣ разносилась пѣсня пастуха, заунывная и грустная, словно тосковавшая по ушедшему солнцу и недоступному сынамъ земли царству вѣчнаго свѣта, правды и красоты. Наконецъ угасалъ послѣдній лучъ, все погружалось во мракъ, и только на уличныхъ перекресткахъ предъ Христомъ или Богоматерью слабо мерцали огоньки лампадъ. А, если всходила луна, то въ ея зелено-серебряномъ освѣщеніи го-

родъ Авила съ его церквами, колокольнями и зубчатыми башнями казался какимъ-то призракомъ. Но съ наступленіемъ утра таинственныя и сливавшіяся другъ съ другомъ ночью зданія отчетливо выдѣлялись сіяющей въ лучахъ солнца бѣлизной, и отъ построекъ ложились на улицы рѣзкія черныя тѣни. Маленькія площадки наполнялись народомъ. Подъ желтыми и красными навѣсами торговки раскладывали свѣжую зелень, и къ базару тянулись маленькіе ослики, по бокамъ которыхъ висѣли большія корзины, нагруженныя овощами и фруктами. Воздухъ вновь оглашался колокольнымъ звономъ, но теперь онъ казался веселымъ и бодрымъ. У церковныхъ дверей собирались скорченныя, спаленныя солнцемъ сухія старухи; двое слугъ несли въ паланкинѣ знатную сеньору, и куда-то спѣшилъ верхомъ на мулѣ клирикъ. А въ комнатѣ богатаго дома, красиво убранной фламандскими коврами и украшенной итальянскими картинами, въ сборчатомъ кружевномъ воротникѣ сидѣлъ за маленькой чашкой густо свареннаго шоколада важный идальго. За толстыми каменными стѣнами и рѣшетчатыми окнами этого дома текла своя обособленная, размѣренная и однообразная жизнь, проходившая въ чтеніи рыцарскихъ романовъ и благочестивыхъ книгъ, церковныхъ службахъ, охотѣ и немногихъ хозяйскихъ заботахъ.

Въ одномъ изъ такихъ домовъ раннимъ утромъ 28 марта 1515 года родилась Тереса Са́нчесъ де Сепеда-и-Аумада.

Отецъ Тересы донъ Алонсо Са̀нчесъ де Сепеда былъ богатымъ и благороднымъ идальго, предки котораго въ средніе вѣка сражались съ маврами. Ка́къ благочестивый, честный и рѣдкой доброты человѣкъ, онъ пользовался въ Авилѣ всеобщимъ уваженіемъ. Доброта его была, дѣйствительно, исключительной: знатный кабальеро, онъ отдавалъ много времени ухаживанію за больными и благотворенію бѣднымъ. Къ слугамъ своего дома онъ относился съ отеческой мягкостью, а рабовъ никогда не держалъ, такъ какъ на лишеніе человѣка свободы его жалостливое сердце не могло согласиться. Когда, однажды, въ его домѣ временно жила рабыня брата, то донъ Алонсо заботился о ней, какъ о дочери. Этотъ кроткій и тихій идальго никогда не божился, не роптал и всегда говорилъ правду. Его любимымъ занятіемъ было чтеніе религіозныхъ книгъ, написанныхъ на испанскомъ языкѣ.

Мать Тересы донья Беатрисъ Аумада происходила также изъ очень хорошаго дворянскаго рода. Она отличалась большой красотой, которую какъ будто совсѣмъ не замѣчала. Вела она себя удивительно скромно и еще въ молодые годы одѣвалась

просто, какъ пожилая женщина. Добрая и привѣтливая въ обращеніи съ людьми, доньа Беатрисъ любила жить въ мірѣ фантазій, отчего нерѣдко ее можно было застать за чтеніемъ рыцарскихъ романовъ. Дѣйствительность ее мало радовала: мать большого семейства, озабоченная воспитаніемъ дѣтей и хозяйствомъ, она постоянно хворала и, наконецъ, 33 лѣтъ на вѣки простилась съ тяготившимъ ее міромъ печали и слезъ. Это была одна изъ тѣхъ нѣжныхъ, неземныхъ натуръ, которыя не могутъ расцвѣсти на землѣ, гдѣ онѣ безропотно и молчаливо увядаютъ, озаривъ на мгновеніе міръ особымъ поэтическимъ свѣтомъ, какъ свѣтъ вечерняго солнечнаго луча, когда онъ прорвется на мигъ черезъ черныя тучи.

Смерть горячо любимой матери глубоко опечалила тринадцатилѣтнюю Тересу. Обливаясь слезами, дѣвочка обратилась къ Пресвятой Дѣвѣ съ просьбой замѣнить ей потерянную мать. И эта наивная дѣтская просьба была, по ея мнѣнію, услышана.

Дочь Алонсо де Сепеда и Беатрисы Аумады была своеобразнымъ ребенкомъ. Быстро усвоивъ грамоту, она стала зачитываться жизнеописаніями святыхъ. Подъ вліяніемъ этого чтенія дѣвочка стала мечтать о мученичествѣ. Живая и всецѣло отдающаяся своему настроенію, она даже замыслила побѣгъ въ Африку, гдѣ надѣялась пострадать отъ мавровъ. Есть преданіе, что, подговоривъ брата, Тереса бѣжала съ нимъ, но родители во-время спохватились и вернули дѣтей, не успѣвшихъ далеко уйти отъ дома. Такъ маленькая Тереса уже въ дѣтствѣ проявила на братѣ силу своего вліянія на людей, которыхъ она взрослой всегда покоряла и подчиняла своей волѣ. Живость воображенія, унаслѣдованная Тересой отъ матери, была, видимо, общимъ достояніемъ всѣхъ членовъ ея семьи: за исключеніемъ одного, всѣ сыновья Беатрисы Аумады, покинувъ родное гнѣздо, отправились за поисками счастья въ Индію.

Отъ отца Тереса унаслѣдовала благочестіе и жалость къ бѣднымъ. Ребенкомъ она усердно молилась и, когда могла, то всегда подавала милостыню.

Интересно, что маленькая Тереса, будущая основательница монастырей, любила съ подругами строить изъ камешковъ обители и затѣмъ играть въ монахини. Однако, религіозность ранняго дѣтства постепенно съ годами гасла, уступая свое мѣсто тяготѣнію къ мірскому. Жизнеописанія святыхъ смѣнились рыцарскими романами, которыми такъ зачитывалась доньа Беатрисъ. Образы мучениковъ и подвижниковъ не занимали болѣе дѣвочку, которую теперь увлекали смѣлые рыцари, странствующіе по

бѣлу свѣту въ поискахъ приключеній. Кромѣ военныхъ подвиговъ, воображенію рисовались и ухаживанія рыцарей за прекрасными дамами. Если Тереса обратилась къ рыцарскимъ романамъ подъ вліяніемъ проснувшагося въ ней влеченія къ мірскому, то самое чтеніе въ свою очередь разжигало ея воображеніе и чувства. Дразня мысль описаніями любовныхъ похожденій, дѣвочка естественно захотѣла и сама пережить что-нибудь подобное. Въ Тересѣ проснулось кокетство, желаніе нравиться, и она стала думать о своей внѣшности, о платьѣ, рукахъ и волосахъ. Пробудившіеся инстинкты поддерживались и развивались ея двоюродными братьями, одною родственницей, женщиной очень легкомысленной, и, наконецъ, преданными служанками, готовыми на что угодно ради Тересы. Но страсть Тересы выразилась, несмотря на все это, въ очень невинныхъ формахъ.

Въ Испаніи до сихъ поръ сохранился обычай ночныхъ бесѣдъ дѣвушекъ съ молодыми людьми черезъ оконную рѣшетку. Но, если теперь это дѣлается совершенно открыто и никѣмъ не осуждается, то въ старину приходилось говорить украдкой, чтобы не быть замѣченной отцомъ, дядей или братомъ, зорко слѣдившими за поведеніемъ опекаемой дочери, племянницы или сестры. Лишенная самостоятельности, испанка XVI и XVII столѣтія не имѣла своей личной чести, но была лишь носительницей чести тѣхъ, кому она принадлежала,—которые и брали на себя заботу ея сохраненія. Расплата за нарушеніе правилъ чести была часто очень тяжелой, ибо рѣшалось дѣло не словами, а острыми толедскими шпагами: и въ результатѣ «онъ» лежалъ убитый, а «она» должна была идти въ монастырь. Поэтому дѣвицы старой Испаніи вели бесѣду съ большою опаской, ставя на часы вѣрную служанку съ порученіемъ дать знать о грозящей опасности.

Бесѣдой черезъ рѣшетку занялась и наша Тереса. Въ монотонной затворнической жизни отцовскаго дома эта ночная бесѣда была очень заманчивой. Привлекало не только желаніе себя показать и услышать похвалу своей красѣ, но также сама опасность свиданія, происходившаго въ таинственномъ свѣтѣ луны.

Вскорѣ на поведеніе дочери обратилъ вниманіе отецъ. Человѣкъ тихаго нрава, онъ положилъ конецъ ночнымъ свиданіямъ безшумно и миролюбиво, отдавъ дочь на воспитаніе въ монастырь. Тересѣ было въ это время около 14 лѣтъ.

Самолюбивая дѣвочка очень страдала, ибо ей не давала покоя мысль, что честь ея будетъ омрачена, когда причина ея

заточенія станетъ извѣстной. Кромѣ того, монастырская жизнь пробудила въ ней мучительный страхъ предъ Богомъ.

Тереса съ ранняго дѣтства побѣждала сердца окружавшихъ ее людей. Какъ дома она была любимицей отца, братьевъ и всѣхъ слугъ, такъ и въ монастырѣ она стала любимицей всѣхъ монахинь, которыя сразу отнеслись къ дѣвочкѣ съ большимъ расположеніемъ и участіемъ. Благодаря такому доброму отношенію Тереса скоро успокоилась и стала себя чувствовать очень хорошо. Она особенно подружилась съ одной добродѣтельной монахиней, которая, будучи значительно старше, имѣла на нее большое вліяніе. За благочестивыми бесѣдами и молитвой время проходило незамѣтно. Полюбивъ Тересу и узнавъ ея добрый нравъ, монахини стали ее уговаривать принять впослѣдствіи монашество, но эта мысль казалась дѣвочкѣ совершенно недопустимой. Съ временнымъ пребываніемъ въ монастырѣ можно было примириться, но заточить себя въ монастырскихъ стѣнахъ на всю жизнь было страшно.

Пережитое Тересой не прошло безслѣдно. Впечатлительная, она черезчуръ близко приняла всѣ событія къ сердцу, чтó и отразилось на слабомъ и хрупкомъ ея организмѣ. Состояніе здоровья Тересы вызвало, наконецъ, опасеніе отца, который помѣстилъ ее на нѣкоторое время къ замужней сестрѣ, жившей въ деревнѣ Кастельяносъ. На пути къ сестрѣ, Тереса провела нѣсколько дней у своего дяди, человѣка очень благочестиваго, любившаго бесѣдовать о Богѣ и читать книги религіознаго содержанія. Подъ вліяніемъ дяди Тереса стала думать о суетѣ и скоротечности міра. Въ ея душѣ усилился страхъ передъ Богомъ, грозившимъ ей вѣчнымъ осужденіемъ, отъ котораго, ей казалось, можно спастись только принятіемъ монашества. Но мысль о постриженіи и сопряженной съ нимъ тяжелой жизни въ монастырѣ ее пугала и отталкивала. И Тереса боролась между двумя страхами: страхомъ предъ адскими мученіями и страхомъ предъ лишеніями монашества. Большая любительница книгъ, она поддерживала себя чтеніемъ. Однажды, сидя за письмами св. Іеронима, Тереса рѣшила уйти въ монастырь, но, когда она сообщила свое рѣшеніе отцу, онъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Донъ Алонсо слишкомъ любилъ свою дочь, чтобы навсегда съ нею разстаться. Но Тереса не могла отступиться отъ своего рѣшенія,—и ей пришлось покинуть отцовскій домъ тайкомъ. Это совершилось на разсвѣтѣ, когда всѣ еще спали. Тереса бѣжала не одна, но съ тѣмъ братомъ, котораго она въ дѣтствѣ уговорила идти къ маврамъ. Теперь она уговорила его уйти въ

монастырь. Тереса была очень привязчива и горячо любила своего отца, и ей было тяжело его покинуть. Она сама признается, что тосковала, точно ей предстояло умереть, и страдала, «какъ будто ей вырывали всѣ кости». Съ болью и нехотя Тереса порывала съ міромъ, побуждаемая «рабскимъ страхомъ» предъ Богомъ.

Но, водворившись въ монастырѣ, она вскорѣ исполнилась большой радости. Во всемъ, даже въ метеніи половъ, она находила удовольствіе. Но спокойствія духа Тереса не достигла: ее мучили воспоминанія о совершенныхъ грѣхахъ, значительность которыхъ болѣзненно ею преувеличивалась.

3 ноября 1536 года донья Тереса Са́нчесъ-де-Сепеда-и-Аумада приняла монашество въ кармелитскомъ монастырѣ Воплощенія въ Авилѣ.

III.

Основнымъ источникомъ для изученія жизни и личности святой Тересы служатъ ея сочиненія. Владѣя самобытнымъ и оригинальнымъ литературнымъ талантомъ, она бралась за перо лишь по приказанію духовниковъ такъ же, какъ Фра Беато Анджелико брался за кисть. И созданныя Тересой произведенія должно признать не менѣе замѣчательными памятниками христіанскаго искусства, чѣмъ дивныя фрески флорентійскаго монастыря San Marco.

Тереса писала, какъ она говорила, а говорила она простымъ, но изящнымъ языкомъ центральной Испаніи. Истина была единственной цѣлью ея повѣствованія, а вдохновеніемъ ея была искренность.

Жизнь Тересы въ монастырѣ Воплощенія изложена въ ея автобіографіи, главная часть которой написана около 1560 года, т.-е., когда Тересѣ было приблизительно 45 лѣтъ. Это—не литературное произведеніе, но въ буквальномъ смыслѣ слова исповѣдь, которую должно было представить духовнику. Вся біографія посвящена исторіи души, описанію думъ и чувствъ, которыми жила монахиня, отчего внѣшній міръ проникаетъ въ эту книгу такъ же мало, какъ солнечный свѣтъ черезъ стекла готическаго собора.

Для изученія дальнѣйшей исторіи душевныхъ переживаній Тересы служатъ ея трактаты «Путь къ совершенству» и «Пребыванія души», откуда мы узнаемъ стремленія и чаянія святой

и всѣ движенія ея души, анализированныя психологически очень тонко и обрисованныя съ рѣдкимъ художественнымъ мастерствомъ. Этими памятниками мы будемъ по преимуществу пользоваться при характеристикѣ религіозной жизни св. Тересы, какъ для описанія ея реформаціонной дѣятельности послужитъ намъ написанная ею же книга «Основаній». Кромѣ того мы воспользуемся записями современниковъ Тересы и данными ея обширной корреспонденціи.

Религіозность Тересы столь же тревожна и безпокойна, какъ витыя колонны, которыми украшались церкви эпохи барокко. Какъ извивы этихъ колоннъ, такъ душа святой, то и дѣло уклоняясь отъ прямого пути, поднималась къ Богу съ трудомъ и борьбою.

Вскорѣ послѣ постриженія Тереса тяжело захворала и потеряла возможность двигать руками, ногами и головой. Но духъ больной, исполненный христіанскаго смиренія, переносилъ это испытаніе съ поражавшей всѣхъ кротостью. Не теряя надежды на выздоровленіе, святая сумѣла сохранить веселіе и радость. И, черпая силы для борьбы съ недугомъ въ чтеніи книги Іова, она молила Бога избавить ее отъ мученій, мѣшавшихъ ея общенію съ Нимъ. Когда состояніе здоровья Тересы было столь безнадежно, что монахини стали рыть ей могилу, тогда неожиданно наступило улучшеніе.

Болѣзнь часто бывала внѣшней причиной такъ называемыхъ обращеній и отказа отъ міра. Въ жизни Тересы случилось какъ разъ обратное. Съ выздоровленіемъ наступило непреодолимое тяготѣніе къ міру, которое легко можно было удовлетворить въ бесѣдахъ съ приходившими въ монастырь свѣтскими людьми. Въ монастыряхъ Испаніи этого времени подобныя вольности не считались предосудительными и свободно допускались. Но нравственное чувство Тересы было болѣе щепетильно. Отдаваясь общенію съ міромъ, святая мучилась угрызеніями совѣсти. Однажды, ей даже явился Христосъ, строго осудившій ея поведеніе. Монахиня сначала очень испугалась, а затѣмъ, объяснивъ явленіе игрой воображенія или кознями дьявола, она вернулась къ прежнему образу жизни. Эта жизнь была сплошнымъ мученіемъ. Душа Тересы раздирается жестокой борьбой; она слышитъ призывъ Бога, но слѣдуетъ міру; ее радуетъ все, что исходитъ отъ Бога, но она чувствуетъ себя привязанной къ землѣ; она стремится къ примиренію этихъ противоположностей, но, конечно, ничего не достигаетъ. Въ общеніи съ Богомъ духъ Тересы не сознаетъ себя господиномъ, но рабомъ тысячи ничтожныхъ и

пустыхъ мыслей, отъ которыхъ нѣтъ силъ освободиться. Тереса разрывается между Богомъ и міромъ: отдаваясь удовольствіямъ міра, она съ горестью вспоминаетъ свой долгъ передъ Богомъ; когда она отдается Богу, ее безпокоитъ любовь къ міру. Борьба была такъ мучительна, что при воспоминаніи о ней святая удивлялась, какъ могла она ее столь долго вытерпѣть. А терпѣла она эти душевныя муки около 18 или 20 лѣтъ, т.-е. добрую половину своей монашеской жизни и почти все время пребыванія въ монастырѣ Воплощенія.

Сжалившись надъ Тересой, одинъ изъ ея духовниковъ сталъ ее увѣрять, что сношенія съ міромъ вполнѣ допустимы. Формально онъ былъ совершенно правъ, такъ какъ общеніе съ міромъ было запрещено лишь по окончаніи засѣданій Тридентскаго собора. Но святая Тереса не могла удовлетвориться формальной правотой, въ которую не укладывалась ея сложная и глубокая религіозная жизнь. Святая искала живой, внутренней правды, чувствуя, что безъ нея существованіе невозможно. «Я хотѣла жить, пишетъ она, такъ какъ отлично понимала, что не жила, но сражалась съ тѣнью смерти».

Однажды, измученная и усталая, Тереса вошла въ часовню, гдѣ увидѣла скульптурное изображеніе истерзаннаго ранами Христа, принесенное сюда по случаю праздника. Изображеніе это глубоко тронуло Тересу, живо почувствовавшую свою неблагодарность по отношенію къ Тому, Кто за нее столько вытерпѣлъ. Бросившись на землю и обливаясь слезами, монахиня стала молить Бога, чтобы Онъ далъ ей силы не обижать Его болѣе. Съ этого дня Тереса принадлежала Іисусу. Сношенія съ міромъ были прерваны.

Замѣтимъ, что Тереса, оставаясь равнодушной къ Богу, воплощенному въ образѣ строгаго судьи, тронулась Богомъ въ образѣ страдающаго человѣка. То, чего не могъ достигнуть страхъ, было легко и свободно достигнуто жалостью. Сочувствіе извѣданному страданію соединило съ Богомъ, идея котораго воплотилась въ живомъ лицѣ богочеловѣка-Христа.

Послѣ памятнаго дня въ часовнѣ, Тереса любила представлять себѣ Спасителя въ Геѳсиманскомъ саду одинокимъ, опечаленнымъ и просящимъ ея помощи. Ей хотѣлось тогда утѣшить Его и отереть съ лица Его потъ.

Для Тересы, съ такимъ трудомъ боровшейся со своими человѣческими привязанностями и тяготѣніями къ міру, было очень отрадно найти и въ Богѣ—человѣка. «Я увидѣла,—пишетъ она,—что, будучи Богомъ, Онъ былъ человѣкомъ, который не пугается

слабостей людскихъ, ибо понимаетъ нашу несчастную природу, подвластную многимъ паденіямъ изъ-за первороднаго грѣха».

У Тересы установились съ Богомъ отношенія, какъ бы съ человѣкомъ. Святая жаловалась Ему на свои горести и дѣлилась радостями. Мысль о Богѣ зажгла въ душѣ искру божественной любви, и душа, соединяясь съ Богомъ въ любви, исполнялась спокойствія, удовлетворенія и мира. Ей казалось, что она достигла всѣхъ своихъ желаній, и она боялась пошевельнуться, чтобы не потерять свое счастье. Тереса словно поднялась на вершину высокой горы, отдѣленной туманомъ отъ долинъ, гдѣ жили люди, тогда какъ ясное небо сіяло надъ нею во всей своей красѣ. Душа заснула для міра и впала въ «небесное безуміе». Но это состояніе безмятежнаго спокойствія было кратко, ибо духъ Тересы не былъ созданъ для мира и тишины. Туманъ разсѣялся, и взорамъ открылись земныя дали. Вниманіе, только-что занятое созерцаніемъ одного Бога, теперь раздваивается между воспріятіемъ Бога и внѣшняго міра точно такъ же, какъ раздваивается вниманіе слушающаго одновременно двухъ говорящихъ. Душа не испытываетъ болѣе удовлетворенія, ибо ея соединеніе съ Богомъ недостаточно полно, а вниманіе къ земному разсѣянно. Это состояніе раздвоенности и неудовлетворенности весьма характерно для религіознаго настроенія эпохи барокко, не знавшаго спокойствія и умиротворенія. Дитя своего времени, Тереса была его выразительницей и жертвой. Въ страстномъ напряженіи она стремилась къ всепоглощающему величію и могуществу божества. Иногда въ мистическомъ сліяніи съ Богомъ страдающая личность въ экстазѣ освобождалась отъ бремени своего «я». Душа чувствовала себя словно изъятой изъ тѣла и куда-то унесенной. Дѣятельность ума и памяти прекращалась, дыханіе затруднялось, и паденіе физическихъ силъ доходило до того, что трудно было двинуть рукою или произнести слово. Глаза сами закрывались или же открытые ничего не видѣли. Слышимое не понималось. Поглощенная Богомъ душа исполнялась презрѣніемъ къ міру и жаждала героизма. Духовному взору открывались всѣ совершенные грѣхи такъ же, какъ при яркомъ свѣтѣ солнца въ комнатѣ бросаются въ глаза всѣ паутины.

Это блаженное состояніе сліянія съ божествомъ длилось очень недолго. А пробужденіе для духа, вкусившаго отъ «моря пламенныхъ чудесъ», было мучительно. За пережитымъ счастьемъ слѣдовало отчужденіе отъ міра и сознаніе полнаго въ немъ одиночества. Тересѣ казалось, что, подобно безпомощному воро-

бушку, она находилась на крышѣ всего творенія. Ея душа была словно распята между небомъ и землею. Таково было состояніе души эпохи барокко, помнившей земное обаяніе Возрожденія, но стремившейся къ заоблачной выси. Находясь между земною и небесною твердью, она жаждала страданія, какъ душевнаго исцѣленія, и въ немъ находила болѣзненное наслажденіе. Въ этомъ отношеніи очень типично пережитое Тересой видѣніе Ангела, прославленное въ скульптурѣ Лоренцо Бернини. «Я увидѣла ангела,—пишетъ святая,—рядомъ со мною съ лѣвой стороны... Онъ не былъ великъ, ни малъ, очень красивъ, съ лицомъ, столь пылающимъ, что казался однимъ изъ серафимовъ, которые, кажется, цѣликомъ горятъ. Я видѣла въ его рукахъ длинный золотой дротикъ, на концѣ котораго находилось немного огня. Этотъ дротикъ онъ вонзалъ въ мое сердце нѣсколько разъ и такъ, что онъ доходилъ до глубины; и мнѣ казалось, что, извлекая дротикъ, ангелъ вынималъ съ нимъ и часть моего сердца, и я вся горѣла въ большой любви къ Богу. Была такъ велика боль, что она заставляла меня стонать, но такъ чрезмѣрна сладость, причинявшая это величайшее страданіе, что не было желанія, чтобы оно прекратилось, и не удовлетворялась душа меньшимъ, чѣмъ Богъ».

Тересу часто мучили злые духи. Однажды, она увидѣла дьявола въ образѣ отвратительнаго негритенка, злобно на нее рычавшаго. Другой разъ дьяволъ сѣлъ на молитвенникъ, но, окропленный святою водой, быстро скрылся. Иногда злые духи нападали на Тересу, которую тогда защищалъ окружавшій ее большой свѣтъ. Но по признанію самой святой она имѣла еще болѣе страшнаго врага въ лицѣ своихъ духовниковъ. «Безъ сомнѣнія,—писала она,—я боюсь болѣе людей, боящихся дьявола, чѣмъ его самого, ибо дьяволъ не можетъ ничего мнѣ сдѣлать, а люди, въ особенности, если они духовники, очень безпокоятъ». А духовники, дѣйствительно, безжалостно мучили душу Тересы. Не понимая ея переживаній, они объявили святую одержимой нечистой силой и приказали ей отгонять видѣнія непристойнымъ знакомъ, что̀ приводило бѣдную монахиню въ отчаяніе. Она не сомнѣвалась, что имѣетъ дѣло съ Богомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могла не подчиниться данному приказу. Ей было невыразимо тяжело, вспоминая вынесенныя Христомъ оскорбленія, прибавлять къ этому числу еще новыя. Неувѣренная въ себѣ и относившаяся съ большимъ уваженіемъ къ учености своихъ духовныхъ руководителей, Тереса, наконецъ, и сама стала сомнѣваться въ своихъ переживаніяхъ и подозрѣвать въ нихъ нехорошее. Мысль о

возможности быть обманутой дьяволомъ наполняла душу скорбью и страхомъ.

Когда измученной Тересѣ стали измѣнять силы, Богъ послалъ ей двухъ защитниковъ въ лицѣ св. Франциска изъ Борхи и св. Петра изъ Алькантары, которые оба заявили, что святая въ своихъ мистическихъ переживаніяхъ имѣетъ дѣло исключительно съ Богомъ, отчего о дьяволѣ не можетъ быть никакой рѣчи. Такъ какъ оба подвижника пользовались большимъ авторитетомъ, то духовники прекратили свои преслѣдованія.

Казалось, что теперь, послѣ столькихъ тревогъ и волненій, когда всѣ сомнѣнія были разсѣяны, въ душѣ Тересы могъ бы воцариться миръ. Однако, вмѣсто этого наступило совсѣмъ иное настроеніе. Безпокойство и какое-то равнодушіе ко всему непроницаемымъ мракомъ окутали душу, состояніе которой было таково, что, казалось, дьяволы играли ею, какъ мячикомъ. Сосредоточиться для молитвы было невозможно, такъ какъ мысль отвлекалась самыми ничтожными предметами. Любовь къ Богу остыла, а люди были такъ противны, что «хотѣлось всѣхъ ихъ съѣсть». Когда Тереса сообщила о своей тоскѣ духовникамъ, они стали ее жестоко бранить и такими словами, что ей даже было страшно о нихъ потомъ вспомнить. Послѣ духовники раскаялись, но утѣшить святую они не могли. О душевномъ исцѣленіи позаботился самъ Богъ, даровавшій Тересѣ просвѣтлѣніе вслѣдъ за принятіемъ св. Причастія.

Такъ мятежный духъ Тересы, не находя никогда покоя, метался изъ стороны въ сторону, бросаясь отъ одной крайности въ другую: отъ Бога къ людямъ, отъ пылающей любви къ ледяному равнодушію.

IV.

Хотя Тереса находила величайшее наслажденіе въ мистическомъ общеніи съ Богомъ, однако оно не было для нея цѣлью, но лишь средствомъ къ достиженію нравственнаго совершенства. Общеніе съ Богомъ для Тересы такъ же, какъ и для всѣхъ испанскихъ мистиковъ, являлось какъ бы орошеніемъ, посланнымъ свыше, для взрощенія цвѣтовъ добродѣтели. Цѣлью человѣка на землѣ должно было быть не созерцаніе, а дѣятельность на пользу ближняго.

Какъ донъ-Кихотъ, сидя за книгой, захотѣлъ послужить человѣчеству возрожденіемъ идеаловъ странствующаго рыцарства въ защитѣ слабыхъ и угнетенныхъ, такъ и святая Тереса захотѣла возрожденія идеала евангельской жи и. Имъ обоимъ было подъ

пятьдесятъ лѣтъ, когда имъ пришла мысль разстаться съ созерцательной жизнью и вступить на тернистый путь служенія добру и правдѣ. И, увлеченные своей вѣрой, они не могли предвидѣть тѣхъ тяжкихъ испытаній, которыя имъ предстояло пережить.

Въ серединѣ XVI столѣтія общественное настроеніе Испаніи было встревожено обнаруженіемъ въ Севильѣ, Вальядолидѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ приверженцевъ Лютера. Одновременно по странѣ все сильнѣе раздавался воинственный кличъ братьевъ Общества Іисуса, призывавшихъ къ борьбѣ съ врагами святой католической церкви, о спасеніи и обновленіи которой тамъ, за Пиренеями и Альпами, совѣщались ученые богословы. А въ монастырѣ Воплощенія, гдѣ жила святая Тереса, несмотря на всѣ волненія времени, жизнь шла по-прежнему. Сытыя и матеріально обезпеченныя монахини, не утруждая себя постомъ и молитвою, жили въ тѣсномъ дружескомъ общеніи съ якобы ими покинутымъ міромъ. Этотъ духъ спокойствія и довольства сталъ, наконецъ, не въ моготу Тересѣ, безпокойная и чуткая душа которой не находила сочувствія въ стѣнахъ своего монастыря. Глубоко благодарная Богу за дарованное ей въ мистическихъ переживаніяхъ блаженство, Тереса жаждала на дѣлѣ доказать Ему свою любовь. Ей казалось, что возрожденіемъ строгихъ правилъ монашеской жизни она сдѣлаетъ угодное Богу дѣло, ибо молитва отрѣшенныхъ отъ міра монахинь послужитъ опорой потрясаемой врагами церкви. Тереса думала, что монахини, какъ слабыя женщины, только праведной жизнью и молитвой могутъ принять участіе въ современной борьбѣ. Эти мечты нашли откликъ среди нѣсколькихъ монахинь, захотѣвшихъ жить по первоначальнымъ правиламъ кармелитскаго ордена, а одна благочестивая женщиниа, по имени донья Гіомаръ, предложила свои услуги по устройству новой обители. По распространеніи вѣсти объ этомъ планѣ въ монастырѣ Воплощенія бѣдная Тереса стала мишенью града упрековъ и осужденій. Монахини, обвиняя Тересу въ томъ, что она считаетъ себя лучше всѣхъ и разыгрываетъ святую, угрожали ей инквизиціей. Когда ропотъ распространился даже по городу, провинціалъ ордена, сначала давшій разрѣшеніе на реформу, поспѣшилъ взять его обратно, а духовникъ Тересы запретилъ ей даже думать объ основаніи новаго монастыря. Тогда донья Гіомаръ и покровительствовавшій Тересѣ доминиканецъ Ибаньесъ начали хлопотать о разрѣшеніи въ римской куріи, а сама святая просила свою сестру купить якобы для себя въ Авилѣ домъ. Когда домъ былъ купленъ и шла лихорадочная работа по его устройству, тогда Тереса внезапно получила приказъ ѣхать въ Толедо для утѣшенія одной знатной

синьоры, потерявшей мужа. Поѣздка въ Толедо, прервавшая на время дѣятельность по основанію монастыря, имѣла большое значеніе для Тересы, встрѣтившей здѣсь монахиню Марію, которая сообщила ей о существовавшей среди первыхъ кармелитокъ бѣдности. Отнынѣ Тереса рѣшаетъ положить возрожденіе бѣдности въ основу своей реформы. Возвратившись въ Авилу, святая находитъ папское разрѣшеніе. Теперь оставалось только привести въ исполненіе задуманное, но это было труднѣе всего.

24 августа 1562 года былъ освященъ новый монастырь св. Іосифа, и четыре монахини приняли постриженіе. Радость Тересы во время совершенія этихъ церемоній была безгранична, но через нѣсколько часовъ ея настроеніе рѣзко измѣнилось. Душа исполнилась печали и окуталась мракомъ. Съ одной стороны Тереса стала мучиться угрызеніями совѣсти по поводу того, что основала монастырь противъ воли своего провинціала, а съ другой ее пугала перспектива новой жизни, полной лишеній. Страшные призраки нищеты, голода и болѣзней окружили святую, которой захотѣлось вернуться въ покинутую ею обитель Воплощенія, гдѣ она жила въ довольствѣ и удобствѣ.

Между тѣмъ городъ Авила уже волновался, какъ муравейникъ, въ который бросили сучокъ. Жители сообщали другъ другу вѣсть о возникновеніи новаго монастыря съ такою тревогой, точно въ городъ вступили враги. Собравшаяся толпа грозила разнести домъ, за стѣнами котораго сидѣло нѣсколько слабыхъ тѣломъ, но сильныхъ духомъ женщинъ. А городской голова поспѣшно собралъ совѣтъ членовъ муниципалитета, капитула, и представителей монашескихъ орденовъ, которые всѣ, за исключеніемъ одного доминиканца, высказались за уничтоженіе монастыря св. Іосифа. Тѣмъ временемъ игуменья обители Воплощенія, вызвавъ Тересу къ себѣ, сдѣлала ей строгій выговоръ, обвинивъ ее въ тщеславіи и въ желаніи основать новый монастырь изъ-за неумѣнія жить по-хорошему въ старомъ. Въ довершеніе всего, по приказу игуменьи, Тереса была лишена свободы.

Однако, уничтожить монастырь, основанный съ разрѣшенія самого папы, было невозможно, и потому дѣло было передано на обсужденіе суда въ Мадридѣ. Противъ ожиданій враговъ Тересы судьи рѣшили въ ея пользу, и святая была поэтому освобождена. Вернувшись въ свой монастырь св. Іосифа, она увидѣла самого Христа, возложившаго на ея голову корону въ благодарность за все пережитое ради Него. Такъ кончились испытанія Тересы, связанныя съ основаніемъ перваго монастыря.

Тереса могла бы удовлетвориться основаніемъ обители св.

Іосифа, закончивъ въ ней тихо и мирно свой вѣкъ, но не такова была ея кипящая энергіей натура, жаждавшая дѣятельности, требовогъ и волненій. Этимъ стремленіемъ святой сумѣлъ воспользоваться пріѣхавшій въ Испанію въ 1567 году генералъ ордена кармелитовъ, одобрившій ея реформу и давшій ей разрѣшеніе на основаніе новыхъ монастырей. Тереса становится крупной дѣятельницей предпринятой католической церковью реформы. Отнынѣ въ продолженіе почти 20 лѣтъ она будетъ странствовать по горамъ и доламъ Испаніи, терпя всевозможныя лишенія и оскорбленія во имя возрожденія идеала средневѣкового монашества такъ же, какъ Донъ-Кихотъ страдалъ въ своихъ скитаніяхъ во имя возрожденія стараго рыцарства. Есть въ жизни нашей святой удивительное сходство съ жизнью героя безсмертнаго романа, объясняющееся общностью судьбы, къ которой отъ вѣка присуждены на землѣ идеалисты. Мы увидимъ, какъ одержимая «святымъ безуміемъ» Тереса такъ же, какъ безумный идальго, станетъ предметомъ смѣха непонимающихъ ее людей. Обратимся же къ злоключеніямъ ея реформаторской работы и, не связывая себя хронологическими рамками, дадимъ общую картину ея дѣятельности.

Такъ какъ пути сообщенія въ Испаніи XVI столѣтія были очень несовершенны, то переѣзды были очень тяжелы. Лѣтомъ, передвигаясь по пыльной и незащищенной деревьями дорогѣ, путешественники изнемогали отъ невыносимой жары, а зимой дождь и снѣгъ затрудняли дорогу невылазной грязью. Только ранней весной, да поздней осенью пути сообщенія становились сносны.

Бо̀льшая часть путешествій Тересы совершалась въ телѣгѣ, защищенной отъ солнца навѣсомъ изъ полотна. Если дороги были очень плохи, тогда приходилось ѣхать верхомъ на мулѣ, что̀ не смущало святую, такъ какъ она была прекрасной наѣздницей.

Монахини, которыхъ Тереса везла съ собою, должны были ѣхать всѣ съ закрытыми лицами и жить въ пути, какъ было установлено въ монастырѣ. Поэтому онѣ всегда брали съ собою песочные часы и маленькій колоколъ, который въ обычное время призывалъ къ молитвѣ или къ молчанію. Послѣднее должны были соблюдать всѣ безъ исключенія, даже погонщики муловъ, для которыхъ это было большимъ испытаніемъ. Но въ награду за соблюденіе молчанія Тереса приказывала увеличить погонщикамъ порцію ѣды. При расположеніи въ постояломъ дворѣ или вентѣ старались занять отдѣльную комнату, въ дверяхъ которой

ставили привратницу, словно это были монастырскія ворота. Если приходилось за неимѣніемъ помѣщенія остановиться въ общей комнатѣ, тогда монахини отдѣляли себя отъ остальныхъ путешественниковъ занавѣсями изъ простыней.

Однако, Induced Тересѣ и ея монахинямъ далеко не всегда удавалось устроиться съ такимъ удобствомъ, такъ какъ венты старой Испаніи такъ же, какъ и современной, были большею частью очень плачевны. Для примѣра опишемъ обстановку одной изъ вентъ, гдѣ жила Тереса по дорогѣ въ Севилью. Это былъ маленькій домикъ, имѣвшій одну комнату для постояльцевъ, которая была биткомъ набита всякимъ сбродомъ, отдыхавшимъ отъ тяжелаго пути за виномъ, пляской и тамбуриномъ. Подъ этой комнатой находилось небольшое помѣщеніе, столь низкое, что людямъ надо было въ немъ сгибаться. Раньше здѣсь жили свиньи. Въ этомъ свиномъ хлѣвѣ, превращенномъ въ комнату, гдѣ расположилась Тереса со своими монахинями, окномъ служила дверь, открыть которую нельзя было, такъ какъ комната наполнялась тогда цѣликомъ солнцемъ, а при закрытой двери приходилось сидѣть въ темнотѣ и духотѣ. Тересу, страдавшую отъ сильнѣйшаго приступа лихорадки, положили на постель, показавшуюся ей сдѣланной изъ острыхъ камней. Такъ какъ одна сторона постели подымалась, а другая опускалась, то устроиться на ней было невозможно, отчего святая предпочла лечь на полъ. Солнце пекло немилосердно, а надъ головою шумѣли танцующіе, словно бѣгающіе быки. Жестокая жара вызывала нестерпимую жажду, а воды было въ вентѣ такъ мало, что она продавалась дороже вина. Наконецъ, Тересѣ стало настолько тяжело, что она рѣшила, покинувъ венту, продолжать путь, надѣясь, что въ открытомъ полѣ все же будетъ легче.

Иногда, чтобы избавиться отъ дневной жары, переходы совершались ночью. Такъ разъ въ іюлѣ мѣсяцѣ было рѣшено выступить изъ Авилы въ Саламанку съ наступленіемъ темноты. Ночь была безлунная и настолько черная, что невозможно было различить какой-нибудь предметъ на самомъ близкомъ разстояніи. Поэтому мулы то и дѣло спотыкались, а сами верховые падали. Затѣмъ былъ потерянъ мулъ, везшій деньги и другую поклажу, и, наконецъ, незамѣтно отставшая заблудилась и сама Тереса. Спутники долго искали святую, кричали, звали ее, но все было тщетно. Отчаяніе всѣхъ было безгранично. Но Тереса, къ счастью, встрѣтилась съ однимъ крестьяниномъ, который помогъ ей найти своихъ. Надо замѣтить, что дороги были очень сбивчивы, отчего потеряться было очень легко. Тересѣ случилось

какъ-то забраться въ такую горную глушь, что сами проводники не умѣли изъ нея выбраться.

Часто случались непріятности при переправахъ черезъ рѣки, какъ напр. при переѣздѣ черезъ Гуадалькивиръ на пути въ Севилью. Въ виду сильнаго теченія грести было очень трудно, что̀ заставило перевозчиковъ протянуть поперекъ рѣки веревку, перебирая которую они подвигали лодку. Такимъ образомъ Тереса и монахини были благополучно доставлены на противоположный берегъ, а когда стали переправлять телѣгу съ мулами, перевозчики случайно выпустили веревку и, не имѣя веселъ, они ничего не могли сдѣлать, и лодку быстро понесло внизъ по теченію. Монахини уже считали свое добро потеряннымъ, когда лодка недалеко отъ берега сѣла на мель.

Тересѣ приходилось страдать въ пути не только отъ внѣшнихъ неудобствъ, но также отъ встрѣчныхъ путешественниковъ, среди которыхъ попадалось много грубаго люда. Такъ, однажды, переѣзжая черезъ небольшой ручеекъ, Тереса попросила одну женщину посторониться, которая въ отвѣтъ ударила святую такъ сильно, что сбросила съ мула въ грязь ручья. Другой разъ ее побила нѣкая женщина, потерявшая въ церкви свой сапогъ и вообразившая, что святая его украла. Тересѣ, какъ Донъ-Кихоту и всѣмъ идеалистамъ, при соприкосновеніи съ житейской грубостью приходилось терпѣть ея удары. Она переносила ихъ тихо и съ кроткой улыбкой на устахъ, прощая своихъ оскорбителей, какъ прощаютъ малыхъ дѣтей, не вѣдающихъ, что̀ они творятъ.

Плохія венты, жаръ, холодъ, безсонныя ночи и всѣ невзгоды пути не могли лишить Тересу и ея спутницъ бодраго настроенія, выражавшагося въ веселыхъ шуткахъ и стихотвореніяхъ по поводу пережитыхъ непріятностей. Сама святая для развлеченія своихъ подругъ и провожатыхъ иногда начинала что-нибудь разсказывать, дѣлая это съ такимъ искусствомъ, что путники, слушая ее, забывали усталость.

Злоключенія Тересы не ограничивались одними путешествіями. Съ пріѣздомъ въ городъ, гдѣ предполагалось основать новый монастырь, начинались хлопоты по пріисканію жилища и непріятности изъ-за враждебнаго отношенія мѣстныхъ духовныхъ властей. Такъ архіепископъ толедскій два мѣсяца не допускалъ къ себѣ Тересу, чтобы лишить ее возможности основать монастырь. Тогда святая, выйдя, наконецъ, изъ себя, отправилась въ церковь, гдѣ служилъ архіепископъ, и заставила его себя выслушать. Нисколько не стѣсняясь, Тереса выразила свое негодованіе, что женщинамъ, желающимъ вести праведную жизнь,

полную лишеній, мѣшаютъ въ этомъ люди, живущіе въ полномъ довольствѣ и совсѣмъ не заботящіеся о служеніи Богу. Эта прямая и откровенная рѣчь устыдила, видимо, прелата, который согласился дать свое разрѣшеніе. Теперь оставалось пріискать домъ, такъ какъ Тереса все еще его не имѣла, пользуясь пріютомъ благочестивой сеньоры доньи Луисы де-ла-Серда, которую она недавно ѣздила утѣшать. Когда было найдено помѣщеніе, было рѣшено перебраться въ него ночью, чтобы избавиться отъ приставанія любопытныхъ и праздныхъ людей. И вотъ, когда улицы Толедо погрузились въ глубокій мракъ, случайный прохожій могъ встрѣтить нашу святую и двухъ сопровождавшихъ ее монахинь, тайкомъ пробиравшихся въ новую обитель. А на слѣдующее утро маленькій колоколъ уже призывалъ сосѣдей на молитву. Казалось, что двѣ отказавшіяся отъ міра женщины могли считать свои испытанія оконченными, но вышло иначе. Дѣло въ томъ, что Тереса, обрадовавшись разрѣшенію архіепископа, забыла заручиться отъ него письменнымъ удостовѣреніемъ, а такъ какъ архіепископъ, къ несчастью, отлучился, то его замѣстители, признавъ основаніе монастыря незаконнымъ, запретили отправлять въ немъ службу. Черезъ нѣкоторое время все уладилось, но тревогъ по этому поводу было пережито не мало. Нѣчто аналогичное случилось въ Сеговіи, гдѣ епископскій намѣстникъ, прервавъ мессу и выгнавъ изъ церкви монахинь и служившаго священника, поставилъ у дверей полицейскую стражу. Иногда противъ Тересы возставали люди, собственно, не имѣвшіе никакого до нея дѣла. Такъ въ Саламанкѣ профессоръ университета доминиканецъ Бартоломэ-де-Медина бранилъ святую не только въ частныхъ бесѣдахъ, но даже съ высоты каѳедры, говоря, что «бабенки любятъ шататься съ мѣста на мѣсто, тогда какъ имъ болѣе подобаетъ дома молиться или прясть».

Значительно труднѣе, чѣмъ выносить преслѣдованія чужихъ людей, было терпѣть непріятности, причиною которыхъ были люди близкіе, хотя и сочувствовавшіе Тересѣ, но не понимавшіе ея душевной жизни. Наиболѣе яркій образецъ такого грубаго непониманія мы имѣемъ въ принцессѣ Эболи, по просьбѣ которой Тереса должна была основать монастырь въ Пастранѣ, отчего временно жила во дворцѣ этой знатной дамы. Слыша о тогда уже написанной автобіографіи святой, принцесса захотѣла ее прочесть. Тереса долго отказывалась исполнить эту просьбу, но подъ конецъ согласилась дать свою рукопись принцессѣ и ея мужу подъ тѣмъ условіемъ, чтобы кромѣ нихъ никто ея не читалъ бы. Однако, прочтя автобіографію, принцесса на-

шла ее столь забавной и смѣшной, что, нарушивъ данное слово, она отдала ее своимъ служанкамъ, среди которыхъ рукопись стала ходить по рукамъ, будучи предметомъ остротъ и шутокъ. Этотъ эпизодъ заставляетъ ужаснуться чудовищности «безсмертной пошлости людской». Смѣялась надъ написанными святой Тересой строками, повѣствующими о трагической исторіи ея душевной борьбы, та самая женщина, которая содѣйствовала ея реформѣ! Невольно вспоминаешь печальные дни, проведенные Донъ-Кихотомъ у герцога и герцогини, пригласившихъ къ себѣ бѣднаго идальго, чтобы надъ нимъ потѣшиться. Герцогъ и герцогиня не желали зла Донъ-Кихоту, они относились къ нему даже съ симпатіей, но смѣяться надъ нимъ они не стѣснялись, такъ какъ въ ихъ глазахъ рыцарь Печальнаго Образа былъ не болѣе, какъ забавный безумецъ.

Изъ-за враждебнаго отношенія къ ея дѣятельности Тереса часто, хотя и получивъ разрѣшеніе отъ мѣстныхъ властей, располагалась въ новомъ зданіи, какъ бы воровски, подъ покровомъ ночи. Мы уже видѣли, что такъ случилось въ Толедо. При одинаковыхъ обстоятельствахъ совершилось основаніе монастыря въ Медина дель Кампо. Здѣсь пришлось для устройства церкви воспользоваться полуразрушеннымъ зданіемъ, отчего ковчегъ со св. Дарами оказался почти на улицѣ. Это обстоятельство очень безпокоило Тересу, которая всего могла ожидать отъ враждебно къ ней настроеннаго населенія. Такъ какъ комната, гдѣ спала святая, выходила окнами на церковь, то, пользуясь луннымъ свѣтомъ, она наблюдала изъ окна за цѣлостью св. Даровъ. Эти безпокойныя ночи настражѣ являются прекраснымъ символомъ душевнаго состоянія Тересы въ мѣстахъ основанія ея монастырей, гдѣ она почти всегда чувствовала себя какъ бы во вражескомъ станѣ, что̀, однако, не смущало святую и не подрывало ея силъ. Въ ней тѣмъ больше было увѣренности въ угодности новаго монастыря Богу, чѣмъ болѣе она встрѣчала противодѣйствія, которое всегда объяснялось ею кознями дьявола.

Въ оправданіе человѣческой природы, къ счастью, можно сказать, что непріязнь къ Тересѣ далеко не была повсемѣстной. Во многихъ городахъ къ святой относились очень сочувственно; жители и духовенство устраивали въ честь ея прибытія процессію. Наибольшій почетъ былъ оказанъ Тересѣ въ Севильѣ, сначала встрѣтившей ее очень недружелюбно. Но зато черезъ нѣкоторое время Тереса заслужила такую любовь, что по поводу перевода монастыря въ новое зданіе было устроено большое торжество. Дома по пути слѣдованія монахинь пышно разу-

красились, а сопровождали ихъ клирики и религіозныя братства съ хоругвями и крестами; на носилкахъ подъ высокими балдахинами несли скульптурныя изображенія Мадоннъ, одѣтыхъ въ богатыя ризы и окруженныхъ множествомъ зажженныхъ свѣчей. Отъ поры до времени процессія останавливалась, и желающіе изъ публики, ставъ предъ Мадонной, пѣли въ ея честь хвалебные гимны, а другіе тутъ же исполняли танецъ подъ трескъ кастаньетъ. Члены братствъ имѣли высокіе пирамидальные колпаки съ ниспадавшимъ на лицо покрываломъ, въ которомъ были прорѣзаны два отверстія для глазъ. Эти колпаки были разныхъ цвѣтовъ, черные, лиловые и бѣлые. Среди членовъ братствъ было много босыхъ кающихся, въ рукахъ которыхъ имѣлись длинныя восковыя свѣчи. Когда вошли въ церковь и архіепископъ поставилъ на престолѣ св. Дары, тогда раздалась пушечная пальба. И въ этотъ моментъ самъ архіепископъ севильскій донъ Кристо́баль де Ро́хасъ-и-Сандова́ль, прося благословенія, сталъ предъ Тересой на колѣни. Святая смутилась, какъ дѣвочка, но епископъ отказывался встать раньше удовлетворенія его просьбы. Такъ была почтена святая Тереса въ столицѣ Андалусіи весной 1576 года, когда въ воздухѣ разносился ароматъ цвѣтущихъ апельсиновъ и сіяющее солнце побѣдно отражалось въ водахъ Гуадалквивира.

Но отчего монастыри святой Тересы такъ выводили людей изъ обычнаго спокойствія, возбуждая въ однихъ пылающую ненависть, а въ другихъ не менѣе пылкую любовь? Оттого, отвѣтимъ, что были они основаны на новыхъ началахъ, и, какъ все новое, но сильное, они допускали къ себѣ лишь два отношенія, любви или ненависти, исключая возможность равнодушія. Посмотримъ же, въ чемъ заключалось въ жизни вновь основанныхъ монастырей это новшество, бывшее результатомъ произведенной Тересой реформы. Эти монастыри, не имѣя ни патрона, ни имущества, предоставлялись всецѣло волѣ Божьей. Поэтому часто въ нихъ царила крайняя бѣдность. Въ Мединѣ дель Кампо нѣсколько монахинь жило въ одной комнатѣ, которая была одновременно спальной, столовой и кухней. Въ Толедо трое монахинь покрывались двумя одѣялами, а для отопленія холоднаго помѣщенія не было даже лучинки. Еще большую бѣдность терпѣла Тереса въ началѣ своего пребыванія въ Севильѣ, гдѣ пришлось спать на полу и долго голодать. Когда, однажды, было получено нѣсколько яицъ, то для того, чтобы ихъ сварить, были зажжены веревки. Монахини Тересы не жили въ праздности, но всѣ работали, занимаясь большею частью

пряжей. Продавая эту работу, онѣ получали небольшой доходъ, который выручалъ ихъ въ черные дни. Не имѣя никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, онѣ жили исключительно своими дѣлами и занятіями, строго установленными Тересой. Распредѣленіе времени было слѣдующее: вставать полагалось лѣтомъ въ 5 часовъ, а зимою въ 6, и первымъ дѣломъ была молитва, послѣ которой всѣ расходились по своимъ кельямъ для занятія ручной работой. Въ 8 часовъ утра лѣтомъ, а зимою часомъ позднѣе, звонили къ обѣднѣ, прослушавъ которую, всѣ возвращались къ прерванной работѣ. За четверть часа до обѣда, бывшаго въ 10 или 11 часовъ, колоколъ призывалъ къ провѣркѣ совѣсти. Послѣ ѣды всѣ монахини вмѣстѣ съ игуменьей отдыхали нѣкоторое время за благочестивой бесѣдой. Затѣмъ опять молились и расходились по кельямъ, гдѣ въ теченіе часа читали, а остальное время до ужина работали. Ужинали, обыкновенно, въ 5 или 6 часовъ вечера. Послѣ опять молились и провѣряли свою совѣсть и, наконецъ, въ 11 часовъ ложились спать. Такъ монотонно проходила жизнь въ монастыряхъ реформированныхъ кармелитокъ, ходившихъ бѣдно одѣтыми и босыми. Здѣсь все было до послѣдней степени просто. Кельи украшались черепомъ и бумажнымъ крестомъ, спали на тонкихъ сѣнникахъ и ѣли чаще всего одну зелень съ кусочкомъ сыра и однимъ яйцомъ, что́ въ посты замѣнялось дешевой рыбой. Многія монахини умерщвляли свою плоть самобичеваніемъ и ношеніемъ власяницъ. Несмотря на такую однообразную и полную лишеній жизнь, въ монастыряхъ святой Тересы царило всегда веселье, о сохраненіи котораго заботилась сама ихъ основательница. Тереса писала для своихъ монахинь пѣсенки, которыя тѣ исполняли подъ аккомпаниментъ музыкальныхъ инструментовъ. Она разсылала по почтѣ въ свои монастыри сочиненныя ею произведенія и радовалась отъ души, когда сама получала въ подарокъ поэтическія сочиненія монахинь. Веселіе и бодрость духа реформированныхъ кармелитокъ обратили на себя вниманіе еще современниковъ. Такъ, Луисъ де Леонъ, первый издатель сочиненій Тересы, удивлялся, что въ ея монастыряхъ умерщвленіе плоти доставляло удовольствіе, а суровое покаяніе было развлеченіемъ. Самыя тяжкія испытанія, которыя приходилось терпѣть во вновь основанныхъ обителяхъ, были для этихъ замѣчательныхъ женщинъ, по собственному ихъ выраженію, только «забавной интермедіей». Наша святая такъ же, какъ св. Францискъ Ассизскій, увлекала и заражала всѣхъ искренностью своего веселья. Слѣдующій примѣръ можетъ показать, насколько

окружавшіе Тересу люди чувствовали себя непринужденно и просто и какъ они любили пошутить и повеселиться. Среди сотрудниковъ Тересы былъ одинъ священникъ, по имени Хуліанъ де Авила, которому за его ревностную дѣятельность рѣшено было пожаловать епитрахиль. Совершить это долженъ былъ визитаторъ босоногихъ кармелитокъ, а впослѣдствіи ихъ провинціалъ, отецъ Грасіанъ. И вотъ этотъ почтенный священникъ, желая подшутить надъ Хуліаномъ, приказываетъ монахинямъ собраться съ зажженными свѣчами, какъ бываетъ при постриженіи, а въ корзинѣ онъ велитъ принести монашеское одѣяніе, въ которомъ была скрыта епитрахиль. Затѣмъ сюда привели Хуліана, и Грасіанъ, поставивъ его на колѣни, сталъ ему долго говорить о совершенствѣ монашества и кармелитскаго ордена. Бѣдный Хуліанъ вообразилъ, что онъ будетъ постриженъ, но, думая, что таково желаніе Тересы, онъ не смѣлъ противорѣчить, хотя эта неожиданность совсѣмъ не была ему по вкусу. Несчастнаго бросало то въ жаръ, то въ холодъ, и отъ волненія потъ катилъ съ него градомъ. Когда Хуліанъ былъ окончательно измученъ, то Грасіанъ сообщилъ ему о пожалованіи епитрахили. Послѣ Тереса и ея монахини любили позабавиться разсказомъ пострадавшаго о пережитомъ имъ страхѣ. Этотъ эпизодъ изъ жизни реформированныхъ кармелитокъ свидѣтельствуетъ о царившемъ среди нихъ духѣ наивной и невинной дѣтской радости, источникомъ которой была, конечно, ясная и свѣтлая душа ихъ основательницы.

V.

Люди, знавшіе святую Тересу, говорили, что ея личность притягивала всѣхъ къ себѣ, какъ магнитъ желѣзо. Изящество и красота ея внѣшняго облика, привѣтливость въ обращеніи и умъ плѣняли рѣшительно всѣхъ, свѣтскаго человѣка и святого, развращеннаго и нравственнаго, юнаго и стараго. Это покоряющее очарованіе проявилось еще въ дѣтскіе годы въ ея вліяніи на брата и на слугъ отцовскаго дома. Въ зрѣлые годы, пользуясь обаяніемъ своей личности, Тереса въ значительной степени облегчила свою дѣятельность. Часто случалось, что люди, бывшіе ея жестокими врагами, послѣ знакомства съ нею становились пламенными ея поклонниками.

Веселая, остроумная и находчивая, Тереса была удивительно проста въ обращеніи съ людьми, къ которымъ она относилась очень ровно, не дѣлая никому исключенія. Она говорила со всѣми съ большимъ уваженіемъ, которое она умѣніемъ себя

держать всегда внушала и къ себѣ. Съ знатными особами она говорила съ такимъ сознаніемъ собственнаго достоинства, что среди нихъ сама казалась важной титулованной сеньорой. Тереса обладала большимъ знаніемъ людей, отчего изъ нѣсколькихъ словъ своего собесѣдника она сразу догадывалась о его характерѣ. Поэтому она умѣла говорить со всякимъ человѣкомъ на доступныя ему темы. Однажды, будучи въ Мадридѣ, святая была приглашена къ одной сеньорѣ, гдѣ собралось много свѣтскихъ дамъ, желавшихъ посмотрѣть на знаменитую монахиню. Эти дамы думали услышать разсказы о мистическихъ общеніяхъ съ Богомъ, надѣялись даже увидѣть святую въ состояніи экстаза. И каково же было ихъ удивленіе, когда, послѣ обмѣна обычными любезностями, Тереса сѣла и сказала: «Какъ хороши улицы Мадрида!» И затѣмъ, несмотря на всѣ старанія хозяйки и ея гостей навести разговоръ на интересующія ихъ темы, Тереса продолжала спокойно говорить о самыхъ обыденныхъ вещахъ.

Тереса была совершенно чужда педантизма, отчего она любила говорить, что Богъ не обращаетъ вниманія на мелочи. Какъ-то въ пути наша святая остановилась у одного идальго, который предложилъ дорогой гостьѣ прекрасно изжаренныя куропатки. Когда кухарка увидѣла, что монахиня не отказалась отъ дичи, то негодованіе ея было безгранично. Тереса, уловивъ недовольство этой женщины, замѣтила, что нарушить изрѣдка строгость поста не только не предосудительно, но даже полезно, чтобы въ этомъ удовольствіи почерпнуть новыя силы для борьбы съ плотью, а кромѣ того изъ-за пустяковъ не слѣдуетъ обижать добрыхъ людей. Въ себѣ и другихъ Тереса больше всего цѣнила то, что она называла «святою свободой». Поэтому она запретила монахинямъ насиловать свою личность. Когда у кого-нибудь не было надлежащаго для молитвы настроенія, то она рекомендовала пойти погулять, отдохнуть и подождать, чтобы настроеніе пришло бы само. Натура артистическая, наша святая ненавидѣла формализмъ, ибо для нея общеніе съ Богомъ было поэтическимъ вдохновеніемъ.

Тереса была удивительной доброты. Она никогда не сердилась на своихъ враговъ, всегда стараясь ихъ оправдать въ глазахъ другихъ людей. Ея доброе сердце особенно печалилось о бѣдныхъ и больныхъ. Живя въ Бургосѣ, она ежедневно ходила въ госпиталь, гдѣ ухаживала за больными, которые говорили, что одинъ ея видъ уже приносилъ имъ облегченіе и утѣшеніе. Сама живя въ бѣдности, Тереса постоянно заботилась о нищихъ, часто отказывая въ чемъ-нибудь себѣ, чтобы имѣть возможность удовлетворить бѣдняка. Когда захвары-

вала одна изъ монахинь, то Тереса почти не отходила отъ ея постели, услуживая болящей и стараясь ее развеселить. Тереса относилась къ своимъ монахинямъ съ трогательной заботливостью. Она не только думала о спасенiи ихъ душъ, но еще заботилась объ улучшенiи и облегченiи ихъ земного существованiя. Одной монахинѣ, прiѣхавшей въ Сеговiю изъ мѣстности, гдѣ было много фруктовъ, Тереса клала каждый день къ обѣденному прибору двѣ сливы. Однако, снисходительная къ невиннымъ слабостямъ, святая была очень строга, когда дѣло касалось существеннаго.

Если святая Тереса привлекала всѣхъ веселiемъ и шутливостью, добротою и заботливостью о другихъ, и, наконецъ, простотою и привѣтливостью обращенiя, то вмѣстѣ съ этимъ для большинства ея современниковъ она оставалась совершенно непонятной, отчего святая должна была себя чувствовать глубоко одинокой. Не говоря уже о мистическихъ переживанiяхъ Тересы, которыхъ по собственному ея свидѣтельству не могъ понять ни одинъ духовникъ, сама ея натура была слишкомъ сложна и противорѣчива, чтобы въ ней могли разобраться среднiе люди. Поэтому число лицъ, понимавшихъ душу замѣчательной монахини, было очень невелико.

Какъ типичная представительница эпохи барокко, Тереса была воплощеннымъ противорѣчiемъ. Человѣкъ пламенныхъ чувствъ и сильныхъ страстей, она, одновременно, была крайне разсудочна. Живая почти исключительно во власти аффектовъ, она всегда стремилась въ нихъ все понять до малѣйшаго оттѣнка, и, отдаваясь опьяняющему экстазу, она никогда не переставала наблюдать и разсуждать. Поэтому Тереса очень уважала науку и много читала, думая въ книгахъ найти объясненiе своимъ переживанiямъ. Противорѣчiе ума и чувства отразилось очень ярко въ ея сочиненiяхъ, быть можетъ, особенно привлекательныхъ, именно, въ виду этого противорѣчiя, благодаря которому мы чувствуемъ въ нихъ бiенiе пульса аффективной жизни, которую писательница анализируетъ съ удивительной ясностью и спокойствiемъ.

Тереса была человѣкомъ рѣдко сильной воли, которую ничто не могло сломить. Разъ на что-нибудь рѣшившись, она не останавливалась ни передъ какими препятствiями. Когда она рѣшила покинуть мiръ и уйти въ монастырь, то все противодѣйствiе ея отца было предъ нею безсильно. Также, когда весь городъ Авила возсталъ противъ начатой ею реформы, она не смутилась и не поколебалась, но довела свое дѣло до конца. И женщина столь непокорнаго нрава и непреклонной воли стано-

вилась покорной овечкой предъ своимъ духовникомъ, который могъ ее заставить сдѣлать рѣшительно все, что только было ему угодно. Въ удивительномъ смиреніи она умѣла доходить до полнаго уничтоженія личной воли. Тересу, основательницу 32-хъ реформированныхъ монастырей, женщину, съ которой считались генералы и провинціалы ордена, можно было часто застать за метеніемъ половъ или уборкой постелей монахинь, что святая дѣлала по приказу своего духовнаго отца.

Несмотря на отрѣшеніе отъ міра, Тереса сохранила къ нему живой интересъ. Изъ ея переписки мы узнаемъ, какъ она заботилась о своихъ близкихъ, напр. о здоровьѣ брата, переѣзжавшаго изъ Америки въ Испанію, которому она совѣтовала поселиться въ Толедо изъ-за хорошаго климата этого города. Въ другомъ письмѣ святая говоритъ о воспитаніи сыновей брата, которыхъ она совѣтуетъ отдать въ коллегію іезуитовъ, гдѣ хорошо обучаютъ грамматикѣ и исповѣдуютъ каждые восемь дней. Однажды, своимъ посредничествомъ Тереса помогла заключенію одного брака, при чемъ она подарила новобрачнымъ свои четки, а въ одномъ изъ своихъ путешествій она усмирила въ вентѣ дравшихся на ножахъ людей. Когда Тереса сталкивалась съ жизнью, она никогда отъ нея не отворачивалась. Изъ-за стѣнъ своихъ монастырей она слѣдила за ходомъ событій, которыя она принимала близко къ сердцу, хотя въ нихъ и не участвовала. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно сдѣланное ею предостереженіе королю Филиппу II-му, которому она напоминала о царѣ Саулѣ. Какъ извѣстно, Саулъ, помазанный на царство Самуиломъ, былъ покинутъ Богомъ и погибъ изъ-за притязанія на жреческія права пророка. Филиппа II, который постоянно вмѣшивался въ церковныя дѣла, противорѣча папѣ, эта смѣлая выходка не разгнѣвала. Онъ очень заинтересовался монахиней и захотѣлъ ее видѣть, но Тереса отъ свиданія уклонилась. Король и святая обмѣнялись нѣсколькими письмами, въ которыхъ послѣдняя называла своего монарха «мой другъ король». Къ чести Филиппа должно отмѣтить, что онъ не только не сохранилъ никакой злобы къ Тересѣ, но всегда защищалъ ее отъ нападокъ ея враговъ.

VI.

Предпринятая Тересой реформа возбудила противъ нея продолжавшую жить по смягченному уставу часть монашества. Быстрый ростъ монастырей реформированныхъ кармелитовъ и

кармелитокъ не давалъ покою ихъ врагамъ, которымъ босоногіе бѣдняки служили живымъ укоромъ. Въ начатой борьбѣ противъ реформаціи всѣ силы были, конечно, направлены противъ Тересы, какъ главы этого дѣла. Враги собрали всѣ силы, чтобы ее сломить, и въ концѣ концовъ имъ удалось это сдѣлать. Капитулъ кармелитовъ, собравшійся въ Италіи 21 мая 1575 г., запретилъ Тересѣ основывать новые монастыри и приказалъ ей немедленно удалиться въ одну изъ ея обителей съ тѣмъ, чтобы болѣе ее не покидать и не путешествовать. Сильная духомъ святая спокойно перенесла этотъ ударъ. Она удалилась въ Толедо, гдѣ поселилась въ одинокой кельѣ своего монастыря. Вдали отъ людскихъ страстей и волненій она писала исторію своей реформатской дѣятельности и мистическій трактатъ «Пребыванія души или внутренній замокъ». Оскорбленная и опечаленная человѣческой грубостью, она углубилась въ свой внутренній міръ, казавшійся ей, по сравненію съ земною пустыней, прекраснѣйшимъ замкомъ, въ центральной комнатѣ котораго пребывалъ самъ Богъ.

Когда читаешь о полученномъ Тересой запретѣ, невольно вспоминается, какъ Донъ-Кихотъ былъ побѣжденъ рыцаремъ Бѣлой Луны, запретившимъ ему странствовать въ поискахъ приключеній. Но, если Донъ-Кихотъ не пережилъ своего пораженія, то святая Тереса вышла изъ него побѣдительницей. Бодро переживъ свое заточеніе, она дождалась снятія запрета и въ послѣдніе годы своей жизни успѣла основать еще нѣсколько монастырей. Эти годы были тяжелымъ временемъ для Тересы. Имѣя уже болѣе 60 лѣтъ отъ роду, она чувствовала, какъ силы ея съ каждымъ годомъ все слабѣли, а между тѣмъ въ семьѣ ея монахинь начались ссоры и непріятности, которыхъ она уладить не могла. Нѣкоторыя игуменьи совсѣмъ перестали съ нею считаться и жили такъ, какъ будто онѣ были вполнѣ независимы и самостоятельны. Дѣло дошло до того, что игуменья монастыря въ Вальядолидѣ, не желая выслушивать замѣчанія Тересы, ее изгнала. Когда святая покидала обитель, то монахиня кричала ей вслѣдъ: «Уходите и не возвращайтесь больше сюда!» Это послѣднее испытаніе можно сравнить только съ попраніемъ Донъ-Кихота стадомъ свиней. «Попираніе свиными ногами,—писалъ Тургеневъ,—встрѣчается всегда въ жизни Донъ-Кихотовъ именно передъ ея концомъ; это послѣдняя дань, которую они должны заплатить грубой случайности, равнодушному и дерзкому непониманію». Святая Тереса также должна была заплатить дань равнодушному непониманію, такъ какъ ея судьба была

та же, что̀ и всѣхъ идеалистовъ и мечтателей. Теперь оставалось только умереть.

Святая Тереса поняла, что завѣщанный ей свыше долгъ исполненъ, и жизнь для нея болѣе не имѣла смысла. Поэтому она просила монахинь молить Бога о дарованіи ей скорой кончины. «Просите, писала она одной изъ нихъ, чтобы я вкусила вѣчнаго отдыха, ибо я болѣе вамъ ни для чего не нужна». Такъ и рыцарь печальнаго образа, понявъ предъ кончиною, что на землѣ онъ болѣе не нуженъ, отказался отъ обезсмертившаго его славнаго имени Донъ-Кихота. Передъ смертью то, что̀ бываетъ цѣлью и содержаніемъ жизни, теряетъ свою цѣнность и, ставъ прахомъ передъ вѣчностью, какъ прахъ отряхивается съ ногъ.

Стремленіе къ освобожденію изъ земного плѣна становилось въ душѣ Тересы съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Святая была увѣрена, что послѣ смерти она навѣки и всецѣло соединится съ Богомъ въ мистической любви. И въ очарованіи дивными звуками, которые лились изъ ея души, святая тихо угасла.

«Безкрылый духъ, землею полоненный,
Себя забывшій и забытый Богъ...
Одинъ лишь сонъ,—и снова окрыленный
Ты мчишься ввысь отъ суетныхъ тревогъ».
(Вл. Соловьевъ).

Это свершилось 4 октября 1582 года... Черезъ 40 лѣтъ Тереса была канонизирована, и вся нація съ королемъ Филиппомъ IV-мъ во главѣ просила признать святую вмѣстѣ съ апостоломъ Іаковомъ патрономъ Испаніи, но благодаря интригѣ ревнивыхъ рыцарей ордена св. Іакова ходатайство короля и народа не было удовлетворено въ Римѣ. Несмотря на это, Тереса стала популярнѣйшей святой въ Испаніи, гдѣ слава ея росла съ каждымъ годомъ. И въ 1812 году, въ моментъ наивысшаго напряженія испанскаго національнаго самосознанія, кортесы въ Кадиксѣ опять возбудили вопросъ о признаніи святой Тересы патрономъ Испаніи, что̀, однако, и на этотъ разъ не осуществилось.

Испанцы полюбили Тересу, какъ совершеннѣйшее выраженіе своего національнаго характера. И въ самомъ дѣлѣ, безпокойная и полная противорѣчій Тереса, всю жизнь горѣвшая любовью къ Богу и стремившаяся осуществить на землѣ идеалъ добра и правды, была истинной дочерью страны аскетовъ и рыцарей.

СЕРГѢЙ БОТКИНЪ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ВЪ РОССІИ ЗА СТО ЛѢТЪ.

(Окончаніе) [1].

VI.

Императоръ Александръ III съ первыхъ же шаговъ своего царствованія заявилъ свое сочувственное отношеніе къ государственному контролю. При всеподданнѣйшихъ докладахъ государ. контролера Д. М. Сольскаго 26 мая и 16 іюня 1881 года онъ высказалъ ту мысль, что, хотя контроль принесъ уже огромную пользу, водворивъ порядокъ въ оборотахъ казеннаго хозяйства, тѣмъ не менѣе, въ виду наличности многихъ упущеній и злоупотребленій, онъ желаетъ, чтобы эта часть управленія была поставлена въ возможность выполнять во всемъ объемѣ свое назначеніе,—блюсти, въ обширномъ смыслѣ слова, интересы казны и цѣлость государственнаго достоянія и съ этою цѣлью преслѣдовать и предупреждать всякія упущенія, связанныя съ ущербомъ казны, въ особенности же пресѣкать корыстныя поползновенія на казенную собственность, хотя бы они и прикрывались формою законности.

Такой взглядъ государя на значеніе государственнаго контроля, казалось, обезпечивалъ послѣднему на будущее время всю полноту его и естественнаго развитія. Но дѣятельность его, однако, какъ увидимъ ниже, натолкнулась на неодолимыя препятствія.

Во главѣ контрольнаго вѣдомства съ начала этого царствованія стоялъ Д. М. Сольскій. Человѣкъ даровитый и дѣятельный, онъ старался вести жизнь подчиненнаго ему вѣдомства въ томъ

---

[1]) См. „Вѣстн. Евр.“ іюль 1915 г.

направленіи, какое предуказывалось началами контрольной реформы, заложенными при Татариновѣ. Уже въ ту пору ясно сознавали, что одна только документальная ревизія, при отсутствіи предварительнаго и фактическаго контроля, не можетъ представить полной гарантіи правильности произведеннаго расхода: представленные на ревизію счета и документы, удовлетворяя формальнымъ требованіямъ производства расходовъ, могутъ въ то же время совершенно не соотвѣтствовать дѣйствительности. Въ виду этого и высшая комиссія по выработкѣ началъ реформы, и Татариновъ признавали установленіе предварительнаго контроля однимъ изъ существенныхъ условій правильно поставленной ревизіи. Мы видѣли выше, съ какимъ трудомъ входили въ жизнь новыя начала реформы; естественно, поэтому, что и предварительный контроль не находилъ себѣ надлежащаго примѣненія въ общей системѣ государственной отчетности. Но теперь, казалось, наступило благопріятное время и для него. Опираясь на благосклонныя отношенія государя къ дѣятельности государственнаго контроля, Сольскій предпринялъ рядъ попытокъ къ введенію въ жизнь предварительной и фактической повѣрки казенныхъ расходовъ. Надлежало обратить вниманіе прежде всего на тѣ крупные виды хозяйственныхъ операцій страны, съ которыми въ наибольшей степени связаны были интересы казны, обезпеченные притомъ въ наименьшей степени. А такой операціей являлось, безъ сомнѣнія, желѣзнодорожное хозяйство.

Извѣстно, что въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошедшаго столѣтія желѣзнодорожная политика нашего правительства покоилась на концессіонной системѣ, принесшей въ концѣ концовъ огромные убытки казнѣ. Производя нерѣдко постройку дороги исключительно на гарантированный казною облигаціонный капиталъ, концессіонеры не заботились о хозяйственномъ веденіи этого дѣла, и потому вновь построенная дорога переходила въ эксплоатацію уже обремененной крупнымъ строительнымъ капиталомъ, вслѣдствіе чего затруднялось погашеніе изъ доходовъ дороги этого капитала, а равно и уплата процентовъ по нему, что́, въ свою очередь, влекло за собой повышеніе расхода казны на уплату гарантій по этому капиталу. Вполнѣ обезпеченные гарантированнымъ казною доходомъ и получая приплату по гарантіи въ полномъ размѣрѣ, концессіонеры не стремились къ поднятію доходности дорогъ, и дѣло дошло до того, что большая часть желѣзнодорожныхъ обществъ стала существовать исключительно на казенныя средства, которыя расходовались притомъ безъ должнаго наблюденія. Въ результатѣ этого общая сумма долга

желѣзнодорожныхъ обществъ казнѣ возрасла къ 1-му января 1879 года до крупной цифры 470 милл. рублей.

Оставлять дѣло въ такомъ положеніи не представлялось возможнымъ въ виду громаднаго значенія этихъ расходовъ для государственнаго бюджета. И потому государственный контроль возбудилъ вопросъ о необходимости организовать болѣе правильный надзоръ за оборотами частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Мысль эта, высказанная еще въ 1873 году, была одобрена и Александромъ II, который по этому поводу написалъ на отчетѣ государ. контролера за указанный годъ: «Нахожу мѣру эту необходимой». Но осуществить эту насущную для государства необходимость, признанную неотложной и верховной властью, оказалось не легко. Междувѣдомственная комиссія изъ чиновъ контроля, министерствъ путей сообщенія и финансовъ, а также спеціалистовъ по желѣзнодорожному дѣлу закончила къ 1878 году разработку соотвѣтствующаго проекта, подчинявшаго документальной и фактической ревизіи со стороны государственнаго контроля всѣ обороты денежнаго и матеріальнаго имущества желѣзнодорожныхъ обществъ. Казалось бы, что проектъ, выработанный сообща всѣми заинтересованными вѣдомствами и касавшійся притомъ крупныхъ и неотложныхъ интересовъ казны, требовалъ только подписи государя, чтобы немедленно стать закономъ. Однако, препятствія для этого проекта еще только начинались. Они шли съ той стороны, откуда совершенно нельзя было ихъ ожидать. Ихъ воздвигалъ не кто иной, какъ министръ путей сообщенія генералъ-адъютантъ Посьетъ, и воздвигалъ притомъ съ крайней настойчивостью.

Начать съ того, что на препровожденный на его заключеніе проектъ, въ разработкѣ котораго принимали участіе и чины его вѣдомства, Посьетъ далъ окончательный отвѣтъ лишь черезъ $2^1/_2$ года. Отвѣтъ заключалъ самыя категорическія возраженія на проектъ, исходившія изъ того взгляда, что правительственный надзоръ за оборотами частныхъ желѣзныхъ дорогъ долженъ былъ, по мнѣнію министра путей сообщенія, быть сосредоточенъ въ его вѣдомствѣ, а не при государственномъ контролѣ. Вслѣдъ за этимъ Посьетъ представилъ и свой составленный въ этомъ смыслѣ проектъ по данному вопросу. Комитетъ министровъ, который долженъ былъ разсматривать эти притязанія Посьета, постановилъ отклонить ихъ, и государь утвердилъ это рѣшеніе. Но это нисколько не сломило упорства министра, рѣшившаго, повидимому, тормозить дѣло до послѣдней крайности, несмотря на всю важность проектируемой мѣры, еще

десять лѣтъ тому назадъ признанной, какъ мы видѣли выше, въ резолюціи Александра II «необходимой». И вотъ предъ нами удивительное зрѣлище открытой обструкціи всемогущей бюрократіи.—Слѣдуетъ новое категорическое предписаніе верховной власти. Александръ III дѣлаетъ распоряженіе: «Принять мѣры къ скорѣйшему разрѣшенію предположеній о правительственномъ надзорѣ надъ оборотами частныхъ дорогъ». Но министръ и на этотъ разъ не уступаетъ. Когда вновь составленный новой междувѣдомственной комиссіей проектъ правилъ контрольнаго надзора за оборотами желѣзнодорожныхъ обществъ былъ препровожденъ на заключеніе того же Посьета, онъ въ своемъ отзывѣ снова далъ понять необходимость учрежденія этого надзора при его вѣдомствѣ, и въ то же время поставилъ цѣлый рядъ вопросовъ по поводу проекта, заявивъ, что по полученіи объясненій на изложенныя имъ сомнѣнія и сдѣланныя замѣчанія онъ доставитъ еще дополнительныя соображенія къ проекту. Терпѣть дальше этого учиненную министромъ обструкцію оказывалось невозможнымъ, и Сольскій внесъ проектъ съ поступившими замѣчаніями на него въ комитетъ министровъ. Однако, Посьетъ и здѣсь, несмотря на данный имъ уже подробный письменный отзывъ, не ограничился одними устными замѣчаніями, а обѣщалъ представить еще разъ письменное заключеніе по данному вопросу. Дѣло, такимъ образомъ, ставилось на мертвую точку и должно было безнадежно погибнуть. Докладывая во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1882 годъ о положеніи этого вопроса, о скорѣйшемъ разрѣшеніи котораго состоялось, какъ мы видѣли выше, спеціальное Высочайшее повелѣніе, государ. контролеръ не счелъ возможнымъ умолчать о всевозможныхъ препятствіяхъ, чинимыхъ этому дѣлу. Государь отчеркнулъ соотвѣтствующее мѣсто отчета и сдѣлалъ помѣтку на полѣ: «Весьма недобросовѣстно», и вновь приказалъ окончить дѣло въ текущемъ году, чтобы съ начала 1884 года ввести новый порядокъ.

Въ виду продолжавшагося сопротивленія вѣдомствъ, Сольскій внесъ въ проектъ рядъ существенныхъ измѣненій, имѣвшихъ въ виду сгладить и примирить нѣкоторыя разногласія. Но такъ какъ коренного разногласія устранить такимъ путемъ все-таки не удалось, то по Высочайшему повелѣнію въ маѣ 1884 года было образовано особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Рейтерна съ цѣлью найти почву для сближенія взглядовъ контрольнаго вѣдомства и министерства путей. Совѣщаніе одобрило, за небольшими исключеніями, выработанный въ государственномъ контролѣ проектъ, и заключеніе его, вне-

сенное въ комитетъ министровъ, было затѣмъ Высочайше утверждено 13 іюня 1884 года вмѣстѣ съ правилами о контрольномъ надзорѣ надъ оборотами частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ.—Такова эта любопытная исторія борьбы всесильной и неограниченной бюрократіи противъ попытокъ подчиненія дѣйствій ея даже правительственному, т.-е. въ сущности тому же бюрократическому, надзору.

Новый порядокъ контрольнаго надзора надъ оборотами частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства былъ впервые примѣненъ, въ видѣ опыта, на два года, къ тремъ дорогамъ: Балтійской, Лозово-Севастопольской и Московско-Брестской, на которыхъ и были образованы особыя контрольныя части наблюдательнаго характера. Новое поле дѣятельности оказалось благопріятнымъ для контроля. Контроль обнаружилъ здѣсь рядъ существенныхъ и убыточныхъ для казны упущеній; нѣкоторыя суммы не заносились своевременно въ доходы дорогъ, чистый доходъ выводился не всегда правильно, суммы, подлежавшія взносу въ казну, оставались въ распоряженіи обществъ, суммы на уплату гарантіи испрашивались въ излишнемъ размѣрѣ, счеты по долгамъ правительству велись неправильно и безъ начисленія установленныхъ процентовъ и проч. Этотъ первый двухгодичный опытъ контрольнаго надзора за эксплоатаціей частныхъ дорогъ оказался настолько удачнымъ, что рѣшено было не только продолжить его, но и распространить на большее, чѣмъ предположило контрольное вѣдомство, число дорогъ.

Одновременно съ этимъ наблюденію контроля были подчинены и строительныя операціи желѣзнодорожныхъ обществъ. Однако, оба эти вида контроля—и эксплоатаціонный и строительный—существовали недолго. Съ 1891 года началось постепенное устраненіе государственнаго контроля отъ наблюденія за хозяйственнымъ веденіемъ частными желѣзнодорожными обществами строительныхъ операцій, такъ что потомъ даже крупныя желѣзнодорожныя постройки производились уже безъ контрольнаго надзора. Контроль же эксплоатаціонный прекратился въ 1900 году, съ переходомъ въ казну Ивангородо-Домбровской жел. дор. Въ 1901 году государственный контролеръ Лобко предпринялъ-было попытку возстановить этотъ видъ контроля для общества Рязано-Уральской дороги, пользовавшагося казенными приплатами по гарантіи, но потерпѣлъ неудачу: министръ финансовъ Витте высказался противъ этого и съ нимъ согласилось соединенное присутствіе департамента государственной экономіи и комитета министровъ. Такъ освободились желѣзнодо-

рожныя общества отъ ближайшаго фактическаго надзора за ихъ хозяйственною дѣятельностью со стороны правительственнаго контроля. За ними осталось лишь административное наблюденіе правительства въ лицѣ вновь учрежденной комиссіи для повѣрки годовыхъ отчетовъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ.—Правда, этотъ видъ контрольнаго надзора оказался не совсѣмъ безполезнымъ. Такъ, заключенія комиссіи по отчетамъ пяти желѣзнодорожныхъ обществъ — Курско - Харьково - Азовской, Московско - Курской, Рижско-Моршанской, Варшаво-Бромбергской и Одесской жел. дорогъ — освободили казну отъ излишней уплаты акціонерамъ свыше 14 милліоновъ рублей. По отчетамъ общества Юго-Восточныхъ жел. дорогъ, комиссія установила фактъ излишней выдачи изъ прибылей общества въ пользу акціонеровъ свыше 2.800 тыс., которые теперь погашаются изъ ихъ дивидендовъ. Вслѣдствіе замѣчаній комиссіи по отчетамъ общества Владикавказской жел. дороги за 1905 — 07 годы, общество обязалось внести въ казну, въ дополненіе къ уплаченнымъ уже суммамъ, 617.756 рублей. Тѣмъ не менѣе, этотъ административный видъ контрольнаго надзора самъ по себѣ меньше всего обладалъ контролирующей силой, которая притомъ должна была ослабѣвать по мѣрѣ того, какъ устанавливалась практика вводить контролирующее начало въ составъ контролируемаго, когда представители государственнаго контроля стали засѣдать, на одинаковыхъ со всѣми другими членами основаніяхъ, во всѣхъ почти желѣзнодорожныхъ учрежденіяхъ, начиная съ совѣтовъ инженернаго, по желѣзнодорожнымъ и тарифнымъ дѣламъ и кончая правленіями желѣзнодорожныхъ обществъ.

Такою же неустойчивостью отличалась дѣятельность правительственнаго надзора и въ области казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства. Путемъ взаимныхъ уступокъ и соглашеній съ министерствомъ путей контролю удалось и здѣсь установить съ разными оговорками и ограниченіями предварительную и фактическую повѣрку какъ по постройкѣ дорогъ, такъ и по эксплоатаціи ихъ. Но повѣрка эта со стороны контроля носила больше формальный характеръ и отличалась неопредѣленностью. Точныхъ и незыблемыхъ положеній и правилъ о контрольномъ надзорѣ надъ оборотами казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства не выработано даже и до сего времени. Равно какъ нѣтъ прочныхъ и опредѣленныхъ нормъ и по завѣдыванію хозяйствомъ казенной сѣти. Хотя еще въ 1882 году Высочайше утвержденнымъ 15 октября положеніемъ комитета министровъ было поручено особой заботливости министра путей составленіе, не

позже года, окончательнаго положенія объ эксплоатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, но такого положенія не составлено и до сей поры. Съ цѣлью опредѣленія основныхъ началъ контрольнаго надзора за дѣятельностью желѣзныхъ дорогъ и выработки положенія и правилъ такого надзора, была образована въ 1894 году, по Высочайшему повелѣнію, особая междувѣдомственная комиссія подъ предсѣдательствомъ д. т. с. Вышнеградскаго, но въ слѣдующемъ году этотъ предсѣдатель умеръ, а съ нимъ и его комиссія. Напрасно государственный контролеръ входилъ послѣ этого въ сношеніе съ министромъ путей, побуждая его къ продолженію начатаго дѣла, напрасно и Государственный Совѣтъ заявлялъ въ 1897 году, что возобновленіе работъ комиссіи «было бы крайне желательно»,—комиссія угасла безнадежно.

Какъ бы то ни было, постепенно расширяясь, дѣятельность государственнаго контроля захватываетъ въ разсматриваемую эпоху разные виды казенныхъ хозяйственныхъ операцій. Въ это время устанавливается контроль надъ сооруженіемъ коммерческихъ портовъ, надъ управленіемъ водныхъ путей и шоссейныхъ дорогъ и надъ постройкой военнымъ вѣдомствомъ крѣпостей и казармъ. Однако, это развитіе контрольнаго надзора надъ производствомъ разныхъ операцій за счетъ казны совершалось всегда съ большою медленностью, скромностью и даже боязливостью, какъ бы этимъ непріятнымъ для бюрократіи вмѣшательствомъ въ ея распорядительныя по бюджету дѣйствія не вызвать неудовольствія, гнѣва или окрика съ ея стороны. Такая тактика, отражаясь невыгоднымъ образомъ на степени и качествѣ контрольнаго надзора, тѣмъ не менѣе не всегда спасала его отъ этого гнѣва потревоженныхъ бюрократовъ. Любопытнымъ примѣромъ такого положенія вещей является опытъ введенія предварительнаго и фактическаго контроля по операціямъ морского вѣдомства.

По указанію государя, въ государственномъ контролѣ были составлены основныя начала примѣненія, въ видѣ опыта, предварительной и фактической ревизіи къ хозяйственнымъ операціямъ морского вѣдомства и удостоились Высочайшаго одобренія при докладѣ Сольскаго 18 января 1886 года. Однако, осуществить ихъ въ ближайшее время и въ полной мѣрѣ не удалось. Уже черезъ два мѣсяца Сольскій долженъ былъ докладывать государю, что, по сообщенію морского министерства, постигшая управлявшаго имъ генералъ-адъютанта И. Шестакова тяжкая болѣзнь не позволила ему заняться изложеніемъ своего мнѣнія

по сообщенному ему проекту о новомъ порядкѣ ревизіи хозяйственныхъ операцій его вѣдомства, и что, отправляясь въ продолжительный отпускъ, онъ проситъ принять это обстоятельство въ уваженіе, какъ причину, по которой отвѣтъ его по данному вопросу долженъ замедлиться. Лишь черезъ годъ послѣдовалъ отвѣтъ съ его стороны и притомъ настолько характерный, такъ ярко рисующій и взаимныя отношенія вѣдомствъ, и степень пониманія бюрократіей государственныхъ задачъ, къ выполненію которыхъ она призвана, и личныя качества руководителей, которымъ ввѣряется управленіе цѣлымъ вѣдомствомъ, — что мы не можемъ не привести здѣсь, хотя въ извлеченіи, этотъ историческій документъ, который всецѣло заслуживаетъ того, чтобы онъ не пропалъ и не былъ забытъ.

«Хозяйственныя операціи по морскому вѣдомству,—писалъ 30 января 1887 года управлявшій этимъ вѣдомствомъ генералъ-адъютантъ Шестаковъ государственному контролеру Сольскому, — совершаются не иначе, какъ по обсужденіи въ отношеніи ихъ надобности, законности и выгодности для казны управляющимъ министерствомъ и членами адмиралтействъ-совѣта. Эти лица относятся къ выгодамъ казны съ неменьшимъ, сравнительно съ членами государственнаго контроля, рвеніемъ, не слабѣе ихъ въ пониманіи законовъ имперіи, а въ способности обсуждать, отвѣчаютъ ли предположенныя операціи содержанію флота въ возможно лучшемъ положеніи, вѣроятно не уступаютъ домогающимся и считающимъ себя компетентными повѣрять ихъ. Едва-ли существуетъ поводъ сомнѣваться, что члены адмиралтействъ-совѣта и управляющій министерствомъ соблюдали до сихъ поръ строгую бережливость въ разрѣшеніи расходовъ изъ кредитовъ, опредѣленныхъ Государственнымъ Совѣтомъ на удовлетвореніе надобностей морского вѣдомства, и вѣрнѣе контролеровъ могутъ сообразить, на что́ именно нужно употребить данныя въ распоряженіе морского министерства денежныя средства»... «Контроль самъ находитъ нужнымъ и полезнымъ измѣнять до ослабленія контрольныя правила каждый разъ, когда требуется приложить къ дѣлу, кромѣ спеціально контрольнаго, государственный взглядъ. Не выказываетъ ли такое отступленіе, что контроль, въ извѣстныхъ условіяхъ, допускаетъ невозможность соединить канцелярскій педантизмъ съ успѣхомъ живого дѣла, и какъ согласить ослабленіе въ одномъ случаѣ, когда заводы управляются или могутъ управляться спеціалистами безъ эполетовъ и даже вовсе не служащими, съ непрестаннымъ контрольнымъ преслѣдованіемъ главныхъ органовъ правильно устроеннаго министер-

ства, начальники коихъ носятъ знаки основательной сословной гордости»... «Я не признаю въ лицахъ, служащихъ въ контрольномъ департаментѣ, или могущихъ вступить въ него, большей противу служащихъ въ морскомъ министерствѣ компетентности къ обсужденію сообразности плановъ (кораблестроительныхъ работъ и заказовъ) съ потребностями государства въ военномъ флотѣ. Департаментъ военной и морской отчетности можетъ видѣть безъ всякихъ плановъ въ представляемыхъ ежегодно Государственному Совѣту проектахъ финансовыхъ смѣтъ, какія суда предполагается строить вновь, постройку какихъ рѣшено продолжать и сколько предполагается употребить на это денежныхъ средствъ изъ нормальной смѣты морского министерства»... «Предварительное участіе государственнаго контроля въ хозяйственныхъ операціяхъ морского министерства въ томъ видѣ, какъ оно проектируется, я считаю безполезнымъ и сопряженнымъ съ необходимостью увеличить личный составъ министерства. Къ замѣчаніямъ моимъ о несоотвѣтственности присланныхъ мнѣ проектовъ съ утвержденными законоположеніями и съ требованіями живого дѣла я долженъ прибавить, что предлагаемый къ введенію контроль не существовалъ у насъ никогда и едва ли существовать можетъ безъ явнаго вреда»... «Смотря на государственный контроль и морское министерство, какъ на учрежденія равноправныя по закону, нельзя не замѣтить, что по существу своихъ дѣйствій они совершенно разнородны, чтобъ не сказать, противоположны. Контроль—учрежденіе критически-отрицательное, морское министерство, напротивъ, исполнительно-положительное»... «Въ недавнее время предварительный контроль принятъ военнымъ министерствомъ, въ видѣ опыта, при возведеніи укрѣпленій на нашей западной границѣ и при постройкѣ казарменныхъ зданій, и военное министерство не находитъ для себя затрудненій отъ такой формы контрольнаго надзора. Но отсюда нельзя еще выводить заключенія, чтобы установленный порядокъ, въ особенности измѣненный въ смыслѣ усиленнаго контроля, былъ пригоденъ для кораблестроительныхъ и хозяйственныхъ операцій, совершаемыхъ въ морскомъ министерствѣ»... «Эти операціи слишкомъ своеобразны, слишкомъ сложны, слишкомъ измѣнчивы вслѣдствіе быстраго движенія морской и кораблестроительной техники. Предварительный контроль надъ ними можетъ быть производимъ только людьми, весьма свѣдущими въ контролируемомъ дѣлѣ; въ противномъ случаѣ онъ будетъ приносить вредъ службѣ, оскорбляя отвѣтственныхъ дѣятелей и возбуждая лишь пререканія между ними и контролемъ».—Та-

ковъ характеръ этого историческаго документа за подписью управляющаго морского министерства генералъ-адъютанта Шестакова, ярко отразившій и забавный страхъ передъ необходимостью давать отчетъ государству въ своихъ распорядительныхъ по бюджету дѣйствіяхъ, и положеніе морского вѣдомства, съ его своеобразнымъ бытомъ, условіями дѣятельности и традиціонной гордостью особаго вида.

По докладѣ о такомъ положеніи дѣла мысль объ установленіи предварительнаго контроля въ морскомъ вѣдомствѣ была оставлена, и пришлось ограничиться лишь фактической провѣркой, на которую соглашался и Шестаковъ. Но чей-то безымянный доносъ сразу вскрылъ истинное положеніе дѣла, привлекъ къ нему тревожное вниманіе общества и возбудилъ бдительность закона. Возникшее въ мартѣ 1900 года въ Севастополѣ судебное дѣло о злоупотребленіяхъ при поставкахъ для черноморскаго флота подтвердило опасенія контроля, обнаруживъ при этомъ крупныя хищенія не только по поставкѣ угля, но и солонины и другихъ предметовъ.—Въ другой разъ контроль обнаружилъ въ томъ же морскомъ вѣдомствѣ безпорядки въ дѣлѣ храненія казеннаго имущества во многихъ складахъ и веденія въ нихъ отчетности. Особенно выдавались въ этомъ отношеніи безпорядки въ минной мастерской севастопольскаго порта и въ инструментальной камерѣ николаевскаго порта. На сообщеніи объ этомъ послѣдовала Высочайшая отмѣтка: «Требую, чтобы означенные безпорядки были разъ навсегда устранены».

Таково, въ общихъ чертахъ, то положеніе, какое занималъ государственный контроль въ царствованіе Александра III. Расширяясь пространственно и подчиняя своему надзору нѣкоторыя новыя области государственнаго хозяйства, вѣдомство контроля, несмотря на все благоволеніе къ нему императора, признававшаго за нимъ громадное значеніе и стремившагося къ его усиленію, оставалось все же безсильнымъ, какъ мы видѣли выше, осуществить свои права и защитить отъ растраты народное достояніе.

V.

Русско-японская война составляетъ ту крупную историческую грань, которая рѣзко дѣлитъ настоящее царствованіе на двѣ половины и открываетъ собою начало новой политической, общественной жизни Россіи. Первая половина этого царствованія по своему духу и характеру весьма тѣсно примыкаетъ къ пре-

дыдущему и не носитъ никакихъ существенныхъ отличій отъ него.

Насколько въ этихъ условіяхъ контрольное вѣдомство было вообще безсильно и ограничено въ своей дѣятельности, можно судить уже потому, что цѣлая и обширная область финансовыхъ оборотовъ, осуществлявшихся государственными кредитными учрежденіями, стояла внѣ ревизіоннаго вѣдѣнія государственнаго контроля. Правда, въ составъ вѣдавшаго этими учрежденіями совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій, учрежденнаго еще въ 1817 году, входилъ въ качествѣ непремѣннаго его члена и государ. контролеръ. Но достаточно сказать, что наблюденія этого совѣта за подвѣдомственными ему учрежденіями носили чисто-формальный характеръ, и что ревизіонные комитеты (петербургскій и московскій), какъ исполнительные органы этого совѣта, были весьма ограничены въ своей дѣятельности,—чтобы понять, что присутствіе государствен. контролера въ составѣ совѣта не улучшало положенія дѣла. Неудовлетворительность такого порядка ревизіоннаго надзора за кредитными учрежденіями была сознана давно, и еще въ 1858 году въ высшей комиссіи по выработкѣ коренныхъ началъ ревизіонной системы былъ поднятъ вопросъ объ измѣненіи этого порядка; но министерство финансовъ упорно отстаивало свою безконтрольность въ этой области, и дѣло не получило никакого движенія. И только когда въ началѣ семидесятыхъ годовъ обнаруженъ былъ — помимо, однако, ревизіоннаго комитета,—цѣлый рядъ хищеній, растратъ и недочетовъ въ кассахъ учрежденій Государственнаго банка, снова возбужденъ былъ вопросъ о подчиненіи ихъ контролю. Были выработаны правила внезапнаго свидѣтельства банковыхъ кассъ чинами государственнаго контроля; но и этотъ видъ ревизіи примѣненъ былъ всего лишь въ двухъ случаяхъ, — вслѣдствіе малочисленности личнаго состава контрольныхъ палатъ.

Положеніе вещей нѣсколько измѣняется лишь съ утвержденіемъ 6-го іюня 1894 года новаго устава Государственнаго банка и съ упраздненіемъ черезъ годъ совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій. По новому уставу Государственнаго банка, распространенному затѣмъ и на другія кредитныя установленія, высшій надзоръ за дѣятельностью кредитныхъ учрежденій принадлежитъ Государственному Совѣту. На государственный же контроль возложено разсмотрѣніе годовыхъ отчетовъ этихъ учрежденій, предварительно внесенія этихъ отчетовъ въ государственный Совѣтъ, и составленіе по нимъ заключеній, ревизія расходовъ на содержаніе этихъ учрежденій и операцій

за счетъ казны, а также и фактическая повѣрка наличія цѣнностей въ кассахъ этихъ учрежденій. Затѣмъ, въ составъ совѣтовъ Государственнаго, Крестьянскаго и Дворянскаго банковъ введены, по одному въ каждомъ, члены отъ государственнаго контроля, съ правами и обязанностями членовъ совѣта, для того, чтобы такимъ путемъ государ. контролеръ былъ освѣдомленъ о фактическомъ положенія дѣлъ въ банкахъ и объ общемъ направленіи ихъ политики. Однако министру финансовъ было предоставлено право—въ изъятіе изъ общаго порядка—окончательно утверждать своею властью смѣты упомянутыхъ учрежденій, не считаясь даже съ замѣчаніями государствен. контроля. Таковы общія основанія, неопредѣленныя, противорѣчивыя, на которыхъ долженъ былъ утверждаться новый порядокъ ревизіи государственныхъ кредитныхъ установленій.

Неудовлетворительность этихъ основаній сказалась тотчасъ же, когда пришлось перейти отъ теоріи къ практикѣ, къ проведенію въ жизнь этихъ началъ и къ выработкѣ соотвѣтствующихъ руководящихъ правилъ. Потребовались годы на продолжительную и обширную переписку, чтобы финансовое и контрольное вѣдомства могли установить между собой какой-нибудь modus vivendi. Банковая администрація боялась за свою независимость отъ контроля и всемѣрно противилась введенію внезапной повѣрки контролемъ цѣнностей въ кассахъ и кладовыхъ банка,—главнымъ образомъ его вексельнаго портфеля,—по соображеніямъ коммерческой тайны. Съ большимъ трудомъ, путемъ разнаго рода уступокъ и послабленій, удалось выработать правила ревизіи административныхъ расходовъ по каждому кредитному установленію особо и правила повѣрки операцій Государственнаго банка за счетъ казны. Правила не примирили, однако, эти вѣдомства между собою: оба они были недовольны правилами; и потому, утвержденныя лишь административною властью, правила эти и до сихъ поръ остаются безъ законодательной санкціи, которая требуется для нихъ уставомъ.

Недоразумѣніе въ области этихъ отношеній скоро обнаружилось и съ другой стороны. Оказывалось, что уставъ, возлагая на контроль разсмотрѣніе, предварительно внесенія въ Государственный Совѣтъ, годовыхъ отчетовъ кредитныхъ учрежденій и составленіе по нимъ заключенія, не говоритъ вовсе о необходимости повѣрки этихъ отчетовъ для удостовѣренія въ томъ, что они согласны съ бухгалтерскими книгами, счетами и документами, а также не указываетъ ни порядка утвержденія этихъ отчетовъ, ни той инстанціи, которая должна ихъ утверждать. На этой

почвѣ снова возникли между финансовымъ и контрольнымъ вѣдомствами длинныя пререканія, тянувшіяся нѣсколько лѣтъ. Побѣда, какъ и ранѣе, осталась за министерствомъ финансовъ. По закону 30-го мая 1905 года контролю предоставлено право сличать годовые отчеты банковъ только съ бухгалтерскими книгами, но не со счетами и документами. Такой же порядокъ ревизіи со стороны контроля установленъ и для отчетовъ сберегательныхъ кассъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ сомнительныхъ случаяхъ контроль можетъ обращаться и къ подлиннымъ счетамъ и документамъ этихъ кассъ. Что касается вопроса объ утвержденіи отчетовъ, то онъ такъ и до сего времени не получилъ принципіальнаго разрѣшенія; остановились лишь на томъ, чтобы эти отчеты подвергались *одобренію* министра финансовъ.

Въ особомъ, исключительномъ положеніи въ отношеніи ревизіи находится и особенная канцелярія по кредитной части, главнымъ образомъ, ея иностранное отдѣленіе. Попытки подчинить наблюденію и повѣркѣ кассу этого отдѣленія существовали давно, но министръ финансовъ крѣпко отстаивалъ свою независимость, и только въ 1910 году уступилъ, согласившись передавать отчеты этого отдѣленія государственному контролю для повѣрки въ бухгалтерскомъ отношеніи по книгамъ и документамъ, если послѣдніе не составляютъ тайны, и вносить затѣмъ эти отчеты съ заключеніемъ государ. контролера на разсмотрѣніе комитета финансовъ. Внезапное свидѣтельствованіе чинами контроля кассы этого отдѣленія производится лишь по особо выработаннымъ правиламъ. Въ такомъ видѣ организовалась въ самое послѣднее время ревизія государственныхъ кредитныхъ установленій, вызвавшая къ жизни образованіе въ 1901 году въ составѣ государственнаго контроля отдѣльнаго департамента кредитной отчетности.

Интересно отмѣтить здѣсь наивно-оптимистическій взглядъ на это дѣло оффиціальнаго историка контрольнаго вѣдомства. Онъ убѣжденно заявляетъ, что хотя учрежденіемъ департамента кредитной отчетности вопросъ о цѣлесообразной постановкѣ ревизіи обширной области финансовой дѣятельности, осуществляемой государственными кредитными учрежденіями, и не разрѣшился окончательно, но во всякомъ случаѣ эта отрасль ревизіи получила стройное внѣшнее устройство. И контрольный историкъ очевидно доволенъ этимъ. А между тѣмъ, въ дѣйствительности, министръ финансовъ по-прежнему остается безконтрольнымъ и притомъ независимымъ хозяиномъ въ этой области. Направляя финансовую политику по своему усмотрѣнію, онъ можетъ со-

зидать благополучіе однихъ и подавлять экономически другихъ. Вполнѣ подчиненный ему Государственный банкъ долженъ открывать свои сундуки для всѣхъ, на кого укажетъ министръ финансовъ, имѣющій право не считаться въ такихъ дѣлахъ даже съ мнѣніемъ совѣта банка. И вотъ, при такихъ условіяхъ у насъ развилась цѣлая система ссудъ изъ банка «на особыхъ основаніяхъ», т.-е. внѣ устава банка, — особенно въ періодъ 1899 — 1902 г.г., когда банкъ, по распоряженію министра финансовъ, выдавалъ внѣуставныя ссуды, «не смущаясь размѣрами затратъ», разнымъ пошатнувшимся и даже прямо гнилымъ предпріятіямъ. Такъ, знаменитое отнынѣ въ лѣтописяхъ русской общественной жизни Ленское золотопромышленное общество получило казенной ссуды къ концу 1902 года болѣе, чѣмъ на 10 милл. рублей, хотя извѣстно было, что это общество уже съ 1896 года работало въ убытокъ. И если оно еще существовало, то «только потому,—говорилъ государ. контролеръ въ Государственномъ Совѣтѣ,—что оно работало не на свои средства, а на деньги Государственнаго банка». Затѣмъ, вопреки мнѣнію совѣта банка, выдавались крупныя ссуды бумажно-фабричному предпріятію датскаго консула Паллизена, чистый убытокъ предпріятій котораго достигалъ въ концѣ 1902 года 4 милл. рублей. Совѣтъ банка, обязанный слѣдить за направленіемъ операцій, оказывался безсильнымъ предотвратить эти безнадежныя траты, выдача которыхъ нерѣдко даже была просто неизвѣстна ему. Безъ вѣдома этого совѣта, напримѣръ, открылся и оперировалъ за счетъ Государственнаго банка цѣлый учетно-ссудный банкъ въ Персіи. Такъ безконтрольно дѣйствовалъ министръ финансовъ, испрашивая всеподданнѣйшими докладами многомилліонныя ссуды разнымъ предпріятіямъ. «Государственный банкъ,—пишетъ проф. И. Озеровъ въ своей книгѣ: «Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги»,—чуть ли не превратился въ игорный домъ, гдѣ всѣ желающіе могли пробовать свое счастье, просить—авось счастье повезетъ и получишь ссуду, т.-е. выиграешь. И было изъ-за чего играть: выигрыши достигали десятковъ милліоновъ рублей. Но это тяжелое наслѣдіе, эта игра дорого обошлась русскому народному хозяйству». Мы не можемъ указывать здѣсь всей массы фактовъ и отсылаемъ за справками къ книгѣ проф. Озерова. Съ своей стороны мы отмѣтимъ лишь полное безсиліе контрольнаго вѣдомства сократить или прекратить эту практику.

Столь же жалка роль государственнаго контроля и въ отношеніи желѣзно-дорожнаго хозяйства, гдѣ также сосредото-

чены очень крупные интересы казны. Мы видѣли выше, насколько неопредѣленна и неустойчива была въ предыдущій періодъ позиція контрольнаго вѣдомства въ этой области. Существеннаго улучшенія не произошло и потомъ. Сдѣланы были только нѣкоторыя техническія поправки, измѣнявшія лишь внѣшнюю организацію дѣла, въ родѣ болѣе точнаго распредѣленія функцій контрольнаго и распорядительнаго вѣдомствъ по сбору и повѣркѣ доходовъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Но въ другихъ отношеніяхъ оба эти вѣдомства съ трудомъ устанавливали между собою взаимное сотрудничество, въ которомъ все-таки сила контрольнаго вѣдомства слабѣла по мѣрѣ того, какъ путемъ разнаго рода соглашеній и многочисленныхъ инструкцій, часто смѣнявшихъ и измѣнявшихъ одна другую, вѣдомство это было мало-по-малу втянуто незамѣтно въ орбиту распорядительнаго управленія, сдѣлавшись участникомъ его распорядительныхъ по бюджету дѣйствій, повѣрять которыя оно призвано. Это особенно рельефно проявилось въ постановкѣ ревизіи расходовъ по эксплоатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Когда въ 1898 г. при управленіяхъ этихъ дорогъ были учреждены особые совѣты для разрѣшенія хозяйственно-экономическихъ вопросовъ, то въ составъ совѣтовъ были введены и представители контроля, даже съ правомъ *рѣшающаго* голоса по всѣмъ дѣламъ, и притомъ такъ, что особое мнѣніе этого представителя пріостанавливало постановленіе большинства совѣта. Такой же представитель контроля и на тѣхъ же основаніяхъ былъ введенъ и въ междувѣдомственный комитетъ, образованный въ іюлѣ 1899 г. въ составѣ центральнаго управленія желѣзныхъ дорогъ. Позднѣе контроль понялъ ненормальность и неудобство своего положенія и сталъ бить отбой, отказываясь отъ права рѣшающаго голоса въ междувѣдомственныхъ комитетахъ, центральныхъ управленіяхъ и въ совѣтахъ мѣстныхъ управленій, оставляя за собой лишь право совѣщательнаго голоса. Но дѣло было уже сдѣлано, а сдѣланнаго не воротишь.

Можетъ быть, даже вслѣдствіе такого положенія контроля, эксплоатація казенной желѣзно-дорожной сѣти продолжаетъ приносить убытки казнѣ: извѣстно, цѣлый рядъ казенныхъ дорогъ даетъ лишь крупный дефицитъ. И немудрено при такихъ порядкахъ, если, напримѣръ, начальники дорогъ, при отсутствіи всякой реальной отвѣтственности за свои дѣйствія и при полнѣйшей незаинтересованности въ выгодности для казны эксплоатаціи управляемыхъ ими дорогъ, получаютъ казеннаго содержанія до 18.000 руб., а начальники отдѣльныхъ частей до 9.000 руб.

Кромѣ того, имъ выдаются еще особыя суммы изъ специальнаго наградного кредита. И это независимо отъ того, принесла ли казнѣ эксплоатація данной дороги въ этомъ году прибыль или убытокъ!.. И убытки были огромные. О размѣрѣ этихъ убытковъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ 1903 г. Эксплоатація казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ данномъ году дала чистаго дохода 146.102 тыс. руб., платежи же по строительнымъ капиталамъ этихъ дорогъ составляли за то же время 164.982 тыс. руб.; слѣдовательно, казна понесла убытка за данный годъ 18.880 тыс. руб. Въ общемъ счетѣ потери казны отъ желѣзно-дорожныхъ предпріятій, казенныхъ и частныхъ, выражаются, напримѣръ, въ такихъ суммахъ: въ 1901 г.—39.150 тыс. руб., въ 1902 г.—40.370 тыс. руб., въ 1903 г.—20.561 тыс. руб., въ 1904 г.—62.835 тыс. руб. и т. д.

Не лучше былъ поставленъ контрольный надзоръ и за оборотами по сооруженію казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Здѣсь также существо дѣла было безжалостно принесено въ жертву его формѣ. И результаты получились изумительные. Это ярко сказалось на такихъ крупныхъ сооруженіяхъ, какъ Сибирская желѣзная дорога, гдѣ перерасходы достигали огромныхъ размѣровъ почти по всѣмъ участкамъ великаго пути, но особенно по средне-сибирской линіи. Здѣсь производились по непомѣрно высокимъ цѣнамъ поставки предметовъ, которыхъ нужно было для дѣла, какъ оказалось, вдвое меньше. (Договоръ съ купцомъ Тетюковымъ и товариществомъ амурскаго цемента на поставку для Забайкальской дороги цемента на 4.400 тыс. руб.). Выдавались безъ обезпеченія авансы въ сотни тысячъ рублей (подрядчику Табурно на искусственныя сооруженія для средне-сибирской линіи, арендатору николаевскаго желѣзодѣлательнаго завода Глотову на поставку мостового желѣза, чугунныхъ трубъ, рельсовъ и ихъ скрѣпленій, фирмамъ: «Каменскій и Гроссманъ» на изготовленіе и доставку цемента, «Бонди и Парадѣевъ» на сооруженіе мостовъ черезъ рѣки: Канъ, Уду, Бирюссу и Ію) и проч. А контроль, наблюдавшій лишь за формальной стороной дѣла, если и замѣчалъ неправильности и упущенія, то или не имѣлъ возможности, по ограниченности своихъ полномочій, предупредить и устранить ихъ, или протестовалъ безъ всякаго результата, такъ какъ даже многократныя возраженія его оставлялись начальниками работъ безъ вниманія. И въ результатѣ — длинный рядъ всякаго рода неправильностей, казенныхъ убытковъ и растратъ. На сообщеніи государственнаго контролера объ этихъ фактахъ была сдѣлана Высочайшая замѣтка: «Больно и грустно

читать длинный перечень упущеній и излишнихъ растратъ при постройкѣ великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, заботы о которой лежатъ *очень близко* [1]) Моему сердцу. Надѣюсь, что въ будущемъ Мнѣ не придется болѣе слышать о нихъ».

Нѣкоторый шагъ въ измѣненіи положенія контроля въ дѣлѣ казеннаго желѣзнодорожнаго строительства сдѣланъ былъ лишь въ послѣднее время, въ примѣненіи къ постройкѣ Амурской желѣзной дороги. Утвержденныя государ. контролеромъ 17 декабря 1908 г. правила для повѣрки операцій по постройкѣ этой дороги имѣютъ въ виду ограничить дѣятельность контроля строго ревизіонными функціями и, устраненіемъ излишнихъ формальностей, ускорить теченіе самого ревизіоннаго процесса, предотвратить задержки платежей кредиторамъ казны. Этими правилами вводится также принципъ устраненія ревизіонныхъ установленій отъ вмѣшательства въ несвойственную имъ область распорядительныхъ функцій, вслѣдствіе чего представителю контроля въ совѣтѣ управленія работъ предоставлено лишь право совѣщательнаго голоса.

По отношенію къ частному желѣзнодорожному строительству контроль вновь возвращается въ этотъ періодъ на свою прежнюю позицію. Мы видѣли выше, что постройка дорогъ частными обществами на гарантированный правительствомъ капиталъ была въ концѣ концовъ освобождена отъ контрольнаго надзора. Предполагалось, что акціонеры, будучи заинтересованы въ полученіи возможно большихъ дивидендовъ на акціи, сами будутъ стараться производить постройки хорошо и экономно. Правительство же ограничилось, съ своей стороны, тѣмъ, что ввело представителя контроля въ комиссію по предварительному разсмотрѣнію расцѣночныхъ вѣдомостей на постройку дорогъ. Однако, опытъ не оправдалъ этихъ предположеній. Оказалось, что строители дорогъ преслѣдовали исключительно свои ближайшія выгоды, которыя они могли извлечь непосредственно изъ этой постройки, а расцѣночныя вѣдомости доставлялись въ комиссіи нерѣдко уже послѣ заключенія договоровъ съ подрядчиками и даже послѣ выполненія значительной части работъ. Въ виду этого, съ 1901 г. былъ возстановленъ на основаніи особыхъ правилъ контрольный надзоръ за строительными операціями частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, оперирующихъ за счетъ гарантированныхъ правительствомъ капиталовъ. Кромѣ того, представители контроля введены въ составъ правленій обществъ

1) Курсивъ подлинника.

Юго-восточныхъ дорогъ, Рязанско-Уральской и Владикавказской.— Уже тотъ фактъ, что желѣзнодорожный контроль вернулся въ этомъ году къ своему прежнему положенію, показываетъ, что онъ не имѣетъ въ данномъ случаѣ подъ собой прочныхъ и незыблемыхъ основаній, и что дѣятельность его носитъ неопредѣленный характеръ. Неудовлетворительность постановки этого контроля была отмѣчена въ третьей Государственной Думѣ, и нынѣшній государ. контролеръ П. А. Харитоновъ обѣщалъ пересмотрѣть дѣйствующія на этотъ предметъ правила; но въ общемъ, положеніе дѣла и до настоящаго времени не измѣнилось.

И какую бы отрасль хозяйственной жизни страны мы ни взяли въ это время, вездѣ наблюдается та же картина неустройства и безотвѣтственности, порождавшая злоупотребленія всякаго рода и растраты, при полномъ безсиліи государственнаго контроля. Отмѣтимъ наиболѣе яркіе примѣры того.

Неистощимыя горныя богатства должны бы, казалось, приносить доходъ казнѣ и увеличивать народное достояніе; у насъ же крупнѣйшее казенное предпріятіе—уральскіе горные заводы—неизмѣнно приносятъ государству лишь одни убытки. И причину этихъ убытковъ приходится искать, даже по указаніямъ оффиціальнаго источника,—въ бюрократическихъ канцеляріяхъ. На протяженіи цѣлой четверти вѣка вѣдающее этими заводами вѣдомство не могло выработать и установить опредѣленнаго взгляда на назначеніе этихъ заводовъ. Въ разное время и подъ разными вѣяніями заводамъ ставились и разныя задачи и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, принимались различныя взаимно исключающія другъ друга мѣропріятія: строились новыя домны, вновь расширялись заброшенныя ранѣе производства или сокращались заведенныя прежде,—съ затратою каждый разъ огромныхъ суммъ. И въ результатѣ заводы, главнымъ образомъ, наряды военнаго и морского вѣдомствъ, оказались несостоятельными. Въ трудное время войны съ Японіей пришлось, за неподготовленностью этихъ заводовъ къ увеличенію производства, обращаться съ военными заказами къ частнымъ заводамъ, русскимъ и иностраннымъ. Судостроеніе на Воткинскомъ заводѣ приноситъ казнѣ одни убытки. За Пермскимъ пушечнымъ заводомъ числятся большія недоимки по выполненію заказовъ. Производство и сбытъ изготовляемыхъ Артинскимъ заводомъ косъ настолько неудовлетворительно, что съ ними весьма успѣшно конкуррируютъ и распространяются среди русскаго населенія косы австрійскихъ заводовъ. Дѣятельность заводовъ Серебрянскаго и Нижне-Исет-

скаго желѣзодѣлательнаго настолько убыточна, что ихъ рѣшено было закрыть. Всѣ эти давнишніе непорядки въ хозяйствѣ казенныхъ горныхъ заводовъ лишь въ 1905 году вызвали учрежденіе при нихъ фактическаго контроля, но отсюда, конечно, еще далеко до надежды на улучшеніе положенія дѣла.

Въ Туркестанскомъ краѣ государству принадлежатъ огромныя имущества въ видѣ свободныхъ земель, лѣса, оброчныхъ статей, рыбныхъ промысловъ и минеральныхъ богатствъ. Но при казенномъ завѣдываніи и распоряженіи этими имуществами послѣднія даже не приведены въ точную извѣстность; даже не имѣется инвентаря всѣхъ земель и богатствъ. Эксплоатація этихъ капиталовъ, представляющихъ многомилліонную цѣнность, едва даетъ лишь 180 — 200 тысячъ рублей въ годъ. Роскошныя и огромныя пастбища въ Акъ-Тау и культурныя земли въ ташкентскомъ, чимкентскомъ и андижанскомъ уѣздахъ вовсе не эксплоатируются и лежатъ втуне. Эксплоатація оброчныхъ статей, преимущественно торговыхъ помѣщеній, ведется настолько нераціонально, что платежи по нимъ не только не возрастаютъ, но, наоборотъ, падаютъ съ каждымъ годомъ, несмотря на то, что—при несомнѣнномъ развитіи въ краѣ торговли—арендныя цѣны на торговыя помѣщенія вообще безпрерывно растутъ. Обширные лѣса, занимающіе пространство до 10 милл. десятинъ, приносятъ такой доходъ: въ Ферганской области 36.000 рублей, а въ Сыръ-Дарьинской и Самаркандской—28 и 23 тысячъ рублей въ годъ. И здѣсь корень зла лежитъ въ бюрократическомъ хозяйничаньи, въ томъ двоевластіи, какъ выражается оффиціальный источникъ, которое было допущено въ дѣлѣ завѣдыванія этими имуществами. Контроль, съ своей стороны, лишь безсильно хлопочетъ объ устраненіи этихъ недостатковъ и безнадежно ведетъ по поводу ихъ нескончаемую переписку.

Государству принадлежатъ кавказскія минеральныя воды. Но казенное завѣдываніе ими вело эксплоатацію ихъ настолько плохо, что, напр., послѣ 3—4 лѣтъ управленія ими г. Хвощинскаго оставляется на государственномъ казначействѣ свыше полутора милліона руб. долга. Хозяйство другихъ казенныхъ минеральныхъ водъ, за исключеніемъ кеммернскихъ, ведется такъ же неудовлетворительно и задолженность ихъ доходитъ до значительной суммы.

На казенныя средства устраивается климатическая станція Гагры; но никакихъ предварительно выработанныхъ плановъ, проектовъ и смѣтъ по отдѣльнымъ сооруженіямъ и оборудованію построекъ не составляется. Подряды сдаются безъ торговъ,

подрядчики самовольно начинаютъ работу, начатыя работы прекращаются, производятся разныя передѣлки, однѣ предположенныя работы замѣняются другими, заготовки предметовъ дѣлаются безъ соображенія съ потребностью, и, въ концѣ концовъ, при осмотрѣ работъ, оказывается, что всѣ зданія построены нераціонально. Водопроводъ проводится изъ источника, который потомъ высыхаетъ.

Такъ именно и въ такомъ родѣ вела государственное хозяйство наша бюрократія. Всякое живое начало критики, анализа ея дѣйствій, подавлялось и сводилось на-нѣтъ. Этой же участи со стороны бюрократіи подвергся и самый принципъ контроля, несмотря на всю слабость и ограниченность дѣятельности нашего контрольнаго вѣдомства, и къ концу своего столѣтняго существованія контрольное вѣдомство значительно поблекло и принизилось.

Въ то время, какъ хозяйственная жизнь страны шла болѣе или менѣе впередъ и раздвигалась вширь, государственный контроль на долгое время былъ оставленъ въ состояніи неподвижности и полной заброшенности, при которой онъ, несмотря на огромное напряженіе, былъ совершенно безсиленъ справиться съ безпрерывно возраставшей передъ нимъ массой ревизіонной работы. Такъ, напримѣръ, за 12 лѣтъ съ 1884—1895 сумма подлежавшихъ ревизіи контроля бюджетныхъ доходовъ и расходовъ (кромѣ желѣзнодорожныхъ) увеличилась почти въ полтора раза: съ 1.425.367.000 руб. до 2.069.497.000 руб., а расходы на содержаніе учрежденій контроля (кромѣ ревизовавшихъ желѣзнодорожную отчетность) возрасли за то же время съ 2.675.000 руб. лишь до 3.034.000 руб. Процентное же отношеніе расходовъ по содержанію этихъ учрежденій государственнаго контроля къ повѣряемой ими суммѣ не только не возвысилось, но даже понизилось—съ 0,19 до 0,14. «Такое положеніе дѣла,—говоритъ оффиціальный источникъ,—представляетъ единственный въ исторіи нашего государственнаго хозяйства примѣръ оставленія въ теченіе многихъ лѣтъ безъ всякаго усиленія средствъ цѣлаго ряда учрежденій, дѣятельность коихъ неимовѣрно увеличилась». Въ дальнѣйшемъ происходили, конечно, нѣкоторыя улучшенія этого положенія, но въ общемъ то же соотношеніе сохранилось и до сего времени.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ находится и юридическое положеніе контроля и отношеніе къ нему разныхъ частей и органовъ государственнаго управленія. Законодательство, регулирующее дѣятельность контроля, является неполнымъ, отсталымъ,

не систематизированнымъ и вызываетъ при своемъ примѣненіи весьма серьезныя затрудненія какъ для самаго контроля, такъ и для отчетныхъ предъ нимъ вѣдомствъ. Самымъ крупнымъ недостаткомъ въ этой области является отсутствіе установленныхъ закономъ опредѣленныхъ сроковъ для отвѣта распорядительныхъ учрежденій на запросы контроля и для вступленія контрольныхъ начетовъ въ законную силу. Вслѣдствіе чего является крайняя медленность въ движеніи ревизіонныхъ дѣлъ, которыя иногда тянутся десятки лѣтъ, и потому наложенные контролемъ начеты пропадаютъ для казны безслѣдно или по причинѣ истекшей давности, или смерти отвѣтственныхъ лицъ и проч.

Такой контроль, слабый, съ шаткими и призрачными правами и полномочіями, не являлся грозной силой, авторитетной властью, внушающей уваженіе къ своимъ требованіямъ, возбуждающей въ подотчетныхъ учрежденіяхъ и лицахъ чувство долга и отвѣтственности предъ нимъ за свои распоряженія и дѣйствія. Вотъ почему на безчисленные запросы и ревизіонныя требованія контроль сплошь и рядомъ не получаетъ отъ подотчетныхъ учрежденій никакого отвѣта.

И это не могло не отразиться на внутреннемъ ходѣ дѣлъ контрольнаго вѣдомства, которое само пропиталось тлетворнымъ бюрократическимъ ядомъ. Толстая пелена канцелярщины, какъ цѣпкая паутина, окутала ревизіонныя дѣла; тихо и вяло работаетъ контрольный аппаратъ, съ большимъ трудомъ ворочая свои покрытыя ржавчиной бюрократизма колеса. Производство ревизіонныхъ дѣлъ далеко отстаетъ отъ современности; ревизія страдаетъ неполнотой; нѣкоторыя отдѣльныя отчетности, иногда за цѣлый рядъ лѣтъ, вовсе не ревизуются, при чемъ встрѣчаются и такія, которыя даже не доставляются на ревизію въ контрольныя палаты и этими послѣдними не требуются; не имѣется должнаго наблюденія за своевременнымъ доставленіемъ отчетности, которая поэтому и поступаетъ весьма часто съ опозданіемъ; поступающая на ревизію отчетность, равно какъ переписка и дѣла нерѣдко находятся въ безпорядочномъ состояніи, такъ что представляется затруднительнымъ какъ наведеніе необходимыхъ справокъ, такъ и наблюденіе за срочнымъ исполненіемъ дѣлъ; распредѣленіе ревизіонныхъ работъ между отдѣленіями дѣлается невсегда цѣлесообразно и проч. (циркуляры по государственному контролю 6 іюня 1908 года № 22 и 24 сентября 1909 года № 35). Многіе изъ этихъ недостатковъ присущи даже центральнымъ учрежденіямъ контроля, какъ это видно изъ приказа по вѣдомству отъ 23 августа 1905 года за № 102.

Въ видахъ сохраненія полноты и правды, мы обязаны сказать, однако, что былъ въ жизни контрольнаго вѣдомства моментъ, когда блеснула надежда на обновленіе, на возстановленіе его независимости. Это было въ короткое управленіе вѣдомствомъ Д. А. Философова. Въ 1906 году Философовъ возбудилъ вопросъ о переустройствѣ государственнаго контроля въ соотвѣтствіи съ преобразованіемъ законодательныхъ учрежденій. Онъ вошелъ въ совѣтъ министровъ съ предложеніемъ выдѣлить государственнаго контролера изъ состава правительства съ сохраненіемъ за нимъ права участія въ совѣтѣ министровъ только по законодательнымъ дѣламъ, касающимся контрольнаго вѣдомства; самое же вѣдомство должно было быть, по его мнѣнію, реформировано на началахъ, приближающихъ его къ типу контрольныхъ установленій въ конституціонныхъ государствахъ. Но совѣтъ министровъ, опираясь на указъ 19 октября 1905 года, которымъ устанавливалось объединеніе дѣятельности высшаго правительства въ области управленія и законодательства, находилъ необходимымъ участіе въ совѣтѣ министровъ и государственнаго контролера, какъ начальника вѣдомства, сосредоточивающаго въ себѣ обширныя отчетныя данныя о всѣхъ почти отрасляхъ государственнаго хозяйства и располагающаго весьма цѣннымъ матеріаломъ для сужденій объ успѣшности и цѣлесообразности въ финансовомъ отношеніи различныхъ мѣропріятій. Съ другой стороны, совѣтъ министровъ находилъ, что участіемъ въ его составѣ государственнаго контролера нисколько не умаляется независимость и самостоятельность контрольнаго вѣдомства, такъ какъ его ревизіонная дѣятельность ни въ какомъ отношеніи не подлежитъ компетенціи совѣта министровъ, на предварительное обсужденіе котораго не должны вноситься ни всеподданнѣйшіе доклады госуд. контролера по ревизіоннымъ предметамъ, ни всеподданнѣйшіе отчеты, содержащіе въ себѣ, помимо вопросовъ бюджетнаго характера, оцѣнку дѣятельности министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями въ хозяйственномъ отношеніи. Притомъ же, указомъ 19 октября 1905 года не ограничивается, по мнѣнію совѣта министровъ, свобода сужденій государственнаго контроля и въ отношеніи оцѣнки имъ подлежащихъ его обсужденію законодательныхъ и смѣтныхъ предположеній. Болѣе того, самая возможность такой оцѣнки, говоритъ совѣтъ министровъ, чрезвычайно затруднилась бы для государственнаго контролера съ выходомъ его изъ состава этого совѣта, такъ какъ въ этомъ случаѣ государственный контролеръ не располагалъ бы многими свѣдѣніями о ближайшихъ задачахъ и нуждахъ государственнаго

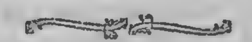
управленія, выясняющихся именно при устномъ обсужденіи дѣлъ въ совѣтѣ, и не имѣлъ бы данныхъ для сужденія о сравнительной важности, настоятельности и неотложности этихъ задачъ и нуждъ. По этимъ соображеніямъ совѣтъ министровъ отклонилъ проектъ Философова.

Затѣмъ въ началѣ февраля 1907 года государственный контролеръ Шванебахъ внесъ въ совѣтъ министровъ двѣ записки, касающіяся строя и условій дѣятельности государственнаго контроля, а также и нѣкоторыхъ вопросовъ, которые въ связи съ этимъ могутъ быть возбуждены въ Государственной Думѣ. Въ первой изъ нихъ онъ указываетъ на двѣ отрицательныя стороны въ жизни контроля: на непомѣрное разростаніе этого вѣдомства, доведшаго свой персоналъ до восьми тысячъ служащихъ, а расходы на содержаніе—до девяти слишкомъ милліоновъ рублей, и на полное безсиліе контроля. Въ виду этого онъ предлагаетъ первичную, счетную и кассовую ревизію, сличающую обороты съ документами и изслѣдующую движеніе государственныхъ суммъ съ точки зрѣнія формальной и ариѳметической правильности, передать распорядительнымъ управленіямъ, оставивъ на обязанности контрольнаго вѣдомства лишь ревизію расходовъ по существу. Безсиліе контроля, зависящее, по его мнѣнію, какъ отъ указанныхъ дефектовъ его строя, такъ и отъ неполноты и несовершенства самаго закона, регулирующаго ревизіонное дѣло, онъ предлагаетъ устранить путемъ изданія новыхъ правилъ по ревизіонной дѣятельности контроля, проектъ которыхъ онъ готовъ представить въ междувѣдомственную комиссію.—Въ другой своей запискѣ г. Шванебахъ, указавъ на то, что въ весенней сессіи Государственной Думы былъ возбужденъ (г. Кузьминымъ-Караваевымъ) вопросъ о реорганизаціи государственнаго контроля на началахъ выдѣленія его изъ общей системы министерствъ и установленія органической связи между контролемъ и Государственной Думой, высказываетъ свои соображенія о томъ, какіе отвѣты должны быть даны правительствомъ, если подобнаго рода вопросы будутъ возбуждены въ предстоящей сессіи Государственной Думы. Въ частности, вопросъ о выдѣленіи главы контрольнаго вѣдомства изъ состава совѣта министровъ онъ предлагаетъ отклонить на тѣхъ основаніяхъ, по которымъ совѣтъ министровъ отклонилъ въ свое время такой же проектъ государственнаго контролера Философова. На требованія со стороны Государственной Думы установленія органической связи между контролемъ и Думою Шванебахъ предлагаетъ отвѣчать такимъ образомъ. Контроль не можетъ быть реорганизованъ

такъ, чтобы стать въ зависимость отъ Думы и путемъ непосредственнаго сношенія съ нею получать отъ нея порученія, указанія и директивы. Но правительство согласно на преобразованіе этого вѣдомства въ смыслѣ присвоенія ему большей автономіи, ускоренія ревизіонной дѣятельности его и устраненія въ немъ чисто формальной и непроизводительной работы. Въ финансовыя комиссіи Думы не могутъ назначаться постоянные представители контроля; порученія же, возлагаемыя на этихъ чиновъ согласно статьѣ 41 учрежденія о Государственной Думѣ, должны всегда имѣть характеръ вполнѣ точный, опредѣленный, чтобы представители эти не имѣли права давать Думѣ какія-либо объясненія или свѣдѣнія внѣ предѣловъ даннаго имъ прямого порученія.— По вопросу о неполнотѣ ревизіонныхъ данныхъ, представляемыхъ въ отчетѣ контроля по исполненію государственной росписи, вслѣдствіе чего отчетъ этотъ является въ сущности отчетомъ бухгалтерскимъ, а не ревизіоннымъ, г. Шванебахъ предлагалъ объяснить Думѣ, что, кромѣ этого отчета, въ Думу будетъ вноситься дополнительно въ двухлѣтній срокъ заключеніе о ревизіи по существу оборотовъ бюджета, составленное примѣнительно къ заключеніямъ, представляемымъ на западѣ счетными палатами парламентамъ.—Совѣтъ министровъ согласился съ этими предположеніями Шванебаха, сдѣлавъ лишь оговорку, что полный отказъ отъ назначенія постоянныхъ представителей контроля въ думскія комиссіи представляется едва-ли цѣлесообразнымъ, а опредѣленнаго срока для представленія въ Думу ревизіоннаго заключенія контроля по существу расходовъ не слѣдуетъ назначать. Это постановленіе совѣта министровъ было утверждено 14 марта 1907 года.

Такъ рѣшено было ограничиться лишь незначительными улучшеніями, но и эти скромныя предположенія о реформѣ, послѣ 3 іюня 1907 года, даже получившія Высочайшее утвержденіе, были отложены въ сторону, какъ излишнія.

Михаилъ Кремяновскій.

СИБИРСКОЕ.

Мимоходомъ.

I.

Военное время. Поѣзду итти бы шажкомъ, а онъ, по-сибирски, катитъ не хуже экспресса.

Вагоны удобны, теплы, не тряски. За границей нѣтъ такихъ покойныхъ, приспособленныхъ для долгаго путешествія, дешевыхъ поѣздовъ. Неряшливо только у насъ, грязно и пахнетъ той особой вагонной вонью, которую сразу отличишь отъ всѣхъ другихъ непріятныхъ запаховъ. Доживемъ ли мы когда-нибудь до простого сознанья, которое должно подсказать намъ скромную истину: «не всѣ общественныя мѣста годятся для свалки отбросовъ и нечистотъ»?

Однажды, не помню хорошо, на какомъ участкѣ дороги, сидѣлъ я въ цѣломъ купе одинъ. Смѣнилась бригада и кондуктора облюбовали мѣста въ сосѣдствѣ со мной. Шумно вошли, небрежно усѣлись, поплевали направо, налѣво и принялись свертывать «козьи ножки». Купе было для «некурящихъ».

Я не переношу табачнаго дыма, а отъ махорки такъ просто тошнитъ меня.

— Не можете ли сказать,—обратился я къ одному изъ кондукторовъ, повидимому старшему, — для чего прибита здѣсь вотъ эта надпись?

И показалъ на крупныхъ размѣровъ жестянку, по которой красной масляной краской было отпечатано: «для некурящихъ». Видно было, что не я первый возлагалъ надежды на жестянку и не я первый разочаровался въ спасительности этого талисмана законности и порядка. Частица «не» носила слѣды упорной борьбы. Ее, видимо, соскабливали, затирали, снова подправляли,

подчеркивали. Кондукторъ молча, не поднимая глазъ въ мою сторону, вынулъ газету, разложилъ на колѣняхъ. «Козьи ножки» дымили то синимъ ѣдкимъ дымкомъ, то пыхали желтыми ѣдучими облаками.

Я повторилъ вопросъ, вложивъ въ тонъ своего голоса всю мягкость, какую сумѣлъ пріобрѣсть за пять лѣтъ жизни на западѣ.

— Не стоитъ вниманія! — получилъ, наконецъ, я отвѣтъ вмѣстѣ съ облакомъ вони.

— Все-таки? Зачѣмъ прибивать было?

— Некуда дѣть... вотъ и прибили! Необдуманно прибили!

— Да? Такъ знаете что? Давайте напишемъ сверху: «прибита необдуманно».

— Только и осталось. Потому—нижніе чины прибивали, безъ понятія, которые порядковъ не знаютъ. А вы должны то взять въ толкъ, что теперь военное время, на позицію табакъ везутъ цѣлыми вагонами, и именно махорку... потому признано, что польза въ ней, и безъ курева германца не одолѣть...

Я понялъ всю тщету своего деликатнаго протеста. Передо мной былъ тотъ, распространенный теперь въ Россіи, типъ, который могъ подо все рѣшительно подвести «идейныя основанія», начиная отъ модныхъ литературныхъ теченій вплоть до вагонной вони и грязи включительно.

Богъ съ ними. На мое счастье на вагонныхъ площадкахъ окна такъ небрежно были задѣланы, что открывались даже въ лютую стужу.

Миновали Уральскія горы. Горы... Послѣ Кавказа, Альпъ, даже Карпатъ и Балканъ странно звучитъ слово «горы» въ примѣненіи къ Уралу. И зачѣмъ только рисуютъ на географическихъ картахъ этого длиннаго желтаго широкозадаго червяка подъ именемъ Уральскихъ горъ? Когда поѣздъ выбѣгаетъ изъ ровной Башкиріи въ область «горъ», то первое чувство, которое родится, это — досада. Досадно, что вы ждали чего-то величественнаго, должны были взлетѣть куда-то, подняться, а вмѣсто того падаете, идете подъ уклонъ. Не горы это!—хочется крикнуть погромче,—а ямы. И почему бы не написать, въ самомъ дѣлѣ, «Уральскія ямы», вмѣсто «горъ». Не было бы обмана, не было бы досады.

Въ одномъ мѣстѣ только Уралъ дѣйствительно уподобляется горному хребту: это возлѣ Александровской сопки. Но зато и кружитъ здѣсь поѣздъ: добрыхъ три часа строитъ онъ загибы, петли, узлы, повороты. И справа, и спереди, и сзади, куда ни

глянь — все та же сопка и пара длинныхъ голенастыхъ мачтъ на ней. Мачты, говорятъ, поставлены для безпроволочнаго телеграфа.

Передъ Челябинскомъ уральская путаница сошла на-нѣтъ. Получилось впечатлѣніе, будто мы поднялись, взлетѣли въ область великой Сибирской равнины.

Дорога побѣжала по прямой линіи на востокъ.

Ѣдемъ сутки, вторыя, третьи, часы идутъ и на станціяхъ и у пассажировъ по-петроградски. Опять путаница, теперь ужъ во времени; въ одиннадцать часовъ дня сторожъ на станціи зажигаетъ огни, свѣтаетъ въ полночь... и, по-Пушкину: «удивленные народы не знаютъ, что начать, ложиться спать, или вставать»?

Однообразіе утомительное. Позади остались десятки большихъ и малыхъ остановокъ, а плоская мертвая степь не желаетъ ни на каплю измѣнить своего вида. Ни бугорка, ни рытвины, ни шалашика въ сторонѣ—ничего. Голое снѣжное поле и толпы мерзлыхъ березокъ, еле различаемыхъ въ мглистой, завѣшенной туманомъ, ровной дали—вотъ вся картина Сибири.

Попадаются станціи съ знакомыми именами: Курганъ, Петропавловскъ, Каинскъ... Особенно хорошо помнится Каинскъ, еще съ дѣтской поры. Ходили мужики изъ нашей деревни въ Сибирь ходоками. Два года ходили и пришли отягченные жуткими впечатлѣніями.

— Сибирь — это земля непроходная, земля непроѣздная: ни начала ей, ни конца. Лѣса стелятся на тысячу верстъ безъ межи, безъ просѣки, степи — на три тысячи верстъ, горы — и того дальше. Есть въ Сибири мѣсто: «Бѣлъ-горючъ-Камень», городъ есть Каинскъ...

И въ насъ, большеглазыхъ ребятахъ, созрѣла тогда увѣренность, что это тотъ самый Каинскъ, куда удалился отъ гнѣвнаго лица Божья первый братоубійца-ревнивецъ.

Разсказываютъ въ Сибири, что первыми поселенцами Каинска были каторжане и ссыльные, что нигдѣ въ Сибири не развито такъ воровство, какъ въ Каинскѣ и въ Каинскомъ уѣздѣ...

Странно.

Кондукторъ выкрикиваетъ имя большой станціи. Поѣздъ тяжело и нехотя останавливается. Выходишь на безъ мѣры просторный перронъ, глядишь вдаль мимо приземистыхъ и широкихъ, какъ все въ Сибири, станціонныхъ построекъ, ищешь глазомъ городъ, если ужъ не съ «теремами да садами», то, по меньшей мѣрѣ, съ привѣтливымъ золотымъ крестомъ на колокольнѣ, съ

красными, зелеными и всякими крышами на домахъ, съ дымками, гудками, собачьимъ лаемъ и озорными мальчишками, но—опять ничего.

То же розово-золотистое снѣжное поле, какъ и во время хода поѣзда, какъ и на маленькихъ остановкахъ. И если бы не выныривали одна за другой изъ мглистой дали мелко семенящія лошаденки съ метущимися позади санками и не тянулись бы по причудливо изломанной и изогнутой линіи,—нельзя было бы примѣтить дороги. А то вонъ она чуть бурѣющая разбитая сибирская дорога. Кто знаетъ, откуда идетъ она къ станціи, удлиняясь безъ всякаго смысла и экономіи въ тысячи ненужныхъ изгибовъ, колѣнъ, заворотовъ и «загогулинъ». Можетъ быть, ползетъ она червякомъ изъ близкаго, но почему-то невидимаго города, а можетъ быть, вьется изъ далека, или родилась даже въ мертвой степи, да въ степи же и умретъ, затеряется, какъ дѣлаютъ здѣсь многія безсильныя рѣчки.

То и дѣло обгоняемъ поѣзда съ плѣнными. Угрюмые, важные нѣмцы въ каскахъ и черныхъ шинеляхъ, обдерганные, длиннолицые, чумазые турки, австрійцы въ отрепьяхъ небесно-голубого цвѣта, суетливые, «глупые», точно пришибленные чѣмъ. То выглядываютъ, какъ голодные галчата изъ теплушекъ, то согнувшись въ три погибели бѣгутъ, спотыкаясь и падая, за кипяткомъ въ дальній конецъ безмѣрнаго сибирскаго перрона.

Съ полумистическимъ ужасомъ глядятъ эти люди на безконечную, одѣтую снѣгомъ Сибирь. Ѣдутъ, оказывается, по три недѣли, по мѣсяцу безпрерывно. Мнѣ понятенъ ихъ страхъ. Я самъ ѣду изъ Западной Европы сюда. Въ самомъ дѣлѣ, каково здѣсь чувствовать себя европейцу, привыкшему носиться въ желѣзнодорожныхъ поѣздахъ по центрамъ милліонныхъ городовъ, надъ крышами домовъ и фабрикъ, надъ людными улицами или въ безпрерывной каймѣ фермъ, дачъ, деревень и садовъ.

Время отъ времени въ поѣздъ поднимаются коренастые мужики въ папахахъ, пимахъ, въ полушубкахъ съ нашитыми по плечамъ красными погонами и съ тяжелыми ружьями. Становятся попарно въ дверяхъ и заявляютъ строгими голосами:

— Оспода пассажиры, по окнахъ не смотритя! оставайся кажной по своихъ мѣстахъ... Смирно!

И вскорѣ, ни вѣсть съ чего, обычное глухое рокотаніе поѣзда смѣняется звонкимъ тревожнымъ говоромъ вагоновъ, и поѣздъ весь, словно испугавшись, сбавляетъ прыти.

— Мостъ.—поясняетъ кто-нибудь равнодушно. И называютъ рѣку:—Тоболъ... Ишимъ... Иртышъ.

Забываешь про формальную строгость, спѣшишь заглянуть въ окно съ новымъ зарядомъ все еще не изсякшаго любопытства. Думаешь:

— Ага! вотъ онѣ прославленныя сибирскія рѣки

Ждешь величественной картины, крутыхъ береговъ... По берегамъ должемъ стлаться сине-зеленой каймой дѣвственный лѣсъ, а въ лѣсу прячется манящая тайна дикой красоты.

Опять—ничего. И непонятно даже, зачѣмъ поставленъ мостъ: та же невозмутимая снѣжная гладь подъ мостомъ, та же голая безбрежность вдали, и только чуть примѣтная голубая тѣнь впереди намекаетъ на присутствіе плоскаго, скучнаго берега. А на берегу—ни кустика, ни вербиночки.

— Да гдѣ же, наконецъ, эта ваша знаменитая тайга—спрашиваешь апатичнаго сибиряка, который способенъ сидѣть неподвижно цѣлыми часами, курить ужасную махорку и смотрѣть тупымъ, недумающимъ взглядомъ синихъ глазъ на концы своихъ богатырскихъ валенокъ, называемыхъ здѣсь пимами.

— А? что? тайга?—откликается сибирякъ, съ натугой отрываясь отъ задумчивости,—тайга будетъ. Потерпи, парень. Проѣдемъ сутки, что-ли... почнетъ тайга.

II.

Той же дорогой ѣхалъ я обратно въ апрѣлѣ. Весна стояла какъ разъ на переломѣ. Снѣгу уже не было, но не было еще и зелени на лугахъ. Рѣки пошли. У пристаней сопѣли бѣлотѣлые пароходы, по желто-сѣрымъ волнамъ ныряли смѣлыя лодочки, душегубки, на стрежнѣ темнѣми грузныя, глубоко сидящія свѣтлолобыя барки. Рѣки жили полной жизнью, а по далекимъ берегамъ вздымались синеватой каймой бугры наметаннаго полой водой льда.

Сибирскія рѣки—не какъ наша Волга. Волга бѣжитъ къ югу, вскрывается постепенно отъ низовья, и ледоходъ на ней плавный. Просторно плыть верховому льду по очистившейся раньше рѣкѣ. Да и не доплываетъ верховый ледъ до низовья, пѣной становится: чѣмъ ниже по Волгѣ, тѣмъ вѣдь теплѣй. Въ Астрахани весна на добрый мѣсяцъ раньше начинается, чѣмъ, напримѣръ, въ Нижнемъ. Не то въ Сибири. Всѣ рѣки здѣсь катятся къ сѣверу, отъ тепла на холодъ. Гдѣ-нибудь въ Семипалатинскѣ, напримѣръ, или въ Барнаулѣ—полный ледоходъ, а около Тобольска держится отличная санная дорога, и стоятъ

зимнія стужи. Поэтому здѣсь полая вода несетъ трудъ невѣроятный. Ледоходы здѣсь бурные. Ледъ защищаетъ каждый свой шагъ отъ напора полой воды и платится за это боками. Вода коверкаетъ его, крошитъ, ломаетъ, кладетъ пластъ на пластъ, перевертываетъ наизнанку, садитъ на мель и, въ концѣ-концовъ, мечетъ по берегамъ, громоздитъ въ ледяныя горы. А горы смерзаются и стоятъ, какъ гренландскіе глетчеры, украшая гигантскимъ ожерельемъ побѣдительницу-рѣку.

Сибирь изъ окна вагона весной совсѣмъ не та, что̀ была зимой. Весеннее небо здѣсь высокое, чистое, свѣтлое. Горизонтъ широкъ, воздухъ прозраченъ, несмотря даже на то повальное пожарище, которое представляли изъ себя въ это время сибирскія поля. Половина апрѣля—это пора, когда въ Сибири выжигаютъ старое жнивье, сорныя травы, болотныя заросли,—словомъ, все наслѣдіе прошлаго лѣта. Солнце въ это время садится въ кровавомъ заревѣ, и дали степей прячутся въ тягучей сѣрой мглѣ.

Сибиряки называютъ это: «пускать палы».

Сами по себѣ «палы» эти, немыслимые въ мѣстахъ съ густымъ населеніемъ, довольно красивы, особенно темными вечерами. На десятки верстъ вокругъ бѣгутъ припрыгивая и извиваясь огненныя змѣйки. Иногда огонь вьется гирляндами, иногда прячется за лѣсокъ и проглядываетъ оттуда десятками любопытныхъ кроличьихъ глазъ, а иной разъ окаймляетъ ожерельемъ изъ текучаго червоннаго золота озерцо и родитъ тысячи безпокойныхъ кровавыхъ бликовъ.

Однажды подъ вечеръ поѣздъ нашъ пронесся черезъ самую гущу «паловъ». Огонь, вползшій на насыпь, лизалъ свѣтящіяся линіи рельсовъ, впрыгивалъ на подножки вагоновъ, заглядывалъ въ окна, румянилъ клубы паровознаго мятаго пара и, подхваченный движущимся вслѣдъ за поѣздомъ безпокойнымъ воздухомъ, начиналъ отплясывать такой дикій, такой разудалый танецъ, что смѣялись ему даже несмѣшливые сибиряки.

И вотъ, несмотря на «палы» и густыя дымныя облака отъ нихъ, весна сумѣла развернуть жизнь тѣхъ самыхъ степей, которыя зимой казались мертвыми.

Березы, совсѣмъ незамѣтныя, стоятъ теперь на каждомъ шагу свѣтлыми толпами. Онѣ то опоясываютъ черноту выжженной пашни серебряными поясами, то вяжутъ по ней парчевое кружево, то, радуясь простору, отбѣгаютъ отъ подругъ въ сторону, дразня и маня за собой, то грудятся въ стыдливыя кучи, нагія, невинныя и пугливыя, съ вьющимися на вѣтру золотыми

косами... рабыни, только-что привезенныя съ далекаго сѣвера на невольничій рынокъ Каира.

Смотришь на нихъ, и кажется, что не молчатъ онѣ, а перекликаются тонкими дѣвичьими голосами, смѣются и перешептываются... О чемъ грустятъ, чему рады, о чемъ переговариваютъ,—Господь ихъ вѣдаетъ.

Особенно свѣтлы и невинны онѣ на утреннемъ солнцѣ. Вся степь тогда окрашена характеромъ этого исконнаго русскаго дерева.

И почему не хотѣлось примѣчать ихъ зимой?

Порой на горизонтѣ проплываетъ синеватая кайма хвойныхъ зарослей, блеснетъ поверхъ дыма крестъ колокольни, взмахнетъ одинокимъ крыломъ вѣтрянка, покажутся и пропадутъ ометы бурой прошлогодней соломы, и теплѣй становится на сердцѣ:

— Живутъ люди и тамъ, гдѣ не ждалъ...

Но жаль почему-то этихъ людей. Завидишь жилье: бревенчатую русскую избу съ бѣлыми косяками, соломенный дворъ, плетни, красныхъ бабъ на задворкахъ въ обществѣ одинокаго голубого австрійца, нанятаго, вѣроятно, по условію съ воинскимъ начальникомъ, и встоскуешься съ чего-то. Родится въ груди нелѣпое желаніе, чтобы сняться съ мѣста деревнѣ, закружиться-закружиться въ вихрѣ и вмѣстѣ со всѣми жителями перенестись отсюда на югъ, гдѣ и зимой прозрачное небо, гдѣ растутъ не однѣ березки, но и яблони, груши, гдѣ зрѣетъ виноградъ, гдѣ тѣнь даютъ яворы и чинары.

Можетъ быть, и хорошо, что зимой не видно этихъ деревень, еще тоскливѣе было бы на сердцѣ.

У большихъ станцій теперь замѣтны большіе поселки съ грязными улицами, полными вывѣсокъ, съ навозными дворами и чуть зеленѣющей травкой по гривкамъ канавъ. А вдали, верстъ за шесть, а, можетъ быть, и за всѣ двѣнадцать, маячатъ въ голубой дымкѣ тѣ самые города, въ которые вовсе не вѣрилось зимой.

Открыла весна и озера. Множество озеръ свѣтло-стальныхъ, пустынныхъ. Плывутъ мимо по обоимъ краямъ дороги. Большія озера по много верстъ въ длину и малыя, похожія больше на полевые прудки. Не знаю, высыхаютъ ли они жаркимъ лѣтомъ, или остаются на круглый годъ съ водой. Незамѣтно на водѣ ни барокъ, ни плотовъ, ни даже лодокъ. Если что и виднѣется живое, такъ это стада дикихъ утокъ и бѣлыя пушинки перелетныхъ лебедей.

Въ одной изъ мѣстныхъ газетъ читалъ я объявленія о томъ, что озера сдаются въ аренду подъ рыбную ловлю. Значитъ, они еще и рыбныя. Почему только нѣтъ на нихъ ни тоней, ни развѣшенныхъ по жердямъ сѣтей, ни шалашей съ кострами по берегу?..

Часы мои шли по мѣстному времени, и я не хотѣлъ переводить ихъ ни на какое другое.

При проѣздѣ черезъ Обь я замѣтилъ, что солнце сѣло въ семь съ половиной. Ровно черезъ сутки, уже за Иртышемъ, оно закатилось въ восемь съ минутами.

На третьи сутки родилась у меня счастливая мысль: прослѣдить всю процедуру солнечнаго заката съ часами въ рукахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, поѣздъ нашъ бѣжитъ по прямой параллели съ востока на западъ, слѣдовательно, мы догоняемъ солнце. Конечно, намъ не сравняться съ нимъ въ скорости, иначе мы не видѣли бы ночи совсѣмъ. Но все же, интересно посмотрѣть, на сколько мы отъ него отстаемъ.

Близко былъ уже Челябинскъ, и «палы» здѣсь «прошли», такъ какъ, чѣмъ дальше на западъ, тѣмъ теплѣе, и весна вскрывается раньше. Мимо давно бѣжали луга въ прозелень съ пучками обильно цвѣтущаго вѣтренника, березки съ готовыми распуститься почками. Да, видимо, и «палы» здѣсь вовсе выводятся, такъ какъ населена мѣстность значительно гуще: боятся пожаровъ.

Стрѣлки моихъ часовъ были близки къ половинѣ девятаго, когда я выбралъ удобную для наблюденія площадку вагона съ открытыми на обѣ стороны окнами.

Солнце висѣло надъ горизонтомъ приблизительно на аршинъ высоты. Съ такого разстоянія обычно оно прячется совсѣмъ за горизонтомъ въ пять-шесть минутъ не больше.

Что-то теперь произойдетъ?

Косые лучи мягко, ласкающе стлались по нѣжному молодому лугу, заигрывали съ чуть дышащими на вѣтру цвѣтами, румянили невинную наготу березокъ, а когда поѣздъ подставлялъ ему окна, оно лизало ихъ краснымъ языкомъ, и, смѣясь, прыгало по бѣгущимъ впереди рельсамъ веселыми огненными точками.

Прошло пять минутъ, восемь, а солнце, казалось, стоитъ на той же высотѣ. Припоминаются дни Іисуса Навина. Вѣроятно, и тогда было то же... если только было.

Поѣздъ несется, по меньшей мѣрѣ, со скоростью одной версты въ минуту. Громъ, клокотъ, шипъ отъ него стелется по

степи, а поверху разметалась бѣлесая, отороченная текучимъ золотомъ грива. Вдругъ, ровно въ сорокъ минутъ девятаго, вагонъ на полномъ ходу далъ мнѣ такого нежданнаго тумака въ затылокъ, что я съ трудомъ удержался на ногахъ. Поѣздъ пошелъ тише и тише, солнце исчезло, и только по золотящимся верхушкамъ березъ понялъ я, что надо смотрѣть съ лѣваго борта.

Кинулся къ окну, а его уже нѣтъ. Что-то черное, лохматое взмахнуло рукавомъ, и огненный шаръ погасъ моментально.

Потухли луга, посѣрѣли березы, поѣздъ осунулся и, усталый, сталъ больше и больше сбавлять ходу. Колеса загромыхали по стрѣлкамъ, значитъ—станція.

— Досада! Не пришлось довести до конца наблюденій...

Закрылъ часы, хотѣлъ идти въ вагонъ, какъ поѣздъ снова дернулъ и усилилъ ходъ. Оказалось,—не станція, а полустанокъ, гдѣ скорые поѣзда не останавливаются. И въ этотъ мигъ грива паровознаго пара вновь заклубилась огнемъ, вновь зардѣлась луговина, заулыбались березки.

— Слава Богу! Солнце еще не ушло!

Въ сорокъ двѣ минуты девятаго оно вновь показалось изъ-за облака и коснулось нижней кромкой синей полосы Приуральскихъ лѣсовъ. Только стало оно теперь въ три-четыре раза обширнѣе прежняго, суровѣе, краснѣе и гуще. Можно было смотрѣть на него ужъ безъ темныхъ очковъ.

По прежнимъ наблюденіямъ я зналъ, что съ того момента, когда солнце коснется нижнимъ краемъ горизонта, и до того, когда исчезнетъ отъ него послѣдняя огневая точка,—проходитъ ровно три минуты и тридцать секундъ. Поэтому я съ точностью до одной секунды замѣтилъ время и сталъ ждать.

— Только бы поѣздъ не сбавилъ хода, и не подвернулась бы непрошенная станція.

Прошло три минуты, и еще три минуты. Солнце погружалось въ синеву, но дотого медленно, что порой думалось: ужъ не зацѣпилось ли оно за что-нибудь?

Прошло девять минутъ, оно погрузилось почти на три четверти, но все еще слало вверхъ кроваво-огневые лучи, и видно было, какъ лучи эти пучками вонзались въ безпомощное небо, роптали, силились кого-то убѣдить въ чемъ-то...

Времени пятьдесятъ три минуты девятаго, а солнце все еще борется, огневая дуга еще высится надъ малиновыми лѣсами, еще слѣпитъ глаза.

Предательскій поѣздъ подвелъ: снова сталъ сбавлять ходу, снова запрыгалъ по стыкамъ и стрѣлкамъ и теперь уже остановился совсѣмъ.

— Станція!

И въ эту секунду какъ разъ послѣдняя искорка солнечнаго блеска нырнула за погустѣвшій горизонтъ. Нырнула и больше не показывалась. Я точно примѣтилъ время: было двадцать четыре минуты и шестнадцать секундъ. Значитъ, вмѣсто трехъ съ половиной минутъ, оно пряталось двѣнадцать минутъ съ секундами.

И долго послѣ того горѣла заря, но я усталъ слѣдить, усталъ волноваться. Полуослѣпшій вернулся въ вагонъ, задремалъ.

Разговоры.

I.

О чемъ говорятъ въ Сибири?

Первымъ долгомъ, конечно, какъ и во всемъ мірѣ, говорятъ о войнѣ, о жестокости и хитрости нѣмцевъ, о необходимости ихъ побѣдить.

Говорятъ о внезапно постигшей Россію трезвости и такъ говорятъ, словно первый разъ въ жизни очутились люди не съ похмѣлья, очистили мозги отъ винныхъ паровъ и первый разъ получили возможность оцѣнить какъ слѣдуетъ состояніе длительной трезвости... какъ выздоровѣвшіе сумасшедшіе. Но окончательно ли выздоровленіе, или только временный проблескъ,— сказать не рѣшаются даже самые пылкіе трезвенники.

Если тысячу лѣтъ жила, развивалась, почиталась незыблемой формула св. Владимира: «Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того быти», то, вѣдь, въ исторіи Сибири водка играла еще большую роль, нежели въ коренной Россіи.

Можно сказать, что Сибирь и завоевана была водкой. Водка была все время носительницей нашей отечественной культуры тамъ, водка и преступники. Безъ водки не было бы сибирской торговли, сибирскихъ промысловъ, покорности сибирскихъ инородцевъ, и, можетъ быть, безъ нея русскій человѣкъ не «очалдонился бы», не выработалъ бы въ себѣ стойкости къ 50 и 60-градуснымъ морозамъ, къ «гнусу», ко всѣмъ лишеніямъ сибирской «таежной» жизни. Девять десятыхъ сибирскихъ интере-

совъ, радостей и горестей было сосредоточено на водкѣ, и вдругъ—водки не стало!

Какъ перенесется и перетерпится такое положеніе?

Ѣхалъ я на пароходѣ. Болѣе тысячи только-что призванныхъ ополченцевъ были «погружены» въ одномъ пунктѣ и переправлялись въ другой. Пѣсни, карты, показная удаль и разговоры...

На нижней кормовой палубѣ не по-сибирски бойкій парень разсказывалъ внимательной толпѣ, какъ онъ призывался къ «Японской войнѣ»:

— Сами знаете, какая у насъ грязь возлѣ станціи. И вотъ, лежатъ по ней, какъ борова въ жаркій день. Иного ужъ совсѣмъ засосало, лежитъ, только борода наружи, по уши, а въ рукѣ бутылка. Приложится: буль-буль-буль... Отниметъ ото рта, цѣловать примется бутылку: «Голубынька ты моя, усыпительная... Дай тебѣ, Господи, многая лѣта, и тому-то, кто тебя выкурилъ. И отцу нашему, цѣловальнику»... Ужъ онъ причитатъ-причитатъ... Что вы думаете, команду высылали вытаскивать. Многіе такъ и кончились тамъ, кого засосало навовсе, кто опился...

Слушатели съ серьезной задумчивостью качали головами, нѣкоторые вставляли осуждающія замѣчанія:

— Много отъ нея было, язви ее въ сердце!

— Пропади она, язва...

— Да, хорошаго не было! — строго подтвердилъ общее осужденіе водкѣ разсказчикъ, самъ принялся съ какой-то суровой торопливостью свертывать «цыгарку».

Мнѣ захотѣлось подшутить надъ этими людьми, или скорѣе провѣрить свое сомнѣніе относительно искренности ихъ сѣтованій.

Выждавъ, когда парень подниметъ голову, я подмигнулъ ему, сказалъ самымъ простымъ, невиннымъ тономъ:

— А недурно бы теперь бутылочку!

Парень кинулъ въ мою сторону испуганный взглядъ, чуть не выронилъ «цыгарки» изо рта, потомъ повеселѣлъ, что-то понявъ, самъ подмигнулъ мнѣ, поднялъ кулакъ, стукнулъ себя по колѣну:

— Эхъ! трёшницу бы отдалъ!..

Заключилъ слова ругательствомъ и въ голосъ вложилъ столько жадности, столько тоски и желанья, что я раскаялся въ своей шуткѣ.

Спустя нѣсколько часовъ, въ сумеркахъ, парень постучалъ въ окно моей каюты и шепотомъ, просительно заговорилъ:

— Можетъ, и на самомъ дѣлѣ найдется у вашей милости? Ей-ей, трёшницу отдамъ, а?

Большихъ усилій стоило увѣрить его, что я только пошутилъ. Онъ отошелъ съ видомъ обваренной заживо курицы, а на палубѣ за угломъ его поджидали другіе...

Говорятъ еще сибиряки о коопераціи. Много говорятъ, страстно. Видимо, разговоры эти уже не молоды, не со вчерашняго дня. Въ обиходный языкъ введены новыя для русскаго языка слова, понятія, и никто ихъ уже не оспариваетъ.

— Мы поступаемъ вполнѣ кооперативно!—слышишь чье-нибудь завѣреніе. И никто не проситъ разъяснить: что же надо разумѣть подъ словомъ «кооперативно»?

Кто-нибудь другой возражаетъ:

— Нѣтъ, мы имѣемъ полное основаніе упрекнуть Балакшина въ некооперативномъ отношеніи къ дѣлу!

«Кооперативны» разговоры. Ихъ слышишь въ вагонѣ третьяго класса, второго и даже перваго. Слышишь ихъ на станціи, на почтѣ, въ гостиницѣ; въ крестьянской избѣ, въ гостиной мѣстнаго денежнаго туза, въ кабинетѣ ученаго и политическаго дѣятеля. Всюду: «Кооперативно», «некооперативно». «Балакшины».

Фамилія Балакшиныхъ наиболѣе популярная сейчасъ изъ всѣхъ сибирскихъ фамилій. Отъ нея произведены нарицательныя: «балакшинцы», «балакшинизмъ»... И все въ связи съ коопераціей.

Какихъ-какихъ кооперацій нѣтъ въ Сибири: кредитныя, потребительныя, маслодѣльныя, пчеловодныя, по продажѣ въ армію сѣна, овса, артели золотопромышленниковъ, чистыхъ земледѣльцевъ, и такъ безъ конца.

О нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, о «Союзѣ сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей», основателями котораго и являются Балакшины, имѣется богатая литература. Но пришлось мнѣ натолкнуться здѣсь и на такіе виды коопераціи, о которыхъ я слышалъ впервые.

Вотъ, напримѣръ, разсказъ одного машиниста съ понизоваго парохода, плавающаго по Оби:

— Тамъ (въ низовьяхъ Оби), конечно, просторъ пока полный...

Жить можно трудолюбивому человѣку, ежели бы не «гнусъ». Гнусъ донимаетъ. Въ лѣтнюю пору дохнуть не моги. Такъ люди и ходятъ въ коростѣ да болячкахъ. Спальню себѣ по причинѣ гнуса на столбахъ примащиваютъ: четыре сохи, въ родѣ разсадника, на сохахъ постель. На землѣ подъ постелью — огонь, гнилушки жгутъ. Тамъ только и уснешь, гдѣ дымъ погуще..

— Чѣмъ же, собственно, тамъ промышляютъ?

— Жители-то? Разнымъ промышляютъ: бѣлку бьютъ, горностая, рыся. Медвѣдь подвернется—не побрезгуютъ медвѣдемъ. Теперь только пушнина пала въ цѣнѣ, съ войной, а прежде, когда шла въ Лейпцигъ,—въ цѣнѣ была. Артели такія составлялись, охотничьи, «охотничья кооперація»... Кромѣ того, рыбалкой выручаются не дурно. Прежнее время эта часть хромала: рыбу дѣвать было некуда. Повѣрите, наши пароходскіе черную икру бочками вывозили, безъ копѣечки.

— Безплатно?

— Даромъ. Инородецъ глупъ былъ, самъ не ѣлъ, а цѣнъ никакихъ. Пристанетъ пароходъ къ берегу за дровами, смотришь — рыба очищена, прибрана, а икра въ ворохахъ гніетъ. Бери, не жалко! Теперь тоже артели пошли и въ этой части. Заводовъ понаставили: маринуютъ, коптятъ, впрокъ заготовляютъ, на рынокъ. Сады тоже имѣютъ.

— Сады?

— Сады. Кедровые. У каждаго села непремѣнно пространство съ кедровникомъ отгорожено. Въ нашихъ мѣстахъ поскотину такъ городятъ мужики, для скота, а тамъ—садъ, заплотомъ обнесенъ, общественный. До поры никто не смѣетъ кедровникъ тотъ опустошать. Время придетъ—выходятъ всѣмъ обществомъ для сбора. Соберутъ, обсушатъ, отвѣютъ и въ городъ Томскъ, на продажу. Продадутъ, — тогда ужъ дѣлежка. Иной годъ хорошо выручаются.

У машиниста широкое бородатое лицо, спокойная, размѣренная рѣчь съ сибирской интонаціей и полная увѣренность въ себѣ, словно ему хорошо извѣстна вся правда міра. Видишь и вѣришь, что человѣкъ этотъ не затоскуетъ о «праведной землѣ», не почнетъ «искать Бога»...

Въ Сибири много такихъ спокойныхъ, увѣренныхъ лицъ. И сибиряки любятъ свою глухую, до нашихъ дней загадочную, суровую родину.

«Сто рублей—полушка, сто верстъ—игрушка»—говорятъ они, когда хотятъ охарактеризовать размахъ своей жизни, своихъ сибирскихъ потребностей. А со стороны смотришь и думаешь: къ чему весь этотъ размахъ, если въ году восемь мѣсяцевъ зимы съ непролазными сугробами, буранами, вьюгами, если таятся еще по деревьямъ кровожадныя рыси, спятъ по берлогамъ великаны медвѣди?

Сибирь—искони страшное слово для россійскаго человѣка. Но оказывается, родину любятъ не за ея внѣшнюю красоту, не

за природу, не за климатъ, а за то, что она родина. И не кажется смѣшнымъ даже, когда видишь, что любовь эта заставляетъ людей дѣлать явно нелѣпые выводы изъ очевидныхъ фактовъ. Съ какимъ, напримѣръ, напряженнымъ энтузіазмомъ говорятъ сибиряки объ «исключительныхъ» подвигахъ сибирскихъ войскъ на войнѣ.

«Благодаря сибирскимъ войскамъ мы удерживаемъ Варшаву. Усиліями сибиряковъ мы опрокинули нѣмцевъ въ Августовскихъ лѣсахъ. Сибирскіе полки дрались на Козювкѣ»... Словомъ, если бы не сибирскіе стрѣлки, которые, какъ извѣстно, прирожденные охотники,—быть бы Россіи подъ нѣмецкой пятой. Не даромъ нѣмцы жалуются: «мы-де объявили войну русскому царю, а на насъ пошелъ и сибирскій король»...

И вотъ, если хотите прогнѣвить такого восторженнаго патріота сибиряка, то скажите ему ту очевидную правду, которую онъ и самъ въ глубинѣ души подозрѣваетъ:

— Позвольте, да вѣдь на войнѣ составъ полковъ мѣняется. Можетъ быть, въ первый день сраженія сибирскіе полки состояли дѣйствительно изъ сибирскихъ жителей, а потомъ убыль пополнилась людьми изъ разныхъ концовъ Россіи.

Или другое, еще болѣе обидное для «правовѣрнаго» сибиряка:

— Сибиряки состоялъ на три четверти изъ новоселовъ, которыхъ вы сами не признаете за «сибиряковъ». Они, по вашимъ словамъ, не выносливы, не привычны къ лишеніямъ, не охотники...

И дѣйствительно, исконные сибиряки, какъ интеллигенты, такъ и крестьяне, не любятъ новоселовъ, не признаютъ ихъ своими и, въ пылу спора, готовы наговорить про новосела такъ много нехорошаго, что жутко становится.

Въ основѣ своей такое бранчливое, чтобъ не сказать непріязненное, отношеніе къ новоселу различно, пожалуй, у мужиковъ и интеллигентовъ. У мужика свои причины, житейскія, практическія, которыя, что называется, можно пощупать рукой. У интеллигента—свои, особыя, болѣе туманныя. Мужикъ-старожилъ не любитъ новосела по причинамъ экономическимъ и бытовымъ. Новоселъ стѣснилъ старожила въ землѣ, въ пастбищахъ, въ «удоволахъ», принесъ съ собой непривычное трехполье, къ которому надо приспособляться. Вольной, залежной системѣ хозяйства пришелъ конецъ и пришелъ съ запада, изъ Россіи, на плечахъ замореннаго нуждой новосела. Еще больше причинъ жаловаться на новосела у старожила «кержака»-старовѣра.

«Кержакъ» видитъ, что новоселъ не одинъ наводняетъ Сибирь, а ведетъ за собой «никоніанство», поповъ, дьячковъ, дьаконовъ, а тѣ вводятъ «ругу», т.-е. принудительные для «кержацкаго» меньшинства сборы на содержаніе этого духовенства.

Симпатіи интеллигентовъ въ этомъ разладѣ всецѣло на сторонѣ старожиловъ. Сама интеллигенція объясняетъ это вообще отталкивающими сторонами всего новосельческаго быта и, наоборотъ, привлекательнымъ характеромъ житейскаго склада коренныхъ сибиряковъ.

Новоселы,—говоритъ обыкновенно интеллигенція,—грязны, живутъ въ неопрятныхъ избахъ вмѣстѣ со скотомъ, не дружны, часто среди нихъ попадаются воры, низкопоклонничаютъ передъ духовенствомъ и подличаютъ передъ начальствомъ... Другое дѣло—старожилы. Тѣ чистоплотны, развиты, независимы, трудолюбивы и т. д. Не трудно замѣтить, однако, невольную, или скорѣе привычную предвзятость во всѣхъ этихъ похвалахъ. Дѣло въ томъ, что въ Сибири, съ легкой руки «сепаратистовъ», или, какъ ихъ правильнѣе называютъ, «областниковъ», выдающимся представителемъ которыхъ являлся покойный Ядринцевъ,—господствуетъ убѣжденная (основательная, или нѣтъ—другое дѣло) увѣренность въ превосходствѣ всего сибирскаго надъ кореннымъ русскимъ.

Сибирская интеллигенція—видите ли—демократичнѣй, постояннѣй и болѣе работяща, нежели «интеллигенція метрополіи». О сибирскомъ мужикѣ, разумѣется, и говорить нечего. Сибирскій купецъ и тотъ охотнѣй благотворитъ, пожели русскій... И если чего не хватаетъ Сибири, чтобъ окончательно опередить всю Россію, такъ это земства. О земствѣ Сибирь молится на всѣ лады, денно и нощно, И сибирская печать видитъ въ земствѣ панацею отъ всѣхъ бѣдъ рѣшительно, забывая при этомъ что «земская-то Россія» и шлетъ въ Сибирь новосела.

Во всей этой, подчасъ слѣпой влюбленности въ родину кроется много положительнаго, цѣннаго и даже трогательно милаго. Наблюдается, напримѣръ, здѣсь стремленіе создать свою сибирскую литературу, свою живопись и даже музыку. Молодые беллетристы, среди которыхъ есть и таланты, любовно вскрываютъ невѣдомыя доселѣ глубины народнаго сибирскаго быта, особенно быта туземцевъ: киргизовъ, калмыковъ, алтайцевъ. Съ заразительной страстностью поютъ красоты сибирской Швейцаріи—Алтая.

Художники даютъ картины того же Алтая въ краскахъ. Составляются и издаются «Сибирскіе альманахи», «Сибирскія

хрестоматіи». И надо сказать, что эта новая сибирская литература не—«литература о Сибири», каковой до сихъ поръ были произведенія Максимова что-ли, Тана и даже Короленко, хотя и высоко-талантливаго, но все-же чужого человѣка. Новая, молодая беллетристика—это подлинная Сибирь, нутряная, глубинная. И если Гребенщиковъ—не такъ ярокъ и сочень, какъ Короленко, зато онъ подлиннѣе въ смыслѣ сибирской жизни, къ нему не прилипли сибирскіе снѣга и морозы, сибирская «гололедь», «джуть»—онъ вылитъ изъ нихъ, ими обвѣтренъ съ пеленокъ, словно снѣгуръ. Новоселовъ не такой мастеръ на выдумки и викуртасы, какъ Танъ, зато вѣренъ жизни, подлиненъ. Новоселову можно вѣрить...

И поверхъ всего этого «областники» дали о Сибири много свѣдѣній чисто научныхъ изъ области этнографіи, археологіи, исторіи и географіи края, изучили жизнь растительную и животную, близко подошли къ быту и вѣрованіямъ многочисленныхъ инородческихъ группъ и племенъ.

А сибирская кооперація,—ей-то ужъ вполнѣ по праву можетъ гордиться интеллигентъ-сибирякъ.

Союзъ.

I.

Это слово, маленькое по написанію и колоссальное по значенію, удалось мнѣ почувствовать на одной изъ пристаней сибирской рѣчки.

Ранней весной, когда рѣка только-что вскрылась, употребивъ первую мощь прибылой воды на взломъ льда и очистку фарватера, когда еще главное половодье ожидалось, и пароходы, покинувъ затонъ, погудывали пробными неувѣренными вскриками, шелъ я по безконечно грязному, но уже заваленному разнымъ хламомъ и товарами побережью.

Тамъ, гдѣ стояли пристани сибирскихъ торговыхъ компаній, народу было не въ проръзъ. Толпились тысячи, можетъ быть, десятки тысячъ разнаго люда,—Господь его знаетъ: празднаго, или занятаго чѣмъ, или только ждущаго дѣла... Повсюду рѣзко выдѣляясь изъ общаго желто-краснаго тона, шныряли въ своихъ сѣро-голубыхъ шинеляхъ плѣнные австрійцы, торопились, не умѣя скоро ходить на негнущихся кривыхъ ногахъ, грузчики-киргизы, низкорослые, ширококостые, напоминающіе всѣмъ

складомъ породистаго англійскаго бульдога. Одна и та же скорбная, смущенная улыбка украшала ихъ одинаковыя плоскія коричневыя лица. Безъ этой улыбки они всѣ, вѣроятно, были бы страшны, а теперь каждому въ отдѣльности и всѣмъ сразу хочется сказать ласковое:

— Салей комъ маляй!

Говорили мнѣ, что эти киргизы закабалены пароходными компаніями на всю навигацію, и кабальныя условія мало чѣмъ отличаются отъ тѣхъ, въ которыхъ русское простонародье работало на помѣщичьихъ поляхъ до 1861 года.

Тутъ же въ толпѣ, словно заглавныя буквы на мелко исписанной страницѣ, красовались величаво-гордыя фигуры иностранцевъ, экспортеровъ, что-то высматривающихъ, къ чему-то приглядывающихся. Плосколицые, равнодушные ко всему китайцы-прачки, одѣтые по послѣднимъ парижскимъ картинкамъ, созерцали толпу, перекидывались другъ съ другомъ неуловимыми короткими гортанными словечками.

Плакали бабы, бренчали балалайки, ругались хриплые мужскіе голоса, и разудало, лихо врывалась откуда-то сбоку въ общій гулъ берегового напряженія густоголосая солдатская пѣсня:

Соху въ руки не беремъ,
Просто денежки гребемъ:
По три денежки на день,
Куда хочешь, туда дѣнь:
Хоть на шило, хошь на мыло,
Чтобы дѣвочкамъ хватило...

Въ такой толпѣ возможно было двигаться не скорѣе одного шага въ минуту, да и то, если работать локтями.

Я шелъ внизъ по теченью, и чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ проще, бѣднѣй стояли пароходы, тѣмъ рѣже была толпа и легче шагалось...

Вдругъ, въ самомъ уже концѣ, гдѣ кончилась цѣпь пристаней, меня закружило новое оживленіе. Опять толпа. Не такая, какъ прежде, не пестрая: безъ австрійцевъ, безъ киргизовъ и ругани, безъ пѣсенъ и иностранцевъ, но все же оживленная, работающая и торопящаяся, русскія бородатыя лица, кудреватыя головы, плечи въ ситцевыхъ и домотканныхъ рубахахъ, на плечахъ мѣшки.

Мѣшки, мѣшки, мѣшки... тянутся непрерывной вереницей съ берегового сарая на баржу. Другая вереница катящихся бочекъ, третья—бѣгущаго за грузомъ порожняго люда. На баржѣ

и подъ сараемъ приказчики съ карандашами въ зубахъ, съ записными тетрадями. Приказчики ничѣмъ не отличаются по внѣшности отъ грузчиковъ: тѣ же кудреватыя русыя бороды, тѣ же косоворотки и домодѣльные «пинжаки», та же напряженная дѣловитость въ повадкѣ... только и разницы,—что одни носятъ кули и катаютъ бочки,—другіе считаютъ, пишутъ, соображаютъ... Вокругъ бабы: чего-то ждущія, терпѣливыя, нѣкоторыя съ грудными ребятами на рукахъ.

Похоже на муравейникъ передъ дождемъ.

Я пристальнѣй вглядѣлся въ баржу и на бѣломъ головномъ помостѣ прочиталъ четкую черную надпись: «Союзъ».

Это была баржа «Союза сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей». Грузили ее артельщики масломъ и овсомъ, проданнымъ крестьянами-союзниками въ интендантское вѣдомство на нужды арміи.

Трудно передать чувство, которое взволновало въ тотъ моментъ мою грудь. Рядомъ два дѣловыхъ сборища людей. Въ первомъ пестро, крикливо, шумно, тѣсно, но никакого толка, никакого плана. Каждый, отдѣльно выхваченный изъ общаго, казалось бы, оживленія—всѣмъ чужой, ненужный и, вѣроятно, враждебный человѣкъ. И ему всѣ ненужны, враждебны, можетъ быть, ненавистны. Ничто людей не связываетъ, кромѣ случайнаго совпаденія нуждъ, и нуждъ различныхъ, пестрыхъ, въ большинствѣ противуположныхъ.

Какъ легко здѣсь можетъ вспыхнуть паника, какъ легко могутъ люди кинуться другъ на друга съ поднятыми кулаками, съ перекошенными отъ злобы лицами. Сколько соблазновъ залѣзть въ чужой карманъ, сколько подозрительныхъ взглядовъ на каждаго случайнаго сосѣда. И какъ цѣпко и бдительно охраняютъ здѣсь карманы, тюки съ товарами и багажемъ... Сколько зависти, подозрительности и «безпричинной» злобы. И надъ всѣмъ, словно ястребъ надъ метущимся стадомъ голубей, царитъ «ращеть»: стремленіе нажить насчетъ того, кто оплошаетъ. Общипать, ободрать «ближняго».

И тутъ же, въ двухъ стахъ шагахъ другая толпа, организованная, одушевленная однимъ общимъ лозунгомъ: «одинъ за всѣхъ, и всѣ за одного». Словно та самая картина страшнаго суда, которую показалъ Владиміру Святому греческій проповѣдникъ: направо въ свѣтломъ покоѣ—праведники, налѣво, въ кипящей пучинѣ—грѣшники.

Вслѣдъ за живымъ потокомъ поднялся я на барку «Союзъ» и увидалъ на причалѣ со стрежневого борта среднихъ размѣровъ пароходъ съ именемъ: «Кооператоръ».

Вотъ онъ гдѣ символъ будущаго демократической Сибири.

II.

Для того, чтобы въ теченіе семи лѣтъ создать въ полудикой, собственно, Сибири сотни раскиданныхъ на громадномъ пространствѣ артелей, объединить эти артели въ одинъ общій союзъ, довести обороты этого союза до *двадцати* милліоновъ рублей въ годъ, затѣмъ, въ нѣдрахъ союза развить страстную борьбу изъ-за первенства, съ одной стороны, и новыхъ порядковъ—съ другой, и, наконецъ, не пожалѣть этого юнаго колосса кооперацін, расколоть его пополамъ, въ надеждѣ, что онъ, подобно растительной клѣткѣ, продолжитъ свой ростъ и двуликимъ,—для всего этого нуженъ такой могучій запасъ энтузіазма, такая кипучая вѣра въ свое будущее, въ народъ, въ устойчивость извѣстныхъ принциповъ, какой обладаютъ, видимо, только сибиряки.

Энтузіазмъ у нихъ юношескій, вѣра—первыхъ вѣковъ нашей эры. Вотъ картинка одного изъ засѣданій общаго собранія уполномоченныхъ артелей, бывшаго въ Курганѣ въ февралѣ этого года.

«Въ напряженной атмосферѣ прошли всѣ дни засѣданій,—сообщаетъ корреспондентъ газеты «Жизнь Алтая». Въ одномъ изъ засѣданій старикъ Балакшинъ, разволновавшись, назвалъ алтайцевъ «наемниками экспортеровъ».

Въ залѣ поднялся невообразимый шумъ. Балакшинъ, спохватившись, попытался принести извиненія. Ему не дали говорить, и онъ, махнувши рукой, вышелъ изъ зала.

Въ это время входитъ въ залъ уполномоченный Барнаульскаго района Иванъ Максимовичъ Гридинъ, поднимается на каѳедру и говоритъ:

— Товарищи уполномоченные! Сейчасъ въ помѣщеніе собранія кто-то подкинулъ мальчика въ возрастѣ одного мѣсяца, съ запиской: «примите младенца Ѳедора, крещеный, отъ роду—мѣсяцъ; Христа ради, примите». Предлагаю взять мальчика на воспитаніе, на средства Союза.

Предложеніе покрывается взрывомъ апплодисментовъ.

Сейчасъ же начали обсуждать вопросъ: какое отчество и какую фамилію дать мальчику.

Одни предлагаютъ величать его по имени Балакшиныхъ—Андреевичемъ или Александровичемъ; единогласно рѣшили величать его Ивановичемъ, по имени уполномоченнаго Гридина.

Какую дать фамилію? раздаются голоса:

— Союзный... Кооперативный... Кооператоровъ...

Рѣшили:

— Союзовъ-Сибирскій.

Гридинъ поднимается на каѳедру и говоритъ:

— Воспитаемъ нашего нареченнаго сына и пожелаемъ, чтобы онъ былъ директоромъ Союза сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей.

Тутъ же рѣшено было послать его на воспитаніе въ одно изъ соотвѣтствующихъ учрежденій Москвы или Петрограда и дать ему впослѣдствіи высшее образованіе; вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшено о случившемся довести до свѣдѣнія подлежащаго начальства для внесенія этого факта въ книги.

Этотъ маленькій эпизодъ сразу же внесъ успокоеніе въ напряженнную атмосферу собранія.

А алтайцы видятъ символъ въ томъ, что извѣстіе о подкинутомъ мальчичѣ уполномоченный Барнаульскаго района принесъ тогда, когда Балакшинъ-старикъ, оскорбивъ уполномоченныхъ, махнулъ на нихъ рукой и вышелъ изъ зала.

Они вѣрятъ во все: и воспитательные дома выростятъ и довоспитаютъ ихъ «Ѳедора Ивановича Союзова-Сибирскаго», доведутъ даже до высокаго директорскаго званья, и Союзъ самъ будетъ живъ-здоровъ до той поры, не распадется, не будетъ съѣденъ промышленниками и спекулянтами, вѣрятъ въ символы... Тутъ же на съѣздѣ колютъ свой Союзъ на куски и вѣрятъ въ его полное благополучіе въ будущемъ.

Не эта ли вѣра двинула гору, сплотивъ сотни тысячъ народу, развивъ милліонное дѣло, согрѣвъ «холодный разсчетъ» до температуры «идейнаго единенія».

До 1908 года—говорятъ историки Союза—въ Сибири существовали единичныя, тамъ и сямъ разбросанныя маслодѣльныя артели. Мысль объ объединеніи ихъ въ Союзъ носилась въ воздухѣ. Нуженъ былъ лишь иниціаторъ, который сумѣлъ бы сплотить ихъ въ одну крупную организацію. Попытки были во многихъ мѣстахъ, но наиболѣе дѣятельнымъ и умѣлымъ организаторомъ оказался старикъ Балакшинъ, «артельный дѣдушка».

Балакшинъ объединилъ 65 курганскихъ артелей, сомкнулся съ существовавшимъ въ Барнаулѣ «союзомъ частныхъ маслодѣльныхъ экспортеровъ», и дѣло стало развиваться, какъ Бова Королевичъ въ юности. Въ слѣдующемъ году въ Союзѣ уже числилось 108 артелей, черезъ годъ—181, въ 912 году—328, на слѣдующій годъ—563 артели. Наконецъ, ко дню общаго собранія этого года, оказавшагося для Союза злополучнымъ, число объединенныхъ артелей выросло до 700, по другимъ свѣдѣніямъ — 824, а домохозяевъ-артельщиковъ 300 тысячъ. Это ли не сказка! Но на этомъ, видимо, и кончается гигант-

скій ростъ Союза, такъ какъ расколъ, намѣтившійся еще до общаго собранія, на собраніи обозначился съ крайней опредѣленностью. Балакшины хотя и остались у власти, однако, прошли незначительнымъ большинствомъ голосовъ. Болѣе десятка лучшихъ работниковъ Союза, занимавшіе отвѣтственныя мѣста завѣдующихъ конторами и складами, при томъ въ самыхъ бойкихъ городахъ Сибири, въ видѣ протеста «противъ произвола Балакшиныхъ и балакшинцевъ, выразившагося въ неоднократномъ нарушеніи союзнаго устава и элементарныхъ правилъ кооперативной этики»—оставили мѣста. И, какъ результатъ раскола, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Барнаулѣ было положено начало новому Союзу, Алтайскому.

Какъ съ энтузіазмомъ строили дѣло, такъ съ тѣмъ же энтузіазмомъ и рушатъ его. Къ счастью, рушатъ не для погребенья, а въ цѣляхъ возрожденья и еще большаго расцвѣта.

Удастся ли, покажетъ недалекое будущее.

Балакшины.

I.

Ихъ трое: отецъ, «дѣдушка Балакшинъ» и два сына. Отецъ организаторъ Союза, сынъ—директоръ. Второй сынъ, собственно, никакого оффиціальнаго отношенія къ Союзу маслодѣльныхъ артелей не имѣетъ, но такъ какъ ему принадлежитъ механическій заводъ, выдѣлывающій сепараторы, масленки и вообще принадлежности для маслодѣлья, которыя сбываются по артелямъ, то и этого, третьяго Балакшина, не забываютъ причислить къ двоимъ первымъ.

Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось видѣть въ лицо ни одного изъ Балакшиныхъ, не привелось съ ними познакомиться. Почти все, что я слышалъ о нихъ,—слышалъ отъ противниковъ, отъ сторонниковъ той оппозиціи въ Союзѣ, которую называютъ: «алтайцы». Поэтому я не буду передавать здѣсь той личной характеристики Балакшиныхъ, на которую, естественно, не скупятся «алтайцы».

Припомню лишь одинъ разговоръ съ человѣкомъ, который не причислялъ себя ни къ «алтайцамъ», ни къ «балакшинцамъ» и который лично знакомъ съ «дѣдушкой Балакшинымъ». Человѣкъ этотъ—редакторъ одной изъ мѣстныхъ газетъ, ратующей за сохраненіе Союза въ цѣлости.

— Старикъ Балакшинъ,—говорилъ мнѣ редакторъ,—человѣкъ, несомнѣнно, честный. Энтузіастъ, аскетъ какой-то... Не разъ въ бесѣдахъ со мной онъ развивалъ свои планы. Союзъ, по его мысли, не только освободитъ отъ засилья иностранныхъ скупщиковъ сибирское маслодѣлье, пчеловодство, хлѣбную ссыпку... онъ организуетъ на новыхъ началахъ все крестьянское хозяйство. «Посмотрите, сколько энергіи въ алтайскихъ горныхъ рѣчкахъ, водопадахъ,—мы до нихъ доберемся! Наставимъ заводовъ, мельницъ! Пустимъ электрическую силу на тысячу верстъ въ глубь страны! Мы переродимъ всю Сибирь!»

— И, глядя на аскетическій блескъ въ глазахъ молодого старика, глядя на эту бурную энергію, я не могу не вѣрить ему, — продолжалъ редакторъ, — да и теперь вѣрю... могучій старикъ!

Разговоръ этотъ былъ въ срединѣ зимы. Въ началѣ апрѣля на одномъ изъ совѣщаній «алтайцевъ», гдѣ пришлось быть, въ качествѣ гостей, мнѣ и редактору, редакторъ все еще защищалъ свой взглядъ на Балакшина. Но вотъ, при выѣздѣ моемъ изъ Сибири, мнѣ прислана газета со статьей того же редактора. Судя по статьѣ, редакторъ по-прежнему остается не «алтайцемъ» и не «балакшинцемъ». Въ ряду другихъ, присланныхъ статей и вырѣзокъ изъ разнообразныхъ сибирскихъ изданій, его статья наиболѣе благопріятна для Балакшиныхъ. И все же въ ней сказано:

«Главнымъ виновникомъ кризиса (въ Союзѣ) слѣдуетъ признать, конечно, Балакшиныхъ. Противъ нихъ выдвинуто очень много обвиненій, порой принимающихъ совершенно недвусмысленный уголовный характеръ»...

Хотя:

«Фактическій матеріалъ не позволяетъ *пока* (курсивъ мой) присоединиться къ послѣднимъ (обвиненіямъ), и положеніе вещей намъ рисуется нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ большинству его (Балакшина) страстныхъ обличителей»...

Но, несомнѣнно:

«Въ Курганѣ (т.-е. въ центрѣ Союза, въ лицѣ Балакшина) образовался маленькій союзный Ватиканъ со своимъ папой, своими кардиналами».

«При такой тактикѣ самомнѣнія диктаторскихъ приказовъ неизбѣжны очень крупныя ошибки, послѣдствія которыхъ очень тяжело отзываются на всемъ союзномъ дѣлѣ, и исправить которыя нѣтъ возможности, такъ какъ своихъ ошибокъ диктаторы не признаютъ».

Что же случилось, если несомнѣнно искренніе, совершенно безкорыстные защитники Балакшиныхъ заговорили такимъ языкомъ?

Достаточно указать на два-три факта:

1. Въ сибирской печати были опубликованы извѣстными лицами пункты, обвиняющіе Балакшиныхъ въ злоупотребленіяхъ по управленію дѣлами Союза.

Балакшины приглашались: или дать печатно исчерпывающія все дѣло объясненія, или привлечь обвинителей къ коронному суду за клевету, или, наконецъ, выступить на судъ общественной совѣсти, очевидно, третейскій.

Балакшины ни того, ни другого, ни третьяго не сдѣлали.

2. Въ городѣ Ново-Николаевскѣ намѣчено было къ созыву районное совѣщаніе мѣстныхъ артельщиковъ, чтобы выслушать докладъ уполномоченныхъ, вернувшихся съ курганскаго съѣзда. Представитель Балакшиныхъ, Грохольскій, съ вѣдома дирекціи, добился того, что *полиція* не допустила совѣщанія.

3. Когда завѣдующій одной изъ крупнѣйшихъ конторъ Союза, Барнаульской, сдѣлавшей торговыхъ оборотовъ на полтора милліона рублей въ годъ, подписалъ на курганскомъ общемъ собраніи протестъ противъ дѣйствій Балакшиныхъ, то дирекція телеграфно извѣстила прокурора барнаульскаго окружнаго суда о происшедшей въ барнаульской конторѣ растратѣ.

Судебный слѣдователь, приступивъ къ дознанію, никакой растраты не обнаружилъ. Все было цѣло, сохранно. Лица, обвиненныя въ растратѣ, дѣйствовали во всемъ согласно закона и устава Союза.

Вотъ факты. Отъ нихъ не отречешься, не откажешься.

Кромѣ этихъ фактовъ, рисующихъ общественную физіономію г.г. Балакшиныхъ не совсѣмъ въ привлекательномъ видѣ, сибирская печать всѣхъ оттѣнковъ валитъ на ихъ голову еще болѣе крѣпкія вины.

Особенно сильно было негодованіе газетъ по поводу,—выражаясь по-сибирски,—«некооперативнаго» поведенія Балакшиныхъ все на томъ же курганскомъ съѣздѣ уполномоченныхъ.

Просматриваешь матеріалы, ищешь: гдѣ бы прочитать хоть одно слово защиты, самозащиты ли?

Вотъ оффиціальный органъ Союза: «Народная Газета». «Алтайцы» зовутъ его «епархіальными вѣдомостями». Издается онъ подъ редакціей А. А. Балакшина.

Беру номера, въ которыхъ по предположенію должны быть напечатаны протоколы общаго собранія уполномоченныхъ, этого

юридическаго хозяина Союза. И что же? Нахожу въ одномъ номерѣ перечень телеграммъ и поздравленій, которыми собраніе обмѣнялось въ первый день съ почетными лицами и учрежденіями. Парадъ—и больше ни одного слова.

Въ слѣдующемъ номерѣ прямо-таки ничего, словно и общаго собранія не было, или было, но ограничилось однѣми привѣтствіями и телеграммами.

Затѣмъ, еще въ слѣдующемъ напечатано жирнымъ шрифтомъ буквально вотъ что:

«Въ отчетахъ газетъ объ общемъ собраніи уполномоченныхъ Союза сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей, происходившаго 20 февраля—5 марта, напечатанныхъ въ «Курганскомъ Вѣстникѣ» и другихъ, многіе факты указаны неправильно или совершенно извращены».

Все. Больше нигдѣ ни строчки.

II.

Весь смыслъ существованія Союза сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей заключается въ томъ, чтобъ при его помощи сливочное масло сибирскихъ крестьянъ помимо скупщиковъ и спекулянтовъ переправлялось на центральные рынки Западной Европы и тамъ продавалось за максимальную цѣну. Въ значительной части, видимо, Союзъ отвѣчаетъ своему назначенію, такъ какъ сибирскіе мужики охотно организуются въ мѣстныя артели, артели охотно объединяются въ Союзъ, чтобы при его посредствѣ сбывать артельное масло на рынокъ.

Правда, не всѣ артели въ Союзѣ, многія изъ нихъ предпочитаютъ сбывать свое масло частнымъ экспортерамъ. Въ Сибири масса иностранныхъ фирмъ, главнымъ образомъ, датскихъ, скупающихъ масло и отправляющихъ его на свою родину.

Можетъ быть, существованіе бокъ-о-бокъ съ Союзомъ частныхъ скупщиковъ масла и говоритъ о плоховатой постановкѣ союзнаго дѣла, но все-же, благодаря Союзу, экспортерамъ приходится довольствоваться гораздо меньшимъ процентомъ, чѣмъ было раньше, до Союза.

Потому-то такъ и обидной показалась союзникамъ фраза «дѣдушки Балакшина»:

— «Наемники экспортеровъ»!

Но въ кооперативномъ дѣлѣ мало—быть независимымъ отъ

экспортеровъ. Необходимо быть независимымъ и отъ «факторовъ»-посредниковъ, и отъ крупныхъ торговцевъ оптовиковъ и тѣхъ «мірскихъ захребетниковъ», которые наиболѣе охотно льнутъ къ «общественному пирогу», къ «мірской говядинкѣ».

А такова ли общая организація союзнаго дѣла въ Сибири, чтобы никто со стороны не имѣлъ права возвратить «дѣдушкѣ Балакшину» его фразу:

— Наемники экспортеровъ!

Фундаментъ всему союзному дѣлу мужикъ, объединенный въ артели. Онъ обязанъ контрактомъ и уставомъ Союза всѣ удои слить въ артельный сепараторъ.

Сами мужики, какъ извѣстно, любители подурачиться насчетъ своихъ бѣдъ и напастей, такъ говорятъ:

Сепараторы въ заводахъ
День и ночь вездѣ гудятъ.
Всѣ, мечтая о доходахъ,
Молоко въ заводъ тащатъ.
Голодаютъ ребятишки—
Молока имъ не даютъ.
А съ обрата телятишки,
Какъ отъ стужи мухи мрутъ...

Это—первая стадія. Въ случаѣ убытковъ, растраты «на верху», или долговъ—мужикъ отвѣчаетъ не только поставленнымъ для продажи масломъ, но всѣмъ своимъ достояніемъ.

Вторая стадія, это—когда масло поступаетъ въ одну изъ районныхъ конторъ Союза. Здѣсь, изъ денегъ, полученныхъ «сверху», мужику выдаютъ авансъ, до 90 процентовъ рыночной стоимости. Остальные послѣ, когда масло будетъ продано на лондонскомъ рынкѣ, и когда будутъ получены барыши. Если же барышей не будетъ, то рѣчь снова можетъ коснуться «о всемъ достояніи», при этомъ уже «всемъ достояніи» цѣлаго района, такъ какъ районныя конторы, самыя доходныя, отвѣчаютъ (круговая порука) за убытки конторъ мало-доходныхъ, или убыточныхъ.

Нечего говорить, насколько выгодна такая «круговая порука» центру Союза, если онъ балансируетъ между враждебными партіями. Есть полная возможность держать наготовѣ сколько угодно бездоходныхъ, а потому вѣрныхъ центру, районовъ и артелей и черезъ нихъ быть когда угодно и въ какомъ угодно большинствѣ.

Послѣ того масло поступаетъ въ распоряженіе «Юніона», который уже не связанъ никакими драконовскими обязатель-

ствами: хочетъ—беретъ масло, хочетъ—бракуетъ, хочетъ—своимъ торгуетъ, хочетъ—чужимъ. Но «Юніонъ» опять-таки—не окончательный хозяинъ масла и не свои деньги тратитъ на покупки. «Юніонъ» связанъ контрактомъ съ лондонскимъ «маслянымъ королемъ»—Ландсейлемъ, который уже и является настоящимъ продавцомъ сибирскаго масла равно, какъ и датскаго, финскаго, австрійскаго и т. д., изъ его капитала идутъ и 90 процентовъ, радующіе мужика, который «молоко въ заводъ тащитъ».

Любопытенъ одинъ пунктъ договора съ этимъ Лансдейлемъ:

Если бы Союзъ сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей,—говорится въ немъ—пожелалъ прикончить свои договорныя обязательства къ Лансдейлю, то онъ *обязанъ* предупредить объ этомъ за три года и при томъ: въ первые два года долженъ выплатить ему, Лансдейлю, всѣ долги (теперь ихъ около трехъ милліоновъ), а въ теченіе третьяго года поставлять все свое масло Лансдейлю для комиссіонной продажи безъ всякихъ предварительныхъ полученій и авансовъ.

Иными словами—300 тысячъ сибирскихъ мужиковъ должны уплатить въ первые два года Лансдейлю по десять рублей со двора долгу, а на остальные, по меньшей мѣрѣ два же года, дать ему въ долгъ около двадцати милліоновъ рублей (годовой оборотъ Союза), что составитъ по *67 руб.* съ человѣка, въ среднемъ.

Такимъ образомъ, въ верху лѣстницы стоитъ Лансдейль. Отъ него, очевидно, до англійскаго рабочаго, въ силу закона симметріи, идетъ тоже рядъ ниспадающихъ ступеней, а на ступеняхъ этихъ стоятъ какіе-нибудь англійскіе Балакшины.

Все это въ порядкѣ вещей, можетъ быть, но что это за промежуточная организація «Юніонъ», какое отношеніе имѣетъ онъ къ коопераціи?

Оказывается, «Юніонъ» по-русски называется: «Союзъ сибирскихъ кооперативныхъ товариществъ, основанный въ Лондонѣ». Адресъ его: New Hibernia Chambers, London Bridge. S. E. Предсѣдателемъ правленія «Юніона» состоитъ Александръ Николаевичъ Балакшинъ, отецъ Андрея Александровича Балакшина, предсѣдателя правленія Союза сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей.

Два предсѣдателя: отецъ и сынъ находятся другъ къ другу въ договорныхъ отношеніяхъ. Отецъ въ старшемъ обществѣ, а сынъ—въ младшемъ. Сына выбрали въ предсѣдатели сибиряки-союзники. Отца не выбрали, такъ какъ «Юніонъ» не зависимъ отъ Сибирскаго союза (напротивъ), но отецъ и безъ

того авторитетенъ, ибо онъ организаторъ Союза С. м. а., онъ «дѣдушка».

Кромѣ старика Балакшина, въ «Юніонѣ» состоятъ: Лансдейль и Барухъ.

Кто—Лансдейль, мы знаемъ. А Барухъ *или* Борухъ, что-ли? Вотъ, что разсказывается о Барухѣ въ одномъ изъ оффиціальныхъ докладовъ, прочитанныхъ на Барнаульскомъ районномъ совѣщаніи Союза:

«Послѣ того, какъ организовался Союзъ, Балакшинъ написалъ въ «Торгово-Промышленной Газетѣ» статью о томъ, что въ Сибири объединились маслодѣльныя артели, но онѣ не знаютъ, какъ и куда сбывать масло. Статью прочиталъ Барухъ и попросилъ Балакшина пріѣхать въ Петроградъ: «я-де нашелъ для васъ выходъ». Балакшинъ поѣхалъ, и въ результатѣ было заключено условіе съ англійской фирмой «Вилле и Ралле».

Фирма эта обанкротилась. Снова обратились къ Баруху. Барухъ нашелъ фирму Лансдейль. Сначала Лансдейль бралъ масло на твердый счетъ, а потомъ отказался. Вотъ тогда-то и составилось въ Лондонѣ акціонерное товарищество «Юніонъ» съ капиталомъ въ милліонъ съ чѣмъ-то рублей. Товарищество: «Балакшинъ, Барухъ и Лансдейль». Съ нимъ-то и вошелъ Союзъ сибирскихъ артелей въ договорныя отношенія».

Никто изъ сибирскихъ союзниковъ не знаетъ устава «Юніона». Много разъ просили «дѣдушку» обнародовать его, но тотъ все время отговаривался тѣмъ, что «не переведенъ-де на русскій языкъ, а перевести некому».

Такъ до сихъ поръ «не переведенъ», съ 912-го года.

Извѣстно только, что ревизовать дѣлъ «Юніона» Сибирскій маслодѣльный союзъ не имѣетъ права. И когда, бывшіе въ Лондонѣ сибиряки-экскурсанты попробовали пойти въ контору и склады «Юніона»,—то имъ было заявлено, что съ переводчикомъ они не будутъ допущены.

И все же экскурсантамъ какимъ-то образомъ удалось вскрыть одну весьма странную бухгалтерскую махинацію.

По прежнимъ дѣламъ у Союза былъ долгъ въ 60 тысячъ рублей. Балакшины не провели этого долга ни по книгамъ, ни въ отчетахъ. Деньги эти выдалъ имъ Лансдейль и потомъ сталъ вычитать долгъ, прибавляя по 5 коп. на бочку комиссіонныхъ расходовъ.

Обстоятельство это сыграло крупную роль въ «курганскомъ расколѣ», такъ какъ отчетъ правленія Союза остался не утвержденнымъ и бухгалтеръ правленія снялъ съ него свою подпись.

Вслѣдствіе этого Балакшины должны были перешагнуть черезъ параграфы устава: поставивъ вопросъ о довѣріи, они настояли на выборѣ правленія до утвержденія отчета.

Правда, или нѣтъ, но уполномоченные на собраніи отъ алтайскихъ артелей разсказывали о такихъ способахъ фальсификаціи большинства. Такъ какъ собраніе происходило въ Курганѣ, алтайцамъ далеко было ѣхать и накладно, то они послали уполномоченныхъ отъ нѣсколькихъ артелей по одному. Алтайцы обладали десятками голосовъ каждый; курганцы же съѣхались по одному человѣку отъ каждой артели. И вотъ, стали ставиться вопросы на простое голосованіе, поднятіемъ рукъ.

— Что тутъ подѣлаешь! — возмущаешься, протестуешь, а все же вѣдь больше-то двухъ рукъ не поднимешь! Насъ горсть—ихъ орава. Поди, перекричи ихъ. Запротестовали, подали заявленіе и ушли!

Балакшины остались у власти. И какъ остались, какъ повели себя!

Послѣ того, какъ представители алтайскихъ артелей, обладавшіе 325 голосами, объявили курганское собраніе дѣйствующимъ не по закону, ушли съ него, рѣшивъ образовать свой особый алтайскій союзъ, и собрались съ этой цѣлью въ Барнаулѣ подъ руководствомъ только-что оклеветанныхъ Балакшинымъ лицъ, зря обвиненныхъ въ растратѣ,—отъ Балакшина изъ Москвы получается телеграмма:

— Я—въ Москвѣ, на собраніи акціонеровъ «Народнаго банка». Такъ какъ вы, алтайцы, акціонеры этого банка, то сообщите телеграфомъ довѣренность съ передачей мнѣ права вашихъ голосовъ. Нотаріальную пришлите по почтѣ...

Что это? Чрезмѣрно умный дипломатическій ходъ, или манія величія?

Разсказывали мнѣ, что когда-то, давно въ Якутскѣ сошелъ съ ума губернаторъ. Сошелъ и началъ чудить: раззоряетъ купцовъ—терпятъ, оскорбляетъ чиновниковъ — въ порядкѣ вещей, поретъ розгами встрѣчныхъ-поперечныхъ,—строгій губернаторъ... Зашелъ въ тюрьму, велѣлъ обезглавить преступниковъ, — чего лучше! Посадилъ на колъ нѣсколькихъ, попавшихся на глаза якутовъ,—что-жъ... можетъ и по закону...

Долго терпѣли, все выносили, но вотъ однажды сумашедшій приказалъ схватить чью-то корову и посадить на колъ...

И тутъ сообразили, въ чемъ дѣло, послали куда слѣдуетъ гонцовъ съ донесеніемъ.

Можетъ быть, и Балакшины скоро посадятъ на колъ корову?

Киргизы.

I.

На какой-то большой станціи пассажиры обновились. По обыкновенію: сперва было просторно и оставшіеся размѣстились по симпатіямъ, потомъ стало тѣсно, и въ концѣ-концовъ очутились: «въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ».

Послѣ всѣхъ плотной гурьбой вошли въ вагонъ киргизы. Было ихъ человѣкъ восемь. Держались такъ, словно бы ихъ пригласили на обѣдъ въ богатый домъ, упрашиваютъ сѣсть за столъ на почетномъ мѣстѣ, а они, «тихіе», кобенятся, стѣсняются.

И старые и молодые съ лицами отчеканенными изъ нечищеннаго томпака.

Чеканка плохая, такъ какъ всѣ безъ пути скуластые, ушастые, съ пухлыми вѣками и незамѣтными носами. Вмѣсто глазъ искорки. Смотрятъ откуда-то изнутри, наивные и вмѣстѣ съ тѣмъ пытливые. Точь въ точь молодые крысята, первый разъ въ жизни выглянувшіе на вольный свѣтъ.

У всѣхъ на тонкихъ губахъ одна и та же извиняющаяся улыбка, точно виноваты въ томъ, что родились на вольный свѣтъ и лишаютъ другихъ людей глотка воздуха.

Они не спорили изъ-за мѣстъ, не шумѣли, не разговаривали даже другъ съ другомъ. Выждали, когда все успокоилось, и скромненько одинъ за другимъ заняли мѣста, очищенныя для нихъ наиболѣе совѣстливыми пассажирами.

До сихъ поръ мнѣ приходилось видѣть киргизовъ не у себя дома, а на сторонѣ. Видѣлъ ихъ, пріѣзжавшихъ съ табунами степныхъ коней въ Саратовъ и Самару, видѣлъ на Нижегородской ярмаркѣ, видѣлъ на выставкахъ... Тамъ казалось понятнымъ ихъ поведеніе, но здѣсь? Вѣдь, вонъ, за окномъ ихъ родныя степи, можетъ быть, по близости кочевье, зимникъ, табунъ... Почему же они, исконные жители этихъ мѣстъ, такъ стѣсняются, робѣютъ? Неужели это потомки тѣхъ самыхъ Кучумовъ, Едигеровъ, Алеевъ и другихъ «князьцевъ», которые съ храбрымъ отчаяніемъ дрались съ вольницей Ермака и Кольца? Вѣдь не такъ-то давно все это было, должна же остаться въ характерѣ народа хоть тѣнь воинственности, повадка, осанка, хоть одинъ внѣшній признакъ...

А можетъ быть, вся исторія покоренія Сибири—одна сплошная буфонада, въ родѣ «усмиренія русской революціи» Пуришкевичемъ и Дубровинымъ? Почему, въ самомъ дѣлѣ, Ермаку, голова котораго была оцѣнена и предназначена къ плахѣ, не выкинуть такой фортель? Вѣдь никто не провѣрялъ его. Ему и атаману Кольцо повѣрили на слово. Правда, тамъ были «именитые люди Строгановы». Но чѣмъ отличишь Строгановыхъ отъ всѣхъ подобныхъ имъ «именитыхъ людей» всего міра, напримѣръ, первыхъ англійскихъ капиталистовъ въ Новой Зеландіи, гдѣ отъ туземнаго населенія остались къ нашему времени лишь смутныя воспоминанія. Взять плантаторовъ южныхъ штатовъ Америки, совершившихъ великое переселеніе негрскаго племени изъ одной части свѣта въ другую. Взять германскихъ колонизаторовъ Замбези, которые до нашихъ дней охотились одинаково: какъ на львовъ и страусовъ, такъ и на бушменовъ съ зулусами.

Да и потомъ, развѣ не на нашихъ глазахъ современные «именитые люди» нанимали, какъ и Страгоновы же, на свой счетъ стражниковъ, урядниковъ, ингушей и черкесовъ... тоже своего рода Ермаки Тимоѳеевичи.

На подобнаго рода размышленія наводитъ еще такое обстоятельство.

Какъ извѣстно, Ермакъ—покоритель Сибири, развилъ свою побѣдоносную дѣятельность только въ одной, сравнительно незначительной области, именно: отъ Урала до низовьевъ Иртыша, то-есть, «въ сферѣ вліянія» «именитыхъ людей» Строгановыхъ.

Сибирь тянется на тысячи верстъ далѣе на востокъ, на югъ и юго-востокъ. Однако, никакихъ опредѣленныхъ лицъ «покорителей» этихъ колоссальныхъ пространствъ, мы не знаемъ.

Въ руки мнѣ попала здѣсь книга. Называется она: «Памятная книжка Западной Сибири», издана въ Омскѣ, въ 1881 году. Въ книгѣ этой нашелъ я «Хронологическій перечень событій, относящихся къ исторіи Западной Сибири».

На 52 страницѣ «перечня» содержится слѣдующая любопытная замѣтка: «1582 годъ. Воевода Василій Пелепелицынъ сообщаетъ въ Москву, что грабежи Ермака и его товарищей возмутили инородцевъ. Іоаннъ IV посылаетъ опальную грамоту Строгановымъ, но, узнавъ отъ прибывшаго къ нему Ивана Кольцо о покореніи Сибири, прощаетъ Ермака, жалуетъ его шубой, панцырями и проч.»

Замѣтка эта не только подтверждаетъ косвенно мои предположенія, но бросаетъ также довольно недвусмысленную тѣнь на все посольство Ивана Кольцо. Навѣрное Кольцо былъ по-

сланъ въ то самое время, когда «именитые люди» почувствовали подъ собой колебаніе почвы... Во всей исторіи сквозитъ, мнѣ кажется, не столько «покореніе», сколько та тонкая политика, которую и въ наше еще время крупные промышленники и «колонизаторы» ведутъ по отношенію къ своимъ правительствамъ.

Какъ бы тамъ ни было, а «покоренные» Ермакомъ люди сидѣли въ вагонѣ, и разговоръ между пассажирами свернулъ на нихъ. Говорили беззастѣнчиво, громко и грубо, словно киргизы были не люди, а что-то въ родѣ безсловеснаго животнаго. Посмѣялись надъ тѣмъ, какъ они зиму и лѣто ходятъ въ мѣховомъ, какъ конину «лопаютъ», какъ «дуютъ» кумысъ... А потомъ заговорили о томъ переломѣ, который наблюдается въ настоящее время во всемъ киргизскомъ быту.

Полный пожилой человѣкъ медвѣжьяго склада,—по всему видно — крупный посѣвщикъ — просвѣщалъ насъ, нѣсколькихъ россіянъ:

— Вотъ! взять, къ примѣру, этихъ гололобыхъ чертей. Сколько времени барахтались, не хотѣли жить подъ нашу стать. Коней пасутъ по степи тысячами, овецъ, верблюдовъ... а къ чему, спрашивается, держать животину безъ пользы? Конь—онъ долженъ пахать! Съ коровы масло возьми... Въ это они не вникали. Жили такъ себѣ: сѣю-вѣю. Перебьются зиму въ деревнѣ, да и деревня-то, прости Господи, пакость... Чуть взмыло снѣгъ,—айда въ степь! Въ юртахъ живутъ. Куда вѣтромъ дунетъ,—туда и дорога! А вотъ, пришло время,—образумились, сѣютъ...

И вдругъ обратился къ молодому лобастому киргизу:

— Пашешь, вѣдь? а?

Бронзовыя, чуть рябоватыя щеки киргиза зардѣлись румянцемъ, въ глубокихъ черныхъ глазкахъ метнулся испугъ. Онъ не только не отвѣтилъ на рѣзкій вопросъ, но отшатнулся въ сторону, словно на него замахнулись.

Зато сосѣдъ его, пожилой, сутулый киргизъ, отозвался съ готовностью:

— Пашемъ... псѣ пашемъ.

— Видишь!—торжествующе повысилъ голосъ сибирякъ,—научились-таки!

— Навчилъ... псѣ навчилъ,—подтвердилъ пожилой, улыбаясь все съ той же застѣнчивой привѣтливостью.

Я не мало читалъ о томъ, какъ переселенческое вѣдомство урѣзаетъ киргизскія пастбища подъ переселенческіе участки, какъ переселенцы прижимаютъ киргизовъ, какъ тѣснѣй и тѣснѣй становится жить номаду по старинѣ, по примѣру дѣдовъ—

прадѣдовъ. Читалъ объ упорной неспособности киргизовъ жить осѣдло, благодаря чему ихъ не берутъ даже въ солдаты. Читалъ о повальныхъ все чаще и чаще повторяющихся падежахъ скота, о «джутѣ» и другихъ стихійныхъ бѣдствіяхъ, которыя обязательно должны повести киргизскую народность къ полному вымиранію. Мнѣ казалось, что нѣтъ и не будетъ средствъ пріучить къ новымъ, непривычнымъ, а главное, непріемлемымъ условіямъ жизни народъ съ такой чувствительностью, какъ киргизы. Помню, разсказывали мнѣ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Омскѣ сдѣлана была попытка устроить гимназію для киргизскихъ мальчиковъ. Отобрали нѣсколько сотъ самыхъ крѣпкихъ и, по предположенію, самыхъ выносливыхъ подростковъ. И что же, окончило курсъ только трое. Остальные не выжили, и всѣ умерли. Какая-нибудь пустяшная инфекціонная болѣзнь, въ родѣ кори, была для нихъ смертельна, о чахоткѣ и говорить нечего.

И вотъ теперь, оказывается, люди эти «псѣ пашутъ».

Сталъ разспрашивать. Земли у нихъ много, не такъ много, какъ въ старину, но все же: крупнѣйшій магнатъ запада позавидуетъ рядовому киргизу. И скота достаточно.

— Давно ли вы стали пахать, и кто васъ научилъ?

— Недавно. Когда соха былъ — мы не навчилъ пахать. Когда плугъ сталъ—навчилъ...

— Легче, значитъ, ишь, шельмы! — пояснилъ сибирякъ-хлѣбопашецъ.

— Лехчи, лехчи!—подтвердилъ киргизъ,—совсимъ лехчи! И сѣялка лехчи, и жатка, и молотилка, — псе лехчи... Лехчи навчилъ!

— Такъ сразу и понялъ, какъ надо?

— Зачимъ? Передъ наймалъ! псѣ наймалъ: плугъ пахать наймалъ, самъ глядѣлъ. Жатка наймалъ—самъ глядѣлъ. Молотилка наймалъ... Глядѣлъ—глядѣлъ, навчилъ. Теперь хорошо... псѣ хорошо.

Значитъ, вонъ она въ чемъ сила. Киргизъ не хотѣлъ учиться только исконному русскому земледѣлію: сохой, да горбомъ. Соха могла прокормить едва-едва того лишь, кто за нее держался. Да и то при натугѣ, на которую киргизъ совсѣмъ неспособенъ. Немыслимо непривычному человѣку таскать, буквально, на рукахъ всю пахоту, борозду за бороздой, гнуть спину до ломоты, до паралича при жнитвѣ, махать цѣпомъ до одури во время молотьбы.

А пришло свое время: навезъ американецъ въ Сибирь плуговъ да боронъ съ сидѣньемъ для работающаго, наводнилъ Сп-

бирскія степи жнейками, сноповязалками, молотилками, пустилъ все это въ кредитъ, и киргизу стало по плечу земледѣліе...

Неправъ мой спутникъ, сибирякъ-хлѣбопашецъ. Не «подъ нашу стать» пригнулся киргизъ къ землѣ, а подъ американскую.

Американецъ побѣдилъ киргиза, а не Ермакъ Тимоѳеевичъ.

Теперь бы ему грамоту, да побольше техническихъ знаній. Эта задача, полагаю, и намъ по плечу.

С. Аникинъ.

Май, 1915 г.

СЛУЧАЙНОСТЬ.

Романъ Уильяма Дж. Локка.

(Продолженіе) [1]

Глава V.

Мая 26-го. Сегодня утромъ пришло письмо отъ Юдиѳи.

«Не смѣйтесь надо мной», пишетъ она. «Дорога въ Парижъ вымощена благими намѣреніями. Я, право же, не виновата. Я искренно хотѣла жить замкнутой, сосредоточенною жизнью, но Дельфина буквальна похитила меня и всюду таскаетъ за собою; завтраки, выставки, обѣды, ужины, театры, танцы смѣняются одно другимъ, и, если вы будете смѣяться надо мною, я почувствую себя пристыженной, такъ какъ, должна сознаться, все это превесело».

Смѣяться надъ тобой, милая женщина? И не подумаю. Я только радъ, что ты могла швырнуть свою зимнюю покаянную одежду въ пламя парижскаго весенняго потока. Въ Лондонѣ у Юдиѳи нѣтъ друзей и очень мало развлеченій. Пусть хоть тамъ повеселится вволю, такъ чтобы запастись пріятными воспоминаніями и на скучную зиму въ Лондонѣ. Но что касается меня, я, все-таки, доволенъ, что Дельфина далеко и не можетъ и меня втянуть въ этотъ вихрь развлеченій... Однако, надо написать Юдиѳи и разсказать ей о Карлоттѣ; надо только подождать, пока она немножко отшлифуется и о ней легче будетъ разсказывать. Съ женщинами надо быть очень осторожнымъ. Вы никогда не можете знать навѣрное, съ кѣмъ вы имѣете дѣло—съ обыкновенной ли гусыней, или съ сложнѣйшимъ существомъ. Можетъ быть, это потому, что всѣ онѣ представляютъ собой

[1] См. іюль, стр. 145.

курьезнѣйшую смѣсь контрастовъ, и въ данный моментъ вы не можете сказать, какой стороны ихъ души вы коснулись: сложной, или простой. Быть можетъ, глубочайшая изъ всѣхъ аллегорій—Ева, стоящая между невиннымъ яблочкомъ и соблазнителемъ—Зміемъ... Нѣтъ, надо еще хорошенько приглядѣться къ Карлоттѣ, прежде чѣмъ писать о ней Юдиѳи.

Какъ бы бы то ни было, она уже не ходитъ по дому въ одеждѣ одалиски временъ Второй Имперіи, и, благодаря м-ссъ Макъ Муррэй, избавлена отъ прискорбной безвкусицы костюма французской комедіантки XVI вѣка. Моя добрѣйшая пріятельница вчера вечеромъ въ половинѣ восьмого привезла домой и сдала мнѣ съ рукъ на руки свою усталую и совсѣмъ одурѣлую питомицу и объявила, что сама она нисколько не устала и провела очаровательнѣйшій день. Это было все равно, что одѣть куклу,—пояснила она, сіяя улыбкой. Нечего сказать: поучительное препровожденіе времени для матери семейства. Я, конечно, не сказалъ ей этого, ибо она отвѣтила бы мнѣ, что я—неблагодарнѣйшій изъ всѣхъ еще не повѣшенныхъ негодяевъ, и была бы вполнѣ права.

Дѣйствительно, она всюду возила съ собой Карлотту, какъ заводную куклу, которую она рядила во всѣ прелести, попадавшіяся ей на глаза. Повидимому, атмосфера большихъ магазиновъ дѣйствуетъ на Карлотту анестезирующимъ образомъ. Она весь день была словно въ упоительномъ снѣ, но импульсъ собственнаго выбора былъ въ ней парализованъ. Единственное, что́ ей особенно понравилось и что́ она непремѣнно захотѣла купить—были красныя туфли съ высокими каблуками и дешевый красный зонтикъ.

— Вы понятія не имѣете, что это значитъ,—говорила м-ссъ Макъ Муррэй, купить за одинъ день все, что́ необходимо женщинѣ...

Я возразилъ, что отношусь къ трансцендентальной философіи съ большимъ почтеніемъ, но не терплю ея.

— *Отъ* булавокъ до сорти-де-баль,—продолжала она.

— Боюсь, дорогая м-ссъ Макъ Муррэй, что и сорти-де-баль еще не представляетъ собою крайняго предѣла нуждъ и желаній женщины. Хотѣлъ бы я, чтобъ это было такъ...

Она назвала меня циникомъ и уѣхала домой.

Сегодня утромъ Карлотта помѣшала мнѣ работать. Пришла и спрашиваетъ:

— Не хочетъ ли сиръ Маркосъ зайти въ мою комнату посмотрѣть хорошенькія вещицы, которыя мы вчера купили.

Въ лѣтней блузкѣ и простенькой юбочкѣ она мила и скромна, какъ свѣтская барышня. Головка ея была склонена немного на бокъ. Я посмотрѣлъ на нее съ отеческой нѣжностью и благосклонно согласился. Словами не опишешь всей этой массы тряпокъ, которую я нашелъ у нея въ комнатѣ. Всюду, гдѣ не были навалены горою дамскіе костюмы, стояли и лежали картонки и пакеты. А въ углу стояла Антуанетта и любовалась всѣмъ этимъ съ идіотски-блаженной улыбкой на лицѣ. Я бродилъ среди всѣхъ этихъ картонокъ, трещавшихъ словно хворостъ, при малѣйшемъ прикосновеніи, нѣмой, какъ рыба, ибо тайны женскаго туалета для меня загадка. Карлотта примѣряла шляпы, показывала мнѣ туфли и сапожки; распяливала передъ моими глазами блузки и юбки, пока у меня глаза не заболѣли смотрѣть на нихъ. Потомъ стала размахивать чѣмъ-то длиннымъ и бѣлымъ.

— Скажите, неужели я должна носить и это. М-ссъ Макъ Муррэй говоритъ, что здѣсь всѣ дамы это носятъ. А у насъ въ Александреттѣ никто не носитъ, и, по-моему, это очень давитъ.

Она патетически всплеснула руками и подняла на меня умоляющіе глаза.—Il faut souffrir pour être belle—сказалъ я.

— Съ такой фигурой, какъ мадемуазелль, это даже глупо,—возмутилась Антуанетта.

— Я считаю оскорбленіемъ для себя, что меня приглашаютъ высказывать свое мнѣніе о такихъ вещахъ,—надменно возразилъ я. И это произвело на обѣихъ большое впечатлѣніе.

Затѣмъ, съ характерной для женщинъ нескромностью, моя юная питомица принялась выкладывать передо мною какія-то прозрачныя вещицы изъ батиста, кружевъ, вышивокъ и лентъ, которыя мужчина обыкновенно разглядываетъ только въ окнахъ магазиновъ, когда у него является охота пофилософствовать насчетъ бездонной суетности женщины.

— Les beaux dessous!—ахала Антуанетта.

— То же восклицаніе,—пробормоталъ я про себя,—навѣрно, вырывалось у восхищенной служанки, когда она разглядывала грубое полотняное бѣлье дамъ изъ Гептамерорна.

Какъ все относительно!—думалъ я.—Та служанка, безъ сомнѣнія, носила на тѣлѣ что-нибудь въ родѣ власяницы. Если бы безразсудство юнаго Гарри забросило Карлотту къ странствующему двору королевы Наваррской, интересно знать, были ли бы написаны эти прелестныя исторійки.

Такъ какъ Антуанетта литературнаго англійскаго языка

не понимаетъ, а Карлотта понятія не имѣла, о чемъ я говорю, въ разговорѣ мнѣ не трудно было ослѣпить ихъ обѣихъ. Карлотта подошла къ камину и вернулась съ какимъ-то липкимъ и сладкимъ тѣстомъ въ рукахъ.

— Не хочетъ ли сиръ Маркосъ попробовать? Это пуга.

Я отклонилъ.

— О!—трагически воскликнула она, явно разочарованная.— Это *такъ* вкусно!

Въ глазахъ этой глупенькой дѣвочки есть что-то, противъ чего я не могу устоять. Она положила мнѣ въ ротъ эту сладкую гадость—въ руки я не рѣшился ее взять—и, смѣясь, облизала собственные пальцы.

Я пошелъ внизъ, работать, съ тревожнымъ сознаніемъ, что я не очень-то блюду свое достоинство.

Мая 29-го. Я послалъ ей сказать, что послѣ ленча повезу ее кататься, чтобъ она къ тремъ часамъ была готова. Съ ней я буду выѣзжать лишь изрѣдка, чтобъ она цѣнила это, какъ праздникъ—такъ будетъ полезнѣе для нея. А въ остальное время она будетъ ходить гулять съ Антуанеттой—какъ вчера.

Ровно въ три часа Стенсонъ доложилъ, что кэбъ у подъѣзда.

— Подите позовите мадемуазелль,—сказалъ я.

Минуты черезъ двѣ она явилась. Въ жизнь свою я не былъ такъ ошеломленъ, — дотого, что даже издалъ нѣсколько возгласовъ, выражающихъ изумленіе, на разныхъ языкахъ. Даже на сценѣ я не видалъ такого грима. Щеки ея были напудрены добѣла, губы алы, какъ цвѣтокъ граната, брови и рѣсницы вычернены. Она вошла въ *холлъ* съ торжествующимъ видомъ, какъ бы говоря: «Смотрите, какъ я обаятельно - прекрасна!»

Когда она замѣтила, что я смотрю на нее съ ужасомъ, лицо ея вытянулось. Когда же я велѣлъ ей пойти наверхъ и смыть все это, она заплакала.

— Ради Бога, не плачьте!—вскричалъ я,—а то лицо у васъ станетъ какъ радуга.

— Я сдѣлала это, чтобъ угодить вамъ,—рыдала она.

— Въ Англіи раскрашиваютъ себѣ лицо только танцовщицы самаго низкаго разбора,—объяснилъ я ей.—А вы сами знаете, какъ смотрятъ на такихъ женщинъ въ Александреттѣ.

— Я видала ихъ на свадьбѣ Азиза-Заза,—говорила Карлотта, всхлипывая и прикрываясь носовымъ платочкомъ.—Но у насъ всѣ дамы это дѣлаютъ, когда хотятъ принарядиться. Я надѣла и гадкій корсетъ, который давитъ меня, чтобы понравиться сиръ Маркосу.

Я почувствовалъ, что былъ жестокъ къ ней. Она, должно быть, нѣсколько часовъ провела за своимъ туалетомъ. Но не могъ же я въ такомъ видѣ везти ее кататься. Она выглядѣла, какъ Іезавель, которая безъ грима, по всей вѣроятности, была тоже очень красива.

— Дѣло въ томъ, Карлотта, что Англія и Александретта—не одно и то же, и вы должны привыкнуть къ этому. Тутъ у насъ все наоборотъ. Что принято тамъ, не принято здѣсь и vice versa. А теперь, если вы хотите сдѣлать мнѣ удовольствіе, бѣгите поскорѣй наверхъ, умойтесь хорошенько и снимите съ себя эти варварскія серьги.

Она ушла и скоро вернулась, въ отчаяніи. Водой никакъ нельзя смыть краски. Я позвонилъ Антуанеттѣ, но Антуанетты не оказалось дома. Неудобно же было поручать это Стенсону. Дѣлать нечего, я принесъ изъ собственной комнаты баночку вазелину и, такъ какъ Карлотта не знала, что́ съ нимъ дѣлать, собственноручно вычистилъ лицо Карлотты. Она визжала отъ восторга, находя это очень забавнымъ. Она легко переходитъ отъ одного настроенія къ другому. Не скрою, и меня самого это забавляло. Но вся эта отвѣтственность, которую я взялъ на себя, вовсе не по мнѣ, и чортъ ее знаетъ, что эта дѣвочка меня еще заставитъ дѣлать.

Мы отлично покатались въ Ричмондѣ, потомъ я напоилъ ее чаемъ у Старъ и Гартера и вздохнулъ съ облегченіемъ, увидавъ, что она пьетъ чай изъ чашки, какъ всѣ люди, вмѣсто того, чтобъ лакать его съ блюдечка по-котячьи. Она высказала на этотъ разъ больше интеллигентности, чѣмъ въ первое наше невольное катанье. Теперь она уже присмотрѣлась къ зрѣлищу столичныхъ улицъ, и у нея больше не болитъ голова отъ шума. Но вопросы ея наивны, какъ у десятилѣтняго ребенка. Въ особенности ей понравился рослый полисменъ. Она увѣряла, что не видала ничего красивѣе. Я предложилъ купить ей одного такого, чтобъ она могла съ нимъ играть.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, купите, сиръ Маркосъ?—радостно вскричала, схвативъ меня за руку. И, когда я сказалъ ей, что я пошутилъ, она надула губки и сказала, что лгать нехорошо.

— Очень радъ, что у васъ есть элементарное понятіе объ этикѣ,—сказалъ я.

Во время этой прогулки я спросилъ ее, откуда она взяла гримъ и серьги. Оказалось, деньги на все это ей дала Антуанетта. Надо будетъ серьезно переговорить съ Антуанеттой. Ея

отношеніе къ Карлоттѣ—это какое-то идолопоклонство. Оно обязательно должно привести къ деморализаціи и полной гибели Карлотты и моего желудка. Надо будетъ также выдавать Карлоттѣ немного денегъ на булавки.

За чаемъ она неожиданно спросила меня:

— Сиръ Маркосъ не женатъ?

Я сказалъ, что нѣтъ. Кой чортъ! Почему это всѣ женщины предлагаютъ мнѣ этотъ вопросъ?

— Потому что жена—это только лишнія хлопоты и неудобство въ домѣ,—пояснилъ я.

Странная улыбка скользнула по лицу Карлотты—такая лукавая и знающая...

— Въ такомъ случаѣ...

Я поспѣшилъ направить ея мысли въ другую сторону.

— Скушайте это пирожное. Оно превкусное: снаружи шоколадъ, а внутри битыя сливки.

Она попробовала, улыбнулась блаженною, теперь совсѣмъ ужъ дѣтскою улыбкой, и забыла о моихъ матримоніальныхъ дѣлахъ. У меня отлегло отъ сердца. Съ ея восточнымъ воспитаніемъ, развѣ можно предвидѣть, что́ она могла сказать?..

Мая 31-го. Сегодня у меня странный посѣтитель. Какъ бы вы думали: кто? Отецъ злополучнаго Гарри Робинзона. Естественно, я прежде всего спросилъ его, на какомъ основаніи онъ думаетъ, что я имѣю какое-либо отношеніе къ смерти его сына и юной турчанкѣ, которую онъ, по его словамъ, разыскиваетъ? Почему онъ считаетъ ея покровителемъ именно меня? Оказывается, свѣдѣнія дала ему полиція, которой, послѣ моихъ розысковъ и разспросовъ на вокзалѣ Ватерлоо, нетрудно было розыскать Карлотту. Я тогда самъ дивился, что, вопреки моимъ ожиданіямъ и страхамъ, все это не попало въ газеты и что въ замѣткѣ о самоубійствѣ Гарри не упоминалось вовсе о таинственной дамѣ, которая пріѣхала съ нимъ и для которой онъ бралъ билетъ въ Александреттѣ. Повидимому, причины самоубійства такъ и остались невыясненными, и экспертъ удовольствовался предположеніемъ о временномъ помѣшательствѣ. Я заговорилъ объ этомъ, какъ могъ осторожнѣе...

— Мы приложили всѣ старанія, чтобы затушить это,—сказалъ мой гость, старикъ съ сѣдыми бакенбардами и усталымъ выразительнымъ лицомъ.—У меня есть кой-какія связи, а родственникъ его жены...

— Его жены?!—воскликнулъ я. Нѣтъ, я ничего не по-

нимаю въ чевѣческихъ предразсудкахъ. Оказывается, этотъ мальчишка былъ, вдобавокъ ко всему, еще женатъ.

— Увы!—вздохнулъ старикъ.—Если бъ это все вышло наружу, разыгрался бы страшный скандалъ. Ея родственники очень влiятельные люди. Благодаря Бога, намъ удалось избѣжать огласки, и бѣдная жена Гарри ничего не знаетъ. Мой мальчикъ умеръ. Никакое публичное разслѣдованiе причинъ, почему онъ наложилъ на себя руки, уже не вернетъ его къ жизни.

Я пролепеталъ нѣсколько словъ утѣшенiя.

— Бѣдный мальчикъ! Онъ, должно быть, былъ не въ своемъ умѣ, когда соблазнилъ эту дѣвушку бѣжать съ нимъ. Но, такъ какъ мой сынъ погубилъ ее,—онъ стиснулъ зубы, какъ бы отъ острой боли,—я долженъ позаботиться о ней.

— На этотъ счетъ можете быть спокойны,—сказалъ я.— Онъ сразу привезъ ее на корабль и тамъ, повидимому, почти не разговаривалъ съ ней. Въ томъ-то и нелѣпость всей этой исторiи.

— Вы увѣрены въ томъ, что вы говорите?

— Головой ручаюсь.

— Но откуда же вы знаете?

— Эта молодая особа страшно откровенна—можно сказать, до неудобства откровенна.

Онъ, повидимому, очень обрадовался этому. Я разсказалъ ему, кто такая Карлотта, и выяснилъ, въ общихъ чертахъ, свою роль во всей этой исторiи.

— Въ такомъ случаѣ,—объявилъ онъ,—я самъ отвезу эту дѣвочку домой. Я не могу позволить, чтобъ вы тратились на нее, когда моя обязанность—вознаградить ее за тотъ вредъ, который ей нанесъ мой сынъ.

Я разсказалъ ему, какъ она боится Хамди Эффенди и что я далъ слово не отсылать ее въ Александретту.

— Но тогда—какъ же быть съ ней?

— Если бъ нашлись добрые люди, которые бы приняли ее въ свою семью, и дали бы ей христiанское воспитанiе, я съ величайшимъ удовольствiемъ отдалъ бы ее. Если мнѣ чего не нужно въ этомъ домѣ, такъ это праздной и не отвѣтственной за свои поступки женщины. Но истинные филантропы рѣдки. Кто же возьметъ ее?

— Боюсь, что я не подготовленъ къ этому.

— Мнѣ и въ голову не приходило предлагать вамъ это— я не настолько дурно воспитанъ,—возразилъ я.—Я только констатировалъ, что мнѣ больше ничего не остается, какъ взять ее на свое попеченiе.

— Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, внести свою долю расходовъ—я съ величайшимъ удовольствіемъ...—началъ было м-ръ Робинзонъ.

Я поблагодарилъ его. Но, разумѣется, это немыслимо. Это было все равно, какъ если бы онъ взялся платить за освѣщеніе моей квартиры.

— Я знаю очень милое убѣжище при монастырѣ сестеръ св. Бригитты,—соблазнялъ онъ меня...

— Если бъ это была сама святая Бригитта, я бы охотно согласился. Я очень люблю и чту эту святую. Она, дѣйствительно, творила чудеса. Когда одинъ ирландскій полководецъ въ шутку подарилъ ей столько земли, сколько она сможетъ покрыть своимъ плащемъ, она велѣла четыремъ своимъ монахинямъ взяться каждой за одинъ изъ уголковъ плаща и бѣжать на востокъ, на западъ, на сѣверъ и на югъ, такъ что плащъ ея покрылъ нѣсколько дорогъ. То же самое она сумѣла бы продѣлать и съ душой Карлотты. Но времена чудесъ прошли, и я боюсь, что благочестивыя сестры только напрасно сокрушатъ надъ нею свои добрыя сердца. Это—совсѣмъ особенное существо.

Я знаю, что мнѣ слѣдовало бы, все-таки, обдумать это предложеніе, но, должно быть, у меня хроническое воспаленіе способности логическаго мышленія.

— Интересно бы взглянуть на нее,—сказалъ старикъ.

— Вамъ тяжело было бы ее видѣть?

— Да, тяжело,—признался онъ.—Но, можетъ быть, это живѣй напомнило бы мнѣ моего несчастнаго мальчика. Все это ушло куда-то далеко...

Я позвонилъ и велѣлъ позвать Карлотту.

— Вы, пожалуй, лучше не говорите ей, кто вы такой,—предупредилъ я.

Когда вошла Карлотта, онъ всталъ и посмотрѣлъ на нее такъ печально...

— Это—мой другъ, Карлотта, который желалъ бы съ вами познакомиться.

Она застѣнчиво приблизилась и робко протянула ему ручку, видимо, стараясь быть возможно болѣе благовоспитанной. Я отъ души порадовался, что свой экспериментъ съ гримомъ она продѣлала раньше, для меня, а не при этомъ гостѣ.

— Вы—вамъ нравится Англія?—спросилъ старикъ.

— О, очень—очень нравится! Всѣ такъ добры ко мнѣ. Здѣсь хорошо.

— Для молодыхъ это—лучшее мѣсто въ мірѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—наивно спросила Карлотта.

— Самое лучшее.

— А для старыхъ развѣ здѣсь нехорошо?

— Старымъ нигдѣ не бываетъ хорошо.

Старикъ вздохнулъ и сталъ прощаться. Я проводилъ его до входной двери.

— Не знаю, чтó сказать, сэръ Маркусъ. Она какъ-то странно волнуетъ меня. Я не ждалъ такой милой наивности. Ради моего мальчика, я бы взялъ ее къ себѣ—но его мать ничего не знаетъ—кромѣ того, что ея мальчикъ умеръ. Это убило бы ее.

По щекамъ старика катились слезы. Я сжалъ его руку.

— У меня въ домѣ она не будетъ обижена...

Карлотта ждала меня въ гостиной. И встрѣтила меня жалобнымъ озабоченнымъ взглядомъ.

— Сиръ Маркосъ?

— Что.

— Вы хотите выдать меня замужъ за него?

— За кого?

— За этого стараго господина. Если вы велите, я выйду. Только мнѣ очень не хочется.

Прошло минуты двѣ, прежде чѣмъ я сумѣлъ взглянуть на дѣло съ ея восточной точки зрѣнія. Вѣдь тамъ женщину показываютъ мужчинѣ только, какъ возможную невѣсту. Я рѣшилъ, что Карлотту не мѣшаетъ проучить немножко съ воспитательной цѣлью.

— Да вы знаете, кто этотъ старый господинъ.

— Нѣтъ.

— Это—отецъ Гарри.

Она скривила губки.—О! Какъ жаль, что я была съ нимъ такъ мила!

Ну чтó прикажете съ ней дѣлать?

Я съ четверть часа отчитывалъ ее, силясь внушить ей болѣе этическій взглядъ на вещи. И, кажется, добился того, что она сочла меня разсердившимся. Я такъ сочувствую Гарри, что рѣшилъ даже не говорить ей, что онъ уже былъ женатъ, когда увезъ ее изъ Александретты.

VI.

Іюня 1-го. Сегодня у меня обѣдалъ Себастіанъ Паскуале. Антуанетта отрѣшилась на время отъ служенія кумирамъ и всѣмъ своимъ существомъ предалась тайнамъ своей истинной

религіи. Результатъ получился чудеснѣйшій,—настолько, что Паскуале, съ обычнымъ своимъ презрѣніемъ къ условностямъ, настоялъ на томъ, чтобы лично выразить свою признательность Антуанеттѣ. Ее пригласили въ столовую; онъ всталъ и склонился передъ нею такъ почтительно, словно она была маркизой до-революціонныхъ дней.

— Такой обѣдъ,—онъ приложилъ пальцы ко рту и поцѣловалъ ихъ—такой обѣдъ надо ѣсть на колѣняхъ, а не сидя.

— Послушайте, вы это стибрили у Гейне,—сказалъ я ему, когда восхищенная Антуанетта удалилась.

— Милѣйшій Ордайнъ,—возразилъ онъ,—гдѣ же это вы видѣли, чтобы мужчина давалъ женщинѣ что-нибудь подлинное?

— Ну, вы объ этихъ вещахъ знаете больше меня—вамъ и книги въ руки,—сказалъ я, и Паскуале засмѣялся.

Пріятно было снова увидѣть его: въ немъ столько жизни, что даже время не вліяетъ на него. Тѣло его такъ же тонко и гибко, какъ когда онъ былъ подросткомъ, и умъ гибокъ не менѣе. Не знаю, когда онъ успѣлъ оцѣнить обѣдъ Антуанетты: все время за обѣдомъ онъ не столько ѣлъ, сколько болталъ, разсказывая мнѣ свои удивительныя приключенія въ чужихъ краяхъ. Между прочимъ, онъ, повидимому, ухитрился сыграть видную роль въ комической оперѣ южно-американской политики. Былъ разговоръ и объ вѣнской танцовщицѣ. Когда онъ потребовалъ, чтобы я, въ свою очередь, разсказалъ ему, что я пережилъ за эти годы, это все равно, какъ если бъ сидящая въ клѣткѣ канарейка стала разсказывать о себѣ вольному воробушку. Притомъ же я не такъ экспансивенъ, какъ мой юный другъ, и о нѣкоторыхъ вещахъ предпочитаю умалчивать. Я всегда говорю спокойно—онъ всегда поясняетъ свои слова жестами. Какъ сказала бы Юдиѳь, онъ человѣкъ съ темпераментомъ. Его усы такъ задорно закручиваются вверхъ, что кончики ихъ приходятся почти наравнѣ съ темными, блестящими глазами. И еще несходство между нами: на немъ платье сидитъ, какъ вылитое,—на мнѣ, точно оно повѣшено на колышкахъ, которыми утыкано кругомъ мое тѣло. Ни при какомъ стеченіи внѣшнихъ обстоятельствъ не могло бы со мной приключиться того, что сплошь и рядомъ случается съ Паскуале.

А онъ еще жалуется, что ему скучно жить, что жизнь прѣсна! Господи, помилуй! Доведись мнѣ устраивать заговоры въ Южной Америкѣ и сидѣть все время на заряженныхъ револьверахъ, я бы почувствовалъ себя въ Бедламѣ.

— Но, послушайте, неугомонный вы человѣкъ!—вскричалъ я.—Чего же вамъ еще нужно?

— Подраться хорошенько. Очень ужъ на землѣ жизнь стала тихая и сѣрая. Анемичная какая-то. Мнѣ нужны краски—ярко-алые блики—хорошее кровопусканіе—охъ, какъ это полезно иногда!

— Ну, что жь, подите въ какое-нибудь кафе въ Берлинѣ и начните дергать за носы всѣхъ прусскихъ лейтенантовъ, которыхъ вы тамъ увидите. Въ результатѣ кровопролитія будетъ сколько вашей душѣ угодно.

— Клянусь Юпитеромъ!—вскричалъ онъ, вскакивая на ноги.—Этому стоитъ отдать свою жизнь—истребленію прусскихъ лейтенантовъ.

Я откинулся на спинку кресла—дѣло было послѣ обѣда—и улыбнулся снисходительно. Сколько въ немъ живости! Обыкновенно люди не прыгаютъ такъ во время процесса пищеваренія.

—Вамъ ускокомъ бы родиться—вотъ тогда вы были бы счастливы,—замѣтилъ я. Я только-что кончилъ читать о нихъ.

— Это что́ же такое?—удивился онъ.

Я сказалъ ему.

— Самое интересное въ ускокахъ было то, что они составляли какъ бы кооперативное сообщество пиратовъ шестнадцатаго вѣка, въ которомъ участниками были монахи и священники, и зеленщики, и женщины, и дѣти,—въ сущности, все населеніе Сегны—и каждый вносилъ свой пай и получалъ дивидендъ. Это не мѣшало имъ быть религіозными, и, когда пираты на своихъ судахъ снаряжались въ набѣгъ въ дни Рождества и Пасхи, священники служили напутственный молебенъ. А затѣмъ они носились по морямъ, брали на абордажъ корабли, умерщвляли ихъ экипажи—пиками, топорами и кинжалами—иного оружія у нихъ не было—высаживались на незащищенныхъ берегахъ, грабили селенія и уводили въ плѣнъ красивыхъ женщинъ, чтобы пополнить недочетъ ихъ дома. Навѣрно, имъ жилось не скучно.

— Нѣтъ, каковъ! Вѣдь искренно восхищается. Сами-то вы старый *бриганъ*, только сортомъ пониже!—вскричалъ Паскуале, въ продолженіе моего разсказа разглядывавшій узоръ на коврѣ своего кресла.

Я засмѣялся.—Развѣ вы никогда не обращали вниманія на эту двойственность нашей натуры? Въ каждомъ изъ насъ сидятъ два человѣка: одинъ будничный, такой, какимъ его всѣ

знаютъ, сотканный изъ привычекъ, обстоятельствъ и традицій; другой—втайнѣ жаждущій самыхъ разнообразныхъ ощущеній и удовлетворяющій искусственно эту потребность. Есть утонченные романисты, которые пишутъ романы, гдѣ всѣ страницы залиты кровью. Я знаю одного pater familias—тишайшій, добродушнѣйшій человѣкъ въ золотыхъ очкахъ, который считаетъ жестокостью ѣсть живыхъ устрицъ, а вотъ подите же—до смерти любитъ ходить по музеямъ, гдѣ собраны орудія пытокъ и преступленій, реликвіи убійствъ и пр. и пр. Отпечатокъ большого пальца какого-нибудь извѣстнаго преступника повергаетъ его въ сладостное волненіе; пятна крови на ножѣ убійцы туманятъ ему голову восхитительной жаждой крови. Точно также прирожденныя старыя дѣвы обожаютъ романы съ африканскими страстями и рискованными любовными приключеніями. Все это—попытки втихомолку удовлетворить невысказанную потребность.

— А старый сухарь-философъ, сэръ Маркусъ Ордайнъ вотъ чѣмъ изволитъ тѣшиться...

И Паскуале вытащилъ изъ-подъ своего кресла и поднялъ кверху за кончикъ чудовищно-высокаго каблука красную атласную туфельку, предерзкую, и цвѣтомъ, и фасономъ.

Мнѣ было чрезвычайно непріятно. Я отдалъ бы сто фунтовъ за то, чтобъ эта туфля вдругъ изчезла. Красный цвѣтъ всегда нескроменъ, а то, что туфля была женская, само собой, компрометтировало меня. Какъ она сюда попала? Очевидно, Карлотта сидѣла тутъ, въ гостиной и, какъ Сандрильона, уронила туфлю на бѣгу, когда передъ обѣдомъ заслышала мои шаги въ передней.

Паскуале держалъ туфлю въ рукахъ, насмѣшливо и вопросительно глядя на меня. Я вовсе не претендую на строгую нравственность, но и воръ, несправедливо обвиненный въ воровствѣ, жестоко обижается и негодуетъ, какъ еслибъ онъ былъ безупречнымъ человѣкомъ. Я пожалѣлъ, что не пригласилъ Паскуале обѣдать въ клубъ. Мнѣ вовсе не хотѣлось говорить съ нимъ о Карлоттѣ. Совершенно не вижу надобности показывать ее моимъ знакомымъ. Она—случайность въ моей жизни, которая такъ или иначе скоро будетъ устранена.

Я всталъ и позвонилъ.

— Эта туфля не принадлежитъ мнѣ и, во всякомъ случаѣ, здѣсь ей не мѣсто.

Я протянулъ руку за туфлей; Паскуале отдалъ ее.

— Какая маленькая! У ея обладательницы, должно быть, замѣчательно хорошенькая ножка.

— Увѣряю васъ, милѣйшій Паскуале,—сухо сказалъ я,—что я никогда не разглядывалъ ноги, съ которой снята эта туфля.—И это правда. Розовые пальчики, вѣдь, еще не нога.

— Стенсонъ,—сказалъ я,—когда явился мой слуга,—снесите это миссъ Карлоттѣ съ привѣтомъ отъ меня, и скажите ей, чтобъ она не оставляла своихъ вещей въ гостиной.

Стенсонъ, думая, что я позвонилъ, чтобъ онъ подалъ виски, принесъ на подносѣ графины и стаканы. Когда онъ ставилъ подносъ на маленькій столикъ, я замѣтилъ, что Паскуале съ любопытствомъ вглядывается въ безстрастное лицо этого образцоваго слуги. Но о туфлѣ онъ больше не заводилъ рѣчи. Я налилъ ему виски и содовой. Онъ выпилъ сразу полстакана, закрутилъ усы—и вдругъ расхохотался.—Онъ всегда смущаетъ меня своимъ неожиданнымъ, безпричиннымъ смѣхомъ.

— Я еще не разсказалъ вамъ о графинѣ фонъ-Венцель; не знаю, почему она мнѣ вспомнилась. Вотъ умора-то! Имѣйте въ виду, что графиня настоящая, аристократка и богачка.

Онъ разсказалъ мнѣ прескандальную и презабавную исторію. Удивительное, невѣроятнѣйшее приключеніе—и въ то же время какъ будто мнѣ знакомое.

— Это,—сказалъ я:—слово въ слово построеніе сцены изъ L'Histoire Comique de Francion.

Паскуале вспыхнулъ.

— Никогда не слыхивалъ о ней.

— Это—первый французскій жанровый романъ, изданный въ 1620 году и написанный нѣкимъ Сорелемъ. Я и не думаю обвинять васъ въ плагіатѣ, дорогой мой—это было бы нелѣпо. Но меня поражаетъ забавность совпаденія. Вы и графиня, и всѣ остальные только воспроизвели заново фарсъ, которому ужъ триста лѣтъ.

— Что за вздоръ!

— Я сейчасъ покажу вамъ.

Я поискалъ на полкѣ книгу, потомъ вспомнилъ, что она въ столовой, и, извинившись передъ Паскуале, пошелъ внизъ за нею. Я помнилъ, что она находится на одной изъ верхнихъ полокъ, возлѣ самаго потолка. Надо замѣтить, что моя столовая освѣщена одной лишь висячей лампой надъ столомъ, и то затѣненной абажуромъ, такъ что стѣны комнатъ тонутъ во мракѣ. Я уже не разъ досадовалъ на это, когда мнѣ приходилось разыскивать какую-нибудь книгу. Непремѣнно надо будетъ завести и верхнее освѣщеніе тоже. Стоять на стулѣ и зажигать одну за другой спички, разглядывая надписи на корешкахъ, и унизи-

тельно, и неудобно. Истребивъ четыре восковыхъ спички, я, все же, не нашелъ «Забавной исторіи Франсіоны».

Ничто такъ не можетъ разозлить меня, какъ когда мнѣ не подвертывается подъ руку нужная книга. Я зналъ, что Франсіона здѣсь, и готовъ былъ лучше цѣлую ночь простоять на стулѣ, чѣмъ отложить поиски до завтра. У каждаго есть свои невинныя причуды. У меня вотъ эта. Я минутъ двадцать искалъ этой несчастной книги, раскрывая томъ за томомъ и, съ помощью зажженной спички, прочитывая названіе, весь перепачкался въ пыли; наконецъ нашелъ ее завалившейся за груду французскихъ романовъ, съ торжествомъ вынесъ на свѣтъ, отыскалъ нужное мнѣ мѣсто и, заложивъ его пальцемъ, вернулся въ гостиную.

— Очень извиняюсь—началъ было я... И запнулся. Я глазамъ своимъ не вѣрилъ. На диванѣ, болтая съ Паскуале, какъ-будто они были ужъ сто лѣтъ знакомы, сидѣла Карлотта.

Должно быть, она прочла въ моемъ лицѣ неодобреніе, потому что сейчасъ же вскочила и бросилась ко мнѣ.

— Какъ видите, мы уже познакомились съ миссъ Карлоттой,—сказалъ Паскуале.

— Вижу.

— Стенсонъ сказалъ мнѣ, что вы хотите, чтобъ я пришла въ гостиную въ своихъ красныхъ туфляхъ,—объяснила Карлотта.

— Боюсь, что Стенсонъ неправильно передалъ мои слова.

— Такъ что вы не хотите, чтобъ я здѣсь была? Уйти мнѣ?

О, эти глаза! Какъ они изводятъ меня. На одну только минуту я задумался—и все погибло.

— Пожалуйста, позвольте мнѣ остаться и поболтать съ Паскуале.

— Съ м-ромъ Паскуале,—поправилъ я.

Она повторила мои слова, засмѣялась своимъ воркующимъ смѣхомъ горлинки и, принявъ это за разрѣшеніе, снова забилась въ уголокъ дивана. Я со вздохомъ опустился въ кресло. Не могъ же я взять ее за плечи и выставить изъ комнаты. Это было бы грубо.

— Здѣсь гораздо пріятнѣй, чѣмъ въ Александреттѣ, не правда ли!—фамильярно спрашивалъ Паскуале.—И сэръ Маркусъ лучше Хамди Эффенди?

— О да! Сэръ Маркусъ позволяетъ мнѣ дѣлать все, что я хочу.

— Ничего подобнаго!—воскликнулъ я.—На Востокѣ вы вели очень замкнутую жизнь и потому преувеличиваете относительную свободу, которой пользуетесь въ Англіи.

Я замѣтилъ, что Карлоттѣ всегда импонируетъ, когда я говорю высокимъ штилемъ.

— А, все же, если вы могли устраивать романы черезъ садовую ограду, значитъ, и въ Александреттѣ васъ не очень притѣсняли,—замѣтилъ Паскуале.

Очевидно, Карлотта избавила меня отъ труда объяснять ея присутствіе.

— Я встрѣчалъ вашего друга Хамди,—продолжалъ Паскуале. Очень учтивый старый негодяй съ длиннымъ носомъ и лицомъ, изрытымъ оспой.

— Да, да!—вскричала восхищенная Карлотта.—Это Хамди. Онъ весь рябой.

— Есть ли какая-нибудь подозрительная личность за границей, съ которой вы бы не были близко знакомы?—саркастически спросилъ я.

— Надѣюсь,—засмѣялся онъ.—Надо вамъ знать, что полтора года тому назадъ въ Алеппо я здорово запутался, такъ что пришлось удирать. Александретта—это портъ Алеппо, а Хамди тамъ нѣчто въ родѣ набольшаго.

— Онъ очень богатъ?

— Еще бы! Мой разговоръ съ нимъ обошелся мнѣ въ тысячу фунтовъ—будь онъ проклятъ, лысый жуликъ!

— Онъ—дурной и неприличный человѣкъ,—строго замѣтила Карлотта.

— Боюсь, что м-ръ Паскуале самъ не очень хорошій человѣкъ, въ смыслѣ приличности, — усмѣхнулся я, — признавайтесь.—Чего вы тамъ натворили въ Алеппо?

— *Maxime debetur.*

— Англичане всѣ становятся гадкіе, когда они пріѣзжаютъ въ Сирію.

— Вы-то откуда знаете?

— О! я это знаю!—и Карлотта потупила головку.

— Другъ мой, — сказалъ Паскуале, — закуривая папиросу,—я много путешествовалъ на Востокѣ и приключеній у меня было много, но, смѣю васъ увѣрить, то, чего не знаетъ восточная женщина о самомъ существенномъ,—того и знать не стоитъ. Всю жизнь, отъ колыбели до могилы, всѣ ихъ умственныя способности сосредоточены на двухъ основныхъ вопросахъ: пищевареніе и полъ.

— А что такое полъ?—спросила Карлотта.

— Основная ошибка Творенія,—пояснилъ я.

— Не понимаю.

— И не старайтесь понять,—весело вставилъ Паскуале,—сэра Маркуса никто не понимаетъ.—Мы предоставляемъ ему разглагольствовать, пока онъ не замѣтитъ самъ, что его никто не слушаетъ.

— Сиръ Маркосъ очень умный,—возразила Карлотта, горячо выступая въ защиту своего господина и покровителя.—Онъ цѣлый день читаетъ въ большихъ книгахъ и пишетъ на бумагѣ.

Какое, въ сущности, юридическое сужденіе! Уменъ ли я на самомъ дѣлѣ? Если бы мудрость достигалась тѣмъ, что человѣкъ читаетъ большія книги и пишетъ на бумагѣ! Соломонъ говоритъ, что мудрость обитаетъ тамъ же, гдѣ и разсудительность, что мудрость разсудительнаго въ томъ, что онъ знаетъ, куда ему идти, что мудрость и разумѣніе не подпустятъ къ человѣку льстивой женщины и чужестранки, умѣющей улещать словами. А я вотъ подпустилъ къ себѣ чужестранку, которая умѣетъ улещать словами; я не вижу ясно своего пути, такъ какъ не знаю, что̀ мнѣ дѣлать съ этой женщиной; уже одно то, что я взялъ ее въ свой домъ и позволяю ей валяться у меня на софѣ по вечерамъ, показывая моимъ гостямъ свои красныя туфли, доказываетъ, что я отбросилъ всякое благоразуміе; единственное разумное намѣреніе у меня было—выучить ее писать на машинкѣ, да и изъ этого ничего не вышло. Если философія этого превосходнаго афориста можетъ назваться здравой, я, несомнѣнно, не могу похвалиться большою мудростью и ни одна большая книга не скажетъ мнѣ, что̀ сдѣлалъ бы истинно мудрый человѣкъ, если бъ онъ встрѣтилъ Карлотту въ садахъ на набережной Темзы.

Не думаю, однако, чтобы моя мудрость, или отсутствіе ея были подходящей темой для разговора. Чтобы перенести его на другую тему, я шутливо спросилъ Карлотту, почему она считаетъ Хамди-Эффенди такимъ дурнымъ человѣкомъ. Ея отвѣтъ поразилъ меня:

— Мнѣ такъ сказала моя мать. Она, бывало, плакала по цѣлымъ днямъ. Она жалѣла, что вышла замужъ за Хамди.

— Бѣдняжка! Онъ дурно обращался съ нею?

— О да-а. Она тоже заразилась отъ него оспой и потеряла свою красоту, поэтому Хамди взялъ себѣ другихъ женъ, а она ихъ не любила. Онѣ были такія толстыя и жестокія, Она всегда мнѣ говорила: лучше убей себя, только не выходи замужъ за турка. А Хамди хотѣлъ выдать меня за одного еще два года назадъ—его звали Магометъ-Али—только онъ

умеръ. Когда я сказала, что я очень рада (повидимому, это ея обычный отвѣтъ, когда ей сообщаютъ о бѣдствіяхъ ея знакомыхъ), Хамди заперъ меня въ темной комнатѣ. И сказалъ, что теперь я должна выйти за Мустафу. Вотъ почему я убѣжала съ Гарри. Понимаете? О, Хамди ужасно дурной человѣкъ!

Изъ отдѣльныхъ фразъ и отрывочныхъ разсказовъ Карлотты объ ея дѣтствѣ у меня сложилось довольно отчетливое представленіе объ ея матери—бѣдномъ, безвольномъ ребенкѣ, выбирающемъ всегда линію наименьшаго сопротивленія; вдова, съ ребенкомъ на рукахъ, она не сумѣла придумать ничего лучшаго, какъ стать женою влюбленнаго въ нее турка. Я такъ ясно представляю себѣ четырнадцать лѣтъ ея жизни въ гаремѣ, разочарованіе, тоску, отчаяніе. Неудивительно, что бѣдная женщина ничего больше не смогла сдѣлать для своей дочери, какъ научить ее кой-какъ болтать по-англійски, да немножко читать и писать. Безъ сомнѣнія, она разсказывала дочери о томъ, какъ живутъ англійскія женщины, какъ онѣ веселятся и какой свободой пользуются, но со времени ея смерти прошло четыре года, и разсказы ея лишь смутно запечатлѣлись въ памяти Карлотты.

Странно, что и въ мертвящей атмосферѣ гарема она сохранила наслѣдственную живость англичанокъ. У нея дѣтскій ротикъ, это правда; она смотритъ на насъ молящими собачьими глазами, и всѣ ея манеры милыя и дѣтскія, но въ ея глазахъ нѣтъ тупого, бездушнаго, чувственнаго взгляда чистокровной турчанки, какіе я наблюдалъ въ Каирѣ сквозь прозрачныя вуали. Въ тѣхъ ничего нѣтъ привлекательнаго, кромѣ тѣла, и то лишь для самца, въ чьихъ глазахъ женщина—только вмѣстилище столькихъ и столькихъ-то кубическихъ дюймовъ оживленной матеріи, предоставленное Аллахомъ въ его распоряженіе, для удовлетворенія его физическихъ потребностей и произведенія на свѣтъ его дѣтей. Я совершенно не могу себѣ представить, чтобы англичанинъ могъ влюбиться въ турчанку. Но я прекрасно понимаю, что онъ можетъ влюбится въ Карлотту. Въ ней сохранились всѣ наслѣдственныя качества англійской женщины, хотя они и направлены насильно по одному лишь руслу—службы полу, и создали такія дьявольскія чары, которыхъ она, можетъ быть, и сама не сознаетъ. И, тѣмъ не менѣе, не думаю, чтобъ у нея была душа. Я уже рѣшилъ, что души у нея нѣтъ, и успокоился на этомъ, а перерѣшать свои сужденія я не люблю

Пока я не увидалъ ея сидящей въ уголкѣ дивана, поджавъ подъ себя ножки и болтающей о дурныхъ качествахъ Хамди, въ то

время, какъ свѣтъ лампы игралъ на ея волосахъ, выдѣляя всѣ ихъ отливы: красный, золотой и темный, я не замѣчалъ, какъ мрачна эта комната и какъ можетъ украсить ее присутствіе женщины.

Надо будетъ отучить себя отъ привычки отклоняться отъ разговора, уходя въ свои мечты. Меня вернулъ къ дѣйствительности голосъ Паскуале, говорившій:

— Такъ что, значитъ, теперь вы выйдете замужъ за англичанина? Это уже рѣшено, не правда ли?

— Конечно,—смѣялась Карлотта.

— А вы уже составили себѣ представленіе о томъ, *какой* онъ долженъ быть.

Въ Паскуале, несомнѣнно, сидитъ Донъ-Жуанъ, хоть, можетъ, онъ и не сознаетъ этого: онъ инстинктивно охорашивался, какъ индѣйскій пѣтухъ.

— Я выйду замужъ за сиръ Маркоса,—спокойно отвѣтила Карлотта.

Она высказала это не въ шутку и не какъ желаніе, но какъ бы просто констатируя фактъ. На мигъ воцарилось изумленное молчаніе. Паскуале, только было собиравшійся закурить папироску, застылъ съ зажженой спичкою въ рукѣ и обжегъ себѣ пальцы. Я молча уставился на Карлотту. Какое колоссальное безстыдство!

— Мнѣ очень непріятно противорѣчить вамъ,—выговорилъ я, наконецъ, довольно ядовито,—но ничего подобнаго не будетъ.

— Развѣ вы не женитесь на мнѣ?

— Конечно, нѣтъ.

— О!—разочарованно вырвалось у Карлотты.

Паскуале всталъ, щелкнулъ каблуками, приложилъ руки къ сердцу и отвѣсилъ ей низкій поклонъ.

— Хотите взять меня, вмѣсто этого стараго сухаря?

— Отлично,—сказала Карлотта.

Я схватилъ Паскуале за руку.—Ради самаго Бога, не шутите съ нею; у нея столько же чуткости къ юмору, сколько у доисторическаго пещерожителя. Она подумаетъ, что вы серьезно предлагаете ей свою руку.

— Вы слышите, что́ говоритъ этотъ сэръ Гранитъ? Онъ запрещаетъ намъ соединиться. А, если бъ я женился на васъ безъ его согласія, онъ бы содралъ съ меня съ живого кожу, бросилъ бы меня въ кипящее масло и прочелъ бы мнѣ вслухъ свою «Исторію морали Ренессанса». Такъ что, боюсь, все это ни къ чему.

— Значитъ, мнѣ и за него не надо выходить?—спросила Карлотта, поднимая на меня глаза.

— Ни за кого вамъ выходить не надо. Что это у васъ за гименоманія? Въ Англіи такъ не женятся и не выходятъ замужъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего. Сперва присмотрятся другъ къ другу, затѣмъ подумаютъ годика два, ну, а затѣмъ, съ Богомъ и женятся, разумно и прилично.

— Женятся не спѣша, но каются тотчасъ же,—вставилъ Паскуале.

— Вотъ именно. Но только помните: я васъ предупреждалъ, что это бѣдное дитя совершенно лишено чувства юмора.

— А безъ этого лучше утопиться, чѣмъ жениться.

— Вы слышите, Карлотта?—сказалъ я.—Вамъ нельзя выходить замужъ, пока вы не научитесь понимать шутку.

— А что такое шутка?

— Да вотъ, напримѣръ:—м-ръ Паскуале просилъ васъ быть его женой, а на самомъ дѣлѣ вовсе не собирается жениться на васъ. Это была шутка. Страшно забавная—вамъ надо было засмѣяться.

— Значитъ, я всегда должна смѣяться, когда кто-нибудь попроситъ меня выйти за него замужъ?

— Такъ громко, какъ вы только можете.

— Какъ у васъ все тутъ странно, въ Англіи!—вздохнула Карлотта.

Я улыбнулся и, такъ какъ мнѣ не хотѣлось огорчать ее, я постарался объяснить ей такъ, чтобъ она поняла.

— Ну, полно, полно; когда вы усвоите себѣ всѣ англійскія манеры, я постараюсь найти вамъ хорошаго мужа. А теперь лучше идите-ка спать.

Она ушла, совсѣмъ утѣшенная. Когда дверь затворилась за нею, Паскуале посмотрѣлъ на меня и покачалъ головой.

— Даромъ, совсѣмъ даромъ пропадаетъ. Это прямо грѣшно.

— Что пропадаетъ?

— Вотъ это,—онъ указалъ на дверь, за которой скрылась Карлотта.—Это очаровательное существо.

— Оскорбительнѣйшее предположеніе, которое помогаетъ мнѣ перенести только воспитанное мной въ себѣ альтруистическое чувство,—возразилъ я.

— Ей слѣдовало бы зваться Маргаритой.

— Почему?

— *Ante porcos*—пояснилъ онъ.

Паскуале, безспорно, очень остроуменъ, и я восхищаюсь его остроуміемъ, какъ и прочими его блистательными качествами, но послѣдняя его стрѣла, по-моему, не попадаетъ въ цѣль. Сегодня въ клубѣ мнѣ попался подъ руку занятный французскій романъ, подъ названіемъ *Enfilons des Perles.* На раскрашенной обложкѣ изображенъ рядъ голыхъ женщинъ въ раковинахъ, а въ книгѣ повѣствуется о томъ, какъ герой все свое честолюбіе полагаетъ въ томъ, чтобы составить себѣ четки изъ этихъ жемчужинъ. А я, оказывается, глупая свинья. Почему? Потому, что я не стремлюсь присоединить Карлотту къ моей коллекціи жемчужинъ. Какая чудовищная гадость!.. Прежде всего, у меня нѣтъ коллекціи.

Я жалѣю, что прочелъ этотъ романъ. Жалѣю, что пошелъ внизъ искать книгу... Жалѣю, что не пригласилъ Паскуале обѣдать въ клубъ...

А всему виной Антуанетта. Не могла она подать обыкновеннаго средняго обѣда. Вотъ что̀ бываетъ, когда держишь въ домѣ женщину, у которой душа живетъ въ кастрюлѣ.

VII.

Іюля 1-го. Карлотта уже пять недѣль живетъ подъ моей кровлей; я все откладывалъ непріятный разговоръ о ней съ Юдиѳью и такъ ничего и не написалъ ей. А Юдиѳь возвращается завтра.

Я знаю, что это дико — холостяку-философу держать у себя въ домѣ молодую женщину съ такою привлекательною внѣшностью. Ну, и пусть дико—это меня нимало не смущаетъ. Jo son' io. Но иной разъ я ставлю себѣ другой вопросъ: въ какую категорію зачислить мои отношенія съ Карлоттой? Отцовскихъ чувствъ я не питаю къ ней; братскихъ—еще того меньше; она мнѣ не дочь, не сестра, не родственница. Въ секретари она абсолютно не годится—для этого она слишкомъ невѣжественна—любая собаченка изъ цирка знаетъ больше ея. Но надо же какъ-нибудь охарактеризовать наши съ ней отношенія, когда я буду говорить о ней съ Юдиѳью. Въ данный моментъ она играетъ въ домѣ роль хорошенькаго (и очень дорого стоющаго) котенка, и уже, какъ кошка, успѣла привязаться къ дому и чувствуетъ себя прекрасно.

По утрамъ приходитъ гувернантка, толстощекая дѣвица—обучать Карлотту начаткамъ всѣхъ наукъ; но я боюсь, что она

черезчуръ юмористически относится къ своимъ занятіямъ. Приглашая миссъ Григгсъ, я предупредилъ ее, что она должна быть очень терпѣливой, настойчивой и, прежде всего, энергичной. Она отвѣтила, что, какъ профессіоналка, она спеціально вырабатывала въ себѣ эти качества, ибо одна изъ ея ученицъ — балетная танцовщица изъ Альгамбры, желающая образовать себя ровно настолько, насколько это необходимо, чтобы быть подъ стать своей новой коляскѣ. Она учитъ Карлотту правильно читать, держать ножъ и вилку, разбиваетъ ея ошибочныя убѣжденія—въ томъ, напримѣръ, что небо—это опрокинутая чаша надъ ровной и плоской землей, а солнце, луна и звѣзды—нѣчто въ родѣ арматуры для электрическаго освѣщенія Александретты и Ридженть-Парка. Ея религіознымъ воспитаніемъ я думаю заняться самъ, когда она разовьется настолько, что въ состояніи будетъ воспринимать мои уроки. Въ настоящее время у нея, если и есть какая-нибудь религія, то лишь магометанская, ибо она глубоко вѣритъ въ Аллаха. Да, по-моему, для молодой женщины въ ея положеніи этого и вполнѣ достаточно. Днемъ она гуляетъ въ сопровожденіи Антуанетты. Одинъ разъ она ускользнула изъ дому одна, сначала была страшно довольна, потомъ заблудилась, перепугалась и была приведена домой полисменомъ. Интересно знать, за кого онъ ее принялъ, этотъ полисменъ. Все остальное время она разсматриваетъ книжки съ картинками, или же вышиваетъ какое-то затѣйливое покрывало на кровать—безобидное занятіе, котораго ей хватитъ года на два.

По вечерамъ, когда я дома, она на часокъ приходитъ въ гостиную, пьетъ со мной кофе и слушаетъ мои поучительныя бесѣды. Въ эти часы я пользуюсь случаемъ, чтобы пожурить ее за проступки, совершенные въ теченіе дня, или же похвалить за хорошее поведеніе. И кое-что добавляю къ тѣмъ наставленіямъ, которыя даетъ ей по утрамъ милѣйшая миссъ Григгсъ. Странное дѣло! я начинаю дорожить этими вечерними занятіями. Карлотта такъ послушна, такъ весела и экспансивна. Когда у нея болитъ животикъ, она заявляетъ объ этомъ съ восхитительнѣйшей откровенностью. Иногда и я, какъ Паскуале, нахожу ее очаровательной и забываю о томъ, что у нея нѣтъ души. Но почти всегда, въ такихъ случаяхъ, происходитъ что-нибудь, напоминающее мнѣ объ этомъ. Она очень любитъ, когда ей разсказываютъ сказки. Какъ-то вечеромъ я разсказалъ ей исторію Сандрильоны. Она была въ восторгѣ. Это подало мнѣ мысль прочесть ей вслухъ шекспировскія пьесы, въ изложеніи для молодыхъ дѣвицъ. Пока я раздумывалъ объ этомъ, она неожи-

данно спросила, не хочу ли я послушать турецкую сказку. Она знаетъ много милыхъ, забавныхъ исторіекъ. Я попросилъ ее разсказать. Она свернулась калачикомъ на софѣ, въ своей любимой позѣ, и начала разсказывать.

Я не далъ ей докончить. Нужна чудовищная извращенность, чтобы позволять себѣ разсказывать такія вещи. Въ сравненіи съ ея разсказомъ, непристойнѣйшія изъ сказокъ Шехерезады, въ переводѣ Буртона, побасенки, годныя лишь для дѣтской, какъ молоко, разбавленное водой. Карлотта чрезвычайно удивилась, когда я велѣлъ ей замолчать.

— Неужели всѣ восточныя дамы разсказываютъ такія исторіи?—спросилъ я.

— Ну да, конечно же,—отвѣтила она, наивно изумляясь.— Вѣдь это же забавно.

— Ничего тутъ нѣтъ забавнаго. Молоденькой дѣвушкѣ не надо даже знать о существованіи такихъ вещей.

— Почему?

Ея вопросы всегда ставятъ меня втупикъ. Я попытался объяснить, но это оказалось не такъ-то легко. Если бъ ей сказалъ, что душа дѣвушки должна быть чистой, какъ роза, покрытая утренней росой, она не поняла бы меня и, по всей вѣроятности, сочла бы меня глупцомъ. И, по совѣсти говоря, я самъ готовъ спросить себя: да выгодно ли дѣвушкѣ быть вотъ такимъ цвѣткомъ, не разсуждающимъ и ничего не вѣдающимъ. На рояли она учится играть по нѣсколько часовъ въ день, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, хотя въ жизни можно обойтись и безъ этого; производить на свѣтъ дѣтей — занятіе поважнѣе, но къ этому она приступаетъ безъ всякой подготовки и за какой-нибудь часъ обученія должна постигнуть все. Врядъ ли это хорошая система. Да, но трудность въ томъ, чтобъ провести грань между ангельски чистымъ и порой губительнымъ невѣдѣніемъ—и тѣмъ вѣдѣніемъ, которое есть у Карлотты. Задача очень трудная и щекотливая. Вообще, эта молодая особа безъ конца ставитъ мнѣ новыя и новыя заданія. Хотя, по совѣсти сказать, они не такъ ужъ много доставляютъ мнѣ хлопотъ, какъ я предполагалъ. Если бъ кто-нибудь отнялъ у меня мою хорошенькую, прелестную персидскую кошечку, я положительно скучалъ бы о ней. А что она прелестная — это можетъ отрицать только человѣкъ, лишенный всякаго эстетическаго вкуса: смотрѣть на нее — услада глазу. И при этомъ необычайно ласкова и полна разнообразнѣйшихъ невинно-кокетливыхъ уловокъ. Когда она, напримѣръ, подноситъ къ своимъ бѣлымъ зубкамъ шоколадинку и при этомъ смотритъ

на васъ, наклонивъ головку—это прямо восхитительно. И ума она, все-таки, не лишена. Сегодня вечеромъ она спросила меня, что я пишу. Я отвѣтилъ: «Исторію морали Ренессанса».

— Что такое мораль и что такое Ренессансъ?

Если вдуматься, это вопросъ очень глубокій, надъ разрѣшеніемъ котораго иные историки и философы трудились безплодно цѣлую жизнь. Вижу, что и мнѣ слѣдуетъ отвѣтить на него болѣе или менѣе опредѣленно. Я весь вечеръ просидѣлъ, передѣлывая свое «Введеніе» и объясняя свое пониманіе этихъ двухъ терминовъ, такъ, чтобъ оно соотвѣтствовало послѣдующему изложенію. И это—благодаря Карлоттѣ.

Сколько эта дѣвочка поглощаетъ въ день шоколадныхъ конфектъ? Прямо—безъ счета. Это не можетъ быть полезнымъ для ея желудка. Надо будетъ обратить на это вниманіе.

Іюля 2-го. Телеграмма отъ Юдиѳи съ извѣщеніемъ, что она откладываетъ свой пріѣздъ до понедѣльника. Я очень соскучился по милой женщинѣ и очень огорченъ. Но въ то же время радъ, что предстоящее тягостное объясненіе откладывается. И ненавижу себя за эту радость.

Сегодня утромъ принесли вечернее выѣздное платье для Карлотты, которое портниха шила цѣлый мѣсяцъ. Меня увѣряютъ, что для лондонской портнихи это еще очень быстро. Въ честь этого событія я взялъ на сегодня ложу въ театрѣ «Ампиръ» и пригласилъ Карлотту обѣдать вмѣстѣ со мною. Послалъ приглашеніе также и м-ссъ Макъ Муррэй.

Къ половинѣ седьмого Карлотта еще не сошла внизъ. Мы ждали-ждали. Наконецъ, м-ссъ Макъ Муррэй поднялась наверхъ, въ ея комнату и вскорѣ привела застѣнчиво краснѣющую, неловкую и разогорченную Карлотту съ красными, заплаканными глазками. Моя пріятельница сдѣлала мнѣ знакъ, чтобъ я притворился, будто не замѣчаю этого. Отсутствіе веселости въ моей питомицѣ я приписалъ тому, что для нея пытка — въ первый разъ въ жизни сидѣть за цивилизованнымъ обѣдомъ. Она почти не вмѣшивалась въ разговоръ и ѣла очень мало. Я похвалилъ ея новое платье; она подняла на меня жалобные, умоляющіе глаза, какъ будто я бранилъ ее. Послѣ обѣда м-ссъ Макъ Муррэй объяснила мнѣ причину ея огорченія. Она нашла Карлотту въ слезахъ. Бѣдная дѣвочка объявила, что она никогда не посмѣетъ показаться мнѣ въ такомъ безстыдно низко вырѣзанномъ платьѣ. Не можетъ быть, чтобъ европеянки обнажались

такъ безъ всякаго стыда передъ мужчинами. Ее убѣдило только зрѣлище пышныхъ плечъ и шеи ея гостьи, и она позволила вести себя внизъ, умирая отъ стыда.

Когда мы вошли въ ложу, на сценѣ исполняла свой номеръ труппа женщинъ-акробатокъ. Карлотта ахнула отъ ужаса и отвращенія и, вся облившись горячимъ румянцемъ стыда, повернулась къ двери. Карлотта не умѣетъ притворяться. Она, дѣйствительно, была глубоко шокирована.

— Да вѣдь онѣ голыя!—говорила она, содрогаясь.

— Ради Бога, объясните ей!—сказалъ я м-ссъ Макъ Мурэй, а самъ поскорѣй вышелъ въ коридоръ.

Когда я вернулся, Карлотта уже успокоилась. Собаки, прыгавшія черезъ кольцо, привели ее въ полный восторгъ. Все остальное еще больше захватило ее. Скудость одѣяній балетныхъ танцовщицъ заставила ее снова испуганно взглянуть на м-ссъ Макъ Муррэй, но та поспѣшила успокоить ее ласковой улыбкой, а музыка, яркій свѣтъ и краски такъ плѣнили ее, что, когда занавѣсъ упалъ, она вздохнула, словно пробудившись отъ сладкаго сна.

По дорогѣ домой она спросила меня:

— И тамъ весь день такъ? О, пожалуйста, позвольте мнѣ тамъ жить!

Англійская дѣвушка изъ хорошаго общества въ восемнадцать лѣтъ не стала бы являться непрошенной въ мою гостиную и расхаживать по дому въ соблазнительномъ капотѣ, босоножкой, показывая мнѣ свои пухленькіе пальчики; не стала бы она, конечно, и разсказывать неприличныя исторіи; но совершенно спокойно надѣла бы большое декольте и смотрѣла бы на танцовщицъ въ трико безъ тѣни какихъ - либо нескромныхъ мыслей. Я правду говорилъ Карлоттѣ, что въ Англіи все подругому, чѣмъ въ Александреттѣ. Что безнравственно здѣсь, нравственно тамъ, и наоборотъ. Абсолютно нравственнаго и не существуетъ. Я очень радъ, что все это такъ было. Теперь я убѣдился, что Карлотта не лишена присущаго женщинѣ инстинкта стыдливости.

VIII.

Іюля 4-го. Юдиѳь вернулась. Я видѣлъ ее и говорилъ съ ней о Карлоттѣ.

Весь день я чувствовалъ себя, какъ порядочный человѣкъ, котораго вотъ-вотъ будутъ судить за неприличное поведеніе въ

пьяномъ видѣ. Но меня не судили, а отпустили съ предостереженіемъ. Ты, молъ, не виноватъ, но, все-таки, въ другой разъ этого не дѣлай,—удовлетвореніе довольно слабое.

Какъ только я вошелъ, Юдиѳь бросилась обнимать меня и наговорила кучу нелѣпостей. Я отвѣчалъ, какъ могъ, но врядъ ли оказался на высотѣ положенія. Для спокойнаго озера нашей привязанности такія бури не обычны.

— О, какъ я рада, какъ я рада, что я снова съ вами! Я такъ соскучилась по васъ! Я не могла писать объ этомъ. Я даже не знала, что я могу такъ тосковать о комъ-нибудь.

— И мнѣ очень недоставало васъ, милая Юдиѳь.

Она посмотрѣла на меня какъ-то странно, потомъ просіяла улыбкой.

— Я люблю васъ за то, что вы не многословны и не порывисты, какъ французы. О, я устала отъ французовъ! Вы— мой славный англійскій Маркусъ и стоите всего мужского населенія Парижа, вмѣстѣ взятаго.

— Благодарю за комплиментъ, душа моя, но, конечно, вы преувеличиваете.

— Для меня вы дороже всѣхъ мужчинъ на свѣтѣ,—объявила Юдиѳь и, усѣвшись на диванъ возлѣ меня, снова принялась болтать всякій вздоръ.

Когда буря улеглась, я засмѣялся.

— А вы вотъ заразились въ Парижѣ ихъ порывистостью.

— Можетъ быть. Хотите, научу васъ?

— Это вамъ придется учиться сдержанности, милая Юдиѳь. Вы, очевидно, это время слишкомъ шибко жили и видъ у васъ усталый.

— Это съ дороги,—отвѣтила она.

А я увѣренъ, что это отъ непривычныхъ развлеченій. Юдиѳь не очень крѣпкаго здоровья, и безсонныя ночи и вѣчное шатанье по театрамъ вредно на ней отражаются. Она исхудала, и подъ глазами у нея темные круги. И кое-гдѣ морщины на лицѣ, появляющіяся у нея только въ минуты сильной физической усталости. Я хотѣлъ было подробно изложить ей свое мнѣніе объ этомъ, такъ какъ, по-моему, для женщинъ хорошо, когда у нихъ есть человѣкъ, который можетъ откровенно бесѣдовать съ ними о такихъ вещахъ, но она нетерпѣливымъ жестомъ перебила меня:

— Ну, будетъ, будетъ. Вы лучше разскажите, что вы-то сами дѣлали все это время. Изъ вашихъ писемъ я мало что могла узнать.

— Боюсь, что я—плохой корреспондентъ.

— Я каждую писульку перечитывала десять разъ.

Въ благодарность я поцѣловалъ ея руку въ знакъ признательности. Потомъ всталъ, закурилъ папироску и обошелъ кругомъ комнату. Юдиѳь оправила юбки и усѣлась поудобнѣе, обложивъ себя подушками.

— Ну-съ, разсказывайте, какъ вы тутъ грѣшили безъ меня.

Бродячій музыкантъ игралъ на арфѣ, на улицѣ внизу, «Сладкій сонъ любви». Я поспѣшилъ закрыть окно.

— Такъ, какъ онъ, во всякомъ случаѣ, не грѣшилъ. Повѣсить бы его и его разбитую арфу вмѣстѣ съ нимъ!

— Вы стали нервны. Это новость,—засмѣялась Юдиѳь.— Отчего бы это? Совѣсть неспокойна что ли? Вы что-то скрываете отъ меня. Я давно замѣтила.

— Серьезно? Какимъ образомъ?

— Шестымъ чувствомъ, присущимъ женщинѣ.

— Будь оно проклято—это шестое чувство женщины! Оно, должно быть, развивается, какъ выростаютъ усы у кошки, чтобы восполнить недостатокъ обонянія. И, какъ усы, лѣзетъ впередъ и преисполняетъ обладательницъ его горделивой и раздражающей самоувѣренности.—Юдиѳь такъ посмотрѣла на меня, что я сразу почувствовалъ себя на скамьѣ подсудимыхъ. И сразу выложилъ всю правду.

— Случилось то, что пришла женщина и поселилась на Лингфильдской террасѣ, въ № 26. Еще нѣсколько недѣль тому назадъ она ѣла руками и была увѣрена, что земля плоска. Я нашелъ ее въ садахъ Викторіи подъ верандой Клуба націоналъ-либераловъ, а теперь она питается шоколадными конфектами и дѣтскими учебниками. Ей восемнадцать лѣтъ и зовутъ ее Карлоттой. Вотъ вамъ.

Такъ какъ папироска моя тѣмъ временемъ погасла, я сердито швырнулъ ее въ каминъ. Выраженіе лица Юдиѳи изъ насмѣшливаго стало очень серьезнымъ. Теперь она сидѣла прямо и смотрѣла на меня застывшими глазами.

— Что вы такое говорите? Что все это значитъ, Маркусъ?

— То, что я сказалъ. Я взвалилъ на себя отвѣтственность за дитя природы, такое же непосредственное и поминутно ставящее васъ въ тупикъ своею непосредственностью, какъ и гуронъ Вольтера. Она—англичанка, но жила въ гаремѣ въ Сиріи и красива, какъ гурія, въ которыхъ она вѣритъ, но къ которымъ, къ сожалѣнію, не можетъ присоединиться. На-дняхъ я собираюсь учить ее катехизису. Умываться я уже научилъ ее. Будьте добры

и пожалѣйте меня, какъ невинную жертву фантастически сложившихся обстоятельствъ.

— Я не вижу, за что же васъ жалѣть?

Я понялъ, что былъ нетактиченъ. Если есть десять способовъ сдѣлать что-нибудь, я непремѣнно выберу самый неудачный изъ десяти. Случилось именно то, чего я больше всего боялся. Я заранѣе настроилъ Юдиѳь противъ Карлотты.

— Милая Юдиѳь,—сказалъ я,—если бъ злая волшебница послала мнѣ сожителемъ большого носорога, вы, навѣрное, пожалѣли бы меня. Но когда судьба посылаетъ мнѣ не менѣе того неудобную гостью въ видѣ молодой женщины...

— Ахъ, милый Маркусъ, всякій носорогъ смыслитъ въ женщинахъ въ двадцать разъ больше вашего.—Такихъ глупостей Юдиѳь, сдается мнѣ, никогда еще не говорила.—Ну, будетъ,—продолжала она:—разскажите мнѣ толкомъ объ этой вашей Карлоттѣ.

Я разсказалъ ей все, съ начала до конца.

— Но зачѣмъ же вы все это скрыли отъ меня?

— Недовѣряю я вашему шестому чувству.

— Всякое самое элементарное женское чутье, да и не только женское, подсказало бы вамъ, что вы поступаете безразсудно.

— А вы какъ поступили бы на моемъ мѣстѣ?

— Сейчасъ же отвезла бы ее въ турецкое консульство.

— Не отвезли бы, если бъ увидѣли ея глаза.

Юдиѳь покачала головой.—Мужчины на одинъ покрой.

— Наоборотъ, характерная отличительная черта мужчинъ, какъ пола, именно та, что у нихъ больше разнообразія варіацій типа. Это фактъ, научно установленный. Вамъ подтвердитъ это и Дарвинъ, и, еще авторитетнѣе, позднѣйшіе писатели. У женщинъ гораздо больше общаго между собой, чѣмъ у мужчинъ. И анормальности у мужчинъ чаще встрѣчаются. Среди самцовъ больше чудовищъ.

— Этому я охотно вѣрую.

— Но, по крайней мѣрѣ, вы согласны со мной, что не всѣ мужчины одинаковы?

— Конечно, нѣтъ. Покажите любому изъ васъ хорошенькое личико и пару глупенькихъ дѣвичьихъ глазъ, и онъ станетъ полнымъ идіотомъ.

— Милая Юдиѳь, никакихъ хорошенькихъ личикъ мнѣ не надо, и ни однимъ изъ нихъ я не дорожу—кромѣ вашего.

— Вправду ли оно вамъ сколько-нибудь дорого?—грустно усмѣхнулась она.

— Дорогая моя,—я опустился на одно колѣно и взялъ ея руку:—я тосковалъ по немъ цѣлыхъ шесть недѣль!—И я на ея пальчикахъ сосчиталъ недѣли.

Это вернуло ей хорошее настроеніе. Какъ подумаешь, сколько и во взрослыхъ женщинахъ очаровательно дѣтскаго. Ну, гдѣ же ихъ понять мужчинѣ? Я видалъ, какъ маленькія дѣти (къ счастью, я ихъ видалъ не много) захлебывались отъ восторга, когда ихъ тянули за пальчики ножекъ, приговаривая: «А вотъ этотъ поросеночекъ пошелъ на рынокъ...» Юдиѳь тоже чуть не захлебывалась отъ восторга, когда я по ея пальчикамъ считалъ недѣли... Чудачки эти женщины!..

Цѣлый часъ она мнѣ разсказывала о томъ, что́ она дѣлала и какъ жила въ Парижѣ. Перезнакомилась съ массой народу— и очень милыми, и препротивными людьми. За ней ухаживали, льстили ей, осыпали ее любезностями. Художникъ въ широкополой шляпѣ, мѣшкомъ сидящихъ брюкахъ изъ полосатаго трипа, развѣвающемся гастухѣ и съ видомъ разочарованнаго 1830 г., объяснился ей въ любви на верхушкѣ Эйфелевой башни.

— Понимаете, смѣялась Юдиѳь: онъ говоритъ: «Умчимся вмѣстѣ. Partons ensemble. Comme on dit en anglais ply wih me. Улетимъ»...

Я замѣтила, что къ тому времени, какъ мы долетимъ до Марса, никто насъ не узнаетъ. Онъ не понялъ. Это было восхитительно.

Я засмѣялся.—Все-таки, я не понимаю, что тутъ забавнаго—шутить съ человѣкомъ, который не понимаетъ, въ чемъ соль юмора.

— Да вѣдь это же спеціально вамъ присущая форма юмора,—возразила она.—Это я отъ васъ научилась.

Быть можетъ, она и права. Я замѣчалъ, мое остроуміе рѣдко кто оцѣниваетъ сразу. Должно быть, я таки скучный собесѣдникъ. Если бъ Юдиѳь не любила меня, такая веселая женщина какъ она, врядъ ли способна была бы терпѣть мое общество долѣе получаса.

Не думаю, чтобы отъ моего присутствія на свѣтѣ жить въ немъ становилось забавнѣе; но лично я нахожу въ немъ много забавнаго, только не всегда то, что́ забавляетъ меня, смѣшитъ другихъ, когда я обращаю ихъ вниманіе на это. Должно быть, у каждаго индивидуума, какъ и у каждой цивилизаціи, свое особое мѣрило юмора. Будь я римляниномъ и эпикурейцемъ, я

бы, навѣрно, умиралъ отъ смѣха, при видѣ грузнаго христіанина, мечущагося на аренѣ, спасаясь отъ преслѣдующаго его голоднаго льва. А теперь я, навѣрно, лишился бы чувствъ отъ ужаса при видѣ такого зрѣлища. Я всегда, напримѣръ, чувствую себя варваромъ и тайнымъ грѣшникомъ, когда улыбаюсь популярному разсказу о бѣдномъ тигрѣ, на картинѣ Дорэ, который не поймалъ христіанина. Но, съ другой стороны, меня смѣшитъ безмѣрно, когда грузный полнокровный британецъ багровѣетъ отъ натуги, выкрикивая какія-нибудь плоскости на политическомъ митингѣ, а всѣ мои сосѣди смотрятъ на него безъ улыбки, очевидно, находя это въ порядкѣ вещей. Или, напримѣръ, литературный критикъ увѣряетъ, что онъ катается со смѣху, читая Дженъ Аустинъ; а по мнѣ она—скучнѣйшая писательница, которая когда-либо фотографировала пошлость. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ случилось перейти Путней-Бриджъ во фракѣ и въ цилиндрѣ; проходившій мимо представитель пролетаріата подтолкнулъ локтемъ въ ребро сосѣда, пропѣлъ, на мотивъ тогдашней модной шансонетки: «Какой на немъ нарядъ?..» и покатился со смѣху; его товарищъ вслѣдъ за нимъ. А, если бъ я повернулся къ нему и отвѣтилъ бы ему парафразой изъ Карлейля, иронически изобразившаго наготу Сентъ-Джемскаго двора: «Вамъ было бы еще смѣшнѣй, если бъ я былъ безъ всего...» они, пожалуй, проломили бы мнѣ голову за то, что я дурачу ихъ. Это возвращаетъ меня къ исходной точкѣ—къ моему замѣчанію Юдиѳи о томъ, что не стоитъ шутить съ тѣми, кто не понимаетъ шутокъ.

На ея реплику я не нашелся возразить.

— Каковъ же былъ конецъ романа?—освѣдомился я.

— Онъ занялъ у меня двадцать франковъ, чтобъ заплатить за déjeuner и послѣ этого деликатность, присущая année trente, принудила его забыть о моемъ существованіи.

— Да неужто же онъ вамъ такъ и не отдалъ этихъ денегъ?—удивился я.

Юдиѳь расхохоталась.—Нѣтъ, для философа-юмориста вы прямо-таки восхитительны.

Юдиѳь обожаетъ это слово «восхитительно» и употребляетъ его черезъ два слова въ третье, кстати и некстати.

Мы владѣемъ богатѣйшимъ языкомъ, когда-либо даннымъ народу, а пользуемся имъ такъ, какъ будто у насъ очень скудный запасъ словъ. Нескончаемое богатство нашихъ словъ мы прячемъ въ толстыхъ словаряхъ, а въ разговорѣ, какъ скряги, пользуемся только мелкою размѣнною монетой. И рады-счастливы,

когда сбережемъ мѣдное пенни, подмѣнивъ его фальшивою монетой жаргона,—такъ довольны и рады, какъ, если бъ слѣпой нищій поблагодарилъ насъ за брошенный въ его шляпу оловянный шестипенсовикъ.

Нѣчто подобное я высказалъ Юдиѳи послѣ того, какъ она вернулась на свое мѣсто, а я открылъ окно, такъ какъ бродячій менестрель перешелъ къ сосѣднему трактиру, и превращеніе «Сна Любви» въ гадкій кошмаръ уже не терзало мнѣ слуха. Юдиѳь пристально посмотрѣла на меня въ то время, пока я вдыхалъ сравнительно свѣжій воздухъ и наслаждался относительною тишиной, и молвила съ усмѣшкой:

— Вы—все тотъ же. Я рада этому. Бесѣды съ юною дикаркой изъ Сиріи ни чуточки не измѣнили васъ.

— Во-первыхъ,—возразилъ я,—въ Сиріи нѣтъ дикарей, а во-вторыхъ, какъ же она могла бы измѣнить меня?

— Если бъ сейчасъ передъ вами разверзлось небо и появился Новый Іерусалимъ,—съ чисто женской непослѣдовательностью замѣтила Юдиѳь,—вы, нимало не смущаясь, тотчасъ же начали бы разсуждать объ иконографіи ангеловъ.

Я подсѣлъ къ ней на диванъ и слегка потянулъ ее за розовое ушко. У нея красивыя уши. Это—первое, что́ мнѣ физически понравилось въ ней еще тогда, въ римскомъ пансіонѣ,— это и блѣдная, какъ ленъ, шелковая копна волосъ и фіолетовые глаза.

— Это вы въ Парижѣ научились такъ разговаривать?

Она имѣла наглость отвѣтить, что она только подражаетъ мнѣ,—и весьма удачно.

Разговоръ зашелъ о моей книгѣ. Я коснулся важнаго вопроса, настоятельно требующаго разрѣшенія:—какъ привести въ гармонію и оправдать противорѣчія въ характерахъ эпохи Ренессанса: Фра Липпо-Липпи, нарушающій свой монашескій обѣтъ и похищающій монахиню изъ монастыря; Перуджино, который копитъ деньги, ведетъ унылую жизнь скряги и въ то же время пишетъ воздушныхъ святыхъ и Мадоннъ въ своей *боттегѣ*, между тѣмъ, какъ Бальони устраиваетъ на улицахъ кровавую бойню; Лоренцо Медичи, въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ пускающій кровь своимъ согражданамъ и отъ этого милаго занятія переходящій въ Платоновскую академію на диспутъ о безсмертіи души, купающійся въ извращеніяхъ и всяческомъ развратѣ и въ то же время создающій себѣ исто-

рическое имя, какъ государь-правитель; или папа Сикстъ IV, организующій заговоръ съ цѣлью убить Медичи...

— И папа Николай V, въ пьяномъ видѣ посылающій человѣка на казнь, а потомъ, протрезвившись, оплакивающій его,—закончила Юдиѳь.

Это удивительно, какъ Юдиѳь, никогда спеціально не изучавшая исторіи, умѣетъ иной разъ попасть въ самую точку. Я три дня ломалъ себѣ голову и рылся въ своей библіотекѣ, подыскивая характерный иллюстрирующій примѣръ именно въ этомъ родѣ. А объ этомъ и не вспоминалъ. Она говоритъ о Томазо да Сарцана. Онъ, какъ я, былъ тихій, скромный человѣкъ, школьный учитель, издатель классическихъ текстовъ, мирный библіотекарь Козьмы Медичи, ученый и джентльменъ до конца ногтей; его избрали папой, — какъ лягушки избрали своимъ царемъ древесный пень, чтобы не получить въ цари аиста—Колонна; Поркари организовалъ противъ него заговоръ; заговоръ этотъ былъ раскрытъ; заговорщиковъ разыскивали по всей Италіи и предавали казни; въ числѣ другихъ былъ заподозрѣнъ и нѣкій дворянинъ Ангвиллара; Николай выписалъ его въ Римъ, снабдивъ пропускомъ для безопасности; когда онъ прибылъ, папа былъ мертвецки пьянъ (такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ его біографъ, Стефано Инфессуръ); на слѣдующее утро Его Святѣйшество, къ великому своему изумленію и огорченію, узналъ, что Ангвилларѣ отрубили голову по его приказу. И велѣлъ отслужить заупокойную мессу по убитомъ. Удивительнѣйшая исторія! Для того, чтобъ осознать всю ея необычайность, достаточно представить себѣ, что это случилось бы въ Ватиканѣ, въ наши дни—не правда ли, совершенно фантастическое и невѣроятное предположеніе? И всего удивительнѣе то, что если бы всѣ умершіе папы ожили и предстали бы на судъ предъ Господомъ, вмѣстѣ съ душой и нынѣ благополучно правящаго папы—непорочнѣйшимъ изъ всѣхъ и ничѣмъ не запятнавшимъ своего высокаго сана оказался бы единственно этотъ самый Томазо да Сарцана.

— Простите, милая Юдиѳь,—сказалъ я,—но это происходило, такъ сказать, на задворкахъ исторіи. Какимъ образомъ вамъ сталъ извѣстенъ этотъ фактъ?

— Я прочла о немъ какъ-то въ одномъ французскомъ юмористическомъ журналѣ.

Я положительно не знаю, чѣмъ больше восхищаться: легкомысліемъ ли французовъ, играющихъ такимъ образомъ историческими фактами, или же изумительной способностью ассимиляціи, которою обладаетъ Юдиѳь.

На прощанье она снова заговорила о Карлоттѣ.

— Вы покажете мнѣ эту юную красавицу?

— Это какъ вамъ будетъ угодно.

— О, что касается меня, мой милый Маркусъ, мнѣ это совершенно безразлично, — отвѣтила Юдиѳь, съ напускнымъ равнодушіемъ, подъ которымъ женщины обыкновенно прячутъ жгучее любопытство.

Я разрѣшилъ себѣ слукавить.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ нѣтъ надобности знакомиться съ ней.

— Нѣтъ, отчего же? Я, по крайней мѣрѣ, разгадаю ея фокусы и смогу предостеречь васъ.

— Противъ чего?

Она пожала плечами, какъ бы находя излишнимъ терять время съ такимъ тупоголовымъ человѣкомъ.

— Все-таки, вы лучше какъ-нибудь привезите ее сюда ко мнѣ, пить чай.

Благоразумно ли я поступилъ, признавшись Юдиѳи, что у меня живетъ Карлотта? Почему я говорю: «признавшись»? Вѣдь ничего дурного я не сдѣлалъ; наоборотъ, проявилъ образцовый альтруизмъ. Развѣ мнѣ нужно было, чтобъ явилась какая-то «юная дикарка изъ Сиріи» и перевернула вверхъ дномъ весь такъ прекрасно налаженный порядокъ моей жизни? Юдиѳь, очевидно, не понимаетъ этого. Не даромъ у меня было предчувствіе, что она отнесется недружелюбно къ бѣдной дѣвочкѣ— вотъ оно и оправдалось. Лучше было бы, пожалуй, держать языкъ за зубами. Принимая въ разсчетъ, что Юдиѳь, въ силу какихъ-то спеціально женскихъ соображеній, ей одной извѣстныхъ, никогда не бываетъ у меня, она могла бы и не узнать о существованіи Карлотты. И зачѣмъ ей непремѣнно нужно это знать? Тотъ фактъ, что эта дѣвушка живетъ у меня, нисколько не мѣняетъ моихъ отношеній къ Юдиѳи. Нелѣпо даже предполагать, что это могло бы повліять на нихъ. Да, неумно я поступилъ. Лучше было бы не говорить. Это избавило бы меня отъ многихъ непріятныхъ разговоровъ.

Письмо отъ тети Джессики со вложеніемъ пригласительнаго билета на маскарадъ въ Импрессъ-Румсъ. Что за нелѣпая женщина!

«Пріѣзжайте,—пишетъ она.—Нехорошо молодому человѣку жить затворникомъ, подобно семидесятилѣтнему старику. Сезонъ

въ разгарѣ, а я увѣрена, что вы не посѣтили и десяти «домовъ, когда, по крайней мѣрѣ, сотня лучшихъ открыта для васъ»... Терпѣть не могу этого выраженія: «лучшіе дома». И кого можетъ веселить эта глупая мишура? Если бъ я захотѣлъ развлечься, я бы лучше ужъ пошелъ на митингъ матерей, или посмотрѣть какую-нибудь серьезную драму. — Читали ли вы такой-то и такой-то романъ? Будете ли на балу у такихъ-то? Катаетесь ли верхомъ въ паркѣ? Знакомы ли съ молодымъ гвардейскимъ поручикомъ такимъ-то, который женится на лэди Бетти! Какъ вамъ понравилась академическая выставка? Какъ будто можно имѣть другое мнѣніе о картинахъ, выставляемыхъ въ академіи, кромѣ сожалѣнія о томъ, что даромъ потрачено столько свѣжихъ красокъ!.. «Вамъ надо встряхнуться»,—пишетъ тетушка. Глупая женщина! Для меня нѣтъ ничего ненавистнѣй встрясокъ. «Приходите къ намъ обѣдать въ половинѣ восьмого *en costume*, и я вамъ обѣщаю, что вы прелестно проведете время. А какъ будутъ гордиться дѣвочки, что онѣ могутъ показать знакомымъ своего *beau cousin*»! «*Et patati et patata.* Въ заключеніе она снова напоминаетъ мнѣ, что у меня есть извѣстныя обязательства передъ своимъ положеніемъ и титуломъ. Вотъ такъ способъ выполнить обязательства, наложенныя государемъ на моего прадѣда и его потомковъ, при пожалованіи ему наслѣдственнаго титула баронета!—закутаться, какъ мумія, въ пыльныя тряпки и кривляться, какъ балаганный шутъ, въ жарѣ и духотѣ передъ толпой чужихъ и совершенно мнѣ неинтересныхъ женщинъ... А, впрочемъ, насколько я припоминаю, этимъ государемъ, пожаловавшимъ нашему роду титулъ баронета, былъ принцъ-регентъ, и пожалованъ онъ былъ за услуги, оказанныя принцу моимъ предкомъ въ Брайтонѣ. Въ концѣ-концовъ, быть можетъ, въ предложеніи тети Джессики есть доля правды и жестокая иронія.

Дѣйствительно: beau cousin — нечего сказать! Какъ же, по ся мнѣнію, мнѣ слѣдуетъ одѣться! Мушкетеромъ—что ли. Или трубадуромъ въ голубомъ атласномъ камзолѣ и плащѣ съ бѣлымъ шелковымъ трико на ногахъ и греческимъ шлемомъ на головѣ, какъ м-ръ Снодгрэсъ на fête champêtre м-ссъ Лео Гунтеръ.

Хотѣлъ бы я проникнуть въ истинные мотивы тети Джессики. Чего ради я ей понадобился на этомъ маскарадѣ? Зачѣмъ она такъ настойчиво зоветъ меня? Если у ея дочерей не будетъ лучшихъ кавалеровъ для танцевъ, чѣмъ я, — смилуйся надъ ними, Боже.

Недѣли двѣ тому назадъ я возилъ ихъ кататься въ Гурлингхэмъ. Тетушка и Гвендоленъ невѣдомо куда исчезли съ пятымъ нашимъ спутникомъ, оставивъ на мое попеченіе Дору. Цѣлыхъ полтора часа я наслаждался обществомъ Доры въ чистомъ видѣ. Это такая высокая марка, что у меня разболѣлась голова. Я ужъ лучше предпочелъ бы провести эти полтора часа съ Карлоттой.

IX.

Іюля 5-го. Я позавтракалъ дома и до четырехъ часовъ лѣниво читалъ, сидя у открытаго окна. Чудная погода соблазняла меня выйти погулять. Но куда же направиться? Я думалъ объ Юдиѳи и Гэмпстедъ-Гетѣ; я думалъ о Карлоттѣ и Гайдъ-паркѣ. Среди царившей кругомъ тишины я различалъ вдали слабое рыканіе львовъ, требовавшихъ своего полдника, и едва не поддался искушенію побродить одному въ раздумьѣ по Зоологическому саду, до котораго было рукой подать. Но потомъ напомнилъ себѣ, что на мнѣ лежитъ отвѣтственность за воспитаніе Карлотты, тогда какъ ни за львовъ, ни за Юдиѳь я не отвѣтственъ. Если бы мы съ Юдиѳью стали предъявлять требованія другъ на друга, исчезла бы вся прелесть нашихъ отношеній.

Я рѣшилъ взять съ собой Карлотту въ паркъ. Ей полезно посмотрѣть, какъ ведутъ себя воспитанныя англичанки на прогулкѣ. Это будетъ, такъ сказать, урокъ декорума.

Я не презираю приличій. И самъ слѣдую имъ, до извѣстной степени. Я только не люблю, когда ихъ возводятъ въ религію откровенія. Это просто-на-просто договоръ. Мои сосѣди и я условились соблюдать извѣстныя правила, которыя позволяютъ намъ встрѣчаться, не оскорбляя другъ друга. Я обязуюсь, напримѣръ, прикрывать свой носъ носовымъ платкомъ, когда мнѣ случится чихнуть въ его присутствіи, а онъ—не вытирать грязныхъ сапогъ объ мой диванъ. Я беру на себя обязательство не шокировать его жены, выставляя передъ нею на показъ мою безнравственность; онъ обязуется не усугублять трудности моей холостой жизни, принимаясь колотить ее или же цѣловать въ то время, какъ я сижу у него въ гостяхъ. Идя къ нему обѣдать, я соглашаюсь облечься въ установленный костюмъ, который налагаетъ на меня печать принадлежности къ извѣстному общественному классу, чтобы у его гостей не возникало относительно меня никакихъ сомнѣній; онъ, взамѣнъ этого, кормитъ меня вкуснымъ обѣдомъ, поданнымъ настолько изящно

и красиво, насколько это позволяютъ его обстоятельства, и съ наименьшими неудобствами для меня. Многіе люди, кичась своимъ презрѣніемъ къ «условностямъ», только прикрываютъ этимъ эгоистическое отсутствіе вниманія къ чувствамъ и вкусамъ своихъ ближнихъ. Такъ называемая «богема» слишкомъ часто означаетъ свинское неряшество и грубую распущенность.

Приличія—это лишь правила общежитія. Поэтому мнѣ хотѣлось бы внѣдрить нѣсколько такихъ правилъ въ то, что, за отсутствіемъ болѣе точнаго термина, я долженъ назвать душой Карлотты. Это избавитъ меня отъ многихъ хлопотъ въ будущемъ.

Я позвалъ Карлотту.

— Карлотта, я хочу взять васъ съ собой на прогулку въ Гайдъ-Паркъ и показать вамъ англійскую аристократію тамъ, гдѣ она лучше всего одѣвается и лучше всего держитъ себя. И вы должны одѣться какъ можно лучше.

Карлотта просіяла.—Самое лучшее платье надѣть?

— Самое лучшее, какое у васъ есть. И поскорѣе,—улыбнулся я.

Она выбѣжала изъ комнаты и очень быстро вернулась, теперь ужъ не краснѣя отъ стыда, въ томъ самомъ вечернемъ туалетѣ съ обнаженной шеей и руками, изъ-за котораго она такъ плакала въ субботу.

Я вскочилъ съ кресла. Спора нѣтъ: она была изумительно красива, волнующе красива. У меня языкъ не поворачивался ей сказать, чтобъ она пошла переодѣлась.

Она замѣтила мое смущеніе и по-дѣтски надула губки.

— Не годится?

— Да, въ этомъ платьѣ нельзя идти гулять. Публика была бы шокирована.

— Но въ субботу вечеромъ...

— Знаю, знаю, дитя мое. На вечеръ, для того, чтобъ быть прилично одѣтой, вы должны ѣхать полуобнаженной; но выйти на улицу въ декольте днемъ было бы величайшимъ неприличіемъ. Я вамъ объясню это какъ-нибудь въ другой разъ.

— Никогда мнѣ не понять этого,—вздохнула Карлотта.

Двѣ крупныя слезы скатились по ея щекамъ.

Я растерялся.—Ради Бога! О чемъ же вы плачете?

— Вы недовольны мной. Я не могу вамъ угодить! — съ рыданіемъ въ голосѣ выговорила она.

Еще двѣ слезинки скатились ей на грудь; она стояла

передо мной, какъ дивная статуя горя. И тутъ я сдѣлалъ глупость.

На прошлой недѣлѣ мнѣ понравилась маленькая золотая брошка въ витринѣ ювелира. Я купилъ ее съ тѣмъ, чтобы подарить Карлоттѣ, при случаѣ, за особо хорошее поведеніе. Теперь, чтобъ показать ей, что я не сержусь, я вынулъ эту бездѣлушку изъ ящика письменнаго стола и вложилъ ей въ руку.

— Я такъ доволенъ вами, Карлотта, что купилъ вамъ вотъ это.

Не успѣлъ я договорить, не успѣлъ опомниться, какъ она обвила руками мою шею и, какъ ребенокъ, принялась ласкаться ко мнѣ.

Никогда въ жизни не испытывалъ я такого страннаго ощущенія, какъ это прикосновеніе юныхъ, атласныхъ рукъ, запахъ фіалокъ, шедшій отъ ея кожи и одежды. Разумѣется, я поспѣшилъ освободиться и прекратить эту неприличную демонстрацію признательности.

— Вы не должны этого дѣлать,—строго сказалъ я ей.— Въ Англіи молодой женщинѣ разрѣшается обнимать и цѣловать только своего дѣдушку.

Карлотта подняла на меня широко раскрытые печальные глаза, наморщивъ лобикъ, словно фоксъ-терьеръ.

— Но вы такъ добры ко мнѣ, сиръ Маркосъ!

— Я надѣюсь, что не я одинъ—и многіе будутъ въ вамъ добры, Карлотта. Но, если вы всѣмъ будете такъ выражать свою признательность, ее могутъ истолковать неправильно.

Я уже овладѣлъ собой, оправился отъ неожиданности и засмѣялся. Карлотта посмотрѣла на меня какъ-то сбоку; на губахъ ея блуждала улыбка, загадочная, какъ у Монны-Лизы.

— Что же они подумаютъ, если не поймутъ?

Я строго посмотрѣлъ на нее.—Они примутъ васъ за легкомысленную распущенную дѣвушку.

— Гу!—засмѣялась вдругъ Карлотта и выбѣжала вонъ изъ комнаты.

Но черезъ минуту вернулась и робко потянула меня за рукавъ.

— Пойдемте, покажите мнѣ, что я должна надѣть, чтобъ угодить вамъ.

Я позвонилъ Антуанеттѣ и далъ ей всѣ необходимыя инструкціи. Съ Карлоттой надо соблюдать свое достоинство. Она способна попросить, чтобы я замѣнилъ ей горничную.

Чудесная погода привлекла много народу въ паркъ. Мы

съ трудомъ разыскали два стула у скрещенія двухъ дорожекъ и усѣлись, разглядывая нарядную публику. Карлотту очень занимало это, и она засыпала меня вопросами. Откуда я знаю, замужняя эта дама, или незамужняя? Неужели всѣ онѣ носятъ корсеты? Почему у всѣхъ здѣсь такія счастливыя лица? А этотъ старикъ и молоденькая дѣвушка—неужели это ея мужъ? О чемъ они все разговариваютъ между собой? Отчего я не покатаю ее когда-нибудь въ такомъ прелестномъ экипажѣ? Почему у меня нѣтъ собственнаго экипажа?..—Потомъ, помолчавъ въ раздумьи нѣсколько минутъ, она, словно осѣненная вдохновеніемъ, неожиданно спросила меня.

— Сиръ Маркосъ, это ярмарка невѣстъ?

— Чего?—изумился я.

— Ярмарка невѣстъ. Я прочла объ этомъ вчера въ одной книгѣ, которую читала вслухъ миссъ Григгсъ.—Тек... Тек...

— Теккерея?

— Да-да. Это такой рынокъ, куда приводятъ продавать молодыхъ дѣвушекъ мужчинамъ, которымъ нужны жены.—Она, слегка вздрогнувъ, отодвинулась отъ меня.—Но вы вѣдь, не затѣмъ привели меня сюда—чтобы продать?

— Сколько же, вы думаете, я могъ бы получить за васъ?..—насмѣшливо спросилъ я.

Она подняла обѣ руки, сложивъ ихъ ладонями вмѣстѣ, уронивъ при этомъ зонтикъ на своего сосѣда, маленькаго пинчера, который залаялъ.

— О, кучу денегъ!—воскликнула она съ обычной своей экспансивностью.—Я—очень красивая.

Я поднялъ зонтикъ, извинился передъ хозяиномъ ушибленной собачки и сказалъ Карлоттѣ:

— Слушайте, милая дѣвочка. Вы довольно миловидны, но красавицей васъ никакъ назвать нельзя. Если бъ я попробовалъ продать васъ здѣсь, мнѣ дали бы — ну, можетъ быть, полкроны...

— Два шиллинга, шесть пенсовъ? — переспросила Карлотта, все понимавшая буквально.

— Вотъ именно. Но, вѣрнѣй всего, никто бы не купилъ васъ. Это—не брачный рынокъ. Да и такихъ рынковъ у насъ въ Англіи нѣтъ. Англійскія матери и отцы не продаютъ за деньги своихъ дочерей. Это чудовищно и невозможно.

— Значитъ, это все вранье, что я читала въ книгѣ?

— Все вранье.

Я надѣюсь, что геніальный духъ великаго сатирика проститъ меня.

— Зачѣмъ же въ книгахъ пишутъ неправду?

— Чтобы выдѣлить правду, такъ чтобъ она восторжествовала.

Ну, этотъ орѣшекъ Карлоттѣ былъ не по зубамъ. На мигъ она умолкла. Потомъ снова вернулась къ прежнему:

— А я думала: я красивая.

— Это кто же вамъ сказалъ?

— Паскуале.

— Паскуале ничего не понимаетъ въ этомъ. Есть мужчины, для которыхъ всѣ женщины моложе семидесяти лѣтъ, которыя еще сохранили зубы и не скрючены ревматизмомъ, красивы. Паскуале говоритъ то же всѣмъ женщинамъ, съ которыми онъ знакомъ. Онъ—Лотаріо и Донъ-Жуанъ, и Калигула, и Фоблазъ, и Казанова—все заразъ.

— Онъ тоже, значитъ, говоритъ неправду?

— Вретъ на каждомъ шагу. Онъ въ дружбѣ съ отцомъ Лжи, Вельзевуломъ, и тотъ выдаетъ ему всякихъ лжей по сто гроссовъ на день.

— Паскуале очень хорошенькій; онъ смѣшитъ меня и нравится мнѣ,—объявила Карлотта.

— Мнѣ очень жаль это слышать.

Собачка, обнюхивавшая платье Карлотты, неожиданно вскочила къ ней на колѣни. Быстрымъ движеніемъ руки та мгновенно отшвырнула ее прочь, словно ядовитое насѣкомое, такъ что бѣдный пинчеръ отлетѣлъ на нѣсколько ярдовъ въ сторону.

— Карлотта!—сердито воскликнулъ я, вскакивая на ноги.

Пинчеръ жалобно завизжалъ. Его хозяйки, двѣ элегантныхъ дамы, бросились къ нему, изумленно и злобно оглядываясь на Карлотту. Та, въ свою очередь, поднялась, видимо дивясь моему гнѣву. Я приподнялъ шляпу.

— Я чрезвычайно огорченъ. Не умѣю сказать вамъ, какъ мнѣ совѣстно. Надѣюсь, ваша собачка не очень пострадала? (Пинчеръ сидѣлъ теперь на колѣняхъ у своей хозяйки, жалобно помахивая ушибленнлю лапкой). Тысячу разъ извиняюсь за свою воспитанницу, но она—магометанка и въ ея глазахъ собака—нечистая тварь. Прошу васъ, объясните этотъ непріятный инцидентъ оскорбленнымъ религіознымъ чувствомъ.

Младшая изъ дамъ, разглядывавшая ушибленную лапку, съ улыбкой посмотрѣла на меня.

— Ваша воспитанница уже прощена. Пончъ не долженъ прыгать на колѣни къ незнакомымъ дамамъ, будь то магоме-

танки, или христіанки. О! онъ больше испугался, чѣмъ ушибся. А я,—она лукаво посмотрѣла на меня,—больше обижена, чѣмъ испугалась, тѣмъ, что сэръ Маркусъ Ордайнъ не узнаетъ меня.

Оказывается, Карлотта едва не убила пинчера знакомой дамы.

— Теперь я, разумѣется, узналъ васъ,—безъ стыда солгалъ я, ибо понятія не имѣлъ о томъ, кто эта дама:—но я такъ растерялся.

— Прошлой зимой, вы однажды были моимъ сосѣдомъ за ленчемъ, у м-ссъ Ордайнъ,—перебила меня дама,—и занимали меня разговоромъ о трансцендентальной математикѣ.

Теперь я вспомнилъ.

— Это преступленіе тяжелымъ бременемъ лежитъ на моей совѣсти.

— Ни одному слову не вѣрю.

Дама засмѣялась и кивкомъ головы отпустила меня. Я приподнялъ шляпу и вернулся къ Карлоттѣ.

Это была миссъ Гаскойнъ, пріятельница тетушки Джессики. И этой болтливой и кокетливой молодой женщинѣ я открыто заявилъ, что подъ моей опекой находится прекрасная магометанка, которой религіозный инстинктъ повелѣваетъ уничтожать маленькихъ собачекъ. Интересно знать, что запоетъ по этому поводу тетушка Джессика.

Я съ каменнымъ лицомъ шагалъ рядомъ съ Карлоттой.

— Вы сердиты на меня?—робко шепнула она.

— Да, сердитъ. Вы могли убить бѣдное маленькое животное. Это очень жестоко и гадко съ вашей стороны.

Карлотта расплакалась тутъ же, на бульварѣ. Теперь слезинки ужъ не катились крупными каплями по ея щекамъ, какъ недавеча, а падали обильнымъ градомъ, и она вытирала ихъ новымъ платкомъ и все время усиленно сморкалась, по-дѣтски всхлипывая. Дамы, сидѣвшія на скамейкахъ, уставились на нее въ свои лорнеты; прохожіе изумленно оборачивались на насъ. Все вниманіе всей этой веселой, нарядной толпы было сосредоточено на насъ. Черезъ минуту я уже ощущалъ на себѣ укоризненные взгляды, говорившіе мнѣ такъ краснорѣчиво, какъ только могутъ говорить глаза, что я—скотина и, очевидно, страшно мучаю бѣдную цѣвочку, ввѣренную моимъ попеченіямъ, если она плачетъ публично. Очаровательное положеніе для философа, который хвалится уравновѣшенностью своего характера. Какъ назло, ни одного свободнаго стола поблизости, и въ аллеѣ масса народа. Я слышалъ, какъ одинъ юноша сказалъ своей сосѣдкѣ:

— Это? Это Ордайнъ—недавно ему по наслѣдству достался титулъ баронета—какой-то юродивый.

Нечего сказать, пріятная характеристка.

— Ради всего святого, перестаньте плакать!—молвилъ я Карлоттѣ.—И вдругъ придумалъ—сдѣлалъ злое лицо и пригрозилъ ей, какъ ребенку:—Если вы не перестанете, я возьму и отдамъ васъ полисмену.

Эффектъ былъ поразительный. Она ахнула, испуганно воззрилась на меня, опустила вуалетку, поднятую для того, чтобъ удобнѣй было вытирать платкомъ глаза, и слезы ея мгновенно изсякли.

— Полисмену?

— Да, большому, толстому, уродливому, голубому полисмену, который сажаетъ тѣхъ, кто дурно ведетъ себя, въ тюрьму, раздѣваетъ ихъ, бреетъ имъ волосы и кормитъ ихъ только хлѣбомъ и водой.

— Я не буду больше плакать,—выговорила она, глотая слезы.—Развѣ и плакать нельзя?

— Каждая изъ этихъ дамъ скорѣе дала бы себя съѣсть заживо диспепсіи или перерѣзать на двое корсетному шнурку,—былъ суровый отвѣтъ,—чѣмъ заплакала бы на людяхъ. Давайте сядемъ здѣсь.

Мы зашли за низенькую желѣзную ограду и, миновавъ первые ряды, сѣли подальше, гдѣ было меньше народу.

— Сиръ Маркосъ все еще сердитъ на меня?—спросила Карлотта, такимъ жалобнымъ голосомъ, что отъ него растаялъ бы и бюстъ Нерона. Я прочелъ ей лекцію насчетъ жестокости къ животнымъ. Повидимому, ей никогда и въ голову не приходило, что у человѣка могутъ быть обязанности по отношенію къ низшимъ породамъ тварей. А, если бы собачка переломала себѣ ребра, развѣ ей не было бы жалко?—Она откровенно отвѣтила:—Нѣтъ, нисколько. Это скверная собаченка. Тѣмъ лучше, если она больно ушиблась. Велика важность, что собака ушибла себѣ лапку. Ей жаль теперь, что она такъ швырнула ее, потому что эта собачка принадлежитъ моимъ друзьямъ, и за это я разсердился на нее.

Разумѣется, я былъ шокированъ необдуманной жестокостью ея поступка; но гнѣвъ мой отчасти обусловливался также и боязнью публичнаго скандала, и тѣмъ, что владѣлица собаки оказалась мнѣ знакомой. Такова ужъ грустная участь наставниковъ молодежи, что они всегда должны приписывать себѣ лишь самыя возвышенныя побужденія. Я говорилъ съ Карлоттой, какъ

добрый отецъ изъ «Швейцарскаго Робинзона», изъяснялся въ такихъ благородныхъ чувствахъ, что черезъ полчаса преисполнился гордости, какъ индѣйскій пѣтухъ въ павлиньихъ перьяхъ. Я готовъ былъ прижать къ своей груди улитку и разговаривать съ гремучей змѣей, какъ дядя Тоби съ мухами. Интересно знать, не къ такимъ же ли пріемамъ прибѣгаютъ пасторы, чтобъ постоянно чувствовать себя хорошими.

Это утѣшительное сознаніе своей добродѣтели вернуло мнѣ хорошее расположеніе духа и, когда Карлотта вложила свою ручку въ мою, спрашивая, простилъ ли я ее, я великодушно завѣрилъ ее, что прошлое забыто.

— Только отучитесь вы, пожалуйста, отъ этой привычки каждую минуту плакать. Одинъ очень умный человѣкъ по имени Бертонъ, въ своей «Анатоміи грусти»—прекрасной книгѣ, которую я вамъ дамъ прочесть, когда вамъ стукнетъ шестьдесятъ,—говоритъ: «Плачущая женщина такъ же не идетъ въ счетъ, какъ и гусыня, которая ходитъ босикомъ».

— Противный старикашка! Женщины плачутъ потому, что онѣ чувствуютъ себя несчастными. Мужчины никогда не бываютъ несчастны, потому мужчины и не плачутъ никогда. Моя мама, бывало, все плакала въ Александреттѣ, а Хамди—она вдругъ разсмѣялась очаровательнымъ, звонкимъ смѣхомъ—скорѣй увидишь гуся въ ботинкахъ и чулкахъ, какъ Котъ въ сапогахъ въ сказкѣ—чѣмъ Хамди плачущимъ. Ту!..

Полчаса спустя, когда мы ѣхали домой, она прервала довольно долгое молчаніе, очевидно, посвященное размышленію, словами:

— Сиръ Маркосъ?

— Что?

У нея милая дѣтская манера тереться объ васъ, когда ей хочется задобрить васъ.

— Такъ пріятно было обѣдать съ вами тогда, въ субботу.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— О да-а! Когда вы позовете меня опять обѣдать съ вами, въ знакъ того, что вы простили меня?

Въ наемномъ кэбѣ вдвоемъ сидѣть такъ тѣсно, что ей особенно удобно было ластиться.

— Сегодня же,—отвѣтилъ я, и Карлотта отъ удовольствія заворковала.

Я замѣчаю, что она мало-по-малу проникается обычаями Запада.

Іюля 8-го. Повинуясь настойчивому приглашенію Юдиѳи, сегодня днемъ я повезъ къ ней Карлотту. Обмѣнявшись рукопожатіемъ съ моей пріятельницей, я повернулся и сказалъ:

— Ну вотъ, милая Юдиѳь, я вамъ привезъ Карлотту.

— Очень рада васъ видѣть.

— И я тоже,—отвѣтила Карлотта.

Она сидѣла, вытянувшись въ струнку, на кончикѣ стула и на вопросы Юдиѳи отвѣчала односложно. Все время она держала себя безупречно, какъ барышня, только-что вышедшая изъ французскаго монастыря. А въ экипажѣ передъ тѣмъ хохотала, какъ сумасшедшая, потому что я велѣлъ ей выплюнуть какое-то тягучее сладкое тѣсто, котораго она набрала въ ротъ и не могла ни разжевать, ни проглотить, а она предлагала мнѣ вытащить его у нея изо рта пальцами. Но теперь, ни одна институтка не могла бы сравниться съ нею въ благонравіи. Мнѣ забавно было видѣть напрасныя усилія Юдиѳи проникнуть за эту стѣну сдержанности. О чемъ бы ее ни спрашивали, Карлотта отвѣчала только: «О да-а!» или «Нѣ-ѣтъ». Разговоръ былъ не изъ веселыхъ. Такъ какъ Юдиѳь интересовалась, главнымъ образомъ, Карлоттой, я стушевался и думалъ о своемъ. Наконецъ, послѣ паузы, Карлотта очень вѣжливо замѣтила:

— У м-ссъ Мэнуорингъ очень красивый домъ.

— Какой же это домъ?—маленькая квартирка. Хотите посмотрѣть ее?—поспѣшила предложить Юдиѳь, бросивъ мнѣ краснорѣчивый взглядъ, ясно говорившій:—Ну, теперь, когда мы будемъ съ ней однѣ, я сумѣю заглянуть къ ней въ душу.

— Я очень бы хотѣла,—сказала Карлотта, поднимаясь съ мѣста.

Я распахнулъ дверь передъ обѣими и закурилъ папироску. Десять минутъ спустя онѣ вернулись—Карлотта улыбающаяся, спокойная, видимо, вполнѣ довольная собой; Юдиѳь—съ красными пятнами на щекахъ.

При видѣ ея странное новое чувство закралось мнѣ въ душу — жалость къ ней. Передо мною и сейчасъ стоитъ это взволнованное, жалкое лицо. Весь вечеръ онѣ стояли обѣ, рядомъ, передъ моими глазами, обѣ на свѣту, эффектно выдѣляясь на фонѣ темной портьеры. — Одна бьющая въ глаза своею молодостью, здоровьемъ, яркостью красокъ, красотой—цвѣтокъ, едва лишь распустившійся; другая—съ печатью на челѣ заботъ и того знанія, которое умножаетъ скорбь, съ глазами, въ которыхъ проходятъ тѣни отжитыхъ, умершихъ лѣтъ. Она сама казалась тѣнью—въ бѣломъ пике, отъ котораго еще блѣднѣй казалось ея

бѣлое лицо и блѣдныя губы, и волосы цвѣта свѣтлой соломы, а фіолетовые глаза и красныя пятна на щекахъ еще подчеркивали эту блѣдность.

Я видѣлъ, что она чѣмъ-то разстроена.

— Прежде чѣмъ мы уйдемъ,—сказалъ я,—мнѣ надо кой о чемъ спросить васъ. Карлотта не обидится.

Мы перешли въ столовую. Я взялъ руку Юдиѳи, холодную, несмотря на іюльскій зной.

— Ну, милая, какъ вы находите мою «сирійскую дикарку»?

Юдиѳь засмѣялась—по-моему, дѣланнымъ смѣхомъ.

— Это все, что вы хотѣли мнѣ сказать?

Она выдернула свою руку и стала передъ зеркаломъ поправлять волосы.

— Я нахожу ее совершенно неинтересной. И разочарована. Я ждала чего-нибудь оригинальнѣе, забавнѣе. Но, право же, мой милый Маркусъ, она *bête à pleurer* — глупа дотого, что плакать хочется.

— Плакать-то она умѣетъ.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ? И, когда она плачетъ, вы, разумѣется, какъ всѣ мужчины, сдаетесь и позволяете ей дѣлать все, что она хочетъ?—И Юдиѳь засмѣялась.

— Милая Юдиѳь, вы понятія не имѣете, о спасительной дисциплинѣ, царящей на Лингфильдской Террасѣ.

Неожиданно, со свойственной ей быстротой перемѣны настроенія, она повернулась и схватила меня за руки.

— Маркусъ, милый, я такой одинокой чувствовала себя всю эту недѣлю!—Когда вы придете ко мнѣ?

— Въ воскресенье мы уѣдемъ за городъ на цѣлый день.

Спускаясь по лѣстницѣ съ Карлоттой, я думалъ о томъ, что Юдиѳь такъ и не сказала мнѣ, почему у нея красныя пятна на щекахъ.

— Мнѣ нравится она,—сказала Карлотта.—Такая милая старая дама.

— Старая дама?! Что вы такое выдумали?—Я былъ искренно изумленъ. Она—молодая женщина.

— Пфа! Ей сорокъ лѣтъ.

— Ничего подобнаго. Она на много лѣтъ моложе меня.

— А зачѣмъ она не хотѣла сказать мнѣ, сколько ей лѣтъ.

— А вы спросили?

— О да-а. Я была очень съ ней любезна. Я прежде всего

спросила, замужемъ ли она. Она сказала: да. Тогда я спросила, какъ поживаетъ ея мужъ. Она сказала, что не знаетъ. Такъ смѣшно. Какъ же такъ она не знаетъ, сэръ Маркусъ.

— Все равно; разсказывайте дальше, какъ вы были съ ней любезны.

— Я спросила, сколько у нея дѣтей. Она сказала: вовсе нѣтъ. Я сказала, что это очень жаль. А потомъ сказала: «мнѣ восемнадцать лѣтъ, и я хочу поскорѣй выйти замужъ, чтобъ у меня были дѣтки. А вамъ сколько? «Но она не сказала. Тогда я говорю: «Вамъ, должно быть, столько лѣтъ, сколько было бы моей мамѣ, если бъ она была жива». Ну, еще тамъ разное спрашивала про ея мужа—я ужъ теперь забыла. О, я была очень любезна!..

Она съ улыбкой подняла глаза, ожидая, чтобъ я похвалилъ ее. Я готовъ былъ изругать ее, но удержался, вспомнивъ, что, съ точки зрѣнія гаремныхъ правилъ этикета, она, дѣйствительно, была «очень любезна». Но каково это моей бѣдной Юдиѳи! Всѣ наивные вопросы этой дѣвочки рѣзали ее ножемъ по самымъ чувствительнымъ мѣстамъ. Ея мужъ?—Красивый негодяй, который женился на ней, сдѣлалъ ее несчастной и черезъ два года бросилъ. Дѣти?—о! *я* знаю, какъ она жаждала имѣть дѣтей, которыя бы скрасили ея безрадостную жизнь—и не имѣла ихъ. Ея годы? — Только очень счастливая въ семейной жизни женщина безпечно щелкаетъ пальцами, говоря о томъ, что ей ужъ скоро стукнетъ сорокъ, да и то это, въ большинствѣ случаевъ, «бравада». А эта дѣвочка, съ милой безцеремонностью молодости, говоритъ ей: «Мнѣ восемнадцать лѣтъ,—а вамъ?»

Бѣдная моя Юдиѳь! На обратномъ пути домой, я еще разъ пытался выяснить Карлоттѣ разницу между взглядами на эти вещи на Западѣ и на Востокѣ.

— Сиръ Маркосъ, — спросила Карлотта въ этотъ вечеръ, за обѣдомъ—я рѣшилъ, что отнынѣ она всегда будетъ обѣдать вмѣстѣ со мной; безспорно пріятно видѣть за обѣдомъ напротивъ себя хорошенькое личико и слушать ея ребяческую болтовню. Въ его присутствіи, я, щадя щепетильность Стенсона, стараюсь удерживать въ границахъ приличія при помощи очень простого средства: когда она зарвется, я начинаю почесывать себѣ кончикъ носа (Карлотта отъ этого въ восторгѣ) — сиръ Маркосъ, почему у м-ссъ Мэнуорингъ въ спальнѣ вашъ портретъ?

Я радъ, что Стенсона въ это время не было въ столовой. Его отсутствіе спасло мой носъ. Я объяснилъ ей, что въ Англіи

дамы собираютъ фотографическія карточки своихъ друзей мужчинъ и употребляютъ ихъ,—иной разъ совсѣмъ некстати—для украшенія своей квартиры.

— Но это такая огромная фотографія — вотъ такая!..— Карлотта преувеличенно широко развела руками.

— А это оттого, что я очень красивый.

Карлотта завизжала отъ смѣха. Моя шутка показалась ей такой забавной, что она еще нѣсколько разъ потомъ ни съ того ни съ сего принималась хохотать и, къ счастью, позабыла о своемъ нескромномъ вопросѣ.

X.

Іюля 10-го. Юдиѳь и я весь день провели за городомъ. Есть такая маленькая станція, всего въ полутора часахъ ѣзды отъ Лондона, гдѣ можно найти въ деревенской гостиницѣ отличныя яйца и ветчину, а на лугу копны сѣна, у которыхъ можно лежать и прожевывать жвачку наслажденія всѣми этими прелестями вмѣстѣ съ коровами, которыя пасутся тутъ же на лугу, или въ сосѣдней рощѣ. Юдиѳь питаетъ страсть къ яйцамъ, ветчинѣ и копнамъ сѣна. Мое собственное восхищеніе этими благами жизни умѣряется философскимъ спокойствіемъ, присущимъ моему характеру.

На ней было батистовое платье нѣжно-голубого цвѣта, который идетъ къ блѣдной окраскѣ ея личика и волосъ. Въ немъ она, положительно, хорошенькая. Когда я сказалъ ей это, она зардѣлась, какъ молоденькая дѣвушка. Я радъ, что она снова весела. Въ послѣдніе мѣсяцы она хандрила, нервничала, у нея часто мѣнялось настроеніе, и это вносило нѣкоторыя шероховатости въ гладкое озеро нашихъ товарищескихъ отношеній. Но сегодня «темпераментъ» ея ничѣмъ не проявлялся. Она была именно той милой, живой, остроумной Юдиѳью, какой я люблю ее видѣть, съ оттѣнкомъ кокетливости, внесеннымъ уже по собственной инціативѣ. Она даже ласково говорила о Карлоттѣ. Давно уже я не проводилъ такого пріятнаго дня съ Юдиѳью.

Не думаю, чтобъ она нарочно такъ вела себя, чтобы доставить удовольствіе. Это было бы мнѣ непріятно. Я знаю, что женщина, когда хочетъ понравиться ничего не подозрѣвающему мужчинѣ, способна пройти нѣсколько миль съ нимъ рядомъ и при этомъ блаженно улыбаться, хотя на ногахъ у нея водяные

пузыри. Но Юдиөь не такова—для этого у нея черезчуръ много здраваго смысла.

Другой пріятной чертой нашей прогулки было отсутствіе сантиментальности, которую Юдиөь за послѣднее время, въ особенности, послѣ своего возвращенія изъ Парижа, проявляетъ слишкомъ усердно. Это баловство отъ нечего дѣлать—ибо таково оно и есть въ дѣйствительности—было вытѣснено интеллектуальнымъ интересомъ. У нея есть большой пріятель, Виллоуби, экономистъ-статистикъ, который, въ часы досуга, подъ веселую руку, пишетъ статьи для популярныхъ журналовъ, иллюстрируя ихъ таблицами и діаграммами. Онъ рисуетъ, напримѣръ, человѣчковъ, изображающихъ каждый какую-нибудь націю, разнаго роста и объема, соотвѣтственно количеству населенія страны, гдѣ обитаетъ эта нація; и возлѣ нихъ рядъ свиней, большихъ и маленькихъ, въ зависимости отъ того, сколько свинины потребляетъ тотъ или другой народъ. Для чудаковъ, которые питаются фактами (для меня лично это все равно, какъ если бъ меня заставили ѣсть однѣ яичныя скорлупки), такого рода свѣдѣнія, иллюстрированныя наглядными примѣрами, имѣютъ большую привлекательность. Но Юдиөь, какъ женщина — у большинства женщинъ пищевареніе капризничаетъ, и умственное, и физическое — просто тѣшится высчитываніемъ, сколько такой-то министръ за всю свою жизнь съѣлъ свиней и сколько земной поверхности можно покрыть, если выложить всѣ щетки, которыя производитъ страна въ теченіе года. Я не осуждаю ее за это, точно такъ же, какъ не могу ее осуждать за пристрастіе къ редискѣ, отъ которой я болѣю; вѣдь, у нея есть и здоровые вкусы. Наоборотъ, хвалю ее. Теперь, повидимому, интересъ публики къ этимъ невиннымъ фокусамъ, избавляющимъ отъ необходимости мыслить самому и преподносящимъ знанія въ видѣ позолоченной пилюли, такъ возросъ, что Виллоуби одному уже не справиться съ своей задачей. Ему нуженъ помощникъ, и онъ обратился къ Юдиөи. Я уговорилъ ее согласиться. Для нея это будетъ отлично. Это займетъ ея время и направитъ ея мысли по другому руслу, прочь отъ сантиментальности, къ которой она слишкомъ склонна и, если только она не будетъ преподносить мнѣ за обѣдомъ трудно переваримыхъ фактовъ, сдѣлаетъ ее еще болѣе пріятной собесѣдницей.

На прощанье я поцѣловалъ ее.

— За двѣнадцать часовъ, Маркусъ, это—въ первый разъ,— сказала она, очень ласково, но, все-таки, съ укоромъ.

Но *Sacré nom d'un petit bonhomme!* какъ говорятъ фран-

цузы, неужели же двумъ людямъ, которые поѣхали вмѣстѣ гулять, необходимо все время тереться губами другъ о друга? Если бъ св. Павелъ, въ своемъ знаменитомъ изреченіи, гласящемъ, что для всего есть свое время, упомянулъ о поцѣлуяхъ, это было бы многимъ очень и очень полезно.

Іюля 13-го. Сегодня вечеромъ, впервые съ тѣхъ поръ, какъ я вступилъ во владѣніе наслѣдственными помѣстьями (поскольку таковыя у меня имѣются), я почувствовалъ, какъ бѣдность парализуетъ лучшія стремленія. Будь я очень богатъ, я купилъ бы оба сосѣднихъ дома, сломалъ бы ихъ и на ихъ мѣстѣ выстроилъ бы башню въ сорокъ футовъ вышиною. На самой верхушкѣ башни была бы комната, очень удобная, куда можно было бы подняться только на наружномъ лифтѣ, и въ эту комнату я забирался бы, когда мнѣ только вздумается, чтобъ обезпечить себя отъ всякихъ помѣхъ и вторженій. Тамъ не царапалась бы ко мнѣ въ дверь одноглазая кошка Антуанетты, прося впустить ее; сама Антуанетта не являлась бы туда, подъ предлогомъ хозяйственныхъ соображеній, и не вела бы со мной безцѣльныхъ и докучныхъ разговоровъ; туда не могла бы проникнуть и Карлотта, которая теперь ужъ проникаетъ всюду, какъ запахъ пикулей на фабрикѣ Блакведя и Кросса. Она входитъ ко мнѣ, не постучавшись, перерываетъ мои книги, ища картинокъ, валяется на диванѣ, ничего не дѣлая, выкуриваетъ лучшія мои папиросы, напѣваетъ мелодіи, которымъ она научилась отъ шарманщиковъ, перегибается черезъ мое плечо посмотрѣть, что я пишу, жуетъ свои вѣчныя сладости надъ самымъ моимъ ухомъ и хохочетъ, когда я ей говорю, что изъ-за нея я потерялъ нить мыслей. Разумѣется, я могу поступить съ ней круто—взять ее за плечи и вытолкать изъ комнаты. Но почему-то я забываю это сдѣлать, пока не вспомню, что потерялъ рабочій день — а это всегда бываетъ слишкомъ поздно.

Я думалъ, что, по крайней мѣрѣ, въ тѣ часы, когда миссъ Григгсъ занимается съ Карлоттой, а Антуанетта и ея кошка заняты очисткой сковородъ, убранныхъ со стола, послѣ завтрака, мое уединеніе уже не можетъ быть нарушено. Оказывается, и тутъ я ошибался. Одно спасеніе теперь—башня. А башня мнѣ не по карману, и отнынѣ я — во власти всякой четвероногой, или двуногой кошки, которой захочется подмести своими юбками или своимъ хвостомъ мою гостиную.

Я приводилъ въ порядокъ свои матеріалы и замѣтки. Мнѣ пришла блестящая мысль относительно сопоставленія жизни Франсуа Виллона и современнаго ему двора Козьмы Медичи, и

я только было хотѣлъ записать ее, какъ отворилась дверь и Стенсонъ доложилъ:

— М-ссъ Ордайнъ и миссъ Ордайнъ.

Вошли тетушка Джессика и Дора и, разумѣется, вдохновеніе тотчасъ отлетѣло. Я до сихъ поръ еще не пришелъ въ равновѣсіе.

Тетушка своими извиненіями, а Дора, своими юбками заполнили всю комнату. Я долженъ простить ихъ за вторженіе. Онѣ знали, что я работаю въ эти часы, но онѣ надѣются, что я не разсержусь.

— Я хотѣла, чтобъ мама написала вамъ, но она настояла на томъ, чтобы пойти самимъ,—весело говорила Дора. Я бормоталъ какія-то учтивости и придвигалъ имъ стулья. Но Дора не сѣла и озиралась кругомъ съ женскимъ любопытствомъ. Женщины, когда попадаютъ въ комнату холостяка, стараются все вынюхать, словно доискиваясь спрятанныхъ женъ Синей Бороды.

— Нѣтъ, какія у васъ прелестныя комнаты! А книгъ сколько! Ни одного мѣстечка свободнаго на стѣнѣ.

Она осматривала одну за другой всѣ полки съ книгами, между тѣмъ, какъ тетушка объясняла мнѣ цѣль своего визита. Кто-то—я ужъ забылъ, кто именно—предоставилъ въ ихъ распоряженіе яхту. И онѣ собираютъ компанію—прокатиться въ норвежскіе фіорды. Лордъ такой-то и миссъ такая-то, и тѣ, и эти уже обѣщали, но имъ крайне необходимъ мужчина, который бы игралъ роль хозяина—а то онѣ, три одинокихъ женщины, будутъ всецѣло отданы на произволъ шкипера. Само собой, въ этомъ затруднительномъ положеніи онѣ рѣшили обратиться ко мнѣ, главѣ семьи—что можетъ быть естественнѣе?

— Боюсь, милая тетушка,—сказалъ я,—что среди моихъ знакомыхъ не найдется подходящаго человѣка, который бы могъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ шкипера. По крайней мѣрѣ, сейчасъ я не могу указать вамъ никого.

— Но кто же васъ проситъ указывать?—засмѣялась она.— Мы хотимъ уговорить васъ самихъ сжалиться надъ нами.

— Я?—я очень жалѣю васъ—море теперь бурное, и вы всѣ переболѣете морской болѣзнью.

Дора прекратила осмотръ полокъ и перебѣжала черезъ комнату.

— Нѣтъ, я готова приколотить его! Вѣдь онъ нарочно представляется, будто не понимаетъ. Я не знаю, что мы будемъ дѣлать, если вы откажетесь поѣхать съ нами.

— Вы не можете отказать намъ, Маркусъ. Это будетъ прелестная поѣздка—яхта такая удобная—тихіе синіе фіорды—поваръ-французъ—намъ удалось добыть чудеснаго... Вы окажете намъ огромную услугу...

— Ну соглашайтесь же скорѣй,—просила Дора.

И зачѣмъ она—такая Юнона? Крупныя, атлетическаго сложенія женщины съ веселыми, звонкими голосами всегда подавляютъ меня. Съ тетушкой я еще могу справиться—ее можно одурманить словами. Но Дора никакой ироніи не понимаетъ; она просто захохочетъ, скажетъ: «О, какой вздоръ!»—и я пасcую; противъ этого въ моемъ арсеналѣ нѣтъ оружія.

— Это ужасно мило съ вашей стороны, что вы вспомнили обо мнѣ,—сказалъ я тетушкѣ,—и предложеніе очень соблазнительное—навѣрное, это будетъ прелестная прогулка,—но...

— Но что же?

— Я такъ страшно занятъ.

Тетушка Джессика встала, снисходительно улыбнулась мнѣ, словно балованному мальчику, и увела меня на балконъ, между тѣмъ какъ Дора смиренно пошла въ другую комнату разсматривать книги на полкахъ.

— Не можете ли вы отложить ваши занятія? Бѣдная Дора будетъ безутѣшна.

Я уставился сначала на нее, потомъ на широкую спину и крутые бока Доры. Безутѣшна? Не могу сообразить, къ чему клонитъ тетушка. Будь она мѣщанкой, силящейся проскользнуть въ общество черезъ родственника баронета, я бы еще понялъ, что для нея важно похвастать всѣмъ своею близостью со мной. Но въ ея гостиной титулы такая же обычная вещь, какъ и чайныя чашки. А что касается безутѣшности Доры...

— Если я поѣду, она будетъ до смерти скучать со мной,—возразилъ я.

— Она готова рискнуть и этимъ.

— Но зачѣмъ же ей идти на мученичество?

— Есть и еще причина,—продолжала тетушка, игнорируя мою настойчивость и успокаивая меня взглядомъ,—есть и еще причина, почему вамъ слѣдовало бы поѣхать вмѣстѣ съ нами.—Она понизила голосъ.—На прошлой недѣлѣ вы встрѣтились въ паркѣ съ миссъ Гасконь...

— Очень милая и привлекательная молодая лэди.

— Боюсь, что вы съ ней были нѣсколько нескромны. Пойдутъ разговоры...

— Тогда нескромность будетъ ужъ не на моей сторонѣ, а на сторонѣ тѣхъ, кто будетъ говорить.

— Ни, милый Маркусъ, если вы показываетесь въ обществѣ съ молодой и красивой женщиной, которую вы выдаете за свою воспитанницу и магометанку, и эта молодая особа публично устраиваетъ сцену — чего же вы хотите? — о чемъ же обществу и говорить, какъ не объ этомъ?

— Есть и другія темы: напримѣръ, ученіе о предопредѣленіи, или цѣны на рыбу, — вѣжливо отвѣтилъ я.

— Но, увѣряю васъ, Маркусъ, это пахнетъ скандаломъ. Мнѣ уже говорили, будто она и живетъ здѣсь.

— Люди всякое говорятъ: и правду, и неправду.

Тетушка со вздохомъ подтвердила это кивкомъ головы, и нѣкоторое время мы бесѣдовали съ ней объ испорченности человѣческой натуры.

— Я думаю, — сказала она вдругъ, — что если бъ вы привезли къ намъ вашу воспитанницу и, если бъ она могла принять участіе въ этой поѣздкѣ въ Норвегію, скандалъ можно было бы затушить въ самомъ началѣ.

Она зорко смотрѣла на меня, и подъ ея ласковой улыбкой я видѣлъ суровость закаленнаго бойца. Она очень умно разставила мнѣ западню.

Я взялъ ея руку и, какъ эмигрантъ — *ci-devant* въ костюмной драмѣ, склонился надъ ней и поцѣловалъ ей кончики пальцевъ.

— Благодарю васъ, дорогая тетушка, за вашу благородную вѣру въ мою порядочность, и увѣряю васъ, что я вполнѣ заслуживаю вашего довѣрія.

Веселый, громкій смѣхъ, раздавшійся въ сосѣдней комнатѣ, перебилъ меня.

— Вы что тамъ — репетируете какую-нибудь пьесу? — крикнула оттуда Дора.

Такъ какъ на мнѣ была поношенная, старая тужурка и татарскія желтыя туфли, купленныя года два назадъ въ Танжерѣ, а волосы мои стояли торчкомъ, благодаря привычкѣ запускать въ нихъ пальцы во время работы, пожалуй, со стороны, моя поза и не казалась такой благородной, какой она казалась мнѣ. Я воспользовался этой диверсіей, чтобъ увести тетушку обратно въ комнату, и скоро къ намъ присоединилась Дора.

— Ну, что — уговорила васъ мамаша?

— Милая Дора, неужели тутъ надо уговаривать? Какъ вы можете это думать?

— Это можно понимать различно. Въ родѣ Пальмерстоновскаго: «Любезный сэръ, я не потрачу даромъ времени на чтеніе вашей книги»...

Плутовка эта Дора.

— Увы,—сказалъ я,—мой педантизмъ по части историческихъ цитатъ заставляетъ меня внести поправку: это сказалъ не Пальмерстонъ, а Биконсфильдъ.

— Ну, такъ онъ заимствовалъ это у Пальмерстона.

— Дѣти, не ссорьтесь,—вставила тетушка, любовно-материнскимъ тономъ, который мнѣ особенно противенъ.—Маркусъ провѣритъ,—какъ у него распредѣлено это время, и денька черезъ два дастъ намъ знать.

— Когда вы думаете ѣхать?

— Очень скоро. 20-го, не позже.

— Во всякомъ случаѣ, я увѣдомлю васъ своевременно.

Провожая ихъ внизъ, я слыхалъ стукъ двери въ концѣ верхняго коридора и, повернувшись, увидалъ просунувшуюся въ дверь хорошенькую головку Карлотты: она разглядывала посѣтительницъ. Я махнулъ ей рукой, чтобъ она спряталась, и тетушка и Дора вышли, не замѣтивъ ея. Стукъ колесъ ихъ удалявшагося экипажа былъ музыкой для моихъ ушей.

Карлотта выбѣжала изъ своей комнаты; за ней протестующая миссъ Григгсъ.

— Кто эти нарядныя барыни?

— Кто эти леди,—поправилъ я.

— Ну, леди. Кто онѣ такія?

— Мои пріятельницы.

Затѣмъ слѣдовалъ неизмѣнный вопросъ:

— Она замужемъ—младшая?

— Миссъ Григгсъ,—сказалъ я,—пожалуйста, втолкуйте вы Карлоттѣ, что англійскія женщины не думаютъ о бракѣ, пока за нихъ не сватаются, да и послѣ того мысли ихъ не идутъ дальше свадьбы.

— Но она-то—невѣста уже?—допытывалась Карлотта.

— Я отъ души желалъ бы, чтобъ она была уже невѣстой, потому что тогда она не являлась бы сюда мѣшать мнѣ,—неосторожно пошутилъ я.

— О! значитъ, ей хочется выйти замужъ за васъ!—воскликнула Карлотта.

— Миссъ Григгсъ,—сказалъ я,—Карлоттѣ надо продолжать занятія.—И пошелъ наверхъ, вздыхая о прекрасной башнѣ съ лифтомъ снаружи.

Іюля 14-го. Около девяти часовъ явился Паскуале и засталъ насъ играющими въ карты.

Онъ—перелетная птица и не имѣетъ постояннаго мѣста жительства. Мѣсяца полтора тому назадъ онъ сдалъ свои комнаты въ Сентъ-Джемсѣ и поселился вмѣстѣ съ пріятелемъ-актеромъ, у котораго есть своя дача на Сентъ-Джонсъ-Вудъ-Родѣ, недалеко отсюда. Почему Паскуале, который обожаетъ людные центры, кипящіе жизнью и движеніемъ, вздумалъ поселиться въ этой полуаркадской пустынѣ, не могу понять. Онъ говоритъ, что здѣсь ему удобнѣе думать.

Паскуале—и думать! Это все равно, какъ если бъ семга стала увѣрять, что ей удобнѣе пѣть въ прудѣ. Въ результатѣ этого сосѣдства онъ теперь частенько, по пути домой, заглядываетъ къ намъ, обыкновенно въ поздніе часы.

— О, ради Бога, не трогайтесь съ мѣста и не портите картины!—вскричалъ онъ.—Какая идиллическая парочка! Во что же это вы играете? Въ криббеджъ? Я такъ и думалъ. Если бъ мнѣ предложили угадать, какой игрой вы развлекаетесь въ часы послѣобѣденнаго отдыха, я бы поклялся, что это—криббеджъ.

— Прекрасная игра,—сказалъ я.—По правдѣ говоря, это единственная игра, которую я помню. Терпѣть не могу картъ. Скучаю за ними до смерти. И за шахматами тоже. О нихъ говорятъ, что это—интеллектуальная игра, упражняющая умъ. Но, помоему, если человѣку желательно упражненіе для ума, въ этомъ сложномъ мірѣ достаточно проблемъ, надъ которымъ онъ можетъ утруждать свои мозги съ большею пользой для себя и міра. А что касается препровожденія времени—когда двое или больше интеллигентныхъ людей сидятъ за картами, мнѣ все кажется, что они оскорбляютъ другъ друга предположеніемъ, что они не умѣютъ разговаривать и говорить имъ не о чемъ. Все это не относится, конечно, къ моей игрѣ съ Карлоттой. Она—ребенокъ, и ее надо забавлять. Она замѣчательно быстро научилась криббеджу и, хотя мы играемъ только третій вечеръ, она уже обыгрываетъ меня.

— Криббеджъ—отличная игра,—повторилъ я. Паскуале засмѣялся.

— Конечно. Весьма почтенное занятіе. Дарби и Джонъ вотъ ужъ тысячу лѣтъ каждый вечеръ развлекаются этой игрой. Продолжайте, пожалуйста.

Но Карлотта смѣшала карты, бросила ихъ на столъ, а сама улеглась на диванъ и объявила, что предпочитаетъ слушать Паскуале.

— Онъ говоритъ такія смѣшныя вещи!

Потомъ вскочила съ дивана и протянула ему коробку съ шоколадными конфектами, которыя всегда у нея подъ рукой. Какъ гибки и быстры всѣ ея движенія!..

— Паскуале говоритъ, что вы были его школьнымъ учителемъ и колотили его большой палкой,—сказала она, поворачивая ко мнѣ голову, въ то время, какъ Паскуале выбиралъ себѣ конфетку.

Онъ такъ неловко выбиралъ, что коробка выпала изъ рукъ Карлотты, и конфекты разсыпались по полу. Оба на колѣняхъ стали подбирать ихъ, перешептываясь между собой и хохоча.

Странно! Я не могу припомнить, чтобы Паскуале когда-нибудь въ моемъ присутствіи разсказывалъ Карлоттѣ о своей школьной жизни. У меня вертѣлось на языкѣ спросить: когда же это онъ успѣлъ наврать ей, будто бы я билъ его? Въ нашей школѣ не только воспитатели не имѣли права бить учениковъ, но Паскуале-то поступилъ прямо въ шестой классъ, слѣдовательно, никакъ уже не могъ подвергаться тѣлесному наказанію, но въ это время они оба, раскраснѣвшіеся и запыхавшіеся, поднялись съ пола. Паскуале началъ разсказывать что-то забавное, и приготовленный вопросъ вылетѣлъ у меня изъ головы.

Все это неважно. Важно то, что сегодняшній визитъ Паскуале помогъ мнѣ сдѣлать одно открытіе.

Только, полно, открытіе ли это, или просто недобросовѣстное подтасовываніе мотивовъ.—Да эти хитрости разгадалъ бы и грудной младенецъ,—говорилъ Паскуале.—Господи, помилуй! будь я на вашемъ мѣстѣ, я поѣхалъ бы съ ними на этой яхтѣ, ухаживалъ бы неистово за всѣми дамами, которыя тамъ будутъ, всѣмъ объяснялся бы въ любви, у каждой выпросилъ бы на память прядь волосъ, сдѣлалъ бы такъ, чтобы всѣ онѣ возненавидѣли бы одна другую, а подъ конецъ поѣздки объявилъ бы имъ, что я женюсь на Карлоттѣ и, когда онѣ всѣ съѣхались бы на свадьбу, положилъ бы на самомъ видномъ мѣстѣ всѣ ихъ локоны, какъ лучшій свадебный подарокъ отъ жениха невѣстѣ. Ей богу! Это былъ бы хорошій имъ урокъ. Отучились бы, небось, послѣ этого охотиться за женихами.

Самъ не знаю, чего ради я разсказалъ Паскуале о предполагаемой поѣздкѣ на яхтѣ. Послѣ того, какъ Карлотта пошла спать, мы долго еще сидѣли и курили у раскрытаго окна, глядя на полную луну, плывшую надъ верхушками деревьевъ парка, наслаждаясь полной нѣги атмосферой теплой лѣтней ночи, разслабляющей тѣло и притупляющей волю. Въ такую ночь юный

Лоренцо, если возлѣ него очутится Джессика, можетъ поступить, какъ идіотъ, искалѣчивъ всю свою жизнь; въ такую ночь скромный и сдержанный философъ доходитъ до такого безразсудства, что начинаетъ обсуждать свои частныя дѣла съ Себастіаномъ Паскуале.

Но, если онъ окажется правъ въ своихъ предположеніяхъ, я долженъ буду признать благотворнымъ разнѣживающее вліяніе этой ночи. Теперь я предупрежденъ относительно грозящихъ мнѣ опасностей,—опасностей, способныхъ подкопаться подъ основаніе и даже незамѣтно взобраться по стѣнамъ неприступнѣйшей башни, какую когда-либо строилъ себѣ человѣкъ на окраинѣ Риджентъ-Парка. Женщина, задумавшая женить меня на своей дочери, вполнѣ способна влетѣть на воздушномъ шарѣ въ окно моей башни. И эта прогулка на яхтѣ очень и очень смахиваетъ на мелодраматическое похищеніе.

— Какъ только онъ попадетъ на бортъ пиратской шхуны—онъ будетъ нашимъ!—восклицалъ онъ про себя.

Но онъ *не* попадетъ на бортъ пиратской шхуны. Онъ даже постарается держаться какъ можно дальше отъ берега. Шалишь! Вы не заставите его взять съ собой на яхту прекрасную магометанку, въ доказательство своей добросовѣстности и безупречности своихъ нравовъ. Пусть думаютъ о ней, что хотятъ—что она магометанка, гурія, или принцесса Вавилонская—какъ имъ будетъ угодно.

Паскуале, должно быть, правъ. Теперь, припоминая, я нахожу много доказательствъ въ пользу его предположенія. Помню, даже Юдиѳь подтрунивала надо мною и надъ моей недогадливостью.

Такъ, значитъ, единственная цѣль всѣхъ маневровъ тети Джессики—женить меня на Дорѣ, и Дора, оказывается, ничего не имѣетъ противъ? Жениться на Дорѣ! Да это все равно, что принять какое-нибудь потогонное, противолихорадочное. Вѣдь у насъ ничего нѣтъ общаго. Каждое ея слово, каждое движеніе съ утра до вечера терзало бы мнѣ нервы. Черезъ мѣсяцъ я угодилъ бы въ сумасшедшій домъ. Тогда ужъ лучше, много лучше, жениться на Карлоттѣ. Эта, по крайней мѣрѣ, естественна—сама природа. А Дора—Дора—это даже не искусство. Чего же ради, во имя какихъ людей и ангеловъ, я долженъ жениться на Дорѣ? И зачѣмъ ей выходить за меня—развѣ затѣмъ только, чтобъ называться леди Ордайнъ? Я не шутилъ съ ней, не игралъ ея дѣвическими чувствами, а что она сама будто бы воспылала ко мнѣ романтическою страстью—этому я рѣшительно

отказываюсь вѣрить. Да, наконецъ, пусть се, если такъ. По мнѣ, она можетъ быть неутѣшной, какъ Калипсо —мнѣ это совершенно безразлично. Это даже будетъ ей полезно. Она напишетъ маленькій разсказикъ на эту тему въ «Дамскій Журналъ».

Но, все-таки, я возмущенъ. Несмотря на всю ея шумливость, животное здоровье и неточность ея свѣдѣній, я, все же, думалъ, что Дора—дѣвушка съ душой.

Но развѣ дѣвушка съ душой станетъ охотиться за женихами?..

О, Господи! Это звучитъ, совсѣмъ, какъ выдержка изъ лѣтней переписки двухъ друзей, напечатанной въ «Daily Telegraph».

Съ англ. пер. З. Журавская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БУДУЩЕЕ ГЕРМАНСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

I.

Почти годичная продолжительность войны успѣла уже настолько выяснить характеръ ея вліянія на экономическую жизнь Германіи, что вопросъ о будущемъ строеніи государственнаго и національнаго хозяйства сталъ одной изъ любимыхъ темъ германскихъ ученыхъ и публицистовъ. Издатель зомбартовскаго «Архива» проф. Яффе предвидитъ «милитаризацію народнаго хозяйства», журналъ «Die Bank» останавливается на мысли объ особаго рода организаціи государствомъ обезпеченія страны сырыми матеріалами и о «экономическомъ генеральномъ штабѣ», извѣстный Куновъ предсказываетъ десятилѣтія господства финансоваго капитала и т. д. При всемъ различіи какъ въ пріемахъ подхода къ дѣлу, такъ и въ формулировкахъ, у всѣхъ авторовъ явно выдвигается на первый планъ въ итогѣ изслѣдованія нѣчто общее. Дать систематическое изложеніе положенія вещей, въ характеристикѣ котораго съ большей или меньшей отчетливостью сходятся лица самыхъ различныхъ общественныхъ лагерей, и является задачей предлагаемой корреспонденціи. Взявъ исходнымъ пунктомъ вопросъ о будущемъ строеніи государственнаго бюджета, какъ онъ нынѣ разсматривается въ Германіи, мы будемъ имѣть случай остановиться вкратцѣ на различныхъ вопросахъ нынѣшней нѣмецкой жизни, ознакомленіе съ которыми, по нашему мнѣнію, весьма поучительно.

II.

На послѣдній мирный 1913 г. бюджетъ Германской имперіи [1]) былъ сведенъ въ суммѣ 4.001 мил. мар. Но въ томъ числѣ было 255 мил. мар. обязательныхъ взносовъ составныхъ государствъ Германіи въ имперскую кассу, а 417 м. м. составлялъ такъ наз. Wehrbeitrag. Подъ этимъ именемъ извѣстенъ особый однократный сборъ на усиленіе арміи на общую сумму въ милліардъ марокъ,

[1]) Ежег. Герм. имп. 1914 г.—всѣ цифры корресп. по оффиц. источн.

произведенный въ Германіи въ послѣдніе годы передъ войной въ разсрочку со всѣхъ лицъ, имѣющихъ болѣе чѣмъ на 10 тысячъ марокъ имущества. Матрикулярные взносы (255 м. м.) засчитаны уже въ бюджетахъ платящихъ ихъ государствъ, а Wehrbeitrag, какъ однократный исключительный сборъ, не можетъ быть принимаемъ во вниманіе при учетѣ обычной налоговой тяжести въ странѣ. Остается чистый имперскій бюджетъ въ 3.448 мил. мар.

Какъ извѣстно, однако, въ Германіи въ вѣдѣніи имперіи и рейхстага находится лишь часть расходовъ, обычно причисляемыхъ къ государственнымъ, притомъ часть небольшая — главнымъ образомъ расходы на военную силу (2.032 м. м., въ томъ числѣ 138 мил. на пенсіи военнымъ). Остальная часть государственныхъ функцій, поскольку онѣ выражаются въ цифрахъ бюджета, осуществляется 26 составными государствами Германіи. Сумма ихъ бюджетовъ въ 1913 г. равнялась 6.487 мил. мар. (въ томъ числѣ 4.241 м. м. приходится на долю одной Пруссіи). Дѣйствительный государственный бюджетъ Германіи въ цѣломъ (имперскій+26 составныхъ государствъ) составлялъ въ послѣдній мирный годъ почти 10 мд. мар., точнѣе — около 4.600 мил. руб. (9.935 м. мар.).

На душу германскаго населенія это даетъ около 150 марокъ въ годъ. Но на каждаго, имѣющаго отъ чего бы то ни было свой доходъ (рента, наемный трудъ и т. д.), приходится въ Германіи одно лицо безъ всякаго дохода, находящееся на его попеченіи; слѣдовательно, на каждаго человѣка съ доходомъ или заработкомъ приходится въ Германіи въ среднемъ около 300 марокъ всего государственнаго бюджета. Средній заработокъ германскаго рабочаго — около 1.200 мар. въ годъ (въ 1912—1.192 м.) Слѣдовательно, уже до войны государственный бюджетъ требовалъ до 25% годового заработка. Война поставила на очередь чрезвычайное увеличеніе бюджета, какъ постоянной величины, для всего мирнаго періода, который долженъ за нею послѣдовать.

Прежде всего необходимо будетъ платить проценты по заключаемымъ для веденія войны займамъ. Всѣ заключаемые Германіей теперь займы — внутренніе, и они могутъ быть только внутренними. Проценты останутся, стало быть, внутри страны, но это еще отнюдь не разрѣшаетъ вопроса, откуда ихъ взять. Т.-е. откуда, собственно, ясно: надо взять ихъ съ населенія и вручить той его части, какая явилась кредиторомъ казны во время войны. Вопросъ въ томъ, откуда же берутся грандіозныя суммы, получаемыя нынѣ государствомъ взаймы, и какимъ образомъ можно будетъ затѣмъ изыскивать ежегодно источники для оплаты ихъ процентами.

По разсчету нынѣшняго министра финансовъ К. Гельфериха, сдѣланному еще до войны, весь годичный національный доходъ Германіи составляетъ около 46 мд. мар. въ годъ (разсчетъ 1913 г.). Изъ этой суммы 10 мд. проходитъ черезъ государственныя кассы, 27 мд. идутъ на жизнь 60 милл. человѣкъ (т.-е. на каждыхъ двухъ лицъ приходится 900 мар., что соотвѣтствуетъ среднему годовому заработку одного лица въ 1.200 мар. безъ 300 мар., поступающихъ въ казну), а изъ остальной суммы остальные 7 милл. жителей, за покрытіемъ расходовъ на свое содержаніе, откладываютъ еще 6 мд. марокъ въ годъ для помѣщенія въ доходныя предпріятія и т. п. Эти 6 милліардовъ и представляютъ собой ежегодное нормальное возрастаніе германскаго капитала. Изъ этого количества ежегодно около милліарда марокъ германскіе владѣльцы ихъ вкладываютъ въ иностранныя предпріятія,—или покупая ихъ акціи, или непосредственно открывая за границей свои заведенія, или подписываясь на займы иностранныхъ правительствъ. По подсчетамъ Сарторіуса въ 1906 г. германскій капиталъ за границей достигалъ уже 26 мд. мар.: 16 мд. въ цѣнныхъ бумагахъ и 10 мд. въ иныхъ видахъ. Теперь величина помѣщеннаго за границей капитала составляетъ, слѣдовательно, около 35 мд. мар.—около десятой части всего національнаго имущества.

Война прекратила экспортъ германскаго капитала за границу. Милліардъ въ годъ на государственные займы для военныхъ цѣлей былъ, такимъ образомъ, гарантированъ казнѣ. Ибо владѣльцы этой доли годичнаго прироста національнаго дохода, потерявъ возможность помѣщать ее для извлеченія новаго дохода за границей, должны съ радостью ухватиться за возможность превратить этотъ оставшійся у нихъ на рукахъ милліардъ въ приносящій доходъ капиталъ—путемъ пріобрѣтенія 5% билетовъ военнаго займа.

Но въ такое же положеніе попадаютъ и владѣльцы остальныхъ 5 мд. мар. прироста, обычно обращавшіе эту сумму на развитіе производительной дѣятельности въ самой Германіи, ибо война въ нынѣшнихъ ея размѣрахъ исключаетъ самую мысль о возможности во время ея общаго расширенія промышленности въ Германіи. Прежде всего для этого не хватило бы рабочихъ силъ. Въ Лейпцигѣ передъ войной (по № 5 Reichsarbeitsblatt за 915 г.) было до 130 тысячъ рабочихъ-мужчинъ и до 60 тысячъ женщинъ. Къ 1 апрѣля 1915 г. число женщинъ не особенно измѣнилось, а мужчинъ осталось уже только 74 тысячи; общая численность рабочихъ и работницъ въ Лейпцигѣ сократилась за время войны больше чѣмъ на четверть. И такія же свѣдѣнія идутъ отовсюду: добыча угля и желѣза составляетъ, напримѣръ, сейчасъ въ Германіи всего 70% нормальнаго

мѣсячнаго количества (и то лишь постепенно поднялась до этой величины). О томъ же, хотя и въ меньшей степени, говорятъ итоговыя данныя для всей Германіи о поступленіи взносовъ отъ хозяевъ и рабочихъ (платятъ поровну) въ государственныя учрежденія по страхованію инвалидности и старости. Взносы эти взимаются принудительно, ибо въ Германіи всѣ рабочіе подлежатъ обязательному страхованію на случай инвалидности и старости. Общая сумма взносовъ въ нормальной первой четверти 1914 г. составляла 64,8 милл. мар., въ послѣдней же четверти 1914 г. уже только 53 м. м. и въ первой четверти 1915 г. почти столько же—52,7 м. м., уменьшеніе на 18,5% Дѣйствительное уменьшеніе числа рабочихъ еще больше, такъ какъ взносы пропорціальны заработной платѣ, а плата за время войны въ общемъ нѣсколько повысилась [1]). При производствѣ угля и желѣза уменьшеніе числа рабочихъ рукъ замѣтнѣе, ибо это дѣло почти исключительно мужское, а въ другихъ отрасляхъ недостатокъ отвлеченныхъ войной мужскихъ рукъ энергично заполнялся усиленнымъ привлеченіемъ женскихъ: лишенныя кормильцевъ женщины предоставили достаточную возможность къ покрытію этого спроса. По отчетамъ больничныхъ кассъ въ общемъ итогѣ по всей Германіи съ 1 декабря 1914 г. по 1 мая 1915 г. число рабочихъ-мужчинъ понизилось на $2^2/_3$ процента, а число работницъ, напротивъ, возросло на 9%. При нынѣшнемъ соотношеніи мужчинъ среди рабочихъ это равносильно возможности лишь поддерживать количество занятыхъ на прежнемъ уровнѣ, пополняя убыль отъ дополнительныхъ мобилизацій; абсолютное же увеличеніе численности работающихъ за эти 5 мѣсяцевъ составляетъ лишь около 2%, да и общая ихъ производительность при замѣнѣ мужского труда женскимъ не могла повыситься [2]).

---

[1]) Впрочемъ, не особенно значительно, во всякомъ случаѣ, ускоренія темпа роста въ сравненіи съ мирнымъ временемъ не замѣтно. По распоряженію правительства Лейпцигская больничная касса (190 тысячъ участниковъ въ мирное время) ведетъ съ 1907 г. статистику распредѣленія своихъ членовъ по средней за годъ величинѣ ихъ дневного заработка. Больше $4^1/_2$ марокъ въ день, т.-е. больше средней нормы, изъ числа всѣхъ рабочихъ-мужчинъ получали въ 1907 г.—37%, въ 1909 г.—42,8%, въ 1911 г.—48,8%, въ 1913 г.—54% и въ первой четверти 1915 г.—60,4%. Каждые 2 года еще около шестнадцатой части переступаетъ, такимъ образомъ, Рубиконъ по пути въ верхъ;—война не задержала и не ускорила этого. Рѣчь идетъ, конечно, только о денежной платѣ. Подобное же движеніе наблюдается и въ отношеніи женской зараб. платы, только менѣе энергичное.

[2]) Какія перемѣны произошли на рынкѣ труда, отлично иллюстрируется сводкой отчетовъ германскихъ учрежденій по указанію работы (публикуется ежемѣсячно, теперь введена обязательность отчетовъ). Послѣд-

Расширеніе промышленности невозможно въ Германіи, слѣдовательно, уже просто вслѣдствіе недостатка для этого рабочихъ. Работаетъ меньше народу не вслѣдствіе безработицы, а по причинѣ абсолютнаго уменьшенія работоспособныхъ лицъ, которыя могутъ быть предназначены для производительной дѣятельности. Уровень безработицы уже къ 1 мая спустился до $2,_9$%, т.-е. до нормы мирнаго времени (1 мая 1914 г.—$2,_8$%). Призывы конца мая н. ст. (всѣ 17, 18 и 19-лѣтніе ополченцы) равносильны сведенію безработицы даже ниже уровня мирнаго времени. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи дѣлаются даже попытки принудительнаго прикрѣпленія рабочихъ къ занимающимъ ихъ предпріятіямъ распоряженіемъ военныхъ властей (сельскохоз. рабочіе въ Баваріи, металлическіе въ Берлинѣ—послѣдніе, впрочемъ, добились вскорѣ замѣны прикрѣпленія передачей всего дѣла о пріемѣ и увольненіи рабочихъ въ вѣдѣніе особаго комитета, составленнаго наполовину изъ хозяевъ, по выбору каждой стороны).

Каковъ бы ни былъ спросъ и какова бы ни была наличность свободныхъ капиталовъ, ужъ одного отсутствія рабочихъ силъ достаточно, чтобы нельзя было вкладывать новыя средства въ промышленность. Потому и 5 милліардовъ, обычно шедшіе ежегодно на развитіе внутренней экономической дѣятельности, оказываются теперь вынужденными искать единственнаго остающагося доходнаго помѣщенія—превращенія все въ тѣ же 5% билеты государственнаго военнаго займа.

Внутри промышленности происходятъ только передвижки, перегруппировки (напр. развитіе отраслей, обслуживающихъ военныя нужды на счетъ сжатія отраслей, производящихъ машины), но производство въ цѣломъ не расширяется, и вновь вкладываемому въ одно дѣло капиталу соотвѣтствуетъ, м. б., еще большая сумма, вынимаемая изъ другого. Нѣтъ статистики, охватывающей сразу всѣ виды помѣщенія средствъ въ производительную дѣятельность въ Германіи, но есть, напр., данныя о такомъ важномъ видѣ этого

ніе мѣсяцы, за которые есть оффиц. сводка—мартъ и апрѣль. На каждыя 100 предлагавшихся мѣстъ было заявленій о желаніи занять ихъ: для мужскихъ мѣстъ въ мартѣ 914 г.—173, а въ мартѣ 915 г.—98, въ апрѣлѣ 914 г.—161, а въ апрѣлѣ 915 г.—100; для женскихъ мѣстъ въ такомъ же порядкѣ; цифры для марта, напротивъ, 92 и 152, для апрѣля 94 и 165. Предложеніе мужского труда рѣзко упало, предложеніе женскаго рѣзко повысилось. Въ итогѣ общая напряженность предложенія свободныхъ рукъ, если взять ариѳметическую среднюю для женщинъ и мужчинъ вмѣстѣ, почти не измѣнилась въ сравненіи съ мирнымъ временемъ: для марта и апрѣля 1914 г. имѣемъ въ среднемъ въ общемъ 130 предложеній на 100 мѣстъ, а для марта и апрѣля 1915 г.—129.

помѣщенія, какъ акціонерныя общества. Вложено капитала въ новыя акц. общ. и общ. съ огранич. отвѣтств. и расширенъ капиталъ старыхъ за первые 4 мѣсяца 1914 г. на общую сумму 370 мил. мар., а за тѣ же 4 мѣсяца нынѣшняго 1915 г. только на 165 мил. При этомъ разница все увеличивается: для апрѣля 914 г. имѣемъ $108,_7$ м. м., а для апрѣля 915 г.—только $24,_7$ м.м. Изъ отчетовъ о кооперативахъ видно, что ихъ основано въ мартѣ и апрѣлѣ 915 г. всего 67 и 40, а за тѣ же мѣсяцы прошлаго года—222 и 219. И т. д.—всюду ослабленіе учредительной дѣятельности: германская индустрія проявила много мастерства въ умѣніи приспособиться къ создавшимся особо неблагопріятнымъ условіямъ, но она сумѣла лишь удержать тѣ свои размѣры, какіе допускались наличностью рабочихъ силъ населенія. И въ итогѣ весь ежегодно накапливаемый новый капиталъ обращается теперь въ государственные военные займы; но потребность Германіи въ средствахъ на веденіе войны этимъ не исчерпывается.

Если считать, что рабочія силы націи, индустрія и накопленіе реальныхъ избыточныхъ цѣнностей сократились на четверть, то въ первомъ году войны въ распоряженіе германскаго правительства путемъ внутреннихъ займовъ могло поступить только $4^1/_2$ мд. мар., если ограничиться помѣщеніемъ въ военные займы только вновь создаваемаго избыточнаго капитала, раньше шедшаго на *расширеніе* промышленности внутри и внѣ Германіи.

Но въ дѣйствительности въ первый же годъ войны заключено имперіей два займа въ $4^1/_2$ и въ 9 мд. мар., и Пруссіей одинъ заемъ въ $1^1/_2$ мд., а всего на 15 мд. мар. для покрытія вызванныхъ войной расходовъ. При этомъ второй имперскій заемъ (какъ и первый, выпущенный не на опредѣленную сумму, а на всю величину подписки, какая окажется), выпущенный въ мартѣ, нѣсколькими мѣсяцами позже перваго (октябрьскаго), прошелъ много удачнѣе, какъ въ смыслѣ размѣровъ подписки, такъ и въ отношеніи привлеченія на помощь ссудъ изъ Darlehnskassen.

Подъ этимъ именемъ на основаніи закона 4 авг. правительствомъ учреждено 99 ссудныхъ кассъ съ 127 отдѣленіями. Кассы имѣютъ право печатать особыя «ссудныя деньги» безъ золотого покрытія, только на основаніи общаго ручательства имперскаго банка. Ссудныя деньги выпускаются билетами въ 1, 2, 5 и 20 марокъ, принимаются въ казенные платежи и фактически имѣютъ хожденіе и среди частныхъ лицъ наравнѣ съ обычными бумажными деньгами, выпускаемыми имперскимъ банкомъ и на треть обязательно обезпечиваемыми золотомъ. Ссудныя деньги выдаются подъ залогъ товаровъ (одно Kriegsgetreidegesellsschaft на 30 апрѣля

н. ст. подъ свою рожь и пшеницу имѣло 75 милл. мар., подъ залогъ сахара выдано было на 7 апр. 23 м. м.), но главнымъ образомъ—подъ залогъ цѣнныхъ бумагъ, акцій разныхъ обществъ, билетовъ прежнихъ госуд. займовъ, но не ипотечныхъ цѣнностей и не векселей. На 30 апр. н. ст. «ссудныхъ денегъ» выпущено было всего на 1.444 милл. мар. (высшая когда-либо бывшая цифра—1.574 м.м.—значится подъ 15 апр.), но изъ этой суммы лишь меньшая половина служитъ общимъ надобностямъ хозяйственной жизни, а 785 мил. м. значилось выданными подъ залогъ прежнихъ бумажныхъ цѣнностей на уплату въ казну суммъ, подписанныхъ на государственные военные займы. Подобныя ссуды выплачиваются затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ обратно, и интересно, что при подпискѣ на первый заемъ (срокъ перваго взноса по нему—5 окт. н. ст.) къ нимъ прибѣгли на 922 м.м., т. е. на 20% суммы займа, а при подпискѣ на второй заемъ (срокъ перваго взноса по нему 14 апр. н. ст.)—только на $52,_1$ м.м., т.-е. всего на $8,_5$ % суммы займа. Второй заемъ далъ не только вдвое большую сумму (точно: 9.103 м.м.), но и потребовалъ вдвое меньшей помощи Darlehnskassen. Выходитъ какъ будто, что чѣмъ дальше продолжается война, тѣмъ легче дѣлается заключать внутренніе займы—«война сама себя питаетъ», какъ не преминули сдѣлать выводъ нѣкоторые германскіе публицисты. Мы видѣли, что весь годичный приростъ капитала въ Германіи былъ учтенъ уже октябрьскимъ займомъ ($4^1/_2$ мд.), въ крайнемъ случаѣ вмѣстѣ съ прусскимъ ($1^1/_2$ мд.), если считать, что до войны не успѣлъ еще быть размѣщенъ цѣликомъ приростъ предшествовавшаго экономическаго года. Откуда же взялся 9-милліардный итогъ второго займа и откуда можетъ брать Германія впредь средства для веденія войны, общая продолжительность которой до заключенія мира принимается теперь въ два года (майская сессія рейхстага, рѣчь военнаго министра). Если на первый годъ понадобилось 15 мд., то второй, какъ полагаютъ, вслѣдствіе расширенія операцій и отчасти ихъ удорожанія, обойдется уже въ 20 мд. Получается потребность въ 25 мд. маркахъ сверхъ нормальнаго накопленія капитала за два года войны (если оно цѣликомъ обращено будетъ на военные займы).

Раньше чѣмъ перейти къ источникамъ удовлетворенія этой потребности, посмотримъ, кто же является кредиторомъ казны, кто подписывается на военные займы въ Германіи. Добытый мною докладъ Дельбрюка, замѣстителя канцлера, рейхстагу отъ 14 мая н. ст. за № 74 содержитъ такія данныя. Всего приняло участіе въ подпискѣ на второй заемъ 2.691 тысяча лицъ и предпріятій, т.-е. принимая во вниманіе семьи, никакъ не больше 15% населенія. Эти 15% и являются кредиторами по отношенію къ государству, т.-е.

ко всему населеніе страны. Въ подпискѣ на первый заемъ приняло участіе болѣе чѣмъ вдвое меньше этого числа—все тѣ же лица, понятно. Суммируя подписавшихся по величинѣ ихъ подписки на оба займа вмѣстѣ (совпадающей съ величиной дѣйствительной покупки его билетовъ), получаемъ таблицу:

Величина подписанной суммы.	Число подписавшихъ.	Участіе въ суммѣ займовъ.
До 500 марокъ	39%	$3{,}_5$%
Свыше 500 до 2 тыс. мар. .	40%	$14{,}_1$%
Свыше 2 тыс. мар.	21%	$82{,}_4$%

Иначе сказать, болѣе $^4/_5$ всѣхъ $13^1/_2$ мд. кредитовали государству всего лишь $3^0/_0$ населенія. Мелкіе сберегатели, откладывающіе годъ за годомъ небольшія суммы изъ заработка, несмотря на свою многочисленность [1]), дали лишь весьма небольшую часть всей суммы взносовъ. Очевидно, суммы займовъ, превышающія наростаніе новаго капитала, взяты не изъ прямыхъ сбереженій всей массы населенія на личномъ потребленіи, а вынуты изъ крупно-капиталистическихъ предпріятій. Цѣлыхъ $40^0/_0$ всѣхъ $13^1/_2$ мд. внесены всего 13 тыс., подписавшихъ болѣе 50 тыс. марокъ каждый. За исчерпаніемъ прироста капитала источниковъ приходится искать въ уменьшеніи капитала, уже участвовавшаго въ хозяйственной жизни Германіи, и въ отвлеченіи его на военныя цѣли.

На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ капиталъ, бывшій связаннымъ той долей производительной дѣятельности, какая теперь не существуетъ вслѣдствіе сокращенія послѣдней приблизительно на четверть. Большая часть капитала, обслуживавшаго эту четверть, существуетъ въ формѣ зданій, машинъ и т. д. Но часть его находилась всегда въ формѣ текучей, необходимой для производительной дѣятельности, и связанной лишь фактомъ участія въ ней, а не самымъ матеріальнымъ превращеніемъ въ зданія или машины. Весь ссудный капиталъ Германіи, обслуживающій систематически краткосрочнымъ кредитомъ ея производительную дѣятельность, по оцѣнкѣ довольно авторитетнаго въ этихъ вопросахъ журнала «Die Bank», опредѣляется въ 40 мд. марокъ. Сокращеніе производительной дѣятельности должно было освободить здѣсь цѣлый рядъ милліардовъ. Чтобы капиталъ не оставался бездоходнымъ, владѣльцамъ этихъ милліардовъ оставалось только помѣстить его въ государственный заемъ.

[1]) На 1 января 1912 г. во всѣхъ сберегательныхъ кассахъ Германіи числилось около 23 милл. вкладчиковъ съ почти 18.700 милл. марокъ вкладовъ (въ томъ числѣ $92{,}_5$% въ публичныхъ кассахъ). Средній размѣръ сбереженія 813 марокъ. Теперь сбереженій должно быть свыше 20 мд.

Освободившіяся изъ промышленной жизни за ея сокращеніемъ громадныя средства скоплялись праздно въ банкахъ. Какъ показываютъ отчеты за первое полугодіе войны 8 главнѣйшихъ банковъ Берлина (которымъ принадлежитъ почти 45% всего акціонернаго банковаго капитала Германіи),—банки могли найти этимъ средствамъ только одно примѣненіе: обращать въ имперскій банкъ (для той же цѣли). Этимъ въ значительной мѣрѣ объясняется и та быстрота, съ какой производится въ Германіи взносъ, подписанный на заемъ суммы. Напр. къ дню срока перваго взноса въ счетъ второго, 9-ти милліарднаго займа, вмѣсто назначенныхъ 37% оказалось внесено уже 67%: ибо большая часть уже и раньше помѣщена была въ векселя государственнаго казначейства, и произошелъ только обмѣнъ этихъ послѣднихъ на билеты государственнаго займа.

Помѣщеніе въ военные займы той доли ссуднаго капитала, какая обслуживала раньше сократившуюся теперь часть производительной дѣятельности, не ощущается болѣзненно, пока хозяйство страны не предъявляетъ на нихъ спроса. Но когда возстановятся нормальныя условія, тогда окажется, что значительная часть оборотныхъ средствъ ушла, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ въ видѣ созданія какихъ-нибудь реальныхъ цѣнностей—полезныхъ машинъ, построекъ и всякихъ приспособленій.

Этимъ дѣло не ограничивается, ни въ смыслѣ потребности въ займахъ, ни въ смыслѣ источниковъ для нихъ, ни въ смыслѣ неблагопріятныхъ послѣдствій для будущаго. Въ производственной дѣятельности германскаго населенія вообще произошла перемѣна. Обычно часть производительной дѣятельности направлена на удовлетвореніе народнаго и государственнаго *потребленія*, а часть занята возстановленіемъ изнашивающихся частей средствъ *производства* и ихъ умноженіемъ, чтобы возможна была производительная дѣятельность и на будущее время въ неуменьшающемся размѣрѣ. «Средства производства» надо понимать здѣсь, конечно, въ широкомъ смыслѣ всей матеріальной обстановки, въ какой нуждается человѣческое общество для своего существованія и труда—дома, желѣзныя дороги, машины и пр. Что объ умноженіи всего этого теперь въ Германіи нѣтъ и рѣчи при данной наличности рабочихъ силъ, понятно само собой. Но не многимъ лучше обстоитъ дѣло и съ возстановленіемъ изнашивающихся частей уже существующаго матеріальнаго аппарата общества.

Талантливый венгерскій экономистъ Варга удачно замѣтилъ одинъ разъ, что въ экономическомъ отношеніи слово «война» означаетъ «усиленное производство быстро изчезающихъ предметовъ потребленія» — само собой, на счетъ ослабленія изготовленія всего

нужнаго для возстановленія изнашивающихся тѣмъ временемъ частей матеріальнаго организма общества. Общая сумма заказовъ, сдѣланныхъ для перваго года войны германскимъ правительствомъ, оцѣнивалась къ мартовской сессіи рейхстага въ 10 мд. марокъ— величина всего годового экспорта Германіи за границу (теперь распредѣлены уже заказы и на 2-й годъ). Но обычно, отдавая на 10 мд. товаровъ за границу, Германія получаетъ оттуда на такую же сумму нужныхъ ей предметовъ, въ томъ числѣ на 5 мд. марокъ сырыхъ матеріаловъ, нужныхъ отчасти для возстановленія матеріальнаго аппарата ея хозяйства. Теперь отдавая товаровъ на 10 мд. правительству на войну, Германія получаетъ взамѣнъ бумажныя цѣнности—билеты военнаго займа. Уменьшеніе дѣйствительно существующихъ въ странѣ благъ лишь затемняется этимъ ростомъ бумажныхъ цѣнностей—вмѣсто предметныхъ благъ выдаются *свидѣтельства на право полученія дохода въ будущемъ* (что представляетъ собой по существу билетъ всякаго займа).

Если въ странѣ осталось всего три четверти рабочихъ силъ, если необходимо прежде всего создать предметы потребленія для населенія и для военныхъ надобностей, — то ясное дѣло, гораздо меньше прежняго остается возможности заниматься возстановленіемъ изнашивающихся частей средствъ производства. Поэтому такъ уменьшилось въ Германіи производство желѣза и угля, строительная и машиностроительная промышленности—гораздо больше, чѣмъ среднее въ странѣ ослабленіе экономической дѣятельности вообще [1]). Возстановленіе изношенныхъ частей уже имѣвшагося реальнаго общественнаго капитала уменьшается на всю ту величину затраты силъ и средствъ, какая нужна для изготовленія предметовъ военнаго потребленія. Такимъ путемъ прежде имѣвшіяся производительныя силы Германіи представляютъ собой самый крупный источникъ покрытія военныхъ расходовъ, къ черпанію изъ котораго теперь тамъ только приступаютъ. Ибо прежніе займы можно считать въ общемъ покрытыми прежде разсматривавшимися путями.

Государство—главный покупатель сейчасъ германской индустріи. Съ начала войны оно расплачивается бумажными деньгами. По существу бумажныя деньги, какъ сказано, представляютъ собой въ извѣстномъ отношеніи *безпроцентный долгъ* германскаго казначейства соотвѣт-

---

[1]) Производство сырого желѣза, этого основного продукта для возстановленія средствъ производства, составило въ Германіи за первые 9 мѣсяцевъ войны, съ 1 авг. до 1 мая н. ст., всего 50,9 % нормальнаго производства мирнаго времени за такой же періодъ. Въ частности и въ мартѣ и въ апрѣлѣ производство это держится одинаково на уровнѣ 60,5 % — высшая норма съ начала войны.

ственному предпринимателю, выполнившему для него заказъ,—предполагается, что современемъ государство возобновитъ размѣнъ на золото и погаситъ свой безпроцентный долгъ—кредитныя бумажки—звонкой монетой. Но накопленіе бумажныхъ денегъ выше извѣстной нормы испортило бы ихъ курсъ, внесло бы замѣшательство и путаницу во всѣ разсчеты. Поэтому германское правительство, какъ показываетъ и Дельбрюкъ въ упомянутой докладной запискѣ рейхстагу, не допускаетъ увеличенія бумажнаго обращенія больше опредѣленнаго размѣра [1]). Для этого время отъ времени «безпроцентный долгъ»—бумажныя деньги—замѣняется настоящимъ «процентнымъ долгомъ» — государственнымъ займомъ. Сначала казна расплачивается съ поставщиками бумажками, потомъ этимъ поставщикамъ некуда дѣть долю бумажекъ, представляющую ихъ прибыль, и когда выпускается заемъ, то они покупаютъ билеты займа на свои бумажки, а казна получаетъ ихъ обратно и опять расплачивается ими со своими поставщиками и т. д.

Важно отмѣтить еще одну черту нынѣшней нѣмецкой хозяйственной жизни. Уже по одному тому, что созидательная дѣятельность сосредоточена, главнымъ образомъ, на производствѣ предметовъ потребленія, личнаго и военнаго,—тѣ 3% населенія, что подписали имперіи $^4/_5$ изъ $13^1/_2$ мд. мар. обоихъ займовъ, должны рекрутироваться, главнымъ образомъ, изъ двухъ категорій: военныхъ поставщиковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, а также торговцевъ жизненными средствами.

Прибыль отъ военныхъ поставокъ столь значительна, что въ Германіи образовался уже особый терминъ «Kriegsgewinn», и рейхстагъ принялъ въ майской сессіи значительнымъ большинствомъ пожеланіе объ обложеніи послѣ войны «военной прибыли» особо усиленнымъ сборомъ на оплату вызванныхъ войной издержекъ. Заводъ взрывчатыхъ веществъ «Glückauf» въ Гамбургѣ выдалъ въ этомъ отчетномъ году 40% дивиденда вмѣсто полнаго отсутствія его въ предыдущемъ году. «Сѣверо-германская шерсточесальня и прядильня» въ Бременѣ получила чистой прибыли 4.500 т. мар.

---

1) Постепенно повышаясь съ начала войны, количество бумажныхъ денегъ достигло къ 30 апрѣля 1915 г. 5.310 мил. мар. вмѣсто 2.101 м. м. на то же число мирнаго апрѣля 1914 г. Но изъ этого количества 910 м. м. въ бумажкахъ просто замѣнили золото, притекшее на эту сумму за время войны въ имперскій банкъ изъ обращенія (сверхъ „военнаго сокровища", переданнаго въ его кассу въ началѣ августа). Такъ что дѣйствительное превышеніе составляло 30 апр. н. ст. 2.299 м. м. Въ началѣ войны, когда сразу было выпущено громадное количество бумажекъ, оно составляло 2.001 м. м. на 7 авг. н. ст.

вмѣсто 2.800 т. мар. «Общество кожаныхъ издѣлій и военныхъ принадл.» въ Дрезденѣ (Тиле) выдало 18 проц. дивиденда вмѣсто 8. И т. д. и т. д.—подобными выписками изъ газетъ можно было бы заполнить страницы. При этомъ щедрой рукой дѣлались, разумѣется, всякія списыванія—«Соединенные кельнскороттвейлерскіе пороховые заводы» всѣ свои машины, оцѣненныя по балансу конца 1913 г. въ 1.207.131 марку, оцѣнили теперь только въ восемнадцать марокъ (ок. 9 руб.), всю свою движимость только въ 24 мар., списали съ недвижимости 778 тыс. мар., и въ итогѣ выдали все же дивиденда 25%. Еще рѣшительнѣе поступило въ своемъ балансѣ «Общество германскихъ фабрикъ оружія и аммуниціи», получившее 8.180 тыс. мар. чистой прибыли послѣ того, какъ списало стоимость всѣхъ своихъ машинъ до *одной* марки. Грандіозные доходы военныхъ поставщиковъ, черпаемые изъ заказовъ казны и въ свою очередь питающіе затѣмъ военные займы, значительно повышаютъ для государства стоимость войны и побуждаютъ его отвлекать ради этого путемъ займовъ громадныя суммы отъ обращенія на возстановленіе износившейся части всего реальнаго національнаго производительнаго капитала.

Не худшія дѣла дѣлаютъ и владѣльцы сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Въ Германіи публикуется ежемѣсячно имперскій индексъ, устанавливающій стоимость пищи въ теченіе недѣли для семьи изъ четырехъ душъ, при чемъ въ основу разсчетовъ кладется дневной раціонъ нѣмецкаго морского солдата. Въ послѣднемъ мирномъ мѣсяцѣ, іюлѣ н. ст., стоимость недѣльной пищи семьи въ среднемъ для всей Германіи согласно индексу составляла 25 мар. 12 пф. (а въ Берлинѣ 24 м. 75 пф.). Постепенно повышаясь, въ мартѣ 1915 г. она достигла уже 32 мар. 90 пф.—вздорожаніе на 32% (а въ Берлинѣ даже на 37%). Сообразно съ этимъ союзный совѣтъ издалъ въ серединѣ мая постановленіе, которымъ неприкосновенные для иска и залога размѣры заработка и содержанія повышены на треть—съ 1.500 мар. въ годъ до 2 тысячъ.

Правда, въ мартѣ—апрѣлѣ былъ достигнутъ уже высшій пунктъ дороговизны—затѣмъ началось въ Германіи удешевленіе пищи. Мясо продолжало повышаться въ цѣнѣ еще весь апрѣль. Въ Gross-Berlin'ѣ (4 милл. жителей) по отчету статистич. вѣдомства средняя цѣна килограмма въ розничной продажѣ за мясо

	въ іюлѣ 1914 г.	въ мартѣ 1915 г.	въ апрѣлѣ 1915 г.
рогатаго скота	147 пф.	170 пф.	197 пф.
свиное	156 пф.	229 пф.	264 пф.

Въ маѣ ростъ остановился—съ 8 мая прекратилась усиленная закупка свиней городами для переработки въ прокъ, сильно сокращавшая предложеніе на свободномъ рынкѣ (союзный совѣтъ постановилъ прекратить ее, т. к. выяснилась наличность достаточныхъ запасовъ корма и поспѣлъ зеленый кормъ), и опубликованные результаты переписи показали даже бóльшую численность рогатаго скота, чѣмъ было въ мирное время. Но цѣны мяса остались все же высокими — зато сталъ дешевѣть хлѣбъ и картофель. Для Берлина имѣемъ такія розничныя цѣны за килограммъ (въ пфеннигахъ):

	іюль 1914 г.	мартъ 1915 г.	іюнь 1915 г.	
рж. хлѣбъ	28	47	40	
картофель	8	14	10	(10—во время писанья получилась газета съ новой нормой).

При этомъ берлинскія розничныя цѣны теперь выше среднегерманскихъ. Если въ Берлинѣ максимальная цѣна хлѣба опредѣлена съ 7 іюня н. ст. въ 40 пф. за kr. (менѣе 8 коп. за русскій фунтъ), то въ Кельнѣ напр. уже съ 1 іюня размѣръ ея опредѣленъ въ 33 пф. (ок. 6 коп. рус. ф.). Разница объясняется въ значительной мѣрѣ тѣмъ, насколько каждый городъ запасся мукой, когда она была еще дорога. Послѣ введенія съ февраля хлѣбной монополіи поставленному во главѣ ея «Военно-зерновому обществу» не сразу удалось урегулировать цѣны и централизованное снабженіе всѣхъ мѣстностей мукой въ нужномъ количествѣ. Переходные 3 мѣсяца, пока K. g. g. овладѣвало всѣмъ дѣломъ, были поэтому еще временемъ высокихъ цѣнъ—города предоставлены были на волю торговавшихъ мукой мельницъ, сохранившихъ право торговли въ переходное время и наживавшихъ громадныя деньги. Максимальныя цѣны на муку установлены не были, только на зерно, и разница достигла такихъ размѣровъ, что избыточную сверхъ нормальной прибыль мельницъ авторитетные спеціалисты вычисляютъ въ суммѣ не менѣе 60 милл. мар. (на второй сел.-хоз. годъ войны правительство обѣщало въ майской сессіи рейхстага съ самаго начала установить «болѣе разумныя» цѣны на муку). Только когда производство и обладаніе всей мукой сконцентрировано было наконецъ въ рукахъ K. g. g., появилась возможность выяснить, во что же обошлась ему вся мука, и ввести согласно этому новыя пониженныя цѣны для всей страны. Съ 15 мая н. ст. цѣна ржаной муки понижена до 34 мар. за 100 kr. (пшеничной до $37^{1}/_{4}$—съ неболь-

шими колебаніями по раіонамъ) вмѣсто 41 мар., за сколько продавала это количество рж. муки К. д. д. еще въ апрѣлѣ. Средне-германская цѣна готоваго хлѣба въ булочныхъ ближе уже къ кельнской таксѣ, чѣмъ къ берлинской.

Главная масса жизненныхъ средствъ, подлежащихъ потребленію за годъ, распродана была во всякомъ случаѣ по весьма повышеннымъ цѣнамъ—въ среднемъ на треть выше нормы. Въ среднемъ на человѣка, согласно индексу, питаніе обходилось въ январѣ—мартѣ на полторы марки дороже въ недѣлю (т.-е. на 25%), чѣмъ въ послѣднемъ мирномъ мѣсяцѣ—іюлѣ. За годъ на 70 милл. жителей это дало бы приличную сумму въ $5^1/_2$ милліардовъ марокъ лишнихъ, какія положили себѣ въ карманъ владѣльцы и продавцы продовольственныхъ продуктовъ сверхъ своего обычнаго дохода. Но единственное доходное помѣщеніе, какое они могутъ найти своей выручкѣ теперь въ Германіи, какъ мы знаемъ—государственные военные займы. Этотъ источникъ питанія военныхъ займовъ рождается, слѣдовательно, прямо изъ сокращенія народнаго потребленія. Ибо разъ пищу приходится оплачивать на четверть дороже, то широкія массы населенія принуждены сократить на четверть свое питаніе. Повышеніе заработка занятыхъ въ военной индустріи болѣе чѣмъ компенсируется пониженіемъ бюджета семействъ мобилизованныхъ. Въ Берлинѣ, напр. (безъ пригородовъ, т.-е. на 2 милл. нас.), по отчету городской думы въ маѣ н. ст. получали пособіе уже 131 тыс. семей мобилизованныхъ, при чемъ средній размѣръ мѣсячнаго пособія равнялся ок. 50 мар., а средній доходъ до войны составлялъ болѣе 1.200 мар. Правда, убавилось содержаніе одного мужчины, убавлена немного квартирная плата (въ среднемъ для мобилиз. на 15—20%) и часть ея вноситъ городъ (столько же); (въ общемъ экономія на квартирѣ марокъ 12 въ мѣсяцъ), но и за всѣмъ тѣмъ на имѣющуюся сумму можно купить только три четверти припасовъ, пріобрѣтавшихся на нее въ мирное время. Въ случаѣ съ хлѣбомъ сокращеніе народнаго потребленія на черверть удостовѣрено даже оффиціальнымъ регулированіемъ, установившимъ дневную норму на жителя въ среднемъ въ 200 граммъ муки вмѣсто 267, приходившихся на жителя въ среднемъ въ мирное время. Тѣмъ не менѣе владѣльцы зерна и муки взыскали съ населенія за эти три четверти порціи въ общемъ итогѣ столько же, сколько въ мирное время за полную порцію—и избытокъ помѣстили въ военные займы.

Такимъ образомъ, война въ Германіи, если, какъ говорятъ,—и «сама себя питаетъ» въ смыслѣ финансированья, то только суживая все болѣе воспроизводство реальнаго общественнаго капитала и ограничивая потребленіе массъ.

III.

Военные займы на первый годъ войны (15 мд.) и на второй (предположительно 20 мд., изъ которыхъ уже разрѣшено рейхстагомъ, но еще не выпущено $6^1/_2$ мд. мар.) даютъ въ общемъ сумму, для ежегодной оплаты которой процентами понадобится 1.750 мил. мар. (5%), если совершенно ничего не считать на погашеніе. Но окончаніе войны подразумѣваетъ еще крупный заемъ на возобновленіе истраченныхъ военныхъ припасовъ, износившихся пушекъ и военныхъ судовъ, на обновленіе крѣпостей и т. д. Даже если не произойдетъ усиленія вооруженій, а будетъ поддержанъ только уровень ихъ, бывшій до войны,—и то Германіи понадобится для этого болѣе 2 мд. руб. Рѣшительный противникъ вооруженій Vorwärts, считается въ своей передовицѣ все же съ тѣмъ, что послѣ войны въ бюджетъ будетъ включено около 250 мил. мар. съ этою цѣлью, т.-е. оплаты 5%-тами капитала въ 5 мд. мар.—другіе же органы предполагаютъ еще болѣе крупные расходы на этотъ предметъ. Такимъ образомъ, общій итогъ займовъ по случаю войны долженъ составить въ Германіи около 40 мд. мар. съ ежегодной оплатой ихъ 2 мд. мар. процентовъ.

Если все національное имущество Германіи составляетъ около 300 мд. мар., и если, какъ считаютъ на основаніи имущественной, наслѣдственной и подоходной статистики, около 240 мд. въ томъ числѣ принадлежитъ всего 2 милліонамъ болѣе зажиточнаго населенія (считая членовъ семействъ),—что̀ совпадаетъ съ 3% населенія, кредитовавшими имперскому правительству его займы, — то операція съ военными займами на 40 мд. означаетъ, что этотъ богатый капиталомъ слой населенія передаетъ теперь правительству шестую часть своего состоянія,—а правительство обязано уже заботиться о томъ, чтобы операція приносила владѣльцамъ условленный 5% доходъ. Государство уподобляется здѣсь *банку гигантскихъ размѣровъ*, куда вкладчики несутъ деньги, не спрашивая, что̀ будетъ съ ними дѣлать банкъ, лишь бы онъ платилъ имъ проценты. И владѣющій капиталомъ классъ Германіи, поскольку онъ прежде самостоятельно распоряжался своими средствами, организовывалъ на нихъ заводы, фабрики и всякія доходныя предпріятія,—теперь на одну шестую часть превращается въ получателя процентовъ по государственнымъ займамъ. На государство падаетъ, такимъ образомъ, задача изыскать источники, откуда можно было бы извлекать 2 мд. мар. въ годъ на оплату этихъ процентовъ.

Однако, увеличеніе государственнаго бюджета послѣ войны

этими 2 м-дами еще не ограничивается. Надо принять во вниманіе еще обезпеченіе изъ общественныхъ средствъ семей всѣхъ погибшихъ или потерявшихъ трудоспособность солдатъ. При громадности жертвъ нынѣшней войны оказывается громаднымъ и годичный расходъ на это дѣло—по силѣ германскаго закона итогъ его не долженъ уступать почти суммѣ, какая пойдетъ на оплату процентовъ по заключеннымъ во время войны займамъ.

Семьямъ убитыхъ рядовыхъ солдатъ по закону 17 мая 1907 г. полагаются изъ имперской казны такія ежегодныя пенсіи: вдовѣ—400 марокъ, каждому ребенку при ней—168, каждому ребенку безъ матери—по 240 мар., родителямъ или одному изъ нихъ, если онъ живъ и пользовался матеріальной поддержкой погибшаго—250 мар., дѣду или бабкѣ, если кто-либо изъ нихъ живъ и пользовался поддержкой внука—250 мар. По даннымъ профессіональныхъ союзовъ, охватывающимъ свыше полумилліона мобилизованныхъ, свыше двухъ третей оставили дома жену и въ среднемъ по 2 ребенка, о родныхъ по восходящей линіи данныя не собирались. Жена и при ней двое дѣтей должны получать 736 мар., если живъ хоть одинъ изъ восходящихъ родныхъ (дѣдъ и бабка, согласно закону считаются и по материнской линіи), то вся пенсія составитъ почти тысячу марокъ въ годъ. Это для рядового солдата; для унтеръ-офицера же замѣтно больше (на 200 мар. въ годъ больше вообще получаетъ вдова и еще по 18 мар. ежегодно за каждый прослуженный погибшимъ годъ сверхъ 15-ти), для офицера еще болѣе. Расходы на эти пенсіи принадлежатъ къ числу весьма длительныхъ—еще въ 1909—1913 гг. имперская казна выплачивала въ среднемъ по 32 милл. мар. въ годъ семьямъ погибшихъ въ кампанію 1870 г. (средній размѣръ пенсіи на семью составлялъ 732 мар.).

Приведенныя нормы вознагражденія признаны, однако, теперь рейхстагомъ недостаточными, и въ майской сессіи имперское правительство согласилось ихъ значительно повысить. Согласно заявленію канцлера, не только будутъ повышены приведенныя минимальныя нормы, но и принятъ будетъ во вниманіе доходъ или заработокъ погибшаго. Изъ находящихся сейчасъ въ бюджетной комиссіи рейхстага законопроектовъ на эту тему самымъ скромнымъ является проектъ консерваторовъ. Вдова погибшаго на войнѣ рабочаго, зарабатывавшаго 1.200 марокъ въ годъ и служившаго рядовымъ солдатомъ, будетъ всего получать по этому проекту 660 мар. въ годъ и каждый ребенокъ при ней по 204 мар., каждый ребенокъ безъ матери—по 340 мар., при чемъ общая сумма пенсіи всѣмъ роднымъ убитаго не должна превышать 2.400 мар. въ годъ.

Очевидно, мы скорѣе преуменьшимъ, чѣмъ преувеличимъ рас-

ходъ, если на семью каждаго убитаго посчитаемъ только 1 тысячу марокъ пенсіи въ годъ. Такъ какъ за первые полгода было по оффиціальнымъ нѣмецкимъ даннымъ 341 тыс. чел., и лишь три четверти сражающихся оставляютъ семьи, то послѣ двухгодичной войны это дастъ расходъ на пенсіи свыше, чѣмъ въ 1 милліардъ марокъ ежегодно. Разумѣется, убитыхъ можетъ оказаться больше—война охватываетъ все новые раіоны, и германскія войска появлялись во второмъ полугодіи на большемъ количествѣ фронтовъ, чѣмъ въ первомъ.

Кромѣ убитыхъ, есть еще искалѣченные. По законамъ 31 мая 1906 и 3 іюля 1913 г. каждому инвалиду, безвозвратно потерявшему часть своей трудоспособности (не менѣе 10%) полагается во-первыхъ 180 мар. въ годъ за участіе въ войнѣ, во-вторыхъ отъ 324 мар. до 648 мар. въ годъ за увѣчье, и въ третьихъ отъ 54 до 540 мар. въ годъ за потерю трудоспособности, смотря по ея степени (540 мар. при полной инвалидности), а всего отъ 558 до 1.366 мар. въ годъ. Сверхъ того, по достиженіи 55 лѣтъ инвалиду полагается еще особая ежегодная приплата на старость. Въ общемъ среднюю пенсію инвалиду можно принять, слѣдовательно, тоже въ тысячу марокъ (теперь поднятъ вопросъ и объ ея повышеніи). По нѣмецкой таблицѣ значится за первое полугодіе въ германскихъ войскахъ 83 тыс. инвалидовъ. Но окажутся инвалиды, конечно, и среди 618 тыс., обозначенныхъ просто ранеными, и среди 131 тыс., попавшихъ за это время въ плѣнъ. Если принять число инвалидовъ только въ 100 тыс. за полугодіе, то черезъ два года это дастъ расходъ на пенсію имъ въ 400 милл. мар. въ годъ, а вмѣстѣ съ пенсіями семьямъ погибшихъ въ государственный бюджетъ должно быть включено на ежегодныя пособія жертвамъ войны 1.400 милл., а если принять во вниманіе всѣхъ унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и офицеровъ всѣхъ степеней, то и полныхъ полутора милліарда. Съ выше примѣрно вычисленными двумя это даетъ уже $3^1/_2$. Но этимъ дѣло не кончается, остается еще одинъ важный и въ значительной мѣрѣ не только предрѣшенный, но и уже осуществленный въ Германіи пунктъ. Это—мѣры по содѣйствію сохраненія «людского матеріала» страны.

Война особенно подчеркнула цѣнность человѣка, незамѣнимость его рабочей силы, какъ основы мощи государства и накопленія въ немъ капитала. Журналъ извѣстнаго имперіалиста Рорбаха «Das grössere Deutschland» занялся недавно вычисленіемъ, какъ много выигрываетъ Германія экономически отъ постепеннаго удлиненія въ ней средней продолжительности жизни. Эта статья въ высшей степени любопытна для пониманія психологіи и направле-

нія внутренней политики нынѣшнихъ руководящихъ силъ Германіи. Въ настоящее время, если взять среднюю за 1901—1910 г.г., ожиданіе жизни для 20-лѣтняго юноши на 4 года больше, чѣмъ оно было въ десятилѣтіе 1871—1880 г.г. Авторъ считаетъ, что лишь съ 20 лѣтъ человѣкъ начинаетъ производить болѣе, чѣмъ потребляетъ, и производитъ, какъ онъ выражается, «прибавочной стоимости» въ среднемъ на 500 марокъ въ годъ. Такъ какъ ежегодно вступаетъ въ 20-й годъ въ Германіи 600 тысячъ юношей, каждый изъ которыхъ проработаетъ на 4 года больше, чѣмъ его сверстникъ 30 лѣтъ назадъ, то не трудно высчитать, что это означаетъ въ итогѣ конечное увеличеніе Mehrwert'а на 1.233 мил. мар. При капитализиціи даже изъ 6% оказывается такимъ путемъ согласно автору ежегодный выигрышъ (потому что ежегодно созрѣваютъ новые 600 тыс. мужчинъ)—въ 20 мд. мар., «потому что мы научились лучше беречь человѣческую жизнь и лучше ее использовать». Нѣмецкая промышленность выигрываетъ на міровомъ рынкѣ, потому что нѣмецкій рабочій лучше обученъ и дольше работоспособенъ (стр. 647—653).

Меня интересуютъ здѣсь не цифры, а построенія рорбаховскаго журнала. Каждый убитый солдатъ уноситъ съ собой, говоритъ онъ, возможность созданія громаднаго количества цѣнностей, превышающихъ стоимость его содержанія. Каждый могъ бы проработать еще хоть 20 лѣтъ и если капитализировать избытокъ, какой онъ могъ бы издать, то гибель каждаго придется оцѣнить, какъ потерю капитала свыше чѣмъ въ 130 тыс. мар. Тѣмъ болѣе надо позаботиться о поддержаніи послѣ войны въ состояніи полной физической пригодности оставшихся работниковъ и объ умноженіи числа благополучно переживающихъ ранній критическій возрастъ дѣтей, съ каждымъ изъ которыхъ выростаетъ возможность созданія капитала въ 130 тыс. мар. на почвѣ накопленія избытковъ отъ его работы надъ стоимостью его содержанія. Если раньше работники имѣлись всегда въ достаточномъ количествѣ, то теперь надо принять особыя мѣры, чтобы этотъ драгоцѣнный инструментъ—стоящій, оказывается, чуть не больше, чѣмъ равное по вѣсу количество золота — сохранился въ исправности въ моменты вынужденной своей бездѣятельности, не покрылся бы ржавчиной истощенія, и чтобы появилось на рынкѣ достаточное количество подобныхъ аппаратовъ вмѣсто сломанныхъ войной. Отсюда та сравнительная легкость, съ какой во время войны правящіе круги Германіи пошли навстрѣчу нѣкоторымъ старымъ требованіямъ демократіи въ области соціальныхъ реформъ, особенно относительно безработицы, материнства, указанія труда и отчасти жилищъ. Все это требуетъ круп-

ныхъ ежегодныхъ расходовъ, раньше не фигурировавшихъ въ бюджетѣ.

Въ области безработицы введены, какъ извѣстно, съ 1 января 1915 г. государственныя приплаты къ пособіямъ безработнымъ, выдача которыхъ настоятельно рекомендована городскимъ самоуправленіямъ. До 30 января н. ст. выдача пособій въ минимально-пріемлемомъ для рабочихъ организацій размѣрѣ (марка въ день, 6 мар. въ недѣлю) осуществлена была лишь въ сотнѣ съ небольшимъ городовъ съ общей численностью населенія въ 16 милл. человѣкъ. Еще нѣсколько сотъ мѣстныхъ самоуправленій ввели къ этому дню выдачу пособій въ совершенно неудовлетворительныхъ размѣрахъ, а отъ остальныхъ не было тогда еще отчета; болѣе же поздней сводки пока не опубликовано. Имперское правительство обязалось послѣ войны разрѣшить задачу въ полномъ объемѣ, и въ рейхстагѣ имѣется рѣшительное большинство за это завершеніе зданія германскаго страхованія рабочихъ. Теперь изъ средствъ второго военнаго займа, изъ двухмилліарднаго капитала учрежденій по страхованію инвалидности и старости и изъ средствъ мѣстныхъ самоуправленій, равно какъ отдѣльныхъ государствъ, на это отпущены уже сотни милліоновъ. Въ мирное время при обычной «нормальной» безработицѣ на это дѣло понадобится до 300 милл. мар. въ годъ по самымъ авторитетнымъ разсчетамъ. И главное—разъ это дѣло уже осуществлено въ мѣстностяхъ съ половиной всего городского населенія страны (считая поселенія свыше 10 тыс. жит.),—то трудно будетъ не довести его до конца или уничтожить уже введенное въ жизнь; тѣмъ болѣе, что въ ходѣ войны германская демократія значительно укрѣпила свои позиціи. И сумма въ 300 милл. должна будетъ занять прочное мѣсто въ бюджетѣ.

Осуществлена, далѣе, довольно широкая выдача государственныхъ пособій при наступленіи материнства, при томъ какъ въ отношеніи законныхъ, такъ и незаконныхъ женъ (при выдачѣ пенсій по случаю смерти на войнѣ и пособій по случаю мобилизаціи незаконныя дѣти тоже уравнены въ правахъ съ законными). До войны такія пособія выдавались, въ значительно при томъ меньшихъ размѣрахъ, только застрахованнымъ въ рабочихъ больничныхъ кассахъ, и не за счетъ государства, а за счетъ средствъ самихъ кассъ, составлявшихся на двѣ трети изъ взносовъ рабочихъ, и на одну—хозяевъ. Общій расходъ кассъ на помощь при беременности, родахъ и кормленіи грудью не достигалъ и 10 милл. мар. въ годъ. Въ началѣ войны по соображеніямъ экономіи законъ 4 августа предписалъ кассамъ прекратить и эту помощь. Скоро, 3 дек. н. с., новое постановленіе союзнаго совѣта вновь ввело ее, расширило кругъ

имѣющихъ на нее право женщинъ и ассигновало еще изъ казенныхъ средствъ на это дѣло два милл. мар. въ мѣсяцъ. Послѣ новаго расширенія въ началѣ 1915 г., союзный совѣтъ 25 апрѣля н. ст. окончательно урегулировалъ государственную помощь материнству, ассигновавъ на нее изъ казенныхъ средствъ 5 милл. мар. въ мѣс., т.-е. 60 милл. въ годъ (сверхъ 10, расходуемыхъ больничными кассами).

Право на пособіе, сверхъ застрахованныхъ въ больничныхъ кассахъ, получили еще законныя и незаконныя жены безработныхъ и вообще потерявшихъ занятіе по случаю войны (и сами безработныя женщины), а равно всѣхъ солдатъ, санитарныхъ и иныхъ служащихъ, имѣющихъ отношеніе къ войнѣ (также и въ томъ случаѣ, когда смерть, рана, болѣзнь или плѣнъ воспрепятствовали имъ приступить къ дѣятельности). Пособіе составляетъ 133 марки при каждомъ случаѣ родовъ (10 марокъ на акушерско-врачебную помощь во время беременности, 25 мар. на роды, 56 мар. на жизнь въ теченіе двухъ недѣль до родовъ и шести послѣ, и 42 марки на кормленіе ребенка грудью въ первые 12 недѣль послѣ родовъ). Въ Германіи ежегодно родится почти 2 милліона младенцевъ, и казна вмѣстѣ съ больничными кассами будетъ выдавать теперь по 133 марки почти въ 30% всѣхъ случаевъ (въ томъ числѣ казна въ 480 тыс.). Право на помощь имѣютъ лишь лица съ доходомъ не свыше 2.500 мар. въ годъ (ок. 100 р. въ мѣсяцъ). Новая мѣра принята пока, правда, лишь на время войны, но не приходится сомнѣваться, что это покровительство материнству сохранится и послѣ нея. Уже и теперь правительственныя и общественныя организаціи усиленно подчеркиваютъ необходимость послѣ мира обратить усиленное вниманіе на дѣтей и материнство [1]). Благодаря принятымъ уже теперь нѣкоторымъ мѣрамъ содѣйствія смертность грудныхъ дѣтей въ Берлинѣ за время войны не только не увеличилась, но даже уменьшилась, несмотря на нѣкоторое пониженіе бытового уровня массъ населенія.

Слѣдующей крупной статьей расхода является оплата процентами предстоящей грандіозной ассигновки на строительство мелкихъ квартиръ. Въ Германіи теперь вообще принято вспоминать, какъ отразилась война 1870 г. на разныхъ сторонахъ внутренней жизни, и заблаговременно готовиться къ предупрежденію или ослабленію

---

[1]) За однимъ исключеніемъ: союзъ защиты матерей ходатайствуетъ объ изданіи закона, разрѣшающаго германскимъ женщинамъ и дѣвушкамъ, изнасилованнымъ иностранными солдатами, на государственный счетъ прервать беременность, а при невозможности—отдать дѣтей, рождающихся отъ насилія, навсегда въ государственные пріюты.

на этотъ разъ обнаружившихся тогда неблагопріятныхъ послѣдствій. Тогда для многихъ семей пришлось строить въ городахъ по заключеніи мира спѣшно деревянные бараки—не хватало квартиръ, и именно небольшихъ. Теперь ожидаютъ этого еще въ гораздо большей степени. Благодаря громадному количеству погибшихъ и принужденныхъ сжать свой бюджетъ, очень многія семьи принуждены будутъ переѣхать въ меньшія квартиры, чѣмъ онѣ сейчасъ занимаютъ. Пока война, это менѣе замѣтно по причинѣ нѣкотораго пониженія на время войны квартирной платы для семей мобилизованныхъ (согласно постановленію союзнаго совѣта отъ 17 декабря н. ст. для этого учреждены повсемѣстно жилищныя «Einigungsämter») и благодаря квартирнымъ пособіямъ городскихъ самоуправленій. Пройдетъ война,—и вопросъ станетъ во всей остротѣ. А частная строительная дѣятельность почти пріостановилась во время войны—строительная промышленность относится какъ разъ къ тѣмъ «возстанавливающимъ реальный общественный капиталъ» отраслямъ индустріи, дѣятельность которыхъ наиболѣе сжимается войной. Значитъ, не только нельзя будетъ удовлетворить созданную войной и ея окончаніемъ новую потребность въ маленькихъ квартирахъ, но не удовлетворено будетъ даже естественное наростаніе за два года спроса на мелкія квартиры вслѣдствіе роста населенія. Исходя изъ такихъ соображеній «Германскій союзъ городовъ» (аналогичный нашему общегородскому союзу, но съ болѣе широкими и разносторонними функціями—особенно велика его роль въ организаціи народнаго продовольствія,—существовавшій и въ мирное время и весьма вліятельный)—обратился нынѣшней весной къ имперскимъ властямъ съ докладной запиской о предоставленіи послѣ войны городамъ попеченіемъ государства весьма крупныхъ средствъ на широкую постановку муниципальнаго домостроительства. Главнымъ образомъ имѣется въ виду возведеніе на окраинахъ большихъ городовъ такъ наз. «городовъ-садовъ», вѣрнѣе «городовъ-огородовъ», гдѣ небогатая часть населенія могла бы получить дешевыя, здоровыя и обособленныя жилища съ небольшимъ участкомъ земли при каждомъ, соединенныя электрическимъ трамваемъ съ центромъ. Въ первую очередь дѣло идетъ «всего» о двухъ милліардахъ марокъ. Впрочемъ, въ Германіи теперь такъ привыкли къ «большому счету», что такими цифрами никого особенно не удивишь.

Параллельно съ этимъ широко развилась агитація за предоставленіе на государственный счетъ каждому искалѣченному солдату и семьѣ каждаго убитаго на войнѣ солдата — небольшого дома съ участкомъ въ сельской мѣстности. Подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго и въ Россіи А. Дамашке организовалось общество, объеди-

нившее въ себѣ дѣйствовавшіе раньше союзы пропаганды Kriegerheim'овъ. Органы большой печати, какъ «Berliner Tageblatt» и особенно аграрные, энергично муссируютъ эту идею. Журналы, какъ «Bodenreform», «Soziale Praxis» и т. п. печатаютъ письма изъ лазаретовъ и окоповъ о настойчивомъ ожиданіи солдатъ получить свой очагъ и кусокъ той земли, за которую они вмѣстѣ со всѣми ея очагами пролили свою кровь. Близкое аграріямъ правительство особенно сочувственно относится къ ихъ доводамъ—поселеніе хотя бы милліона семействъ бывшихъ горожанъ въ сельскихъ районахъ, привязавъ эти семьи къ деревнѣ собственнымъ домомъ и огородомъ, предоставитъ сельскому хозяйству въ лицѣ подрастающаго поколѣнія нужныя ему рабочія силы. Крупное помѣщичье хозяйство Германіи и до войны испытывало недостатокъ въ рабочихъ, ежегодно привлекало свыше полумилліона ихъ изъ русской и австрійской Польши [1]), тѣмъ болѣе будетъ чувствоваться убыль рабочихъ силъ послѣ войны, когда поляковъ и русинъ быть можетъ не будутъ пускать въ Германію, а свои туземные устремятся въ города заполнять созданные тамъ войной пробѣлы—при многократномъ въ годъ оборотѣ капитала обрабатывающая промышленность при прочихъ равныхъ условіяхъ всегда можетъ предложить рабочему высшій заработокъ, чѣмъ земледѣліе съ его единственнымъ оборотомъ за весь годъ. А инвалидамъ и семьямъ убитыхъ легче существовать на свою пенсію въ деревнѣ, даже если часть стоимости предоставленнаго имъ участка съ домомъ они будутъ оплачивать минимальными процентами, вычитываемыми изъ пенсіи или покрываемыми огородничествомъ.

Неизвѣстно, разумѣется, еще, осуществится ли этотъ широко задуманный планъ, хотя за нимъ и стоятъ вліятельныя силы, не разобьется ли онъ прежде всего о нежеланіе привычныхъ горожанъ переселяться въ деревню на мало-завидную роль сел.-хоз. батрака-огородника (с.-д. писатели уже заявили въ своей прессѣ требованіе объ отсутствіи всякой принудительности въ данномъ отношеніи),—но провинціальные ландтаги, которымъ передано имперской властью попеченіе объ инвалидахъ, относятся къ плану, повидимому, съ сочувствіемъ. Осуществленіе его вызвало бы, конечно, необходимость еще въ новомъ громадномъ займѣ въ 3—4 мд. мар., но если даже ограничиться 2 мд. мар. для строительства городскихъ

---

[1]) Въ 1913 г. (1 окт. 1912 г.—30 сент. 1913 г.) въ Германіи выданы легитимац. карты 767 тысячамъ иностранныхъ Wanderarbeiter. Среди нихъ было 358 тыс. поляковъ, 92 тыс. русинъ, 15 тыс. венгровъ, 3 тыс. литовцевъ, и т. д. Двѣ трети—сел.-хоз. раб.

дешевыхъ квартиръ, и то это равносильно включенію въ бюджетъ еще 100 мил. мар. на ежегодную оплату ихъ процентами.

Было бы долго перечислять всѣ отдѣльныя болѣе мелкія мѣропріятія, которыя уже или осуществило или обѣщало осуществить имперское правительство. Мнѣ хочется упомянуть лишь хоть однимъ словомъ реформу учрежденій по указанію труда. Рейхстагъ принялъ 20 марта н. ст. основныя положенія законопроекта въ содержащей 10 пунктовъ резолюціи своей, представленной имперскому правительству, которое берется осуществить реформу въ полномъ объемѣ лишь по заключеніи мира; пока же приняты лишь подготовительныя мѣры: всѣ общественно-правовыя и работающія не ради прибыли учрежденія по указанію труда во всей имперіи соединены въ одинъ союзъ и связаны (въ маѣ) обязательствомъ доставки два раза въ недѣлю свѣдѣній о спросѣ и предложеніи на рынкѣ труда областнымъ и центральному учрежденіямъ. Для мирнаго времени резолюція рейхстага требуетъ созданія повсюду «вѣдомствъ труда» (Arbeitsämter), въ каждомъ городѣ и каждомъ сельскомъ округѣ. «Вѣдомства труда» будутъ состоять изъ выборныхъ представителей хозяевъ и рабочихъ, въ равномъ числѣ отъ каждой стороны при незаинтересованномъ предсѣдателѣ, и имъ будутъ подчинены всѣ учрежденія по указанію работы въ ихъ районѣ («биржи труда»), въ томъ числѣ и бюро горнопромышленниковъ и другихъ предпринимательскихъ организацій, пользовавшихся часто своими «биржами» для фильтровки нанимаемыхъ рабочихъ при помощи «черныхъ списковъ» и т. п. Пунктъ 5-й резолюціи рейхстага возлагаетъ на всѣхъ хозяевъ и рабочихъ обязанность доводить до свѣдѣнія Arbeitsamt'а своей общины о каждомъ случаѣ найма и разсчета, а пунктѣ 10-й вмѣняетъ «вѣдомству труда» въ особую обязанность контроль надъ тѣмъ, чтобы «учрежденія по указанію труда не были используемы для ограниченія свободы организаціи отдѣльнаго рабочаго или хозяина». При этомъ повсюду (п. 6) устраиваются общественныя учрежденія по указанію труда подъ управленіемъ опять-таки равнаго количества выборныхъ отъ рабочихъ и хозяевъ.

300 милл. на обезпеченіе безработныхъ, 60 милл. или больше на обезпеченіе материнства, 100 милл. или больше на жилища, пособія коммунамъ на организацію полной сѣти профессіонально-расчлененныхъ биржъ труда и т. д., въ итогѣ германскій бюджетъ долженъ включить еще не менѣе 500 милл. мар. въ годъ на соціальныя реформы. Вмѣстѣ съ ранѣе приведенными суммами это даетъ итогъ увеличенія годового расходнаго государственнаго бюджета Германіи не менѣе чѣмъ въ 4 милліарда марокъ.

Выше указано, что имперскій бюджетъ Германіи составлялъ въ 1913 г. всего 3.448 милл. мар. (безъ однократнаго Wehrbeitrag'а, матрикулярныхъ взносовъ, фигурирующихъ даже въ бюджетахъ составныхъ германскихъ государствъ). Но изъ этой суммы—808 м.м. представляли собой просто оборотную стоимость эксплоатаціи имперскихъ почтъ, телеграфовъ и дорогъ и почти 10 м.—имп. типографіи, такъ что дѣйствительный доходный бюджетъ имперіи не превышалъ 2.630 мил. мар. въ годъ. Правда, еще 6.487 м. м. составляетъ государственный бюджетъ всѣхъ составныхъ государствъ Германіи, взятый вмѣстѣ, но и въ немъ чисто оборотные эксплоатаціонные расходы играютъ очень большую роль. Въ бюджетахъ 12 важнѣйшихъ государствъ (Пруссія, Баварія, Саксонія, Вюртембергъ, Баденъ, Гессенъ, Мекленбургъ-Шверинъ, Ольденбургъ, Брауншвейгъ, Эльзасъ-Лотарингія, Гамбургъ и Бременъ) ихъ значится 3.377 м. м., а если засчитать всѣ, то дѣйствительный доходный бюджетъ всѣхъ составныхъ государствъ составитъ лишь около 3 милліардовъ, а вмѣстѣ съ имперскимъ всѣ нынѣшніе государственные доходы Германіи отъ налоговъ, таможенныхъ пошлинъ, доходовъ отъ казенныхъ предпріятій, регалій и т. д. составятъ всего около $5^1/_2$ мд. мар. ($2^1/_2$ мд. руб.). Эту сумму и предстоитъ теперь увеличить на 4 мд.

Разумѣется, изъ національнаго годового дохода около 40 мд., за вычетомъ уже взимаемыхъ казной чистыхъ $5^1/_2$ мд., можно отрѣзать еще 4 мд., особенно разъ половина этихъ 4 мд. вернется обратно самимъ же широкимъ массамъ населенія для цѣлей ихъ личнаго потребленія (пособія инвалидамъ, семьямъ убитыхъ, безработнымъ, беременнымъ и т. п.). Но въ какихъ формахъ это сдѣлать, въ какой пропорціи разложить оплату военныхъ издержекъ между различными слоями населенія—другой вопросъ. При томъ увеличенію подлежитъ вѣдь именно и спеціально имперскій бюджетъ, долженствующій сразу прыгнуть съ около $2^1/_2$ мд. м. чистыхъ сборовъ на $6^1/_2$—что составляетъ приростъ около 160%.

Чтобы можно было увеличить на 160% прямые налоги съ имущества, дохода и наслѣдства, объ этомъ при нынѣшнемъ соотношеніи общественныхъ силъ въ Германіи едва-ли можетъ быть рѣчь. Возможно, конечно, введеніе нѣкоторыхъ новыхъ и повышеніе нѣкоторыхъ прежнихъ сборовъ этого рода—рейхстагъ въ майской сессіи уже принялъ резолюцію, поручающую правительству выработать проектъ обложенія Kriegsgewinn'а. Какъ онъ будетъ выглядѣть—можно судить по проекту законодательнаго собранія вольнаго города Бремена. Въ этомъ, одномъ изъ самыхъ маленькихъ германскихъ 26 государствъ, будетъ обложена особымъ сборомъ въ 10% та доля дохода каждаго плательщика налога, какая превы-

шаетъ доходъ, полученный имъ въ предыдущій, мирный, налоговой годъ,—если только плательщикъ не докажетъ документально, что приростъ его дохода не имѣетъ отношенія къ военнымъ поставкамъ и къ войнѣ. Но ясно, съ однимъ 10% налогомъ съ «наживы военнаго времени» далеко не уѣдешь, да подобный по необходимости однократный сборъ совершенно не разрѣшаетъ вопроса о созданіи постояннаго источника для ежегоднаго покрытія новыхъ 4 мд. м. расходовъ.

Наиболѣе рѣшительные въ смыслѣ рекомендаціи прямыхъ налоговъ съ имуществъ общественные дѣятели Германіи, представители ея рабочей партіи,—и тѣ не идутъ дальше мысли о возможности собирать такимъ путемъ въ имперскую кассу 500—600 милл. мар. въ годъ, нѣкоторыя другія партіи не склонны допускать и этого. Отсюда безусловная рѣшимость германскаго правительства вести всю войну на займы, чтобы спорнымъ вопросомъ о прямыхъ налогахъ съ имущества не вызвать сейчасъ ожесточенной борьбы между партіями. Ни одинъ налогъ не повышенъ въ Германіи во время войны, ни прямой, ни косвенный, наоборотъ, нѣкоторые даже отмѣнены на время войны (въ томъ числѣ почти всѣ таможенныя пошлины на продовольственные продукты), и къ неплатежу оставшихся со стороны испытывающихъ затрудненія лицъ и предпріятій администрація относится теперь съ большой снисходительностью (какъ признаетъ въ «Neue Zeit» большой антагонистъ германской бюрократіи Адольфъ Браунъ № 20 за 915 г.).

Нужно имѣть еще въ виду, что собственно подоходный налогъ предоставленъ въ Германіи въ распоряженіе отдѣльныхъ государствъ и мѣстныхъ самоуправленій, которыя, въ свою очередь, должны будутъ усиленно черпать изъ этого источника послѣ войны. Война дала въ Германіи сильный толчокъ развитію коммунальнаго хозяйства. Появились тысячи городскихъ лавокъ, торгующихъ продовольственными продуктами, сотни складовъ, десятки заводовъ для переработки отбросовъ въ кормъ скоту или удобреніе, городскія пекарни, свиныя и молочныя фермы и т. п. вплоть до «рыбныхъ курсовъ»—все это уже организовано, поглотило на свое устройство большія деньги, окупается и приноситъ пользу населенію. Ни одному мѣстному самоуправленію не придетъ въ голову уничтожить послѣ войны уже сдѣланное, когда дальнѣйшее развитіе привѣтствуется населеніемъ и выгодно городской кассѣ. Наоборотъ, широкій размахъ коммунальной дѣятельности во время войны (помощь безработнымъ, биржа труда, коллективныя столовыя и т. д.), укрѣпляя вѣру общественныхъ самоуправленій въ свои силы, придалъ вообще имъ рѣшительности въ постановкѣ новыхъ крупныхъ задачъ—одна берлин-

ская городская дума, напр., за время войны произвела двѣ крупнѣйшія операціи: за 140 мил. мар. купила все кольцо лѣсовъ, окружающихъ Берлинъ, чтобы на вѣчныя времена въ интересахъ здоровья жителей столицы сохранить ихъ отъ вырубки, и за 140 мил. мар. выкупила заводы, обслуживающіе Берлинъ электрической энергіей. Кельнская городская дума разрабатываетъ проектъ муниципализаціи всего производства хлѣба для 600-тысячнаго населенія на семи городскихъ «хлѣбныхъ фабрикахъ» и т. п. Но расширеніе задачъ увеличиваетъ требовательность коммунъ по отношенію къ подоходному налогу, и на этотъ годъ ставки его городами (въ противоположность государству) повышаются сплошь. Отъ налоговъ на имущества и доходы можно ждать такимъ образомъ для покрытія новыхъ 4 мд. въ имперскомъ бюджетѣ слишкомъ мало, чтобы въ этомъ видѣть главный источникъ. Въ лучшемъ случаѣ демократическіе слои смогутъ переложить такимъ путемъ на болѣе имущіе классы лишь около восьмой доли всего дефицита.

По рецепту Бисмарка прямые налоги должны оставаться въ распоряженіи отдѣльныхъ государствъ, а имперія должна удовлетворять свои потребности косвеннымъ обложеніемъ и таможенными пошлинами. Нѣтъ возможности прибавить къ суммѣ имперскаго дохода сразу еще 4 или хотя бы $3^1/_2$ мд.—это значило бы *утроить* имперскіе налоги на потребленіе, и для этого нѣтъ ни большинства въ парламентѣ, ни согласія въ народѣ.

Кое-что, конечно, можно будетъ взять и путемъ усиленія косвеннаго обложенія. Но я не читалъ еще ни одного проекта или подсчета даже въ правыхъ органахъ нѣмецкой печати, который въ надеждахъ на повышеніе косвенныхъ налоговъ шелъ бы далѣе полумилліарда марокъ. Осуществленіе этихъ надеждъ болѣе чѣмъ сомнительно. Германскій мелкій лавочникъ, рабочій, крестьянинъ, ремесленникъ—всѣ они согласны идти на войну, разъ ужъ такъ случилось, что отечество ихъ, по ихъ мнѣнію, попало въ опасное положеніе. Но они вовсе не согласны платить за войну, которой вовсе не хотѣли—это дѣло тѣхъ круговъ, говорятъ они, кто правилъ государственнымъ кораблемъ, кто зналъ, къ чему идетъ, и пришелъ къ войнѣ. Въ нынѣшнемъ рейхстагѣ, во всякомъ случаѣ, нѣтъ большинства за косвенные налоги—это вѣдь тотъ рейхстагъ, который и милліардъ марокъ Wehrbeitrag'а постановилъ взимать лишь съ имѣющихъ болѣе чѣмъ на десять тысячъ марокъ имущества, чистаго отъ долговъ. Ждать перемѣны соотношенія отъ слѣдующихъ выборовъ (январь 1917 г.) не приходится — сумма голосовъ, поданныхъ за лѣволибераловъ (прогрессистовъ) и кандидатовъ рабочей партіи, постепенно повышаясь, къ послѣднимъ январьскимъ выборамъ 1912 г.

достигла уже почти 50%. Эпоха войны, обнаружившееся публично жадное своекорыстіе аграріевъ и т. п. явленія — все это можетъ только укрѣпить лѣвыя партіи, особенно разъ центральнымъ пунктомъ сдѣлается вопросъ о налогахъ: на этой почвѣ крайняя оппозиція всегда одерживала въ Германіи самыя блестящія свои избирательныя побѣды.

Остаются еще таможенныя пошлины. Вопросъ о внѣшней торговлѣ Германіи въ будущемъ тоже занимаетъ теперь здѣсь всѣхъ; онъ породилъ цѣлую литературу, вызвалъ къ жизни спеціальныя организаціи и положилъ начало нѣкоторымъ подготовительнымъ мѣрамъ. Таможенное объединеніе съ Австріей и Венгріей, борьба за заокеанскіе рынки съ соперниками, главнымъ образомъ, съ Соединенными Штатами, тяготѣніе къ устраненію духа англійскаго преобладанія— германскій экспортеръ и сейчасъ совершаетъ сдѣлки со многими странами въ англійской валютѣ—все это подвергается теперь самому пристальному изученію, и для насъ важно знать по крайней мѣрѣ хоть общее направленіе мыслей нѣмецкихъ изслѣдователей.

IV.

Австро-Венгрія—одинъ изъ важнѣйшихъ рынковъ и поставщиковъ Германіи. Въ пятилѣтіе 1908—1913 г.г. изъ всего своего вывоза 11,3% Германія отправила въ Австро-Венгрію, изъ всего своего привоза получила оттуда 8,1%. Только въ Англію Германія вывозила больше, чѣмъ въ Австрію (тремя процентами). Но возобновленіе торговли съ Англіей въ прежнихъ размѣрахъ, особенно въ первые годы по заключеніи мира, повидимому, не ожидается. У Германіи будетъ слишкомъ много дѣла у себя дома, чтобы быть въ состояніи сразу же возобновить свой экспортъ въ прежнихъ размѣрахъ—и уменьшеніе его должно прійтись прежде всего на долю Англіи. Естественно не по сентиментальнымъ соображеніямъ, а по дѣловымъ: за два годы войны образуется громадный недостатокъ въ заокеанскихъ продуктахъ—кофе, резина, мѣдь, хлопокъ, шерсть, дерево и т. д. Все это необходимо прежде всего для населенія, для приведенія въ порядокъ успѣющихъ износиться за два года частей матеріальнаго организма страны. Мужскія рабочія силы (старшая половина мужского населенія) убавятся за два года minimum на 10% (согласно приведенной оффиц. таблицѣ потерь за первое полугодіе). По подсчетамъ нѣмецкихъ экономистовъ, менѣе 25% рабочихъ силъ страны заняты были работой на экспортъ (цѣнность его въ моментъ вывоза въ 1913 г. около 11 мд. мар.). Убыль 10% ра-

бочихъ силъ падетъ прежде всего на экспортъ—ибо, напр., производство зерна и т. п. во всякомъ случаѣ страна будетъ стремиться не уменьшать. А это означаетъ и соотвѣтственное сокращеніе привоза на ту же величину, на 40% — иначе Германія принуждена будетъ ежегодно отправлять за границу милліарды золота, чего она не можетъ. Потому между предметами ввоза придется выбирать—и выборъ приходится дѣлать не въ пользу тонкаго англійскаго сукна, а въ пользу малоизящнаго на видъ каучука.

Изъ Англіи Германія получаетъ, главнымъ образомъ, обработанныя издѣлія (уголь въ сѣверныхъ портахъ собирается замѣнить электричествомъ и системой дешевой доставки собственнаго по новымъ каналамъ, особенно изъ Силезіи). Изъ Австріи Германія получаетъ преимущественно сырые матеріалы—что еще болѣе увеличиваетъ важность для нея торговыхъ сношеній съ этой страной.

Если сейчасъ замолкли уже рѣчи—писалъ я въ «Рус. Вѣд.» № 133—о великой Германской имперіи отъ Нордкапа до Средиземнаго моря, то съ тѣмъ бо̀льшимъ жаромъ обсуждается скромная на видъ, но чреватая большими послѣдствіями мысль о таможенномъ объединеніи Германіи, Австріи и Венгріи. Одна за другой появляются брошюры и книги по этому вопросу, и двумъ изъ нихъ приписывается руководящее значеніе. Считается, что австрійская точка зрѣнія выражена въ работѣ члена австрійской палаты господъ, извѣстнаго вѣнскаго профессора Е. Филипповича «Хозяйственный и таможенный союзъ между Германіей и Австро-Венгріей», а венгерская—въ книгѣ главнаго редактора газеты «Budapesti Naplo» д-ра Ed. Palyi, «Германія и Венгрія», появившейся въ апрѣлѣ. Собраніе центральной организаціи промышленниковъ въ Будапештѣ стало въ общемъ на точку зрѣнія практическихъ проектовъ, развиваемыхъ въ обѣихъ работахъ, и они встрѣтили поддержку и во вліятельныхъ германскихъ кругахъ и въ руководящей германской печати. Въ маѣ на соединенномъ собраніи правленій германскихъ, австрійскихъ и венгерскихъ руководящихъ экономическихъ организацій, бывшемъ въ Вѣнѣ, состоялось обсужденіе вопроса оффиціальными представителями магнатовъ капитала и землевладѣнія. Принятая резолюція высказывается за хозяйственное объединеніе Австріи и Венгріи, какъ предпосылку сближенія съ Германій, и затѣмъ высказалось за таможенно-политическое соглашеніе съ Германіей на описываемыхъ ниже началахъ, — при условіи «сохраненія Дунайской монархіей» своего хозяйственнаго суверенитета.

Рѣчь идетъ о превращеніи въ одно хозяйственное цѣлое территоріи, превышающей милліонъ квадратныхъ верстъ, съ населеніемъ свыше 120 милліоновъ человѣкъ. Даже если въ итогѣ войны

Австрія потеряла-бы Тріестъ, Кроацію, Боснію, Далмацію, южный Тироль, Банатъ, Трансильванію, и даже Буковину, Галицію и угрорусскій раіонъ, а Германія лишилась-бы мѣстностей съ польскимъ, французскимъ и датскимъ населеніемъ, то все же соединенныя таможенно Германія, Австрія и Венгрія представляли бы собой хозяйственный раіонъ, по численности населенія почти равный современнымъ Великобританіи и Франціи, взятымъ вмѣстѣ. Потому проекты, на которыхъ объединяются заинтересованные круги всѣхъ трехъ странъ и къ которымъ относятся сочувственно и ихъ правительства, заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Какъ образованіе сѣверо-германскаго таможеннаго союза предшествовало политическому единству Германіи, такъ и таможенное объединеніе трехъ центрально-европейскихъ государствъ въ нынѣшнихъ условіяхъ можетъ явиться лишь прологомъ къ ихъ политическому объединенію въ той или иной формѣ. «Соединенные Штаты центральной Европы», если даже и не отольются сразу въ политическую форму, а останутся пока лишь экономическимъ объединеніемъ, все же будутъ однимъ изъ первостепенныхъ факторовъ европейской жизни.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Германія и Австро-Венгрія, несомнѣнно, экономически дополняютъ другъ друга. Если взять превышеніе ввоза надъ вывозомъ и обратно въ каждой странѣ, то для 1912 г. окажется, напримѣръ, что Германія ввезла ячменя и солода на 442 мил. мар., а Австро-Венгрія вывезла на 193 мил. мар.; Германія ввезла яицъ и яичнаго желтка на 191 м. м., а Австро-Венгрія вывезла на 66 м. м., Германія ввезла кукурузы на 143 мил. мар., а Австро-Венгрія вывезла на 90 м. м., наоборотъ, Германія вывезла каменнаго угля на 246 м. м., а Австро-Венгрія ввезла его на 153 мил. мар. и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ почвы для взаимной истребительной конкуррентной борьбы, что̀ усиливается еще параллельностью ввоза многихъ важныхъ продуктовъ изъ прочихъ странъ міра, создающей возможность однородной таможенной политики по отношенію къ внѣшнему міру. Такъ Германія ввезла въ 1912 г. на 1.782 мил. мар. хлопчатой бумаги, шерсти, мѣди, кофе и сырого табаку и вывезла этихъ товаровъ только на 124 м. м.; Австро-Венгрія ввезла ихъ на 615 мил. мар. и вывезла только на 32 м. м. Такимъ образомъ, самое хозяйственное строеніе центральныхъ государствъ облегчаетъ имъ возможность сліянія въ одно таможенное цѣлое.

Когда въ прошлыя десятилѣтія поднималась мысль о подобномъ преобразованіи, германскіе аграріи душили ее въ зародышѣ, не желая «затопленія» Германіи австрійскими и особенно венгерскими сельско-хозяйственными продуктами. Еще въ 1902 г.

они провели боевой таможенный тарифъ, который можно было вѣдь использовать въ концѣ-концовъ и противъ союзницы-сосѣдки. Чѣмъ же объяснить теперешнюю перемѣну фронта прусскихъ помѣщиковъ? Собираются ли они принести интересы своего кармана на алтарь отечества? Нѣтъ, просто Австро-Венгрія настолько уже индустріализовалась, настолько перестала быть уже чисто аграрной страной, что отъ таможеннаго слiянія съ нею можно не опасаться пониженія цѣнъ на земледѣльческія произведенія—скорѣе наоборотъ.

Если взять сборъ четырехъ главныхъ зерновыхъ хлѣбовъ, —пшеницы, ржи, ячменя и овса,—то въ 1913 г. въ Германіи приходилось туземнаго ихъ производства на душу населенія 445 килограммовъ. Если же взять Германію, Австрію и Венгрію вмѣстѣ, то всего сборъ этихъ четырехъ хлѣбовъ въ 1913 г. окажется на душу уже только 404 килограм., или на 10% меньше. Для картофеля соотвѣтственныя цифры въ томъ же году: одна Германія — 796 килогр. на душу, Германія, Австрія и Венгрія вмѣстѣ—605 кг., т.-е. почти на четверть меньше. Иначе сказать, въ «Соединенныхъ германско-австрійско-венгерскихъ штатахъ» недохватка собственныхъ земледѣльческихъ продуктовъ будетъ еще значительнѣе, чѣмъ въ самой Германіи, и потому прусскимъ юнкерамъ нечего опасаться «ухудшенія конъюнктуры» на внутреннемъ рынкѣ.

Неправильность распространеннаго у насъ воззрѣнія на Австро-Венгрію, какъ на аграрную страну, можно иллюстрировать рѣшительностью продовольственныхъ мѣропріятій австрійскаго правительства, идущаго иногда даже дальше германскаго. Напримѣръ, въ Германіи засѣваніе незастроенныхъ участковъ въ городахъ картофелемъ и овощами предоставлено инициативѣ и усмотрѣнію частныхъ лицъ, общественныхъ союзовъ и мѣстныхъ самоуправленій. Въ Австріи же постановленіемъ правительства отъ 7 марта н. ст. введено обязательное во всей странѣ отобраніе у домовладѣльцевъ и землевладѣльцевъ незастроенныхъ участковъ, которые они не засѣютъ до 15 апрѣля н. ст. (кромѣ случаевъ, когда участки по характеру почвы совершенно непригодны для посѣва). Отобранная земля безплатно передается на 1915 г. въ пользованіе мѣстныхъ самоуправленій, которыя обязаны озаботиться производствомъ посѣва.

О томъ же свидѣтельствуетъ начавшаяся проявляться еще до обостренія отношеній съ Италіей готовность Австріи измѣнить таможенную политику относительно Сербіи. Упомянутый редакторъ венгерской газеты указываетъ, что теперь венгры могутъ уже согласиться на пропускъ сербскихъ свиней въ Австрію, изъ-за чего въ свое время сломано столько копій. Другой «активный австрій-

скій политикъ», какъ онъ себя рекомендуетъ (и на брошюру котораго «Австрія послѣ войны»—обращаетъ особое вниманіе читателей извѣстный Рорбахъ), скрывшійся подъ псевдонимомъ «Мунинъ», предлагаетъ Сербіи даже соединеніе въ одно государство съ Далмаціей, Босніей, Герцеговиной, Славоніей и Кроаціей съ тою степенью самостоятельности, какую имѣетъ теперь Венгрія, но при условіи таможеннаго, военнаго и дипломатическаго единства съ прочими частями Дунайской монархіи. Послѣдніе мѣсяцы австрійская подцензурная пресса («Neue Fr. Pr.» и др.) открыто заявляютъ, что если Сербія и не приметъ этого предложенія, Австрія все же не будетъ препятствовать впредь присоединенію къ ней сѣверной Албаніи съ Дураццо, чтобы дать сербамъ выходъ къ Адріатическому морю—«теперь уже никто не относится съ презрѣніемъ къ воинскимъ доблестямъ сербовъ» («Deutsche Volksstimme» отъ 5 мая н. ст., ст. A. Damaschke).

Вторымъ препятствіемъ таможенному объединенію считались до сихъ поръ интересы нѣкоторой части австрійскихъ и венгерскихъ индустріальныхъ предпринимателей. Въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ и сейчасъ не совсѣмъ гладко. Съ 1902 по 1912 г. вывозъ изъ Австро-Венгріи въ Германію возросъ съ 720 всего до 830 мил. мар., т.-е. на 15%. А вывозъ изъ Германіи въ Австро-Венгрію возросъ съ 533 до 1.035 мил. мар., т.-е. почти на 100%. Австро-венгерская индустрія боится, что безъ пошлинъ германская задавитъ ее, какъ котенка.

Въ разсчетъ, конечно, входитъ болѣе австрійская промышленность, чѣмъ венгерская. Въ Венгріи еще по переписи 1910 г. въ индустріи въ среднемъ на одного хозяина приходится только двое рабочихъ,—пропорція совершенно средневѣковая. Къ тому же въ ней почти нѣтъ своего угля и желѣза; преобладаетъ индустрія, перерабатывающая мѣстные сельскохозяйственные продукты, не боящаяся поэтому особенно германской конкурренціи. Для охраны австрійской индустріи Филипповичъ, Палый и др. предлагаютъ ввести на неопредѣленное время внутреннюю таможенную пошлину на нѣкоторыя издѣлія при переходѣ изъ Германіи въ Австро-Венгрію. Размѣръ этой пошлины не долженъ отличаться безудержно-картельнымъ размахомъ, служащимъ только безмѣрному поднятію цѣнъ на «охраняемомъ» рынкѣ. Внутренняя таможенная застава должна только уравнять объективно существующія условія производства въ Австріи и Германіи и понижаться по мѣрѣ сближенія австрійскихъ условій съ германскими. Филипповичъ полагаетъ, напр., что австрійская «тяжелая» индустрія уже и сейчасъ можетъ существовать рядомъ съ германской безъ всякихъ внутреннихъ заставъ; вступленіе

ея въ общій картель съ германской можетъ обѣщать даже выгоды.

Силы аграріевъ и тяжелой индустріи при общемъ сочувствіи массъ потребителей достаточно, чтобы склонить Австрію къ таможенному объединенію. А въ настойчивомъ желаніи его со стороны господъ положенія въ Германіи, судя по всѣмъ отзывамъ печати и т. п., сомнѣваться не приходится. Небезызвѣстный Karl Köttinger, близко стоящій къ правящимъ кругамъ, сообщилъ въ маѣ («Die handelspolitische Lage und unsere Verhältnisse zu Osterreich-Ungarn), что правящая Германія на примѣрѣ новаго урегулированія отношеній съ Австріей собирается показать «средне-европейскимъ народамъ» (Голландія, Швейцарія, Данія, Швеція, Норвегія, Бельгія—въ эти страны шла въ 1913 г. почти четверть, 24,4% всего германскаго экспорта), какъ возможно превращеніе въ единый хозяйственный раіонъ безъ отказа отъ полнаго политическаго суверенитета—въ надеждѣ, что они впослѣдствіи добровольно примкнутъ къ соглашенію. Отмѣна съ войной статьи 11-ой мирнаго договора съ Франціей (Франкфуртскаго, послѣ войны 1870 г.), введшей понятіе и практику «наиболѣе благопріятствуемой націи», даетъ возможность установить двѣ системы тарифовъ, освобождая Германію отъ обязательства дѣлать напр. Франціи тѣ же таможенныя уступки, какія она предоставляетъ Австріи.

Въ окончательномъ итогѣ проектируется, такимъ образомъ, система трехъ тарифовъ: соединенный австро-германскій тарифъ противъ государствъ, ввозящихъ готовыя издѣлія (Англія, Франція); соединенный же тарифъ, пониженный по договорамъ, по отношенію къ государствамъ, доставляющимъ необходимые сырые матеріалы (главнымъ образомъ заокеанскія страны) и временная небольшая уравнивающая пошлина на нѣкоторые предметы между Германіей и Австро-Венгріей. Ясно, такая политика по отношенію къ Австріи не можетъ повести къ увеличенію доходовъ имперскаго казначейства отъ таможенныхъ пошлинъ, особенно если вспомнить неизбѣжное и безъ спеціально-неблагопріятнаго тарифа ограниченіе привоза готовыхъ издѣлій изъ Англіи и другихъ странъ,—неизбѣжное, чтобы быть въ состояніи имѣющимъ уменьшиться экспортомъ оплатить необходимые для страны и постепенно истощающіеся въ ней сырые матеріалы и продовольственные продукты.

Таможенныя ожиданія могутъ быть связаны, поэтому, главнымъ образомъ, лишь съ торговлей заокеанской, съ торговлей по ввозу продовольствія (Россія, Балканы и т. д.), отчасти съ рѣшеніемъ вопроса о колоніяхъ. И здѣсь выясняются теперь вещи, весьма любопытныя для будущаго германскаго хозяйства.

Продовольственные припасы всякаго рода для людей и скота составляли въ 1913 г. около 27% всего германскаго ввоза (въ томъ числѣ около трети изъ Россіи; изъ остального ввоза 45% составляли сырые матеріалы, изъ нихъ около восьмой части изъ Россіи). Всѣ послѣдніе годы нерушимымъ правиломъ германскихъ аграріевъ были высокія таможенныя пошлины на иностранное продовольствіе, чтобы такимъ путемъ подымать цѣны на сел.-хоз. произведенія внутренняго производства. Ибо Германія сама производитъ нормально лишь три четверти той пищи, какую потребляетъ въ мирное время—потому всегда есть возможность взвинтить цѣны, напр. туземнаго зерна до величины стоимости привоза иностраннаго зерна съ пошлиной: германскимъ аграріямъ не приходится бояться избытка предложенія хлѣба на внутреннемъ рынкѣ и конкурренціи между собой изъ-за покупателя, которая понизила бы цѣну до нормальнаго уровня независимо отъ того, что̀ написано въ таможенномъ уставѣ.

Эту прочную традицію высокихъ пошлинъ на хлѣбъ прусскіе юнкеры собираются замѣнить теперь сочетаніемъ государственной монополіи на торговлю хлѣбомъ съ отмѣной таможенныхъ пошлинъ. Идея эта проста и понятна: пусть государство обяжется покупать у насъ три четверти народнаго потребленія, что̀ мы производимъ, по такимъ высокимъ цѣнамъ, какъ будто пошлины существуютъ. Тогда мы согласны, чтобы остальную четверть нужнаго Германіи продовольствія оно закупило за границей безъ пошлины. Выгода для населенія та, что при такой организаціи дѣла оно сможетъ получать хлѣбъ все же дешевле, чѣмъ при простомъ сохраненіи дѣйствовавшихъ до войны пошлинъ. Ибо экономія въ покупной цѣнѣ при закупкѣ четверти всего нужнаго, скажемъ, хлѣба за границей будетъ, разложена государствомъ на все пріобрѣтенное количество, и оно сможетъ въ итогѣ продавать населенію купленный и у нѣмецкихъ помѣщиковъ хлѣбъ по цѣнѣ болѣе дешевой, чѣмъ само оно платило этимъ помѣщикамъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ оно обязуется ввозить изъ-за границы лишь то количество, какое не допроизводится сравнительно съ потребностью въ самой Германіи, стало быть, нечего бояться чрезмѣрной и вообще какой бы то ни было конкурренціи дешеваго иностраннаго зерна, мяса и т. д.

Этотъ способъ безболѣзненно для аграріевъ удешевить пищу для населенія пріобрѣтаетъ теперь интернаціональную популярность. Въ Швейцарскомъ союзномъ парламентѣ (Soziale Prexis отъ 29 апр.) особенно подчеркнута была связь между государственной монополіей и отмѣной таможенныхъ пошлинъ депутатомъ Шерреромъ-Фюллеманомъ во время дебатовъ о сохраненіи навсегда государ-

ственной монополіи ввоза заграничнаго хлѣба въ Швейцарію, установленной тамъ по случаю войны. Въ апрѣлѣ союзное правительство представило парламенту докладную записку съ предложеніемъ увѣковѣчить монополію, ибо «она оказалась весьма благословенной (segenreich) для націи, и народъ несомнѣнно былъ бы недоволенъ, если бы съ возвращеніемъ мира вернулись и старыя несостоятельныя условія». Въ Швейцаріи уже въ 1905 г. туземное земледѣліе покрывало только 30% потребности въ зернѣ. Правительство пишетъ, что на государственную монополію надо возложить задачу ввозить такое количество хлѣба, чтобы «снабженіе страны хлѣбомъ постоянно и полностью было обезпечено, и чтобы туземное земледѣліе одновременно было поддерживаемо». Парламентъ согласился съ взглядами правительства.

Въ Германіи тоже введенная съ начала второго полугодія войны хлѣбная и затѣмъ кормовая монополія уже продлены и на весь второй годъ (до осени 1916 г.) и обѣщаютъ остаться постояннымъ установленіемъ. Монополія торговли азотнымъ удобреніемъ и ввоза его изъ-за границы прямо закономъ укрѣпляется за государствомъ на 7 лѣтъ. Уже составъ нынѣшняго рейхстага не давалъ аграріямъ надежды на повышеніе хлѣбныхъ пошлинъ—передъ войной правительство рѣшило поэтому, какъ извѣстно, даже не выступать съ подобнымъ предложеніемъ. При серьезномъ укрѣпленіи позицій демократіи въ послѣдній годъ въ Германіи—нельзя ожидать и отъ будущихъ рейхстаговъ политики вздуванія таможенныхъ пошлинъ на хлѣбъ и мясо; скорѣе приходится считаться съ ихъ вѣроятнымъ пониженіемъ. Учитывая это обстоятельство, дѣловитые прусскіе аграріи собираются теперь посредствомъ соотвѣтственно управляемой монополіи сохранить уровень своихъ доходовъ и безъ таможенныхъ пошлинъ. Въ концѣ-концовъ, необходимость таможенныхъ пошл. на иностранный хлѣбъ для поднятія цѣны хлѣба внутренняго—только слѣдствіе господства стихійности на рынкѣ. Но поставьте дѣло планомѣрно, соберите весь туземный хлѣбъ въ рукахъ центральной власти и закрѣпите только за ней право привозить зерно и муку изъ-за границы—и она сможетъ установить уровень цѣнъ по своему вкусу и безъ таможенныхъ пошлинъ. Если раньше, въ отвѣтъ на союзы рабочихъ, индустріальные предприниматели сумѣли понять значеніе и для себя организаціи, то теперь аграріи дѣлаютъ шагъ еще дальше и пытаются примѣнить къ дѣлу даже орудіе государственной монополіи. Убыль таможенныхъ доходовъ возмѣщена будетъ государству оставленіемъ за нимъ прибыли торговыхъ посредниковъ, а масса населенія будетъ привѣтствовать и такую монополію, какъ кладущую все же конецъ вздорожанію пищи

и даже нѣсколько ее удешевляющую—для Германіи, примѣрно, на четверть величины таможенной пошлины послѣдняго десятилѣтія.

Но при такихъ перспективахъ нѣтъ надежды покрыть хотя бы часть военныхъ издержекъ налогомъ на привозное продовольствіе. Остается заокеанская торговля и колоніальныя упованія.

Въ Америку и Восточную Азію Германія вывезла въ 1913 г. свыше 20% всего своего экспорта и ввезла оттуда цѣлыхъ 37% всѣхъ доставлявшихся ей изъ-за границы товаровъ. Этотъ первостепенной важности рынокъ и подвергся, главнымъ образомъ, опасности утраты за время войны въ пользу странъ, въ противоположность Германіи не бывшихъ отрѣзанными отъ него, т.-е. въ пользу Франціи, Англіи и Соед. Штат. Сѣв. Америки. Но индустріальная сила Франціи,—говорятъ нѣмецкіе писатели,—оказалась парализованной ходомъ событій съ первыхъ же недѣль войны. Частью заняты были германскими войсками, частью служатъ теперь мѣстомъ расположенія обѣихъ армій и театромъ военныхъ дѣйствій десять самыхъ промышленныхъ департаментовъ Франціи. При этомъ ссылаются на оффиціальную публикацію французскаго министерства публичныхъ работъ о распредѣленіи паровыхъ «лошадиныхъ силъ» между всѣми промышленными предпріятіями страны по департаментамъ въ 1912 г.—достаточно надежный критерій,—говорятъ,—для сужденія о степени индустріальной важности каждаго района. По этому источнику оказывается, что германскія войска занимаютъ всего 4% французской территоріи всего съ 9% населенія Франціи,—но въ этихъ 10 департаментахъ сосредоточено будто-бы 43% всѣхъ паровыхъ лошадиныхъ силъ французской индустріи, почти половина. Въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ: горная промышленность—60,6%, металлическая—54,1%; питательныхъ средствъ—46,8%; химическая и красильная—31,1%; текстильная—68,7%; мебельная—35,4%; электрическая—20,7% и т. д. При такихъ обстоятельствахъ возможность завоеванія заокеанскихъ рынковъ Франціей не существуетъ. Англія должна была отдать свои силы частью индустріальному обслуживанію Франціи, потерявшей половину своихъ паровыхъ силъ, свой уголь и свое желѣзо, частью же принуждена была поставить 2 милліона изъ своихъ рабочихъ подъ ружье и не малую часть оставшихся—за приготовленіе для созданной изъ земли громадной арміи громадныхъ количествъ аммуниціи и всякихъ припасовъ. Въ итогѣ и она, какъ извѣстно изъ ежемѣсячно опубликовываемыхъ оффиціальныхъ отчетовъ, не только не расширила, но даже сократила свой экспортъ за океанъ.

Оставались нейтральные, мирные и потому особенно опасные, какъ конкуррентъ для Германіи Сѣверо-Американскіе штаты. Тор-

говая статистика Соед. Шт. съ 1 іюля 1914 г. до 1 февраля 1915 г. н. ст. сообщаетъ, что американскій экспортъ за эти 7 мѣсяцевъ (въ Америкѣ фискальный годъ начинается съ 1 іюля, а война началась съ 1 августа н. ст.), по сравненію съ экспортомъ за тѣ же 7 мѣсяцевъ 1913—1914 года, считая въ милліонахъ долларовъ, измѣнился такъ:

	1913/4 г.	1914/5 г.
Въ Аргентину	13,7	12,4
„ Бразилію	19,7	12,6
„ Канаду	211,2	173,2
„ Китай	13,7	8,4
„ Японію	36,7	23,9
Весь экспортъ	1522,0	1334,0

Если судить по этимъ даннымъ за мѣсяцъ, то бросается въ глаза, что вывозъ изъ Соед. Шт. въ главныя американскія и азіатскія страны уменьшился гораздо больше (на 26,2%—почти на 83 мил. дол.), чѣмъ весь остальной ихъ экспортъ (на 8,8%—на 105 мил. дол.), идущій, главнымъ образомъ, въ Европу. Это можетъ объясниться громадными отправками предметовъ вооруженія, снаряженія и продовольствія въ Англію и Францію. И вотъ, въ германскихъ дѣловыхъ кругахъ, какъ видно изъ спеціальной прессы, оживленно обсуждается теперь вопросъ, какъ наладить впредь торговыя сношенія съ Америкой и Азіей не въ англійской валютѣ, какъ было до сихъ поръ, а въ нѣмецкой, безъ посредничества лондонскихъ банковъ и лондонскихъ страховыхъ учрежденій, какъ создать за океаномъ векселю въ маркахъ такое же право гражданства, какое имѣетъ вексель въ фунтахъ стерлинговъ,—и нынѣшнее пониженіе англійскаго векселя въ Нью-Іоркѣ ниже паритета нѣмцы учитываютъ, какъ нѣкоторый залогъ возможности поколебать въ будущемъ «единодержавіе фунта стерлинговъ» за моремъ. Но на развитіи торговли съ заокеанскими странами, какъ ни важно сохраненіе здѣсь всѣхъ возможностей для будущаго германскаго хозяйства, оплаты военныхъ издержекъ таможенными пошлинами все же не построишь.

Что касается колоній, то считаю необходимымъ указать на вышедшую въ концѣ мая брошюру Рорбаха «Unsere koloniale Zukunftsarbeit», представляющую собой сжатое изложеніе сути того, что уже рядъ мѣсяцевъ обсуждается въ нѣмецкой прессѣ. Рорбахъ рекомендуетъ себя, какъ человѣка «особенно освѣдомленнаго» о намѣреніяхъ правительства—и судя по вниманію общества къ его выступленіямъ, онъ, вѣроятно, стоитъ близко какъ къ оффиціальнымъ сферамъ, такъ и къ центральнымъ лицамъ германской индустріи и финансоваго капитала.

Прежде всего Рорбахъ заявляетъ, что передъ войной было уже подписано соглашеніе между Англіей и Германіей, ожидавшее лишь опубликованія. Наличность его и той широты, съ какой Англія пошла въ немъ навстрѣчу интересамъ Германіи, вызвала въ послѣдней увѣренность въ отсутствіи отнынѣ поводовъ къ столкновеніямъ съ Соединеннымъ Королевствомъ и въ неучастіи послѣдняго въ войнѣ. Рорбахъ утверждаетъ, что Англія формально согласилась на образованіе громадной германской «хозяйственно - политической» имперіи въ Африкѣ и Передней Азіи. Внѣшняя торговля Англіи развивалась такъ удачно послѣднее десятилѣтіе (вывозъ возросъ съ 1904 по 1913 г. на три четверти), настолько выяснилось, что на земномъ шарѣ довольно мѣста для одновременнаго роста и англійской и германской торговли,—что Англія рѣшила полюбовно договориться съ Германіей о раздѣлѣ сферъ вліянія вмѣсто риска истощенія подъ бременемъ вооруженій и взаимной борьбы. Такъ, крупныя фабрики на внутреннемъ рынкѣ, не въ силахъ одолѣть другъ друга конкуррентной борьбой, заканчиваютъ ее въ концѣ-концовъ организаціей общаго синдиката, планомѣрно раздѣляющаго сбытъ и доходы.

По договору, излагаемому Рорбахомъ, Англія, во-первыхъ, соглашалась на покупку Германіей португальской Анголы и всего бельгійскаго Конго. Франція отказалась отъ права преимущественной покупки Конго еще въ 1911 г. во время марокккскаго договора—и это и послужило основнымъ условіемъ, говоритъ Рорбахъ, на которомъ Германія согласилась признать французскій протекторатъ въ Марокко. Тогда этого нельзя было по условію опубликовывать, и потому германская печать рѣзко нападала на Кидерленъ-Вехтера за слишкомъ большую уступчивость по отношенію къ Франціи («рожки» отъ Камеруна къ Конго). Теперь согласилась и Англія, и за опубликованіемъ договора должны были послѣдовать сначала исключительныя привилегіи для Германіи въ Анголѣ и Конго, а затѣмъ и ихъ формальный переходъ. Побудить Португалію и Бельгію на эту сдѣлку брались Англія и Германія вмѣстѣ, не сомнѣваясь въ успѣхѣ своихъ представленій. Такимъ образомъ, Германія совершенно мирнымъ путемъ уже въ 1914 г. должна была получить громадную сплошную имперію отъ озера Чадъ до рѣки Замбези, отъ Атлантическаго океана до Индійскаго—съ богатѣйшими залежами мѣдной руды и другими природными богатствами. Камерунъ, Юго-зап. и Вост. Афр. оказались бы связанными между собой.

Во-вторыхъ, Англія не только согласилась на доведеніе нѣмецкой жел. дор. до Багдада, но и на включеніе прилегающей части Месопотаміи въ германскій хозяйственный раіонъ, съ передачей

нѣмцамъ соотвѣтственной части пока еще исключительно англійскаго пароходства по рѣкѣ Тигру, съ распоряженіемъ нѣмецкаго вліянія на часть сѣверной Персіи (въ духѣ Потсдамскаго соглашенія) и съ устройствомъ нѣмецкаго порта на Средиземномъ морѣ въ Александреттѣ, на полпути между Константинополемъ и Багдадомъ. Почти вся азіатская Турція, кромѣ прикавказской полосы Арменіи и прилегающихъ къ Аравіи и къ Персидскому заливу, включалась по этому соглашенію въ сферу преимущественныхъ нѣмецкихъ интересовъ (какъ Сѣверная Манчжурія находится въ русской и Южная Манчжурія въ японской сферахъ). Признаніе своихъ хозяйственныхъ интересовъ и экономическаго протектората надъ азіатской Турціей Германія цѣнитъ выше всей тропической Африки съ ея мухой це-це и «сонной болѣзнью» [1]).

Съ своей стороны Германія отказывалась отъ всякихъ притязаній на вліяніе въ окрестностяхъ Суэцкаго канала, при устьѣ Тигра и Евфрата и въ южной Персіи—иначе сказать, безповоротно признавала Египетъ и Индію за Англіей (положеніе Египта должно было быть урегулировано оффиціально, какъ это произвела затѣмъ Англія сама уже послѣ начала войны). Успѣй это соглашеніе войти въ дѣйствіе и въ сознаніе народовъ—политическая обстановка была бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще сложнѣе. Во всякомъ случаѣ интересно отмѣтить, что, если вѣрить этому источнику,—война вызвана не невозможностью столковаться между собой для Англіи и Германіи, не борьбой за колоніи. Для высоко развитыхъ капиталистическихъ странъ война въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ страшнѣе, чѣмъ для остальныхъ, такъ какъ онѣ большимъ рискуютъ.

Въ общемъ нѣмцы убѣждены, что по численности мужского населенія, наличности запасовъ и продовольственнымъ возможностямъ черезъ два года послѣ начала войны они будутъ стоять столь же сильными на всѣхъ трехъ фронтахъ,—западномъ, южномъ и восточномъ,—какими показали себя до сихъ поръ. И только на третій годъ начнутся затрудненія. Тогда, пишетъ Рорбахъ, Германія будетъ играть на взаимное истощеніе, какъ дѣлалъ Фридрихъ въ семилѣтней войнѣ противъ австрійцевъ. Война съ нами окажется столь долгимъ и дорогимъ дѣломъ, что противники найдутъ выгоднѣе наконецъ отказаться отъ мысли о расчлененіи Германіи и

---

[1]) Бельгійскій Конго съ португальской Анголой вмѣстѣ свыше чѣмъ въ 6 разъ больше Германіи и имѣютъ 20 милл. населенія. Въ части азіатской Турціи, имѣвшей войти въ германскую сферу вліянія, около 15 милл. жителей. Во всѣхъ германскихъ колоніяхъ и арендахъ (до войны) было всего 12 милл. жителей, т.-е. количество лицъ въ сферѣ германской эксплоатаціи увеличивалось договоромъ вчетверо.

заключать миръ, какъ въ свое время съ Фридрихомъ—такова руководящая идея нѣмецкаго общественнаго мнѣнія, оправдывающая по его представленію ожиданія того, что колоніальное будущее Германіи будетъ не только не разрушено, но быть можетъ поставлено даже, особенно въ Африкѣ, на болѣе прочныя основы [1]).

Конечно, гаданія безпочвенны и преждевременны. Уэллсъ написалъ извѣстный русскимъ читателямъ романъ, въ которомъ европейская война заканчивается возвращеніемъ Европы къ натуральному хозяйству,—ибо продолжалась столько времени, что невозстанавливаемый матеріальный организмъ капиталистическаго общества совершенно разложился. При нынѣшнемъ масштабѣ для этого нужны, конечно, не столь уже неподдающіеся измѣренію промежутки времени. Но для нашей темы всѣ эти переспективы имѣютъ лишь значеніе показателя, что никто въ Германіи не надѣется покрыть издержки войны доходами съ такихъ колоній, какъ Индія и Египетъ,—ибо пріобрѣтеніе ихъ дѣловитыми нѣмецкими политиками совершенно не мыслится, какъ реальная возможность. А Конго или Ангола, сколь ни пріятны сами по себѣ (хотя муха це-це весьма непріятна), но эксплоатація ихъ не можетъ покрыть и сотой части ежегодныхъ 4 мд. (если принять во вниманіе всѣ необходимыя на нихъ издержки).

Получается положеніе, когда ни прямые, ни косвенные налоги, ни таможенныя пошлины, ни колоніи не даютъ выхода изъ тупика. Въ сравнительно еще правдоподобномъ случаѣ все это даетъ милліардъ въ годъ. Остается добавить ежегодно еще 3 мил. мар.—и пока предложено лишь два исхода: банкротство или необычайное развитіе государственныхъ монополій. Подъ банкротствомъ тутъ имѣется въ виду обложеніе—въ отмѣну всякихъ условій (Not kennt kein Gebot)—почти 100% налогомъ всѣхъ процентовъ на государственные займы, причитающихся лицамъ и учрежденіямъ съ доходомъ не ниже, напр. 2.500 мар. (граница, при которой союзный совѣтъ признаетъ въ своихъ постановленіяхъ военнаго времени стоящихъ ниже ея имѣющими право на всякаго рода пособія). При этомъ и лицамъ, имѣющимъ менѣе 2.500 мар. годового дохода, должна бы выдаваться лишь такая часть причитающихся имъ процентовъ, чтобы общій доходъ ихъ достигалъ 2.500 мар. въ годъ. До войны Германія имѣла свыше 22 мд. мар. государственныхъ долговъ, считая и имперію и всѣ составныя государства. На оплату ихъ процентами шло около 800 милл. мар. въ годъ (не считая около

---

[1]) Нѣмецкая пресса предвидитъ еще впослѣдствіи соединенное выступленіе Германіи вмѣстѣ съ ея теперешними противниками противъ Японіи за сохраненіе Китая для Европы и Соединенныхъ Штатовъ.

200 м. м. на погашеніе). Послѣ двухлѣтней войны прибавится еще 40 мд., которые будутъ требовать уже 2 мд. (по 5%), не считая погашенія. При такой экономіи остальную сумму до 4 мд. можно было бы набрать разными перечисленными выше источниками. Для широкихъ массъ населенія такое разрѣшеніе было бы даже выгодно, ибо вся тяжесть оплаты военныхъ издержекъ упала бы на сильные капиталомъ слои, подписывающіеся всегда на государственные займы (ср. выше о 3% населенія, кредитовавшихъ имперіи два первыхъ военныхъ займа). Кстати и война ведется Германіей въ интересахъ, главнымъ образомъ, этихъ слоевъ—отсюда нѣкоторое даже моральное оправданіе. Да и для всего національнаго хозяйства Германіи въ цѣломъ подобный исходъ представлялъ бы нѣкоторыя выгодныя стороны. Однако входить въ ихъ разсмотрѣніе сейчасъ представляется здѣсь пока излишнимъ, такъ какъ при нынѣшнемъ взаимоотношеніи силъ въ Германіи онъ представляется столь же мало реальнымъ, какъ и идея взыскать, напр., 4 мд. въ годъ подоходнымъ налогомъ. Если я отмѣчаю его, то потому, что никто навѣрное не можетъ пока сказать, какъ сложится соотношеніе силъ въ Германіи, если война продолжится дѣйствительно три года. Война фактически ведется тамъ какъ народная, и это связано все съ большимъ повышеніемъ вліянія народныхъ массъ.

Остаются, слѣдовательно, фактически только—монополіи въ размѣрѣ неслыханномъ и невиданномъ, въ размѣрѣ, который долженъ приносить 4 мд. въ годъ чистыхъ. Всѣ государственныя желѣзныя дороги Германіи вмѣстѣ принесли въ 1913 г. менѣе 900 мил. мар. чистыхъ (считая дороги всѣхъ составныхъ государствъ и имперскія) — но онѣ занимали вѣдь болѣе 700 тысячъ рабочихъ и служащихъ (въ 1912 г. всего считалось 287,5 тыс. служащихъ и 452,8 тыс. рабочихъ на однѣхъ ширококолейныхъ дорогахъ, въ томъ числѣ почти 95% государств.). По этому примѣру можно судить, какія огромныя перемѣны предстоятъ въ германскомъ народномъ хозяйствѣ съ открывающейся эрой государственныхъ монополій. Каковъ бы ни былъ для Германіи военно-политическій исходъ—въ отношеніи хозяйственномъ тамъ должна начаться новая глава капиталистическаго развитія.

V.

«Мы стоимъ предъ эпохой монополій, — сказалъ 11 мая въ Магдебургѣ депутатъ рейхстага Пашнике, обычно отстаивавшій свободную игру экономическихъ силъ,—и мы принуждены освоиться съ отказомъ отъ извѣстныхъ сомнѣній, какія питали раньше. Здѣсь

говоритъ необходимость свое желѣзное: это должно быть—и это будетъ. О формѣ же монополій легко будетъ достичь соглашенія въ парламентѣ» («Berl. Tagebl.» 12 мая).

Журналъ «Die Bank» пишетъ въ апрѣльской книжкѣ 1915 г.: «Острыя принципіальныя противорѣчія, которыя относительно монополій раздѣляли мнѣнія до войны—исчезли черезъ ночь, и почти всѣ (ziemlich allgemeine) считаются съ близкимъ осуществленіемъ проектовъ о спиртовой, керосинной, электрической, спичечной, быть можетъ, также угольной, соляной, калийной, табачной и страховой монополій» (стр. 327). Если прибавить сюда существующія желѣзнодорожную, хлѣбную, кормовую, картофельныхъ продуктовъ, вводящуюся азотную (пороховую и удобренія), предполагаемую «воздушнаго корма» (бѣлковыхъ дрожжей) и т. д., вспомнить о почтѣ, телеграфѣ, о широкомъ развитіи хозяйства мѣстныхъ самоуправленій (строительство жилищъ!), о завершеніи системы рабочаго страхованія, о нынѣшней роли имперскаго банка среди прочихъ банковъ—то получится картина достаточно яркая.

Монополіи по характеру своему бываютъ различны, и призваніе въ министры финансовъ германской имперіи директора Deutsche Bank К. Гельфериха — цѣлая программа. Бывшій приватъ-доцентъ, Dr. Helfferich не только довольно плодовитый и освѣдомленный писатель, но одинъ изъ тѣхъ «капитановъ финансоваго капитала», какъ выражаются нѣмцы (Kapitan des Finanzkapitals), кто имѣлъ возможность наиболѣе ознакомиться съ внутренними нитями, отношеніями и взаимозависимостью разныхъ отраслей индустріи и капитала. Въ свое время онъ стоялъ во главѣ предпріятія Багдадской желѣзной дороги, и позже, будучи уже директоромъ Deutsche Bank, вѣдалъ всегда тѣми отраслями его дѣятельности, гдѣ шла рѣчь о предпріятіяхъ большого общественнаго масштаба. Неутомимый, быстро выдвинувшійся работникъ—ему нѣтъ еще 50 лѣтъ—онъ имѣлъ возможность даже по отзыву такого антагониста крупнаго капитала, какъ журналъ «Die Neue Zeit», «пріобрѣсти глубочайшее представленіе о структурѣ, жизненныхъ условіяхъ и возможностяхъ развитія германской крупной индустріи» (N. Z. отъ 12 февр.). Если стать на дорогу монополій, то д-ръ Гельферихъ наиболѣе подходящій человѣкъ, засвидѣтельствовали его противники и слѣва и справа (по прежнимъ своимъ публичнымъ выступленіямъ онъ принадлежитъ къ разряду «либералъ-имперіалистовъ»). Назначеніе его мотивировалось правительствомъ необходимостью «заблаговременно подготовить перестройку имперскихъ финансовъ послѣ войны и переходъ къ условіямъ мирнаго времени».

Однако новый министръ не только талантливый знатокъ сво-

его дѣла, но еще и постоянный членъ разныхъ центральныхъ учреждений германской индустріи, торговли, банковаго дѣла—одинъ изъ главныхъ руководителей вліятельнѣйшаго акціонернаго финансоваго института Германіи. И основная мысль, какую онъ кладетъ въ основу организаціи грядущихъ монополій, сразу объ этомъ свидѣтельствуетъ; предполагается не устраненіе государствомъ соотвѣтственныхъ круговъ предпринимателей и банковъ, а кооперація съ ними, своего рода симбіозъ,—сожительство, отъ котораго врядъ ли особенно поздоровится потребителю.

Государство, соотвѣтственный банковскій консорціумъ и руководители картеля монополизируемой индустріи образуютъ совмѣстно правленіе новой монополіи, получающей затѣмъ государственныя полномочія. Такой типъ монополіи осуществленъ уже былъ раньше германскимъ правительствомъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ организаціи народнаго продовольствія. Такъ, напр., монополія производства картофельной муки и крахмала и торговли ими во всей Германіи отданы обществу, составленному изъ крупнѣйшихъ дѣятелей этой отрасли,—и въ распоряженіе этого общества правительство отдало нѣсколько десятковъ оборудованныхъ имъ уже во время войны на казенный счетъ картофельныхъ заводовъ (потребность въ картофельной мукѣ крайне повысилась вслѣдствіе обязательной примѣси ея къ хлѣбу, отсюда—новые заводы). Монополія торговли кормовыми средствами для скота отдана берлинскому «Союзу доставки германскихъ сельскихъ хозяевъ», объединяющему большинство крупныхъ помѣщиковъ страны. По этому же типу домогаются теперь аграріи (пока безуспѣшно) переустройства «Kriegsgetreidegesellschaft», которому предоставлена хлѣбная монополія. Сейчасъ изъ 13 членовъ правленія — 5 представителей большихъ городовъ, 3 представителя крупнѣйшихъ индустріальныхъ предпріятій (въ томъ числѣ Круппа) и 5 представителей прусскаго правительства, фактически почти сплошь ставленники юнкеровъ. Но послѣдніе недовольны «засильемъ потребителей» и требуютъ, чтобы предсѣдатель былъ лицомъ съ виднымъ сельскохозяйственнымъ положеніемъ по назначенію правительства, чтобы шесть членовъ избирались прямо «Германскимъ Сельскохозяйственнымъ Совѣтомъ» (центральное представительство аграріевъ, предсѣдатель его—предсѣдатель прусской палаты депутатовъ графъ Шверинъ), и чтобы остальные шесть избирались отчасти торговцами (Handelstag'омъ), отчасти городскими думами, какъ представителями потребителей. Это точная копія идей Гельфериха въ примѣненіи къ организаціи монополій вообще. Совершенно подобнымъ образомъ организована, между прочимъ, азотная монополія (удобренія и пороха). Часть денегъ

внесли крупнѣйшія химическія и электрическія предпріятія, 40 милл. мар.—государство, затѣмъ организовано общее управленіе, которому и дается исключительная привилегія на производство азота внутри Германіи, на ввозъ азотистыхъ соединеній извнѣ (напр. чилійская селитра) и на торговлю ими вообще.

Исторія знаетъ на зарѣ капитализма привилегированныя частнохозяйственныя компаніи, получавшія монополію на торговлю съ Индіей или иную, съ участіемъ государства въ доходахъ. Но тогда государство не вносило обычно своего пая,—по крайней мѣрѣ это не было характерной чертой отношеній. Теперь германская казна является какъ бы представителемъ и управителемъ громадныхъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ имперскій банкъ, и ищетъ имъ прибыльнаго примѣненія. Обладаніе полнотой государственной власти позволяетъ ей облечь это помѣщеніе въ форму монополіи, и во избѣжаніе недоразумѣній и во имя общихъ интересовъ она соединяется съ тою частью работающаго въ данной отрасли индустріи промышленнаго и банковскаго капитала, какая часть еще не предоставлена была непосредственному управленію имперскаго банка (который кстати и самъ организованъ такъ, что въ правленіи его рядомъ съ представителями государства засѣдаютъ съ рѣшающимъ голосомъ также представители «Deutsche Bank», «Diskonto-Gesellschaft», «Dresdner Bank» и другихъ важнѣйшихъ акціонерныхъ учрежденій этого рода). А бюджетнымъ оправданіемъ подобнаго рода организаціи государственныхъ монополій является соображеніе, что при данномъ типѣ не приходится затрачивать спеціальныхъ средствъ на выкупъ *всѣхъ* предпріятій, выпускать для этого государственные займы и т. п. Достаточно овладѣть частью производства, непосредственно или черезъ группу зависимыхъ банковъ, и затѣмъ опираясь на экономическую мощь имперскаго банка и политическую силу—провести объединеніе индустріи и снабдить созданный центръ привилегіей государственной монополіи, съ высшимъ контролемъ надъ ней имперскаго банка,—соуправляемаго въ свою очередь важнѣйшими центрами накопленія частнаго, еще не довѣреннаго прямо государству для управленія, капитала.

Согласно этимъ принципамъ организуетъ теперь Гельферихъ папиросную монополію, подготовляетъ монополію страхованія жизни и ведетъ переговоры объ одной изъ важнѣйшихъ—о монополіи производства электрическаго тока. О другихъ имѣющихся въ виду монополіяхъ мнѣ не пришлось пока читать или услышать подробностей. Началось съ табачныхъ фабрикъ. По иниціативѣ имперскаго правительства въ апрѣлѣ образовался консорціумъ изъ 8 банковъ: Deutsche Bank, Dresdner Bank, Bleichröder и т. д. Этотъ консор-

ціумъ «по приглашенію имперскаго министра финансовъ» (Die Bank, хроника майскаго N) купилъ самое большое въ Германіи табачное общество Ясмаци (Iasmatzi), которое распоряжается цѣлымъ рядомъ «дочернихъ обществъ» (Iosett, Sulima, Batschari и т. д.). Поскольку «Ясмаци» не имѣло большинства акцій нѣкоторыхъ «дочернихъ», т.-е. руководимыхъ имъ обществъ, было докуплено соотвѣтственное количество ихъ акцій. Весь Iasmatzi-Konzern производитъ 23% всей нѣмецкой фабрикаціи папиросъ. Это была попытка американскаго треста обосноваться на германской почвѣ—теперь она будетъ замѣнена монополіей. Банковскій консорціумъ обязался черезъ полгода по заключеніи мира заплатить американскому тресту 20 милл. мар., а правительство оставило за собой право перенять у банковъ купленныя фабрики, когда найдетъ своевременнымъ. Фабрики, производящія остальныя три четверти производства, еще ранѣе выразили готовность примкнуть къ государственной монополіи (да и попробовали бы онѣ не выразить!).

Табачная промышленность принадлежитъ къ числу наиболѣе организованныхъ,—что̀ составляетъ, понятно, весьма важное условіе для легкости введенія государственной монополіи. Въ табачной индустріи въ цѣломъ занято ок. 170 тысячъ рабочихъ. Гораздо болѣе важна и мощна другая отрасль—электрическая. Здѣсь есть два «концерна», при чемъ подъ каждымъ подразумѣвается руководящее имъ общество и всѣ контрагируемыя имъ предпріятія: «Сименсъ-Шуккертъ» и «Всеобщая Компанія Электричества (A. E. G.)». Весь акціонерный капиталъ перваго (сименсовскаго) концерна доходилъ въ 1913 г. до 1.300 милл. мар., при чемъ у двухъ только изъ входящихъ въ него фирмъ («Сименсъ и Гальске» и «Заводы Сименсъ-Шуккертъ») въ ноябрѣ 1913 г. было 83 тысячи рабочихъ и служащихъ. Весь акціонерный капиталъ концерна A. E. G. доходилъ въ это время до двухъ милліардовъ марокъ, при чемъ число рабочихъ и служащихъ одного только основного общества «Allg. El. Ges.» составляло 70 тысячъ. Внѣ этихъ двухъ центровъ стояли только около 400 спеціальныхъ электротехническихъ предпріятій съ общимъ числомъ рабочихъ въ 85 тысячъ (эти предпріятія тоже объединены въ союзъ). Но самое замѣчательное это то, что въ наблюдательныхъ совѣтахъ *обоихъ* концерновъ сидятъ представители однихъ и тѣхъ же 7 банковъ: Deutsche Bank, Berliner Handelsgesellschaft, Diskontogesellschaft, Dresdner Bank, Darmstädter Bank, Dellbrück, Bleichröder. Кромѣ этихъ, у A. E. G. имѣются представители еще 6 мелкихъ, а у С.-Шук. еще 4-хъ. Совпаденіе группы банковъ, руководящихъ обоими концернами, показываетъ, что они уже вполнѣ созрѣли для объединенія, а м. б. неоффиціально уже дѣйствуютъ вмѣ-

стѣ. Поэтому электрическая промышленность и намѣчается одной изъ первыхъ—при чемъ, однако, сначала предполагается монополизировать лишь производство тока и доставку государствомъ электрической силы и свѣта потребителямъ. Вся Баварія будетъ обслуживаться, между прочимъ, всего двумя центральными станціями—вообще предвидится большой техническій выигрышъ и экономія отъ монопольной централизаціи дѣла. Прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ въ ландтагѣ, что въ первую очередь правительство имѣетъ въ виду «электризовать» провинцію Восточную Пруссію, переведя тамъ, между прочимъ, всѣ желѣзныя дороги на электричество.

Оба электрическіе концерна могли бы похвалиться, что это именно они популяризовали въ Германіи «смѣшанно-монопольную» систему, хотя не на государственной, а на коммунальной почвѣ. Я имѣю въ виду систему, придуманную ими въ отвѣтъ на начавшее распространяться въ Германіи движеніе въ пользу муниципализаціи электрическихъ заводовъ, обслуживающихъ нужды города. Концерны предложили городамъ основывать такіе заводы, половину акцій которыхъ даромъ получали бы города, половина оставалась бы у концерновъ, городъ не затрачивалъ бы средствъ на выкупъ или постройку завода, но снабжалъ бы его лишь монополіей. И началось и продолжалось всѣ послѣдніе годы побѣдное шествіе по германскимъ городамъ этой системы, оставляющей на дѣлѣ руководящую роль за концернами, а не за городской половиной членовъ наблюдательнаго совѣта. Теперь, какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ городъ Берлинъ наноситъ ударъ успѣху этой системы муниципализаціей обслуживающихъ его электрическихъ заводовъ—Гельферихъ собирается нѣчто подобное распространить въ грандіозныхъ размѣрахъ на всю имперію.

Выступленіе имперскаго правительства въ роли монополизатора разныхъ отраслей индустріи при прямомъ лишь частичномъ участіи въ каждой изъ нихъ, и опираясь на экономическую силу имперскаго банка,—весьма облегчается тѣми отношеніями въ банковомъ дѣлѣ, какія съ особой наглядностью выяснились во время войны. И это одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ во всемъ разсмотрѣніи вопроса о грядущей организаціи германскаго хозяйства. Сила акціонерныхъ банковъ заключается, какъ извѣстно, въ сосредоточеніи въ нихъ почти всѣхъ свободныхъ капиталовъ страны, которымъ они даютъ затѣмъ примѣненіе по своему усмотрѣнію. Это ставитъ отъ нихъ въ зависимость какъ всѣ уже существующія промышленныя предпріятія, такъ и учрежденіе новыхъ. Ихъ могущество простирается далеко за предѣлы того капитала, который дѣй-

ствительно имъ принадлежитъ. Всѣ германскіе банки (не считая ипотечныхъ) владѣли къ 1914 г. всего 3.900 милл. мар., считая и выплаченный акціонерный капиталъ и дѣйствительные собственные резервы). Изъ этой суммы около 44% приходилось на долю только восьми крупнѣйшихъ берлинскихъ банковъ (Deutsche B. 248, Diskontoges. 149, Dresdner 261, Darmstädter 192, Berl. Handelsger. 145, Commerz. u. Diskonto B. 100, Natioalb. 98, Mitteldeutsche Kreditb. 69 мил. мар.). Имѣвъ къ 30 іюня 1914 г. въ общемъ 1.721 м. м. своихъ средствъ, эти восемь банковъ распоряжались въ то же время еще 5.186 мил. мар. чужихъ денегъ, вложенныхъ въ нихъ со стороны. Итого они сосредоточивали 8 мд. Для сравненія можно упомянуть, что сумма всего капитала, какимъ располагаютъ всѣ акціонерныя общества и общества съ ограниченной отвѣтственностью Германіи (считая опять и акц. капит. и дѣйств. собств. резервы), кромѣ только банковъ (и ипотечныхъ, на кот. приходится 1,2 мд. собств. средствъ), составляла къ 1914 г. всего 19 мд. мар. Долги ихъ составляли около 5 мд. (въ томъ числѣ ипотечные 1,2). Банки доставляли имъ не только оборотный и долгосрочный кредитъ, но и владѣли частью ихъ акціонернаго капитала.

Любопытную справку о роли банковъ въ германской индустріи представляетъ собой недавно опубликованный списокъ адресовъ тѣхъ «военныхъ центровъ» разныхъ отраслей промышленности, которые я перечислилъ въ № 4 «Вѣст. Евр.» Оказывается «Geshäftsstelle» каучуковаго центра находится въ конторѣ «Deutsche Bank», кожанаго — въ конторѣ «Kommerz u. Diskonto Bank», металлическаго—въ банкѣ Delbrück u. K°., химическаго—тамъ же, джутоваго—въ конторѣ «Diskontogesellschaft», льняного въ конторѣ «Darmstädter Bank» и т. д. При этомъ надо имѣть въ виду, что война чрезвычайно усилила и еще усилитъ процессы, какъ концентраціи въ самой промышленности, такъ и подчиненія ея банкамъ. Вотъ напр. 2 іюня 10 берлинскихъ банковъ опубликовали, что по взаимному соглашенію отнынѣ они будутъ «участвовать въ свободной торговлѣ цѣнными бумагами и совершать покупки и продажи ихъ». Продажа и покупка за наличный расчетъ, и всякая бумага должна быть доставлена не позже 48 часовъ послѣ сдѣлки—никакихъ сдѣлокъ на срокъ, никакихъ комиссіонныхъ порученій банки не принимаютъ, покупаютъ и продаютъ исключительно за свой счетъ, словомъ, полностью соблюдаютъ всѣ постановленія союзнаго совѣта, ограничившаго на время войны биржевую торговлю, воспретившаго сдѣлки на срокъ, составленіе и публикацію курсовыхъ таблицъ и т. д. Казалось бы, ничего особеннаго нѣтъ въ затѣѣ банковъ—а посмотрите, какой эффектъ вызвала она въ дѣловомъ мірѣ.

Десять банковъ, выступившихъ коллективно съ этимъ циркуляромъ, все наши знакомцы: Deutsche B., Diskontog., Dresdner B., B. für Hander ûnd Industrie, Nationalb., Kommerz. и Diskontob., Mitteldeutsche Kreditb., Bleichröder, Mendelssohn, Delbrück. Это та же группа, которая правитъ главнымъ «военнымъ центромъ германской индустріи». Хочетъ она теперь малаго — планомѣрно распредѣлить между банками владѣніе акціями тѣхъ предпріятій, которыя интересны тому или иному изъ нихъ. Допустимъ, какое-либо предпріятіе не хочетъ подпасть подъ власть того или иного банка— тогда оно стремится удержать въ своихъ рукахъ половину своихъ акцій или хотя бы не дать банку скупить на биржѣ крупную ихъ часть. Биржа въ мирное время функціонируетъ нормально, каждое предпріятіе можетъ слѣдить, не предлагаются ли его акціи къ продажѣ въ большомъ количествѣ, не скупаетъ ли кто-либо ихъ систематически и т. п. Теперь же банки получаютъ возможность безпрепятственно скупить нужную имъ долю тѣхъ акцій, въ которыхъ они заинтересованы. Одинъ банкъ сообщаетъ остальнымъ девяти: я покупаю такія-то акціи. Всѣ девять запрашиваютъ своихъ кліентовъ, имѣющихъ эти акціи, не желаютъ ли они продать (при чемъ дѣйствительный покупатель остается кліенту неизвѣстнымъ, онъ имѣетъ дѣло только со своимъ банкомъ). При нынѣшнихъ обстоятельствахъ многіе владѣльцы акцій предпочтутъ обмѣнять ихъ на наличныя— и дѣло сдѣлано. Банку же ничего не стоитъ помѣстить свои бумаги въ имперскомъ банкѣ и обезпечить себя такимъ путемъ платежными средствами, — если бы оказалось мало прилива вкладываемыхъ въ него и поручаемыхъ его управленію средствъ со стороны.

Послѣднее пятнадцатилѣтіе было въ Германіи періодомъ стихійнаго наростанія власти банковъ надъ промышленностью. Теперь достигнуто между ними, повидимому, полюбовное соглашеніе о планомѣрномъ движеніи въ этомъ направленіи соединенными силами, а окончательнаго завершенія дѣла — и можетъ быть объединенія всѣхъ крупнѣйшихъ банковъ Германіи въ единый центръ финансоваго капитала — авторитетные наблюдатели ждутъ уже послѣ войны. Конецъ ея, каковъ бы онъ ни былъ, долженъ создать въ Германіи хозяйственную конъюнктуру, благопріятную окончательному завершенію подчиненія промышленности банкамъ. Сначала, конечно, будетъ нѣкоторое оживленіе промышленной дѣятельности вслѣдствіе необходимости возстановить производственный аппаратъ, износившійся во время войны, и всякіе растраченные запасы (рельсы, вагоны, дома, пушки, пароходы и т. д.). Но потомъ неизбѣжно должно сказаться суженіе того базиса, на который въ концѣ-концовъ опирается вся индустрія, — непосредственнаго народнаго по-

требленія. Мы уже видѣли, что съ одной стороны изъ народнаго потребленія будетъ взята значительная часть тѣхъ 4 мд. въ годъ, какими придется оплачивать итоги войны. Съ другой стороны, въ странѣ не только окажется меньше рабочихъ силъ (количество взрослыхъ здоровыхъ мужчинъ послѣ двухлѣтней войны уменьшится на 10%), и оставшіеся должны будутъ поэтому большую прежняго часть итоговъ своихъ усилій обращать на оплату должнымъ доходомъ прилагаемаго въ странѣ капитала,—но они должны будутъ еще часть своихъ усилій посвятить оплатѣ того капитала, который обычно экспортировался изъ Германіи за границу и оплачивался доходомъ силами иностраннаго населенія; теперь же остался въ странѣ и былъ разстрѣлянъ ея правительствомъ на воздухъ, ничего не давъ для увеличенія ея производительныхъ возможностей. Въ итогѣ могущая быть потребленной доля результатовъ всего народнаго труда должна таять съ двухъ концовъ: и отъ меньшаго противъ прежняго процента обращенія результатовъ труда германскаго народа на оплату всего капитала, который онъ принужденъ оплачивать. Пусть у владѣльцевъ правъ на доходъ націи, у тѣхъ 3% ея населенія, которые подписали имперіи военные займы, и у всѣхъ тѣхъ, кому принадлежитъ дѣйствительно производительный капиталъ ея (какъ показываютъ списки главнѣйшихъ подписчиковъ на заемъ, публиковавшіеся въ газетахъ, эти двѣ категоріи почти совпадаютъ), — пусть у нихъ накопляются зато не меньшія прежняго свободныя суммы, тѣ же 6 мд. марокъ въ концѣ каждаго года или даже больше: это само по себѣ не можетъ дать все же расширенія индустріи. Ибо разъ вся масса націи стала потреблять меньше платьевъ, сахару, стала жить въ меньшихъ квартирахъ, экономить на отопленіи, освѣщеніи, поѣздкахъ, меньше покупать готовыхъ металлическихъ, стеклянныхъ и т. д. издѣлій («Vorwärts» увѣрялъ въ началѣ іюня, будто въ деревняхъ нѣкоторыхъ раіоновъ Германіи вернулись къ освѣщенію лучиной изъ желанія сократить расходный бюджетъ, выиграть для покупки пищи въ прежнемъ количествѣ),—то нѣтъ смысла вкладывать новыя средства въ созданіе добавочныхъ средствъ производства для поставки населенію всякихъ предметовъ, когда оно не въ состояніи использовать вполнѣ и возможнаго производства уже имѣющихся фабрикъ и заводовъ. Меньше покупаетъ народъ платьевъ и посуды — и неизбѣжно должны начать въ концѣ-концовъ меньше бѣгать по рельсамъ вагоны, меньше расти угольныя копи и т. д. Въ обычное время въ индустріи въ организацію созиданія средствъ производства вклады— приблизительно въ три раза болѣе капитала, чѣмъ въ средства производства, предназначенныя непосредственно для изготовленія предметовъ потребленія. Но первыя три четверти базируются въ

концѣ-концовъ на послѣдней, и ея сокращеніе въ Германіи должно обречь на бездѣйствіе, какъ бываетъ въ годы застоя послѣ кризисовъ, продолжающіе ежегодно накопляться 6 мд. Даже удачная для Германіи война 1870—71 г.г. вызвала то же явленіе: сначала оживленіе для возстановленія разрушеннаго и т. п., потомъ застой вслѣдствіе суженія и безъ того узкаго базиса индустріи—народнаго потребленія. То же имѣло мѣсто тогда и во Франціи—побѣда и пораженіе оказались въ данномъ отношеніи равнозначущими. Капиталъ вновь основываемыхъ за годъ акц. обществъ составлялъ въ Германіи по имперской статистикѣ въ 70-хъ годахъ:

годы	1872	73	74	75	76	77	78	79	80
милл. мар. . . .	1.478	544	106	46	18	43	13	57	92

Но застойное состояніе промышленности, которое должно наступить, повидимому, черезъ пару лѣтъ послѣ войны на время, пока страна залѣчитъ свои раны (приростъ рабочихъ силъ; постепенное пониженіе нормы прибыли, въ частности конверсіи займовъ и т. д.)—это застойное состояніе должно вызвать въ Германіи два выгодныхъ для усиленія роли банковъ послѣдствія. По невозможности обращать накапливающіяся свободныя средства («6 мд.») въ непосредственное учредительство новыхъ предпріятій — они будутъ полнѣе прежняго стекаться въ кассы банковъ, поступать въ видѣ вкладовъ въ ихъ полное распоряженіе и управленіе. А неувѣренно чувствующая себя промышленность попадетъ въ еще большую прежняго зависимость отъ банковъ, многія мелкія и среднія предпріятія закроются, банкамъ легче будетъ проводить въ жизнь свой надзоръ и столь выгодное для нихъ объединеніе разныхъ отраслей индустріи въ картели и тресты.

До сихъ поръ, какъ извѣстно, непропорціональность производства и связанные съ нею періодическіе торгово-промышленные кризисы обязательной своей предпосылкой имѣли непропорціональное общественнымъ потребностямъ направленіе свободнаго капитала къ помѣщенію въ разныя отрасли индустріи. Какъ остроумно показалъ въ 1910 г. Р. Гильфердингъ, тресты и синдикаты не могутъ устранить кризисовъ, ибо каждый изъ нихъ регулируетъ лишь одну отрасль индустріи, лишь въ ней устраняетъ стихійный ходъ вещей, основанный на безпорядочной частной конкурренціи и т. д. Но вся масса свободнаго капитала въ обществѣ, еще никуда не приложеннаго и лишь ищущаго себѣ примѣненія,—не подвластна ни одному тресту. И ея непропорціональное направленіе къ помѣщенію въ разныя отрасли индустріи неизбѣжно вызываетъ кризисъ—все стре-

мится въ болѣе выгодную отрасль, она переполняется и т. д. Парализовать это можетъ только созданіе единаго финансоваго центра для всего свободнаго капитала въ странѣ, который планомѣрно размѣщалъ бы его и равномѣрно оплачивалъ, что подразумѣваетъ, понятно, полное подчиненіе ему индустріи. Если всѣ главные банки составятъ единый банковый синдикатъ, къ чему, повидимому, идетъ дѣло въ Германіи,—если главную часть оборотнаго и основного капитала крупноиндустріальныя предпріятія будутъ получать отъ этого синдиката, въ распоряженіи котораго будетъ сосредоточиваться подавляющая часть всего свободнаго, ищущаго доходнаго помѣщенія капитала страны, — то доходы всѣхъ промышленныхъ предпріятій будутъ сосредоточиваться въ распоряженіи банковъ, которые и будутъ затѣмъ выдавать всѣмъ вкладчикамъ - капиталовладѣльцамъ одинаковый процентъ на всѣ ихъ вклады, безотносительно къ индивидуальной доходности многоразличныхъ предпріятій, прибыль отъ которыхъ банковскій синдикатъ слилъ въ одну подлежащую распредѣленію массу. Къ такому порядку,—еще незадолго до войны предсказанному г-мъ Ратенау, однимъ изъ крупнѣйшихъ финансовыхъ магнатовъ Германіи (руководитель электрич. концерна А. Е. G.),—несомнѣнно приближаетъ германскую хозяйственную жизнь война съ ея грандіознымъ содѣйствіемъ концентраціи состояній и власти банковъ. Громадные прибыли военныхъ поставщиковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ обозначаютъ, конечно, не что иное, какъ передвиженіе къ нимъ части состоянія средняго и малозажиточнаго слоевъ населенія.

Но въ этомъ движеніи къ «единому банку» магнаты капитала встрѣчаютъ теперь въ Германіи по пути интересное явленіе: само государство превращается въ банкъ. Само государство дѣлается центромъ, непосредственно открывающимъ въ широчайшихъ размѣрахъ пріемъ для доходнаго помѣщенія свободнаго капитала страны. Само государство дѣлается обязаннымъ оплачивать довѣренныя ему громадныя суммы, какъ банкъ обязанъ дѣлать это по отношенію къ своимъ вкладчикамъ. И само государство, не желая разрѣшить задачи налоговымъ путемъ, подобно банку, помѣщающему довѣренныя ему средства въ индустрію,—собирается вызвать къ жизни громадныя индустріальныя монополіи, чтобы извлечь оттуда доходъ, нужный для оплаты представленнаго ему капитала. Германское государство выступаетъ само промышленнымъ предпринимателемъ на мѣсто тѣхъ германскихъ капиталистовъ, которые довѣрили ему 40 мд. мар.,—но выступаетъ, предварительно растративъ ихъ непроизводительно, и въ этомъ крупное отличіе отъ индустріальнаго грюндерства банковъ. Мы знаемъ уже, какъ германское правитель-

ство думаетъ помочь этому дѣлу: оно организуетъ не отстраненіе банковъ и предпринимателей отъ монополизируемой индустріи, а кооперацію съ ними, въ которой одна сторона даетъ свой производительный капиталъ, а другая политическую власть, облекающую его привилегіями монополіи со всѣми сопряженными съ этимъ выгодами, въ родѣ возможности въ извѣстныхъ предѣлахъ поднятія цѣнъ. Уже и теперь мнѣ случилось читать, напримѣръ, что при монополіи электрическаго тока «для полученія большихъ суммъ имперіей достаточно повышенія цѣны килоуатта всего на одинъ пфеннигъ»; большіе доходы ожидаются, впрочемъ, и отъ извѣстныхъ техническихъ преимуществъ и сбереженій при централизаціи дѣла. Такая монополія имѣетъ въ виду, разумѣется, не интересы потребителя, а интересы кредиторовъ государства, и для удовлетворенія обязательствъ имъ и устраивается. Но вѣдь другая часть ихъ капитала вложена какъ разъ въ предпріятія, подлежащія монополизаціи,—нельзя же, ради меня, меня же отстранять отъ моего дѣла. Я далъ государству деньги, и д-ръ Гельферихъ, управлявшій ими раньше въ Deutsche Bank'ѣ, гдѣ я держалъ ихъ раньше, теперь пусть управляетъ ими въ качествѣ министра финансовъ. А если у казны ихъ больше не осталось—у нея осталась власть устранить конкуррирующія предпріятія (напр., американскій трестъ, захватившій четверть моего табачнаго производства), власть заставить ихъ соединиться со мной въ одинъ трестъ, власть избавить насъ отъ иностранной конкурренціи безъ всякихъ таможенныхъ пошлинъ—и за примѣненіе этой власти пусть казна положитъ себѣ въ карманъ весь тотъ добавочный доходъ, который получится вслѣдствіе техническаго прогресса и сбереженій отъ концентраціи и централизаціи, и который безъ этого путемъ пониженія цѣнъ подъ вліяніемъ конкурренціи достался бы потребителю. И этотъ добавочный доходъ пусть казна затѣмъ выплатитъ намъ, какъ проценты по предоставленной нами въ ея распоряженіе части нашихъ средствъ. Таковы соображенія, побуждающія депутата Пашнике «оставить прежнія сомнѣнія» относительно монополій. Получается довольно гармоничное объединеніе верховъ германскаго капитала и вершинъ государственной власти.

Исключительная роль имперскаго банка обнаружилась въ первые же дни войны. Изъ нѣкоторыхъ банковъ въ нѣсколько дней было вынуто 30% довѣренныхъ имъ средствъ, въ среднемъ же по разсчету A. Lansburgh, издателя «Die Bank», около 20%. Ни одинъ банкъ не могъ бы самъ сразу выплатить такую долю—и всѣ банки бросились перемѣщать свой портфель въ имперскій банкъ, получая оттуда взамѣнъ кредитки для расплаты. Сумма вкладовъ въ импер-

скій банкъ, составлявшая на 23 іюля н. ст. всего 1.131 мил. мар., къ 23 августа н. ст. достигла уже 5 милліардовъ, почти ровно на 4 мд. превысивъ сумму вкладовъ на то же число предыдущаго года. Вслѣдствіе ликвидаціи затѣмъ оборотовъ сократившейся доли промышленности въ акціонерные банки сталъ поступать высвобождающійся оттуда капиталъ, вернулась и часть вкладовъ по наступленіи успокоенія, и въ итогѣ капитальныя вложенія въ имперскій банкъ сократились къ 22 мая н. ст. до 4.020 мил. мар., и до сихъ поръ въ 3—4 раза превосходя соотвѣтственную сумму мирнаго времени. Если нѣмецкіе банки не обанкротились и безъ мораторіума, то исключительно благодаря громадному кредиту, открытому имъ имперскимъ банкомъ подъ цѣнности иногда и на первоклассныя (отзывъ Lansburgh). Этотъ урокъ нагляднаго обученія, надо думать, способствуетъ въ заинтересованныхъ кругахъ популярности мысли о кооперации частнаго капитала съ центрами, облеченными полнотой государственной власти.

Если при началѣ войны имперскій банкъ вліялъ, главнымъ образомъ, черезъ посредство частныхъ акціонерныхъ банковъ, то въ дальнѣйшемъ онъ выступилъ уже непосредственно, какъ центръ собиранія свободнаго капитала страны. Именно, обычно государственные займы выпускаются черезъ посредство какого-нибудь консорціума банковъ. При займахъ мирнаго времени такъ дѣлалось и въ Германіи—но никогда въ мирное время не шла рѣчь о такихъ суммахъ, какъ теперь, и ни одинъ консорціумъ банковъ не могъ бы взять на себя обязательство предоставить правительству 5—10 мд. мар. при неудачѣ подписки. И имперскій банкъ оба германскіе военные займа, на общую сумму 13½ мд. мар., выпустилъ отъ своего имени, безъ всякаго консорціума и «комиссіонныхъ».

Ставъ непосредственнымъ центромъ собиранія свободнаго капитала, имперскій банкъ сдѣлалъ затѣмъ и послѣдній шагъ, нужный для превращенія его въ финансовый, т.-е. въ предназначенный для помѣщенія въ промышленныя предпріятія: онъ сталъ вкладывать его въ торговлю и индустрію по мѣрѣ все усилившагося участія государства въ хозяйственной жизни. Онъ финансируетъ устройство нѣсколькихъ десятковъ картофельныхъ заводовъ, принимаетъ участіе въ финансированіи хлѣбной монополіи, въ учрежденіи заводовъ по извлеченію азота изъ воздуха и т. д. И теперь ему предстоитъ играть постоянно крупную роль при финансированіи грядущихъ монополій. Ставъ разъ центромъ непосредственнаго собиранія свободныхъ капиталовъ, онъ можетъ остаться имъ съ тѣмъ большимъ удобствомъ, что застой послѣ войны (послѣ перваго оживленія) долженъ будетъ облегчить приливъ въ него сво-

бодныхъ капиталовъ, которые тогда-то ему и понадобятся въ особенно крупномъ размѣрѣ для финансированія государственной доли производства монополизируемыхъ индустрій. Такимъ образомъ, въ результатѣ усиленія участія государства въ хозяйственной жизни рядомъ съ частными банками выростетъ государственный съ такимъ же характеромъ дѣятельности, какъ у нихъ, но еще въ гораздо болѣе грандіозномъ размѣрѣ.

Если уже и теперь зависимость частныхъ банковъ отъ имперскаго столь велика, то легко представить себѣ ея усиленіе при такомъ оборотѣ дѣлъ. Тѣмъ болѣе, что монополизація разныхъ отраслей индустріи ставитъ въ зависимость отъ государства и тѣ банки, которые ихъ финансировали. Притомъ же одна монополія иногда тянетъ за собой другую. За монополіей производства и передачи электрическаго тока легко представить себѣ монополію мѣдной проволоки, технически необходимой для этого—государство будетъ почти единственнымъ ея потребителемъ. Въ имперскомъ банкѣ, превращающемся въ огромный центръ свободныхъ капиталовъ, финансирующій индустрію, частные акціонерные банки находятъ существенный мощный центръ, который въ силахъ преодолѣть частныя расхожденія интересовъ между ними и привести ихъ къ единому «банковому синдикату»;—подобно тому, какъ сами банки оказываются въ силахъ преодолѣть расхожденія интересовъ между отдѣльными предпріятіями какой-либо индустріи и привести ихъ къ картелю.

Въ громадной степени возрастаетъ доля свободнаго капитала страны, предоставляемаго его владѣльцами для доходнаго помѣщенія непосредственно государству. Государство дѣлается центромъ, управляющимъ этимъ капиталомъ въ интересахъ довѣрителей. Государство дѣлается не только крупнѣйшимъ центромъ финансоваго капитала, не только самымъ большимъ предпринимателемъ страны,—государство прямо включаетъ въ свое хозяйство большую часть производительной дѣятельности націи. Если съ одной стороны возрастаетъ количество капиталистовъ, довѣрившихъ государству реализацію дохода на ихъ состояніе, то съ другой стороны возрастаетъ до чрезвычайности количество людей, дѣлающихся непосредственно наемными рабочими и служащими государства. Уже и теперь Германія, какъ государство (имперія и составныя госуд.) нанимаетъ непосредственно столько лицъ, что съ членами семействъ число ихъ приближается къ десяти милліонамъ. Съ осуществленіемъ плановъ о новыхъ монополіяхъ,—а ни одна партія не указала еще другого исхода и всѣ считаютъ его единственныхъ,—количество лицъ, живущихъ наемныхъ трудомъ на государственную власть, достигнетъ

десятковъ милліоновъ. И охваченные хлѣбной и кормовой монополіей 5 милліоновъ крестьянъ, главъ семействъ, тоже принуждены будутъ смотрѣть на власть снизу вверхъ: не съ ними вѣдь, а съ крупными землевладѣльцами будетъ «кооперировать» въ данной области д-ръ Гельферихъ.

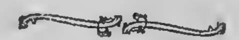
Понятно, къ какому обостренію борьбы за политическое вліяніе должна повести подобная ситуація въ Германіи. Разъ отъ государства зависитъ и размѣръ заработной платы и размѣръ дохода на капиталъ—то обѣ стороны съ особымъ упорствомъ должны будутъ стремиться, одни—по-прежнему удерживать руль государственнаго корабля, другіе—захватить его въ свои руки. Увеличеніе объема государственнаго хозяйства, которое дѣлается однимъ изъ главнѣйшихъ приложеній ихъ состоянія, должно будетъ въ свое время сдѣлать господствующіе классы Германіи особенно неуступчивыми въ политическомъ отношеніи. И т. к. все это происходитъ въ обстановкѣ непрерывнаго роста демократіи и м. б. послѣ нѣкоторыхъ уступокъ ей въ первое время послѣ войны, до окончательнаго установленія новаго положенія,—то легко можно себѣ представить остроту внутреннихъ столкновеній въ Германіи грядущаго. Характеренъ отзывъ Легина, предсѣдателя центральнаго учрежденія профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, с.-д. депутата рейхстага и истиннаго вождя той подавляющей части нѣмецкихъ рабочихъ, которая «считаетъ теперь своей обязанностью защищать Германію отъ разрушенія». Въ недавно вышедшей брошюрѣ («Почему дѣятели професс. движенія должны больше участвовать въ жизни партіи») онъ, этотъ глава Bürgerfriede въ рабочей средѣ, заявляетъ: эпоха послѣ заключенія мира будетъ въ Германіи эпохой жесточайшей борьбы въ никогда невиданныхъ еще размѣрахъ между германскими рабочими и германскимъ капиталомъ.

Германское хозяйство идетъ къ планомѣрно-организованному господству крупнаго капитала, осуществляемому коопераціей государства съ крупными банками. Для однихъ государство превращается въ центральнаго довѣреннаго управителя ихъ капиталовъ; для другихъ оно дѣлается нанимателемъ — хозяиномъ многомилліонной массы. «Милитаризація германскаго хозяйства», пишетъ проф. Яффе, управленіе имъ изъ одного центра. Я выбралъ бы другое сравненіе. Въ древнемъ Перу развился оригинальный строй. Весь народъ работалъ по указанію чиновниковъ-жрецовъ божественнаго Инки. Весь народъ содержался на раціоны, отпускавшіеся жрецами-чиновниками Божественнаго Инки. И весь результатъ народнаго труда

сверхъ этихъ скромныхъ раціоновъ поступалъ во владѣніе божественнаго Инки, распредѣлявшаго все это между благородными «дѣтьми солнца», не участвовавшими въ народномъ трудѣ, но несущими функціи жрецовъ, чиновниковъ—управителей, военачальниковъ и придворныхъ.

Древнее Перу на основѣ современнаго развитія демократическаго духа и производительныхъ силъ—подобное зданіе можно воздвигнуть, но удержать его не будетъ возможности. Современная Германія представитъ собой любопытнѣйшую соціальную лабораторію человѣка,—если только событія дѣйствительно не затянутся настолько, что Европа вернется къ натуральному хозяйству.

М. Лурье.

ДВА ПОЛЮСА.

(Письмо изъ Нью-Іорка).

I.

Я перечитываю сейчасъ послѣднюю ноту Вильсона, отъ 9-го іюня, и невольно вспоминаю сценку изъ своихъ студенческихъ лѣтъ. Сижу я, однажды, и готовлюсь къ отвѣту, а рядомъ, за столомъ, милѣйшій и популярнѣйшій профессоръ, экзаменуетъ студента по энциклопедіи права. Студентъ, высокій и полный, въ безукоризненномъ лѣтнемъ костюмѣ,—должно быть, изъ богатенькихъ,—оказался весьма беззаботнымъ относительно науки права... Въ большинствѣ случаевъ, онъ, не смущаясь, молчитъ, а когда рѣшается дать отвѣтъ, скучающее лицо экзаменатора дѣлается еще сѣрѣе и безнадежнѣе. Онъ вертитъ въ рукахъ экзаменаціонную книжку студента и, по своей мягкости, не хочетъ поставить ему «неудовлетворительно». Въ заключеніе, послѣ долгой и томительной паузы, онъ говоритъ юношѣ, растягивая, по своему обыкновенію, слова на гласныхъ буквахъ.

— Ну, ла-а-дно... Ну, я задамъ вамъ са-а-мый элементарный вопросъ... Что такое есте-е-ственное право?

Вильсонъ никакъ не хочетъ поставить Германіи «неудовлетворительно» и все время задаетъ ей «са-а-мый элементарный вопросъ». «Большой пароходъ,—пишетъ онъ въ своей послѣдней нотѣ—

преимущественно предназначающійся для перевозки пассажировъ и имѣвшій на своемъ борту больше тысячи человѣкъ, не принимавшихъ никакого участія въ веденіи войны, былъ взорванъ и потопленъ безъ всякаго предупрежденія... Мужчины, женщины и дѣти были преданы смерти при обстоятельствахъ, не находящихъ для себя ничего подобнаго въ современной войнѣ». Ну, что такое право, наконецъ! «Что такое есте-е-ственное право»!

Студентъ злоупотреблялъ терпѣніемъ профессора, Германія злоупотребляетъ терпѣніемъ С. Штатовъ. За послѣднія недѣли совершенно исключительнаго напряженія въ дипломатическихъ отношеніяхъ между этими странами, все, казалось бы, обязывало Германію къ сугубой осторожности по отношенію къ Америкѣ. А она день за днемъ ставитъ все новые и новые рекорды въ неприличіи и безтактности своего поведенія, и миролюбіе вашингтонскаго кабинета, превосходя всѣ предѣлы, начинаетъ пріобрѣтать, поэтому, уже врядъ ли достойный для великой страны характеръ.

Достаточно привести лишь нѣсколько календарныхъ датъ, чтобы показать, въ какое болото дипломатической канители погрузились С. Штаты въ тотъ моментъ, когда и достоинство, и безопасность страны звали и зовутъ ихъ, если не къ немедленнымъ активнымъ выступленіямъ, то, во всякомъ случаѣ, къ спѣшнымъ, рѣшительнымъ и не оставляющимъ никакихъ сомнѣній заявленіямъ. 7-го мая была потоплена «Лузитанія». Весь міръ загорѣлся отъ гнѣва и боли, а нота Вильсона, по поводу этого преступленія, была отправлена въ Берлинъ лишь 13-го мая. Несмотря на ультимативныя положенія, нота была составлена въ столь дружественныхъ выраженіяхъ, что и Германія съ отвѣтомъ, естественно, не торопилась. Между «Лузитаніей» и нотой Вильсона прошла почти недѣля; между нотой Вильсона и отвѣтомъ Германіи прошло уже больше двухъ недѣль. Оффиціальный отвѣтъ Германіи былъ опубликованъ въ С. Штатахъ 1-го іюня. Наконецъ, послѣднее заявленіе Вильсона было отправлено въ Берлинъ 9-го іюня.

Все это дѣлалось, какъ вы видите, «съ прохладцемъ». И это было бы не плохо, такъ какъ въ серьезныхъ дѣлахъ всегда рекомендуется примѣрить семь разъ прежде, чѣмъ отрѣзать одинъ. Но дѣло въ томъ, что весь этотъ обмѣнъ дипломатическими экивоками и любезностями, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда за ними скрывались рѣшительныя требованія, проходитъ въ аккомпанементѣ такихъ возмутительныхъ и нетактичныхъ германскихъ выходокъ по отношенію къ С. Штатамъ, что обычный, «парламентскій» языкъ публициста безсиленъ ихъ выразить и надлежащимъ образомъ оцѣнить...

Пусть говорятъ факты, а оцѣнку, надѣюсь, дастъ самъ читатель. Мы не будемъ вспоминать о «Лузитаніи». О ней говорилось уже и писалось очень много... Къ тому же, въ памяти будущихъ поколѣній представленія и воспоминанія объ этомъ злодѣяніи будутъ, быть можетъ, даже ярче, чѣмъ у насъ. Каждая строчка газетнаго листа приноситъ теперь такую массу кровавыхъ сообщеній, что крики несчастныхъ лузитаньевскихъ жертвъ давно уже потонули въ новыхъ крикахъ и стонахъ. Мы начнемъ, поэтому, съ времени послѣ «Лузитаніи».

Послѣ гибели «Лузитаніи», часть страны, во главѣ съ Рузвельтомъ и бывшимъ министромъ юстиціи, Ункершэмомъ, требовали немедленныхъ активныхъ выступленій. Но страна, въ цѣломъ, не хотѣла войны, и Вильсонъ, въ своей нотѣ отъ 13-го мая, весьма удачно выразилъ равнодѣйствующую американскихъ настроеній и мнѣній. Шпильки рѣшительныхъ требованій въ этой нотѣ умѣло припрятаны въ мягкой ткани всякихъ надеждъ, упованій и дружественныхъ завѣреній...

Но шпильки тамъ все же были. И одна изъ нихъ заключалась въ рѣшительномъ требованіи немедленно прекратить противозаконную подводную войну. На германскихъ преступленіяхъ, даже послѣ «Лузитаніи», С. Штаты готовы были поставить крестъ, подъ условіемъ: «Иди и не грѣши впредь». Это требованіе звучало въ американской прессѣ еще задолго до посылки ноты, какъ откликъ настроеній всей націи.

Въ отвѣтъ на это, Германія, какъ разъ послѣ потопленія «Лузитаніи», открыла настоящую вакханалію разбойничества. До потопленія «Лузитаніи», больше, чѣмъ за два съ половиною мѣсяца существованія «военной зоны», — съ 18-го февраля по 7-е мая,—германскія подводныя лодки потопили 91 пароходъ; а всего лишь за мѣсяцъ, съ 8-го мая по 7-е іюня, — *пятьдесятъ* пароходовъ. Въ теченіе 48 часовъ, 3-го и 4-го іюня, было потоплено девятнадцать судовъ; въ теченіе одного лишь 5-го іюня —одиннадцать. Такимъ образомъ, около двадцати судовъ было потоплено еще до опубликованія германской ноты, а тридцать — вслѣдъ за ней, какъ бы въ видѣ иллюстраціи къ истинно-прусскому положенію: «Такъ было, такъ будетъ»...

Упомянувъ объ этомъ цвѣточкѣ германской политики по отношенію къ С. Штатамъ, нельзя не упомянуть также и о другомъ, такъ какъ возросли они вмѣстѣ, одинъ возлѣ другого. Между американской и германской дипломатіей завязался споръ о томъ, была ли «Лузитанія» вооружена. Въ послѣдней нотѣ вашингтонскій кабинетъ категорически заявляетъ, что «на правительствѣ С. Шта-

товъ лежала обязанность слѣдить, чтобы «Лузитанія» не была вооружена, чтобы она не была снаряжена, какъ военный транспортъ, чтобы она не везла съ собой кладь, запрещенную законами С. Штатовъ. «Лузитанія» не получила бы разрѣшенія на выходъ въ море, если бы, дѣйствительно, она была англійскимъ военнымъ судномъ. Правительство С. Штатовъ исполнило свою обязанность, соблюло всѣ законы съ особой тщательностью, черезъ своихъ уполномоченнымъ чиновниковъ».

Какъ это ни анекдотично, но законнымъ донесеніямъ американскихъ портовыхъ властей, за которыми, со всею силою своего авторитета, встало федеральное правительство С. Штатовъ, Германія осмѣлилась противопоставить кучку темныхъ авантюристовъ. Дѣятели этого сорта не постѣснялись, конечно, въ зданіи германскаго посольства дать клятвенныя показанія, будто бы на «Лузитаніи» были пушки. Изъ нихъ главный—Граставъ Сталь,—будто бы видѣлъ эти пушки самолично. Свидѣтельница Жозефина Вейтъ только слышала о нихъ. Третій свидѣтель, Тривъ, слышалъ, какъ Жозефинѣ Вейтъ сказали о пушкахъ. На четвертомъ свидѣтелѣ и само германское посольство уже не особенно настаивало...

Всѣ эти «свидѣтели», конечно,—нѣмцы, и всѣ они исчезли, какъ только федеральное правительство рѣшило пригласить ихъ для провѣрки данныхъ ими показаній. Теперь, впрочемъ, всю эту компанію уже разыскали, и главному герою, Густаву Сталю, предстоитъ на-дняхъ процессъ по обвиненію въ лжесвидѣтельствѣ. Надо думать, что на судѣ вскроется не мало темныхъ страницъ изъ теперешней работы германскаго посольства въ Соед. Штатахъ.

Какъ бы то ни было, на этихъ беззастѣнчивыхъ показаніяхъ была построена и германская нота отъ 1-го іюня и заявленія германскаго посла, г. фонъ-Бернсторфа, сдѣланныя имъ въ личной бесѣдѣ съ Вильсономъ, 2-го іюня. До какой степени небрезгливости въ выборѣ средствъ и неуваженія къ чужой странѣ надо дойти, чтобы разрѣшить себѣ построить свои дипломатическія заявленія на такомъ грязномъ и шаткомъ источникѣ!

Исторія съ лжесвидѣтельствомъ приподнимаетъ кусочекъ завѣсы надъ «работой» германскаго посольства въ Соед. Штатахъ. Но это далеко еще не все. Каждый день приноситъ все новыя и новыя сенсаціонныя сообщенія изъ этой области. Приведу главнѣйшія изъ нихъ.

8-го іюня двѣ американскія газеты «The Chicago Herald» и «The Providence Journal» буквально поразили все американское общество сообщеніемъ о существованіи германскаго заговора, на-

правленнаго къ тому, чтобы скупить въ Соед. Штатахъ акціи всѣхъ крупнѣйшихъ металлургическихъ предпріятій и, такимъ образомъ, пріостановить вывозъ аммуниціи въ союзныя страны. «The Providence Journal» подробно сообщилъ, что 1-го іюня въ Вашингтонѣ, въ помѣщеніи германскаго посольства, состоялась спеціальная конференція германо-американскихъ банкировъ, на которой было рѣшено провести этотъ планъ во что бы то ни стало, не считаясь съ затратою никакихъ средствъ. Было рѣшено скупить акціи заводовъ Union Metallic Cartrige Co, Winchester Repeating Arms Co, Remington Arms and Ammuniton Co и Bethlehem Steel Co.

Сообщеніе это, естественно, взволновало всю американскую прессу, тѣмъ болѣе, что послѣдующія разслѣдованія вполнѣ установили правильность этого сообщенія. Корреспонденту нью-іоркскаго «Times'a» удалось побесѣдовать съ Чарльсомъ Швабомъ, однимъ изъ крупнѣйшихъ американскихъ милліонеровъ, предсѣдателемъ Bethlehem Steel Co. Г. Швабъ заявилъ корреспонденту, что германскіе агенты уже нѣсколько разъ предлагали ему согласиться на продажу его акцій въ этой компаніи. Они давали ему за его долю 100.000.000 долл.

Судя по сообщеніямъ нью-іоркскихъ газетъ, вашингтонскій кабинетъ былъ также чрезвычайно взволнованъ этой германской затѣей. Вопросъ о ней былъ даже поставленъ въ засѣданіи министровъ. Министръ финансовъ, Макъ-Аду, на основаніи тщательно собраннаго матеріала, подтвердилъ существованіе этого заговора со стороны германскаго правительства и германскаго капитала. Было рѣшено оказать всячески противодѣйствіе этой опасной для Соед. Штатовъ германской затѣѣ.

Не успѣли еще смолкнуть толки и возбужденіе, вызванные этимъ фактомъ, какъ «The Providence Journal» выступаетъ уже съ новымъ и не менѣе пикантнымъ сообщеніемъ 2-го іюня. Въ личной бесѣдѣ съ Вильсономъ, германскій посолъ заявилъ, что въ виду серьезности положенія, ему хотѣлось бы послать одного изъ своихъ друзей, д-ра Мейера-Герарда, съ подробнымъ донесеніемъ въ Берлинъ. Послу удалось убѣдить президента, что посылаемый имъ съ этимъ другомъ докладъ лучше всего можетъ послужить дѣлу мирнаго разрѣшенія возникшихъ между обѣими странами разногласій. Президентъ, по просьбѣ посла, снесся даже съ англійскимъ и французскимъ посольствами, а послѣднія въ свою очередь немедленно снеслись съ Лондономъ и Парижемъ. Такимъ образомъ, д-ру Мейеру-Герарду былъ гарантированъ безпрепятственный пропускъ по Атлантическому океану.

Нѣсколько дней тому назадъ этотъ посланный графа фонъ-

Бернсторфа уже прибылъ въ Европу. Но, вмѣстѣ съ нимъ, оказывается, совершилъ путешествіе и д-ръ Альфредъ Мейеръ, снабженный фальшивымъ паспортомъ и пріѣхавшій въ качествѣ будто бы секретаря д-ра Мейера-Герарда...

Что же это за таинственный д-ръ Альфреръ Мейеръ? «The Providence Journal» разсказываетъ о немъ интересныя вещи. Этотъ господинъ пріѣхалъ въ Соед. Штаты въ январѣ 1915 года и жилъ въ Нью-Іоркѣ до середины марта. Поселился онъ въ нѣмецкой гостиницѣ, но часто ночевалъ и въ другихъ, называя себя вымышленными именами. Затѣмъ, въ теченіе мѣсяца, онъ разъѣзжалъ по западнымъ штатамъ, всюду помѣчая себя, какъ «д-ръ Вайзъ». Все это время онъ работалъ въ качествѣ главнаго германскаго агента по закупкѣ оружія и аммуниціи въ Соед. Штатахъ и былъ въ оживленнѣйшихъ сношеніяхъ съ германскимъ посольствомъ. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ д-ръ Мейеръ успѣлъ затратить въ Соед. Штатахъ около 35.000.000 долл. Всѣ его заказы направлялись черезъ Италію, но промышленники все-же не догадывались, куда, въ концѣ концовъ, попадаютъ всѣ эти грузы шрапнели, патроновъ и проч.

Выступленіе Италіи подорвало возможность дальнѣйшей работы въ Соед. Штатахъ для д-ра Альфреда Мейера. Его услуги понадобились теперь на родинѣ, въ Vaterland'ѣ. Тутъ-то въ германскомъ посольствѣ и созрѣваетъ блестящая идея: снабдить его фальшивымъ паспортомъ и отправить съ д-ромъ Мейеръ-Герардомъ, въ качествѣ яко бы личнаго секретаря. Рисковать нечѣмъ: безпрепятственный пропускъ устроенъ и гаратированъ федеральнымъ правительствомъ Соед. Штатовъ...

Снова газеты переполнены шумомъ по поводу германской безцеремонности въ нейтральной странѣ. Еще сегодня этому инциденту нью-іоркскій «Times» посвящаетъ цѣлый рядъ столбцовъ и сегодня же «The New Jork Tribune» дѣлаетъ новое сенсаціонное разоблаченіе. По словамъ газеты, на-дняхъ выяснилось, что германцами организована широкая система шпіонажа на американской почтѣ. Во всѣхъ центральныхъ почтовыхъ учрежденіяхъ у нихъ есть «свои люди», и вскрывается и просматривается почти вся корреспонденція, имѣющая отношеніе къ военнымъ заказамъ, идущимъ въ Соед. Штаты изъ союзныхъ странъ.

II.

Вышеизложеннаго, пожалуй, достаточно, чтобы представить себѣ, какъ изо-дня въ день складываются теперь отношенія между Германіей и Соед, Штатами. Какъ видятъ читатели, для обостренія

отношеній между ними поводовъ слишкомъ много... Вся германская политика по отношенію къ Соед. Штатамъ за послѣдніе мѣсяцы представляетъ собою сплошное глумленіе надъ правами и достоинствомъ великой республики, а со стороны Соед. Штатовъ по-прежнему добрая улыбка и дружескія завѣренія,—миролюбіе, превосходящее всякіе предѣлы.

На-дняхъ совершилось событіе, бросающее яркій свѣтъ на это загадочное явленіе. Изъ-за кулисъ вашингтонской политики появился на Божій свѣтъ одинъ изъ главныхъ ея дѣятелей и, расправивъ свои крылышки, запѣлъ вдругъ такія пѣсенки, что слушать его и смѣшно и горько...

Я говорю, конечно, о Брайанѣ. Судьбѣ угодно было въ наши дни дать человѣчеству цѣлый рядъ незабываемыхъ предметныхъ уроковъ, и, между прочимъ, показать два полюса государственной политики: милитаризмъ и миролюбіе. Страшная маска германской воинственности стоитъ передъ міромъ вотъ уже около года, и безобразныя черты ея, искаженныя жестокостью и звѣрствомъ, навсегда останутся грознымъ предостереженіемъ для всѣхъ тайныхъ и явныхъ поклонниковъ нападающаго Марса. Для тѣхъ же, кто влюбленъ въ идею мира, мира во что бы то ни стало, мира сейчасъ же, при всякихъ условіяхъ, судьба выдвинула Брайана. Нѣтъ такого прекраснаго лица, на которое было бы невозможно начертить самую злую и безобразную каррикатуру. Брайанъ чертитъ теперь каррикатуру на прекрасное лицо мира, какъ бы указуя, что́ получается, если прекрасныя въ своей пропорціи черты продлить до крайняго предѣла.

Впрочемъ, пусть говоритъ самъ Брайанъ. Послѣ выхода въ отставку онъ сталъ чрезвычайно словоохотливъ и сыплетъ заявленіями и циркулярами чуть ли не каждый день. Послушаемъ, напримѣръ, его обращеніе «Къ американскому народу», изданное имъ черезъ два дня послѣ его ухода изъ кабинета.

«Среди средствъ, которыми правительства обладаютъ для вліянія другъ на друга,—поучаетъ Брайанъ,—два выдѣляются, какъ антагонисты: сила и убѣжденіе. Сила говоритъ рѣшительно и дѣйствуетъ черезъ ультиматумъ. Убѣжденіе прибѣгаетъ къ аргументаціи, къ суду, къ разслѣдованію и выражается въ переговорахъ. Сила представляетъ собою старую систему,—систему, которая должна уйти изъ жизни человѣчества. Убѣжденіе представляетъ собою новую систему, которая развивается,—правда, медленно,—но все же въ продолженіе девятнадцати вѣковъ».

«Системѣ» Брайана, какъ видите, нельзя отказать ни въ стройности, ни въ идилличности, но стройность ея—это стройность

скелета, утратившаго мышцы и кровь живой матеріи. Брайанъ не видитъ, или не хочетъ видѣть, ничего, что творится вокругъ. Скромненькій цвѣточекъ его идилліи выросъ какъ разъ у пушечныхъ колесъ германской военной колесницы, и Брайанъ не хочетъ видѣть, что достаточно одного малѣйшаго движенія этихъ тяжелыхъ колесъ,—чтобы погибла его сладкая, но, увы, совсѣмъ не обнимающая жизненныхъ фактовъ теорія.

Брайанъ вышелъ въ отставку, считая, что послѣдняя нота Вильсона должна безусловно привести къ разрыву съ Германіей. Стараясь въ своей убогой двучленной классификаціи отвести мѣсто и политикѣ Вильсона, Брайанъ, естественно, сближаетъ ее съ «политикой силы», договариваясь до утвержденія, что послѣдняя нота Вильсона напоминаетъ ему... австрійскій ультиматумъ, предъявленный Сербіи въ памятные іюльскіе дни. Послѣ этого, кажется, уже врядъ ли стоитъ съ особымъ вниманіемъ останавливаться на политическихъ воззрѣніяхъ бывш. государственнаго секретаря Соед. Штатовъ.

Конкретное предложеніе Брайана, въ противовѣсъ требованіямъ вильсоновской ноты, заключалось въ томъ, что Соед. Штаты должны передать свои разногласія съ Германіей на разрѣшеніе международной комиссіи. Кромѣ того, Соед. Штаты должны предупредить своихъ гражданъ о необходимости впредь воздержаться отъ поѣздокъ на пароходахъ, принадлежащихъ воюющимъ странамъ или везущихъ оружіе и аммуницію. Всѣ эти выступленія Брайана произвели въ Америкѣ совершено опредѣленный эффектъ. «Брайанъ вышелъ въ отставку, къ сожалѣнію, очень поздно,—писалъ нью-іоркскій «Times»,—но въ его распоряженіи еще достаточно времени, чтобы разрушить въ конецъ свою репутацію». И Брайанъ, дѣйствительно, разрушилъ ее, съ большимъ успѣхомъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней. Всѣ его призывы остались безъ отвѣта. Въ огромной, стремящейся къ миру странѣ этого миролюбія «во что бы то ни стало», сторонникъ «peace-at-any-price», какъ выражаются здѣшнія газеты, остался почти совершенно одинокъ. Противъ него единодушно возстала и демократическая, и республиканская, и прогрессистская, и независимая печать. Всѣ единодушно стали на сторону президента. Даже нетерпѣливый Рузвельтъ, и тотъ печатно заявилъ себя сторонникомъ тактики Вильсона.

III.

Вильгельмъ и Брайанъ—два полюса современной государственной политики. Надо надѣяться, что никогда не осуществятся мечты Вильгельма о міровомъ владычествѣ, но, увы, не суждено въ ближайшемъ расцвѣсти и мечтамъ Брайана о мирѣ всего міра...

И въ этомъ эпизодѣ самое интересное и поучительное заключается въ томъ, что безжалостная жизнь, всегда въ своей игрѣ такъ сближающая крайности, и на этотъ разъ двинетъ Вильгельма къ Брайану, а Брайана къ Вильгельму. Воинственный Вильгельмъ съ радостью бы обнялъ нѣжнаго Брайана, невинно мечтающаго о томъ, какъ бы вывести миръ «изъ темной ночи войны въ свѣтъ того дня, когда мечи будутъ перекованы въ плуги» [1]). Идиллическія мечтанія Брайана не только не опасны, но, быть можетъ, даже очень полезны для германскаго повелителя. Американская печать, въ своихъ гнѣвныхъ комментаріяхъ на воззванія Брайана, не безъ справедливости указывала, что Брайанъ, при всей своей, быть можетъ, и искренней миролюбивости, тѣмъ не менѣе подсказываетъ Германіи такой отвѣтъ на послѣднюю ноту Вильсона, который для С. Штатовъ совершенно непріемлемъ. Этимъ самымъ онъ не только не способствуетъ, но прямо таки вредитъ дѣлу мирнаго разрѣшенія возникшихъ между Германіей и С. Штатами разногласій.

Но не этимъ только Брайанъ, хотя бы и невольно, содѣйствуетъ «видамъ и предначертаніямъ» Вильгельма II въ С. Штатахъ. Оставшись въ одиночествѣ, бывшій государственный секретарь ищетъ точекъ опоры повсюду. И вотъ, сегодня, въ одной изъ нью-іоркскихъ соціалистическихъ газетъ я встрѣчаю сообщеніе, что вечеромъ, въ Карнеги голлъ, состоится большой рабочій митингъ, на которомъ Брайанъ выступитъ въ качествѣ главнаго оратора. По словамъ газеты, «собраніе въ Карнеги голлъ является однимъ изъ шаговъ, предпринимаемыхъ организованнымъ трудомъ страны съ цѣлью предупредить вовлеченіе С. Штатовъ въ войну. Дальнѣйшимъ шагомъ предполагается посылка спеціальной делегаціи изъ 50-ти представителей рабочихъ организацій въ Вашингтонѣ. Эта делегація, во главѣ которой будетъ, вѣроятно, стоятъ Брайанъ, изложитъ передъ Вильсономъ антимилитаристическіе взгляды трудовыхъ классовъ страны и познакомитъ его съ тѣмъ рѣшительнымъ противодѣйствіемъ, которое встрѣтитъ въ средѣ рабочихъ всякая попытка руководителей внѣшней политики разрѣшить спорный вопросъ между С. Штатами и Германіей силой оружія».

Такимъ образомъ, капризная жизнь создаетъ уже новую и весьма неожиданную комбинацію: Брайанъ—и соціалистическій пролетаріатъ С. Штатовъ... Если въ Германіи, по справедливому и

---

[1]) Буквальное выраженіе Брайана въ обращеніи „Къ американскому народу“: „Some nation must lead the world out the black night of war into the light of that day when swords shall be beaten into plowshares“. Брайанъ въ этомъ видитъ, конечно, миссію Соед. Штатовъ.

горькому выраженію Г. В. Плеханова, соціалъ-демократія оказалась надежнѣйшей опорой прусскихъ милитаристическихъ вожделѣній, соціалисты Америки косвеннымъ образомъ, къ сожалѣнію, льютъ воду на ту же мельницу. Въ серединѣ мая, въ Чикаго, состоялся съѣздъ національнаго комитета американской соціалистической партіи, на которомъ было рѣшено обратиться съ воззваніемъ къ населенію С. Штатовъ. Въ этомъ воззваніи американская партія, естественно, объявляетъ себя «открытымъ врагомъ милитаризма и войны»; но дальше въ резолюціи комитета уже слѣдуютъ воистину перлы ничему не научившагося, все время «зады» повторяющаго мышленія: «Гибель Лузитаніи» и подлое убійство сотенъ мирныхъ, не воюющихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей—пассажировъ, которое показываетъ всю жестокость и дикость войны, учитъ насъ стойко, какъ никогда раньше, поддерживать во что бы то ни стало миръ и цивилизацію». Намѣренія самыя почтенныя, но каковы же средства для ихъ осуществленія? А вотъ они: «Провозгласимъ рѣшеніе: ни одна рабочая рука не должна быть поднята для убійства своего товарища, рабочаго другой страны; ни одинъ рабочій не долженъ изготовлять боевыхъ припасовъ». «Никакое несчастіе, никакое преступленіе, какъ бы оно ни было возмутительно, не оправдываетъ международной рѣзни и разоренія страны».

Я представляю себѣ, какъ Вильгельмъ, прочитавъ эту резолюцію, со слезами умиленія бросился бы на шею хотя бы Морриса Хилквита, ея лидера... Что Вильгельму! Его подданные—рабочіе, которыхъ онъ въ траншеяхъ зоветъ иногда товарищами, рьяно дерутся и на западѣ и на востокѣ, повсюду вытаптывая, выжигая, выметая все живое. И какъ бы это было хорошо, если бы всѣ сосѣди нѣмцевъ на самомъ дѣлѣ стояли на такой же, какъ эта группа американцевъ, точкѣ зрѣнія! Правда, на Францію, Англію, Бельгію и Россію приходится уже махнуть рукой: они «измѣнили», не дали прусской солдатчинѣ на потокъ и разграбленіе своихъ жилищъ. Но тогда, можетъ быть, хоть Америка... Это было бы прекрасно! Германцы по-прежнему лѣзли бы имъ на шею, взрывали бы ихъ пароходы, топили бы женщинъ и дѣтей, а они, знай себѣ помалкивали бы, ибо, согласно резолюціи, «никакое несчастье, никакое преступленіе, какъ бы оно ни было возмутительно, не оправдываетъ международной рѣзни и разоренія страны». Германцы смертоноснымъ ураганомъ надвигались бы на мирныя, цвѣтущія поля европейскихъ странъ, а противники ихъ отдавались бы имъ живьемъ, такъ какъ большая часть ихъ аммуниціи идетъ изъ С. Штатовъ, а въ С. Штатахъ, опять-таки согласно резолюціи, рабочій классъ долженъ пріостановить вывозъ оружія и

аммуниціи, ибо «никакое несчастье, никакое преступленіе»... и т. д., и т. д.

Къ счастью для міра, для будущей міровой демократіи, десятки милліоновъ американскаго народа не идутъ за идиллическими воздыханіями Брайана. Даже въ рядахъ американской соціалистической партіи уже обнаружилась оппозиція ея quasi-интернаціоналистической точкѣ зрѣнія. На томъ же самомъ засѣданіи національнаго комитета, въ Чикаго, выступилъ видный американскій соціалистическій дѣятель, бывшій членъ конгресса, Викторъ Бергеръ. «Есть вещи худшія, чѣмъ война,—заявилъ онъ. - Одна изъ нихъ—рабство. Противъ рабства я вооружился бы ружьемъ и сталъ бы стрѣлять. То же самое я сдѣлаю для защиты моего жилища отъ нападенія. Противъ нападенія вы не сумѣете защищаться резолюціями»...

Брайанъ фактически остается всетаки въ компаніи съ немногими, а страна, почти единодушно вся страна идетъ за Вильсономъ. Она не хочетъ войны, и это ея державное велѣніе демократическій президентъ прекрасно выразилъ въ своей послѣдней нотѣ; но она совсѣмъ не думаетъ поступаться своими правами. На ихъ защиту въ нужный моментъ она встанетъ, какъ одинъ человѣкъ. И это президентъ Вильсонъ прекрасно выразилъ въ своемъ послѣднемъ заявленіи Германіи.

А. І. Закъ.

ПИСЬМО ИЗЪ СОФІИ.

... Одинъ за другимъ, вчера, какъ и сегодня, сегодня, какъ вчера, идутъ и тянутся спокойной и сѣрой вереницей наши, никакими бурями и грозами не омраченные «нейтральные дни»... Гдѣ-то далеко отъ насъ, въ прошедшемъ году еще «культурной» Европѣ и совсѣмъ близко—по обѣимъ сторонамъ всѣми международными анкетными комиссіями признаннаго «некультурнымъ» Балканскаго полуострова, потоками льется человѣческая кровь, гремятъ орудія, пламя пожаровъ зловѣщимъ заревомъ освѣщаетъ темныя ночи... А у насъ—въ «золотой срединѣ»—все тихо и мирно... Мы, какъ будто, на удобной и безопасной галлереѣ, съ высоты неоднократно на всѣ стороны объявленнаго и подтвержденнаго «строгаго и лойяльнаго нейтралитета», наблюдаемъ—какъ въ гигантской панорамѣ движется

передъ нами еще небывалая въ исторіи человѣчества война. И въ ожиданіи ея,—все равно, въ чью пользу изъ воюющихъ сторонъ,—окончанья—съ невозмутимой безмятежностью вертимъ наши маленькія, ежедневныя дѣла...

Какъ всегда—во всякое время дня и до поздней ночи—биткомъ набиты народомъ безчисленныя софійскія, большія и маленькія кафе... Какъ всегда—въ опредѣленный часъ, по опредѣленной улицѣ толпится разряженная, громко болтающая, жизнерадостно наслаждающаяся собственнымъ существованіемъ «вся Софія»... Какъ всегда—съ всевозростающей бойкостью работаетъ кинематографъ; концерты и прочія увеселенія и зрѣлища непрерывно смѣняютъ одно другое—и счастливые въ своемъ «нейтральномъ» равнодушіи софійскіе обыватели—сообразно темпераменту и политическимъ склонностямъ съ большимъ или меньшимъ жаромъ обсуждаютъ за чашкой турецкаго кофе послѣдніе эпизоды изъ чуждой для нихъ кровавой и страшной трагедіи нашихъ дней...

— Моя хата съ краю!.. А общій пожаръ еще, слава Богу, къ намъ не перекинулся!..—таково, за немногими, отдѣльными исключеніями, здѣсь общее, господствующее настроеніе.

Исключенія можно раздѣлить на двѣ — совершенно противоположныя, но одинаково, въ данный моментъ, не имѣющія ни малѣйшаго значенія для измѣненія картины, категоріи... Къ первой относятся тѣ политическія группировки, отдѣльные политики и просто честные люди, которые, по традиціи ли, по личнымъ ли симпатіямъ, или по другимъ какимъ соображеніямъ — считаютъ, что мѣсто Болгаріи сейчасъ рядомъ съ вызвавшей ее къ жизни изъ 500-лѣтняго рабскаго сна «освободительской» Россіей; что въ виду признанія нынѣ борющимися противъ германскаго бронированнаго кулака державами совершенной по отношенію къ Болгаріи въ Бухарестѣ тяжелой ошибки—прямой интересъ болгарскаго народа при помощи Россіи, Англіи и Франціи, поторопиться осуществить въ этой войнѣ свои, такъ жестоко отодвинутые въ неопредѣленное будущее катастрофой 1913 года, національные идеалы...

Относящіеся къ вышеупомянутой категоріи отдѣльные люди—ведутъ на интересующую ихъ тему отдѣльные разговоры—политики произносятъ соотвѣтствующія рѣчи передъ своими избирателями и единомышленниками, политическія группировки, въ лицѣ своихъ присяжныхъ публицистовъ, помѣщаютъ въ партійныхъ органахъ иной разъ весьма даже убѣдительныя, съ горячимъ и искреннимъ подъемомъ написанныя статьи;—но все это, вмѣстѣ взятое, остается по-прежнему—«гласомъ вопіющаго въ пустынѣ»!

Такимъ же точно «гласомъ»—только, въ силу особыхъ обстоя-

тельствъ, «вопіющимъ» въ нѣсколько разъ громче предыдущаго, являются и попытки другой, противуположной, категоріи вывести болгарскаго обывателя изъ его безмятежнаго покамѣстъ состоянія «строгаго и лойяльнаго» равновѣсія въ сторону австро-германо-турецкаго союза...

Здѣсь первенствующую роль играетъ болгарская пресса, держащаяся или опредѣленно германскаго направленія, или весьма открыто обнаруживающая свои симпатіи «культурной Германіи», въ противуположность «варварской Россіи», «мерзкой Франціи», «подлой Англіи», которыя въ почти ежедневныхъ ругательныхъ статьяхъ нѣкоторыхъ газетъ такъ именно и называются съ приложеніемъ вышеуказанныхъ эпитетовъ и къ которымъ за послѣднее время прибавилась еще «гнусно-коварная Италія».

Право, перелистывая иной разъ подобную въ болѣе чѣмъ нужномъ для просвѣщенія народа количествѣ издающуюся въ Софіи литературу—съ невольнымъ изумленіемъ задаешь себѣ вопросъ: неужели болгарскій массовой читатель дѣйствительно читаетъ все, что подсовываютъ ему пытающіеся направлять его судьбы здѣшніе «рыцари темнаго пера», а если читаетъ,—неужели всему вѣрить?..

Но вопросъ этотъ—волей-неволей остается безъ отвѣта... Приходится лишь констатировать фактъ—пресса, самаго безцеремоннаго въ смыслѣ не только принциповъ, но и соблюденія элементарныхъ приличій направленія—не только имѣетъ здѣсь своихъ постоянныхъ партизановъ, но и расширяетъ ихъ кругъ безъ всякаго отпора со стороны общественнаго самосознанія.

«Бумага все терпитъ».—Болгарскіе поклонники германскаго бронированнаго кулака въ одной изъ здѣшнихъ газетъ однажды договорились до того, что заявили, совершенно не смущаясь:

— Подъ турками намъ совсѣмъ было не плохо!.. Тамъ по крайней мѣрѣ мы были культурнымъ, трудовымъ элементомъ и постепенно могли бы начать играть первенствующую роль среди другихъ, подъ властью Турціи находящихся народовъ... Но пришли русскіе, которыхъ никто не звалъ, и освободили насъ только для того, чтобы сдѣлать изъ насъ послѣ свою «задунайскую губернію»...

Вообще—толки, разговоры и даже «передовыя статьи» все о той же злосчастной «губерніи»—являются крупнѣйшимъ козыремъ въ рукахъ софійскихъ политиковъ «германскаго настроенія»... О роли самой Германіи по отношенію къ чужимъ культурамъ вообще и по отношенію культуръ маленькихъ народовъ, въ родѣ датчанъ, поляковъ, а теперь и бельгійцевъ,—въ частности въ средѣ здѣшнихъ германофиловъ «не принято говорить»...

Необходимо признать, что въ организаціи германскаго Drang

nach Osten, однимъ изъ экономическихъ и политическихъ этаповъ котораго является Болгарія, германцы были весьма предусмотрительны и дальновидны. Тамъ, гдѣ въ силу историческихъ условій и мѣстныхъ бытовыхъ причинъ «народъ безмолствуетъ» въ моменты, когда ему нужно выразить свои истинныя чувства, тамъ за него всегда являются услужливые выразители его, яко бы «завѣтныхъ стремленій и идеаловъ»... Этотъ именно тонкій слой «выразителей» на густыхъ и мощныхъ пластахъ балгарскаго народнаго чернозема и пытаются теперь перепахивать германскіе агенты въ Болгаріи съ достаточной примѣсью различныхъ «удобрительныхъ веществъ»...

Но, несмотря на весь подымаемый ими большой шумъ—впечатлѣніе отъ него остается все же маленькое: въ Софіи,—въ этой провинціальной столицѣ провинціальной крохотной страны,—каждый человѣкъ на счету, про каждаго знаютъ, кто онъ, чѣмъ занимается и откуда... Знаютъ такъ же—что стоятъ, въ буквальномъ смыслѣ—всѣ произносимыя и печатаемыя имъ «благородныя слова», и потому особаго вниманія на нихъ не обращаютъ.

Германскія газеты на болгарскомъ языкѣ выскакивали здѣсь въ началѣ войны, какъ грибы послѣ дождя... Но несмотря на обильное золотое орошеніе изъ здѣшнихъ австрійскаго и германскаго посольствъ—ихъ не миновала участь захирѣть и мало-по-малу совсѣмъ зачахнуть отъ собственнаго истощенія... Остались только нѣкоторые изъ наиболѣе жизнеспособныхъ, но и онѣ не совсѣмъ еще увѣрены въ грядущемъ днѣ... Одинъ, напримѣръ, проницательный редакторъ «на всякій случай» издаетъ и редактируетъ теперь двѣ газеты: одну, бьющую «Подлую Освободительку—Россію», «Мерзкую Францію» и т. д., что называется, и въ хвостъ и въ гриву, и другую, деликатно извѣщающую читателей, насчетъ происходящаго сейчасъ въ «Росссіи, Франціи, Англіи и Италіи» уже безъ всякихъ прилагательныхъ и «сильно дѣйствующихъ» выраженій...

Цѣль всѣхъ подобныхъ изданій—всѣми правдами и неправдами добиться вооруженнаго вмѣшательства Болгаріи въ обще-европейскій конфликтъ—только на сторонѣ... Германіи, Австріи и «нашихъ братьевъ—турокъ»—какъ назвала въ моментъ развязной откровенности пяти вѣковыхъ притѣснителей болгарскаго народа по нѣмецкой указкѣ издаваемая въ Софіи газета...

Къ этой цѣли «творящіе волю пославшихъ» подбираются самыми разнообразными путями. Съ одной стороны — ежедневно долбящія голову средняго болгарскаго читателя яко бы «научно-историческія» статьи, гдѣ съ цифрами, географіей и этнографіей доказывается, «какъ дважды два—четыре», что Россія съ испоконъ вѣковъ только спитъ и видитъ, какъ бы поработить Болгарію, что, кромѣ всяче-

скихъ пакостей, болгарскій народъ ровнымъ счетомъ ничего не видѣлъ отъ Россіи, съ другой—постоянные примѣры того, какіе русскіе всѣ пьяные дикари, находящіеся на самой низкой ступени «казанской культуры», какъ все въ Россіи грязно и отвратительно... Аналогичную же «гнусную» роль неизмѣнно играли и теперь играютъ, конечно, также Англія и Франція. Натурально—въ противовѣсъ этимъ тремъ извергамъ человѣческаго естества—всѣми существующими добродѣтелями сіяютъ—«высоко-культурныя», «рыцарскія» и проч. Германія и Австрія, на сторонѣ которыхъ Болгарія незамедлительно сможетъ осуществить свои національные идеалы.

Когда поющія на болгарскомъ языкѣ германо-австрійскія сирены взяли уже слишкомъ высокій тонъ, безмолвствовавшіе до сихъ поръ будущіе сѣрые исполнители берлинскихъ и вѣнскихъ предначертаній неожиданно зашевелились... Прежде всего на разныя частныя, а кое-гдѣ и полу-оффиціальныя «анкеты», получился весьма обезкураживающій отвѣтъ:—Идите вы сами противъ Россіи, если хотите, а мы не пойдемъ!.. Потомъ, несмотря на сыпавшіяся какъ изъ рога изобилія всевозможныя начальственныя запрещенія—начались робкія попытки то тутъ, то тамъ—сперва помолиться «за упокой души павшихъ русскихъ воиновъ»—а послѣ—уже и «о побѣдѣ—одолѣніи»... Изъ глухихъ медвѣжьихъ угловъ трогательными, теплыми струйками полились пожертвованія болгарскихъ крестьянъ «братьямъ-русскимъ».—Собирали по 12 левовъ, по 8, по 50 и несли, и везли въ какое-нибудь ближайшее мѣстечко, а оттуда уже пересылали въ Софію... Больше 100 тысячъ левовъ собрано такими крохами въ пользу русскаго Краснаго Креста отъ тѣхъ, кого софійскіе патріоты германскаго Vaterland'а думали ощетинить противъ Россіи безсмысленной злобой и штыками...

— Никогда болгарское ружье не выстрѣлитъ въ русскаго солдата!—вслухъ выразилъ, наконецъ, то, что было всѣмъ въ душѣ понятно и очевидно, облитый за это помоями во всѣхъ здѣшнихъ германофильскихъ газетахъ одинъ изъ героевъ Андріаполя—генералъ Вазовъ.

Германская пропаганда активнаго выступленія Болгаріи разбилась въ дребезги о непреклонную рѣшимость болгарскихъ народныхъ массъ:—А мы противъ Россіи не пойдемъ!...

Тогда пришлось перемѣнить тактику и настаивать уже только на «строгомъ и лойяльномъ» (по отношенію къ Германіи, разумѣется!...) нейтралитетѣ... Здѣсь интересы и германскіе и болгарскіе совершенно сошлись—и потянулась, вплоть до неожиданнаго здѣсь выступленія Италіи, безмятежная полоса «нейтральнаго» существованія!...

Но итальянцы испортили уже прочно, было, установившееся настроеніе... По ходу войны неизбѣжно складывалась въ умахъ здѣшнихъ управителей вполнѣ опредѣленная увѣренность. Гигантская схватка народовъ или кончится «въ ничью»—или германскій бронированный кулакъ сокрушитъ всѣхъ и вся на своемъ пути. Въ томъ и другомъ случаѣ Болгарія только выигрываетъ, ибо при первомъ исходѣ взаимно истощенныя великія державы не станутъ ставить препятствій осуществленію болгарскихъ національныхъ идеаловъ: возвращенію Македоніи, отнятой румынами Добруджи и т. д., а во второмъ: «рыцарски благодарный кайзеръ» поспѣшитъ, конечно, вознаградить еще чѣмъ-нибудь гораздо большимъ своихъ «вѣрныхъ и лойяльныхъ болгарскихъ друзей»...

Съ выступленіемъ Италіи эти идиллическія перспективы должны были невольно омрачиться. Какъ ни сильна сейчасъ Германія, какъ громко ни звучитъ сейчасъ ея побѣдный Deutschland, Deutschland über Alles! на всѣхъ боевыхъ фронтахъ—однако—желѣзное кольцо вокругъ нея все же смыкается дѣйствительно серьезно—и рано или поздно—сомкнется совсѣмъ. Тогда—возможно, побѣдители,—но на сей разъ уже не тѣ, которые рисовались въ воображеніи софійскихъ «нейтралистовъ»,— предъявятъ къ Болгаріи счетъ за многое множество, подъ покровомъ «строгаго и лойяльнаго» нейтралитета, совершенныхъ въ пользу германо-австро-турецкихъ союзниковъ «маленькихъ недосмотровъ»—въ родѣ доставки въ Турцію аэроплановъ, сотенъ путешествующихъ черезъ Болгарію германскихъ «туристовъ»—немедленно по прибытіи въ Константинополь превращающихся въ бравыхъ инструкторовъ, механиковъ и офицеровъ подводныхъ лодокъ, переправленныхъ въ разобранномъ видѣ, стальныхъ машинныхъ частей для попорченнаго русскими «Гебена» и т. д.—А затѣмъ просто скажутъ: «не нейтралитетъ вашъ былъ намъ нуженъ, а другое!»...

Но вотъ наступилъ «психологическій моментъ». Имъ воспользовались софійскіе представители нынѣ уже четверного согласія. Въ одинъ прекрасный день ими было сдѣлано болгарскому правительству совершенно опредѣленное, исключающее всякіе экивоки и недомолвки предложеніе—выступить вмѣстѣ съ соглашеніемъ противъ турокъ. Компенсаціи предлагались въ объемѣ, вполнѣ могущемъ удовлетворить болгарскія національныя вожделѣнія.

Въ управляющихъ кругахъ произошло замѣшательство. Необходимо было разъ навсегда покончить съ постояннымъ восточнымъ лавированьемъ между двухъ береговъ и пристать къ какому-нибудь одному. «Строгому и лойяльному нейтралитету» болгарскаго правительства угрожала серьезная опасность. Принять предложеніе

означало—немедленно впутаться въ войну—не принять—очутиться уже совсѣмъ открыто въ лагерѣ германцевъ, австрiйцевъ и «нашихъ братьевъ турокъ»...—Дай Богъ, чтобы только мѣсяцъ еще удалось намъ протянуть безъ объявленiя мобилизацiи!...—вырвалось тогда у одного изъ министровъ вполнѣ характеризующая положенiе фраза... Но ходъ войны, такъ сказать, внѣшнiя обстоятельства совершенно неожиданно пришли на помощь сторонникамъ соблюденiя Болгарiей нейтралитета «до конца».

Отвѣтъ болгарскаго правительства на приглашенiе активнаго вмѣшательства въ борьбу былъ данъ въ крайне туманныхъ и неопредѣленныхъ выраженiяхъ. Собственно, это не былъ даже и отвѣтъ, а скорѣе родъ запроса по разнымъ пунктамъ, только получивъ разъясненiе которыхъ болгарское правительство считало возможнымъ приступить къ «настоящимъ» по этому поводу переговорамъ.

А пока что—не теряя золотого времени завязали съ турками то же нѣчто въ родѣ «дружественной бесѣды» по поводу необходимости «полюбовной» уступки Турцiей части Ѳракiи, мѣшающей Болгарiи свободно сообщаться со своими новыми провинцiями по берегу Эгейскаго моря. Бесѣда эта ведется не безъ усиленнаго влiянiя германской дипломатiи, «надавливающей» тамъ, «совѣтующей» здѣсь, пытающейся и тутъ и тамъ захватить инициативу новой комбинацiи въ свои цѣпкiя руки... Чѣмъ кончится вся эта исторiя?—покамѣстъ знаютъ съ одной стороны—турецкiй Аллахъ, съ другой—«нашъ добрый, старый нѣмецкiй Богъ»—ибо событiя внѣшняго характера заставили временно дипломатiю четверного соглашенiя оставить всякiя попытки вовлечь Болгарiю въ ряды дерущихся противъ воинствующаго германизма.

Болгарскому «строгому и лойяльному нейтралитету» придетъ естественный конецъ, очевидно, лишь тогда, когда русскiя пушки побѣдоноснымъ грохотомъ заглушатъ на боевомъ фронтѣ смущающiй сейчасъ болгарскихъ политическихъ вождей ревъ германскихъ орудiй...

Другой и гораздо болѣе животрепещущей для здѣшняго «нейтральнаго» существованiя софiйской злобой дня былъ отнынѣ знаменитый въ исторiи человѣческихъ преступленiй процессъ о взрывѣ бомбы во время маскараднаго бала въ Казино.

Самый взрывъ произошелъ въ ночь съ 31 января на 1 февраля текущаго года въ обстановкѣ, далеко оставляющей за собой всякое воображенiе сочинителей уголовныхъ романовъ и кинематографиче-

скихъ «криминальныхъ драмъ въ 3.000 метровъ длины и потрясающаго содержанія».

Мнѣ пришлось быть тоже на этомъ балу и могу сказать, что впечатлѣніе, испытанное мной тогда, было, несомнѣнно, болѣе жуткимъ, чѣмъ все, чему приходилось быть свидѣтелемъ на двухъ балканскихъ войнахъ и во время осады албанскими повстанцами Дураццо... Тамъ, въ боевой обстановкѣ, заранѣе ждешь, что будетъ смерть и разрушеніе, что самъ, быть можетъ, не сегодня—завтра подвернешься подъ вражескій снарядъ, или подъ пулю—но когда, совершенно неожиданно въ разгарѣ маскараднаго веселья взрывается бомба—калѣчитъ и убиваетъ только-что за секунду передъ тѣмъ беззаботно танцовавшихъ людей, обрызгиваетъ кровью тѣхъ, кто случайно остался невредимымъ—тогда съ особенной ясностью чувствуешь постоянный, близкій холодъ на каждомъ шагу стерегущей смерти за плечами.

Въ софійскомъ городскомъ Казино имѣется всего одна единственная, но зато большая зала. Въ этой залѣ давался обычный, ежегодный масляничный балъ-маскарадъ артистовъ болгарскаго Народнаго театра. Какъ всегда, на балу присутствовалъ весь городъ. Толкотня и давка были неописуемыя, но публика весьма усердно и искренно веселилась... По бокамъ залы были устроены маленькія ложи со столиками, гдѣ пили шампанское; на эстрадѣ происходило шествіе масокъ, выдавались преміи за костюмы и т. д.

Когда раздался взрывъ, сначала никто не понялъ, въ чемъ дѣло? Но ужасная картина, которую мы увидѣли сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ, показала намъ, какого рода былъ этотъ, еще неизвѣстный покамѣстъ въ прочихъ странахъ «балканскій маскарадный сюрпризъ»?.. На полу, въ лужѣ крови мучился въ предсмертныхъ судорогахъ юноша-гвардеецъ—сынъ бывшаго военнаго министра Бояджіева. Въ бѣломъ костюмѣ пьеро безпомощно лежала, опрокинувшись навзничь, тоже умирающая молодая дама—дочь нынѣшняго военнаго министра генерала Фичева. У мужа ея оторвало нѣсколько пальцевъ на рукѣ... Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ входа — новая жертва—опять молодая, беззаботно веселившаяся за секунду передъ тѣмъ—19-лѣтняя дѣвушка-учительница, пріѣхавшая изъ провинціи на масляницу въ Софію... Всюду виднѣлись блѣдныя, испуганныя лица, забрызганные кровью маскарадные костюмы... Одному художнику, декоратору Народнаго театра, оторвало руку—отчего онъ умеръ черезъ нѣсколько дней; другому исковеркало руку настолько, что онъ навсегда лишился возможности работать.

Начавшуюся, было, панику, къ счастью удалось энергичными мѣрами предотвратить... Умирающихъ и раненыхъ унесли... Публика

тоже начала мало-по-малу расходиться. При яркомъ свѣтѣ электрическихъ люстръ и венеціанскихъ карнавальныхъ фонариковъ вдоль залы зияли огромныя дыры на потолкѣ, и жутко-красныя лужи свѣжей крови неподвижно алѣли повсюду на паркетѣ...

Потянулись тяжелые дни, полные ожиданья и слуховъ, одинъ фантастичнѣе и нелѣпѣе другого. О томъ, что произошло, писать въ газетахъ было запрещено. Потому въ разговорахъ, волнующихъ всѣхъ, тему «обрабатывали» тѣмъ болѣе усердно. Догадкамъ и предположеніямъ открывались неограниченныя возможности. Относительно самаго факта извѣстно было лишь одно: кто-то въ разбитое заранѣе стекло входной двери поставилъ снаружи на стулъ въ ложѣ зятя генерала Фичева—Бочарова, фитильную бомбу, которая вслѣдъ затѣмъ разорвалась... Но кто это сдѣлалъ и съ какой цѣлью?—мнѣнія расходились. Большинство обывателей было увѣрено, что виновниками преступленія должны быть непремѣнно сербы, или греки... Находились и такіе, которые «по свѣдѣніямъ изъ самаго достовѣрнаго источника» утверждали, что взрывъ—«дѣло рукъ Россіи»... Было арестовано въ числѣ прочихъ нѣсколько русскихъ, но за недостаткомъ уликъ ихъ пришлось выпустить на свободу...

Внезапнымъ извѣстіемъ, какъ громомъ поразило Софію—виновникъ взрыва отысканъ!.. Имъ оказался никто иной, какъ извѣстный здѣсь въ самыхъ широкихъ кругахъ чиновникъ высшей контрольной палаты—Викентій Анастасовъ—македонскій дѣятель и революціонеръ, человѣкъ, пользующійся особымъ довѣріемъ Геннадіева, министра финансовъ Тончева и цѣлаго ряда здѣшнихъ управляющихъ тузовъ... Незадолго передъ тѣмъ Викентій Анастасовъ былъ посланъ съ спеціальной миссіей «ревизовать» болгарскую легацію въ Берлинѣ. По окончаніи слѣдствія обвинительный актъ съ извѣстными сокращеніями появился въ газетахъ. Многое тайное до сихъ поръ—стало явнымъ, и софійскіе жители съ невольнымъ ужасомъ узнали, отъ какой опасности, сами того не зная, они были всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ! Оказывается, по заявленію на судебномъ слѣдствіи сообщниковъ Анастасова—взрывъ въ Казино былъ устроенъ съ единственной цѣлью «произвести смуту въ обществѣ, вслѣдствіе чего возможна была бы реконструкція кабинета. Геннадіевъ снова сталъ бы министромъ—Викентій Анастасовъ—градоначальникомъ Софіи, а помощниковъ своихъ по преступленію онъ взялъ бы къ себѣ на службу... Тогда можно было бы совершить и другія разныя дѣла, ибо времена были благопріятныя»...

Передъ взрывомъ въ Казино было совершено таинственное покушеніе на извѣстнаго всей Софіи адвоката-милліонера Добриновича... Нѣкто—поздно вечеромъ позвонилъ въ квартиру Добриновича

и, вызвавъ его, яко бы по дѣлу, въ темный корридоръ, нѣсколько разъ выстрѣлилъ въ него въ упоръ. Добриновичъ былъ тяжело раненъ и нѣсколько дней находился между жизнью и смертью.

Нападавшему удалось скрыться. Брошенный имъ револьверъ былъ найденъ невдалекѣ отъ дома потерпѣвшаго. Слѣдствію удалось раскрыть, что организаторомъ этого преступленія былъ все тотъ же Викентій Анастасовъ, помогавшій сыну Добриновича—молодому человѣку, находящемуся въ ссорѣ съ отцомъ и ведущему легкомысленный образъ жизни, «ускорить» полученіе наслѣдства...

Кромѣ того, выяснилось еще третье крупное дѣло—заговоръ противъ царя Фердинанда, подготовляемый Анастасовымъ въ компаніи пріятелей по его македонскимъ похожденіямъ простого, неграмотнаго рабочаго Санко Антова и нѣкоего Серафима Монова—дезертира съ военной службы, уже отбывшаго тюремное наказаніе за убійство и, повидимому, человѣка не вполнѣ нормальнаго. Этотъ Серафимъ Моновъ, по всѣмъ признакамъ—слѣпое орудіе въ рукахъ Анастасова, долженъ былъ представить изъ себя «человѣка-бомбу», взорвавшись вмѣстѣ съ особаго устройства адской машиной подъ колесами царскаго автомобиля... Покушеніе организовалось уже давно, но по разнымъ причинамъ не приводилось Анастасовымъ въ исполненіе...

Дальше уже начинаются «дѣла семейныя»,—но тѣмъ не менѣе не лишенныя уголовнаго интереса: Анастасовъ подговариваетъ Санку Антова убить главнаго секретаря при министерствѣ финансовъ—Пиперова за то, что изъ-за его вмѣшательства онъ, Анастасовъ, получилъ командировку для ревизіи болгарскихъ легацій только въ Берлинъ, а не въ Вѣну и въ Парижъ, какъ ему хотѣлось. Затѣмъ, Анастасовъ организуетъ убійство Санко Антова за то, что онъ слишкомъ много знаетъ и ненадеженъ. Убійство поручается нѣкоему рабочему — тоже дезертиру—Георгію Иліеву, который, между прочимъ, стрѣлялъ въ адвоката Добриновича и поставилъ бомбу въ Казино, послѣ того, какъ другой его сообщникъ—Ицо Сонтовъ зажегъ у нея фитиль папироской. Ицо Сонтовъ—въ виду того, что «говоритъ во снѣ и можетъ случайно проболтаться», долженъ былъ быть убитымъ Георгіемъ Иліевымъ, послѣ чего онъ самъ, сдѣлавшись уже опаснымъ и вреднымъ для дальнѣйшей дѣятельности Анастасова, по проекту послѣдняго—тоже имѣлъ всѣ шансы «быть устраненнымъ»...

Помимо всего вышесказаннаго, въ эту пеструю картину взаимоотношеній между Анастасовымъ и его друзьями судебное слѣдствіе добавило еще нѣсколько болѣе мелкихъ штриховъ,—приготовленія къ убійству сперва одного, потомъ другого изъ маке-

донскихъ воеводъ, попытки стать кассиромъ Народнаго театра, для того, чтобы потомъ симулировать ограбленіе кассы «неизвѣстными лицами» и т. д.

Въ день, назначенный для слушанія дѣла, «вся Софія» съ шести часовъ утра тѣснилась у входа въ Военное Собраніе, танцовальное зало котораго было обращено въ залу судебныхъ засѣданій, или спѣшила скорѣе занять мѣста. Предосторожности были приняты чрезвычайныя—всюду солдаты съ примкнутыми къ ружьямъ штыками, всюду полиція и «штатскіе», съ безпокойно проникающимъ въ душу каждаго входящаго, пристальнымъ взглядомъ... Доступъ въ залу былъ ограниченный, по строго именнымъ билетамъ. Ходили слухи, что не всѣ изъ банды пойманы и что отъ оставшихся можно ждать повторенія исторіи въ Казино...

Но лишь только ввели обвиняемыхъ, лишь только началось судебное разбирательство, всѣ наши «кинематографическія» ожиданія разсѣялись безслѣдно. Вмѣсто мрачной и таинственной шайки «болгарскихъ сатанистовъ», какъ ихъ уже успѣла окрестить обывательская фантазія, передъ нами оказались мелкіе и маленькіе мошенники, которымъ только случайный неуспѣхъ ихъ плановъ помѣшалъ перейти въ разрядъ мошенниковъ болѣе крупнаго полета.

При существующемъ сейчасъ въ Болгаріи порядкѣ, когда являющаяся на власть партія «выставляетъ» своихъ предшественниковъ съ насиженныхъ мѣстъ, начиная съ завѣдующаго канцеляріей министра и кончая метельщикомъ улицъ—естественно развивается «партизанство», необходимость имѣть подъ рукой достаточное количество вѣрныхъ и преданныхъ людей, готовыхъ во всякое время занять какую угодно должность... Здѣсь можно видѣть, какъ полуневѣжественный техникъ, не окончившій даже средняго образованія, назначается отвѣтственнымъ руководителемъ громаднаго техническаго дѣла, вчерашній маленькій учитель гимназіи—сегодня становится директоромъ Болгарскаго Національнаго Театра и т. д. Людей берутъ и назначаютъ не за знаніе ихъ и не за пользу, которую они могутъ принести обществу и странѣ, а въ видѣ компенсаціи за оказанныя партіи услуги.

Въ такой атмосферѣ—широкій просторъ для амбицій разныхъ, мало считающихся съ вопросами общественной морали партизановъ, всегда увѣренныхъ, что «услуги» ихъ будутъ въ правящихъ кругахъ оцѣнены и вознаграждены, какъ того хочетъ самъ, добивающійся чего-нибудь партизанъ.

Викентій Анастасовъ былъ партизаномъ партіи Геннадіева. Послѣдній постоянно давалъ ему деньги «заимообразно» и

просто «такъ», бралъ его собой для партійныхъ агитаціонныхъ разъѣздовъ по Болгаріи, устраивалъ ему служебныя командировки, когда Анастасову было нужно «подкрѣпиться» и т. д.

А между тѣмъ—нравственный обликъ этой «правой руки» партійнаго шефа и пріятеля министра финансовъ Тончева, который, по собственному заявленію Анастасова, «дѣлалъ для него все, что онъ пожелаетъ»,—далеко не былъ безупречнымъ. Македонецъ по происхожденію, онъ во время своего учительства въ Ускюбѣ занимался устраиваніемъ покушеній на разныхъ, по его мнѣнію «вредныхъ для македонскаго дѣла» лицъ, выдалъ туркамъ конгрессъ македонской организаціи и, наконецъ, заочно осужденный въ тюрьму за организацію покушенія на Хильми-пашу—генералъ-губернатора Македоніи—очутился въ Болгаріи.

Здѣсь онъ ведетъ тоже болѣе, чѣмъ странный образъ жизни: ближайшія знакомства его, съ одной стороны—бывшіе и будущіе министры, съ другой стороны—апаши и всякаго рода общественные подонки... Будучи исключеннымъ изъ македонской организаціи за утайку нѣсколькихъ тысячъ левовъ революціонныхъ денегъ, онъ тѣмъ не менѣе продолжаетъ организовывать и посылать четы въ Македонію на неизвѣстныя средства, вмѣшивается въ борьбу между собой и разныхъ македонскихъ воеводъ, держитъ у себя динамитъ и бомбы, послѣднія, между прочимъ, не только въ своей квартирѣ, но и въ ящикѣ бюро канцеляріи контрольной палаты, организуетъ покушеніе на царя Фердинанда съ явной цѣлью выдать его въ самый послѣдній моментъ и т. д.

На судѣ Викентій Анастасовъ держится съ необычайной развязностью. У него красивое, немного «парикмахерское» лицо, черные усики и ярко красныя губы. Говоритъ съ манерами записного оратора; голосъ вкрадчивый и гибкій. Не признаетъ себя виновнымъ ни въ одномъ изъ приписываемыхъ ему преступленій и въ видѣ доказательства то и дѣло ссылается на свою «патріотическую» дѣятельность въ пользу Болгаріи, на вражду свою къ грекамъ и сербамъ, на готовность пойти добровольцемъ въ Австрію, чтобы «биться противъ сербовъ» и т. д. Въ отвѣтъ на патріотическія заявленія Анастасова прокуроръ читаетъ письмо одного изъ бывшихъ его начальниковъ во время Балканской войны. Изъ письма явствуетъ, что Анастасовъ систематически исчезалъ изъ строя передъ каждымъ сраженіемъ и возвращался, когда все уже было кончено, привозя съ собой всякій разъ изъ главной квартиры-подписанныя высшимъ начальствомъ разрѣшающія эти отсутствія объясненія. Въ результатѣ—Анастасовъ получилъ орденъ за храбрость и военныя заслуги...

Остальные сообщники, очутившіеся вмѣстѣ съ нимъ на скамьѣ

подсудимыхъ, имѣютъ видъ обыкновенныхъ орудій въ рукахъ главнаго дѣятеля. По порядку, въ какомъ ихъ допрашиваютъ—передъ судомъ проходятъ:

Санко Антовъ—тоже македонецъ, повѣренный Анастасова въ разныхъ его македонскихъ предпріятіяхъ. Неграмотный, мелкій ремесленникъ и по поведенію на судѣ типичный предатель... Соблазнившись 20 тысячами левовъ, объявленныхъ мужемъ убитой въ Казино дочери генерала Фичева Бочаровымъ тому, кто укажетъ преступниковъ—онъ готовъ говорить цѣлыми часами о томъ, что знаетъ и чего не знаетъ...

Выданный Санко Антовымъ и арестованный по его указанію Георгій Иліевъ. Онъ очень молодъ—въ моментъ преступленія не былъ еще совершеннолѣтнимъ. Бритое, точно окаменѣвшее лицо съ рѣзкими чертами, глубоко впавшіе темные глаза, сжатыя, тонкія губы. На вопросъ слѣдователя о міросозерцаніи—назвалъ себя «сатанистомъ»... Изъ очень бѣдной семьи. Окончилъ два класса гимназіи. Два раза покушался на самоубійство, ибо «жизнь безсмысленна». Много читалъ, но, очевидно, мало переварилъ прочитанное. Любимые литературные герои его Фалькъ изъ Homo Sapiens Пшибышевскаго и Нагель изъ «Мистерій» Кнута Гамсуна. На судѣ держится рѣзко и вызывающе. На всѣ вопросы отвѣчаетъ энергичнымъ и презрительнымъ: «нѣтъ»!.. Отъ сознанія на предварительномъ слѣдствіи отказался, заявивъ, что оно было вынуждено побоями и истязаньями.

Поставившій вмѣстѣ съ нимъ бомбу въ Казино пріятель его Ицо Сантовъ — совсѣмъ другая фигура. У него мягкая птичья физіономія, кокетливо взбитый, курчавый кокъ и «никакихъ убѣжденій», по его же собственному заявленію. Окончилъ 7 классовъ гимназіи, по профессіи народный учитель въ Македоніи, откуда бѣжалъ послѣ занятія греками его родного города. Тоже отказывается отъ прежнихъ показаній, говоря, что его на слѣдствіи били и заставляли писать подъ диктовку...

Съ появленіемъ «человѣка—бомбы»—Серафима Монова—картина мѣняется. Этотъ не только во всемъ признается, что̀ собирался сдѣлать, но даже съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ распространяется о подробностяхъ предполагавшагося, но неудавшагося взрыва царскаго автомобиля, и—попытки разорваться самому вмѣстѣ съ бомбой въ народномъ собраніи... Кувшинообразная физіономія дышетъ привѣтливо; широкій ротъ съ толстыми губами ухмыляется до ушей...

— Вы, значитъ, террористъ по убѣжденью?—спрашиваетъ его предсѣдатель суда.

— Какой я террористъ?.. Всегда жизнь меня терроризировала, а я никого!..—Серафинъ Моновъ застѣнчиво переступаетъ съ ноги на ногу и обезоруживающе ласково смотритъ на судъ и публику.

— Ну, а если вамъ такъ хотѣлось самому умереть,—задаетъ вопросъ одинъ изъ адвокатовъ,—отчего вы просто не лишили себя жизни, а собирались непремѣнно разорваться вмѣстѣ съ вашей бомбой въ народномъ собраніи?

Серафинъ Моновъ смущенно потупляетъ свои маленькіе, невинно и привѣтливо бѣгающіе глазки.

— Такъ... вообще...—невнятно бормочетъ онъ—какъ, значитъ, я несчастный человѣкъ и много тысячъ другихъ людей несчастныхъ... Ну, вотъ, значитъ... тово... отъ законовъ плохихъ это происходитъ!..

Двое слѣдующихъ подсудимыхъ—редакторъ синдикалистской газеты Манолевъ, сведшій Ицо Сантова съ Анастасовымъ для убійства адвоката Добриновича, и сынъ этого послѣдняго—обвиняемый въ устройствѣ покушенья на своего отца—тоже виновными себя не признаютъ и сами по себѣ ничего оригинальнаго не представляютъ. Къ концѣ концовъ весь интересъ процесса сосредоточивается исключительно на личности Викентія Анастасова.

Въ теченіе 18 дней передъ судомъ въ качествѣ свидѣтелей прошли почти всѣ общественные слои Софіи: министры, сыщики, апаши, молодые люди изъ кафе-шантанныхъ героевъ и т. д. Ни показанія Геннадіева, на сенсаціонность которыхъ возлагалось столько надеждъ, ни безконечныя рѣчи самаго Анастасова, постоянно намекавшаго на какія-то таинственныя «разоблаченія», и т. д., ровнымъ счетомъ ничего не добавили существенно новаго къ добытому на предварительномъ слѣдствіи, кромѣ развѣ заявленія подсудимыхъ, что ихъ на слѣдствіи мучили и истязали... Адвокатская корпорація тоже не блеснула ни глубиной аргументаціи, ни таланта. Защитники топили другъ друга и подсудимыхъ своихъ коллегъ, гражданскіе истцы постоянно превращались въ маленькихъ прокуроровъ. Были произнесены двѣ дѣйствительно блестящія рѣчи—одна—шефомъ демократовъ Малиновымъ, выступившимъ однимъ изъ гражданскихъ истцовъ со стороны мужа убитой дочери Фичева-Бочарова—и другая—адвокатомъ Васильевымъ, защищавшимъ молодого Добриновича. Въ своей рѣчи Малиновъ былъ не столько гражданскимъ истцомъ, сколько общественнымъ дѣятелемъ, черезъ головы сидящихъ передъ нимъ на скамьѣ подсудимыхъ мелкихъ сошекъ ищущимъ привлечь къ отвѣтственности болѣе крупныхъ виновниковъ охватывающаго Болгарію политическаго разложенія...

Приговоръ суда былъ крайне суровъ и въ послѣдней своей

части неожиданъ: Викентій Анастасовъ, Ицо Сантовъ и Георгій Иліевъ приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе, при чемъ послѣднему, въ виду его несовершеннолѣтія, смертная казнь замѣнена 20 годами тюремнаго заключенія. Предателю Санко Антову, вмѣсто ожидаемыхъ имъ 20 тысячъ левовъ—дали 6 лѣтъ тюрьмы. Редактора Манолева осудили на 10 лѣтъ; «человѣка—бомбу», Серафима Монова, должно быть, «за его симпатичное поведеніе на судѣ»—всего лишь на 5 и даже съ зачетомъ предварительнаго заключенія... Молодого Добриновича, за отсутствіемъ уликъ, оправдали совсѣмъ... А затѣмъ судъ постановилъ привлечь къ судебной отвѣтственности жену Анастасова, лицъ, истязавшихъ подсудимыхъ въ тюрьмѣ и... бывшаго министра и нынѣшняго шефа находящейся у власти стамбуловской партіи — Геннадіева, за то, что «въ разное время далъ Викентію Анастасову 10 тысячъ левовъ, назначеніе которыхъ суду осталось неизвѣстнымъ»...

Первая часть трагедіи «кроваваго маскарада» закончилась. Занавѣсъ опустился на самомъ захватывающемъ моментѣ... Будетъ ли потомъ представлена «вторая часть», гдѣ на тѣхъ же подмосткахъ должны вмѣсто апашей фигурировать бывшій министръ и съ нимъ цѣлая политическая система?—не извѣстно... Во всякомъ случаѣ поднять занавѣсъ лишь только надъ первой частью трагедіи было гораздо легче, удобнѣе и безопаснѣе, чѣмъ надъ второй—особенно на Балканахъ!..

А. Деренталь.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МИЛИТАРИЗМЪ.

Институтъ международнаго мира имени Карнеги весьма своевременно издалъ цѣлый рядъ брошюръ, заключающихъ въ себѣ тексты гаагскихъ конвенцій и декларацій относительно правилъ войны и нейтралитета на сушѣ и на морѣ.

Эти оффиціальныя соглашенія великихъ и малыхъ державъ наглядно доказываютъ фактическое безсиліе современнаго международнаго права. Ясно и точно установленныя нормы, принятыя и утвержденныя правительствами культурныхъ странъ, остаются мертвой буквой и открыто нарушаются государствами, подпись которыхъ значится на соотвѣтственныхъ международныхъ актахъ. Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, 29 іюля 1899 года, заключена была конвенція, которою державы обязались «не употреблять боевыхъ снаря-

довъ, единственное назначеніе которыхъ состоитъ въ распространеніи удушливыхъ и вредныхъ газовъ». Эта декларація подписана и ратификована Германіею, Австро-Венгріею, Франціею, Россіею, Италіею, Японіею, Турціею, Сербіею и Черногоріею; къ ней присоединилась въ августѣ 1907 года Великобританія, и, слѣдовательно, она должна признаваться обязательною для всѣхъ государствъ, участвующихъ въ настоящей войнѣ. Между тѣмъ Германія, какъ ни въ чемъ не бывало, пустила въ ходъ снаряды съ ядовитыми газами и дѣйствуетъ ими безъ всякихъ стѣсненій, не обращая вниманія на свою подпись подъ деклараціею 1899 года. И никто не имѣетъ возможности оффиціально напомнить германскому правительству о необходимости уважать свою подпись и исполнять принятое на себя обязательство; а если бы и сдѣлано было такое напоминаніе, то оно, конечно, было бы оставлено безъ послѣдствій. Считая себя «превыше всего», Германія чувствуетъ себя выше всякихъ предписаній права и морали, и она можетъ, если найдетъ это нужнымъ, отступиться отъ даннаго слова и игнорировать подписанный ею договоръ; но въ такомъ случаѣ веденіе переговоровъ о международныхъ конвенціяхъ, подписаніе и ратификація ихъ составляютъ напрасный трудъ для Германіи и для условливающихся съ нею правительствъ.

Легко было заранѣе предвидѣть и рѣшить въ 1899 году, желательно ли для будущаго употребленіе ядовитыхъ газовъ на войнѣ или нѣтъ, и при малѣйшемъ сомнѣніи въ удобствѣ принятой запретительной мѣры можно было уклониться отъ подписанія деклараціи. Такъ поступила Германія относительно запрещенія бросать бомбы съ воздушныхъ шаровъ и аэроплановъ. Конвенціею, подписанною въ Гаагѣ 29 іюля 1899 года, постановлено было «запретить на пять лѣтъ (т.-е. до іюля 1904 года) бросаніе боевыхъ и взрывчатыхъ снарядовъ съ воздушныхъ шаровъ или другими способами подобнаго рода»; тогда еще не имѣлись въ виду вооруженные аэропланы и цеппелины, и германское правительство не поколебалось ратификовать декларацію, наравнѣ съ другими государствами. Въ 1907 году на второй Гаагской конференціи принято было рѣшеніе подтвердить на новый срокъ, до 1915 года, запрещеніе «пускать боевые и взрывчатые снаряды съ воздушныхъ шаровъ или другими новыми способами подобнаго рода». На этотъ разъ Германія отказалась подписать декларацію; Австро-Венгрія и Турція подписали, но не ратификовали, и изъ великихъ державъ только двѣ участвовали не только въ подписаніи, но и въ ратификаціи акта—Великобританія и Соединенные Штаты. Такимъ образомъ, Германія и ея союзники сохранили за собой право пользоваться воздушными кора-

блями и аэропланами для бросанія бомбъ сверху, и нельзя усматривать въ этомъ нарушеніе принятыхъ обычаевъ и правилъ войны, если только взрывчатые снаряды не направляются на мирные города и въ мирныхъ жителей. Произвольное употребленіе удушливыхъ газовъ на войнѣ, вопреки подписанной запретительной декларации, не имѣетъ подобнаго оправданія, тѣмъ болѣе, что это средство возмутительно по существу и безчеловѣчно по производимымъ имъ послѣдствіямъ.

Духомъ гуманности проникнута конвенція 18 октября 1907 года о законахъ и обычаяхъ войны. «Сознавая, что, несмотря на старанія обезпечить миръ и предупредить вооруженные конфликты между націями,—говорится въ мотивахъ къ тексту конвенціи,—необходимо все-таки имѣть въ виду случаи, когда обращеніе къ оружію вызывается событіями, которыхъ нельзя было предупредить, договаривающіяся стороны ставятъ себѣ задачей и въ этомъ крайнемъ случаѣ служить интересамъ человѣчности и неизмѣнно прогрессивнымъ потребностямъ цивилизаціи; съ этой цѣлью онѣ стремятся точнѣе установить правила, способныя смягчить суровость войны, насколько это возможно», и «уменьшить ея бѣдствія въ той мѣрѣ, въ какой это позволяютъ военныя требованія». На случай возникновенія вопросовъ, не предусмотрѣнныхъ этими правилами, «державы считаютъ нужнымъ заявить, что жители и воюющіе остаются подъ покровительствомъ и господствомъ принциповъ международнаго права, согласно установившимся обычаямъ цивилизованныхъ народовъ, законамъ гуманности и предписаніямъ общественной совѣсти». Воюющая сторона, нарушающая постановленія приложенныхъ къ конвенціи правилъ войны, обязана возмѣстить кому слѣдуетъ убытки; она признается «отвѣтственною за всѣ дѣйствія, совершенныя лицами, входящими въ составъ ея вооруженныхъ силъ».

Самый текстъ правилъ относительно законовъ и обычаевъ сухопутной войны изложенъ въ 56 параграфахъ. Охрана интересовъ человѣчности и правъ мирнаго населенія стоитъ здѣсь на первомъ планѣ. Съ военноплѣнными предписано «обращаться гуманно»; они «находятся во власти враждебнаго правительства, а не отдѣльныхъ лицъ или отрядовъ, которые взяли ихъ въ плѣнъ»; всѣ принадлежащія имъ вещи, за исключеніемъ оружія, лошадей и военныхъ бумагъ, остаются ихъ собственностью. Содержаніе, помѣщеніе и пища военноплѣнныхъ должны соотвѣтствовать тому, что̀ получаютъ собственныя войска. Общества для оказанія помощи и пособія военноплѣннымъ, учрежденныя въ согласіи съ законами страны, пользуются со стороны воюющихъ и ихъ агентовъ «всевозможными льго-

тами для надлежащаго выполненія своей гуманной задачи», въ предѣлахъ условій и требованій военной необходимости. Агенты этихъ обществъ допускаются въ мѣста заключенія военноплѣнныхъ для раздачи имъ пособій, съ особаго разрѣшенія военныхъ властей. Право воюющихъ причинять вредъ непріятелю подвергается извѣстнымъ ограниченіямъ. Въ дополненіе къ запрещеніямъ, установленнымъ спеціальными конвенціями, объявляется недозволеннымъ употреблять ядовитыя вещества и отравленное оружіе, примѣнять способы, разсчитанные на причиненіе излишнихъ мученій, разрушать или захватывать имущество врага, если такое разрушеніе или захватъ не требуются повелительно военными соображеніями. Запрещается также «объявлять уничтоженными, пріостановленными или недопустимыми въ судѣ какія-либо права и исковыя требованія подданныхъ враждебной стороны». Не дозволяется «атака или бомбардировка, какими бы то ни было способами, незащищенныхъ городовъ, селеній, жилищъ и строеній». При осадѣ или бомбардировкѣ «должны быть принимаемы всѣ необходимыя мѣры къ тому, чтобы насколько возможно пощажены были зданія, посвященныя религіи, искусству или благотворительнымъ учрежденіямъ, историческіе памятники, госпитали, помѣщенія для больныхъ и раненыхъ, отмѣченныя особыми внѣшними знаками, о которыхъ заранѣе доведено до свѣдѣнія противника». Запрещено «грабить города или мѣстности, даже если они взяты приступомъ». Войска въ занятыхъ областяхъ должны уважать «права и честь семействъ, религіозныя убѣжденія, обряды и обычаи населенія»; частная собственность не подлежитъ конфискаціи. Налоги въ занятомъ краѣ взимаются по установленному порядку и въ прежнихъ размѣрахъ, съ обязательствомъ употреблять ихъ на расходы управленія; добавочные сборы и денежныя контрибуціи могутъ быть назначаемы только на нужды арміи или администраціи занятой территоріи. Никакое общее взысканіе, денежное или иное «не можетъ быть налагаемо на населеніе въ возмездіе за индивидуальные акты, за которые жители не отвѣтственны ни лично, ни коллективно». Оккупирующее государство разсматривается лишь «какъ администраторъ и пользовладѣлецъ публичныхъ зданій, недвижимыхъ имуществъ, лѣсовъ и сельскохозяйственныхъ имѣній, принадлежащихъ враждебному государству и расположенныхъ въ занятой странѣ»; оно обязано «сохранять капиталъ этихъ имуществъ и управлять ими въ согласіи съ правилами временнаго пользованія». Собственность городскихъ и общественныхъ управленій, религіозныхъ, благотворительныхъ, воспитательныхъ, научныхъ и художественныхъ учрежденій, «пользуется правами частныхъ имуществъ, даже когда она принадлежитъ государству»; всякое умыш-

ленное повреждениіе институтовъ указанной категоріи, памятниковъ и предметовъ искусства безусловно возбраняется и влечетъ за собою законную отвѣтственность. Вообще, право войны обставлено здѣсь ограничительными нормами, въ силу которыхъ вооруженное столкновеніе государствъ сохраняетъ все-таки культурныя, рыцарскія черты, дѣлающія возможнымъ позднѣйшее безобидное примиреніе.

Эти правила подписаны и ратификованы Германіею и Австро-Венгріею какъ на первой Гаагской конференціи въ 1899 году, такъ и въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, въ 1907 году. Можно сказать, что важнѣйшія постановленія этого международнаго акта грубѣйшимъ образомъ, систематически и послѣдовательно уничтожаются на практикѣ обѣими центральными имперіями. Открытый грабежъ, захватъ и присвоеніе частной собственности, безцѣльное разрушеніе непріятельскихъ имуществъ, сознательная бомбардировка историческихъ храмовъ, памятниковъ и частныхъ зданій, суровыя карательныя мѣры противъ цѣлыхъ городовъ и общинъ за случайныя враждебныя дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, жестокое и оскорбительное обращеніе съ военноплѣнными, произвольное наложеніе непомѣрныхъ контрибуцій, часто избіеніе безоружныхъ и добиваніе раненыхъ,—все это безпрепятственно практикуется Германіею, какъ будто такъ именно постановлено подписанною ею конвенціею. Очевидно, въ 1907 году германское правительство могло отлично знать, будетъ ли оно руководствоваться предположенными правилами въ случаѣ войны или нѣтъ, и оно не имѣло никакой надобности подписывать или ратификовать конвенцію, если бы считало почему-либо неудобнымъ соблюдать ее. Теперь же, при данныхъ условіяхъ, выходитъ какое-то безцѣльное издѣвательство, смыслъ котораго остается загадочнымъ.

Нарушая формально принятыя на себя обязательства относительно правилъ сухопутной и морской войны, Германія въ то же время требуетъ строгаго соблюденія своихъ правъ и интересовъ со стороны нейтральныхъ государствъ, при чемъ ссылается на принципы, даже не признаваемые вовсе современнымъ международнымъ правомъ. Съ одной стороны, вопреки элементарнымъ началамъ не только международнаго права, но и простого здраваго смысла, Германія топитъ безъ разбора торговые и пассажирскіе нейтральные пароходы, направляющіеся въ Англію, а съ другой стороны—она же претендуетъ на то, чтобы нейтральныя правительства запрещали и преслѣдовали вывозъ контрабанды въ непріязненныя нѣмцамъ страны, хотя такого обязательства и не существуетъ. Въ конвенціи о правахъ нейтральныхъ на сушѣ, отъ 18 октября 1907 года, сказано, что «нейтральное государство не обязано препятствовать вывозу

или перевозкѣ оружія, боевыхъ снарядовъ и вообще предметовъ снаряженія арміи и флота въ пользу той или другой изъ воюющихъ сторонъ». То же самое повторено въ конвенціи о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ на морѣ (ст. 7). Обѣ конвенціи подписаны и ратификованы Германіею и Австро-Венгріею сравнительно недавно, 27 ноября 1908 года, и тѣмъ не менѣе приведенное правило совершенно игнорируется въ разгорѣвшейся германской полемикѣ съ Соединенными Штатами. Берлинскій кабинетъ въ своихъ дипломатическихъ нотахъ упорно возлагаетъ на Америку обязанность не допускать вывоза и транзита оружія и боевыхъ снарядовъ въ Англію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ малѣйшаго къ тому основанія, отстаиваетъ свое мнимое право уничтожать подводными лодками всякаго рода частные корабли, независимо отъ подозрѣнія ихъ въ провозѣ контрабанды и не принимая мѣръ къ спасенію ихъ экипажа. Жалуясь на несоблюденіе нейтралитета американцами, Германія ссылается на международное право, а оправдывая и защищая возмутительныя дѣйствія подводныхъ лодокъ, она старается доказать, что политическая необходимость выше права, что германскій народъ вынужденъ бороться за существованіе и не имѣетъ возможности быть разборчивымъ въ средствахъ нападенія и защиты. Отрицая несомнѣнное, всѣми признанное право въ одномъ случаѣ и опираясь на искусственно придуманное право въ другомъ, Германія ставитъ себя въ крайне странное, двусмысленное положеніе относительно нейтральныхъ націй и подрываетъ почву какого бы то ни было международнаго права въ будущемъ.

Это непримиримое внутреннее противорѣчіе въ международномъ поведеніи Германіи объясняется двойственнымъ характеромъ ея правительства, выступающимъ особенно ярко за послѣдніе годы. Нѣмецкая дипломатія, съ имперскомъ канцлеромъ во главѣ, заключала международные договоры, подписывала и ратификовала гаагскія конвенціи и деклараціи, а высшая военная власть, въ лицѣ всесильныхъ руководителей генеральнаго штаба, откровенно отвергала эти международные акты или не придавала имъ никакого значенія, устанавливая свое особое международное право, заключающееся въ отрицаніи всякаго права, кромѣ права военной силы или такъ называемой военной необходимости. Императоръ Вильгельмъ II, какъ гражданскій правитель, утверждалъ и подписывалъ международныя соглашенія, выработанныя совмѣстно съ другими державами и одобренныя его штатскими министрами и дипломатами, но какъ верховный вождь арміи и флота, вполнѣ солидарный съ своими генералами и полководцами, онъ считаетъ для себя обязательнымъ раздѣлять идеи и стремленія всемогущаго военнаго вѣдомства. Дипломатія и международное право

отбрасываются въ сторону; правила сухопутной войны вырабатываются и примѣняются генеральнымъ штабомъ и отдѣльными главнокомандующими германскихъ армій, независимо отъ принятыхъ Европою и самой Германіею международныхъ нормъ; правила морской войны создаются адмираломъ фонъ-Тирпицемъ, не обращая вниманія на существующіе договоры и на мнѣнія своего же штатскаго канцлера Бетманъ-Гольвега. Мы присутствуемъ, такимъ образомъ, при любопытномъ и поучительномъ явленіи: милитаризмъ, доведенной до извѣстной степени развитія и господства, уничтожаетъ всякое право и подрываетъ самыя основы культурнаго существованія народовъ. Въ этомъ и заключается серьезнѣйшая опасность нынѣшняго состоянія оффиціальной Германіи для будущности всей Европы.

Л. Слонимскій.

ПАМЯТИ М. Л. МИХАЙЛОВА.

3 августа 1865 года въ д. Кадаѣ, Нерчинскаго округа умеръ каторжникомъ Михаилъ Ларіоновичъ Михайловъ, извѣстный писатель пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годовъ. Арестованный 14 сентября 1861 г., онъ былъ судимъ сенатомъ за распространеніе прокламаціи «къ молодому поколѣнію» и приговоренъ 23 ноября къ ссылкѣ въ каторжныя работы на шесть лѣтъ (приговоромъ сената, смягченнымъ государемъ, на двѣнадцать съ половиною лѣтъ). 14 декабря на площади предъ Сытнымъ рынкомъ на Петербургской сторонѣ была совершена надъ Михайловымъ церемонія объявленія приговора и лишенія дворянства у позорнаго столба, повторенная вскорѣ надъ Обручевымъ и Чернышевскимъ, и на другой день онъ въ кандалахъ былъ отправленъ въ Сибирь.

Процессъ Михайлова былъ первымъ политическимъ процессомъ въ царствованіе Александра II и произвелъ огромное впечатлѣніе въ обществѣ. Михайловъ открылъ собою безконечный мартирологъ русскаго освободительнаго движенія.

Главнымъ авторомъ воззванія «Къ молодому поколѣнію» Михайловъ не былъ; онъ лишь принималъ участіе въ его составленіи. Во время процесса онъ ни намекомъ не указалъ на это, хотя настаивалъ, что ему принадлежала въ прокламаціи лишь та часть, въ которой говорилось о противоположностяхъ соціально-политическаго развитія на западѣ и въ Россіи. Онъ отпра-

вился печатать воззваніе въ типографіи Герцена,—вопреки совѣтамъ послѣдняго—и привезъ его въ Россію. Съ исторической точки зрѣнія, оно очень характерно для ранней полосы русскаго политическаго движенія.

Михайловъ повторяетъ здѣсь очень близко мысль Герцена, въ то время еще почти безусловнаго авторитета для зарождающихся радикальныхъ и соціалистически-окрашенныхъ кружковъ. «Кто можетъ утверждать,—читаемъ въ воззваніи:—что мы должны идти путемъ Европы, путемъ какой-нибудь Саксоніи или Англіи, или Франціи?.. Въ нашей жизни лежатъ начала, вовсе неизвѣстныя европейцамъ. Нѣмцы увѣряютъ, что мы придемъ къ тому же, къ чему пришла Европа. Это ложь. Мы можемъ, точно, придти, если надѣнемъ на себя петлю европейскихъ учрежденій и ея экономическихъ порядковъ; но мы можемъ придти и къ другому, если разовьемъ тѣ начала, какія живутъ въ народѣ... А недоволенъ народъ (реформой 19 февраля) потому, что онъ не можетъ представить себя безъ земельной собственности, онъ не можетъ представить себя внѣ земледѣльческой общины. Ему нужно равенство правъ и владѣній; онъ не вѣритъ и не хочетъ вѣрить въ законность такого порядка, по которому у 30 милліоновъ крестьянъ есть своя земельная собственность, а у остальныхъ 23 милліоновъ земля чужая, принадлежащая какой-нибудь сотнѣ тысячъ владѣльцевъ... Въ Европѣ сидятъ еще и до сихъ поръ остатки феодальнаго права; а мы его не знали и не знаемъ... Мы —народъ запоздалый и въ этомъ наше спасеніе. Мы должны благословить судьбу, что не жили жизнью Европы. Ея несчастіе, ея безвыходное положеніе—урокъ для насъ. Мы не хотимъ ея пролетаріата, ея аристократизма, ея государственнаго начала... Мы поняли, что имѣемъ полнѣйшую возможность избѣгнуть жалкой участи Европы настоящаго времени... Мы вѣримъ въ свои свѣжія силы; мы вѣримъ, что призваны внести въ исторію новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы».

Эти идеи были у насъ въ теченіе полувѣка предметомъ страстнаго увлеченія и горячихъ споровъ, затихшихъ только къ нашимъ днямъ. Въ то время онѣ увлекали, какъ всякая новая отвлеченная идея, вносящая стройность и высшую моральиую цѣль въ еще не изученную и неопредѣленную въ своемъ развитіи дѣйствительность.

Михайлову и его соавторамъ также принадлежала и была страстно развита и другая мысль, столь же характерная для эпохи. Орудіемъ, если не осуществленія мессіанистической идеи, то орудіемъ созданія новой Россіи, идущей къ этому идеалу, должно было явиться, какъ особая движущая сила—«молодое поколѣніе». Обра-

щаясь къ молодежи, и преимущественно къ ней предо всѣми другими частями общества, воззваніе говорило: «только въ васъ мы видимъ людей, способныхъ пожертвовать личными интересами благу всей страны. Мы обращаемся къ вамъ потому, что считаемъ васъ людьми болѣе всего способными спасти Россію; вы—настоящая ея сила, вы вожаки народа»... «Надежду Россіи составляетъ народная партія изъ молодого поколѣнія всѣхъ сословій»...

Представленіе о возможной самостоятельной политической роли молодого поколѣнія, какъ таковаго, досталось намъ подобно множеству ходячихъ политическихъ представленій съ Запада, гдѣ какъ, извѣстно, вплоть до пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годовъ выступленія молодежи верхнихъ общественныхъ слоевъ были замѣтнымъ явленіемъ. Такъ, и у насъ молодежь, или точнѣе—учащаяся молодежь университетскихъ центровъ, вплоть до революціи 1905 года, была постоянно первою выразительницею происходившаго въ странѣ общественно-политическаго броженія. Неудивительно, что эта роль въ наши шестидесятые годы была такъ преувеличена въ общественномъ сознаніи. Воззваніе Михайлова формулировало это ходячее представленіе ярко и сильно и было, конечно, принято этою же молодежью съ восторгомъ. И если теперь наивно звучатъ и вѣра въ соціалистическую народную Россію, и упованія и надежды на «молодое поколѣніе», какъ будто освобожденіе и перестрой Россіи могли быть дѣломъ короткаго промежутка времени, а не рядовъ поколѣній, то въ тѣ годы и вѣрилось легко вѣры въ и искренно, и Михайловъ былъ одной изъ первыхъ жертвъ этой будущее, въ легкость переворота.

Тотъ возвышенный свободолюбивый идеализмъ, которымъ дышало воззваніе «къ молодому поколѣнію», проникаетъ собою и литературную дѣятельность Михайлова; она связана тѣсно съ литературными впечатлѣніями еще сороковыхъ годовъ, времени зарожденія всяческаго общественно-политическаго и литературнаго идеализма, и до недавняго времени была почти совершенно забыта. Расправа съ Михайловымъ очень прискорбно отразилась на судьбѣ его литературнаго наслѣдства. Попытки изданія его сочиненій, въ свое время напечатанныхъ подъ строгой цензурой пятидесятыхъ годовъ, кончались уничтоженіемъ напечатаннаго. Изъ хрестоматіи Гербеля была вырѣзана краткая біографія Михайлова и его стихотворенія. Стихотворенія его перепечатывались подъ иниціалами или звѣздочками. Только въ 1890-хъ годахъ удалось перепечатать сборникъ его стихотворныхъ переводовъ и нѣсколько беллетристическихъ произведеній. Еще въ 1904 году, при перепечаткѣ книги М. К. Лемке «Эпоха цензурныхъ реформъ», задержанной

главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, была исключена фраза въ хроникѣ 1861 года: «14-го декабря Михайловъ сосланъ на каторгу». Всѣ доводы автора противъ ея исключенія были отвергнуты самимъ начальникомъ управленія, бывшимъ профессоромъ Н. А. Звѣревымъ. Только въ 1906 г. въ «Быломъ» былъ разсказанъ тѣмъ же г. Лемке по подлинному дѣлу процессъ Михайлова. Собраніе сочиненій Михайлова стало выходить лишь съ 1913 г. (въ изданіи т-ва Марксъ «Нива», подъ редакціей П. В. Быкова).

Знакомясь теперь съ литературнымъ наслѣдствомъ Михайлова, въ политическомъ смыслѣ, конечно, очень невиннымъ, съ грустью видишь, какъ безпощадное время обезцвѣтило и изсушило плоды его творчества, когда-то живые и цвѣтущіе. Если бы книги Михайлова насильственно не были изъяты изъ обращенія, онѣ могли бы долго еще читаться, и въ шестидесятые—и въ семидесятые годы. На всемъ имъ написанномъ лежитъ печать, если не крупнаго таланта, то дарованія, весьма симпатичнаго и чуткаго къ лучшимъ настроеніямъ и движенію времени, печать искренности, наблюдательности, вдумчивой мысли, тревожной и неуспокоивающейся, живого увлеченія и часто очень привлекательнаго юмора и ироніи.

Больше всего устарѣла, конечно, публицистика Михайлова. Въ концѣ литературной карьеры его, въ особенности заставили говорить о себѣ статьи его о женскомъ вопросѣ въ «Современникѣ». Написаны онѣ были подъ вліяніемъ извѣстной Л. П. Шелгуновой, жены Н. В. Шелгунова. По отзыву послѣдняго, статьи произвели впечатлѣніе чего-то въ родѣ «землетрясенія». Но прежде чѣмъ стать публицистомъ, Михайловъ былъ беллетристомъ, и еще раньше поэтомъ.

Беллетристика его также читается теперь не безъ принужденія. Въ ней чувствуется знатокъ давней провинціальной жизни (дѣтство и молодость Михайлова прошли въ провинціи, частью на службѣ мелкимъ чиновникомъ,—четыре года службы въ Нижнемъ-Новгородѣ въ соляномъ управленіи). Повѣсти и разсказы Михайлова въ свое время читались охотно и, конечно, не безъ пользы, въ тѣ годы, когда только беллетристика могла касаться живыхъ жизненныхъ темъ. Но темы Михайлова—нравственная скудость провинціальнаго общества, злая судьба людей, чѣмъ-либо отличающихся отъ общаго уровня или стремящихся подняться выше его,—принадлежатъ къ числу быстро исчерпанныхъ бытовой беллетристикою, «натуральною школою». Лучшей вещью Михайлова по справедливости считается «Адамъ Адамычъ», очень тепло написанная повѣсть о чудакѣ-нѣмцѣ, гувернерѣ и учителѣ, поклонникѣ литературы и мечтателѣ, высмѣянномъ въ провинціальномъ городкѣ и кончившемъ

запоемъ. Въ лицѣ его Михайловъ описывалъ собственнаго учителя, посвятившаго его въ нѣмецкую литературу. Эта повѣсть появилась въ сентябрской и октябрской книжкахъ «Москвитянина» 1851 г. Она могла быть извѣстна Льву Толстому, и невольно напрашивается сопоставленіе «Адама Адамыча» съ Карломъ Ивановичемъ толстовскаго «Дѣтства», которое появилось вскорѣ.—Замѣченъ былъ въ свое время и романъ Михайлова: «Перелетныя птицы», изъ жизни провинціальнаго актерства, среда котораго до того почти не затрагивалась въ литературѣ.—Но обѣ эти лучшихъ вещи Михайлова кажутся теперь и старомодными, и растянутыми.

Несравненно болѣе прочная извѣстность выпала на долю Михайлова, какъ поэта-переводчика, и она дѣйствительно заслужена. Довольно свободно владѣя стихомъ, онъ переводилъ только то, что̀ соотвѣтствовало его идеалистическимъ настроеніямъ, что̀ пробуждало въ душѣ чувства братства и участія къ людямъ, мотивы стремленій къ свободѣ, чистую лирику любви и переплетающіеся съ нею мотивы міровой скорби и ироніи. Въ особенности Михайловъ сроднился съ Гейне и усердно знакомилъ съ нимъ русскихъ читателей. Михайлова даже называли въ нѣкоторыхъ критическихъ отзывахъ русскимъ Гейне. Какъ бы ни было, изо всего полнаго собранія сочиненій Михайлова наибольшія права на вниманіе имѣетъ, конечно, первый томъ, гдѣ собраны его многочисленные стихотворные переводы и немногія оригинальныя стихотворенія. Десятка два-три переводовъ Михайлова давно стали хрестоматическими,—а можетъ ли претендовать на большее отъ дальняго потомства любой поэтъ если онъ не первостепенный геній?

Кромѣ переводовъ изъ Гейне, ставшихъ очень популярными, между прочимъ, благодаря музыкѣ, Михайловъ далъ много переводовъ изъ Беранже, соперничая не безъ успѣха съ В. Курочкинымъ и выбирая болѣе опредѣленно пьесы съ гражданскими мотивами; онъ перевелъ громкія въ свое время «Невольничьи пѣсни» Лонгфелло (изъ знаменитаго «Excelsior!» переведено только три строфы); далъ лучшій переводъ знаменитой «Пѣсни о рубашкѣ» Томаса Гуда; нѣсколько пѣсенъ Джона Бернса (въ томъ числѣ великолѣпный «Джонъ Ячменное Зерно») и т. д. Стихъ Михайлова иногда небреженъ, но часто чрезвычайно выразителенъ, воспроизводя съ оригинальною силой подлинникъ. Общій строй его музы мужественно свѣтелъ и бодръ.

Наружностью Михайловъ былъ очень некрасивъ, лицо его выдавало монгольское происхожденіе (онъ родился въ Оренбургской губерніи, дѣдъ его былъ крѣпостнымъ, извѣстнаго по хроникѣ Сергѣя Аксакова, оренбургскаго самодура помѣщика Куроѣдова-Куроле-

сова), но обладалъ большимъ природнымъ изяществомъ. «Это некрасивое лицо,—говоритъ Шелгуновъ,—свѣтилось внутренней красотой, лучило успокаивающей кротостью и мягкостью, чѣмъ-то такимъ симпатичнымъ и женственно-привлекательнымъ, что Михайлова нельзя было не любить». Онъ погибъ сорока лѣтъ отъ роду въ полномъ расцвѣтѣ таланта. По однимъ извѣстіямъ, онъ умеръ отъ чахотки и Брайтовой болѣзни; но есть и другая, можетъ быть, болѣе вѣрная версія. Цѣлый рядъ лицъ болѣе или менѣе тяжело пострадалъ за льготы, которыя оказывались Михайлову при его водвореніи въ Сибири. Затѣмъ, Шелгуновы пытались организовать побѣгъ Михайлова, но неудачно, и Н. В. Шелгуновъ попалъ въ ссылку. Наконецъ, начальникъ нерчинскаго округа полковникъ Дейхманъ былъ разжалованъ въ рядовые за то, что Михайловъ былъ освобожденъ отъ каторжныхъ работъ. Узнавъ о карахъ, которыхъ онъ былъ невольной причиною, Михайловъ принялъ ціанистый кали и умеръ черезъ нѣсколько минутъ.

Могила его въ дальней Кадаѣ, суровой, затерянной въ горахъ, была описана много лѣтъ спустя другимъ писателемъ, также ссыльнымъ каторжаниномъ, Якубовичемъ-Мельшинымъ: въ 1894 г. на ней стоялъ крестъ изъ простой лиственницы со скромной надписью: «Михаилъ Ларіоновичъ Михайловъ. Умеръ въ 1865 г».

Ч. Вѣтринскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Годовщина объявленія войны.—Общее международное положеніе.—Рѣчь министра иностранныхъ дѣлъ въ Государственной Думѣ.—Объединеніе партій въ воюющихъ странахъ и соціалъ-демократія.—Продолженіе полемики между Германіей и Соед. Штатами.

Политическое положеніе Европы послѣ года ужасной войны представляется крайне печальнымъ. Противники Германіи не успѣли еще приступить къ исполненію своей главной задачи—сокрушенію германскаго милитаризма; они все еще обороняются отъ непріятельскаго нашествія, захватившаго чужія земли и цѣпко держащаго ихъ въ рукахъ. Германскія войска все болѣе раздвигаютъ предѣлы занимаемой ими территоріи; они основательно кормятся на чужой счетъ и могутъ съ гордостью сказать, что ни одинъ вооруженный иностранный солдатъ не находится въ ихъ отечествѣ.

Полгода тому назадъ картина была другая. Это былъ именно тотъ моментъ, когда союзная дипломатія должна была употребить все свое искусство и энергію, чтобы побудить Италію и нейтральныя балканскія государства немедленно присоединиться къ антигерманской коалиціи; свѣжія итальянскія и румынскія войска довершили бы разгромъ Австро-Венгріи, а Греція и Болгарія покончили бы съ Турціею, при чемъ значительно облегчилось бы занятіе союзниками Дарданеллъ и Босфора. Война, по всей вѣроятности, окончилась бы въ скоромъ времени, такъ какъ при увеличенномъ количествѣ враговъ и при сокращеніи силъ союзниковъ Германія не имѣла бы, повидимому, никакихъ шансовъ успѣха.

Къ сожалѣнію, дипломатія не сумѣла использовать этотъ исключительный по важности историческій моментъ; она пропустила его безплодно, отложивъ заботу о привлеченіи нейтральныхъ до будущихъ неопредѣленныхъ случайностей. А эти случайности неожиданно пошли по прямо противоположному направленію. Мы остаемся при нейтралитетѣ Румыніи, Греціи и Болгаріи, а выступленіе Италіи совпало какъ разъ съ періодомъ вынужденнаго очищенія нами Галиціи и не могло уже оказать замѣтнаго вліянія на общій ходъ событій. Неблагопріятный для насъ поворотъ еще не закончился; нейтралитетъ балканскихъ правительствъ становится все болѣе двусмысленнымъ.

Понятно, что Германія желала бы закрѣпить данное положеніе и добиться такого результата, послѣ котораго можно было бы заговорить о мирѣ. Нѣмцы чувствуютъ, что продолжать войну опасно, такъ какъ рано или поздно численный перевѣсъ окажется на сторонѣ коалиціи, которая притомъ несравненно сильнѣе въ финансовомъ отношеніи. Далеко не всѣ въ Германіи увѣрены въ прочности достигнутыхъ успѣховъ; многіе опасаются такого поворота судьбы, какой выпалъ на нашу долю послѣ блестящаго занятія Перемышля. Въ нѣмецкой печати высказывается жажда скорѣйшаго мира; соціалъ-демократія, въ лицѣ своихъ болѣе умѣренныхъ вождей, стоитъ за прекращеніе войны, съ отказомъ отъ всякихъ завоеваній. Въ то же время нѣмцы отлично понимаютъ, что со стороны противниковъ не можетъ быть и рѣчи о мирѣ и что не предвидится еще конца войны. Это сознаніе отравляетъ радость германцевъ и заставляетъ ихъ задумываться надъ перспективами будущаго. Въ годовщину войны, 2 августа (19 іюня), императоръ Вильгельмъ II издалъ манифестъ, написанный въ необычномъ для него сдержанномъ и какъ бы примирительномъ тонѣ. «Неслыханно кровавые дни—говоритъ онъ—наступили въ Европѣ. Моя совѣсть чиста передъ Богомъ и исторіей.

Я не желалъ войны, и Германія воюетъ не изъ жажды завоеваній. Мы ведемъ оборонительную войну для защиты нашего національнаго существованія». Конечно, нѣтъ ни слова правды въ этихъ заявленіяхъ. Если бы Вильгельмъ II не хотѣлъ войны, то ея и не было бы; онъ удержалъ бы Австро-Венгрію отъ нападенія на Сербію и этимъ избавилъ бы Россію отъ неизбѣжнаго вмѣшательства. Смѣшно утверждать, что русское заступничество за Сербію угрожало безопасности и національному существованію Германіи. Но одно уже то, что послѣ года войны германскій императоръ вновь старается снять съ себя отвѣтственность за «наступленіе неслыханно кровавыхъ дней», доказываетъ внутреннее недовольство страны и правительства совершившимися до сихъ поръ событіями. Положеніе, кажущееся по внѣшности блестящимъ, скрываетъ въ себѣ зародыши будущихъ тяжкихъ испытаній, къ которымъ должны готовиться нѣмцы, пока продолжается война. Ожиданіе возможныхъ перемѣнъ не позволяетъ второстепеннымъ нейтральнымъ государствамъ подчиниться соблазнительнымъ доводамъ германской дипломатіи: Румынія, Болгарія и Греція, быть можетъ, внимательнѣе прежняго прислушиваются къ предложеніямъ и комбинаціямъ Берлина, но все-таки формально сохраняютъ нейтралитетъ.

Международныя отношенія Россіи потерпѣли нѣкоторый ущербъ, и это замѣтно отразилось на содержаніи рѣчи нашего министра иностранныхъ дѣлъ въ засѣданіи Государственной Думы 19 іюля. Министръ прежде всего подчеркнулъ тѣсную связь Россіи съ ея союзниками: по его словамъ, «сложное дѣло согласованія дѣятельности отдѣльныхъ государствъ прочно налажено, и силы каждаго изъ нихъ наилучшимъ образомъ использованы для достиженія одной общей имъ цѣли». Упомянувъ о присоединеніи Италіи къ коалиціи, С. Д. Сазоновъ продолжалъ: «Если бы примѣру Италіи послѣдовали и другія державы, то это, конечно, способствовало бы скорѣйшему окончанію войны и сокращенію кровопролитія и такимъ образомъ приблизило бы время, когда воюющіе народы были бы въ состояніи вернуться къ мирной созидательной работѣ. Но часъ для соотвѣтствующихъ рѣшеній пока еще не упущенъ, и можно надѣяться, что этимъ воспользуются тѣ изъ невоюющихъ, которымъ иначе не разрѣшить стоящихъ передъ ними національныхъ задачъ». Къ сожалѣнію, Румынія, Болгарія и Греція, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, вовсе не заинтересованы въ скорѣйшемъ окончаніи войны и считаютъ рискованнымъ выступить противъ Германіи въ періодъ ея военныхъ успѣховъ, онѣ предпочитаютъ держаться ближе къ сильнѣйшей сторонѣ или къ той, которая въ данный моментъ кажется сильнѣе. Убѣждать правительства этихъ небольшихъ государствъ,

что они поступаютъ нехорошо, руководствуясь только своими реальными выгодами, было бы безполезно. Министръ говорилъ затѣмъ, безъ особенной системы, о нейтралитетѣ Швеціи, о настроеніи Соединенныхъ Штатовъ, о дѣйствіяхъ союзниковъ, которые въ Дарданеллахъ «съ непоколебимымъ упорствомъ постепенно приближаютъ насъ къ желанному моменту установленія близкой и прямой связи между нами и ими»,—затѣмъ о турецкихъ звѣрствахъ надъ армянами, о насиліяхъ надъ малоазіатскими греками, при чемъ Греціи придется «рѣшить роковой вопросъ, возможно ли для нея помочь соплеменникамъ, не присоединившись къ державамъ, борющимся за право и свободу». Далѣе, отмѣчается «давленіе, которое приходится выносить Румыніи отъ австро-германскихъ агентовъ; несмотря на всѣ ихъ усилія, румынское правительство не поддается соблазну, и мы продолжаемъ поддерживать съ нимъ дружественную связь, укрѣпленіе и развитіе которой составляетъ предметъ обоюдныхъ заботъ». Относительно Персіи высказывается мысль, что если наши усилія умиротворить страну окажутся тщетными, то «намъ придется прибѣгнуть къ инымъ болѣе рѣшительнымъ способамъ воздѣйствія». Заговоривъ о Японіи, министръ обратилъ вниманіе на то, что «въ послѣднее время японская печать обсуждаетъ вопросъ о желательности тѣснаго политическаго единенія между Россіей и Японіей; эта мысль нашла себѣ сочувственный откликъ и въ нашей печати». И въ самомъ дѣлѣ «борьба съ общимъ врагомъ и весьма существенныя услуги, которыя Японія оказала намъ и нашимъ союзникамъ въ этой борьбѣ, не могли не повліять на правительства державъ тройственнаго согласія и на ихъ общественное мнѣніе, создавая ту атмосферу, въ которой выковываются прочныя политическія связи между народами». Министръ предвидитъ, что «нынѣшнія наши фактически союзныя отношенія съ Японіей должны явиться преддверіемъ еще болѣе тѣснаго единенія». Что касается Китая, то переговоры его съ японскимъ правительствомъ, приведшіе къ соглашенію 12 мая, не могли нарушить русскіе интересы, въ виду довѣрчивыхъ нашихъ отношеній съ обѣими державами, и это довѣріе дозволило намъ спокойно слѣдить за ходомъ этихъ переговоровъ «даже въ минуты ихъ обостренія». Наконецъ, съ Китаемъ заключено окончательное соглашеніе относительно автономіи внѣшней Монголіи.

С. Д. Сазоновъ закончилъ свою рѣчь словами: «Могу съ полной увѣренностью заявить, что правительство, въ единодушіи съ общественнымъ мнѣніемъ, не допускаетъ мысли о заключеніи мира до окончательнаго одолѣнія врага. Наши вѣрные союзники одушевлены въ этомъ отношеніи тою-же непоколебимою рѣшительностью.

Наконецъ, есть требованія, которыя и не зависятъ отъ нашей воли и создаются стихійно подъ вліяніемъ историческаго хода событій. Мы не можемъ съ ними не считаться. Навязанная намъ годъ тому назадъ война выдвинула и властно предуказала намъ такія задачи, которыя еще въ іюлѣ 1914 года были только отдаленною мечтою. Эти задачи, которыя теперь намъ всѣмъ дотого ясны, что я считаю излишнимъ останавливаться на болѣе точномъ ихъ опредѣленіи, требуютъ отъ насъ сугубаго напряженія всѣхъ силъ, ибо мы обязаны передъ Россіей ихъ осуществить. Мы не въ правѣ отъ нихъ отказаться. Поэтому, каковы бы ни были временно ниспосланныя намъ испытанія, мы должны остаться непреклонными въ рѣшеніи бороться до побѣды надъ врагомъ. Для этого сохранимъ непоколебимую твердую вѣру въ конечное торжество нашего праваго дѣла».

Нельзя сказать, чтобы рѣчь министра иностранныхъ дѣлъ отличалась на этотъ разъ достаточною опредѣленностью. Многіе важные вопросы затронуты слегка, въ видѣ намековъ и предположеній; о задачахъ нашихъ на Босфорѣ и въ Константинополѣ говорится какъ о чемъ-то совершенно ясномъ и общедоступномъ, не требующемъ никакихъ разъясненій; но пока надъ этими задачами трудятся наши союзники, и не видно еще, какая роль выпадетъ въ этомъ отношеніи на нашу долю. Изъ словъ министра нельзя заключить, что по этому вопросу состоялось уже какое-нибудь соглашеніе.

Единеніе между властью и народомъ, между правящей бюрократіей и живыми общественными силами, между прогрессивными и реакціонными политическими партіями, составляетъ въ послѣднее время излюбленную тему газетныхъ статей, оффиціозныхъ и оффиціальныхъ заявленій и воззваній. Образчики подлиннаго единенія мы видимъ въ другихъ странахъ. Въ Англіи недавно происходила крупная забастовка въ каменноугольномъ районѣ Кардифа, въ южномъ Уэльсѣ; рабочіе требовали повышенія платы на двадцать процентовъ въ виду значительнаго увеличенія цѣнъ на уголь и соотвѣтственнаго увеличенія доходовъ владѣльцевъ, при возрастающей дороговизнѣ жизни для бѣднаго класса. Нѣкоторыя газеты возмущались прекращеніемъ работъ въ военное время и совѣтовали правительству принять крутыя мѣры противъ рабочихъ, согласно новому закону объ изготовленіи военныхъ снарядовъ; высказывались даже догадки, что забастовка подстроена нѣмцами,—ибо считается вполнѣ естественнымъ, что во время войны богатѣютъ крупные промышленники, владѣльцы заводовъ, рудниковъ и копей, фабриканты, подрядчики и комиссіонеры, а притязаніе рабочихъ на небольшую долю

участія въ этихъ прибыляхъ разсматривается уже какъ нѣчто незаконное и опасное. Правительство не послушалось совѣтовъ промышленныхъ хозяевъ, а обратилось непосредственно къ представителямъ рабочихъ организацій для выясненія ихъ требованій—и тотчасъ же оказалось, что рабочіе дѣйствительно вынуждены настаивать на возвышеніи заработной платы соотвѣтственно измѣнившимся условіяхъ рынка и громадному приросту доходовъ капиталистовъ. Министръ торговли Ренсиманъ имѣлъ много совѣщаній съ владѣльцами копей и съ вождями рабочихъ, но не могъ добиться какого-нибудь компромисса; до двухсотъ тысячъ человѣкъ участвовали въ забастовкѣ. За дѣло взялся самый талантливый и энергичный изъ британскихъ министровъ, Ллойдъ-Джорджъ; онъ отправился въ Кардифъ вмѣстѣ съ Ренсиманомъ и новымъ министромъ, соціалистомъ Гендерсономъ, бесѣдовалъ съ вождями рабочихъ, поднялъ ихъ настроеніе своими рѣчами, созвалъ новую конференцію рабочихъ делегатовъ и достигъ желаннаго результата. Конференція изъ 343 делегатовъ, представлявшихъ собою 141, 346 членовъ каменноугольной федераціи, почти единогласно постановила принять новыя предложенія правительства. Удовлетворенные въ своихъ насущныхъ матеріальныхъ требованіяхъ, рабочіе горячо привѣтствовали и благодарили министровъ, произносили патріотическія рѣчи и выражали рѣшимость употребить съ своей стороны всѣ усилія для обезпеченія полнаго успѣха войны.

Забастовка продолжалась только одну недѣлю, но она стоила хозяевамъ и рабочимъ не менѣе $1^1/_2$ милліона фунтовъ стерлинговъ или 15 милліоновъ рублей; одни рабочіе потеряли болѣе милліона рублей, а на такія потери люди рѣшаются только подъ вліяніемъ очень серьезныхъ и сильныхъ побужденій. Прямыя довѣрчивыя отношенія между представителями государственной власти и рабочими сразу устранили всякія ядовитыя подозрѣнія и обвиненія, которыя обыкновенно такъ легко пускаются въ ходъ извѣстными органами печати.

Единеніе партій съ правительствомъ въ Англіи и Франціи выражается не только въ томъ, что члены крайней лѣвой входятъ въ составъ министерства, но и въ томъ, что масса радикально настроенныхъ рабочихъ раздѣляетъ цѣли и стремленія власти, сочувствуетъ имъ и желаетъ имъ полнаго практическаго успѣха. Національный совѣтъ объединенной французской соціалистической партіи имѣлъ торжественное засѣданіе (14 іюля), на которомъ присутствовали и соціалисты, состоящіе министрами. Принятая совѣтомъ резолюція напоминаетъ, что французскіе соціалисты съ самаго начала кризиса, приведшаго къ войнѣ, предлагали правительству употре-

бить всѣ усилія для мирнаго разрѣшенія конфликта; тогда же австрійскій отдѣлъ международной рабочей партіи рѣзко высказался противъ вызывающихъ мѣръ Австро-Венгріи; въ то же время сознательный германскій пролетаріатъ, «во имя человѣчности и цивилизаціи, формулировалъ горячій протестъ противъ преступныхъ интригъ устроителей войны» и настойчиво предлагалъ германскому правительству воспользоваться своимъ вліяніемъ на Австро-Венгрію для сохраненія мира, а если нельзя избѣжать войны, то не вмѣшиваться въ распрю, ибо «ни одна капля крови германскаго солдата не должна быть пролита для удовлетворенія честолюбія австрійскихъ правителей и корыстныхъ разсчетовъ имперіализма». Послѣ нѣкотораго затемнѣнія принциповъ нѣмецкой соціалъ-демократической партіи въ первые мѣсяцы войны они вновь возрождаются въ протестахъ Либкнехта, Клары Цеткиной, Розы Люксенбургъ, Меринга, къ которымъ присоединяются авторитетные голоса Гаазе, Бернштейна, Каутскаго, и манифестація такъ называемыхъ 200 чиновниковъ, численность которыхъ дошла уже до тысячи. Ссылаясь на плодотворную внутреннюю работу въ средѣ германскихъ соціалъ-демократовъ, французскіе соціалисты подробно устанавливаютъ тѣ условія, при которыхъ они могли бы согласиться на заключеніе мира. Мирное существованіе равноправныхъ и независимыхъ народовъ должно быть построено на новыхъ началахъ, съ устраненіемъ всякихъ притязаній имперіализма; для достиженія этой цѣли необходимо побѣдить Германію во что бы то ни стало, и во имя этой цѣли французскіе соціалисты будутъ самоотверженно бороться до конца. Партія выработала даже практическую программу возможно болѣе обширнаго непосредственнаго участія рабочаго класса въ организаціи необходимыхъ условій побѣды.

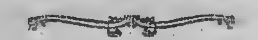
Составители этой резолюціи, какъ и всѣ солидарные съ ними французскіе соціалисты, — въ томъ числѣ и соціалисты, состоящіе министрами,—не нуждаются, очевидно, въ признаніи своего единенія съ правительствомъ и страною. Единеніе это—взаимное, основанное на одинаковыхъ чувствахъ и идеяхъ, на одинаковомъ сознаніи національнаго и гражданскаго долга. Соціалистъ становится тутъ на точку зрѣнія политическаго дѣятеля и разсуждаетъ какъ министръ, а министръ и политическій дѣятель можетъ вполнѣ сознавать себя членомъ соціалистической партіи, безъ ущерба для своего авторитета и престижа. Такой порядокъ вещей и идей существуетъ во Франціи, какъ и въ Англіи,—ибо и тамъ, и тутъ общіе интересы націи «превыше всего».

Дипломатическій споръ между Соединенными Штатами и Германіею дошелъ, кажется, до такой точки, что дальнѣйшее продолженіе его становится безцѣльнымъ. Въ полемику вмѣшалась Австро-Венгрія, которая въ нотѣ, переданной 1 (14) іюля американскому послу въ Вѣнѣ, предъявила самостоятельный протестъ противъ вывоза военныхъ матеріаловъ изъ Америки въ Англію и Италію. «Нейтральное государство—говорится въ нотѣ—не можетъ позволить свободную торговлю предметами военной контрабанды, если эта торговля принимаетъ такой характеръ и такіе размѣры, что нейтралитетъ страны подвергается опасности. Соединенные Штаты, безъ сомнѣнія, имѣютъ право запретить этотъ вывозъ. Что касается возможнаго возраженія, что американская промышленность готова снабжать своими продуктами и Австро-Венгрію и Германію, но не можетъ сдѣлать это въ силу военныхъ обстоятельствъ, то правительство Соединенныхъ Штатовъ легко могло бы помочь дѣлу: достаточно было бы только заявить врагамъ Австро-Венгріи и Германіи, что вывозъ съѣстныхъ припасовъ и военныхъ матеріаловъ будетъ прекращенъ, если не будетъ возстановлена свобода торговли тѣми же предметами между Америкою и нейтральными странами». Ссылаясь на старинную дружбу между обѣими державами, вѣнскій кабинетъ проситъ внимательно разсмотрѣть доводы, изложенные въ его нотѣ. Австрійская дипломатія старается такимъ образомъ перенести споръ на почву обсужденія извѣстныхъ вопросовъ международнаго права, сознательно замалчивая сущность конфликта, вызваннаго разбойничьею германскою практикою подводныхъ лодокъ. Топить ни въ чемъ неповинныхъ американскихъ гражданъ, путешествующихъ на нейтральныхъ судахъ, и въ то же время требовать для Германіи и ея союзниковъ обезпеченной свободы торговыхъ сношеній съ Америкою,—это показалось ужъ слишкомъ смѣлымъ правительству Соединенныхъ Штатовъ, и оно, кажется, рѣшило оставить претенціозную австрійскую ноту безъ отвѣта.

Американское общественное мнѣніе долго не могло успокоиться послѣ удивительной германской ноты отъ 8 іюля, полученной въ отвѣтъ на рѣшительныя возраженія и протесты противъ незаконныхъ дѣйствій подводныхъ лодокъ. Въ нотѣ говорилось о разныхъ вещахъ, но только не о томъ, на что жаловались американцы,—не о массовыхъ убійствахъ американскихъ и нейтральныхъ гражданъ нѣмецкими подводными лодками. Вмѣсто отвѣта на справедливыя обвиненія, выставленныя американцами противъ Германіи, послѣдняя указываетъ на нарушенія международнаго права, допускаемыя будто бы Англіею и направленныя спеціально противъ германскихъ интересовъ, при чемъ Соединеннымъ Штатамъ предлагается убѣдить

англичанъ измѣнить ихъ военно-морскую практику, подрывающую или даже уничтожающую торговлю Германіи съ нейтральными странами и въ томъ числѣ съ Америкою. Вашингтонскій кабинетъ, въ обстоятельной нотѣ отъ 21 іюля, отклонилъ отъ себя всякіе разговоры о дѣйствіяхъ и провинностяхъ чужихъ державъ и вновь указалъ на явныя и грубыя отступленія отъ общепринятыхъ началъ международнаго права и человѣчности, практикуемыя Германіею на открытомъ морѣ. Перечисливъ всѣ незаконныя нападенія нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ на американскіе и нейтральные пароходы съ ихъ пассажирами, правительство Соединенныхъ Штатовъ категорически заявляетъ, что «повтореніе подобныхъ дѣйствій со стороны командировъ германскихъ военныхъ судовъ въ ущербъ американскимъ гражданамъ будетъ разсматриваться какъ умышленно враждебный актъ».

Споръ остановился на этомъ пунктѣ, и дальше могутъ послѣдовать только активныя мѣры національной обороны. Такъ поняли ноту и въ Берлинѣ и потому рѣшили прекратить полемику, не измѣнивъ однако террористической системы, усвоенной германскимъ адмиралтействомъ. Дальнѣйшія отношенія между Германіею и Соединенными Штатами зависятъ теперь отъ случайностей, которыя предвидѣть трудно.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Ушедшіе и пришедшіе министры.—Можетъ ли министерство считаться обновленнымъ?—„Правые" въ Госуд. Думѣ и Госуд. Совѣтѣ.—Вопросы національный и конституціонный въ формулѣ перехода, принятой Думою.—Значеніе рѣчей, произнесенныхъ въ засѣданіяхъ 19-го и 20-го іюля.—Выборы предсѣдателей думскихъ коммиссій.—Необходимость длительной законодательной сессіи.

Обновленіе министерства, начатое увольненіемъ Н. А. Маклакова, завершилось, повидимому, отставкой И. Г. Щегловитова, В. К. Саблера и генерала Сухомлинова. Оставляя въ сторонѣ перемѣну, происшедшую въ управленіи военнымъ министерствомъ—перемѣну, имѣющую свои особыя причины и лишь отчасти связанную съ общимъ преобразованіемъ кабинета,—нельзя не признать, что сошли со сцены именно тѣ государственные дѣятели, сохраненіе которыхъ у власти было бы совершенно несовмѣстимо съ вновь сложившейся обстановкой и новыми теченіями общественной мысли.

Слишкомъ хорошо извѣстно, во что обратилось судебное вѣдомство подъ рукою И. Г. Щегловитова. Когда, съ роспускомъ первой Думы, наступило господство усмотрѣнія и произвола, обострившееся еще больше послѣ 3-го іюня 1907 года, пережившее своего создателя, достигшее своего апогея въ моментъ избранія четвертой Думы и оставшееся непоколебимымъ до самаго начала настоящей войны, оно неизбѣжно должно было отразиться на судѣ, какъ на хранителѣ закона; но глубоко извратить сущность суда, сдѣлать его покорнымъ орудіемъ стремленій, прямо противоположныхъ его истинному призванію, могло только настойчивое, непрерывное, неослабное давленіе, неразборчивое въ выборѣ средствъ и на проломъ идущее къ намѣченной цѣли. Не говорю уже о томъ, что министерство юстиціи не препятствовало—а можетъ быть и способствовало—ограниченію круга дѣйствій нормальнаго суда, доходившему, одно время, до такого вопіющаго уклоненія отъ элементарныхъ требованій правосудія, какимъ было существованіе военно-полевыхъ судовъ. Если и допустить, что въ разгаръ смуты безмолвствуетъ право, то отсюда еще не вытекаетъ безпредѣльная длительность чрезвычайныхъ мѣръ, по минованіи вызвавшихъ ихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Отсутствіе протеста противъ такой длительности—несомнѣнное crimen omissionis со стороны вѣдомства, именуемаго министерствомъ *юстиціи*. Безспорно активную роль сыгралъ И. Г. Щегловитовъ въ изобрѣтеніи и проведеніи системы такъ называемыхъ «разъясненій», несогласной ни съ закономъ, ни съ назначеніемъ и достоинствомъ Сената. Вовлеченный въ водоворотъ текущей политики, ставшій причастнымъ къ злобѣ дня, Сенатъ сошелъ съ того высокаго мѣста, которое онъ удерживалъ за собою даже въ самые худшіе изъ прежнихъ реакціонныхъ періодовъ. Начавъ съ толкованій избирательнаго закона, равносильныхъ его измѣненію, Сенатъ внесъ тѣ же пріемы во всѣ области права, куда призывалъ его министръ юстиціи, доходя, напримѣръ, до такого расширенія сферы дѣйствія закона, о которомъ, какъ о чемъ-то юридически невозможномъ, не было и рѣчи въ теченіе цѣлой четверти вѣка (примѣненіе указа 1889 года, касавшагося только присяжныхъ повѣренныхъ, къ ихъ помощникамъ), или до отрицанія частной дѣятельности, какъ дополненія къ дѣятельности оффиціальныхъ учрежденій (запрещеніе обывательскихъ обществъ, имѣвшихъ цѣлью заботу о городскомъ благоустройствѣ—подъ тѣмъ предлогомъ, что эта забота лежитъ на обязанности городского общественнаго управленія). Однажды допущенное и вошедшее въ обычай пріобщеніе Сената къ политикѣ стало чувствоваться и въ чисто судебной его дѣятельности—въ толкованіи уголовнаго уложенія, на сколько оно касается политическихъ престу-

пленій, въ веденіи политическихъ процессовъ; достаточно вспомнить дѣло Лопухина, живущее въ памяти общества подъ именемъ «Варварина суда». Примѣръ высшаго судебнаго мѣста не могъ не подѣйствовать на всѣ остальныя; въ нравы предсѣдательствующихъ, въ настроеніе судей вошли черты, не имѣющія ничего общаго съ духомъ судебныхъ уставовъ и съ лучшими традиціями новаго суда. Вмѣшательство министерства юстиціи въ отправленіе правосудія было и прямымъ, и косвеннымъ: прямымъ—въ видѣ распоряженій, предопредѣлявшихъ направленіе тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ дѣлъ (стоитъ только назвать дѣло Бейлиса), косвеннымъ—въ видѣ непредусмотрѣнныхъ закономъ мѣръ ограниченія судейской независимости [1]). Создалась новая теорія «государственности и національности», какъ «непреложныхъ началъ» суда, и повлекла за собою не только цѣлый рядъ личныхъ правонарушеній, но и пониженіе общаго уровня судейскаго, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ котораго явилось уменьшеніе общественнаго довѣрія и уваженія къ суду. Много потребуется времени и усилій, чтобы изгладить слѣды только что окончившагося въ исторіи русскаго суда.

При участіи И. Г. Щегловитова проведено нѣсколько законопроектовъ, вносящихъ частичныя перемѣны къ лучшему въ наше дѣйствующее право, матеріальное и процессуальное. Этой его заслуги отрицать нельзя, но противовѣса всему потерянному и испорченному она не составляетъ. Важнѣйшей изъ всѣхъ состоявшихся въ области суда реформъ является, конечно, возстановленіе судебно-мирового института и соотвѣтственное ограниченіе власти земскихъ начальниковъ. Но—не говоря уже о такихъ частичныхъ ухудшеніяхъ въ организаціи мирового суда, какъ напр. замѣщеніе должности предсѣдателя мирового съѣзда по назначенію, а не по выбору—какою дорогою цѣною куплено соизволеніе верхней палаты на исправленіе роковой ошибки, сдѣланной въ 1889-мъ году! Вопреки первоначальному намѣренію министра юстиціи, вопреки заявленіямъ его въ Государственной Думѣ, сохраненъ спеціально крестьянскій судъ, обособляющій народную массу, стоящій преградой на пути къ слiянію крестьянства съ остальными элементами населенія. Сломить сопротивленіе Государственнаго Совѣта было возможно и безъ принципіальной уступки, подрывающей преобразованіе въ одной изъ самыхъ существенныхъ

---

[1]) Въ статьѣ: „Новыя непреложныя начала суда" („Вѣстникъ Европы" 1913 г. № 7) приведены оставшіяся неопровергнутыми указанія депутата Пападжанова на порядки, установившіеся въ тифлискомъ судебномъ округѣ при старшемъ предсѣдателѣ суд. палаты Лагодѣ, и на вошедшее въ обычай объявленіе „подавшими въ отставку" судей, вовсе объ отставкѣ не просившихъ.

его основъ. Возможно было и избѣжаніе той медленности въ движеніи дѣла, вслѣдствіе которой введеніе мирового суда состоялось лишь въ немногихъ губерніяхъ, а во всѣхъ остальныхъ отложено, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, на неопредѣленное время. Въ такой отсрочкѣ есть, однако, и хорошая сторона; она предупредитъ, быть можетъ, внесеніе въ среду мировыхъ судей тѣхъ настроеній, которыя широко распространены въ личномъ составѣ общихъ судебныхъ мѣстъ...

Министерство юстиціи не принадлежитъ къ числу тѣхъ вѣдомствъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ подготовкѣ и самому производству выборовъ. И. Г. Щегловитовъ не принималъ, поэтому, дѣятельнаго участія въ избирательной кампаніи 1912-го года; онъ не былъ однимъ изъ тѣхъ, кто «руководилъ» выборами—но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ вполнѣ сочувствовалъ руководителямъ. Только этимъ можно объяснить полнѣйшее бездѣйствіе прокуратуры въ виду явныхъ отступленій отъ закона, повторявшихся на каждомъ шагу въ ущербъ оппозиціоннымъ или просто независимымъ кандидатамъ — бездѣйствіе, которое пытался оправдать передъ Думой одинъ изъ товарищей министра юстиціи. Гораздо опредѣленнѣе и важнѣе была, во время выборовъ, роль другого удалившагося на покой государственнаго дѣятеля — В. К. Саблера. Всѣмъ памятна мобилизація духовенства, являвшагося на избирательные съѣзды и собранія во исполненіе требованій своего начальства. Строго дисциплинированное, оно подавало голоса не по собственному побужденію и разумѣнію, а согласно приказу, полученному свыше. Это признавалось прямо и открыто, возводилось на степень долга; отказъ въ повиновеніи вмѣнялся въ вину, повиновеніе считалось заслугой. Въ циркулярѣ Святѣйшаго Синода духовенству рекомендовалось искать «единомышленниковъ и друзей» среди пасомыхъ, съ разъясненіемъ, что такими друзьями могутъ быть лишь члены правыхъ партій и умѣренныхъ организацій, отнюдь не лѣвѣе явно правыхъ октябристовъ [1]); только съ ними *дозволялось* входить въ соглашенія, которыя, однажды состоявшись, становились обязательными для каждаго избирателя-священника. Еще откровеннѣе та же линія велась самимъ В. К. Саблеромъ. «Напрасно увѣряютъ,—говорилъ онъ, напримѣръ, въ

---

[1]) Въ свое время („Вѣстн. Евр." 1912 г., № 10) я указалъ, что точное соблюденіе синодскаго циркуляра угрожало такимъ несомнѣнно „благонамѣреннымъ" депутатамъ, какъ напр. Е. П. Ковалевскій, Шидловскій, Звегинцевъ, Антоновъ. Принадлежа къ лѣвымъ октябристамъ, они не могли быть включены въ категорію тѣхъ „единомышленниковъ и друзей", голосовать за которыхъ было дозволено избирателямъ-священникамъ.

бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Земщины»,—будто происходитъ нарушеніе свободы выборовъ и производится давленіе на совѣсть священниковъ. Послѣдніе, вступая на свободно избранный ими путь, свободно даютъ обѣтъ строгаго исполненія всѣхъ церковныхъ уставовъ, и потому, повинуясь голосу высшей духовной іерархіи, поступаютъ именно такъ, какъ имъ велитъ православная совѣсть ихъ». Безспорно, священники, принимая на себя этотъ санъ, обязуются исполнять церковные уставы; но какимъ церковнымъ уставамъ предусмотрѣнъ образъ дѣйствій священника въ такомъ чисто свѣтскомъ дѣлѣ, какъ избраніе членовъ Госуд. Думы? Къ участію въ немъ священники призываются не церковью, а государствомъ, призываются не какъ служители алтаря, а какъ граждане, отвѣтственные только передъ закономъ и передъ своей совѣстью. Сколько тяжелыхъ минутъ должны были пережить многіе священники, вынужденные либо поступить противъ убѣжденія, либо навлечь на себя неудовольствіе тѣхъ, отъ кого зависитъ будущность ихъ самихъ и ихъ семействъ! Сколько разъ грозила опасность тайнѣ голосованія, обезпечивающей его искренность и свободу! Сколько неправильнаго и ненормальнаго было внесено въ ходъ и результатъ выборовъ наличностью сплоченной страхомъ, дѣйствующей по командѣ группы избирателей! Не могъ не пострадать авторитетъ духовенства, вовлеченнаго, противъ его воли, въ политическую борьбу;—не могъ не повредить ему въ глазахъ крестьянства союзъ съ партіями, систематически враждебными интересамъ и требованіямъ народной массы.

Съ участіемъ В. К. Саблера въ выборной кампаніи 1912-го года гармонируетъ вполнѣ вся четырехлѣтняя дѣятельность его въ качествѣ оберъ-прокурора Св. Синода. Вѣрный завѣтамъ К. П. Побѣдоносцева, на сколько они осуществимы при радикально измѣнившейся обстановкѣ, онъ стремился къ сохраненію внѣшне-господствующаго положенія православной церкви, къ огражденію ея отъ воздѣйствія законодательныхъ учрежденій, къ обособленности духовенства и церковной школы, къ неприкосновенности строя, отдающаго подчиненныхъ во власть начальства, къ возможно большему стѣсненію религіозной свободы. Взятые назадъ законопроекты, отложенныя на неопредѣленное время реформы—въ томъ числѣ такія неотложныя, какъ организація прихода и преобразованіе духовныхъ консисторій,—неисполненіе торжественно данныхъ обѣщаній, удаленіе такихъ дѣятелей, какъ протоіерей Бѣликовъ (бывшій предсѣдатель учебнаго комитета при Синодѣ и членъ Госуд. Совѣта по выбору отъ духовенства), выдающаяся роль протоіерея Восторгова, архимандрита Виталія и другихъ лицъ, слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстныхъ, перемѣщеніе епископовъ, безъ ихъ согласія, на другія каѳедры (напр.,

удаленіе епископа Андрея изъ Казани, переводъ епископа Никона въ Красноярскъ), тенденціозный подборъ состава синодальнаго присутствія, вопіющій процессъ московскихъ «братцевъ», напомнившій худшія времена побѣдоносцевскаго режима, преслѣдованія петербургскаго «братца», насаждавшаго трезвость въ то время, тогда она еще не была оффиціально включена въ порядокъ дня, неликвидированная до сихъ поръ исторія аѳонскихъ «имябожниковъ», упадокъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній, недостатокъ кандидатовъ въ священники, продолжающіяся или усиливающіяся отпаденія отъ православія—вотъ наслѣдство, оставленное г. Саблеромъ.

Вполнѣ опредѣленный смыслъ удаленіе министра получаетъ лишь съ назначеніемъ его преемника; оно одно даетъ возможность судить о томъ, произошла-ли перемѣна системы или только перемѣна лица. Когда въ печать проникли первые слухи о предстоящей отставкѣ г. Щегловитова, кандидатомъ на постъ министра юстиціи называли С. С. Манухина. Этому имени нельзя было отказать въ нѣкоторомъ программномъ значеніи: оно напоминало объ обстоятельствахъ, при которыхъ произошла смѣна министра юстиціи въ кабинетѣ графа Витте, о сенаторской ревизіи, вызванной катастрофою 1912-го года на ленскихъ золотыхъ пріискахъ. Характерно было и то, что С. С. Манухинъ принадлежалъ къ центру Государственнаго Совѣта. Различіе между нимъ и И. Г. Щегловитовымъ было очевидно; назначеніе его предвѣщало бы нѣкоторую перемѣну курса. Слухи о призывѣ С. С. Манухина не оправдались: управленіе министерствомъ юстиціи ввѣрено А. А. Хвостову, въ бюрократическомъ прошломъ котораго нѣтъ ничего яркаго, а о настоящемъ извѣстно только то, что въ Госуд. Совѣтѣ онъ занималъ мѣсто среди правыхъ. Недоумѣніе было бы полное, если бы его не разсѣялъ самъ А. А. Хвостовъ въ своихъ бесѣдахъ съ представителями печати. «По своимъ политическимъ воззрѣніямъ—сказалъ А. А. Хвостовъ,—я правѣе С. С. Манухина. Правда, въ настоящее время, по-моему странно говорить о правыхъ и лѣвыхъ; теперь есть только русскіе граждане. Но, если хотите, я правый—правый и русскій человѣкъ, а отсюда вытекаетъ выводъ о моихъ взглядахъ по національному вопросу». Изъ дальнѣйшихъ словъ А. А. Хвостова видно, что онъ несогласенъ съ политикой И. Г. Щегловитова по отношенію къ полякамъ. Подчеркнувъ этотъ пунктъ разногласія—разногласія не столько принципіальнаго, сколько тактическаго,—новый министръ юстиціи далъ право, конечно, думать, что во всемъ остальномъ онъ не расходится съ своимъ предшественникомъ, также «правымъ и русскимъ человѣкомъ» (русскимъ, въ новѣйшемъ, спеціальномъ смыслѣ этого слова).

Къ числу «правыхъ и русскихъ людей» принадлежитъ, повидимому, и новый оберъ-прокуроръ Св. Синода. Если вѣрить подробной, очень благожелательной характеристикѣ А. Д. Самарина, напечатанной, за нѣсколько недѣль до его назначенія, въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (№ 14925), преемникъ В. К. Саблера «фанатически преданъ абсолютизму, враждебно настроенъ къ конституціи и къ парламентаризму европейскаго образца... Его привлекаетъ идея абсолютизма», въ которомъ онъ видитъ единственную разумную форму человѣческаго общежитія и государственнаго устройства. Ему приписываютъ записку, которая циркулировала въ первые мѣсяцы войны въ высокихъ кругахъ и въ которой проводилась мысль о недопустимости полнаго разгрома оплота абсолютизма въ Европѣ» (т.-е. Германской имперіи). Исповѣдуя «тріединую уваровскую формулу», онъ во многомъ поддерживаетъ церковь и духовенство, какъ «фундаментъ въ народномъ сознаніи для основныхъ символовъ его политическаго вѣроученія». Народная школа, по его мнѣнію, «должна быть построена въ духѣ исконныхъ началъ русской государственности. Допуская существованіе земской школы, А. Д. Самаринъ хотѣлъ бы пересадить въ нее душу церковно-приходской». Начавъ службу земскимъ начальникомъ, онъ скоро сдѣлался земскимъ дѣятелемъ и въ этомъ качествѣ «велъ борьбу съ прогрессивными гласными, съ интеллигенціей и съ третьимъ элементомъ». Онъ «глубоко чувствуетъ дворянство», горячо отстаиваетъ его сословныя прерогативы, стремится возстановить его былую силу, считаетъ его «главнымъ рычагомъ государственности»; но при проведеніи этихъ взглядовъ онъ свободенъ отъ тѣхъ формъ и пріемовъ, которые усвоены типичными «курскими дворянами»... Принимать на вѣру этотъ газетный портретъ, конечно, нельзя, но многія его черты весьма правдоподобны, отчасти даже несомнѣнно правильны. А. Д. Самаринъ былъ однимъ изъ наиболѣе усердныхъ дѣятелей «объединеннаго дворянства» — и остается его «главноуполномоченнымъ», испросивъ на то разрѣшеніе при самомъ принятіи поста синодальнаго оберъ-прокурора. Въ Государственномъ Совѣтѣ онъ принадлежалъ къ числу правыхъ. Это наводитъ на мысль, что въ важнѣйшихъ вопросахъ государственнаго управленія и церковной жизни—насколько послѣдняя связана съ первымъ—между В. К. Саблеромъ и А. Д. Самаринымъ можетъ оказаться немало точекъ соприкосновенія. Вѣдь если В. К. Саблеръ—въ полномъ, по его выраженію, согласіи съ объединеннымъ правительствомъ,—руководилъ, въ 1912 г., дѣятельностью священниковъ на выборахъ въ Госуд. Думу, то именно потому, что церковь и духовенство являются, съ извѣстной точки зрѣнія, «фундаментомъ, въ народномъ сознаніи»,

исконныхъ символовъ традиціонной доктрины. Кто преданъ этой доктринѣ, хотя бы преданность его и не доходила до фанатизма, тому не легко будетъ отказаться отъ одного изъ пріемовъ, съ помощью которыхъ она до сихъ поръ проводилась...

Въ составъ кабинета И. Л. Горемыкина вошли, за послѣдніе полгода, пять новыхъ министровъ. О политической окраскѣ кн. Шаховского возможны только догадки; прочныхъ основъ для ея опредѣленія не даетъ ни прежняя его служба, ни дѣятельность его въ качествѣ министра торговли и промышленности. Во многомъ отличны отъ своихъ предшественниковъ гр. Игнатьевъ и кн. Щербатовъ. Л. А. Кассо и Н. А. Маклаковъ были крайними правыми; преемники ихъ стояли и стоятъ, повидимому, внѣ партій и «правыми», въ техническомъ смыслѣ слова, признаны быть не могутъ. Наоборотъ, назначеніе А. А. Хвостова и А. Д. Самарина знаменуетъ собою новое усиленіе «правыхъ» въ средѣ издавна «праваго» министерства. Никакой перемѣны курса, слѣдовательно, не произошло. Или, быть можетъ, измѣнились, измѣняются сами «правые»? На этотъ вопросъ даютъ краснорѣчивый отвѣтъ засѣданія 19-го іюля въ Государственной Думѣ и Госуд. Совѣтѣ.

Первый и главный догматъ правыхъ—спасительность и необходимость абсолютизма. Государственное устройство Россійской имперіи остается, въ ихъ глазахъ, тѣмъ же самымъ, какимъ оно было до 1905-го года. Съ этимъ основнымъ взглядомъ тѣсно связано отношеніе ихъ къ законодательству, къ управленію, къ церкви, къ обществу, къ національностямъ, къ правамъ личности. И онъ выраженъ съ достаточною ясностью въ рѣчи, произнесенной 19-го іюля, отъ имени и по уполномочію правыхъ, депутатомъ Марковымъ 2-мъ. За Госуд. Думой онъ признаетъ только роль совѣтника; онъ называетъ правыхъ «поклонниками неограниченнаго самодержавія». Онъ приписываетъ побѣды Германіи безотвѣтственности министровъ передъ рейхстагомъ. Онъ не только считаетъ необходимымъ массовое выселеніе евреевъ изъ пограничныхъ мѣстностей, но требуетъ «изолированія» ихъ тамъ, куда они выселяются. Еще характернѣе рѣчь П. Н. Дурново, говорившаго, въ тотъ же день, въ Государственномъ Совѣтѣ отъ имени правыхъ его членовъ. Главный источникъ нашихъ бѣдъ, по его мнѣнію—*боязнь приказывать*. «Вмѣсто приказаній—воскликнулъ онъ—писались циркуляры, которыхъ никто не понималъ и которые имѣли уклончивое содержаніе. Сочинялись и опубликовывались законы, которые никому не были ясны и которые мало кто читалъ. А въ это время власть постепенно, незамѣтно переходила изъ слабыхъ рукъ въ такія руки, которыя тверды, но гдѣ

власти быть совсѣмъ не подобаетъ. Между тѣмъ, мы обязаны твердо помнить, что въ Россіи существуетъ, царствуетъ и господствуетъ такое удобство, котораго нигдѣ въ Европѣ нѣтъ — право и возможность приказывать и быть убѣжденнымъ, что приказаніе будетъ исполнено. Нигдѣ въ Европѣ коронованный государь не можетъ все приказать; въ Россіи нашъ великій Государь можетъ приказать все, что только Его высшимъ разумѣніемъ будетъ признано полезнымъ для его народа. Это соображеніе относится не только до повелѣнія самого Царя, но и тѣхъ лицъ, которыхъ Царю угодно уполномочить. Правительство было обязано съ начала войны воспитывать народъ, и не только народъ, но и всѣхъ подчиненныхъ ему высшихъ чиновниковъ. Нужно бросить перья, чернила и всѣхъ чиновниковъ изъ канцелярій, которые пишутъ циркуляры и составляютъ законы, послать на войну. Такимъ образомъ можно будетъ выучить молодыхъ начальниковъ, какъ повиноваться и какъ приказывать, а то они не умѣютъ ни того, ни другого. Надо наказывать строжайшимъ образомъ всѣхъ тѣхъ, которые изъ страха сошлются на какой-нибудь циркуляръ, а не распорядятся сами. Когда пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ такого режима, тогда настанетъ время, что можно будетъ проводить реформы... Мнѣ больше всего казалось страннымъ, что въ такое время, когда всѣмъ нужно думать о войнѣ, собиралась комиссія министерства народнаго просвѣщенія. Мнѣ казалось это до такой степени страннымъ, что я боялся здѣсь сказать это, думая, что всѣ засмѣются».

Такова квинтъ-эссенція «правой» государственной мудрости; таковъ выводъ изъ полувѣкового административнаго опыта, предлагаемый къ руководству и исполненію въ одну изъ самыхъ трудныхъ минутъ русской исторической жизни. Болѣе категорическаго самоосужденія—самоосужденія не только лица, но и партіи,—нельзя себѣ и представить. Итакъ, однихъ приказаній, поддержанныхъ перспективой надлежащихъ—конечно, «строжайшихъ»—каръ, достаточно для того, чтобы все устроилось къ лучшему въ лучшемъ политическомъ мірѣ? Но гдѣ же ручательство въ томъ, что разумны, цѣлесообразны, справедливы самыя приказанія? Гдѣ ручательство въ томъ, что они будутъ правильно поняты и правильно исполнены? Доктрина, проповѣдуемая П. Н. Дурново, господствовала въ Россіи въ теченіе долгихъ десятилѣтій; лучше ли отъ того шли государственныя дѣла, лучше ли жилось народу? Во что, сплошь и рядомъ, обращались—обращаются и теперь,—приказанія, на пути отъ центра къ периферіи? Приводили ли къ чему-либо кары, въ достаточномъ обиліи постигавшія, по временамъ, ослушниковъ и нерадивыхъ? И какъ совмѣстить дорогой старомоднымъ администраторамъ

девизъ: «не разсуждать, повиноваться» съ самостояльностью распоряженій, которую не только допускаетъ—которой требуетъ, впадая въ въ противорѣчіе съ самимъ собою, П. Н. Дурново? Въ чемъ, наконецъ, заключается различіе между ненавидимымъ П. Н. Дурново циркуляромъ и дорогимъ ему приказаніемъ? Вѣдь циркуляръ—не что иное, какъ приказаніе, относящееся не къ одному отдѣльному случаю, а ко многимъ однороднымъ, уже возникшимъ или могущимъ возникнуть. Въ защиту циркуляровъ, сыплющихся какъ изъ рога изобилія, все предусматривающихъ и предрѣшающихъ, нельзя, конечно, сказать ни слова; нельзя возводить циркуляръ на степень главнаго орудія управленія, нельзя имъ замѣнять—или подмѣнять—законъ; но циркуляру, какъ инструкціи, какъ наказу, построенному на законѣ, скромное мѣсто принадлежитъ по праву, и не въ немъ слѣдуетъ искать разгадку административной неурядицы... Преклоненіе П. Н. Дурново передъ *приказаніемъ* не знаетъ ни мѣры, ни предѣла. Утверждая, что Императоръ—и не только Императоръ, но и всякое уполномоченное имъ лицо—можетъ приказать *все*, онъ забываетъ о существованіи основныхъ законовъ. Достаточно вспомнить текстъ статьи 11-ой, по которой Государь Императоръ, въ порядкѣ Верховнаго управленія, издаетъ, *въ соотвѣтствіи съ законами*, указы по различнымъ частямъ государственнаго управленія, а также повелѣнія, необходимыя для исполненія законовъ. Даже до 1905-го года Россійская имперія если не управлялась, то должна была управляться на точномъ основаніи положительныхъ законовъ. Приказанія, все объемлющія, на все безусловно распространяющіяся—отличительная черта деспотіи, которою Россія не считалась даже тогда, когда въ основныхъ законахъ имѣлось на-лицо исключенное изъ нихъ въ 1906-мъ году наименованіе власти Императора неограниченною.

До крайности опредѣленная въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, рѣчь П. Н. Дурново содержитъ въ себѣ одну трудно разрѣшимую загадку. Въ какія «твердыя, но не подобающія руки» перешла, въ последнее время, власть? Вѣдь если на самомъ дѣлѣ произошло что-нибудь подобное, то на обязанности оратора, проникшаго въ тайну, лежало оглашеніе ея въ понятной для всѣхъ формѣ. Не особенно ясно и окончаніе рѣчи П. Н. Дурново. Почему онъ боялся, что всѣ засмѣются, услышавъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него созывомъ комиссій въ министерствѣ народнаго просвѣщенія? Что должно было, по его мнѣнію, возбудить смѣхъ—самое впечатлѣніе или обстоятельство, его вызвавшее? Если послѣднее, то что же комическаго представляютъ собою комиссіи, обсуждавшія преобразованіе высшей и средней школы? Безспорно, всѣ «думаютъ о войнѣ», думаютъ о ней и ми-

нистръ народнаго просвѣщенія, и его сотрудники; но развѣ отсюда слѣдуетъ, что они должны всецѣло предаться этой думѣ и отложить въ сторону все остальное? Въ чемъ могло бы выразиться непосредственное участіе министерства народнаго просвѣщенія въ подготовкѣ и проведеніи государственной обороны? И развѣ опытъ войны не раскрываетъ съ особою ясностью всю настоятельность задачъ, которыя такъ долго и упорно отклонялъ отъ себя предшественникъ гр. Игнатьева?.. Въ заключительныхъ словахъ П. Н. Дурново ясно слышится только одно: раздраженіе противъ министра, позволившаго себѣ находить, что война не освобождаетъ его отъ заботъ о просвѣщеніи народа.

Итакъ, «крайніе правые» ни на шагъ не сдвинулись съ давно занятой ими боевой позиціи: они ничего не забыли и ничему не научились. Нѣсколько инымъ является положеніе умѣренно-правыхъ, т.-е. націоналистовъ. Въ ихъ средѣ совершился нѣкоторый поворотъ, отразившійся въ рѣчи графа В. А. Бобринскаго. Ораторъ націоналистовъ признаетъ, что странѣ нужны внутреннія реформы, что она созрѣла и достойна этихъ реформъ. Онъ предъявляетъ къ правительству «строгія требованія»; онъ обѣщаетъ идти навстрѣчу правительству, если оно съ своей стороны пойдетъ навстрѣчу обществу. Онъ отдаетъ справедливость доблести поляковъ, латышей, литовцевъ, армянъ, борющихся вмѣстѣ съ русскимъ народомъ противъ врага Россіи. Все это очень хорошо; но внезапные переходы съ одного пути на другой, существенно отличный,—переходы, совершенно естественные и довольно частые въ жизни отдѣльныхъ лицъ,—мало свойственны цѣлымъ политическимъ партіямъ или группамъ и всегда возбуждаютъ нѣсколько скептическое отношеніе. Трудно вообразить себѣ, какимъ образомъ недавняя «лейбъ-партія» можетъ обратиться, съ стремительною быстротою, въ строгаго цензора власти, обѣщать ей свою поддержку лишь подъ условіемъ исполненія предъявляемыхъ къ ней обществомъ требованій; трудно допустить, чтобы партія, не случайно назвавшая себя «націоналистическою» и весьма узко понимавшая націонализмъ, могла стать выше ею самою созданныхъ или тщательно охранявшихся ею перегородокъ. Усиливаются сомнѣнія и тѣмъ обстоятельствомъ, что эволюція націоналистовъ совпала, до извѣстной степени, съ аналогичной эволюціей министерства. Въ рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ говорится и о желательности полнаго единомыслія съ законодательными учрежденіями, и объ автономіи Польши, и о «безпристрастномъ и благожелательномъ вниманіи къ интересамъ всѣхъ вѣрныхъ Россіи гражданъ, безъ различія племени, языка и вѣры». Въ виду такихъ заявленій націонали-

стамъ, какъ партіи правительственной по преимуществу, не оставалось другого пути, кромѣ того, которымъ пошелъ гр. Бобринскій.

Чтобы установить истинное значеніе этого changement à vue, нужно присмотрѣться поближе къ формулѣ перехода, предложенной націоналистами (вмѣстѣ съ центромъ и двумя группами октябристовъ) и принятой, безъ измѣненій, громаднымъ большинствомъ Думы. По словамъ этой формулы, «скорѣйшая побѣда (надъ внѣшнимъ врагомъ) должна быть достигнута воодушевленнымъ участіемъ всего населенія въ созданіи новыхъ средствъ борьбы, а это послѣднее требуетъ упроченія внутренняго мира, примиренія и забвенія старой политической борьбы, а также благожелательнаго вниманія власти къ интересамъ всѣхъ вѣрныхъ въ Россіи гражданъ, безъ различія племени, языка и вѣры. Привести къ скорой побѣдѣ можетъ лишь тѣсное единеніе со всей страной правительства, пользующагося полнымъ ея довѣріемъ». Здѣсь затронуты два вопроса первостепенной важности: національный и конституціонный. По отношенію къ первому формула повторяетъ почти буквально слова предсѣдателя совѣта министровъ, не настолько опредѣленныя, чтобы служить гарантіей лучшаго будущаго. Что слѣдуетъ понимать подъ «благожелательнымъ вниманіемъ власти къ интересамъ гражданъ»? Въ нормально организованномъ государствѣ интересы и *права* всѣхъ гражданъ охраняются закономъ, обязательнымъ для власти, а не «благими пожеланіями», измѣнчивыми и эластичными. Совершенно правильно, притомъ, партія народной свободы возражала противъ присоединенія къ слову *граждинъ* эпитета *вѣрныхъ*, не даромъ понравившагося депутату Маркову 2-му: онъ какъ бы предрѣшаетъ дѣленіе гражданъ на категоріи, неравныя между собою. Преступное нарушеніе вѣрности государству можетъ быть вмѣнено въ вину только тѣмъ отдѣльнымъ лицамъ, по отношенію къ которымъ оно доказано: никакихъ группъ, заранѣе заподозрѣнныхъ въ невѣрности, быть не должно и не можетъ. Между тѣмъ, противоположный взглядъ несомнѣнно существуетъ; выразителемъ его въ засѣданіи 19-го іюля явился ораторъ крайнихъ правыхъ. Совершенно понятно, поэтому, что формула націоналистовъ не могла удовлетворить представителей не-русскихъ національностей. Отъ имени латышей, эстонцевъ, литовцевъ, армянъ, мусульманъ и евреевъ депутатъ Тевкелевъ предложилъ дополнить формулу выраженіемъ пожеланія, чтобы въ ближайшемъ будущемъ были приняты всѣ мѣры: 1) къ устраненію всякихъ административныхъ стѣсненій, направленныхъ противъ отдѣльныхъ народностей, и 2) къ отмѣнѣ, въ законодательномъ порядкѣ, всѣхъ ограничительныхъ законовъ, связанныхъ съ

вѣроисповѣданіемъ и національностью. Это предложеніе отвергнуто большинствомъ 191 голоса противъ 162. Очевидно, что противъ него голосовали не только правые, націоналисты и члены группы центра, но и многіе октябристы. Къ словамъ о «благожелательномъ вниманіи» получился, такимъ образомъ, весьма печальный комментарій...

Вопросъ конституціонный поставленъ въ формулѣ, принятой Государственною Думой, еще менѣе опредѣленно, чѣмъ вопросъ національный. Не совсѣмъ ясенъ даже смыслъ словъ: «тѣсное единеніе со всей страной правительства, пользующагося полнымъ ея довѣріемъ». Выражается ли въ нихъ желаніе, чтобы такое единеніе наступило, или убѣжденіе, что единеніе уже имѣется на-лицо, что правительство уже теперь пользуется полнымъ довѣріемъ страны? Если бы въ составѣ министерства не произошло, въ послѣднее время, никакихъ измѣненій, несомнѣннымъ явилось бы первое толкованіе: слишкомъ тяжки были упреки, которымъ подверглась прошлая дѣятельность правительства даже со стороны наименѣе оппозиціонныхъ фракцій Госуд. Думы. Но кабинетъ въ настоящее время считается «обновленнымъ»; быть можетъ, этого обновленія достаточно, чтобы привлечь къ нему довѣріе страны? На самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ всего сказаннаго мною выше, обновленіе не совершилось; партійный характеръ министерства остался прежній, и тѣ немногіе шаги въ другомъ направленіи, которые намѣчены въ заявленіи предсѣдателя совѣта министровъ, знаменуютъ собою только частичное, крайне недостаточное измѣненіе правительственной системы. Въ концѣ концовъ, однако, ходъ преній въ засѣданіяхъ 19-го и 20-го іюля все-таки говоритъ скорѣе въ пользу перваго толкованія формулы; «полное довѣріе» къ правительству является, съ точки зрѣнія почти всей Думы, дѣломъ будущаго, результатомъ, къ которому слѣдуетъ стремиться, но который еще далеко не достигнутъ. Съ этой точки зрѣнія особенно знаменателенъ эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ концѣ засѣданія 20-го іюля. Фракціей прогрессистовъ было предложено слѣдующее дополненіе къ общей формулѣ перехода: «Государственная Дума, въ сознаніи своей отвѣтственности передъ народомъ и арміей, находитъ, что дѣйствительное объединеніе всѣхъ силъ и всей воли народной, необходимое для ускоренія побѣды, достижимо лишь при немедленномъ установленіи отвѣтственности передъ Думой правительства, составленнаго изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны». Это дополненіе было отклонено большинствомъ, но до голосованія гр. Беннигсенъ произнесъ, отъ имени октябристовъ, слѣдующія знаменательныя слова: «признавая справедливость установленія отвѣтственности правительства передъ

законодательными учрежденіями, считая, что въ будущемъ не можетъ быть безотвѣтственности, мы находимъ, что сейчасъ перемѣна введетъ такую крупную ломку во всю систему государственнаго строя и потребуетъ измѣненія цѣлаго ряда законовъ, начиная съ основныхъ, что это можетъ отвлечь вниманіе отъ главнаго—отъ покоренія врага. Кончится война, и мы обѣщаемъ вамъ, что будемъ вмѣстѣ съ вами въ борьбѣ за это начало». Прошедшее октябристовъ уменьшаетъ цѣнность ихъ обѣщаній; но все же трудно допустить, чтобы слова, произнесенныя въ торжественную минуту, могли быть забыты, когда настанетъ время проведенія ихъ въ жизнь.

Формула перехода пока (я пишу до возобновленія думскихъ засѣданій)—единственное рѣшеніе, принятое Думой; но очень большое значеніе имѣютъ пренія, происходившія въ засѣданіяхъ 19-го и 20-го іюля. Здѣсь дѣйствительно раздался «голосъ земли русской», такъ долго хранившей вынужденное, по-истинѣ мучительное молчаніе. Раскрылась часть правды; поднялся уголокъ завѣсы, скрывавшей причины понесенныхъ нашими войсками неудачъ. Поставленъ былъ, хотя и далеко не во всей его широтѣ, вопросъ о виновникахъ неудачъ. Отлично понимая, что чѣмъ больше число виновныхъ и чѣмъ неопредѣленнѣе черта, отдѣляющая ихъ отъ невиновныхъ, тѣмъ труднѣе привлеченіе ихъ къ реальной отвѣтственности, представители правыхъ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ, по примѣру единомышленниковъ своихъ въ печати, поспѣшили объявить, что подсудимыми могутъ оказаться и члены Думы, слѣпо и неразумно поддерживавшіе правительство» (слова Н. Е. Маркова), и даже «всѣ грамотные русскіе люди» (слова П. Н. Дурново). Конечно, контроль Думы надъ дѣйствіями правительства оставлялъ желать весьма многаго; но, выбранная въ порядкѣ, установленномъ положеніемъ 3-го іюня, до крайности стѣсненная въ пользованіи тѣми немногими средствами воздѣйствія, которыми она располагаетъ на основаніи закона, она не могла сыграть болѣе активной роли. И все-таки ей случалось давать указанія, даже постановлять рѣшенія, внимательное отношеніе къ которымъ предупредило бы часть бѣдствій, постигшихъ Россію. Депутатъ Савичъ напомнилъ два факта, не оставляющіе никакого сомнѣнія по этому предмету. Третья Дума еще въ 1912 г. обратила вниманіе на крупные недочеты въ работѣ артиллерійскаго управленія. «Во всякой другой странѣ—воскликнулъ г. Савичъ,—гдѣ есть хоть нѣкоторая связь между правительствомъ и обществомъ, нѣкоторое уваженіе къ народному представительству, такой вотумъ вызвалъ бы строгое разслѣдованіе дѣятельности лицъ, стоящихъ во главѣ артиллерійскаго управленія, и такія лица были бы

своевременно устранены; но правительство ничего не сдѣлало!» Та же третья Дума, безконечно далекая отъ оппозиціонныхъ настроеній, отклонила кредиты на линейные корабли и утвердила кредиты на миноносцы и подводныя лодки, настаивая на томъ, чтобы этотъ родъ оружія былъ двинутъ въ первую голову. «Думу выслушали—и поступили наоборотъ: корабли стали строить, а миноносцы и подводный флотъ были отложены». Къ чему это привело—опытъ настоящей войны показалъ съ достаточною ясностью. И г. Савичъ совершенно логично пришелъ къ заключенію, что «должны быть измѣнены условія комплектованія высшихъ должностныхъ лицъ государства». Онъ протестовалъ противъ безнаказанности служебныхъ упущеній и служебныхъ преступленій, совершенныхъ высокопоставленными лицами.

Такъ говорилъ октябристъ; нетрудно угадать смыслъ и тонъ послѣдующихъ ораторовъ, принадлежащихъ къ оппозиціоннымъ фракціямъ. Они широко раздвинули рамки картины, не ограничиваясь критикою дѣйствій, такъ или иначе связанныхъ съ войною. «Бывшій военный министръ—воскликнулъ И. Н. Ефремовъ (прогрессистъ)—«въ январѣ, въ частномъ собраніи Думы, давалъ противоположныя истинѣ успокоительныя завѣренія о боевой готовности нашей арміи... Довольно тайнъ, довольно лжи! Русскій народъ достаточно поплатился за нихъ... Общественная дѣятельность стѣснена, національныя несправедливости обострены, рабочія организаціи разгромлены, экономическая жизнь страдаетъ отъ неумѣлаго вмѣшательства и несогласованности распоряженій агентовъ власти... Нѣтъ политической амнистіи; тысячи русскихъ людей томятся въ изгнаніи и неволѣ»... Настоятельную необходимость амнистіи ярко выставилъ на видъ и представитель партіи народной свободы, П. Н. Милюковъ. Онъ напомнилъ о процессѣ пяти соціалъ-демократовъ - членовъ Государственной Думы, процессѣ, «инсценированномъ бывшимъ министромъ, имя котораго останется въ исторіи символомъ русскаго неправосудія». «Чтобы вернуть обществу весь первоначальный запасъ энтузіазма, который такъ неумѣло растрачивался», П. Н. Милюковъ не видитъ другого способа, какъ немедленное возвращеніе въ среду Думы осужденныхъ депутатовъ и распространеніе мѣры, счастливо примѣненной къ В. Л. Бурцеву [1]), на всю категорію лицъ, осужден-

---

[1]) В. Л. Бурцевъ, давно эмигрировавшій за границу, вернулся добровольно въ началѣ войны, но былъ арестованъ, судимъ по раньше возбужденному противъ него дѣлу, приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе и водворенъ въ Сибирь. Помилованіе его состоялось за нѣсколько дней до открытія думской сессіи.

ныхъ за политическія преступленія. Онъ возстаетъ противъ цензурныхъ строгостей, справедливо находя, что онѣ способствуютъ возникновенію темныхъ слуховъ о предательствѣ, «забирающихся высоко и никого не щадящихъ». Въ рѣчи П. Н. Милюкова нашла, наконецъ, справедливую характеристику «невѣжественная попытка посягнуть на національность и вѣру только-что пріобрѣтенной; провинціи, для управленія которою посланы были отбросы провинціальнаго чиновничества» [1]. О преступной растратѣ капиталовъ общественнаго энтузіазма и общественной бодрости» говорилъ, съ большимъ подъемомъ, и представитель трудовиковъ, А. Ф. Керенскій. Средство возвратить утраченное онъ видитъ въ амнистіи, въ раскрытіи правды и въ осуществленіи элементарныхъ требованій политической свободы; «не можетъ защищать себя страна со связанными руками и завязанными глазами». Въ рѣчи Н. С. Чхеидзе, представителя соціалъ-демократической фракціи, поражаютъ указанія на взятіе русскими властями заложниковъ отъ русскихъ подданныхъ-евреевъ и на расправу съ рабочими, требовавшими «грошевой прибавки»; послѣднее ораторъ обѣщалъ подтвердить фактически, путемъ запроса.

Въ засѣданіи 20-го іюля говорили представители евреевъ, армянъ, латышей, балтійскихъ нѣмцевъ, литовцевъ, эстонцевъ, мусульманъ. Впечатлѣніе, производимое ихъ словами, по большей части удручающее. Само собою разумѣется, что самая тяжелая участь выпала на долю евреевъ: рѣчь, произнесенную отъ ихъ имени депутатомъ Фридманомъ, нельзя читать безъ глубокаго волненія. На Кавказѣ, по словамъ деп. Пападжанова, «армянскія дружины имѣютъ впереди врага озвѣрѣлаго и не знающаго пощады, а позади—недоброжелательную критику, коварныя интриги и ложные слухи, распускаемые съ непонятною энергіею». «Камни должны вопіять о томъ—воскликнулъ деп. Гольдманъ (латышъ)—что въ такой тяжелый моментъ во главѣ администраціи Курляндской губерніи все еще стоитъ лицо, управленіе котораго оставитъ въ каждомъ патріотѣ воспоминаніе тяжелаго сна». Представитель литовскаго крестьянства, Н. О. Янушкевичъ, утверждалъ, что правительство не считается съ огромными потерями населенія, и гнетъ административнаго давленія не ослабѣваетъ. Въ отношеніи мусульманъ и вообще

---

[1] По этому поводу нельзя не вспомнить, какъ тяжело рука цензора ложилась на все то, что пыталась сказать печать о внутренней жизни занятой нашими войсками Галиціи. Если перемѣна, происшедшая въ средѣ „умѣренно-правыхъ", возбуждаетъ невольный скептицизмъ, этому въ значительной степени способствуютъ свѣдѣнія о галиційской дѣятельности націоналистовъ, состоявшихъ или состоящихъ членами Государственной Думы.

инородцевъ—заявилъ съ трибуны М. Ю. Джафаровъ,—власть продолжаетъ практиковать политику, не имѣющую ничего общаго съ разумными государственными интересами. Дѣло доходитъ до открытой травли инородцевъ. Подъ шумъ войны съ мирнымъ мусульманскимъ населеніемъ творились и творятся ужасы; вымогательства, грабежи и убійства мусульманъ сдѣлались обычными».

Характерную рѣчь произнесъ, въ томъ же засѣданіи, представитель крестьянскихъ депутатовъ, Евсѣевъ. «Только теперь—сказалъ онъ съ глубокою горечью—обнажилась передъ нами правда, которую отъ насъ такъ тщательно скрывали. Намъ завѣдомо говорили неправду... Говорятъ, что въ дѣлѣ снабженія боевыми припасами замѣшаны какія-то безотвѣтственныя лица, и потому ничего нельзя съ этимъ подѣлать. Но передъ народомъ и Государемъ не должно быть безотвѣтственныхъ лицъ. Дѣло обороны государства до сихъ поръ было въ рукахъ кучки людей, а отъ Гос. Думы оно было тщательно завѣшано... Въ области нашихъ внутреннихъ дѣлъ все по-старому. Какъ тысячу лѣтъ тому назадъ въ Россіи, при всемъ прочимъ изобиліи, порядка не было... Агенты власти на мѣстахъ укрѣпляются на своихъ старыхъ позиціяхъ, творятъ всякія обиды и чинятъ всякія беззаконія. Мелкая внутренняя война власти съ народомъ возмущаетъ народное сердце... Дѣло не въ лицахъ, а во всемъ строѣ и управленіи... Въ странѣ должна быть утверждена закономъ безусловная трезвость на вѣчныя времена. Необходимо спѣшное проведеніе законовъ о надѣленіи землею безземельныхъ и малоземельныхъ, о реформѣ волости, о введеніи подоходнаго налога». Въ простой, безхитростной формѣ здѣсь сказано очень многое, хотя, конечно, не исчерпаны ни всѣ тяготы, лежащія на крестьянствѣ, ни всѣ его нужды.

Противъ созыва Думы велась, какъ извѣстно, упорная борьба; его находили если не вреднымъ, то несвоевременнымъ, излишнимъ даже нѣкоторые члены Думы, какъ напр. Н. А. Хомяковъ. Между тѣмъ, достаточно было двухъ ея засѣданій, чтобы внести въ нашу душную атмосферу свѣжую, бодрящую струю. Такъ велика сила живого, свободнаго слова, передъ которымъ «уступаетъ свѣту мракъ упрямый». И уже теперь можно сказать съ полною увѣренностью, что какъ ни горька правда, до извѣстной степени раскрытая Думой, она не уменьшитъ, а увеличитъ силу противодѣйствія внѣшнему врагу, не дастъ ему никакого повода разсчитывать на внутреннюю смуту, какъ на залогъ его побѣды. Никто, рѣшительно никто не высказался хотя бы намекомъ, хотя бы полусловомъ въ пользу скорѣйшаго окончанія войны. Общая всѣмъ мысль совершенно ясно выражена въ первыхъ словахъ формулы перехода: Дума, «прекло-

няясь передъ славными и безпримѣрными подвигами нашихъ армій и флота, удостовѣряетъ, что истекшій годъ военныхъ испытаній еще болѣе укрѣпилъ во всемъ населеніи имперіи непреклонную и единодушную рѣшимость продолжать, совмѣстно съ нашими вѣрными союзниками, борьбу до успѣшнаго конца и не заключать мира до окончательной побѣды». Чѣмъ больше территорія, захваченная врагами, чѣмъ тяжелѣе страданія населенія, чѣмъ возмутительнѣе способъ веденія войны, принятый австро-германцами, чѣмъ безпредѣльнѣе притязанія, заявляемыя ими уже теперь на случай ихъ побѣды, тѣмъ яснѣе необходимость отстаивать до конца великія начала справедливости и права, торжество которыхъ только одно и можетъ предупредить повтореніе ужасовъ, пережитыхъ и переживаемыхъ цивилизованнымъ міромъ.

Сближеніе партій, обрисовавшееся въ засѣданіяхъ 19 и 20 іюля и несомнѣнно носящее характеръ сдвига налѣво, оказывается, повидимому, до извѣстной степени устойчивымъ. Доказательствомъ этому служатъ происходившіе 21-го іюля выборы предсѣдателей думскихъ комиссій. Три года тому назадъ состоялось по этому предмету соглашеніе между націоналистами и октябристами, обезпечившее за первыми нѣсколько предсѣдательскихъ мѣстъ въ важнѣйшихъ изъ числа комиссій. Теперь октябристы отказались отъ этого соглашенія, вслѣдствіе чего предсѣдатели-націоналисты во многихъ комиссіяхъ уступили мѣсто прогрессистамъ и даже конституціоналистамъ-демократамъ. Особенно серьезное значеніе имѣетъ выборъ предсѣдателя военно-морской комиссіи, выдвигаемой на первый планъ событіями и уроками военнаго времени. При первой баллотировкѣ предсѣдателемъ комиссіи, въ составъ которой впервые вошли представители оппозиціи, былъ выбранъ В. В. Шульгинъ, числящійся—или числившійся—націоналистомъ, но рѣзко отдалившійся отъ этой партіи подъ вліяніемъ дѣла Бейлиса и хорошо знакомый съ положеніемъ арміи, въ рядахъ которой онъ находился съ самаго начала военныхъ дѣйствій. Когда г. Шульгинъ отказался отъ принятія этого поста, большинство голосовъ получилъ А. И. Шингаревъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся кадетовъ, талантливый ораторъ, неутомимый работникъ, врачъ по профессіи, но прекрасно освѣдомленный въ области вопросовъ финансовыхъ и административныхъ. Число полученныхъ имъ голосовъ (33, противъ 29, поданныхъ за октябриста А. Д. Протопопова) свидѣтельствуетъ о томъ, что за него голосовали не одни только оппозиціонные депутаты. В. М. Пуришкевичъ, возвратившійся съ театра войны, повидимому, другимъ человѣкомъ, мотивировалъ свой вотумъ характерными словами: «лучше А. И. Шингаревъ, чѣмъ побѣда Германіи». Прежній предсѣдатель

комиссіи, г. Балашовъ, получилъ только *восемь* голосовъ, хотя его товарищей по партіи—націоналистовъ—въ комиссіи числится пятнадцать.

Судя по обмѣну мыслей, происходившему 21-го іюля въ совѣтѣ старѣйшинъ, усилія «правыхъ» будутъ направлены къ тому, чтобы ограничить, въ теченіе настоящей сессіи, кругъ занятій Думы и тѣмъ самымъ сократить длительность сессіи. Противъ этого плана особенно сильно и вѣско возражалъ А. Ф. Керенскій. Государственная Дума, по его словамъ, «собралась для того, чтобы вывести страну изъ того крайне тяжелаго положенія, которое создалось благодаря дезорганизаціи и тяжелому настроенію въ общественныхъ кругахъ. Первой задачей Думы, поэтому, является созданіе атмосферы, при которой возможна была бы правильная работа въ дѣлѣ обороны страны. Слова о единеніи Гос. Дума должна превратить въ дѣло. А для этого нужно разсмотрѣть законопроекты о равноправіи отдѣльныхъ національностей, о свободѣ союзовъ и, въ частности, кооперативовъ, о свободѣ печати и т. п. Нужно возстановить финляндскую конституцію». Къ этому перечню слѣдуетъ прибавить возстановленіе избирательнаго закона 1905-го года, на почвѣ котораго только и возможна отвѣтственность министерства—и, по меньшей мѣрѣ, первые шаги къ улучшенію матеріальнаго и юридическаго положенія народной массы.

P. S. Въ дѣятельность Госуд. Думы внесено небывалое оживленіе. Общихъ засѣданій, послѣ 20-го числа, еще не было, но засѣданія комиссіи военно-морской (вмѣстѣ съ бюджетною) привлекаютъ множество депутатовъ, и рѣчи членовъ комиссіи, довольно подробно излагаемыя въ печати, обращаютъ къ себѣ общее вниманіе. И это вполнѣ понятно: на очереди стоитъ вопросъ первостепенной важности. Разсматриваются параллельно два способа урегулированія заготовокъ, отъ успѣшнаго окончанія которыхъ зависитъ, въ значительной степени, судьба войны. Все яснѣе и яснѣе раскрывается ужасающая картина «вѣдомственной борьбы», такъ долго замедлявшей и затруднявшей осуществленіе самыхъ неотложныхъ, самыхъ необходимыхъ мѣропріятій. Нельзя читать безъ негодованія разсказъ М. В. Родзянко о пріемахъ артиллерійскаго управленія, «мертвившихъ всякую общественную самодѣятельность», о печальномъ исходѣ всѣхъ попытокъ, направленныхъ къ объединенію разрозненныхъ силъ, къ устраненію привычной рутины. Лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ удалось освѣтить истинное положеніе вещей и сдѣлать первый шагъ къ желанной перемѣнѣ. Совѣ-

щаніе, организованное въ концѣ мая, оказалось, однако, не только запоздалымъ, но и несовершеннымъ средствомъ разрѣшенія трудной задачи. Правительствомъ внесенъ въ Думу законопроектъ, подробно опредѣляющій его устройство и вводящій его въ составъ военнаго министерства; партіею народной свободы внесенъ контръ-проектъ, предлагающій созданіе особаго главнаго управленія военныхъ снабженій. Близость выхода книжки исключаетъ возможность подробнаго разбора обоихъ проектовъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свои достоинства и свои недостатки. Правительственный проектъ не требуетъ устройства новаго вѣдомства—дѣла, безспорно нелегкаго въ военное время,—но возлагаетъ тяжелый трудъ и тяжелую отвѣтственность на военнаго министра, безъ того уже обремененнаго сверхъ мѣры. Проектъ партіи народной свободы увеличиваетъ сумму силъ, мобилизуемыхъ въ критическую минуту, но не даетъ достаточныхъ гарантій противъ возобновленія вѣдомственныхъ треній. Несомнѣнное и весьма важное преимущество второго проекта—введеніе въ совѣщаніе, образуемое при новомъ вѣдомствѣ, представителей отъ рабочихъ. Ничто не мѣшаетъ, впрочемъ, пополненію ими того совѣщанія, которое намѣчается правительственнымъ проектомъ. Разъ что членами совѣщанія являются предприниматели, непривлеченіе къ нему рабочихъ было бы явнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ нежелательнымъ нарушеніемъ справедливости. Другая сильная сторона проекта партіи народной свободы—предлагаемое имъ учрежденіе особой контрольной комиссіи, составленной исключительно изъ членовъ законодательныхъ палатъ.

Странными словами обмолвился докладчикъ комиссіи, депутатъ Савичъ; «во время войны—сказалъ онъ—Госуд. Дума функціонировать не будетъ». Если она функціонируетъ теперь и сессія ея—нужно надѣяться—окончится еще нескоро, то что же можетъ помѣшать ея новому созыву въ военное время? Вѣдь окончаніе войны не предвидится въ ближайшемъ будущемъ,—а чѣмъ труднѣе обстоятельства, тѣмъ цѣлесообразнѣе думская работа. Теперь меньше чѣмъ когда-либо можно въ этомъ сомнѣваться. Въ словахъ г. Савича слышится отголосокъ того отрицательнаго отношенія къ длительности думской сессіи, о которомъ упоминается выше. Пожелаемъ, чтобы они оказались «послѣднею тучей разсѣянной бури».

К. Арсеньевъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Первый день сессіи Госуд. Думы. — Различные отвѣты на общій всѣмъ вопросъ: какъ организовать побѣду? — Законопроектъ о призывѣ ратниковъ второго разряда. — Итоги девяти лѣтъ управленія вѣдомствомъ суда И. Г. Щегловитовымъ.—„Мастеръ и артистъ своей служебной техники".—Отмѣна циркуляра и жеребьевки евреевъ.

Если бы вся открывшаяся 19-го іюля сессія Государственной Думы ограничилась только однимъ первымъ днемъ, то и тогда можно было бы съ полнымъ правомъ утверждать, что Дума была созвана не напрасно, и даже болѣе того—что ея созывъ былъ необходимъ. Во-первыхъ, изъ рѣчей, которыя были сказаны справа, слѣва, изъ центра, а также представителями правительства, съ полной ясностью и точностью опредѣлилось то, что чувствовалось, но рисовалось въ малоопредѣленныхъ и туманныхъ очертаніяхъ: чрезвычайная важность момента и исключительная серьезность положенія. Во-вторыхъ, Дума громко и внятно сказала и союзникамъ, и врагамъ, и державамъ, сохраняющимъ нейтралитетъ, что во всѣхъ теченіяхъ нашей политической мысли, среди всѣхъ національностей и во всѣхъ слояхъ и классахъ господствуетъ лозунгъ: войну продолжать, и не считаясь ни съ жертвами, ни съ неудачами минуты, довести до побѣднаго конца. Изъ стѣнъ Таврическаго дворца отнынѣ стало извѣстно вездѣ и всюду за рубежомъ, что въ Россіи нѣтъ и тѣни утомленія, что нервы страны напряжены, но крѣпки и сильны.

Мы, русскіе, сверхъ того услышали то свободное отъ цензурныхъ путъ и запретовъ слово, которое не раздавалось цѣлый годъ. И мы увидѣли, что это слово, стиснутое въ тяжелые тиски во имя успѣха войны, не только не понизило тона общественнаго настроенія, но, напротивъ, его повысило. Засѣданіе Думы 19-го іюля, несмотря на ярко оппозиціонныя и даже желчныя рѣчи слѣва, несмотря на оппозиціонныя ноты рѣчей изъ центра, сыграло роль грандіозной патріотической манифестаціи. Подъ угломъ зрѣнія ораторовъ оппозиціи и подъ звуки ихъ рѣчей, съ особенною красочностью выступила всѣхъ охватившая

страстная жажда продолжать вооруженную борьбу—для защиты сейчасъ и для побѣды въ будущемъ.

Дума, какъ одинъ человѣкъ, восторженно привѣтствовала генерала Рузскаго. Дума была единодушна въ оваціяхъ по адресу представителей польскаго кола. Дума не дѣлилась на фракціи, когда встала, чтобы почтить память князя Геловани. Графъ Бобринскій вспомнилъ о крестѣ на могилѣ Колюбакина. Въ словахъ наиболѣе крайнихъ лѣвыхъ ораторовъ ясно звучала та же самая жажда побѣды, что и въ словахъ ихъ ближайшихъ и отдаленныхъ сосѣдей. Это важно и знаменательно. А что представители различныхъ политическихъ теченій предлагали различные способы достиженія общей для всѣхъ цѣли и что, обосновывая свои предложенія, ораторы оппозиціи не останавливались передъ яркимъ иллюстрированіемъ своихъ мыслей,—да развѣ есть въ этомъ малѣйшая опасность для исхода войны и развѣ могло быть иначе?

Передъ всѣми представителями фракцій, говорившими въ засѣданіи Думы 19 іюля, стоялъ одинъ вопросъ: какъ организовать побѣду? Побѣдить врага—задача войска. Но организовать побѣду, обезпечить войску ея возможность—задача тѣхъ, кто остался въ тылу позицій и окоповъ. Въ моментъ войны страна—резервъ арміи. «Армія—говорилъ въ Думѣ военный министръ ген. Поливановъ—сдѣлаетъ свое дѣло, но она должна чувствовать, что за ней стоитъ мощный резервъ, и этимъ резервомъ должна быть вся страна». Вся страна—это народъ, общественность, крестьяне и рабочіе, промышленники и люди нтеллектуальнаго труда, члены законодательныхъ палатъ, органы мѣстной администраціи и центральная правительственная власть. И успѣхъ войны повелительно требуетъ, чтобы всѣ безконечно разнородные элементы страны, правящіе и управляемые, избранные и избиратели, дающіе работу и ее исполняющіе,—чтобы всѣ они слились воедино. Ибо только тогда армія получитъ несокрушимый въ его мощи резервъ.

Есть старый способъ государственнаго воздѣйствія: способъ приказа, принужденія. Но безсиліе этого способа дать арміи необходимый для побѣды резервъ и его неприложимость въ условіяхъ той громадной опасности, которая надвинулась, сознана и правительствомъ. И. Л. Горемыкинъ заявлялъ о «нравственной потребности» правительства дѣйствовать въ полномъ единомысліи съ законодательными учрежденіями. И затѣмъ, по поводу законопроекта объ участіи представителей законодательныхъ собраній, общественныхъ учрежденій и русской промышленности въ дѣлѣ снабженія арміи боевыми припасами, обезпеченія промышленности топливомъ и согласованія мѣръ

по продовольствію арміи и страны,—онъ говорилъ: «опытъ такого привлеченія общественныхъ силъ къ дѣлу обороны сдѣланъ и доказалъ свою жизненность и пригодность. Это побуждаетъ правительство шире и крѣпче сплотить внутреннія силы страны въ работѣ надъ обезпеченіемъ боевого снабженія нашей арміи и устроеніемъ нашего тыла».

Яркимъ диссонансомъ прозвучали, въ данномъ отношеніи, не рѣчи министровъ, а рѣчь представителя крайнихъ правыхъ, Н. Е. Маркова 2-го. Избранникъ землевладѣльцевъ Курской губерніи также отвѣчалъ на вопросъ, какъ организовать побѣду. Но для этого, по мнѣнію его политическихъ единомышленниковъ, нѣтъ надобности ни въ привлеченіи къ дѣйственному участію въ обслуживаніи войны общественныхъ силъ, ни въ единеніи власти съ общественностью, ни въ сплоченіи всей страны въ народный резервъ арміи. Такимъ резервомъ можетъ и должна служить одна правительственная власть, дѣйствующая обособленно, самостоятельно и при помощи обычнаго арсенала мѣръ, первая изъ которыхъ—суровыя кары. Ту же мысль о принужденіи и приказѣ проводилъ отъ имени правыхъ и въ Госуд. Совѣтѣ М. Н. Дурново «Мы считаемъ—говорилъ г. Марковъ,—что правительство немедленно должно приступить къ организаціи верховнаго управленія по снабженію арміи, что оно должно озаботиться предоставленіемъ ему права пересылать рабочихъ за тысячи верстъ, доставлять продукты и матеріалы, наказывать тѣхъ, кто уклоняется, и т. д. Правительство должно, если нужно, примѣнить военные законы». Г. Марковъ требовалъ, чтобы для удержанія цѣны рубля примѣнялись «суровыя и рѣшительныя» мѣры, до разстрѣла включительно».

И всѣ свои пожеланія и обращенія къ прошлому и настоящему г. Марковъ подкрѣплялъ указаніями на примѣръ... Германіи. Онъ обвинялъ правительство въ слабости мѣръ борьбы съ германскимъ шпіонствомъ и въ поблажкахъ германскимъ подданнымъ, объясняя ими погромъ въ Москвѣ; онъ называлъ германцевъ «ненавистными тевтонами»—и онъ же лучшимъ аргументомъ противъ требованія отвѣтственнаго министерства выставлялъ ссылку на Германію, гдѣ «правительство не отвѣтственное, а назначается императоромъ (въ стенограммѣ рѣчи записано: «кайзеромъ»), помимо одобренія рейхстага». Мало того: онъ укорялъ наше военное министерство за то, что оно не шло по стопамъ Германіи, гдѣ уже давно «всѣ, до послѣдняго мальчишки, стали милитаристами», и наше общество за то, что оно «занималось миролюбіемъ и пацифизмомъ». Россія ведетъ войну во имя освобожденія міра отъ ига милитаризма. Задача войны—

разметать «гнѣздо милитаризма», свитое въ центрѣ Европы. А наши крайніе правые, устами г. Маркова, бросаютъ укоры, что такого же гнѣзда не было свито и у насъ...

Если расположить всѣ остальныя рѣчи обратно тому порядку, въ которомъ онѣ были сказаны, то получится весьма полная схема отвѣтовъ на жгучій вопросъ минуты, начиная съ наиболѣе радикальныхъ. Представитель соціалъ-демократической фракціи, Н. С. Чхеидзе, говорилъ: «правительство должно уйти; народъ долженъ взять въ свои руки судьбу страны». Трудовикъ, А. Ф. Керенскій, тоже призывалъ «само населеніе взять въ свои руки спасеніе страны и добиться рѣшительнаго права на управленіе государствомъ». Оба они не намѣчали формъ, въ которыхъ можетъ вылиться, къ тому же безотлагательно, управленіе страной и государствомъ народомъ и «самимъ населеніемъ»; а потому ихъ отвѣты имѣли декларативный характеръ.

Лидеръ фракціи прогрессистовъ, И. Н. Ефремовъ, требовалъ отвѣтственнаго министерства. Лидеръ фракціи народной свободы, П. Н. Милюковъ шелъ нѣсколько дальше и требовалъ также «серьезнаго обновленія мѣстной администраціи».

Въ своей рѣчи П. Н. Милюковъ, между прочимъ, отмѣтилъ одинъ фактъ, на который до сихъ поръ какъ-то слишкомъ мало обращалось вниманія. Онъ говорилъ о дезорганизаціи народнаго мнѣнія, въ связи съ военными неудачами: «Въ верхахъ и въ низахъ, среди грамотныхъ и неграмотныхъ, въ столицѣ и въ глухой провинціи, изъ края въ край земли русской расползается темный слухъ о предательствѣ, объ измѣнѣ. Слухъ этотъ забирается высоко и никого не щадитъ». И едва-ли можно оспорить данное ораторомъ объясненіе появленію «ядовитаго сѣмени подозрѣній». «Нездоровое направленіе этому чувству,—продолжалъ онъ,—придала отчасти сама власть своимъ потворствомъ навѣту на евреевъ, своимъ поощреніемъ народнаго негодованія противъ нерусскихъ фамилій и прямымъ попустительствомъ относительно погромныхъ настроеній, слѣдствіемъ которыхъ являются событія въ родѣ московскихъ».

Парламентаризмъ программой октябристовъ отвергается, и требованія, чтобы министерство было формально отвѣтственно передъ палатами, рѣчи двухъ представителей расколовшихъ октябризмъ теченій, Б. И. Каразина и Н. В. Савича, въ себѣ не заключали. Но они заключали въ себѣ совершенно опредѣленное требованіе о подчиненіи правительства контролю общества. Н. В. Савичъ рѣзко осуждалъ министерство за то, что оно поступало вопреки тому, въ чемъ Дума формулировала свои пожеланія. Онъ говорилъ о «разрывѣ между пра-

вительствомъ и народомъ», «имѣющемъ глубокіе корни». По мнѣнію представляемой имъ группы октябристовъ, «должны быть измѣнены условія комплектованія высшихъ должностныхъ лицъ государства». «Когда мы,—говорилъ Б. И. Каразинъ,—подходимъ къ вопросу снабженія арміи, мы должны сказать, что безъ контроля общественнаго въ широкомъ смыслѣ, безъ планомѣрности организаціи, безъ подъема производительныхъ силъ народнаго труда, бюрократическая машина съ этимъ не справится, какъ не справилась и ранѣе. Поэтому и задача момента — объединеніе общественныхъ силъ съ правительствомъ». Во всѣхъ этихъ словахъ ясно слышно если не требованіе, то излюбленное октябристами пожеланіе, чтобы организовало побѣду министерство, объединенное съ общественными силами и морально отвѣтственное передъ обществомъ въ лицѣ Государственной Думы.

А на слѣдующій день гр. Беннигсенъ уже прямо высказался въ пользу отвѣтственнаго министерства и только оправдывалъ свою фракцію въ томъ, что она не настаиваетъ на немъ въ настоящую минуту. Годъ войны—сказалъ гр. Беннигсенъ при обсужденіи поправокъ къ формулѣ гр. Бобринскаго — многому насъ научилъ и, между прочимъ, тому, что на будущее время начало безотвѣтственности правительства сохраняемо быть не можетъ. Но установленіе начала отвѣтственности должно повлечь за собою такую ломку, такое измѣненіе цѣлаго ряда законовъ, начиная съ основныхъ, что въ настоящее время, когда все вниманіе должно быть устремлено исключительно на одну цѣль — побореніе врага, — нельзя говорить о такихъ коренныхъ измѣненіяхъ нашего строя. Кончится война, и мы вамъ обѣщаемъ, что и мы будемъ съ вами въ борьбѣ за это начало».

Рѣчь націоналиста гр. В. А. Бобринскаго, дышавшая готовностью забыть внутрипарламентскую партійную рознь и также чувствомъ отвѣтственности, была построена не на просьбахъ, а на обращаемыхъ къ правительству требованіяхъ. Въ словахъ гр. В. А. Бобринскаго не было привычнаго въ устахъ націоналиста протеста противъ вмѣшательства законодательныхъ учрежденій въ задачи и функціи управленія. Напротивъ, онъ говорилъ о властномъ воздѣйствіи Думы на правительство. Онъ не говорилъ о контролѣ, но заявлялъ: «если мы убѣдимся на дѣлѣ». Онъ не сказалъ словъ: «отвѣтственное министерство», но опредѣленно формулировалъ, при наличности какихъ условій Дума, по воззрѣнію націоналистовъ, будемъ «съ правительствомъ». Нашелъ гр. Бобринскій слова примиренія и по адресу рабочихъ: «Вмѣсто того, чтобы ссылать нашихъ рабо-

чихъ въ енисейскую губернію, дайте имъ возможность поѣхать къ окопамъ».

Таковы отзвуки голоса земли.

Изъ рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ извѣстно лишь то, что «правительство, съ своей стороны, вноситъ только законопроекты, вызванные потребностями войны». И изъ этихъ законопроектовъ имъ были названы три: о призывѣ ратниковъ ополченія второго разряда, о расширеніи эмиссіоннаго права Государственнаго банка и объ участіи общественныхъ силъ въ дѣлѣ снабженія арміи. И. Л. Горемыкинъ упомянулъ еще объ одномъ проектѣ, касающемся вопроса, «стоящаго какъ бы на грани между войною и внутренними дѣлами»,—о проектѣ «предоставленія Польшѣ, по завершеніи войны, права свободнаго строенія своей національной, культурной и хозяйственной жизни на началѣ автономіи». Проектъ разрабатывается, но будетъ ли онъ готовъ и внесенъ въ Думу въ теченіе настоящей сессіи, И. Л. Горемыкинъ не объяснилъ. Можно ожидать, что вниманію Думы будетъ предложено не мало проектовъ, разработанныхъ въ думскихъ фракціяхъ, ибо лѣвыя фракціи, какъ сообщалось въ газетахъ, намѣрены широко использовать права думской иниціативы. И надо надѣяться, что разсмотрѣніе этихъ проектовъ не встрѣтитъ препятствій ни внутри Думы, ни со стороны министерства.

Громадный контингентъ ратниковъ ополченія второго разряда, численностью, по даннымъ, сообщеннымъ въ Думѣ военнымъ министромъ, превышающій восемь милліоновъ человѣкъ, состоитъ преимущественно изъ лицъ, которыя при достиженіи призывного возраста имѣли льготу перваго разряда. По существу вопроса о привлеченіи этихъ лицъ къ боевой службѣ во время войны, мы писали всего два мѣсяца тому назадъ и повторять нашихъ соображеній не будемъ. Скажемъ только, что считаемъ мѣру и цѣлесообразной, и справедливой. Послѣ указа о призывѣ новобранцевъ срока 1917-го года она сдѣлалась настоятельно и неотложно необходимой. Въ п. 5 указа 10-го іюля говорится: «Лица, призываемыя на военную службу согласно сему указу, не пользуются правомъ на льготы либо отсрочки по семейному и имущественному положенію, а также на изъятія по званію и роду занятій». Такимъ образомъ, создалось такое положеніе, что молодые люди, родившіеся въ 1896-мъ году и призываемые на два года ранѣе нормальнаго срока, лишены права на льготу и съ 7-го августа всѣ поголовно, кромѣ больныхъ и физически негодныхъ къ военной службѣ, поступятъ въ войска, а родившіеся въ предшествовавшіе, вплоть до 1895-го, годы льготой перваго разряда, отсрочками по семейному и имущественному положенію и изъятіями воспользовались.

Изъ ратниковъ ополченія второго разряда предположено взять лишь «нѣкоторую часть младшихъ возрастовъ». При такихъ условіяхъ, никакого особаго разстройства въ хозяйственную жизнь страны проектируемая мѣра не внесетъ. Людей въ Россіи много, очень много. Если въ смыслѣ богатства артиллерійскаго снабженія Германіи принадлежитъ значительный перевѣсъ, то не только правотой дѣла, но и запасомъ бойцовъ мы неизмѣримо богаче.

При прощаніи И. Г. Щегловитова съ чинами министерства юстиціи, ближайшій сотрудникъ ушедшаго министра, А. Н. Веревкинъ, въ своей «теплой», по отзыву «Новаго Времени», рѣчи, между прочимъ, сказалъ: «Осуществленныя за время вашего пребыванія во главѣ судебнаго вѣдомства преобразованіе мѣстнаго суда, серьезное улучшеніе матеріальнаго положенія честныхъ тружениковъ судебнаго дѣла и многоразличныя улучшенія въ области уголовнаго и гражданскаго судопроизводства,—все это такіе памятники вашихъ трудовъ, благодаря которымъ годы вашего пребыванія на посту министра юстиціи и генералъ-прокурора составляютъ цѣнную эпоху въ жизни и развитіи отечественнаго суда».

И. Г. Щегловитовъ занималъ постъ главы министерства юстиціи болѣе девяти лѣтъ,—тѣхъ исключительныхъ девяти лѣтъ, на одной грани которыхъ стоитъ созывъ первой Думы, а на другой—канунъ годовщины войны и ускоренный, въ связи съ войною, созывъ четвертой Думы. Это девятилѣтіе «въ жизни и развитіи отечественнаго суда» дѣйствительно составило эпоху. Но если въ торжественную минуту прощанія А. Н. Веревкинъ, котораго никто не заподозритъ въ несочувственномъ отношеніи къ дѣятельности И. Г. Щегловитова, назвалъ «памятникомъ» его трудовъ преобразованіе мѣстнаго суда, увеличеніе жалованья чинамъ судебнаго вѣдомства и «многоразличныя улучшенія въ области уголовнаго и гражданскаго судопроизводства»,— то такое обоснованіе вывода уже само по себѣ представляется достаточно характернымъ.

Въ первую Думу, какъ извѣстно, министерствомъ и, въ частности, министерствомъ юстиціи никакихъ законопроектовъ внесено не было, кромѣ пресловутаго проекта о юрьевской прачешной. Ко дню открытія второй Думы всѣ вѣдомства изготовили въ огромномъ количествѣ самые разнообразные законопроекты, какъ по основнымъ, такъ и по второстепеннымъ вопросамъ законодательства. Министромъ юстиціи, между другими, былъ внесенъ законопроектъ по вопросу о сношеніи суда съ тяжущимися черезъ почту. И въ теченіе всѣхъ трехъ мѣсяцевъ жизни второй Думы, тогдашній товарищъ министра

юстиціи,—почтенный и заслуженный судебный дѣятель,—не уставалъ напоминать, то въ одной, то въ другой думской комиссіи, о необходимости скорѣе дать ходъ этому законопроекту. Думу волновалъ вопросъ о смертной казни, Дума задавалась коренной реформой всего судебнаго строя, а ей настойчиво твердили, что пора упростить формы сношенія суда съ тяжущимися.

Какъ живой, всталъ въ памяти этотъ эпизодъ послѣ рѣчи А. И. Веревкина. Въ глазахъ чиновниковъ увеличеніе жалованья есть всегда первѣйшая и главнѣйшая заслуга начальника. Но это домашнее, такъ сказать, дѣло вѣдомства. Преобразованіе мѣстнаго суда, какъ оно проектировалось въ первые годы управленія И. Г. Щегловитовымъ министерствомъ юстиціи,—дѣло, конечно, другого порядка, и по сравненію съ увеличеніемъ жалованья, и по сравненію съ закономъ о сношеніи суда съ тяжущимися черезъ почту. Если же, однако, взять не первоначальный законопроектъ, а то, во что законопроектъ вылился, то окажется, что главное содержаніе закона, именуемаго закономъ о мѣстномъ судѣ, представляетъ собою также только «многоразличныя» измѣненія и, готовы согласиться, улучшенія процессуальныхъ правилъ,—измѣненія и улучшенія техническаго характера, вовсе ужъ не столь далекія отъ вопроса о порядкѣ сношенія суда съ тяжущимися. Выборный мировой институтъ, правда, въ десяти губерніяхъ возстановленъ, но предсѣдательствованіе въ мировомъ съѣздѣ возложено на судью коронного. Особый сословный судъ для крестьянъ сохраненъ. И какимъ рисовалъ себѣ И. Г. Щегловитовъ выборнаго мирового судью, это онъ съ полной ясностью выразилъ въ рѣчи, сказанной первымъ предсѣдателямъ съѣздовъ. Онъ говорилъ, что въ судѣ должна царствовать правда внѣ связи съ другимъ завѣтомъ монарха, даровавшаго судебную реформу 1864 г.—съ милостью. При разбирательствѣ гражданскихъ дѣлъ, онъ рекомендовалъ всегда помнить интересы имущихъ отвѣтчиковъ и строже относиться къ домогательствамъ неимущихъ истцовъ.

Такимъ образомъ, если устранить «серьезное улучшеніе матеріальнаго положенія честныхъ тружениковъ судебнаго дѣла», то въ словахъ А. Н. Веревкина, какъ конкретное обоснованіе созданной И. Г. Щегловитовымъ «цѣнной эпохи въ жизни и развитіи отечественнаго суда», въ сущности, останутся одни «многоразличныя улучшенія въ области уголовнаго и гражданскаго судопроизводства», т.-е. сокращеніе процессуальныхъ сроковъ, право суда соединять однородныя дѣла въ одно производство и т. п. мѣры, облегчившія отъ излишнихъ формальностей съѣздъ и тяжущихся, а въ уголовномъ процессѣ, главнымъ образомъ, прокуратуру. Все это, допускаемъ, составляетъ, безспорно, активъ, но, думается, активъ весьма легковѣсный для девяти лѣтъ,

въ теченіе которыхъ измѣнился государственный строй, и для министра, имя котораго извѣстно въ юридической литературѣ и который, даже занимая министерскій постъ, не покидалъ профессорской каѳедры. Въ жизни и развитіи нашего суда И. Г. Щегловитовъ эпоху создалъ, и эта эпоха забудется не скоро; но создалъ онъ ее тѣмъ, чего не рискнулъ ему поставить въ активъ, въ торжественную минуту прощанія, даже ближайшій сотрудникъ. Юристъ этого сдѣлать не могъ. Для этого нужна слишкомъ смѣлая безпринципность. Но въ печати нашлось перо, которое, превознося заслуги И. Г. Щегловитова, до конца сдернуло съ него все то, во что онъ драпировался.

«Право» весьма кстати напомнило, что всего только въ прошломъ году, въ сборникѣ министерства юстиціи, изданномъ по случаю пятидесятилѣтія судебныхъ уставовъ, ушедшій нынѣ министръ напечаталъ статью, въ которой съ горячностью повторялъ, что еще Посошковъ былъ сторонникомъ независимости и несмѣняемости судей. «Зависимое правосудіе—читаемъ въ статьѣ—никогда не будетъ правосудіемъ. Независимостью въ отправленіи правосудія всякій судья отличается отъ чиновника. Судья имѣетъ передъ собой только дѣло, законъ и свою совѣсть. Ограждаетъ государство такое положеніе судьи, давая ему несмѣняемость, исключительно, притомъ, въ интересахъ правосудія». Всякій разъ и въ Государственной Думѣ слетали съ устъ И. Г. Щегловитова красивыя слова о судейской независимости и несмѣняемости, когда онъ отвѣчалъ на рѣчи представителей оппозиціи. Если ему говорили о томъ или другомъ изумившемъ юристовъ «разъясненіи», его излюбленной фразой была ссылка на независимый и недоступный стороннимъ вліяніямъ Сенатъ, авторитетъ котораго онъ ставитъ выше авторитета членовъ Думы.

А г. Меньшиковъ основаніе своихъ похвалъ формулируетъ такъ: «Какъ-то въ печати было упомянуто, что при вступленіи въ должность министра И. Г. Щегловитовъ засталъ такой порядокъ: изъ числа судившихся террористовъ 80% оправдывались. Черезъ нѣсколько лѣтъ управленія имъ вѣдомствомъ сложилось наоборотъ: 80% террористовъ получали обвинительный приговоръ. По всѣмъ многочисленнымъ учрежденіямъ вѣдомства юстиціи, И. Г. Щегловитовымъ была произведена мало замѣтная, но существенная чистка, и вѣдомство посвѣжѣло». Правда о министрѣ юстиціи И. Г. Щегловитовѣ, глубоко обидная для юриста-профессора и юриста-писателя, конечно заключается въ этихъ словахъ, а не въ горячемъ воспроизведеніи разсужденій Посошкова и не въ полемическихъ отвѣтахъ съ думской трибуны.

И. Г. Щегловитовъ былъ боевымъ членомъ того правительства, которое ставило своей единственной задачей сначала — борьбу съ революціей, а затѣмъ — ликвидацію всѣхъ проявленій

общественнаго движенія къ гражданской свободѣ и къ правовому укладу народной жизни. И, подобно П. А. Столыпину, Л. А. Кассо и другимъ менѣе яркимъ членамъ смѣнявшихся кабинетовъ, онъ въ достиженіи задачи не зналъ и не желалъ знать никакихъ юридически неодолимыхъ препятствій. Но онъ былъ министромъ юстиціи, т.-е. главой того вѣдомства, которое рѣзко отлично отъ всѣхъ прочихъ министерствъ и, по самой природѣ «независимаго» суда, конструировано не на основаніи принциповъ приказанія и повиновенія. А потому тотъ фактъ, что восемьдесятъ процентовъ «террористовъ»,— если эта цифра не составляетъ плода фантазіи г. Меньшикова,— получали оправдательные приговоры,—такой фактъ не входилъ въ сферу возможнаго съ его стороны воздѣйствія. Положеніе его, какъ министра юстиціи, обязывало понимать этотъ фактъ только въ томъ смыслѣ, что, значитъ, 80 процентовъ привлеченныхъ къ суду не были ни «террористами», ни, вообще, преступниками. Такую обязанность И. Г. Щегловитовъ отъ себя отбросилъ и создалъ изъ министра юстиціи начальника суда, разрѣшающаго, до судебнаго разсмотрѣнія дѣла, вопросъ о виновности тѣхъ, кого по тѣмъ или инымъ политическимъ видамъ правительству желательно было привлечь къ судебной отвѣтственности, посадить въ заключеніе или лишить правъ.

И до него наши министры юстиціи, при старомъ строѣ, грѣшили начальственнымъ вмѣшательствомъ въ отправленіе правосудія; но то, что̀ въ данномъ направленіи дѣлалъ И. Г. Щегловитовъ, превосходитъ всѣ примѣры прошлаго. Длинной чередой встаютъ въ памяти процессъ о выборгскомъ воззваніи, дѣло соціалъ-демократовъ второй думы, дѣло А. А. Лопухина, процессъ «дашнакцутюнъ», изъятый отъ разсмотрѣнія на Кавказѣ и перенесенный въ Петербургъ, дѣло Бейлиса и т. д., и т. д. Въ дѣлѣ Бейлиса надзаконное вмѣшательство министра юстиціи даже оффиціально было признано и раскрыто. Петербургскіе адвокаты, за резолюцію, осуждавшую власть, которая создала дѣло и предала Бейлиса суду, приговорены къ наказанію не за оскорбленіе кіевской прокуратуры и судебной палаты, а за оскорбленіе центральнаго органа правительства—министра юстиціи.

Усвоивъ себѣ роль и положеніе начальника суда, И. Г. Щегловитовъ тѣмъ самымъ стеръ имъ же, какъ писателемъ, подчеркнутую, въ прошломъ году, разницу между судьей и чиновникомъ. Закона, нормирующаго независимость суда, онъ не измѣнилъ; онъ только, какъ выражается г. Меньшиковъ, произвелъ «малозамѣтную, но существенную чистку» въ вѣдомствѣ. Тотъ же нововременскій публицистъ назвалъ И. Г. Щегловитова «большимъ мастеромъ и даже артистомъ своей служебной техники». Дѣйствительно, въ изобрѣтеніи способовъ и

средствъ сдѣлать независимый судъ зависимымъ онъ обнаружилъ таланты мастера, «даже артиста». На каждый нужный случай у него являлось «разъясненіе», всегда снабженное аргументаціей и всегда покрытое авторитетомъ Сената. Дабы найти признаки караемаго высшимъ наказаніемъ дѣянія въ разглашеніи А. А. Лопухинымъ служебной тайны, русская уголовно-кассаціонная практика обогатилась новой теоріей двухъэтажнаго участія въ преступленіи—«участія въ соучастіи». Лыжинъ, судебный слѣдователь по процессу «дашнакцутюнъ», давшій суду подложный слѣдственный матеріалъ, не обѣленъ, но для незыблемости основаннаго на подлогахъ приговора вышло такъ удачно, что онъ оказался впавшимъ въ душевное разстройство послѣ совершенія преступныхъ подлоговъ. И отъ осужденныхъ право требовать пересмотра дѣла не отнято; имъ только предложено терпѣливо сидѣть въ ссылкѣ и ждать, когда Лыжинъ выздоровѣетъ.

Незабываемый памятникъ «большого мастера своей служебной техники» оставилъ по себѣ И. Г. Щегловитовъ постановкой на судъ процесса о выборгскомъ воззваніи. Воззваніе было составлено въ Выборгѣ, въ Финляндіи. Тамъ же составители скрѣпили его своими подписями, и почти всѣ, за немногими исключеніями, по возвращеніи изъ Выборга, ни въ чемъ преступной дѣятельности не проявляли. Подсудность дѣла по мѣсту совершенія дѣянія была, однако, «разъяснена». Но и въ имперскомъ судѣ судить членовъ первой Думы, составившихъ выборгское воззваніе, можно было только за то, что они совершили, т.-е. за составленіе воззванія; судили же ихъ за то, чего они, въ главной массѣ, не совершили — за участіе въ его распространеніи. И теперь, много лѣтъ спустя, никто не станетъ отрицать, что соотвѣтственное «разъясненіе» было цѣликомъ продиктовано политическими, а не юридическими соображеніями. Сужденіе за составленіе воззванія не давало возможности лишить политическихъ противниковъ основного права гражданъ при новомъ государственномъ строѣ—права избирать и быть избираемымъ. И кассаціонный Сенатъ такое безпримѣрное до того времени пониманіе терминовъ «составленіе» и «распространеніе» возбуждающаго сочиненія санкціонировалъ. Теперь давно забыто, что два сенатора уголовнаго кассаціоннаго департамента не согласились съ «разъясненіемъ» и написали мотивированное особое мнѣніе. Одинъ изъ нихъ вскорѣ, затѣмъ, умеръ; другой живъ и въ истекшіе годы имѣлъ не разъ случай вспоминать о своей «независимости».

Оффиціальное признаніе, что дѣло Бейлиса поставилъ на судъ самъ министръ юстиціи, также точно явилось актомъ политической мести. Наказаніемъ, соединеннымъ съ лишеніемъ правъ, законъ караетъ только оскорбленіе центральной, а не мѣстной судебной или администра-

тивной, власти. И г. Щегловитовъ не остановился передъ раскрытіемъ даже тайны своего вмѣшательства въ отправленіе правосудія, съ цѣлью лишенія авторовъ резолюціи права быть присяжными повѣренными. По этому дѣлу еще окончательнаго рѣшенія не послѣдовало. Но болѣе полутораста первыхъ избранниковъ народа уже девять лѣтъ, какъ политическіе дѣятели, находятся на положеніи «бывшихъ людей». Мало того: поставившее ихъ въ это положеніе «разъясненіе» получило столь широкое примѣненіе, что безправныхъ гражданъ, не лишенныхъ правъ по суду, приходится считать чуть не тысячами.

Незабываемый памятникъ «большого мастера» оставилъ по себѣ И. Г. Щегловитовъ безконечнымъ рядомъ «разъясненій». Одно изъ нихъ—по вопросу объ отвѣтственности членовъ Думы—возмутило даже покойнаго кн. Мещерскаго, который по поводу его писалъ въ «Гражданинѣ»: «Теперь не только всѣ увидѣли и почувствовали отсутствіе самостоятельности и независимости Сената, но увидѣли проявленія прямого подчиненія Сената приказаніямъ министра юстиціи: министръ юстиціи сталъ не только прямымъ начальникомъ, но и опекуномъ сената, и всѣ стали знать, что Сенатъ можетъ быть самостоятельнымъ и закономѣрнымъ только, поколику сіе ему будетъ дозволено министромъ юстиціи».

Выступленія И. Г. Щегловитова въ Государственной Думѣ вызывали и въ слушавшихъ, и въ тѣхъ, кто его рѣчи читалъ, чувство самаго крайняго раздраженія. Такъ было въ дни первой Думы, когда онъ заявлялъ, что идетъ навстрѣчу желанію Думы отмѣнить смертную казнь, но только за карантинныя преступленія, за которыя она болѣе пятидесяти лѣтъ ни разу не примѣнялась. Также точно было въ годы третьей Думы и четвертой. Въ рѣчахъ П. А. Столыпина всегда чувствовалась искренность, хотя бы искренность въ заблужденіяхъ. Въ рѣчахъ И. Г. Щегловитова искреннихъ нотъ не было никогда. Не блистали онѣ и оригинальностью мысли. Въ основу рѣчей онъ клалъ обычно самые элементарные юридическіе аргументы, но такъ ихъ изворачивалъ, что свое оправданіе строилъ на доводахъ, которые не говорили, а кричали противъ него. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ неизмѣнно снабжалъ свои слова полемическими пріемами дурного тона,—пріемами, приводившими въ бурный восторгъ г. Маркова съ товарищами. Онъ зналъ законъ и всю силу знанія направлялъ на то, чтобы законъ гнуть, чтобы отвлеченныя нормы права служили эластичнымъ орудіемъ политической борьбы и мести. Независимость суда онъ откровенно подчинилъ «видамъ правительства», своему начальственному усмотрѣнію и своей начальнической власти. Въ итогѣ, вѣдомство «посвѣжѣло»,—въ смыслѣ приближенія пореформеннаго суда къ суду

дореформенному. И онъ же, въ назиданіе «посвѣжѣвшему» вѣдомству, писалъ: «зависимое правосудіе никогда не будетъ правосудіемъ»!..

Три мѣсяца назадъ, въ майской книгѣ, касаясь отмѣны гр. П. Н. Игнатьевымъ цѣлаго ряда циркуляровъ, изданныхъ при Л. А. Кассо, мы говорили объ одномъ, «пока» не отмѣненномъ, циркулярѣ—о жеребьевкѣ евреевъ, при пріемѣ въ учебныя заведенія.

По поводу этихъ строкъ мы тогда же получили письмо отъ юноши-еврея, ставшаго одной изъ первыхъ жертвъ распоряженія бывшаго министра народнаго просвѣщенія. «Я кончилъ гимназію—писалъ, иллюстрируя наши слова, несчастный юноша—въ 1913 г., т.-е. въ годъ, можно даже сказать, въ день появленія жеребьевки. Съ гордымъ сознаніемъ затраченныхъ силъ и способностей заканчивалъ я курсъ, въ полной увѣренности, что золотая медаль откроетъ передо мной узкую щель процентной нормы. И я получилъ золотую медаль, но . . . въ университетъ принятъ не былъ, такъ какъ у университетскихъ дверей выросъ колючій кустъ жеребьевки. Горькой насмѣшкой и обидой прозвучалъ полученный мной отвѣтъ: «прошеніе не удовлетворено за недостаткомъ вакансій». Для другихъ евреевъ, съ трудомъ окончившихъ курсъ, вакансіи нашлись, а моихъ, завѣренныхъ медалью и аттестатомъ, способностей и знаній во вниманіе не приняли и не оцѣнили... До послѣдней минуты я ждалъ отмѣны этой мѣры. Распоряженія новаго министра внушали мнѣ нѣкоторыя надежды. Но недавно въ газетахъ появилось сообщеніе, что жеребьевка будетъ сохранена. Надежда рухнула. И въ этомъ году не суждено мнѣ поступить въ университетъ: гдѣ нужно слѣпое счастье, а не энергія и знанія, тамъ мнѣ не везетъ»...

Удастся ли автору письма поступить въ нынѣшнемъ году въ университетъ, — сказать трудно. Но жеребьевки для поступленія въ высшія учебныя заведенія болѣе не существуетъ; циркуляръ о ней отмѣненъ. Согласно утвержденнымъ министромъ народнаго просвѣщенія новымъ правиламъ, зачисленію въ счетъ процентной нормы въ первую очередь подлежатъ евреи и дѣти евреевъ, участвовавшихъ и участвующихъ въ нынѣшней войнѣ, а затѣмъ ихъ братья, сестры или такіе родственники, на иждивеніи которыхъ данное лицо находилось. «Въ случаяхъ — гласятъ правила—превышенія прошеній отъ указанныхъ трехъ группъ евреевъ надъ числомъ имѣющихся въ данномъ университетѣ вакансій, зачисленіе кандидатовъ производится по конкурсу аттестатовъ. Оставшіяся по принятіи лицъ перечисленныхъ трехъ категорій незамѣщенными еврейскія вакансіи заполняются остальными кандидатами также по конкурсу аттестатовъ».

При крайней скудости еврейскихъ вакансій, весьма возможно, что для «остальныхъ кандидатовъ», даже для медалистовъ, двери того или другого университета, все-таки, останутся закрытыми. Но, во-первыхъ, онѣ останутся закрытыми во имя преимущества, созданнаго участіемъ въ войнѣ, смертью на полѣ сраженія, раненіемъ или полученіемъ боевой награды, т.-е. во имя того же, что̀ создаетъ преимущества и для христіанъ. А, во-вторыхъ, еще большой вопросъ, что было наиболѣе бьющимъ по евреямъ въ циркулярѣ о жеребьевкѣ—его ли практическое значеніе, или его идейный смыслъ, такъ ярко выражавшій стремленіе провести въ отношеніи евреевъ до послѣдняго конца принципъ изгойства. Измышленное антисемитами и примѣненное при Кассо новое средство борьбы съ засиліемъ «талантливаго племени», во всякомъ случаѣ, утратило силу. Школьный отборъ среди евреевъ снова будетъ производиться на тѣхъ же началахъ, что и среди христіанъ—«по конкурсу аттестатовъ».

Отмѣна циркуляра о жеребьевкѣ, конечно, тѣмъ самымъ напоминаетъ о глубокой несправедливости всей системы процентныхъ нормъ. Въ условіяхъ даннаго момента, однако, нельзя не привѣтствовать даже одну отмѣну жеребьевки. Въ теченіе многихъ уже лѣтъ не было примѣра, чтобы хотя однимъ ограниченіемъ и однимъ изъятіемъ для евреевъ сдѣлалось меньше. Съ каждымъ годомъ, напротивъ, ограниченій и изъятій становилось все больше и они проникали все глубже. Но неужели жеребьевка, отмѣненная для поступленія въ высшія учебныя заведенія, останется въ силѣ для поступленія въ среднія?

P. S. Вышенаписанное было уже набрано, когда мы прочли въ газетахъ слѣдующее, повидимому оффиціальное, сообщеніе: «Совѣтъ министровъ, въ засѣданіи 24 іюля, *единогласно* одобрилъ предложеніе министра народнаго просвѣщенія о пріемѣ въ 1915 году въ высшія учебныя заведенія, *сверхъ установленной еврейской нормы*, евреевъ, которые сами участвовали въ настоящую войну въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля и затѣмъ, вслѣдствіе раненій или же по состоянію здоровья, были освобождены отъ военной службы, а равно дѣтей евреевъ, призванныхъ въ дѣйствующую армію или поступившихъ въ нее добровольно, или же работающихъ по военно-врачебной санитарной части и получившихъ при этомъ отличіе, а также убитыхъ и раненыхъ на войнѣ».

Такимъ образомъ, впервые явилась категорія евреевъ, имѣющихъ права на высшее образованіе «сверхъ установленной еврейской нормы», а тѣмъ самымъ хоть нѣсколько расширилась «щель» нормы

для «остальныхъ кандидатовъ». При всей малозначительности мѣры съ обще-политической точки зрѣнія, ея принятіе по «единогласному» одобренію совѣта министровъ есть фактъ, котораго нельзя не отмѣтить.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

(Годъ войны).

Настоящій обзоръ мнѣ приходится посвятить не событіямъ одного какого-нибудь мѣсяца, а итогамъ войны за цѣлый годъ. Поводомъ для подведенія этихъ итоговъ является не простая хронологическая дата, не исполнившаяся годовщина войны, а законченность цѣлаго ряда операцій къ данному моменту,—операцій, имѣющихъ первостепенное значеніе и до извѣстной степени служащихъ моментомъ перелома всей кампаніи. Въ теченіе второго года войны будетъ вестись уже новая кампанія, которая, каковъ бы ни былъ ея характеръ, во всякомъ случаѣ не будетъ простымъ продолженіемъ кампаніи предыдущаго года.

Въ теченіе всего истекшаго года наиболѣе дѣятельная роль въ ходѣ войны выпала на долю Германіи. Она проявила наибольшую активность, она вела наступленіе то на томъ, то на другомъ фронтѣ, она раньше всѣхъ мобилизировала свои силы и вслѣдствіе всего этого она является какъ-бы главнымъ дѣйствующимъ лицомъ минувшаго года войны.—Отчеты о ходѣ военныхъ событій чаще всего говорятъ о дѣйствіи германскихъ войскъ, какъ активной стороны, и упоминаютъ дѣйствія ихъ противниковъ преимущественно постольку, поскольку эти дѣйствія сводились къ отраженію германскихъ атакъ. Въ зависимости отъ этого весь истекшій годъ войны можно раздѣлить на два, довольно рѣзко отграниченныхъ другъ отъ друга періода, сообразно тому, куда была направлена главная энергія германскихъ войскъ. Въ первый періодъ кампаніи германцы вели наступленіе на западномъ театрѣ войны и тамъ добивались общаго рѣшенія. Въ теченіе второго періода главная энергія нашихъ противниковъ была сосредоточена на нашемъ восточномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Въ зависимости отъ этого въ теченіе перваго періода кампаніи главнымъ театромъ военныхъ дѣйствій являлся западно-французскій; въ теченіе же второго періода—нашъ восточный русскій.

I.

Къ войнѣ съ Франціей Германія готовилась давно, и ея планъ наступательной кампаніи противъ нашей западной союзницы былъ выработанъ исподволь во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ. Германская стратегія не признаетъ обороны, тѣмъ болѣе обороны пассивной. Она вся проникнута наступательнымъ духомъ, и планъ германской кампаніи противъ Франціи носилъ чисто наступательный характеръ. Это было впрочемъ тѣмъ болѣе естественно, что соотношеніе силъ Германіи, съ одной стороны, и Франціи и Россіи, съ другой, давало Германіи шансы на побѣду только въ томъ случаѣ, если-бы ей удалось разбить своихъ противниковъ порознь, прежде чѣмъ они развернутъ всѣ свои силы. На возможность быстрыхъ и рѣшительныхъ успѣховъ противъ Россіи Германія не надѣялась. Противъ быстрой наступательной кампаніи въ Россіи говорили и неизмѣримое пространство Россіи, и отсутствіе по-близости отъ границы какихъ-либо особенно жизненныхъ центровъ, захватъ которыхъ могъ бы повліять на дальнѣйшій ходъ кампаніи. Далѣе, быстрому наступленію на востокѣ мѣшало относительное бездорожье Россіи и наконецъ медленность русской мобилизаціи, которую германцы особенно тщательно учитывали въ своихъ планахъ. Эта медленность русской мобилизаціи неизбѣжно вела къ тому, что въ первый моментъ кампаніи противъ Германіи стояли не главныя силы Россіи, и пораженіе этихъ силъ еще не рѣшало бы конечнаго исхода войны. Иначе рисовались для Германіи виды наступательной быстрой кампаніи въ предѣлы Франціи. Самые предѣлы Франціи, гораздо болѣе скромные, чѣмъ предѣлы Россіи, позволяли въ короткій срокъ развить относительно гораздо болѣе глубокое наступленіе. Наступленіе это было легче вести вслѣдствіе хорошихъ французскихъ дорогъ и наконецъ близость французской столицы—Парижа къ границѣ давала германцамъ извѣстные шансы на возможность добиться быстраго успѣха. Весь планъ германскаго наступленія былъ построенъ на томъ, что французы во имя національнаго самолюбія приложатъ всѣ усилія къ тому, чтобы не допустить врага до своей столицы, дадутъ генеральное сраженіе на путяхъ къ Парижу и въ этомъ сраженіи будутъ разбиты.

Франція тоже исподволь готовилась къ войнѣ противъ Германіи и тщательно оборудовала свою восточную границу. Германія и Франція соприкасаются между собой на сравнительно незначительномъ пространствѣ, и эта узкая полоса была прикрыта рядомъ первоклассныхъ крѣпостей Верденъ, Туль, Эпиналь и Бельфоръ, соединенныхъ между собой цѣлымъ рядомъ промежуточныхъ фортовъ-заставъ. Учитывая

силу этихъ крѣпостей и узость границы, казалось бы, мѣшающей развертыванію сразу большихъ войсковыхъ массъ, Германія уже давно составила на случай войны съ Франціей планъ вторженія въ нее черезъ Бельгію. Французско-бельгійская граница была почти не защищена, такъ какъ тутъ находилась лишь одна современная крѣпость Мобежъ, а остальныя крѣпости, находившіяся въ этомъ районѣ, либо являлись совершенно устарѣлыми, либо представляли собой небольшіе форты-заставы, не могущіе послужить большимъ препятствіемъ для движенія современныхъ громадныхъ армій. Этотъ планъ Германія и проводила въ теченіе настоящей кампаніи. Она дѣйствительно вторглась въ предѣлы Франціи черезъ бельгійскую границу. Но именно это и явилось, пожалуй, основной ошибкой германскаго генеральнаго штаба и германскаго правительства. Въ сущности, вторженіе черезъ Бельгію не дало германцамъ никакихъ дѣйствительныхъ выгодъ. Какъ ни узка французско-германская граница, она все-таки давала извѣстный просторъ для маневрированія, а кромѣ того, излюбленной тактикой германскихъ войскъ, примѣняемой ими въ теченіе всей настоящей кампаніи, является именно массированіе громадныхъ войсковыхъ группъ на небольшомъ сравнительно пространствѣ и нанесеніе рѣшительныхъ ударовъ на опредѣленныхъ особенно чувствительныхъ направленіяхъ. Для такой тактики французско-германская граница давала достаточно простора. Даже является весьма сомнительнымъ, чтобы французскія крѣпости, даже такія, какъ Верденъ, Туль и Эпиналь, могли задержать надолго германскую армію. Мобежъ, немногимъ уступавшій по своей силѣ всѣмъ перечисленнымъ крѣпостямъ, палъ послѣ весьма непродолжительной осады, длившейся не болѣе двухъ недѣль, хотя противъ него германцы направили отнюдь не главныя свои силы. Бельгійскія крѣпости Льежъ, Намюръ и Антверпенъ, правда, далеко не представлявшія лучшіе образчики фортификаціоннаго искусства, тоже были очень недолго въ состояніи сопротивляться германскому направленію. Современная военная техника такъ быстро развивается, что крѣпостныя сооруженія неизбѣжно отстаютъ отъ общаго прогресса военнаго дѣла. Въ теченіе минувшей кампаніи на сценѣ появилось такое могущественное орудіе, какъ 16-тидюймовая германская мортира, возможность участія которой въ полевой войнѣ, или хотя бы даже при осадѣ крѣпостей въ прежнее время, совершенно не предусматривалась. Въ зависимости отъ этого всѣ крѣпостные верки даже наиболѣе совершенныхъ крѣпостей отнюдь не были разсчитаны на дѣйствія такой могущественной артиллеріи и едва-ли могли бы оказывать ей длительное сопротивленіе.

Такимъ образомъ, наступая черезъ Бельгію, Германія не пріобрѣла осязательныхъ стратегическихъ выгодъ, но въ то же время она

потеряла очень много въ политическомъ отношеніи. Нарушеніе нейтралитета Бельгіи положило конецъ всѣмъ колебаніямъ Англіи, и она объявила войну Германіи. Этимъ, въ сущности, участь Германіи была предрѣшена. Появленіе на сценѣ англійской арміи и бельгійской нѣсколько уравновѣсили положеніе силъ на западномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, дало возможность французамъ организовать болѣе прочное и болѣе длительное сопротивленіе противъ вторженія германцевъ. Но не въ этомъ главная роль, которую Англія сыграла въ теченіе минувшей кампаніи. Ея вмѣшательство въ войну было особенно важно потому, что англійскій флотъ господствовалъ на морѣ и сразу оборвалъ всю морскую торговлю Германіи и отрѣзалъ подвозъ къ ней какъ средствъ продовольствія, такъ и всякаго рода военныхъ припасовъ, столь необходимыхъ для нея. Онъ предрѣшилъ исходъ борьбы, которая приняла послѣ первыхъ мѣсяцевъ кампаніи характеръ борьбы на истощеніе. Отрѣзанная отъ морскихъ сообщеній, ограниченная лишь исключительно своими собственными рессурсами и рессурсами своей союзницы Австріи, Германія уже не могла выиграть войны, принявшей такіе грандіозные размѣры.

Германія съ первыхъ же дней войны обнаружила свою наибольшую готовность къ ней. Ея готовность выразилась не только въ наиболѣе быстрой мобилизаціи, не только въ оборудованіи арміи всѣми необходимыми средствами, но также и въ томъ, что Германія наиболѣе ясно представляла себѣ, какой характеръ будутъ носить боевыя столкновенія. О будущей европейской войнѣ писали очень много не только въ спеціальныхъ военныхъ, но и въ статскихъ журналахъ и газетахъ, но тѣмъ не менѣе характеръ военныхъ дѣйствій большинству представлялся недостаточно яснымъ. Лишь одинъ германскій штабъ учитывалъ въ полной мѣрѣ всѣ тѣ измѣненія, которыя внесены современной техникой въ военное дѣло, и поэтому лишь одинъ германскій штабъ сумѣлъ сразу избѣжать тѣхъ ошибокъ, которыя допускали въ первые мѣсяцы его противники.

Французы въ началѣ войны не представляли себѣ вполнѣ отчетливо того соотношенія силъ, которое имѣлось на западномъ театрѣ войны. Они вслѣдствіе этого рѣшили вести наступательную кампанію, и, прежде чѣмъ развернулись германскія главныя силы, французскія войска вторглись въ предѣлы Эльзаса и Лотарингіи. Германскія арміи были, главнымъ образомъ, направлены въ предѣлы Бельгіи, и поэтому первоначальные французскіе успѣхи въ Эльзасѣ и Лотарингіи доставались нашимъ союзникамъ сравнительно легкой цѣной и носили на первый взглядъ эффектный характеръ. Они давали поводъ говорить о неудачѣ германскаго наступленія и, наоборотъ, о возможности быстраго и рѣшительнаго вторженія французовъ въ предѣлы Германіи. Но это

оказалось иллюзіей, которая была очень скоро разбита. Германія воздерживалась отъ рѣшительныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока не развернула всей главной массы своихъ войскъ, и оказалось, что она сумѣла выставить въ первыя же недѣли войны на западномъ театрѣ военныхъ дѣйствій такія громадныя силы, возможность развертыванія которыхъ французами не учитывалась. Въ мирное время армія Германіи состоитъ всего изъ 25 корпусовъ. Предполагалось возможнымъ, что, съ объявленіемъ мобилизаціи, Германія сформируетъ изъ резервовъ и другихъ частей еще нѣсколько корпусовъ, но врядъ ли болѣе, чѣмъ 10—15 корпусовъ. Между тѣмъ, уже къ началу своего рѣшительнаго наступленія во Францію, т.-е. всего приблизительно черезъ двѣ недѣли послѣ объявленія войны, Германія уже сосредоточила на западномъ театрѣ войны колоссальныя силы, равныя приблизительно 44 корпусамъ, раздѣленнымъ на 9 армій. Изъ этихъ 9 армій, лишь одна и при томъ наиболѣе слабая, 8-я армія генерала фонъ-Демлинга должна была придерживаться обороны, защищая противъ французовъ—Эльзасъ. Остальныя восемь армій должны были вести наступленіе противъ французовъ. Уже 7-го августа Брюссель былъ въ германскихъ рукахъ. Непосредственно вслѣдъ за этимъ главныя силы германцевъ вошли въ соприкосновеніе съ главными силами французовъ, къ которымъ въ это время присоединилась небольшая англійская армія, состоявшая тогда только изъ двухъ корпусовъ. Разыгрался рядъ крупныхъ боевъ, въ своей совокупности представляющихъ одно большое сраженіе, результатомъ котораго было отступленіе французовъ и англичанъ по всей линіи. Лишь съ большими затрудненіями и съ очень крупными потерями союзникамъ, послѣ ряда упорныхъ, аріергардныхъ боевъ, удалось выйти изъ обхвата, которымъ имъ угрожала германская армія. Французская армія въ цѣломъ осталась цѣла, но французскій планъ наступленія потерпѣлъ неудачу. Германцы, вслѣдъ за наступавшими французскими войсками, вторглись въ предѣлы Франціи, и началось общее наступленіе германцевъ къ Парижу. Французскій главнокомандующій генералиссимусъ Жоффръ оказался на высотѣ своего положенія и далъ себѣ полный отчетъ въ сложившемся положеніи. Онъ понялъ, что союзныя войска прежде всего нуждаются въ томъ, чтобы выйти изъ-подъ удара, оправиться, перегруппироваться и уже тогда возобновить сопротивленіе противъ германскихъ войскъ. Онъ поэтому не сталъ возобновлять неудачной попытки задержать германскую армію въ предѣлахъ Бельгіи или на французско-бельгійской границѣ, а сразу отступилъ далеко вглубь страны, задерживая противника лишь аріергардными боями, которые имѣли назначеніемъ исключительно лишь выигрышъ времени. Союзная армія сразу же отступила на линію Марны и даже южнѣе и этимъ открыла врагу

пути къ Парижу. Къ 20 августа германскія войска подошли почти-что непосредственно къ передовымъ фортамъ Парижа, но уже въ этотъ моментъ можно было говорить о серьезной неудачѣ плана германскаго наступленія. Вторгаясь стремительно черезъ предѣлы Бельгіи, германцы намѣревались охватить лѣвый флангъ союзныхъ армій и нанести имъ рѣшительное пораженіе, раньше, чѣмъ боевыя столкновенія дойдутъ до линіи Парижа. Выполнить эту задачу не удалось, а когда боевыя дѣйствія передвинулись на линію Марны, проведеніе плана охвата съ фланга было уже невозможнымъ, такъ какъ на этой линіи союзныя арміи упирались своими флангами съ одной стороны въ Парижъ, съ другой стороны—въ Верденъ. Въ виду этого германцы должны были отказаться отъ своего плана обхода фланга союзниковъ и должны были принять другой планъ—прорыва фронта. Они этотъ планъ и приняли, и 24 августа началось большое сраженіе на Марнѣ. Но тутъ германскія войска сами подверглись ударамъ съ фланговъ. Къ этому моменту французы уже успѣли произвести перегруппировку своихъ силъ и сосредоточили на своемъ лѣвомъ флангѣ новую армію генерала Монури. Эта армія, опиравшаяся на парижскій укрѣпленный лагерь, стояла фронтомъ на востокъ, въ то время какъ главныя силы союзниковъ были обращены фронтомъ къ сѣверу, и должны были атаковать правый флангъ и тылъ германцевъ. Одинаковое же положеніе занимали французы и на своемъ флангѣ, гдѣ армія генерала Сарабиля развернулась фронтомъ на западъ, имѣя Верденъ въ своемъ тылу, должна была атаковать лѣвый флангъ арміи кронпринца Прусскаго. Въ теченіе сраженія на Марнѣ германцы усиленно стремились прорвать французскій центръ, направляя главные свои удары на 7-ю французскую армію генерала Фоша. Но эта армія не только удержала свои позиціи, а сумѣла сама перейти въ наступленіе и потѣснила германцевъ, а къ этому моменту уже обнаружилось чувствительное давленіе другихъ французскихъ армій на фланги германскаго расположенія. Положеніе для германцевъ получилось настолько угрожаемое, что 26-го августа они должны были начать отступленіе, которое совершалось далеко не всюду въ порядкѣ.

Сраженіе на Марнѣ явилось моментомъ перелома кампаніи на западномъ театрѣ войны. Французамъ удалось отбить германское наступленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ весь германскій планъ, разсчитанный именно на быстрый молніеносный разгромъ французской арміи, потерпѣлъ полное крушеніе. Война приняла затяжной характеръ, меньше всего обѣщавшій германцамъ шансы на успѣхъ.

Отступленіе германцевъ было, однако, не продолжительнымъ и не глубокимъ. Они отошли всего только къ рѣкѣ Энъ, протекающей нѣсколько сѣвернѣе рѣки Марны, и остановились на этой рѣкѣ, занявъ

позиціи, заранѣе ими подготовленныя. Двигаясь за отступавшимъ противникомъ, французскія и англійскія войска атаковали германцевъ на рѣкѣ Энъ, но эта атака успѣха не имѣла и вслѣдъ за тѣмъ ходъ событій на французскомъ театрѣ войны принялъ своеобразный характеръ. Удерживаясь въ центрѣ и на своемъ восточномъ флангѣ, обѣ стороны стали стремиться къ тому, чтобы охватить западный флангъ противника. Первоначально фронтъ сторонъ тянулся по направленію съ запада на востокъ, при чемъ крайнимъ западнымъ пунктомъ этого фронта были окрестности города Суассона. Но въ цѣляхъ охвата фланга противника и противодѣйствія этому охвату, обѣ стороны стали загибать свой западный флангъ къ сѣверу, и поэтому къ основному фронту на рѣкѣ Энъ, тянувшемуся съ запада на востокъ, сталъ пристраиваться около Суассона новый фронтъ, уже идущій съ юга на сѣверъ. Обѣ стороны, стремясь къ выигрышу пространства и къ охвату фланга противника, начали перебрасывать свои силы на этотъ флангъ. Постепенно этотъ флангъ сталъ все болѣе и болѣе вытягиваться къ сѣверу, достигъ уже окрестностей Лилля, и осталась сравнительно небольшая полоса между Лиллемъ и моремъ, гдѣ еще былъ извѣстный просторъ для свободнаго маневрированія. На этомъ участкѣ германцы и сосредоточили свое вниманіе. Съ цѣлью покончить съ сопротивленіемъ бельгійской арміи, отступившей послѣ пораженія у Аэршота къ Антверпену и продолжавшей оказывать довольно энергичное сопротивленіе, германцы предприняли рѣшительное наступленіе противъ Антверпена, и послѣ непродолжительнаго сопротивленія эта крѣпость пала, но бельгійская армія заблаговременно вышла изъ нея и смогла проникнуть по оставшейся еще незанятой узкой полосѣ бельгійской территоріи на западъ къ французской границѣ на рѣку Изеръ. Отступившія на западъ бельгійскія войска, къ которымъ присоединилась передвинутая сюда англійская армія, получившая къ данному моменту нѣкоторыя подкрѣпленія, а равно и нѣкоторыя французскія части заполнили этотъ промежутокъ между Лиллемъ и моремъ, который оставался еще открытымъ и куда направлялись теперь главныя силы германцевъ. Съ первыхъ чиселъ октября германцы предприняли новое рѣшительное наступленіе на союзный фронтъ на крайнемъ сѣверѣ, на рѣкѣ Изерѣ, въ окрестностяхъ бельгійскаго города Ипра. Тутъ германцамъ, вмѣсто обхода фланга, пришлось вести все время упорныя фронтальныя атаки. Атаки эти, ведшіяся въ теченіе цѣлаго октября, отличались совершенно исключительнымъ упорствомъ и настойчивостью. Германцы не останавливались ни передъ какими потерями, вели густыми колоннами атаки, сперва, главнымъ образомъ, противъ бельгійскихъ позицій на р. Изерѣ, а затѣмъ противъ англійской арміи въ окрестностяхъ города Ипръ. Атаки эти

въ концѣ концовъ не дали никакихъ результатовъ, и къ концу октября положеніе сторонъ на французскомъ фронтѣ оставалось такимъ же, какимъ оно было и въ началѣ этого мѣсяца.

Съ этого момента весь ходъ кампаніи на западномъ театрѣ войны принимаетъ совершенно иной оборотъ. Германцы переходятъ на западномъ театрѣ войны къ оборонительной войнѣ. Они тщательно укрѣпили занятыя ими позиціи и начали вмѣстѣ съ тѣмъ перевозку своихъ войскъ на восточный театръ для наступленія противъ Россіи. Начиная съ ноября на западномъ театрѣ войны не было ни одного крупнаго сраженія, хотя полнаго затишья въ то же время тутъ не было. Активная роль перешла къ нашимъ союзникамъ, но они ограничились главнымъ образомъ частичными атаками, которыя улучшали ихъ фронтъ въ наиболѣе опасныхъ его мѣстахъ, а главнымъ образомъ связывали силы противника, не позволяя ему удѣлять слишкомъ крупныя силы на востокъ. Вмѣсто борьбы за Парижъ на сцену появилась борьба за предметы, чисто мѣстнаго значенія, въ родѣ пресловутаго дома паромщика, борьба за который шла въ теченіе цѣлыхъ недѣль и овладѣніе которымъ отмѣчалось во французскихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ какъ существенный успѣхъ. Иногда въ происходившіе здѣсь бои втягивались крупныя силы, но борьба велась все-таки за предметы исключительно мѣстнаго значенія и измѣненіе фронта въ глубину на какіе нибудь 2—3—4 километра считалось исключительно крупнымъ успѣхомъ. Громадное большинство сообщеній французскаго штаба говоритъ о захватѣ германскихъ траншей на протяженіи нѣсколькихъ сотъ метровъ, о продвиженіяхъ впередъ, измѣряемыхъ десятками или въ хорошемъ случаѣ сотнями метровъ. Такой ходъ боевыхъ дѣйствій нельзя даже назвать позиціонной войной въ точномъ смыслѣ этого слова, потому что позиціонная война предполагаетъ нападеніе на опредѣленную позицію и имѣетъ въ виду опредѣленную точку, достиженіе которой является цѣлью всѣхъ боевыхъ дѣйствій и предрѣшаетъ исходъ. На западномъ театрѣ войны такихъ точекъ, такихъ позицій, за обладаніе которыхъ идетъ борьба, нѣтъ. Позади одного отнятаго окопа германцы сейчасъ же сооружали новыя укрѣпленія, не хуже прежнихъ. Въ иныхъ случаяхъ казалось, что французамъ удается прорвать главную линію германскихъ оборонительныхъ сооруженій. Въ частности это можно было сказать про бои къ сѣверу отъ Арраса. Но бои затягивались, потерянныя германцами укрѣпленныя позиціи замѣнялись новыми укрѣпленіями, сооружаемыми въ теченіе самыхъ боевъ, и положеніе дѣлъ оставалось въ сущности не измѣненнымъ. Теперь уже будетъ скоро восемь мѣсяцевъ, какъ германцы отказались отъ рѣшительнаго наступленія на западномъ фронтѣ и какъ иниціатива дѣйствій перешла къ нашимъ

союзникамъ. За эти восемь мѣсяцевъ въ положеніи сторонъ послѣдовали такія измѣненія, которыя можно констатировать лишь на очень и очень подробныхъ картахъ и которыя не различимы даже на лучшихъ картахъ изъ имѣющихся въ обращеніи у публики. Германцы считаютъ свое положеніе на западномъ фронѣ достаточно прочнымъ, Они періодически отправляютъ отсюда значительныя силы на восточный театръ войны и по временамъ сами переходятъ въ контръ-наступленіе въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ французамъ удалось добиться относительно болѣе крупныхъ успѣховъ.

II.

На восточномъ театрѣ военныхъ дѣйствій Германія въ первый періодъ войны придерживалась преимущественно обороны. Здѣсь наступленіе должны были вести австрійцы, но наши противники въ значительной степени ошиблись въ своихъ разсчетахъ, предполагая мобилизацію и развертываніе русскихъ войскъ болѣе медленными, чѣмъ то было въ дѣйствительности. Главныя силы русскихъ армій уже развернулись на намѣченныхъ для нихъ мѣстахъ въ первой половинѣ августа и уже тогда предприняли наступленіе одновременно противъ Германіи въ восточной Пруссіи и противъ Австріи въ предѣлахъ Галиціи. Германцы, повидимому, не разсчитывали на возможность такого быстраго наступленія со стороны Россіи и поэтому должны были взять съ французскаго фронта нѣсколько корпусовъ гораздо раньше, чѣмъ операціи противъ французовъ были закончены. И можетъ быть именно эта перевозка германскихъ войскъ въ восточную Пруссію и была одной изъ главныхъ причинъ германскихъ неудачъ на рѣкѣ Марнѣ, имѣвшихъ такое рѣшительное значеніе для хода всей кампаніи.

Ходъ всѣхъ военныхъ дѣйствій на восточномъ театрѣ войны въ значительной степени предрѣшался тѣмъ, что наша политическая граница представляетъ собою ломанную линію. Эта граница разбивается какъ бы на три самостоятельныхъ участка: правый берегъ нижней Вислы, или восточно-прусскій фронтъ, Завислянскій край или западная Польша и правый берегъ верхней Вислы или Галиційскій фронтъ. Развертываніе русскихъ главныхъ силъ неизбѣжно должно совершиться восточнѣе Вислы, а въ западной Польшѣ мы могли имѣть лишь небольшія передовыя части, которыя могли оказывать противнику лишь сравнительно слабое сопротивленіе. Германцы и австрійцы одновременно вторглись въ предѣлы Польши, занявъ тамъ рядъ ближайшихъ къ границѣ городовъ, какъ, напр., Калишъ, Ченстоховъ, а затѣмъ про-

двинулись вглубь Польши и достигли такихъ пунктовъ, какъ Лодзь, Петроковъ, Кѣльцы и Радомъ. Но серьезнаго наступленія въ предѣлахъ западной Польши ни германцы, ни австрійцы въ теченіе перваго мѣсяца войны не вели. Они стремились къ тому, чтобы использовать свои фланговыя позиціи и вторгнуться въ предѣлы Россіи въ цѣляхъ болѣе глубокаго наступленія. Такими фланговыми позиціями являлись съ одной стороны восточно-прусскій плацдармъ, а съ другой восточная Галиція. И наше наступленіе противъ нашего главнаго врага—Германіи, не могло начаться съ чего-либо другого, кромѣ попытки овладѣть одной изъ этихъ фланговыхъ позицій или даже обѣими изъ нихъ. Стратегически та и другая изъ этихъ фланговыхъ позицій имѣли приблизительно одинаковую цѣнность, но восточно-прусскій плацдармъ является однимъ изъ наиболѣе оборудованныхъ стратегически участковъ военныхъ дѣйствій, и здѣсь намъ пришлось бы преодолѣть сперва чрезвычайно сильную оборонительную линію Мазурскихъ озеръ, а затѣмъ не менѣе сильную оборонительную линію нижней Вислы, почти сплошь застроенную современными крѣпостями. Да, кромѣ того, необходимость серьезныхъ дѣйствій противъ австрійской арміи затрудняла бы для насъ въ первый моментъ рѣшительныя операціи на восточно-прусскомъ фронтѣ. Всѣ эти обстоятельства естественнымъ образомъ предрѣшали то, что главное наше наступленіе должно было быть начато съ галиційскаго фронта. Лишь овладѣвъ галиційскими фланговыми позиціями нашихъ противниковъ, мы могли начать рѣшительное наступленіе противъ Германіи. Въ этомъ направленіи и развивались дальнѣйшія событія. Боевыя дѣйствія на восточно-прусскомъ фронтѣ велись по временамъ съ большимъ оживленіемъ и въ крупномъ масштабѣ, но они почти все время оставались операціями мѣстнаго значенія, мало отражавшимися на общемъ ходѣ событій.

Противъ восточной Пруссіи нами было выставлено въ первое время двѣ арміи. Одна изъ нихъ, генерала Ренненкампфа, должна была вести наступленіе противъ восточной Пруссіи съ востока, съ Нѣманскаго фронта, другая генерала Самсонова съ юга, съ наревскаго фронта. Обѣ арміи начали свои операціи почти одновременно, и уже скоро начались боевыя дѣйствія въ крупномъ масштабѣ. 7—8 и 9 августа разыгралось крупное сраженіе въ раіонѣ Гумбинена, кончившееся пораженіемъ дѣйствовавшихъ здѣсь трехъ германскихъ корпусовъ. Германцы спѣшно отступили на западъ, не пытаясь удержать за собою укрѣпленныя позиціи на линіи р. Ангерапъ, являющіяся сѣвернымъ продолженіемъ оборонительной линіи Мазурскихъ озеръ. Наши войска, слѣдуя за противникомъ, заняли Инстербургъ и приблизились къ Кенигсбергу. Изъ восточной Пруссіи началось поспѣшное бѣгство населенія, вызвавшее сильную панику въ Германіи и прину-

дившее къ спѣшной перевозкѣ на нашъ фронтъ нѣсколькихъ корпусовъ съ запада. Почти одновременно начались крупные бои въ раіонѣ дѣйствій южной арміи генерала Самсонова, при чемъ эти бои первоначально были вполнѣ успѣшны для насъ. Къ сѣверу отъ Нейденбурга въ раіонѣ Орлау и Франкенау нами 10 и 11 августа былъ разбитъ 20-ый германскій корпусъ, усиленный до трехъ дивизій. Затѣмъ появилось извѣстіе о занятіи нашими войсками городовъ Норденбургъ, Бишофобургъ, Зенсбургъ, станціи Ротфлисъ и о нашемъ приближеніи къ Алленштейну. Почти половина восточной Пруссіи уже оказалась въ нашихъ рукахъ, но въ этотъ моментъ послѣдовала тяжелая неудача арміи генерала Самсонова, понесшаго пораженіе въ раіонѣ Остероде. Это пораженіе побудило къ спѣшному отходу всѣ войска Наревской арміи изъ предѣловъ восточной Пруссіи, вслѣдъ за тѣмъ, германскія войска, находившіяся здѣсь подъ командой генерала Гинденбурга, двинулись противъ арміи генерала Ренненкампфа и пользуясь тѣмъ, что лѣвый флангъ этой арміи былъ совершенно не обезпеченнымъ, предпринялъ его обходъ. Попытка охватить армію генерала Ренненкампфа не удалась, но эта армія, съ серьезными потерями, должна была отойти въ наши предѣлы на линію Нѣмана. Къ концу августа русскія войска сошли въ свои предѣлы, но серьезное германское наступленіе на восточно-прусскій фронтъ началось лишь недѣлями двумя позже. 12 сентября германцы продвинулись къ линіи Друскеники-Сопоцкинъ и начали здѣсь свои атаки. Одновременно они предприняли артиллерійскую атаку и противъ крѣпости Оссовецъ. Начавшіеся здѣсь бои закончились къ 20 сентября нашей побѣдой, и германскія войска должны были отступить къ своей границѣ. Здѣсь они однако задержались и вскорѣ даже предприняли новую попытку перейти въ наступленіе, отбитую нами. Въ теченіе приблизительно мѣсяца здѣсь не прекращались бои, ведшіеся въ приграничномъ районѣ и не вносившіе большихъ перемѣнъ въ положеніе сторонъ. Въ серединѣ октября германцами была сдѣлана новая сравнительно крупная попытка нападенія на наши силы въ этомъ раіонѣ, но эта попытка не имѣла успѣха, и вслѣдъ за тѣмъ началось наше наступленіе въ предѣлы Пруссіи; уже въ первыхъ числахъ ноября мы дошли до линіи рѣки Ангерапа и до Мазурскихъ озеръ и овладѣли даже нѣкоторыми изъ отдѣльныхъ позицій этой оборонительной линіи. Вслѣдъ за тѣмъ однако на этомъ фронтѣ наступило длительное затишье, въ теченіе котораго ни та, ни другая сторона не дѣлали серьезныхъ попытокъ продвинуться впередъ, и тутъ установилось довольно устойчивое равновѣсіе... Гораздо менѣе устойчивымъ въ теченіе всего времени былъ Наревскій фронтъ, гдѣ постоянно дѣлались попытки продвигаться впередъ, то съ нашей стороны, то со стороны против-

ника, и такіе города, какъ Праснышъ, Цѣхановъ, Млава много разъ переходили изъ рукъ въ руки. Ни та, ни другая сторона однако не придавали этому направленію особенно большого значенія и вслѣдствіе этого дѣйствовавшія тутъ силы не были значительны и въ случаѣ нужды отсюда постоянно брались подкрѣпленія для другихъ участковъ фронта. Именно этимъ обстоятельствомъ и объясняется такая неустойчивость положенія на этомъ фронтѣ.

Безсознательно операціи на восточно-прусскомъ театрѣ войны велись въ крупномъ масштабѣ, но все-таки въ ходѣ военныхъ событій онѣ играли второстепенную роль, и весь этотъ театръ военныхъ дѣйствій былъ театромъ второстепеннымъ. Главнымъ театромъ была сперва Галиція, потомъ западная Польша, а затѣмъ опять Галиція и прилежащія къ ней части Люблинской и Холмской губерній.

Наше наступленіе въ Галицію было начато 7 августа, когда наши войска переправились черезъ рѣку Сбручъ, Тутъ обѣ стороны вели наступленіе, но наступленіе въ различныхъ направленіяхъ. Для галиційской операціи нашъ противникъ сосредоточилъ очень крупныя силы. Наши оффиціальныя донесенія опредѣляютъ численность австрійской арміи, выставленной противъ насъ, вмѣстѣ съ подкрѣпленіями въ видѣ нѣсколькихъ германскихъ корпусовъ, до милліона человѣкъ. Съ нашей стороны здѣсь дѣйствовали нѣсколько болѣе крупныя силы. Австрійцы сосредоточили свои главныя силы въ сѣверной Галиціи для вторженія въ предѣлы Люблинской и Холмской губерній для наступленія на линію Люблинъ-Холмъ и дальше на Брестъ-Литовскъ. Они разсчитывали на то, что это наступленіе, въ случаѣ его успѣха, отдало бы въ ихъ руки не только всю западную Польшу, вмѣстѣ съ линіей Вислы, но и всю восточную Польшу вплоть до линіи Брестъ-Литовска. Въ этомъ направленіи въ сѣверной Галиціи австрійцы съ самаго начала сосредоточили громадныя силы до 600.000 человѣкъ, къ которымъ впослѣдствіи подошли еще нѣкоторыя подкрѣпленія изъ западной Польши и подвезены сюда германцами изъ восточной Пруссіи. Для обезпеченія этого наступленія австрійцы выставили въ видѣ заслона къ востоку отъ Львова вторую армію общей численностью до 250 тысячъ человѣкъ. Съ нашей стороны распредѣленіе силъ было совершенно иное. На Люблинско-Холмскомъ направленіи на нашей сторонѣ не былъ перевѣсъ силъ, и затѣмъ, когда сюда были подвезены австрійцами новыя подкрѣпленія, то перевѣсъ оказался даже на сторонѣ нашихъ противниковъ, что и позволило имъ вести энергичное наступленіе и добиваться извѣстныхъ частныхъ успѣховъ. Они приблизились къ линіи желѣзной дороги между Люблиномъ и Холмомъ на разстояніи 6 верстъ, но къ этому времени уже сказалась недостаточность выставленнаго ими заслона на востокѣ. Тутъ на нашей

сторонѣ имѣетъ очень значительный перевѣсъ силъ, и арміи генераловъ Рузскаго и Брусилова раздавили выставленный австрійцами заслонъ и въ теченіе очень короткаго времени докатились отъ границы Галиціи до г. Львова. 21 августа Львовъ былъ уже въ нашихъ рукахъ. Австрійцы почувствовали полную необезпеченность своихъ операцій и начали спѣшно перевозить свои силы въ восточномъ направленіи. Они разсчитывали смять армію генерала Брусилова, выдвинувшуюся отъ Львова на западъ на Городокскія позиціи, но эта попытка имъ не удалась, и армія генерала Брусилова въ теченіе многодневнаго боя удержала всѣ свои позиціи. Армія же генерала Рузскаго, выдвинутая послѣ взятія Львова на сѣверъ въ направленіи къ Равѣ Русской, стала угрожать арміи австрійской Ауфенберга, ведшаго наступленіе на Томашевскомъ раіонѣ на Грубешовъ. Въ раіонѣ Равы Русской разыгрались крупные бои, а одновременно перешли въ наступленіе и наши сѣверныя арміи. Къ 30 августа великое галиційское сраженіе было кончено и дало намъ очень большіе трофеи. Въ наши руки досталось 7 знаменъ, 637 орудій, 823 зарядныхъ ящиковъ, 44 пулемета и плѣнными 535 офицеровъ и 63.532 нижнихъ чиновъ. Стратегическія послѣдствія нашей галиційской побѣды были однако значительно выше тѣхъ трофеевъ, которые достались въ наши руки. Австрійцы были сразу отброшены за линію рѣки Сана и вся восточная Галиція перешла въ наши руки. Одна изъ фланговыхъ позицій, на которую возлагались главныя надежды нашихъ противниковъ, была потеряна, и затѣмъ всѣ дальнѣйшія усилія нашихъ враговъ были направлены къ тому, чтобы вновь вернуть эту позицію и возстановить положеніе дѣлъ, имѣвшееся до начала войны.

Немедленно по завершеніи галиційской операціи мы принялись за выполненіе главной нашей операціи наступленія противъ Германіи, требовавшаго сосредоточенія нашихъ силъ въ западной Польшѣ. Наши планы были, разумѣется, извѣстны противникамъ, и они рѣшили отвѣтить на перегруппировку нашихъ силъ и на развертываніе ихъ на линіи Вислы наступленіемъ на Вислу въ западной Польшѣ. Потерпѣвъ неудачу въ своемъ первоначальномъ планѣ овладѣнія одновременнымъ ударомъ не только всей западной Польшей, но и восточной Польшей, наши противники поставили себѣ въ сентябрѣ болѣе скромную задачу наступленія на линію Вислы прямо съ запада и обезпеченія за собою лишь одной западной Польши. Въ концѣ сентября непріятель подошелъ вплотную къ линіи Вислы, и къ этому моменту здѣсь противъ насъ дѣйствовали уже не только одни австрійскія войска, но и значительныя германскія силы. Германскія войска дѣйствовали преимущественно въ сѣверной части западной Польши, а австрійскія въ южной части западной Польши, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Галиціи, гдѣ

они предприняли наступленіе на линію Сана, являющуюся непосредственнымъ продолженіемъ линіи Вислы. Начавшіеся на линіи Вислы и Сана бои затянулись безъ малаго почти что на мѣсяцъ. Раньше всего мы достигли успѣха въ раіонѣ, непосредственно примыкающемъ къ Варшавѣ. Германскія войска, дѣйствовавшія здѣсь, были смяты нами уже 7 октября и должны были начать тутъ общее отступленіе съ своихъ тщательно укрѣпленныхъ позицій. Вслѣдъ за тѣмъ съ наибольшей интенсивностью стали развиваться бои въ раіонѣ Ивангорода. Эти бои, длившіеся съ 10 до 14 октября, кончились опять нашей побѣдой, и соединенная австро-германская армія, дѣйствовавшая здѣсь, должна была отступить, преслѣдуемая нашими войсками. Вслѣдъ за тѣмъ, между 15 и 20 октября бои шли въ раіонѣ между Ново-Александріей и Сандомиромъ въ самой южной части западной Польши. Эти бои опять-таки были очень успѣшны для насъ. Австрійцы были принуждены къ поспѣшному отступленію, и 21 октября Сандоміръ былъ взятъ нашими войсками. Дольше всего австрійцы задержались на Санѣ, но послѣ того, какъ Сандоміръ былъ взятъ нами, ихъ положеніе на Санѣ стало очень необезпеченнымъ, и они, сдѣлавъ послѣднюю попытку сбить наше расположеніе и потерпѣвъ тутъ неудачу, сразу рѣшительно отступили по всему фронту.

Въ 20-хъ числахъ октября австрійцы и германцы находились въ полномъ отступленіи, быстро преслѣдуемые нашими войсками, и сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго, опубликованное въ русскихъ газетахъ 25 октября, заканчивалось слѣдующими словами: «Одержанная побѣда позволяетъ нашимъ войскамъ перейти къ новымъ задачамъ, съ приступленіемъ къ которымъ начинается новый періодъ войны». Объективныя данныя, казалось, вполнѣ подтверждали эту оцѣнку. Непріятель не пытался въ первые дни оказать намъ упорное сопротивленіе, и русскія войска очень быстро дошли почти-что до самой границы. Нѣкоторыя же наши небольшія части въ западной Польшѣ даже переходили границу Познани и вторглись въ предѣлы Германіи. На Галиційскомъ фронтѣ русскія войска тоже не встрѣтили упорнаго сопротивленія и дошли очень быстро до линіи р. Дунайца, овладѣвъ Тановымъ, и старались приблизиться къ Кракову. Къ концу октября наши войска въ западной Польшѣ развернулись уже вдоль германской границы и стало намѣчаться наше наступленіе въ Силезію на фронтѣ Краковъ—Ченстоховъ. Къ Кракову же одновременно мы наступали непосредственно съ востока и юга изъ Галиціи.

Но въ этотъ самый моментъ намѣтилась новая операція со стороны нашихъ противниковъ. Пользуясь тѣмъ, что главныя наши силы были сосредоточены на фронтѣ Краковъ—Ченстоховъ, они предприняли новую наступательную кампанію для дѣйствій противъ нашихъ

фланговъ. Почти одновременно были начаты активныя операціи нашего противника на нашъ правый флангъ и на лѣвый флангъ. Наибольшее значеніе, особенно въ первые моменты, имѣли германскія операціи, опирающіяся на крѣпость Торнъ и направленныя противъ нашего праваго фланга. Германцы, пользуясь своими превосходными путями сообщенія, быстро сосредоточили здѣсь превосходныя силы, которыя начали серьезное наступленіе около 1 ноября. Это наступленіе въ первые дни велось нашимъ противникомъ успѣшно, и вмѣстѣ начались большіе бои въ районѣ Лодзи. Германскія войска сдѣлали попытку прорыва нашего расположенія, которая имъ удалась. Армія генерала Макензена прорвалась 7 ноября, восточнѣе Лодзи, въ районѣ Стрыковъ-Брезины,—Колюшки-Роговъ-Тушинъ, но не могла развить этого прорыва, и непріятель самъ попалъ въ тяжелое положеніе, будучи окруженъ нашими войсками почти-что со всѣхъ сторонъ. Положеніе этой арміи приняло очень тяжелый оборотъ, и германцамъ пришлось прилагать главныя старанія уже не къ тому, чтобы нанести пораженіе нашимъ войскамъ, а къ тому, чтобы спасти свои прорвавшіяся части. Въ концѣ-концовъ послѣ великихъ усилій и съ тяжелыми потерями имъ это удалось сдѣлать, но въ общемъ бои въ районѣ Лодзи и отчасти Ловича носили для насъ въ серединѣ ноября вполнѣ благопріятный характеръ. Къ этому моменту германцы, уже отказавшись отъ своего наступленія на западномъ театрѣ, перебросили сюда значительныя силы изъ Франціи и Бельгіи, что̀ дало имъ возможность измѣнить положеніе дѣла въ свою пользу. Дѣла въ районѣ Лодзи и Ловича приняли неблагопріятный оборотъ для насъ, и мы вынуждены были уступить противникамъ Лодзь, а затѣмъ на нашемъ крайне правомъ флангѣ наши войска должны были отойти къ линіи рѣки Бзуры. Одновременно въ теченіе всего ноября велось наступленіе австрійцами, направленное противъ нашего лѣваго фланга. Первоначально это наступленіе велось въ районѣ, близко прилежащемъ къ Кракову, затѣмъ оно продвигалось все дальше и дальше на востокъ. Мѣстами имъ удавалось тѣснить наше расположеніе, но мы его быстро возстанавливали въ свою пользу. Въ теченіе всего ноября на фронтѣ Краковъ—Ченстоховъ мы оставались приблизительно на тѣхъ позиціяхъ, какихъ достигли въ первыхъ числахъ этого мѣсяца, и не отказывались отъ своего плана наступленія. Но вообще говоря это наше наступленіе не имѣло успѣха. Приблизившись очень быстро къ линіи Краковъ—Ченстоховъ, мы въ теченіе всего ноября не могли развить нашихъ успѣховъ, а необходимость выдѣлять съ этого фронта часть силъ, для того чтобы парализовать удары германцевъ въ районѣ Лодзь—Ловичъ, ослабляла наше наступленіе. Германцы и австрійцы, увѣренные въ своихъ силахъ, постепенно стали свозить съ фронта

Краковъ – Ченстоховъ войска и перебрасывать ихъ на фланги для развитія наступательныхъ операцій противъ нашихъ войскъ. Мы же съ своей стороны не отвѣчали на такую переброску силъ рѣшительнымъ наступленіемъ на Краковско-Ченстоховскомъ фронтѣ. Не отказываясь въ принципѣ отъ инициативы и отъ своего наступленія, мы эту инициативу на самомъ дѣлѣ проявили въ очень слабой степени, довольствуясь главнымъ образомъ отраженіемъ ударовъ противника и выставленіемъ заслоновъ на его путяхъ наступленія. Весь ноябрь мѣсяцъ можно до извѣстной степени назвать періодомъ борьбы за инициативу. Къ концу ноября нашъ крайній правый фланъ въ западной Польшѣ, какъ уже сказано, отошелъ на линію рѣки Бзуры, а одновременно съ тѣмъ австрійцы стали намѣчать попытки все болѣе и болѣе глубокаго обхода нашего положенія въ Галиціи съ востока. Мы отразили всѣ эти угрозы, но невозможность развить наступленіе на Кракове - Ченстоховскій фронтъ, соединенная съ недостаткомъ снарядовъ и съ постоянной угрозой противника нашимъ флангамъ, вынудила насъ къ отходу на новую линію, на которой мы заняли оборонительное положеніе. Эта новая линія шла въ западной Польшѣ по рѣкѣ Бзурѣ, Равкѣ и Нидѣ, а въ Галиціи по рѣкѣ Дунайцу, впадающему въ Вислу почти противъ Ниды. Вмѣстѣ съ тѣмъ было закончено наше наступленіе противъ Германіи, и мы перешли къ строгооборонительному образу дѣйствій, котораго придерживались и до конца года.

III.

На нашихъ новыхъ оборонительныхъ позиціяхъ мы придерживались строго оборонительнаго образа дѣйствій. Нѣкоторымъ исключеніемъ изъ этого явились лишь наши операціи на правомъ берегу нижней Вислы и на Карпатскомъ фронтѣ, но операціи на правомъ берегу нижней Вислы не имѣли особенно серьезнаго значенія и мало отражались на общемъ ходѣ кампаніи. Болѣе серьезныя операціи были на Карпатахъ, но и онѣ не получили полнаго своего завершенія. Вообще же говоря, начиная съ декабря, вся инициатива дѣйствій на нашемъ фронтѣ принадлежитъ нашимъ противникамъ. Наша же тактика сводилась къ отраженію непріятельскихъ попытокъ къ наступленію, къ выставленію заслоновъ на тѣхъ пунктахъ, на которыхъ ими это наступленіе велось. Мы почти не отражали наступленіе противника какими-нибудь контръ-маневрами съ нашей стороны, потому что такіе маневры могутъ быть дѣйствительными въ концѣ-концовъ только въ томъ случаѣ, если они предполагаютъ возможность серьезнаго наступленія и вторженіе въ непріятельскіе предѣлы.

Въ теченіе первыхъ полутора мѣсяцевъ послѣ нашего отхода на линію Бзуры-Равки-Ниды, германцы и австрійцы сосредоточивали свои главныя усилія въ западной Польшѣ, пытаясь прорвать оборонительную линію, занятую нами, подойти опять вплотную къ Вислѣ и возобновить попытки, не удавшіяся имъ въ концѣ сентября и началѣ октября. Начались упорныя германскія атаки на Бзурѣ и Равкѣ и почти столь же упорные австрійскія атаки на Нидѣ. Германцы долбили нашъ фронтъ на Бзурѣ и Равкѣ почти съ такой же настойчивостью, какъ раньше они вели атаку въ раіонѣ рѣки Изера и въ раіонѣ Ипра. Какъ и на западѣ, эти фронтальныя атаки, ведшіяся очень крупными силами и сопровождавшіяся усиленной артиллерійской подготовкой, ничего не давали нашему противнику, кромѣ тяжелыхъ потерь. Раньше всего замерло австрійское наступленіе на Нидѣ, германскія же атаки на Бзурѣ и Равкѣ продолжались до середины января. Въ серединѣ января германцы предприняли послѣднюю крупную попытку прорыва нашего расположенія на участкѣ около Боржимова. Эта атака была нами отбита, и вслѣдъ затѣмъ на западно-польскомъ фронтѣ наступило глубокое затишье, перемежавшееся лишь частными разрозненными атаками, не отражавшимися совершенно на общемъ положеніи дѣла. Этотъ фронтъ какъ бы сразу потерялъ все свое значеніе и всю свою остроту, а вслѣдъ затѣмъ постепенно обѣ стороны начали свозить отсюда свои силы для дѣйствія на другихъ участкахъ. Впослѣдствіи въ положеніи сторонъ въ западной Польшѣ произошли крупныя перемѣны, и фронтъ нашего расположенія неоднократно долженъ былъ отодвигаться ближе къ Вислѣ, но это происходило не вслѣдствіе непосредственныхъ непріятельскихъ атакъ въ этомъ направленіи, а исключительно вслѣдствіе перемѣны положенія на другихъ участкахъ нашего фронта.

Потерпѣвъ неудачу на Бзурѣ и Равкѣ, германцы перенесли свою энергію на другіе участки нашего фронта. Прежде всего они обратили вниманіе на восточно-прусскій фронтъ, гдѣ ихъ наступленіе было начато непосредственно вслѣдъ за неудачей ихъ атакъ въ Боржимовскомъ раіонѣ. Перевезя сюда значительныя подкрѣпленія, германцы предприняли наступленіе, направленное противъ нашей X арміи генерала Сиверса, стоявшей въ Занѣманскомъ раіонѣ, вдоль рѣки Ангерапа и позицій Мазурскихъ озеръ. Германское наступленіе въ восточной Пруссіи было приготовлено очень тщательно и вслѣдствіе ряда побочныхъ обстоятельствъ привело къ тяжелой неудачѣ для насъ и къ почти полной гибели одного изъ нашихъ корпусовъ. Наша 10-я армія отступила къ Нѣману и Бобру, германцы подошли вплотную къ крѣпости Гродно, и бои стали развиваться въ окрестностяхъ этой крѣпости. Одновременно съ тѣмъ значительныя германскія силы

предприняли наступленіе на Наревскомъ фронтѣ въ направленіи на Праснышъ. Но начатое съ такимъ эффектомъ германское наступленіе вскорѣ встрѣтило упорное сопротивленіе съ нашей стороны, и дальнѣйшихъ крупныхъ успѣховъ германцы больше не имѣли. Бои у Гродно сложились для нихъ неблагопріятно, и они должны были отступить изъ этого раіона. Вслѣдъ за тѣмъ въ Сувалкской губерніи наши войска оттѣснили противника приблизительно на линію Маріамполь и Кальварія, и послѣ того въ теченіе дальнѣйшихъ мѣсяцевъ въ расположеніи сторонъ здѣсь уже не происходило крупныхъ измѣненій. Болѣе рѣшительные бои произошли на Наревскомъ фронтѣ въ раіонѣ Прасныша. Сперва германцы имѣли здѣсь нѣкоторые частные успѣхи, но затѣмъ, начиная съ 11 февраля, наши войска перешли здѣсь въ встрѣчное наступленіе и нанесли противникамъ тяжелое пораженіе. Мы вернули захваченный было противникомъ г. Цѣхановъ и взяли при этомъ до 10 тысячъ плѣнныхъ. Праснышскіе бои были кончены къ 15 февраля, послѣ чего германцы отступили въ направленіи на Млаву-Хоржеле. Они снова подтянули сюда большія подкрѣпленія и въ концѣ февраля возобновили наступленіе большими силами, но это наступленіе велось уже вяло и постепенно свелось на-нѣтъ. Бои въ февралѣ стали принимать болѣе затяжной характеръ, затѣмъ они нѣсколько затихли и, начиная съ марта, серьезныхъ боевыхъ столкновеній на Наревскомъ фронтѣ въ теченіе долгаго времени не происходило. Здѣсь установилось довольно устойчивое равновѣсіе, и наше положеніе представлялось вполнѣ прочнымъ.

Гораздо болѣе крупныя операціи развивались на Галиційскомъ фронтѣ. Здѣсь въ теченіе первой половины декабря австрійцы еще нѣкоторое время пытались прорывать нашъ Карпатсій фронтъ. Въ серединѣ декабря эти попытки были ликвидированы съ большими потерями для непріятеля, при чемъ за одну первую половину декабря мы взяли въ плѣнъ до 50 тысячъ австрійцевъ. Отбивъ всѣ атаки непріятеля, мы однако въ декабрѣ не предпринимали съ своей стороны серьезнаго наступленія па Карпатскомъ фронтѣ. Въ этотъ моментъ наше наступленіе велось только на наименѣе важныхъ участкахъ въ Буковинѣ, гдѣ мы вскорѣ дошли почти что до ея крайнихъ предѣловъ. Но такъ какъ это наступленіе велось нами очень незначительными силами, то оно было скоро ликвидировано австрійцами, заставившими насъ отступить къ границѣ... На Карпатскомъ фронтѣ вторая половина декабря и начало января представляли періодъ относительнаго затишья. Болѣе оживленныя боевыя дѣйствія здѣсь начались въ серединѣ января, при чемъ одновременно и мы и нашъ противникъ стали вести наступленіе. Наше наступленіе было сосредоточено на крайнихъ западныхъ участкахъ Карпатскаго фронта въ раіонѣ Горлицы въ направленіи на

Бартфельдъ и Мезо-Лаборчъ. Усилія нашего противника были сосредоточены на восточной части Карпатскаго фронта, на путяхъ, ведущихъ изъ Львова на югъ, т.-е. на Ужокскомъ, и особенно Мункачскомъ и Стрыйскомъ направленіяхъ. Наше наступленіе въ январѣ было непродолжительно и не особенно глубоко. Оно привело насъ къ захвату Мезо-Лаборча и нѣкоторыхъ прилежащихъ Карпатскихъ переваловъ, и вслѣдъ за тѣмъ мы здѣсь остановились. Наступленіе австрійцевъ, поддержанное германцами, которые перевезли нѣсколько корпусовъ на Карпатскій фронтъ, отличалось большей настойчивостью и продолжительностью. Въ ходѣ операцій, длившихся на Карпатскомъ фронтѣ въ теченіе двухъ слишкомъ мѣсяцевъ, наши противники неоднократно мѣняли направленіе своихъ атакъ. Первоначально ихъ главныя силы были сосредоточны въ раіонѣ Лутовиски, на Ужокскомъ направленіи и на Мункачскомъ. Потомъ раіонъ Лутовиски и Ужокскаго направленія нѣсколько потерялъ свое значеніе, и вся энергія противника была сосредоточена на одномъ Мункачскомъ направленія. Здѣсь противнику удалось оттѣснить наши небольшія силы, ...

. . . .

. . . . и мы должны были отступить съ южныхъ склоновъ Карпатъ на сѣверные, отдавъ противнику главные перевалы. Къ 27 января наши войска достигли до линіи деревни Козювки и здѣсь дали отпоръ противнику. Съ тѣхъ поръ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не проходило ни одного дня, въ теченіе котораго противникъ не велъ бы атакъ на деревню Козювки, проявляя здѣсь не меньшее упорство, чѣмъ раньше на рѣкѣ Бзурѣ или во Франціи на Изерѣ и въ окрестностяхъ Ипра. Двухмѣсячная атака противниковъ (преимущественно германскихъ частей, которыя здѣсь замѣняли австрійскія войска) не дала никакихъ результатовъ. Не довольствуясь наступленіемъ на Мункачскомъ направленіи, непріятель въ началѣ февраля перенесъ свою дѣятельность на болѣе восточное Мармарошское направленіе и ему удалось здѣсь продвинуться довольно далеко на сѣверъ, занять Станиславовъ и приблизиться къ окрестностямъ Галича. Прибывшія сюда наши подкрѣпленія остановили противника и отбросили его опять далеко къ югу, почти что до линіи Надворной. Послѣ того Мармарошское направленіе перестало привлекать къ себѣ вниманіе нашихъ противниковъ, и они сосредоточили свою энергію еще на новомъ направленіи, на Балигродскомъ. Начатыя здѣсь австрійцами атаки, ведшіяся въ теченіе почти всей второй половины февраля, отличались наибольшимъ упорствомъ и въ эту атаку были втянуты очень крупныя силы по приблизительному подсчету до 300 баталіоновъ. Неся колоссальныя потери, австрійцы однако не могли поколебать наше положеніе и не могли прорвать нашъ фронтъ. Между тѣмъ

это для нихъ было въ данномъ случаѣ очень важно, потому что все ихъ наступленіе въ Балигродскомъ направленіи было вызвано стремленіемъ помочь крѣпости Перемышль, уже очутившейся къ этому моменту въ тяжеломъ положеніи. Балигродское направленіе было ближайшимъ и кратчайшимъ для освобожденія Перемышля, но попытка пробиться здѣсь была неудачной для австрійцевъ и они не могли выручить осажденную крѣпость.

Къ началу марта намѣтилась возможность нашего новаго наступленія на Карпатскомъ фронтѣ, ведшагося опять на болѣе западныхъ участкахъ этого фронта. Мы поставили себѣ цѣлью овладѣть не только отдѣльными перевалами, но и занять весь главный Карпатскій хребетъ, сбивъ противника на его южные склоны. Наступленіе это велось нами послѣдовательно, уступами, начиная съ болѣе западныхъ участковъ и постепенно развиваясь на востокъ. Въ общемъ, оно прошло удачно для насъ и мы захватили главный Карпатскій хребетъ на фронтѣ отъ Регетова до Волосате, на протяженіи 110 в., при чемъ, за періодъ времени съ 6 до 30 марта, мы взяли одними плѣнными не менѣе 70.000 человѣкъ, въ томъ числѣ до 900 офицеровъ и захватили свыше 30 орудій и 200 пулеметовъ. Но попытка нашего наступленія восточнѣе Волосате на Ужокскомъ направленіи успѣха не имѣла. Ужокскій перевалъ и прилежащіе къ нему отрѣзки главнаго Карпатскаго хребта остались въ рукахъ нашихъ противниковъ.

Въ мартѣ на Галиційскомъ фронтѣ произошла крупная перемѣна, вслѣдствіе сдачи первоклассной австрійской крѣпости Перемышля. Эту крѣпость мы обложили первый разъ въ сентябрѣ, и тогда уже были сдѣланы попытки штурмовать отдѣльные форты этой крѣпости. Попытки эти не были успѣшны, а послѣ наступленія австрійцевъ на Санъ мы должны были снять блокаду Перемышля. Возобновилась эта блокада лишь въ послѣднихъ числахъ октября, и постепенно блокада была замѣнена правильной осадой. Австрійцы сосредоточили въ Перемышлѣ значительныя силы, многимъ превышавшія нормальныя части гарнизона. Гарнизонъ крѣпости разсчитанъ на 40—50.000 человѣкъ, австрійцы же держали въ Перемышлѣ цѣлую армію въ 150.000 человѣкъ. Эта армія вела себя очень активно, предпринимала многочисленныя вылазки, но къ началу марта положеніе гарнизона стало очень затруднительнымъ. 9-го марта Перемышль сдался, при чемъ въ наши руки досталась громадная добыча. Одними плѣнными мы взяли 9 генераловъ, 93 штабъ-офицера, 2.500 оберъ-офицеровъ и 117.000 нижнихъ чиновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ освободилась цѣлая наша армія, осаждавшая до сихъ поръ Перемышль, и мы, такимъ образомъ, пріобрѣли большую свободу дѣйствія на нашемъ карпатскомъ фронтѣ. Но наше наступленіе на карпатскомъ фронтѣ не сопровождалось актив-

ными нашими дѣйствіями на другихъ участкахъ, вслѣдствіе этого противникъ имѣлъ полную возможность подвозить сюда подкрѣпленія, и по мѣрѣ того какъ росли наши силы, росли и силы противника. Мы въ общемъ отбросили противника на фронтѣ свыше 100 верстъ протяженіемъ вглубь верстъ на 20—35, но этотъ успѣхъ не имѣлъ рѣшительнаго характера. Къ концу марта наше наступленіе на карпатскомъ фронтѣ пріостановилось. Почти одновременно нѣсколько затихли непріятельскія атаки въ районѣ Козювки. Здѣсь въ срединѣ апрѣля сталъ замѣчаться какъ бы переходъ иниціативы въ наши руки. Мы стали тѣснить противника, захватили не малое количество плѣнныхъ, но какъ разъ въ этотъ моментъ нашъ противникъ предпринялъ новую крупную операцію на галиційскомъ фронтѣ.

Новое наступленіе было начато 18 апрѣля и носило на этотъ разъ болѣе крупный характеръ, чѣмъ въ прежнихъ случаяхъ. Теперь непріятель добивался общаго рѣшенія на восточномъ театрѣ войны, а не преслѣдовалъ частичныхъ цѣлей, какъ прежде. Для новаго наступленія германцами были сосредоточены на галиційскомъ фронтѣ значительныя силы, въ видѣ цѣлаго ряда корпусовъ, перевезенныхъ отчасти съ западнаго фронта, отчасти представляющихъ новыя формированія. Эти значительныя силы были поддерживаемы громаднымъ числомъ орудій, сосредоточенныхъ на небольшомъ сравнительно фронтѣ и исподволь свезенныхъ сюда. Главную роль въ наступательныхъ операціяхъ наши противники предоставили германской арміи генерала Макензена, который повелъ 18 апрѣля наступленіе въ районѣ Цѣнжковице-Горлице, направивъ свои главные удары на тотъ пунктъ, гдѣ фронтъ русской арміи образовалъ исходящій уголъ. Ближайшею цѣлью германскаго наступленія было выйти въ тылъ нашимъ войскамъ, выдвинувшимся на карпатскомъ фронтѣ, и отрѣзать ихъ пути сообщенія. Цѣль эта имъ удалась, однако, не въ полной мѣрѣ. Наши войска оказали противнику очень упорное сопротивленіе, даже можетъ быть болѣе упорное, чѣмъ это вызывалось сложившейся на данныхъ участкахъ боевого фронта обстановкой, но все-таки не получилось такого замедленія въ отступленіи, которое могло бы привести къ какимъ-нибудь роковымъ послѣдствіямъ. Непріятелю удалось прорвать линію нашего расположенія, но въ затруднительномъ положеніи изъ частей, стоящихъ на карпатскомъ фронтѣ, оказалась лишь 48-я дивизія генерала Корнилова, которая была окружена со всѣхъ сторонъ, но тѣмъ не менѣе смогла пробиться, хотя и съ небольшими потерями, на соединеніе со своимъ корпусомъ. Отступивъ въ районѣ Горлице и западнаго карпатскаго фронта, очистивъ также одновременно съ этимъ и линію рѣки Дунайца, мы пытались задержать противника на линіи рѣки Вислоки; но это намъ не удалось. Вслѣдствіе этого наша третья

армія генерала Радько-Дмитріева, на которую обрушился главный ударъ противника, должна были отойти и части 8-й арміи, стоявшей на карпатскомъ фронтѣ. Къ 1 мая русскія войска заняли позиціи, шедшія вдоль рѣки Сана, а затѣмъ южнѣе Перемышля по прямой линіи отъ Перемышля до Большого Днѣстровскаго болота. Послѣ нѣсколькихъ дней затишья, обусловленнаго необходимостью пополненія артиллерійскихъ снарядовъ, наши противники возобновили свое наступленіе, и уже 2-го мая ихъ передовыя части форсировали рѣку Санъ. Вслѣдъ за тѣмъ разгорѣлась продолжительная борьба за рѣку Санъ и крѣпость Перемышль. Въ результатѣ этой борьбы наши войска 31 мая очистили Перемышль и отошли къ востоку отъ него. Непріятель велъ затѣмъ фронтальныя атаки на наши позиціи въ районѣ Мосциско, но эти атаки успѣха не имѣли. Въ нихъ участвовали не главныя силы германцевъ, а главныя силы были направлены нѣсколько на сѣверо-востокъ на рѣку Любачевку и въ районѣ Любачевки. Тутъ имъ въ началѣ іюня удалось добиться довольно крупныхъ успѣховъ, что̀ вынудило насъ очистить позиція Мосциско и отойти на Городокскую позицію, лежавшую передъ самымъ Львовымъ. Возгорѣвшаяся вслѣдъ за тѣмъ борьба на Городскихъ позиціяхъ была непродолжительна. Движеніе арміи Макензена на сѣверо-востокъ продолжалось, и это вынудило насъ очистить Городокскія позиціи къ 7 іюня. Этимъ самымъ была уже предрѣшена судьба Львова, и дальнѣйшее движеніе германцевъ на сѣверо-востокъ и ихъ прорывъ въ районѣ Жолкева заставили насъ очистить Львовъ 9 іюня.

Одновременно съ наступленіемъ на линію Сана и въ направленіи ко Львову, германцами и австрійцами велось упорное наступленіе на линіи Днѣстра въ теченіе всего мая мѣсяца. Это наступленіе, въ которомъ участвовали австро-германскія арміи генераловъ Линцингена и Пфланцера, въ общемъ складывалось неудачно для нашихъ противниковъ. Мѣстами имъ удавалось продвинуться впередъ, но затѣмъ наши войска наносили имъ тяжелые удары и если въ концѣ-концовъ намъ пришлось очистить линію рѣки Днѣстра, то не вслѣдствіе успѣховъ арміи Линцингена, а исключително вслѣдствіе не прекращавшагося движенія на востокъ армій Макензена и Бемъ-Ермоли. Мы постепенно должны были очистить линію Днѣстра, сперва къ западу отъ Миколаева, затѣмъ участокъ между Миколаевомъ и Жидачевымъ, далѣе районъ Журавно и, наконецъ, районъ Галича. Въ концѣ-концовъ русскія войска отошли въ восточной Галиціи на линію Золотой Липы и Буга и удерживаютъ къ настоящему моменту линію Днѣстра лишь ниже Нижніова.

Занятіе Львова не остановило австро-германскаго наступленія, да и не могло его остановить, потому что все-таки не вытѣсненіе

насъ изъ восточной Галиціи представляло главную цѣль для нашего противника. Вслѣдъ за тѣмъ началась новая перегруппировка непріятельскихъ силъ и ихъ поворотъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Еще до окончательнаго паденія Львова уже возникли упорные бои въ районѣ Равы Русской. Послѣ паденія Львова началось вторженіе непріятеля въ южные предѣлы нашей Люблинской и Холмской губерній, и намѣтилось ихъ наступленіе въ направленіяхъ на Люблинъ и Холмъ, представляющее собою точное воспроизведеніе австрійскаго наступленія, ведшагося въ августѣ прошлаго года. Для поддержки наступленія наши противники предпринимали встрѣчное наступленіе на фронтѣ Нарева, угрожавшее такимъ образомъ сжать наши войска, находившіяся въ Польшѣ съ двухъ сторонъ, взять ихъ, такъ сказать, въ клещи.

Наступленіе непріятеля на люблинско-холмскомъ направленіи началось почти непосредственно вслѣдъ за паденіемъ Львова, сперва на холмскомъ направленіи (12-го іюня), нѣсколько позже на люблинскомъ. Первые дни это наступленіе велось очень быстро и энергично. 12-го іюня непріятель велъ наступленіе на фронтъ Верхрата—Гребене—Лубелла, т.-е. еще въ ближайшихъ окрестностяхъ Равы-Русской. 15-го іюня непріятель уже занялъ Томашевъ, а 18-го іюня аріергардные бои шли въ районѣ къ сѣверу отъ Замостья. Съ неменьшей быстротой шло движеніе противника и на люблинскомъ направленіи. Къ 21—23 іюня непріятель уже достигъ линіи Уржендовъ—Вилколазъ—Быхава—Тарногура—рѣка Волица—Грабовецъ—Крыловъ, но тутъ въ наступленіи непріятеля произошла заминка. Дѣйствовавшая на Люблинскомъ направленіи австрійская армія эрцгерцога Іосифа-Фердинанда наткнулась на встрѣчное наступленіе съ нашей стороны и понесла серьезную неудачу. Въ длившихся здѣсь бояхъ съ 21-го по 28-ое іюня эта армія потеряла одними плѣнными 297 офицеровъ и 22.464 нижнихъ чиновъ. Одновременно произошла заминка и въ наступленіи германской арміи Макензена на холмскомъ направленіи. Для развитія дальнѣйшаго наступленія наши противники вынуждены были произвести перегруппировку своихъ силъ и передвинуть лѣвый флангъ арміи Макензена на лѣвый берегъ Вепржа, сокративъ такимъ образомъ значительно фронтъ арміи эрцгерцога Іосифа-Фердинада. Произведя эту перегруппировку, непріятель возобновилъ въ ночь на 3 іюля общее наступленіе по всему люблинско-холмскому фронту. Наступленіе это велось съ крайней настойчивостью и привело къ очень упорнымъ боямъ. Ожесточенныя атаки австрійцевъ и германцевъ непрерывно смѣнялись одна другою, и большинство этихъ атакъ отбивались нами. Но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ непріятелю все же удавалось продвинуться впередъ, и это вынуждало также и

наши сосѣднія части къ отходу назадъ. Такимъ образомъ, фронтъ нашего положенія между Вислой и Бугомъ постепенно и медленно, но все-таки перемѣщался къ сѣверу. Наибольшее вліяніе на такое перемѣщеніе имѣли успѣхъ германскихъ войскъ, наступавшихъ вдоль самаго Вепржа, а также движеніе праваго крыла арміи Макензена на ближайшихъ къ Бугу участкахъ въ районѣ Грубешова.

При другихъ условіяхъ медленное продвиженіе впередъ непріятеля, достававшееся ему очень дорогою цѣною, не представляло бы для насъ серьезной угрозы, но при наличной обстановкѣ въ Привислинскомъ краѣ эти незначительные каждый въ отдѣльности успѣхи становились уже несравненно болѣе важными. Одновременно съ наступленіемъ на люблинско-холмскомъ фронтѣ германцы вели энергичное наступленіе и на наревскомъ фронтѣ. Это наступленіе было начато вечеромъ 29-го іюня. Сперва бои на этомъ фронтѣ не носили рѣшительнаго характера, но 3-го іюля непріятель сильно потѣснилъ насъ въ районѣ Цѣханова и вынудилъ насъ занять болѣе сосредоточенное положеніе на правомъ берегу Нарева. Съ 6-го іюля начались непріятельскія попытки овладѣть нашей предмостной позиціей у Рожана и форсировать переправу черезъ Наревъ между Рожаномъ и Пултускомъ. Съ 7-го по 10-го іюля германцамъ удалось переправиться на лѣвый берегъ Нарева. Наши попытки отбросить его обратно на правый берегъ рѣки не имѣли успѣха, и германскія войска хотя и медленно, но стали распространяться на лѣвомъ берегу вверхъ и внизъ по теченію.

Взятые въ отдѣльности германскіе успѣхи на наревскомъ фронтѣ не могли бы имѣть рѣшающаго значенія, но въ связи съ постепеннымъ и медленнымъ продвиженіемъ непріятеля на люблинско-холмскомъ фронтѣ для насъ создавалось очень тяжелое положеніе. Въ интересахъ большей безопасности наши войска, занимавшія въ западной Польшѣ линію рѣкъ Бзуры и Равки, были отодвинуты къ востоку непосредственно къ Вислѣ и къ передовымъ позиціямъ Варшавы и Ивангорода. Но этимъ дѣло не могло ограничиться. Постепенное сближеніе наревскаго и люблинско-холмскаго фронта могло бы привести въ конечномъ итогѣ къ опасному положенію всѣхъ нашихъ войскъ, находящихся въ Привислинскомъ краѣ. Особенно это стало ясно съ того момента, когда непріятелю удалось выйти на желѣзную дорогу Ивангородъ—Ковель и занять Люблинъ и Холмъ, а одновременно съ тѣмъ оказались неудачными наши попытки помѣшать распространенію противника между Наревомъ и Бугомъ. Это вынудило насъ оставить Варшаву и очистить всю линію Вислы и отходъ нашихъ войскъ на слѣдующую оборонитель-

вую линію Ковно — средній Нѣманъ — Гродно — Брестъ-Литовскъ — верхній Бугъ.

Такимъ образомъ, годичная борьба за Привислинскій край и за Галицію кончилась для насъ неудачей. Но надо имѣть въ виду, что это была борьба лишь за передовой театръ военныхъ дѣйствій, за тотъ плацдармъ, на которомъ должно было совершиться развертываніе нашихъ силъ для наступленія противъ Германіи и Австріи. Въ теченіе всего года мы либо пытались вести подобное наступленіе, либо боролись за возможность возобновить его въ каждый данный моментъ. Наше наступленіе отбито. Мы потеряли занятыя нами съ этой цѣлью передовыя позиціи, и теперь кампанія на восточномъ театрѣ войны переходитъ уже въ новую фазу, дѣло уже будетъ идти объ оборонѣ коренныхъ предѣловъ Россіи. Мы, конечно, не можемъ быть довольны такими итогами года борьбы, но мало утѣшительнаго представляютъ эти итоги и для нашихъ противниковъ. Наше наступленіе на Германію отбито. Но наступленіе противниковъ противъ Россіи можетъ начаться только теперь, черезъ годъ послѣ объявленія войны. Съ другой стороны, германцы и австрійцы достигли теперь только того, чего они разсчитывали добиться въ августѣ прошлаго года и силами одной австрійской арміи, ведшей тогда наступленіе на люблинско-холмскомъ фронтѣ.

Совершенно самостоятельное значеніе въ ходѣ австро-германскаго наступленія занимаютъ операціи въ Риго-Шавельскомъ районѣ, начатыя одновременно съ наступленіемъ нашего противника въ Галицію, т.-е. въ серединѣ апрѣля. Германцы, выставившіе здѣсь большія кавалерійскія массы, очень быстро подошли почти къ Митавѣ, но тутъ они были остановлены и вынуждены отступить назадъ. Они отошли къ линіи г. Шавли, но въ это время двигавшіяся изъ Мемеля, небольшія германскія части, поддерживаемыя флотомъ, заняли Либаву. Послѣ того, въ теченіе всего мая и іюня въ Риго-Шавельскомъ районѣ тянулись затяжные бои, то вспыхивавшіе, то вновь прекращавшіеся, и положеніе оставалось въ теченіе долгаго времени почти неизмѣненнымъ. Германцы заняли западную часть Ковенской и нѣкоторые уѣзды Курляндской губерній приблизительно до линіи рѣкъ Дубиссы и Венты, и фронтъ сторонъ колебался въ данномъ случаѣ очень мало. Лишь въ разгаръ непріятельскаго наступленія на Люблинъ-Холмъ и на наревскомъ фронтѣ германцы повели новое наступленіе значительными силами къ Курляндской губерніи по направленію черезъ Гольдингенъ на Туккумъ, Добленъ. Это наступленіе, опиравшееся главнымъ образомъ на море, привело ихъ въ непосредственное сосѣдство къ Митавѣ и затѣмъ къ р. Аа и являлось уже серьезной угрозой для Риги. Но

затѣмъ дѣйствовавшія здѣсь германскія войска стали спускаться къ югу и востоку, занявъ города Поневѣжъ и Кейданы и продвинувшись еще верстъ на 25—30 далѣе къ востоку. Операціи въ Риго-Шавельскомъ районѣ преслѣдуютъ самостоятельную цѣль и въ данный моментъ находятся лишь въ подготовительной стадіи, являются подготовкой къ новымъ болѣе крупнымъ операціямъ, которыя станутъ возможными лишь въ томъ случаѣ, если германцамъ удастся добиться дѣйствительно крупныхъ успѣховъ на польскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій и если они принудятъ насъ къ отходу за линію Бреста.

IV.

Западный французскій и нашъ восточный русскій театры военныхъ дѣйствій были главными. Всѣ остальные театры военныхъ дѣйствій имѣли лишь второстепенное значеніе. На нашемъ Кавказскомъ фронтѣ географическія условія не позволяли ни той, ни другой сторонѣ развить военныя операціи въ достаточно широкомъ масштабѣ, не говоря уже про то, что для насъ Турція являлась совершенно второстепеннымъ противникомъ, противъ котораго было бы не выгодно отвлекать значительныя силы, бездорожье Арменіи и отсутствіе здѣсь значительныхъ стратегическихъ цѣнностей не позволяли намъ вести на Кавказскомъ фронтѣ наступательной войны въ широкомъ масштабѣ. Для турокъ этотъ фронтъ имѣлъ нѣсколько большее значеніе, но имъ мѣшало ихъ бездорожье и невозможность доставлять сюда нужное снабженіе въ достаточномъ масштабѣ. Особенно это выяснилось съ тѣхъ поръ, какъ активныя, энергичныя дѣйствія нашего черноморскаго флота прервали всякія морскія сношенія между Трапезундомъ и Константинополемъ. Дѣйствовавшія на Кавказской границѣ турецкія войска были обречены на необходимость довольствоваться мѣстными рессурсами, а эти рессурсы были слишкомъ незначительны, для того чтобы вести энергичную наступательную кампанію. Въ виду этого операціи на Кавказскомъ фронтѣ въ общемъ развивались медленно. Турки только одинъ разъ сдѣлали попытку серьезнаго наступленія, именно въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда съ имѣвшимися здѣсь силами предприняли смѣлое обходное движеніе въ Ольтинскомъ направленіи на Ардаганъ и на Саракамышъ. Это движеніе привело къ упорнымъ боямъ сперва въ районѣ Саракамыша, потомъ въ районѣ Караургана и кончилось тяжелымъ пораженіемъ турецкихъ войскъ. Этимъ наступленіе турокъ было окончательно ликвидировано, но съ нашей стороны не было смысла вести здѣсь энергичныя дѣйствія. Мы ограничились очищеніемъ отъ турокъ нѣкоторыхъ нашихъ пограничныхъ

мѣстностей, занятыхъ было ими, а потомъ сосредоточили свои главныя усилія на нашемъ лѣвомъ флангѣ въ районѣ Арменіи, гдѣ наше движеніе впередъ преслѣдовало не столько стратегическія, сколько политическія цѣли.

Не было рѣшительныхъ боевыхъ столкновеній также и въ Черномъ морѣ. Въ составѣ турецкаго флота было лишь одно судно, имѣвшее первоклассное боевое значеніе, именно бывшій германскій линейный крейсеръ «Гебенъ». Онъ по своей силѣ превышалъ каждое въ отдѣльности изъ судовъ нашего черноморскаго флота и въ то же время отличался очень большой скоростью. Хотя на немъ и находились германскіе моряки, его экипажъ не оказался на высотѣ положенія и «Гебенъ» отнюдь не развиваетъ на Черномъ морѣ той активности, которую можно было бы отъ него ожидать. Вскорѣ онъ, кромѣ того, наткнулся на мину и получилъ тяжелыя поврежденія, которыя вынудили его къ продолжительному бездѣйствію. Послѣ выбытія его изъ строя турецкій флотъ отказался сразу отъ активныхъ операцій на Черномъ морѣ и господство на этомъ морѣ перешло всецѣло въ наши руки. Послѣ этого начались энергичныя поиски нашихъ судовъ вдоль всего Анатолійскаго побережья, имѣвшіе цѣлью съ одной стороны прервать морское сообщеніе между Трапезундомъ и Константинополемъ, съ другой стороны стремившіеся къ тому, чтобы прекратить доставку въ Константинополь угля изъ Зунгулдакскаго раіона, единственнаго угленоснаго раіона во всей Турціи.

Сравнительно большое значеніе для общаго хода войны имѣли операціи англичанъ и французовъ въ раіонѣ Дарданеллъ. Сперва англійскій флотъ, поддерживаемый небольшой французской эскадрой, пытался форсировать Дарданелльскій проливъ безъ поддержки сухопутныхъ войскъ. Дарданелльскіе форты подверглись бомбардировкѣ, а затѣмъ союзный флотъ вошелъ въ проливъ. Но эта попытка форсировать проливъ безъ поддержки сухопутной арміи оказалась неудачной. Она привела къ гибели трехъ изъ союзныхъ броненосцевъ, наткнувшихся на разбросанныя турками пловучія мины. Эта неудача привела союзниковъ къ убѣжденію въ необходимости высадки значительнаго десанта на Галлипольскомъ полуостровѣ для овладѣнія Дарданелльскими фортами съ сухого пути. Высадка была произведена 11-го апрѣля, но сравнительно небольшими силами. Въ ней участвовали 29-ая англійская дивизія, затѣмъ сводный колоніальный корпусъ изъ Австраліи и Новой-Зеландіи и кромѣ того небольшой французскій отрядъ. Этихъ силъ было достаточно для того, чтобы произвести высадку, но ихъ оказалось недостаточно для того, чтобы добиться сразу значительнаго успѣха, и союзникамъ пришлось выжидать новыхъ подкрѣпленій. Къ этому времени турецкія войска тоже получили

подкрѣпленіе, нѣсколько оправились и укрѣпили свои позиціи. Получилась въ этомъ раіонѣ затяжная борьба, сопровождавшаяся тяжелыми потерями для обѣихъ сторонъ. Уже въ самый моментъ высадки и въ ближайшіе за ней дни одна англійская экспедиціонная армія потеряла свыше 14.000 человѣкъ, къ началу же іюля англійскія потери въ Дарданеллахъ уже выразились въ цифрѣ 40.000 человѣкъ, и все-таки раіонъ военныхъ дѣйствій ограничился преимущественно самыми южными оконечностями Галлипольскаго полуострова; англійскія войска все еще стоятъ передъ Критіей и Ачи-бабой, находящейся на южномъ концѣ Галлипольскаго полуострова. За послѣднее время стали появляться все болѣе настойчивыя указанія на то, что сопротивленіе турокъ стало слабѣть, что въ турецкой арміи чувствуется очень сильный недостатокъ всякаго рода снарядовъ. Это даетъ надежду на то, что операціи англичанъ на Галлипольскомъ полуостровѣ будутъ скоро приведены къ благополучному окончанію, что дастъ возможность открыть проходъ черезъ Дарданеллы и рѣшить судьбу Константинополя. Открытіе проливовъ имѣло бы несомнѣнно чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ возстановило бы торговую жизнь юга Россіи и обезпечило бы для Россіи подвозъ изъ Франціи и Англіи предметовъ, нужныхъ для продолженія войны.

На сербскомъ и черногорскомъ фронтахъ боевыя дѣйствія относительно энергично велись лишь въ первые мѣсяцы кампаніи. Австрійцы дважды повторяли попытку вторженія въ Сербію, но эти попытки кончались въ концѣ концовъ неудачей, вслѣдствіе того, что успѣхъ русскихъ войскъ принуждалъ австрійцевъ ослабить свои силы, выставленныя противъ сербовъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ австрійцы были вытѣснены изъ Сербіи, и вслѣдъ за тѣмъ на сербскомъ фронтѣ установилось полное затишье, не нарушаемое до настоящаго времени. Сербская армія въ настоящее время проявляетъ гораздо большую активность не на австрійской границѣ, а на албанской, и стремится упрочить тамъ свое положеніе. Равнымъ образомъ и черногорскія войска не проявляютъ большой активности на австрійской границѣ, направили свое вниманіе противъ Албаніи, гдѣ они заняли въ недавнее время Скутари.

Большое значеніе для хода всей войны имѣли операціи на морскомъ театрѣ войны. Эти операціи по внѣшности не были особенно эффектными и за весь годъ не произошло ни одного крупнаго сраженія на морѣ. Но это происходило исключительно потому, что германскій флотъ сразу отказался отъ господства на морѣ и укрылся подъ защиту береговыхъ укрѣпленій. Въ открытомъ морѣ германцы держали только немногочисленные крейсера, которые оказались далеко отъ родины въ моментъ объявленія войны. Лишь эти немногочислен-

ные крейсера вели активныя операціи и пытались мѣшать англійской торговлѣ, при чемъ наибольшую активность изъ всѣхъ этихъ крейсеровъ проявлялъ маленькій бронепалубный крейсеръ «Эмденъ». Англійскія суда устроили систематическую облаву на германскіе крейсеры и постепенно всѣхъ ихъ уничтожили. Послѣ того для англійской торговли уже не было никакихъ препятствій въ отдаленныхъ окраинахъ, у береговъ же самой Англіи германцы раньше не пытались препятствовать британской торговлѣ. За подобную задачу они принялись лишь въ мартѣ мѣсяцѣ и то не съ помощью крейсеровъ, а съ помощью подводныхъ лодокъ. Они объявили блокаду всего британскаго побережья и рѣшили топить всѣ суда, хотя бы шедшія подъ нейтральнымъ флагомъ и направлявшіяся въ англійскіе порты.

Операціи подводнаго флота сопровождались лишь внѣшнимъ успѣхомъ. Германцамъ удалось потопить много торговыхъ судовъ, но это не остановило англійской морской торговли и даже не уменьшило числа торговыхъ судовъ, прибывающихъ нынѣ въ англійскіе порты и выходящихъ изъ нихъ.

Неоспариваемое господство англійскаго флота на морѣ сдѣлало для Германіи безнадежной борьбу за колоніи. Постепенно эти колоніи были всѣ захвачены англичанами и ихъ союзниками-французами и японцами.

Особливое мѣсто занимали операціи на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ Японія захватила германскую колонію Кіао-Чао, и англійскія операціи въ Месопотаміи.

Не отразилось на общемъ ходѣ войны или по крайней мѣрѣ мало отразилось вмѣшательство въ войну Италіи, совершившееся лишь въ концѣ отчетнаго года. Италія объявила войну Австріи 9 мая и тогда же начала свое наступленіе въ предѣлы Австріи, но итальянскимъ войскамъ пришлось вести свое наступленіе въ трудныхъ условіяхъ горной войны и въ районѣ, особенно искусно подготовленномъ къ оборонѣ въ инженерномъ отношеніи. Это неизбѣжно вело къ тому, что операціи на этомъ фронтѣ развивались очень медленно и до настоящаго времени они еще не успѣли отразиться на общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій, продолжая сохранять лишь мѣстное значеніе.

А. Оглинъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Статьи по новой русской литературѣ академика Н. П. Дашкевича. Сборникъ отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Ак. наукъ. Томъ 92-й. Стр. 696. Ц. 3 руб.

Николай Павловичъ Дашкевичъ, кіевскій профессоръ и академикъ (скончался 20 января 1908 г.), напечаталъ рядъ статей по новой русской литературѣ въ такихъ спеціальныхъ изданіяхъ, какъ Извѣстія кіевскаго университета и Труды кіевскаго общества имени Нестора-лѣтописца, или въ старыхъ кіевскихъ же газетахъ. Между тѣмъ, и по предмету, и по обработкѣ многія изъ нихъ заслуживали вниманія всѣхъ занимающихся исторіею новой русской литературы. Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи наукъ издало теперь эти статьи отдѣльнымъ сборникомъ.

Центральную часть сборника составляютъ статьи о Пушкинѣ, Лермонтовѣ и Гоголѣ. Дашкевичъ былъ знатокомъ европейскихъ литературъ, и при общемъ блѣдномъ академически сдержанномъ изложеніи, при осторожности въ выводахъ и обобщеніяхъ, онъ неизмѣнно живъ и интересенъ въ своихъ сопоставленіяхъ явленій новой русской литературы съ аналогичными явленіями европейскихъ литературъ. О характерѣ его работъ даютъ понятіе уже заглавія нѣкоторыхъ статей: «Романтика на Западѣ и въ поэзіи В. А. Жуковскаго», «Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени», «Мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова». Болѣе всего отведено мѣсто въ сборникѣ Пушкину: статьи о немъ занимаютъ триста страницъ. Искренній энтузіастъ поэзіи Пушкина, Дашкевичъ схватывалъ и чувствовалъ общій тонъ ея, и въ то же время тонко разбирался въ деталяхъ и частностяхъ, какъ изслѣдователь. Таковы всѣ его вдумчивыя сопоставленія Пушкина и писателей, такъ или иначе оставившихъ свой слѣдъ въ творчествѣ русскаго поэта. Въ этихъ сопоставленіяхъ даны иногда цѣлые небольшіе этюды о генезисѣ мотивовъ и типовъ, отраженныхъ и переработанныхъ у Пушкина, напр. о міровой скорби, тогдашней «болѣзни вѣка», о герояхъ «разочарованія». При опредѣленіи родства, напр., Адольфа (герой романа Бенжамена Констана) и Евгенія Онѣгина прослѣжены чуть не строка за строкою характерныя совпаденія въ обоихъ произведеніяхъ. Съ тою же добросовѣстностью въ статьяхъ о Лермон-

товѣ и его байронизмѣ данъ небольшой очеркъ о типахъ сатаны въ европейской литературѣ, и т. п. Въ итогѣ этихъ сопоставленій и Пушкинъ, и Лермонтовъ, дѣйствительно, обрисовываются—не голословно, но съ покоряющей убѣдительностью—равноправными членами великой міровой литературы: чувствуешь, какъ интенсивно жили они главенствующими настроеніями ея, оставаясь въ то же время, конечно, вполнѣ національными. Менѣе интересны статьи Дашкевича о Гоголѣ. Въ нихъ оцѣнка Гоголя дается больше съ ея психологической стороны, и здѣсь не мало спорнаго, какъ напр. утвержденіе объ общемъ «мощномъ міровоззрѣніи», самостоятельно выработанномъ у автора «Переписки съ друзьями».

Кромѣ статей о Пушкинѣ, Лермонтовѣ и Гоголѣ, въ сборникѣ даны статьи: «Литературныя изображенія императрицы Екатерины II и ея царствованія», обзоръ всего писаннаго объ Императрицѣ-писательницѣ съ общимъ благосклоннымъ выводомъ въ ея пользу; «Романтика на Западѣ и въ поэзіи Жуковскаго»; «В. И. Красовъ, полузабытый лирикъ и словесникъ 30-хъ и 40-хъ гг.», біографическій очеркъ, появляющійся впервые, мало обработанный, но небезъинтересный по недостатку свѣдѣній вообще объ этомъ членѣ московскихъ кружковъ 30-40-хъ гг.; двѣ рѣчи—панегирики—о Тургеневѣ и Майковѣ, произнесенныя при чествованіяхъ памяти этихъ писателей.—Въ методологическомъ отношеніи Дашкевичъ историкъ и критикъ строгой академической школы, всегда сдержанный, осторожный въ выводахъ, постоянно предостерегающій отъ увлеченій и крайностей. Читатели могутъ воспользоваться во многихъ случаяхъ его эрудиціей, засвидѣтельствованной обильными ссылками на книги, которыя могутъ заинтересовать и новыхъ изслѣдователей тѣхъ же предметовъ.

Ч. В—скій.

— Проф. В. Бузескулъ. Современная Германія и нѣмецкая историческая наука XIX-го столѣтія. Петроградъ 1915.

Изученіе національной исторіографіи того или другого народа является всегда прекраснымъ средствомъ для ознакомленія съ исторіей національнаго самосознанія этого народа, такъ какъ смѣняющіяся направленія исторической мысли ярко отражаютъ смѣняющіяся политическія настроенія. Нѣмецкая исторіографія XIX вѣка въ этомъ отношеніи можетъ служить однимъ изъ самыхъ характерныхъ примѣровъ. Кто изъ занимающихся всеобщей исторіей у насъ не привыкъ съ особымъ піэтетомъ относиться къ трудамъ такихъ корифеевъ нѣмецкой исторической науки, какъ Нибуръ и Моммсенъ,

Ранке и Гизебрехтъ, Зибель и Трейчке? И развѣ не характерны поэтому для всей Германіи тѣ черты аггрессивнаго національзма, то преклоненіе предъ грубой силой и успѣхомъ, которыя поражаютъ читателя въ произведеніяхъ этихъ лучшихъ умовъ Германіи XIX вѣка?

Проф. В. П. Бузескулъ поставилъ себѣ въ своей брошюрѣ задачу прослѣдить, какъ узкій и пристрастный національзмъ проходитъ красной нитью чрезъ всю нѣмецкую исторіографію XIX вѣка. Онъ показываетъ, какъ, по мѣрѣ перерожденія идеалистической Германіи Гёте и Шиллера въ реалистическую Германію Бисмарка, нѣмецкіе историки все болѣе отклонялись отъ великаго завѣта писать sine ira et studio, какъ постепенно подъ ихъ перомъ исторія забыла о безкорыстномъ стремленіи къ истинѣ и превращалась въ проповѣдь грубой силы и прославленіе Пруссіи и Гогенцоллерновъ. Какъ бы ни были при этомъ различны политическіе взгляды отдѣльныхъ историковъ, были ли они реакціонерами или радикалами, страстными поклонниками Бисмарка или его политическими противниками, все равно, въ національномъ вопросѣ всѣ они одинаково солидарны. Всюду и вездѣ они являются поклонниками силы и успѣха, всюду и вездѣ они оказываются проповѣдниками господства Германіи надъ всѣмъ міромъ, всюду и вездѣ полны презрѣнія къ «выродившемуся» романскому Западу и убѣждены въ правѣ Германіи поработить себѣ «варварскій» славянскій Востокъ.

Написанная легкимъ изящнымъ языкомъ, изобилующая яркими характеристиками и удачно выбранными цитатами, брошюра проф. Бузескула даетъ поучительную иллюстрацію той стороны нѣмецкой исторіографіи, на которую до сихъ поръ у насъ обращали мало вниманія.

В. Б.

— А. К. Дживелеговъ. Александръ I и Наполеонъ. Историческіе очерки. М. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1915. Стр. VII + 302. Цѣна 1 р. 75 к.

Большинство очерковъ г. Дживелегова было написано въ связи съ столѣтнимъ юбилеемъ Отечественной войны 1812 года. Для отдѣльнаго изданія они переработаны и даютъ въ цѣломъ довольно полное понятіе о разнообразныхъ сторонахъ эпохи и отношеній Наполеона и Александра I. Книга открывается предисловіемъ, въ которомъ авторъ «не можетъ удержаться отъ нѣкоторыхъ сопоставленій». «Теперь, — пишетъ авторъ: — когда мы видимъ, какой бываетъ настоящая «народная» война, можно, мнѣ кажется, со спокойнымъ серд-

цемъ перестать называть «народной» войну 1812 г. Двѣ войны—двѣ политики... Тогда внѣшнюю политику дѣлали интересы помѣщичьяго класса и личныхъ симпатій и антипатій правительствующихъ лицъ. Первое обусловливало разрывъ съ Франціей, второе — поддержку Австріи и Пруссіи. Весь XIX вѣкъ начиная съ Вѣнскаго конгресса, давалъ доказательства тому, какую ошибку сдѣлалъ императоръ Александръ, усиливая Аястрію и Пруссію... Только теперь мы нашли правильный путь: съ Англіей и Франціей противъ нашихъ союзниковъ 1813 и 1814 г.г. лишить Германію ея сокрушительной силы, которую опа съ нашей легкой руки сумѣла накопить за сто лѣтъ— такова правильная задача нашей внѣшней политики. И подобно тому, какъ «народный» характеръ настоящей войны сдѣлался возможнымъ лишь благодаря тому, что Россія жила десять лѣтъ при новомъ политическомъ порядкѣ, такъ и новая политика оказалась осуществимой только потому, что руководители нашей дипломатіи могутъ опереться на народное представительство, на нашу Думу. Въ обоихъ отношеніяхъ сто лѣтъ прошли не даромъ». Для подобнаго рода сопоставленій есть, дѣйствительно, нѣкоторыя данныя въ этихъ живыхъ легко написанныхъ очеркахъ, но достаточно серьезныхъ и научныхъ. Однако, въ приведенныхъ сопоставленіяхъ авторъ едва-ли вполнѣ послѣдователенъ: болѣе «народный» характеръ современной войны, нежели въ 1812 году, обусловленъ, быть можетъ, болѣе тѣсной связью съ народными массами командующихъ торгово-промышленныхъ интересовъ, нежели та, что была въ 1812 г. у дворянства и крестьянства; но по существу, насколько и настоящая война безусловно «народна», скажутъ окончательно только наши потомки. Книга г. Дживелегова цѣнна и помимо этихъ сопоставленій. Въ ней послѣдовательно проведенъ взглядъ на первенствующее значеніе въ историческихъ явленіяхъ реальныхъ отношеній силъ между общественными классами и сохранена въ то же время достаточная объективность.

Ч. Ч—скій.

— Аполлонъ Григорьевъ. Мои литературныя и нравственныя скитальчества. Съ послѣсловіемъ и примѣчаніями Павла Сухотина. Стр. 253+2. Москва. Кн—во К. Ф. Некрасова. Цѣна 1 р.

Намъ пришлось уже отмѣтить изданіе автобіографіи Аполлона Григорьева, выпущенное издательствомъ Башмаковыхъ подъ редакціею В. Ѳ. Саводника и сопровожденное обстоятельнымъ біографическимъ и историко-литературнымъ комментаріемъ редактора. Новое изданіе съ внѣшней стороны значительно изящнѣе, къ нему приложены два портрета Григорьева и два вида. Но послѣсловіе и при-

мѣчанія несравненно скуднѣе. Неизвѣстно, для какихъ причинъ понадобилось г. Павлу Сухотину въ послѣсловіи, коротенькой характеристикѣ Аполлона Григорьева, обругать Добролюбова и «либеральныя кривлянія «Искры», Иринарха Введенскаго. Кажется, дѣла давно прошедшія и можно бы отнестись къ былымъ противникамъ Григорьева, если не согласенъ съ ними, съ терпимостью, не отказывая имъ въ правѣ на нѣкоторое уваженіе. Между тѣмъ, ставъ, вслѣдъ за Достоевскимъ, на защиту Григорьева, какъ истинно-русской натуры, оказавшейся не ко времени, г. Сухотинъ, напр., съ пристрастіемъ допрашиваетъ относительно Добролюбова: удобно ли изъ-за великой любви къ самому себѣ, да и пользуясь еще притомъ голосомъ вождя, готовить себѣ мѣстечко на извѣстность въ родномъ краю? Введенскаго, безусловно безкорыстнаго труженика и большого неудачника, котораго высоко цѣнилъ А. Григорьевъ, г. Сухотинъ, безо всякихъ основаній и даже безъ повода говорить о немъ, относитъ къ «блистательнымъ схоластамъ, жившимъ исключительно дилеммами и софизмами, которыми для ближайшихъ цѣлей они управляли съ величайшей любовью». Въ недоумѣніе приводитъ окончаніе статьи г. Павла Сухотина. «Отходишь отъ нихъ (отъ страницъ исповѣди Григорьева) съ обычнымъ для насъ чувствомъ русской правды: лучшіе люди спиваются или странничаютъ. Но въ этой горечи есть и благословеніе,—оглядываясь на нихъ *нынѣ*, думаешь: а поэзія уходитъ изъ міра!» Что же благословеннаго въ пьянствѣ русскихъ людей или въ уходѣ поэзіи изъ міра?.. Примѣчанія редактора къ тексту состоятъ изъ простыхъ перепечатокъ: десять строкъ Страхова о наружности Григорьева, извѣстный «послужной списокъ» его, нѣсколько страничекъ изъ «Раннихъ годовъ моей жизни» Фета и «Цыганская венгерка» Григорьева. Цѣна 1 р. за все это слишкомъ дорога.

Ч. В—скій.

—Инженеръ И. М. Козьминыхъ-Ланинъ. Нѣсколько сравнительныхъ таблицъ къ моимъ изслѣдованіямъ объ артельномъ харчеваніи фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губ. Москва 1915.

—Его же. Артельное харчеваніе фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губ. Съ предисловіемъ П. А. Вихляева. Москва. 1915.

Неутомимый изслѣдователь фабричнаго быта московскихъ рабочихъ, И. М. Козьминыхъ-Ланинъ, четыре послѣднихъ выпуска своихъ работъ посвятилъ вопросу объ артельномъ харчеваніи фабрично-заводскихъ рабочихъ, заимствовавъ необходимыя данныя изъ тѣхъ счетовъ, которые ведутся артельными старостами и предста-

вляются въ фабричныя конторы. Выпуски эти содержатъ данныя, касающіяся всего тридцати артелей на двѣнадцати фабрикахъ и заводахъ; но такъ какъ эти данныя обнимаютъ около девяти милліоновъ единичныхъ харчевыхъ дней и относятся къ рабочимъ и разнаго пола, и разной степени квалифицированности, то ихъ нельзя не признать важнымъ матеріаломъ по данному вопросу. Интересъ этого матеріала усугубляется тѣмъ, что имъ рисуется состояніе питанія московскихъ рабочихъ за цѣлое двѣнадцатилѣтіе, т.-е. рисуется не только статика, но и динамика даннаго явленіи со стороны рода потребляемыхъ продуктовъ, ихъ цѣны, количества и стоимости каждаго продукта, приходящагося на одинъ день и на одного человѣка, количества питательныхъ началъ, получаемыхъ рабочимъ въ пищѣ (по каждому питательному предмету и ихъ совокупности) и усвояемыхъ имъ (то и другое исчислено на основаніи данныхъ о составѣ различныхъ пищевыхъ веществъ и усвояемости питательныхъ началъ, даваемыхъ извѣстными гигіенистами). По этимъ предметамъ даются и общія, и среднія числа въ процентномъ отношеніи. Въ трехъ выпускахъ данныя о количествѣ и стоимости пищевыхъ веществъ на каждую артель и на одинъ харчевой единичный день относятся къ каждому мѣсяцу года. Въ книжкѣ, стоящей на первомъ мѣстѣ въ заголовкѣ нашей замѣтки, стоимость единичнаго харчевого дня, количество и стоимость приходящагося на такой день каждаго отдѣльнаго пищевого вещества и цѣна пуда послѣдняго, количество принимаемыхъ и усвояемыхъ организмомъ бѣлковъ, жировъ и углеводовъ по каждой артели исчислены, въ среднемъ, за каждый изслѣдованный годъ.

Данная работа И. М. Козьминыхъ-Ланина, какъ и прочія его изданія, состоятъ изъ таблицъ съ короткимъ къ нимъ введеніемъ; но ко второй изъ выше названныхъ книгъ приложенъ текстъ, составленный П. А. Вихляевымъ, переводящій языкъ цифръ на языкъ словъ, и это изданіе московской губернской земской управы представляетъ цѣнность не только для самостоятельнаго изслѣдователя, но и для всякаго, кто интересуется так. наз. рабочимъ вопросомъ.

Изъ того, что̀ было сказано выше, читатель легко себѣ представитъ, какую массу труда потратилъ почтенный авторъ на составленіе данныхъ таблицъ, въ добавленіе къ таковымъ же затратамъ на предшествующую дюжину его изданій. И невольно приходитъ въ голову вопросъ: скоро ли явятся такія лица, которыя заинтересуются богатымъ и тщательно разработаннымъ матерьяломъ, заключающимся въ полуторѣ десяткѣ изданій И. М. Козьминыхъ-Ланина, и воспользуются имъ для общедоступной характеристики подлежащихъ

важныхъ явленій фабрично-заводскаго быта; или такія ожиданія тщетны, и г. К.-Ланину придется не только собирать матерьялы и группировать ихъ въ таблицы, но самому истолковывать ихъ смыслъ и значеніе соотвѣтствующихъ явленій?

В. В.

— Н. и Е. Ельмановы У насъ свой садикъ. Разсказы для младшаго возраста. Съ 48 рис., стр. 54. Петроградъ 1915 г. Ц. 50 к.

Для большинства дѣтей, принужденныхъ, въ силу общихъ семейныхъ условій, вести городской образъ жизни, лѣто является единственнымъ временемъ года, когда можно, хотя бы нѣсколько, подойти ближе къ природѣ, присмотрѣться къ ней и набраться новыхъ, свѣжихъ впечатлѣній на предстоящую, долгую зиму. Книга Н. и Е. Ельмановыхъ и составлена съ цѣлью дать дѣтямъ въ руки пособіе, пользуясь которымъ ребенокъ смогъ бы, притомъ совершенно самостоятельно, ознакомиться съ цѣлымъ рядомъ явленій, мимо которыхъ дѣти ежедневно проходятъ, совершенно не подозрѣвая о ихъ значеніи и глубокомъ смыслѣ. Общая задача, поставленная себѣ авторами разсматриваемой книги, сводится къ тому, чтобы заинтересовать ребенка явленіями природы, заставить его полюбить ее. Средствомъ, ведущимъ къ достиженію поставленной цѣли, авторы избрали первоначальныя работы по прикладной ботаникѣ—устройство небольшого цвѣточнаго сада, огорода и ягодника. Авторы начинаютъ съ описанія посѣва сѣмянъ, первоначальнаго ухода за сѣянцами, далѣе слѣдуетъ устройство и разбивка сада, уходъ за высаженными растеніями, устройство огорода и небольшого ягодника (клубника и малина). По мѣрѣ усложненія ухода, описываются все новыя и новыя работы, при чемъ обращается вниманіе и на теоретическую сторону дѣла—сообщаются свѣдѣнія по біологіи растеній и т. под. Вопросамъ физіологіи и біологій растеній посвящены три спеціальныхъ главы, въ которыхъ заключается какъ бы общая сводка всѣхъ практическихъ работъ и наблюденій, произведенныхъ дѣтьми въ своемъ саду. Книга сообщаетъ массу фактовъ, у читателя не остается невыясненнымъ ни одного вопроса изъ затронутыхъ здѣсь; распредѣленіе матеріала сдѣлано очень послѣдовательно. Интересна первая глава, трактующая о выгонкѣ въ цвѣтъ въ комнатныхъ условіяхъ вѣтокъ черемухи, сирени и проч. Хотя описанныя здѣсь работы могутъ быть цѣликомъ выполнены лишь въ центральной и южной Россіи, но хотя бы ужъ одно появленіе листьевъ на вѣткѣ, притомъ еще зимой, въ комнатѣ, можетъ доставить ребенку много удовольствія и матеріала для на-

блюденій. Съ внѣйшней стороны книга издана превосходно и по своей цѣнѣ не дорога. Обиліе хорошо исполненныхъ рисунковъ сильно украшаетъ книгу и служитъ хорошимъ пособіемъ къ тексту.

— О. Шмейль. Животныя. Основы ученія о жизни и строеніи животныхъ. Стр 441 съ 511 рис. Ц. 1 р. 85 к.

Учебники зоологіи и ботаники О. Шмейля отличаются, помимо своего изложенія, еще и спеціальнымъ методомъ—въ описаніи животныхъ и растеній авторъ постоянно выдвигаетъ на первый планъ біологическія особенности ихъ, въ зависимости отъ окружающихъ условій и даетъ, такимъ образомъ, общую картину жизни того или другого отдѣла естествознанія. Педагогичность такого метода давно уже оцѣнена, и это обстоятельство служитъ причиною распространенія учебниковъ Шмейля въ школахъ и популярныхъ сочиненій того же автора въ обществѣ. Разсматриваемое новое изданіе учебника по зоологіи представляетъ собою систематическое описаніе всѣхъ отдѣловъ ученія о позвоночныхъ и безпозвоночныхъ животныхъ. Кромѣ общихъ свѣдѣній, относящихся къ данному типу, классу или отряду, при спеціальномъ описаніи отдѣльныхъ видовъ приведено много характерныхъ особенностей даннаго вида, начиная со свѣдѣній теоретическаго характера происхожденія, сравнительно-анатомическихъ данныхъ, физіологическихъ отправленій и кончая значеніемъ даннаго съ точки зрѣнія хозяйственно-экономической.

Во многихъ случаяхъ, учебникъ зоологіи Шмейля можетъ принести большую пользу для самообразованія—читается книга очень легко, и читатель въ короткое время можетъ составить себѣ полную и ясную картину современнаго состоянія науки о жизни животныхъ и ихъ строеніи. Кромѣ того, разсматриваемой книгой можно пользоваться въ качествѣ справочника, напр. при коллекціонированіи, опредѣленіи животныхъ и проч. Въ послѣднемъ случаѣ большую услугу могутъ оказать многочисленные, прекрасно выполненные рисунки, составляющіе, сами по себѣ, одну изъ цѣнныхъ особенностей этой книги.

Н. Сумъ.

— А. А. Кроликъ. „Идеи законодательнаго творчества и закономѣрнаго развитія права въ новѣйшей юриспруденціи". Спб., 1913. Ц. 60 коп.

Г. Кроликъ—адептъ идеи совершенствованія права путемъ законодательнаго творчества; брошюра его посвящена судьбѣ этой

идеи въ XIX в., судьбѣ, какъ извѣстно, весьма незавидной. Идея законодательнаго творчества въ естественно-правовой окраскѣ XVIII вѣка была проникнута анти-историческимъ духомъ. Въ XIX вѣкѣ восторжествовала идея закономѣрности историческаго развитія, вмѣстѣ съ антипатіей ея носителей ко всякимъ попыткамъ людскимъ руководительствомъ нарушить «безмятежный ходъ» исторіи. Понятіе закономѣрнаго развитія—неустранимый элементъ современной научной мысли; отъ примиренія съ этимъ понятіемъ зависитъ, по мнѣнію г. Кролика, существованіе науки о законодательномъ творчествѣ, законодательной политики. При всей теоретической правильности этого положенія, намъ думается, что авторъ преувеличиваетъ ту роль, которую идея исторической закономѣрности сыграла въ изгнаніи идеалистическихъ и реформаторскихъ тенденцій изъ обихода юриспруденціи. Поскольку дѣло идетъ объ обстоятельствахъ, отъ науки не зависѣвшихъ, объ окружавшей ее общественной атмосферѣ, самъ авторъ, вслѣдъ за проф. Л. І. Петражицкимъ, указываетъ, что главной причиной изгнанія явилось «общее реакціонное настроеніе общества» (стр. 26); что же касается условій, дѣйствовавшихъ внутри самой науки и предрасполагавшихъ ее къ игнорированію правно-политическихъ задачъ, то здѣсь нужно винить, на нашъ взглядъ, не столько ложно понятый историзмъ, сколько отсутствіе ученія о причинномъ дѣйствіи права, его соціальныхъ функціяхъ и значеніи, при чемъ даже не было «сознанія умѣстности и необходимости изученія права съ этой стороны» [1]). Если бы въ распоряженіи юриспруденціи имѣлись соотвѣтственныя положенія, если бы передъ идейнымъ взоромъ ея стояли неизбѣжныя соціально-полезныя послѣдствія одного права, соціально-вредныя другого, и то мысль о соотвѣтственномъ отношеніи каждому изъ этихъ правъ возникла бы сама собою, не выжидая, чтобы съ ней «примирилась» та или иная идея, напр., идея закономѣрнаго развитія.

Разсмотрѣвъ ученія исторической школы, Іеринга, Штаммлера, авторъ находитъ возможнымъ дать отвѣтъ на занимающій его вопросъ изъ психологической теоріи права проф. Петражицкаго. Съ одной стороны, на извѣстномъ уровнѣ развитія правовая психика пріобрѣтаетъ способность реагировать на законы, какъ авторитетно-нормативные факты, и опредѣляться ими, не требуя, чтобы содержаніе закона соотвѣтствовало непремѣнно наличнымъ въ данной соціальной средѣ правоубѣжденіямъ; развивается «абстрактное сознаніе обязательности законовъ», открывающее законодателю возможность введенія въ правовую жизнь желательныхъ, по усмотрѣнію

---

[1]) Л. І. Петражицкій, „Теорія права и государства", стр. 746.

творимыхъ началъ. Съ другой стороны, свободу законодателя ограничиваетъ законъ «неизбѣжнаго приноровленія права къ уровню человѣческой психики» силою безсознательнаго соціально-психическаго приспособленія. Законодатель свободенъ до тѣхъ поръ, пока онъ считается съ даннымъ состояніемъ человѣческой психики; право, не соотвѣтствующее этому состоянію, «обречено на неминуемую гибель», законы «остаются мертвой буквой и не вызываютъ къ жизни желаемаго права» (стр. 99). Такое разрѣшеніе вопроса страдаетъ чрезмѣрнымъ оптимизмомъ; вѣра автора въ немедленную кассацію неудачныхъ рѣшеній законодателя здоровыми факторами народной психики не оправдывается печальными примѣрами неудачныхъ, ретроградныхъ или преждевременныхъ законовъ, и не находитъ опоры въ психологической теоріи права. Можно говорить лишь о меньшихъ шансахъ на успѣхъ недоброкачественныхъ продуктовъ законодательнаго творчества и о томъ, что, въ общихъ и крупныхъ чертахъ, законы не въ силахъ нарушить закономѣрный ходъ развитія права.—Въ концѣ книги авторъ говоритъ о грандіозности задачъ, подлежащихъ въ наше время законодательному разрѣшенію, и о верховномъ идеалѣ, къ которому надлежитъ при этомъ стремиться, т.-е. вступаетъ собственно въ область политики права.

Е. Яновскій.

— Н. А. Рубакинъ. Практика самообразованія среди книгъ и читателей. Москва. 1914 г. Цѣна 75 к.

Эта книга является частью огромнаго труда, посвященнаго вопросамъ самообразованія. Цѣль автора—придти на помощь читателю, указать ему не только книгу, нужную для самообразованія, но помочь совѣтомъ, а когда нужно, то и ободрить упавшаго духомъ и потерявшаго вѣру въ свои силы. Вся книга имѣетъ характеръ бесѣды, переписки съ читателями, которые обращаются къ нему за указаніями изъ самыхъ различныхъ уголковъ Россіи. За два послѣднихъ года авторъ получилъ 7 тысячъ писемъ, и изъ этой переписки выросли многія главы его трехтомнаго труда. Въ послѣдней его части, служащей предметомъ настоящей замѣтки, намѣчается та схема знаній, которая составляетъ необходимую составную часть общаго образованія и которая нужна для выработки міросозерцанія. Авторъ очень, даже слишкомъ подробно выясняетъ, что̀ должно понимать подъ выработкой міросозерцанія и какъ къ нему стремиться. Затѣмъ слѣдуетъ указатель книгъ по беллетристикѣ, разсматриваемой, какъ могущественное орудіе для воспитанія высшихъ

человѣческихъ чувствъ, настроеній и стремленій, чуткости и отзывчивости въ области личныхъ и общественныхъ отношеній. Авторъ находитъ, что чтеніе беллетристическое и научное взаимно дополняютъ другъ друга. Переходя къ вопросу, какъ читать, онъ ставитъ длинный рядъ вопросовъ, на которые долженъ дать себѣ отвѣтъ читатель. По этимъ вопросамъ легче разобраться въ прочитанномъ, легче найти глубокій смыслъ произведенія, оцѣнить его съ художественной стороны, найти въ немъ отраженіе общественнаго движенія и личныхъ переживаній прикладной психологіей. Все это прекрасно, но чтобы продѣлать предлагаемую работу, пришлось бы потратить слишкомъ много времени: вопросникъ Н. А. Рубакина очень великъ. Въ научномъ отдѣлѣ указано 600 книгъ, и о каждой данъ краткій отзывъ, характеризующій книгу съ точки зрѣнія изложенія и передающій ея содержаніе. Авторъ думаетъ, что чтеніе должно быть строго индивидуализировано, сообразно со вкусами и способностями читателя. Характеризуя главнѣйшіе типы читателей, авторъ даетъ, примѣнительно къ нимъ, таблицу научно-популярныхъ и научныхъ книгъ по всѣмъ главнѣйшимъ отраслямъ знанія.

А. Т.

— La population de la Turquie et de la Bulgarie au XVIII-e et XIX-e s. Recherches bibliographico-statistiques par le D-r Nicolas V. Michoff avec une préface en français. Изданіе Болгарской Академіи Наукъ („Сборникъ на Българската Академия на наукитѣ", книга IV. Клонъ историко-филологиченъ и философско-общественъ, 3). Софія, 1915. Стр. XVIII и 483.

Былъ въ Болгаріи великанъ мысли и слова, творецъ «Кровавой пѣсни» болгарскаго народа, авторъ проникновенной книги: «На Островѣ Блаженныхъ»—Пенчо Славейковъ. Непонятый, неразгаданный громаднымъ большинствомъ современниковъ, больше «par esprit de contradiction» цѣнимый молодежью, ушелъ пѣвецъ славной «эпопеи Балкана» изъ жизни наканунѣ тѣхъ страстныхъ и торжественныхъ для всего Балканскаго полуострова дней, когда зачатая въ фантазіи поэта «Кровавая пѣснь» претворилась въ жестокую жизненную правду. «Святое страданіе», котораго такъ не хватало слишкомъ практическому и трезвому болгарскому народу, «страданіе» искупительное, одухотворяющее, оживляющее, пѣвцомъ котораго былъ Пенчо Славейковъ, очистительной струей входитъ въ болгарскую жизнь. И то общество, которое еще такъ недавно не могло оцѣнить поэта, проповѣдывавшаго «поэзію творчества», поэзію борьбы и труда (всякаго труда, будь то трудъ пахаря или фило-

софа, лишь бы въ этомъ трудѣ было вдохновеніе творчества), это общество уже начинаетъ понимать, чѣмъ былъ и чѣмъ долженъ быть Пенчо Славейковъ для новой, обновленной въ страданіяхъ Болгаріи.

Ушелъ изъ жизни поэтъ, учившій «творить работая и работать творя», но осталась въ Болгаріи его «школа»—маленькая группа людей, разномыслящихъ, работающихъ въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ, но объединенныхъ любовью къ своему труду, ревностью къ стоящей передъ каждымъ задачѣ. Она мала еще эта «школа Пенчо Славейкова», но есть въ ней профессора, ученые, художники и поэты, и уже теперь можно съ увѣренностью сказать, что завѣты великаго болгарина восприняты его страной, что освященная страданіемъ любовь къ труду уже проникаетъ во всѣ области болгарской жизни.

Изслѣдованіе д-ра Н. Михова о населеніи Турціи и Болгаріи въ XVIII и XIX в.в. посвящено памяти Пенчо Славейкова. Авторъ изслѣдованія больше десяти лѣтъ работаетъ надъ исторической библіографіей Турціи и Болгаріи, обнимающей весь періодъ времени отъ открытія книгопечатанія до сегодняшняго дня. Въ процессѣ этой работы два обстоятельства обратили на себя вниманіе автора: во-первыхъ, оказалось, что изъ всѣхъ областей исторіи этихъ двухъ странъ полнѣе всего обработана и систематичнѣе всего изложена ихъ политическая исторія; во-вторыхъ—въ большей части этихъ трудовъ царитъ полнѣйшій библіографическій консерватизмъ. Исторія матеріальная—соціальная и экономическая—оставлена на второмъ, даже на третьемъ планѣ. А между тѣмъ въ послѣднее время центръ тяжести историческихъ изслѣдованій перенесенъ въ соціально-экономическую область; библіографическій же консерватизмъ стѣсняетъ рамки изслѣдованія и создаетъ убѣжденіе, что всѣ источники по разсматриваемымъ вопросамъ уже исчерпаны, и другой литературы не существуетъ. Отсюда желаніе автора самостоятельно предпринять изслѣдованіе въ области турецкой и болгарской исторіи, положить въ его основу факты изъ соціально-экономической области. Выборъ палъ прежде всего на *населеніе*, и такъ какъ большинство источниковъ по этому вопросу находилось въ библіотекахъ Германіи и Австріи, автору пришлось начать свою работу съ Мюнхенской библіотеки.

Задача, которую онъ поставилъ себѣ при изслѣдованіи, была двоякая: во-первыхъ—собрать какъ можно больше сочиненій, въ которыхъ говорится о населеніи Турціи и Болгаріи, и, во-вторыхъ, взять весь цифровой матеріалъ, содержащійся въ этихъ трудахъ. *Цифра населенія* была главнымъ объектомъ его занятій. Прежде всего онъ дѣлалъ справки въ библіотечномъ каталогѣ о тѣхъ сочиненіяхъ,

которыя уже раньше были ему извѣстны, и о тѣхъ трудахъ, въ которыхъ онъ предполагалъ найти матеріалъ для своей работы. Такимъ образомъ, ему пришлось перелистать свыше шести тысячъ томовъ, и въ результатѣ онъ выбралъ изъ нихъ 542 сочиненія, описанныхъ имъ въ его трудѣ. Эти выбранныя имъ сочиненія стали предметомъ вторичнаго, болѣе тщательнаго изученія, и только послѣ этого авторъ опредѣлилъ, что̀ и въ какомъ размѣрѣ должно быть взято изъ ихъ содержанія для книги.

Прежде, чѣмъ приступить къ цитатамъ изъ просмотрѣнныхъ сочиненій, авторъ указываетъ полное и точное заглавіе книги по строго-научной системѣ, и эта сторона его труда отличается добросовѣстностью, любовью къ дѣлу и библіографическимъ педантизмомъ. Послѣ описанія сочиненія приводится не только указаніе на то, въ какой библіотекѣ оно находится, но и сигнатура, подъ которой книга фигурируетъ въ данной библіотекѣ. Цитаты дѣлаются авторомъ съ неменьшей добросовѣстностью и педантичностью. Приводя цифру, онъ опредѣляетъ относительную стоимость текста, ее сопровождающаго, выясняя, является ли она надежной, точной или приблизительной, и откуда она взята. Если текстъ или цифровыя данныя казались автору недостаточно точными или подозрительными, онъ ограничивался отмѣтками и лаконическими цитатами. Зато въ тѣхъ случаяхъ, когда цифры и текстъ кажутся автору вѣрными и важными, онъ проявляетъ поразительную щедрость по отношенію къ цитатамъ и иногда приводитъ цѣлыя главы, со всѣми относящимися къ нимъ таблицами и т. п. матеріаломъ.

Эпохой, по отношенію къ которой авторъ изслѣдуетъ численность населенія Турціи и Болгаріи, являются XVIII и XIX в.в. Этотъ періодъ времени не былъ выбранъ произвольно. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью найти цифру населенія Турціи и Болгаріи, начиная съ того времени, когда подобная цифра появляется для западно-европейскихъ странъ, и до момента освобожденія Болгаріи. Въ Австрійской монархіи первое «описаніе душъ» относится къ 1754 г., въ Пруссіи—къ 1748 г., въ Англіи первая перепись была въ 1801 г., во Франціи—въ 1800 г. До какой степени у европейскихъ державъ не было положительныхъ цифръ своего населенія, видно изъ таблицъ *Зюсмильха*—самаго виднаго статистика XVIII в. Цифра населенія Англіи колебалась между 4 и 8 милліонами, цифра Франціи—между 17 и 20 милліонами, Германіи—между 20 и 24 милл.; Польши—между 6 и 12 мил.; Россіи—между 8 и 24 (!) милліонами. Если европейскія державы располагали столь неопредѣленными цифрами своего населенія, то можно ли удивляться тому, что данныя относительно населенія Европейской Турціи образуютъ ши-

рокую амплитуду—отъ 7 милліоновъ по однимъ до 22 милліоновъ по другимъ источникамъ.

Первая оффиціальная перепись населенія Турціи датируется 1844-мъ годомъ. Послѣ этого было нѣсколько переписей, но впервые оффиціальныя данныя о населеніи Турціи по вилайетамъ и санджакамъ были опубликованы въ 1877—78 г.г. До самаго освобожденія Болгаріи было трудно составить себѣ хотя бы приблизительное понятіе о населеніи Турціи и Болгаріи. Однимъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ, на которые наткнулся Берлинскій конгрессъ, былъ вопросъ о болгарскомъ населеніи. Вотъ что пишетъ по этому поводу Dottain въ своемъ трудѣ—«La Turquie d'Europe d'après le traité de Berlin»: «Il n'est pas de question ethnographique plus difficile à élucider que celle qui concerne ce peuple (les bulgares), et, en réalité, cette question a été la principale, pour ne pas dire l'unique difficulté contre laquelle le congrès s'est heurté». Въ опредѣленіи цифры болгарскаго населенія колебались между 510.000 и 8.000.000 душъ.

Если прибавить ко всему сказанному, что попутно авторъ даетъ массу указаній, касающихся населенія городовъ, иммиграціи и эмиграціи населенія, исторіи статистическихъ учрежденій въ Турціи, населенія Албаніи, Босніи и Герцеговины, Греціи, Румыніи, Сербіи и Черногоріи, и что въ приложеніи приведены заглавія еще 450 сочиненій, о которыхъ авторъ знаетъ или предполагаетъ, что въ нихъ содержится относящійся къ вопросу матеріалъ, но которыхъ онъ не могъ разыскать въ библіотекахъ—то, дѣйствительно, можно сказать, что авторъ рекомендуемаго мною труда блестяще справился съ своей задачей. Будущій историкъ балканскихъ земель будетъ избавленъ отъ нѣсколькихъ лѣтъ тяжелой подготовительной работы, которую съ такой любовью выполнилъ д-ръ Миховъ. Можно поздравить молодую Болгарскую Академію Наукъ и молодого болгарскаго статистика и библіографа съ цѣннымъ вкладомъ, внесеннымъ ими не въ болгарскую только, а и въ европейскую науку. Трудъ д-ра Михова могъ бы послужить примѣромъ и для нашей Академіи Наукъ, такъ какъ аналогичную работу необходимо исполнить и по отношенію къ Россіи.

Влад. Викторовъ-Топоровъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Русская литература XX вѣка. 1890 — 1910 г.г. Подъ ред. С. А. Венгерова. Выпуски III и IV.

О первыхъ двухъ выпускахъ этого изданія уже говорилось подробно на страницахъ „Вѣстника Европа". 3-й и 4-й продолжаются по тому же плану. Въ нихъ даны біографическія и автобіографическія свѣдѣнія и критическія статьи и обзоры о слѣдующихъ писателяхъ: Л. Гуревичъ (окончаніе автобіографіи, весьма подробной), А. Добролюбовъ, Д. Мережковскій, Н. Минскій, О. Сологубъ, Е. Чириковъ и начало статьи В. Базарова „Піонеры марксизма". Какъ сборникъ сырого матеріала, сопровожденнаго отличными портретами и интересными факсимиле, изданіе представляетъ несомнѣнный интересъ. Къ этой книгѣ обратится всякій, кому нужны свѣдѣнія о дѣйствующихъ нынѣ писателяхъ. Нѣкоторыя изъ посвященныхъ имъ статей весьма обстоятельны и внимательны. Назовемъ, какъ очень удачную, статью А. Г. Горнфельда о Сологубѣ, съ заключительнымъ объективно вѣрнымъ выводомъ объ этомъ своеобразномъ писателѣ: „пусть чуждъ мнѣ міръ его чувствъ, слишкомъ враждебенъ его міръ, какъ цѣлое.... Но учиться у него можно, ибо кой-что въ насъ ему понятнѣе, чѣмъ намъ самимъ. И не только понятнѣе, но и ближе".

Бенжаменъ Констанъ. Адольфъ. Повѣсть. Переводъ Ек. Андреевой, съ приложеніемъ двухъ главъ изъ книги Фагэ: „Политики и моралисты XIX вѣка". М. Кн—во К. Ф. Некрасова. MCMXV.

Книгоиздательство К. Ф. Некрасова выпустило за послѣдніе годы не мало переводовъ извѣстныхъ произведеній западно-европейской литературы. Романъ Констана, впервые переведенный еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ кн. П. А. Вяземскимъ и затѣмъ въ 1894 г. Львовичемъ-Кострицей, конечно, заслуживалъ новаго русскаго изданія. Напомнимъ, что въ оцѣнкѣ Пушкина романъ отнесенъ къ числу двухъ-трехъ, „въ которыхъ отразился вѣкъ, и современный человѣкъ изображенъ" довольно вѣрно, съ его безнравственной душой, себялюбивой и сухой, мечтанью преданной безмѣрно, съ его озлобленнымъ умомъ, кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ". Самый типъ Евгенія Онѣгина созданъ Пушкинымъ въ связи съ образомъ Адольфа. Къ сожалѣнію, выдержки изъ книги Фагэ, въ которой о значеніи „Адольфа" для русской литературы нѣтъ, конечно, ни слова, мало удовлетворятъ нашего средняго читателя, обычно плохо освѣдомленнаго въ исторіи чужихъ литературъ. Можно назвать „Литературу эмигрантовъ", въ „Главныхъ теченіяхъ" Брандеса, гдѣ историко-литературное значеніе Констана и его „Адольфа" объяснено гораздо полнѣе. Переводъ читается достаточно легко.

Проф. Д. М. Петрушевскій. Великая хартія вольностей и конституціонная борьба въ англійскомъ обществѣ во второй половинѣ XIII вѣка. М. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1915. IV + + 176 стр. Ц. 85 к.

Книжка содержитъ два очерка, поименованныхъ въ заглавіи и предназначена для студентовъ, занимающихся серьезно даннымъ моментомъ исторіи. Къ очеркамъ приложенъ латинскій и русскій текстъ Великой Хартіи и др. документовъ. Великая Хартія была подписана 15 іюня 1215 года, слѣдовательно, въ текущемъ году ей исполнилось семьсотъ лѣтъ. Новое политическое начало, внесенное въ жизнь Великою Хартіей, не только въ Англіи, но и повсемѣстно, привело къ реорганизаціи госу-

дарственнаго строя на началахъ народнаго представительства. Книжка выходитъ очень своевременно въ виду ожидаемаго оживленія интересовъ въ обществѣ къ внутреннему строю жизни нашихъ теперешнихъ союзниковъ, въ частности, можетъ быть, и къ ихъ конституціямъ.

Армянскій сборникъ. Книгоиздательство „Звѣзда" Н. Н. Орфенова. М. 1915. Стр. 266. Ц. 1 р.

Это одинъ изъ сборниковъ, идущихъ навстрѣчу малой освѣдомленности русскаго общества объ областяхъ, втянутыхъ въ міровую войну. Онъ составленъ изъ статей Ю. Веселовскаго, В. Тотоміанца, А. Дживелегова и другихъ авторовъ. Статьи посвящены прошлому Арменіи, современному состоянію турецкой Арменіи, армянской культурѣ, литературѣ, искусству, церкви. Имена авторовъ ручаются за точность и свѣжесть свѣдѣній.

Проф. Н. Н. Ѳирсовъ. Петръ III и Екатерина II. Первые годы ея царствованія. Опытъ характеристикъ. Съ портретами. Петроградъ. 1915. 108 стр. Ц. 75 к.

Авторъ задался мыслью пересмотрѣть характеристику Петра III и его царствованія, чтобы выяснить противорѣчіе между его установившейся личной репутаціей, какъ человѣка совершенно безнадежнаго, и между правительственной дѣятельностью въ его короткое царствованіе, когда было издано нѣсколько весьма важныхъ и серьезныхъ законоположеній, съ которыми пришлось считаться и его преемницѣ. Вопреки традиціи, г. Ѳирсовъ пытается показать, что при всей личной распущенности, легкомысліи и озорствѣ этого поклонника Фридриха Великаго, онъ не былъ чуждъ и добрыхъ намѣреній и просвѣтлѣній. Благодаря этому, дворцовый переворотъ, произведенный гвардейскими офицерами, вовсе не былъ дѣломъ „всего" отечества, дѣйствовавшаго якобы чрезъ своихъ „избранниковъ". Екатерина, взойдя на престолъ, конечно, поспѣшила взвести на своего супруга не мало лишнихъ поклеповъ. Характеристики и Петра III и Екатерины, данныя г. Ѳирсовымъ, обѣ очень живы и устанавливаютъ правильную перспективу на соотношеніе обоихъ царствованій.

Ч. В—скій.

Мы помнимъ Польшу. Литературно-художественный сборникъ. Подъ ред. Маріи Моравской. Петроградъ, 1915. Изд-тво „Прометей". Стр. 189. Ц. 1 р.

Книга подъ этимъ заглавіемъ появилась какъ нельзя болѣе кстати въ настоящее время. Все то, что касается Польши, должно представлять теперь особый, отчасти даже мучительный интересъ для русской читающей публики. Въ сборникѣ помѣщены стихи Эдварда Слонскаго въ переводѣ г. Ходасевича, „Три легенды" г-жи Маріи Моравской, стихи о „Прекрасной Польшѣ"—ея-же, поэма „Марина Мнишекъ"—Михаила Сандомирскаго, разсказы Я. Окунева „Красный Кутъ", г. Верхнеустинскаго—„Утренняя звѣзда", повѣсть Анны Маръ—„Тебѣ одному согрѣшила", и Густава Даниловскаго—„Польша" въ переводѣ г-жи Михайловой-Штернъ.

В. С. Зивъ. Иностранные капиталы въ русскихъ предпріятіяхъ. Вып. I. Германскіе капиталы. Петроградъ, 1915. Стр. 104.

Какъ видно изъ предисловія, три года тому назадъ, въ связи съ усиленными приготовительными работами по пересмотру торговыхъ договоровъ, въ нашемъ финансовомъ вѣдомствѣ возникла мысль о необходимости обстоятельнаго изученія степени участія иностранныхъ капиталовъ въ русской промышленности. Вышедшая нынѣ книжка г. Зива, отдѣльныя части которой были напечатаны въ „Вѣстникѣ финансовъ" за 1914 и 1915 годы, составляетъ первый отдѣлъ предположеннаго изслѣдованія и заключаетъ въ себѣ массу интересныхъ данныхъ о роли германскихъ капиталовъ въ русскихъ акціонерныхъ предпріятіяхъ. Излагаемыя авторомъ свѣдѣнія тѣмъ болѣе поучительны, что они собраны и разработаны имъ до войны, когда имѣлось еще въ виду заключить новый торговый договоръ съ Германіею. Новѣйшіе газетные толки о нѣмецкомъ засильи получаютъ болѣе правильное фактическое освѣщеніе въ матеріалахъ г. Зива, которые впрочемъ касаются лишь акціонерныхъ предпріятій.

І. М. Гольдштейнъ. Нѣмецкое иго и освободительная война. М., 1915. Ст. 51. Ц. 30 к.

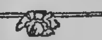
Этотъ небольшой сборникъ статей, посвященныхъ вопросамъ о войнѣ и о роли германскихъ капиталовъ въ русской промышленности, заслуживаетъ вниманія читателя. Авторъ принадлежитъ къ числу тѣхъ свѣдущихъ лицъ, которыя задолго до войны указывали на опасность дальнѣйшаго усиленія экономической зависимости отъ Германіи. Въ концѣ 1912 г., въ особомъ докладѣ, прочитанномъ въ спеціальной комиссіи министерства финансовъ, авторъ говорилъ о „вѣроятности тяжелыхъ осложненій съ Германіею и о тѣхъ опасностяхъ, которыми эти осложненія могутъ грозить престижу Россіи, быстро превращающейся въ экономическую колонію Германіи". Собранныя въ настоящей книжкѣ статьи были напечатаны въ газетѣ „Русское Слово" за время съ февраля 1913 по декабрь 1914 года, при чемъ первая изъ нихъ носитъ характерное заглавіе: „Достойна ли Россія быть колоніей Германіи".

Л. С.

Историческая Комиссія О. Р. Т. З. Война и Культура № 26. Кавказъ и Закавказье. Е. Чемоданова-Услаль. М. 1914 г.

Историческая комиссія при Техническомъ Обществѣ въ Москвѣ выпустила цѣлую серію брошюръ, посвященныхъ войнѣ и культурѣ. Серія поставила своей задачей дать широкимъ массамъ рядъ недорогихъ и доступныхъ по языку и содержанію книжекъ, въ которыхъ можно было бы найти отклики на всѣ событія текущаго момента. „Кавказъ и Закавказье" направлено къ той же цѣли, которая вполнѣ достигнута авторомъ. Въ бѣгломъ обзорѣ, изложенномъ легкимъ и красивымъ языкомъ, описаны природа Кавказа, его исторія, промышленность и населеніе. Посвящены отдѣльныя главы Грузіи, Арменіи и Армянамъ. „Дайте Кавказу миръ, и не ищите земного рая на Евфратѣ: онъ здѣсь, онъ здѣсь"—цитируется Томасъ Муръ. Очеркъ г. Чемодановой будетъ прочтенъ съ большимъ интересомъ и путешественникомъ по Кавказу, и учащимся-экскурсантомъ, и всякимъ, кого тянетъ къ себѣ Кавказъ.

А. Т.

Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Амфитеатровъ, А. В. Тайны боговъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Арбатскій, Е. М. Элементарный учебникъ латинскаго синтаксиса. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 90 коп.

Бертенсонъ, Л. Б. Еще къ вопросу о замѣнѣ иностранныхъ лечебныхъ мѣстъ и водъ русскими. Петроградъ, 1915 г.

Гольдштейнъ, І. М. Панамскій каналъ, паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, война и наши торговые договоры. Изд. 3-е. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Граціанскій, И. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 70 коп.

Гумбольдтъ, А. Ф. Центральная Азія. Пер. съ франц. П. И. Бороздина. Подъ ред. проф. Д. Н. Анучина. Т. I. Москва, 1915 г. Цѣна 3 руб.

Думбровскій, К. Рожденные въ странѣ изгнанія. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

З. З. Все о нихъ... Стихотворенія. Москва, 1915 г.

Зарудный, А. Н. Курорты и санаторіи Россіи. Описаніе 126 мѣстностей. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Зивъ, В. С. Иностранные капиталы въ русскихъ акціонерныхъ предпріятіяхъ. Вып. I. Германскіе капиталы. Петроградъ, 1915 г.

Иванцовъ, Д. Н. Къ критикѣ русской урожайной статистики. Петроградъ, 1915 г.

Кушнеръ, Борисъ. Родина и народы. Кн. 1-я. Критика ложныхъ мнѣній. Москва, 1915 г. Цѣна 25 коп.

Мережковскій, Д. С. Завѣты Бѣлинскаго. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 30 коп.

Моравская, Марія. Золушка думаетъ. Стихи. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

— Прекрасная Польша. Стихи. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 30 коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Исповѣдь женщинъ. Романъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Покровскій, М. Н. Очеркъ исторіи русской культуры. Часть I. Москва, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Роланъ, Роменъ. Жизнь Толстого. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Рорбахъ, П. Война и германская политика. Съ пред. проф. С. А. Котляревскаго. Москва, 1915 г. Цѣна 80 коп.

Рубакинъ, Н. Великій инквизиторъ. (Подъ гнетомъ времени). Истор. хроника XIII вѣка. Изд. 2-е. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Рукавишниковъ, Иванъ. Книга 9-я. Трагическія сказки. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Рыбниковъ, А. Промышленное льноводство. Москва, 1915 г.

— Торговая политика Германіи и война. Москва, 1915 г. Цѣна 40 коп.

Самойловъ, Як. Изъ поѣздки въ Сѣв. Америку въ 1913 году. Москва, 1914 г.

Семеновъ, Л. Къ вопросу о вліяніи Марлинскаго на Лермонтова. Воронежъ, 1915 г.

— М. Ю. Лермонтовъ. Статья и замѣтки. I. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Соболевъ, М. Н. Исторія русско-германскаго договора. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Толстой, Л. Н. Собраніе сочиненій. Подъ ред. А. М. Хирьякова. Серія II. Т. V, VII, VIII, IX. Петроградъ, 1915 г. Цѣна каждаго тома 1 руб.

Цингатовъ, А. Въ Россію можно только вѣрить! (Завѣтъ Ѳ. И. Тютчева). Изд. 2-е. Ростовъ-на-Дону, 1915 г. Цѣна 15 коп.

Шебуевъ, Николай, Собраніе сочиненій. Томъ V. Берта Берсъ. Романъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Эрнъ, Владиміръ. Время славянофильствуетъ. Москва, 1915 г. Цѣна 30 коп.

— Мечъ и крестъ. Москва, 1915 г. Цѣна 40 коп.

Вопросы колонизаціи. Періодическій сборникъ подъ ред. Г. Ф. Чиряина и Н. А. Гаврилова № 17. Петроградъ, 1915 г.

Вопросы финансовой реформы въ Россіи. Подъ ред. проф. В. Я. Желѣзнова. Т. I. Вып. I. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Генеральная карта Средне-Европейскаго и южнаго театра военныхъ дѣйствій. Подъ ред. проф. И. М. Шокальскаго. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Доклады Олонецкой губ. зем. управы губ. зем. собранію сессій 1914 г. Петрозаводскъ, 1915 г.

Жизнь и знаніе въ числахъ. Деревня. Часть 4-я, Вып. I и II. Систематическій сборникъ задачъ для 4-го отдѣленія начальной школы. Составл. подъ ред. С. В. Зенченко. Москва, 1915 г.

Журналы Олонецкой губ. зем. собранія сессій 1914 г. Петрозаводскъ, 1915 г.

Записка С. М. Соловьева. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Критическое пособіе. Сборникъ выдающихся статей русской критики за 100 лѣтъ. (Кирѣевскій-Айхенвальдъ). Т. V. Вып. 2-й. Русскіе критики послѣ Бѣлинскаго. Сост. Л. О. Вейнбергъ. Москва, 1915 г.

Къ еврейскому вопросу въ Польшѣ. Сборникъ статей съ предисловіемъ Н. Н. Полянскаго. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 к.

Матеріалы по вопросу средней школы. Петроградъ, 1915 г.

Можетъ ли Германія побѣдить? Пер. съ англ. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Мы помнимъ Польшу. Литературно-художественный сборникъ. Подъ ред. Маріи Моравской. Петроградъ. 1915 г. Цѣна 1 руб.

Отчетъ о дѣятельности Тульской Губ. Ученой Архивной Комиссіи. Тула, 1914 г.

Отчетъ по геологическому изслѣдованію фосфористыхъ залежей. Подъ ред. проф. Як. Самойлова. Москва, 1915 г.

Охрана жизни и здоровья рабочихъ въ промышленности. Часть I. Вып. 3. Изд. М—ва торговли и промышленности. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Очагъ слушательницъ Кіевскаго Фребелевскаго института. Кіевъ, 1915 г.

Протоколы засѣданій Бердянскаго уѣздн. зем. Собранія за 1914 годъ. Бердянскъ, 1915 г.

Россійскій легіонъ культуры и цивилизаціи. Ростовъ-на-Дону, 1915 г.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Подъ ред. пр.-доц. В. Строева. Вып. XIV, ч. 2-я. Вып. XV. Петроградъ, 1915 г.

Современная война въ русской поэзіи. Вып. 2-й. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Спеціальная карта турецкаго театра военныхъ дѣйствій. Подъ ред. проф. Ю. М. Шокальскаго. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Спеціальная карта франко-прусскаго театра военныхъ дѣйствій. Подъ ред. проф. М. П. Шокальскаго. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Статистическій вѣстникъ. Книга 4. Москва, 1915 г.

Труды совѣщаній Бакинскихъ обществъ потребителей. Баку, 1915 г.

Труды Тульской Губ. Ученой Архивной Комиссіи. Книга I. Тула, 1915 г. Цѣна 5 руб.

Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губ. за 1913 годъ. Уфа, 1915 г.

Чего ждетъ Германія отъ войны. Бесѣды съ германскими общественными дѣятелями. Ред., прим. и предисл. Р. Стрѣльцова. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

1914 г. въ сельскохозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ

отъ хозяевъ. Вып. I. 1915 г. Вып. VII. Петроградъ, 1915 г.

Сшанковић, П, Тодор. Белешке о староj Србjи—Македонjи. Ним. 1915. Цена 2 дин.

Hersch, L., d-r. La mortalitê chez les neutres en temps de guerre. Genéve, 1915. Prix 1 fr.

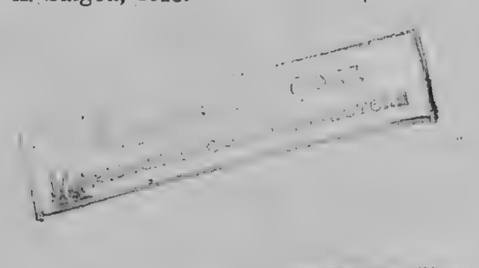
Moloy-de P. I. Guillaume I et Guillaume II. Saigon, 1915.

— Mes deux chançons. Saigon, 1915.

— La triplice, la triple entente et le grand turc. Saigon, 1915.

Singer, Arthur. Histoire de la triple alliance. Traduit de l'allemand par Louis Suret. Paris, 1915. Pr. 8 fr.

La nation tchèque. Revue bi-mensuelle № 4. Paris, 1915.

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.

